

Искусство
и культура Европы
эпохи Возрождения и раннего
Нового времени

Серия основана в 1999 г.

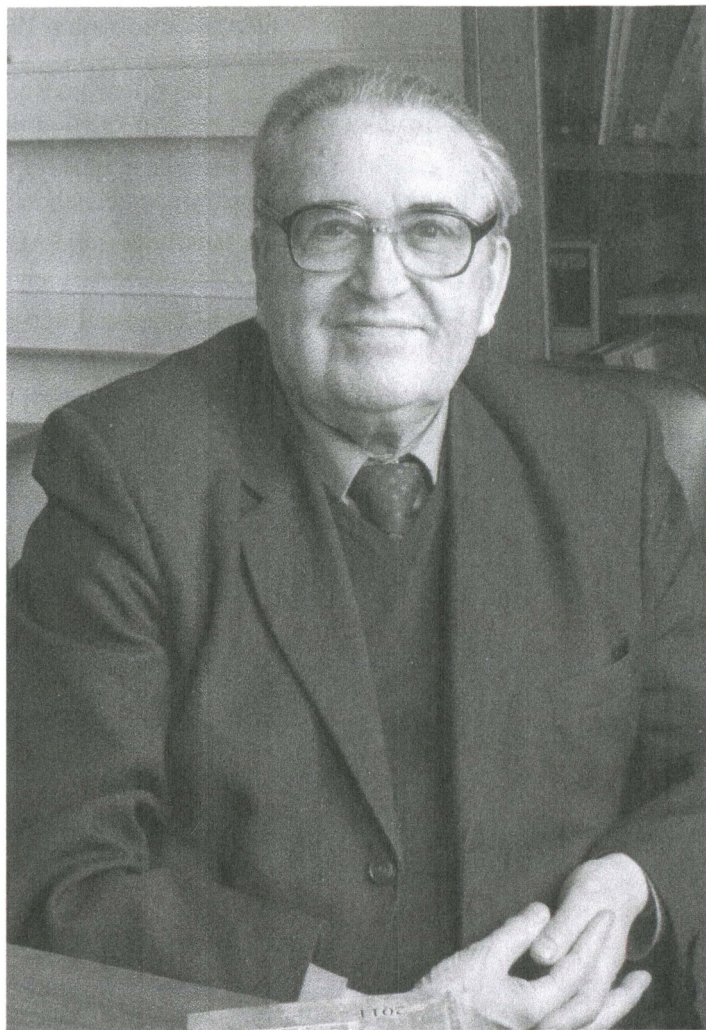
В подготовке серии
принимали участие ведущие специалисты

Центра гуманитарных
научно-информационных исследований

Института научной информации
по общественным наукам,

Института российской истории,

Института философии
Российской академии наук

W. H. Anderson

Илл. 1. Мастер Петrarки. Ксилография к диалогу «О религии»

Юсим М.А.

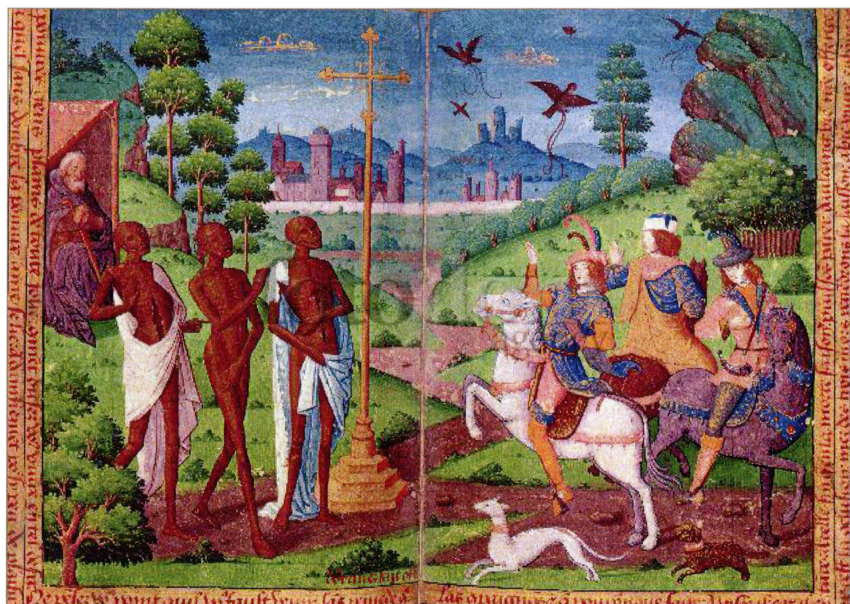

Илл. 1. Витторе Карпаччо.
Портрет молодого рыцаря. 1510 ?
Музей Тиссен-Борнемиса. Мадрид

Илл. 2.

Приписывается Дюреру.
Из мастерской М. Вольгемута.
Сотворение птиц.
Гравюра по дереву
из «Нюрнбергской хроники».
(По статье С. Козэн)

Илл. 4. Трое мертвых и трое живых, из Часослова Карла V, около 1510 г., Национальная библиотека. Мадрид

Илл. 5. Витторе Карпаччо. Видение св. Августина. 1502. Скуола ди Сан-Джорджо, Венеция

Илл. 6 и 7. Детали картины В. Карпаччо «Портрет рыцаря». По статье: Paris Laura. La flora del ritratto di cavaliere di Vittore Carpaccio: una conferma iconografica per Francesco Barbaro il giovane // «Arte in Friuli Arte a Trieste». 2013. N 30

Илл. 8. Рукопись присяги прокуратора Сан Марко Франческо Барбаро, 1452. Вена, Австрийская национальная библиотека. (Из статьи: Paris Laura. La flora...)

Илл. 9. Тициан Вечеллио. Портрет Франческо Марии делья Ровере. Между 1536–1538 гг. Галерея Уффици. Флоренция

Илл. 10. Рафаэль Санти.
Портрет молодого человека с яблоком.
Ок. 1504 г. Галерея Уффици. Флоренция

Илл. 11. Витторе Карпаччо.
Портрет рыцаря. Деталь.
Музей Тиссен-Борнемиса. Мадрид

Илл. 12. Фрагмент фасада
Палаццо Габриели. Венеция

Илл. 13. Конрад Грюненберг. Модон. Описание путешествия из Констанца
в Иерусалим. Ок. 1487 г. Библиотека Земли Баден, Карлсруэ

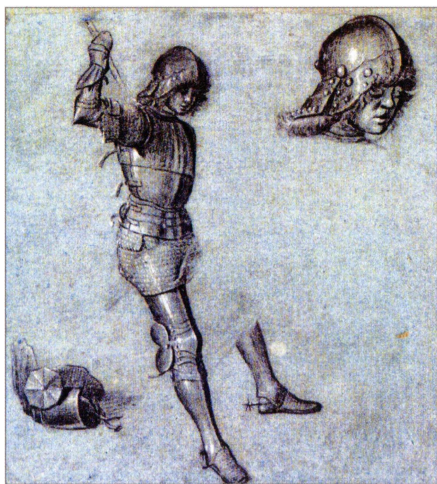
Илл. 14. Современная фотография Модона

Илл. 15. Витторе Карпаччо. Мертвый Христос. Ок. 1510 г.
Национальная галерея, Берлин

Илл. 16. Витторе Карпаччо.
Прибытие в Кёльн.
Из цикла «История святой Урсулы».
1490 г. Галерея Академии. Венеция

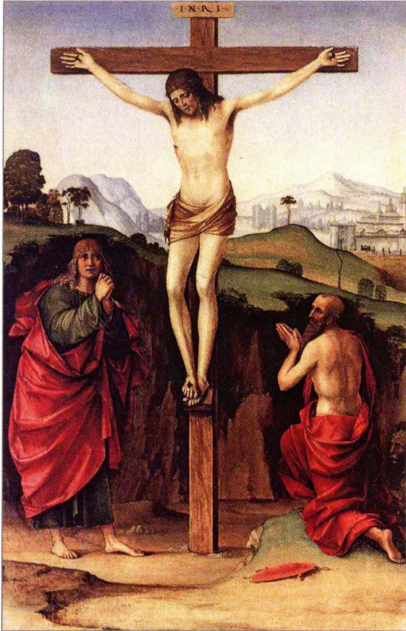
Илл. 18. Витторе Карпаччо.
Рисунок. (Ок. 1505),
Метрополитен музей. Нью Йорк

Илл. 17. Витторе Карпаччо. Молитва
в Гефсиманском саду. 1502. Скуола
далмата ди Сан Джорджо. Венеция

Илл. 19. Предполагаемый портрет
Франческо Марии I дельла Ровере,
герцога Урбинского.
Бартоломео Венето, около 1508 г.
Музей Ка'Реццонико, Венеция

Илл. 1. Франческо Франча. Распятие со св. Иоанном Евангелистом и св. Иеронимом. Городской музей. Болонья

Илл. 2. Франческо Франча. Св. Стефан. Галерея Боргезе. Рим

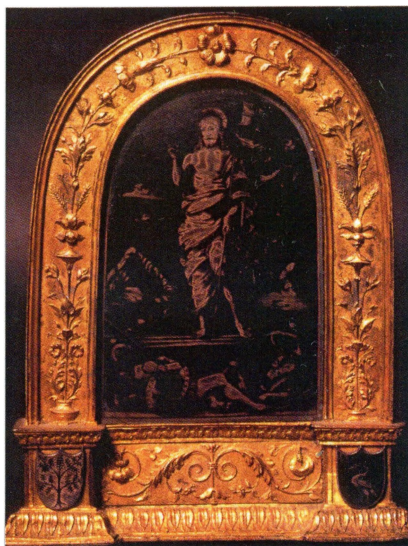
Илл. 3. Франческо Франча. Алтарь Феличини. 1494. Пинакотекa. Болонья

Илл. 4. Франческо Франча. Поклонение младенцу. 1499. Пинакотекa. Болонья

Илл. 5. Франческо Франча.
Распятие. Пинакотекa. Болонья

Илл. 6. Франческо Франча.
Воскресение Христа.
Пинакотекa. Болонья

Илл. 7. Франческо Франча.
Принесение во храм. Чезена,
Санта Мария дель Монте

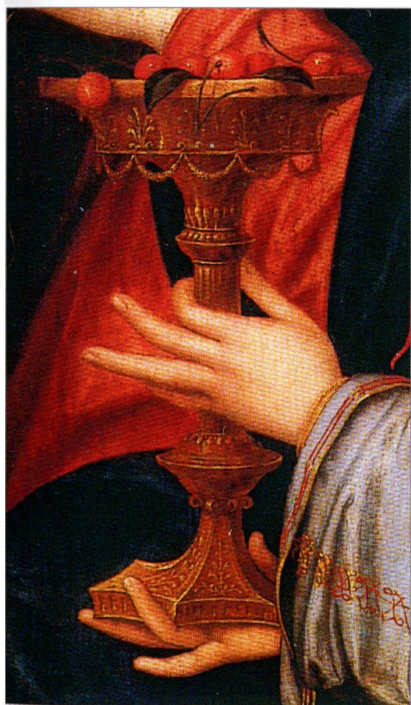
Илл. 8. Франческо Франча.
Пармский алтарь. 1515.
Пинакотекa. Парма

Илл. 9. Франческо Франча.
Пармский алтарь 1515. Фрагмент

Илл. 10. Франческо Франча. Портрет
Федериго Гонзага. 1510.
Метрополитен музей. Нью-Йорк

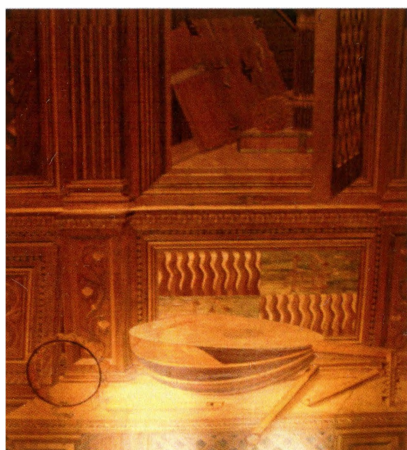
Илл. 11. Франческо Франча (?).
Мадонна с младенцем и ангелом.
Фрагмент. Национальная галерея.
Лондон

Илл. 12. Франческо Франча.
Алтарь Сан Мартино. Сан Мартино,
капелла 1. Болонья

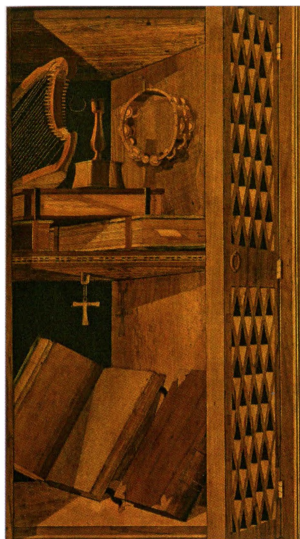
Илл. 1. Студиоло Федерико
да Монтефельтро.
Палаццо Дукале, Урбино

Илл. 2. Лютня, бубен и флейты.
Фрагмент интарсии северной стены
студиоло. Палаццо Дукале, Урбино

Илл. 3. Интарсии южной стены
студиоло. Палаццо Дукале, Урбино

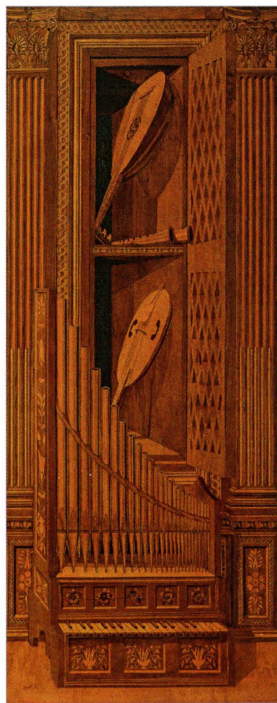
Илл. 4. Фрагмент панно западной стены. Интарсия из студиоло в Губбио. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Илл. 5. Интарсии студиоло Федерико да Монтефельтро из Палаццо Дукале в Губбио. Юго-западный угол. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Илл. 6. Ребек со смычком в закрытом шкафу. Фрагмент интарсии из студиоло в Губбио. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

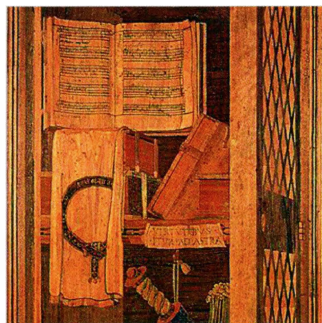
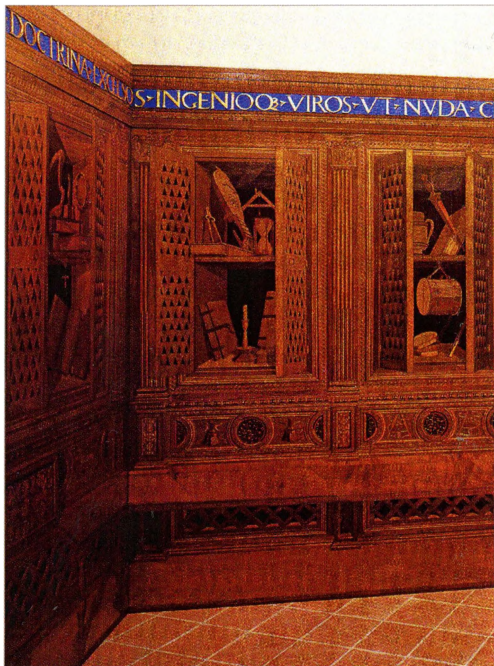

Илл. 7. Шкаф и скамья с музыкальными инструментами. Интарсия из студиоло в Губбио. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Илл. 8. Фрагмент панно над дверью. Интарсия из студиоло в Губбио. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Илл. 9. Интарсии студиоло Федерико да Монтефельтро из Палаццо Дукале в Губбио. Северо-западный угол. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

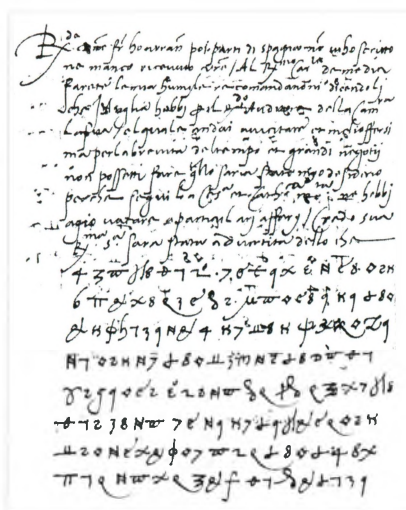

Илл. 10. Партитура «J'ai pris amour». Фрагмент интарсии южной стены студиоло. Палаццо Дукале, Урбино

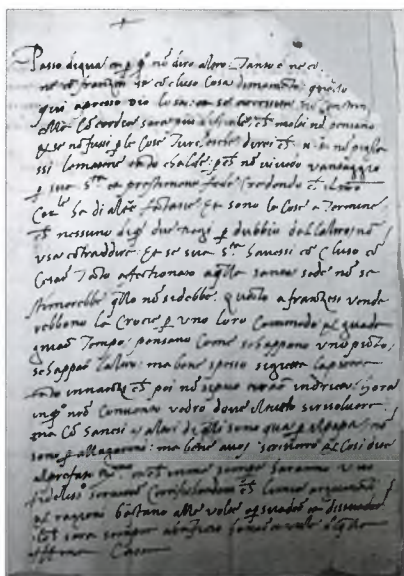
Илл. 11. Йос ван Вассенхове и Педро Берругете (?). Музыка. Дерево, масло. 156,3 x 97,4 см. Национальная галерея, Лондон

Буква	Символ	Буква	Символ	Буква	Символ	Буква	Символ
A	⌘	H	⌘	R	⌘	NN	⌘
B	+	I	⌘	S	⌘	PP	⌘
C	⌘	L	⌘	T	⌘	Qua	⌘
D	⌘	M	⌘	UV	⌘	Que	⌘
E	⌘	N	⌘	Z	⌘	RR	⌘
F	⌘	O	⌘	Nulla	⌘	SS	⌘
G	⌘	P	⌘	CC	⌘	TT	⌘

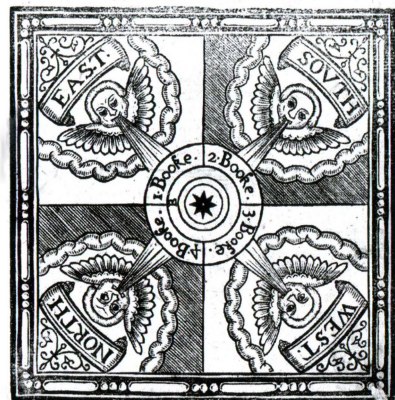
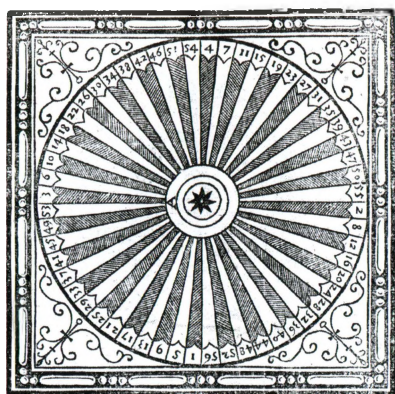
Илл. 1. Ключ к личному шифру
Т. Спинелли, 1515–1522 гг.
Реконструкция

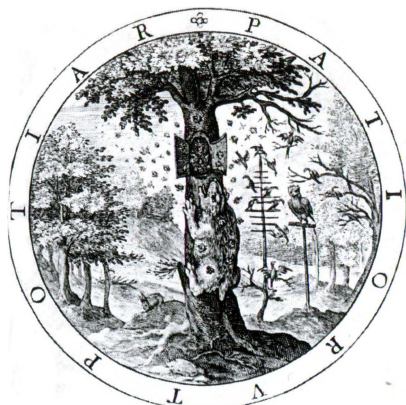
Илл. 2. Письмо Т. Спинелли
к Л. Спинелли, Антверпен, 2 июля
1520 г. (Beinecke Rare Book and
Manuscript Library, Yale University,
Spinelli Archive, Gen Mss 109,
box 126, Folder 2583. Fol 1r.)

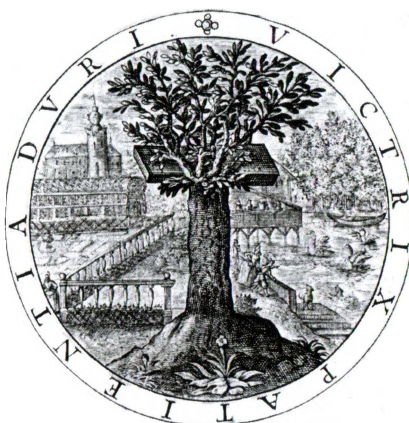
Илл. 3.
Дешифровка зашифрованного
фрагмента, выполненная
Л. Спинелли
(Beinecke Rare Book
and Manuscript Library, Yale University,
Spinelli Archive, Gen Mss 109.
Box 127, Folder 2611. Fol. 2r)

Илл. 1. Изображение рулетки на последней (не пронумерованной) странице издания *Wither G. A Collection of Emblems Ancient and Moderne. L., 1635*

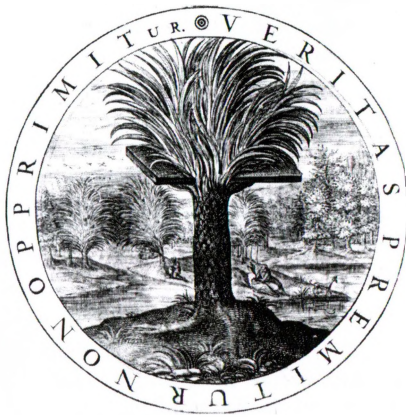
Илл. 3. Ibid. P. 23

Илл. 4. Ibid. P. 28

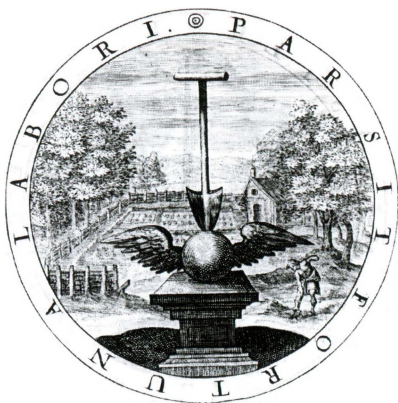
Илл. 2. Ibid. P. 1

Илл. 5. Ibid. P. 172

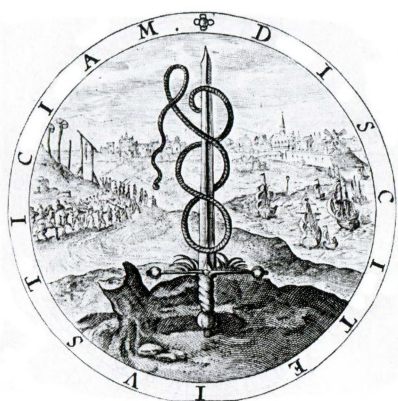
Илл. 6. Ibid. P. 174

Илл. 9. Ibid. P. 239

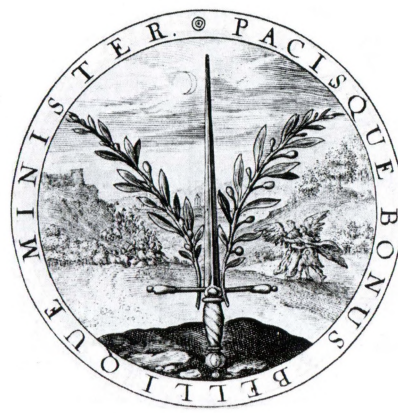
Илл. 7. Ibid. P. 150

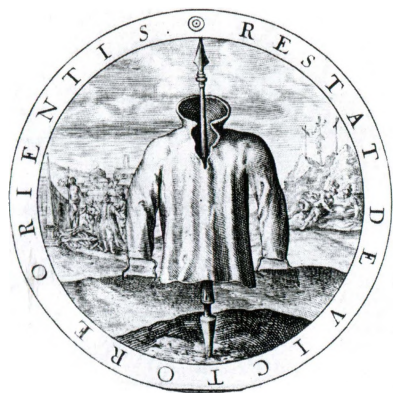
Илл. 10. Ibid. P. 66

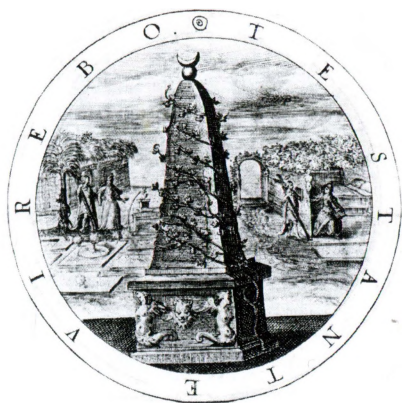
Илл. 8. Ibid. P. 5

Илл. 11. Ibid. P. 238

Илл. 12. Ibid. P. 216

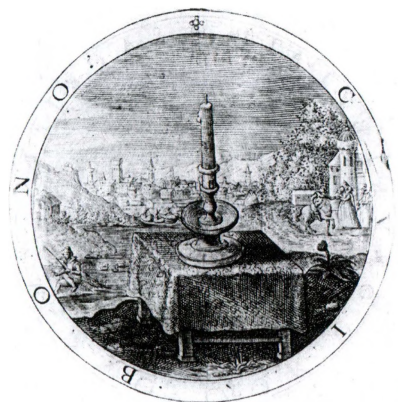
Илл. 15. Ibid. P. 226

Илл. 13. Ibid. P. 40

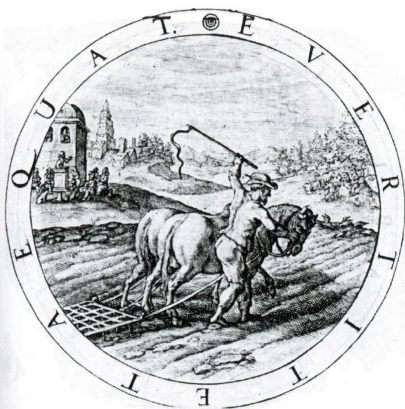
Илл. 16. Ibid. P. 36

Илл. 14. Ibid. P. 76

Илл. 17. Ibid. P. 221

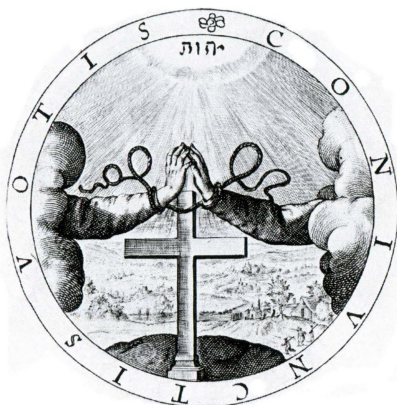
Илл. 18. Ibid. P. 144

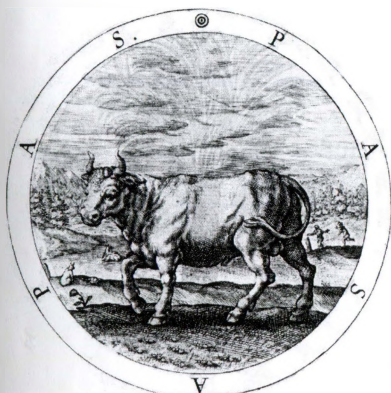
Илл. 21. Ibid. P. 224

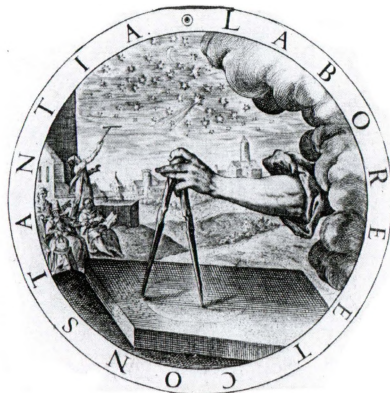
Илл. 19. Ibid. P. 222

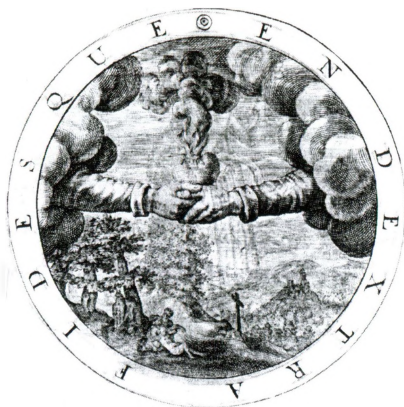
Илл. 22. Ibid. P. 75

Илл. 20. Ibid. P. 173

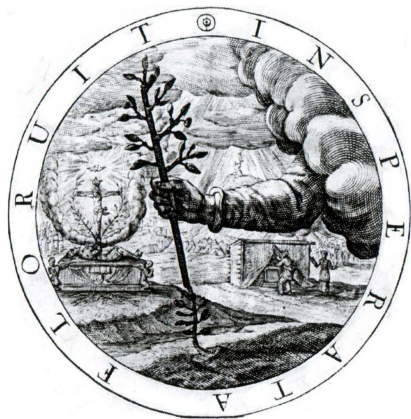
Илл. 23. Ibid. P. 143

Илл. 24. Ibid. P. 230

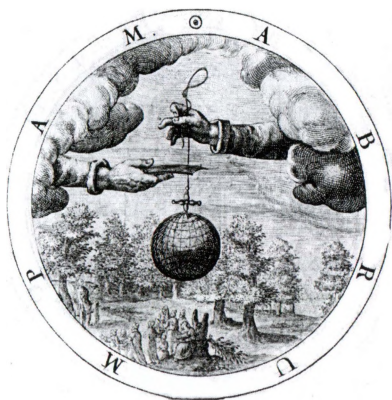
Илл. 27. Ibid. P. 210

Илл. 25. Ibid. P. 217

Илл. 28. Ibid. P. 176

Илл. 26. Ibid. P. 213

Илл. 29. Ibid. P. 156

Илл. 30. Ibid. P. 7

Илл. 33. Ibid. P. 148

Илл. 31. Ibid. P. 16

Илл. 34. Ibid. P. 178

Илл. 32. Ibid. P. 27

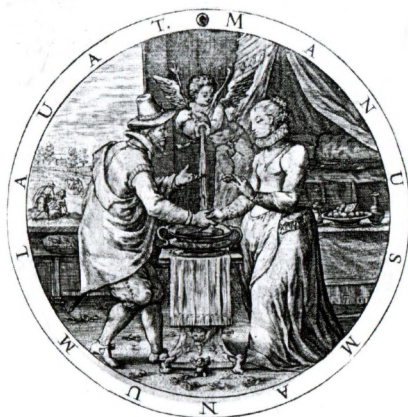
Илл. 35. Ibid. P. 229

Илл. 36. Ibid. P. 83

Илл. 42. Ibid. P. 209

Илл. 38. Ibid. P. 162

Илл. 43. Ibid. P. 240

Илл. 40. Ibid. P. 89

Илл. 45. Ibid. P. 20

Илл. 37. Виллем Клас Геда. Ветчина и серебряная посуда (1649).
Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Москва

Илл. 39. Герард Терборх.
Дама, моющая руки (1655).
Картинная галерея, Дрезден

Илл. 41. Эммануэль де Витте.
Аудекерк (Старая церковь) в Делфте.
Музей Уоллеса, Лондон

Илл. 44. Питер Пауль Рубенс. Пейзаж с радугой (первая пол. 1630-х гг.).
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Илл. 46. Ян Вермеер Делфтский. Вид Делфта (ок. 1660–1661).
Королевский кабинет картин, Гаага

Илл. 48. Питер Брейгель Старший. Охотники на снегу (1565).
Музей истории искусств, Вена

Илл. 49. Арт ван дер Неер. Катание на коньках (ок. 1655–1660).
Музей Уоллеса, Лондон

Илл. 47. Ibid. P. 153

Илл. 52. Ibid. P. 13

Илл. 50. Ibid. P. 4

Илл. 53. Ibid. P. 37

Илл. 51. Ibid. P. 10

Илл. 54. Ibid. P. 236

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени

Сборник трудов в честь
Всеволода Матвеевича Володарского

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2016

УДК 1 (091)

ББК 85

И 86

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит

Заместитель главного редактора И.А. Осинская

Редакционная коллегия серии:

Л.В. Скворцов (председатель), Е.Н. Балашова, П.П. Гайденко, И.Л. Галинская,
В.Д. Губин, Б.Л. Губман, П.С. Гуревич, А.Л. Доброхотов, Д.В. Ефременко,
Г.И. Зверева, А.Н. Кожановский, И.В. Кондаков, М.П. Крыжановская,
Л.А. Микешина, Ю.С. Пивоваров, И.И. Ремезова, А.К. Сорокин, П.В. Соснов

Редакционная коллегия тома:

Т.П. Гусарова, Е.Н. Кириллова,

О.Ф. Кудрявцев (ответственный редактор), С.К. Цатурова

Рецензент:

кандидат исторических наук Т.Д. Стецюра

Редактор: М.П. Крыжановская

Серийное оформление: П.П. Ефремов

И 86 Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени: Сборник трудов в честь Всеволода Матвеевича Володарского. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 416 с. (Серия «Humanitas»)

ISBN 978-5-98712-613-4

В сборнике представлены исследования по истории культуры, общественно-политической мысли и искусства Европы позднего Средневековья и раннего Нового времени. Предпочтительное внимание авторов было обращено на частное и уникальное в духовной жизни и социальной практике, на то, как в их конкретных проявлениях воплощались характерные черты мирозерцания, отражался и преобразовывался общественный уклад эпохи. Особое место уделено восприятию и усвоению европейской культурой исторического опыта иных народов и цивилизаций — как прошлых, так и открытых на рубеже Нового времени. Все указанные темы входят в круг исследовательских интересов юбиляра, Всеволода Матвеевича Володарского. Ему участники коллективного труда преподносят и посвящают плоды своих научных изысканий.

Книга иллюстрирована работами мастеров искусства и памятниками культуры XV–XVII вв.

Для всех интересующихся культурной и социальной историей Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени.

В оформлении использован фрагмент картины

А. Мантеньи «Поклонение волхвов» (1461, Уффици, Флоренция)

УДК 1 (091)

ББК 85

ISBN 978-5-98712-613-4

© С.Я. Левит, составление серии, 2016

© Авторский коллектив, 2016

© Центр гуманитарных инициатив, 2016

К юбилею Всеволода Матвеевича Володарского

Публикуемый сборник посвящается замечательному ученому и преподавателю, много послужившему пером и ярким и запоминающимся словом исторической науке, гуманитарному образованию и просвещению, — коллеге и другу Всеволоду Матвеевичу Володарскому. Ему 80. И он, как всегда, полон энергии и новых планов, жизнелюбия и творческого поиска.

Круг научных интересов Всеволода Матвеевича образуют прежде всего проблемы истории ренессансной культуры в Германии, Швейцарии и Нидерландах, а также судьбы российского искусства XIX—XX вв. Труды Всеволода Матвеевича вошли в фундамент современной отечественной историографии, являя добрые примеры новаторского, несущего на себе печать самобытной авторской индивидуальности исследования. О ком бы ни писал Всеволод Матвеевич — Ульрихе фон Гуттене, Томасе Мюнцере, Эразме Роттердамском, Теофрасте Парацельсе и иных представителях гуманистической и общественной мысли эпохи Возрождения в германоязычных странах, — он всегда верен источнику, бережно относится к подлинным «голосам из прошлого», давая им возможность благодаря своему дарованию беспристрастного, внимательного и чуткого наблюдателя минувшей действительности быть услышанными нами сегодня, стать внятными другой эпохе. Так же и в работах по истории искусства Всеволод Матвеевич позволяет читателю узнать и почувствовать тонкую семантику художественных форм произведений прославленных мастеров.

Тех, кто знает Всеволода Матвеевича, не менее, чем печатные труды, впечатляют его устные выступления — доклады на конференциях и семинарах, учебные и публичные лекции. Он обладает удивительной и несокрушимой способностью заворожить словом, знанием, умением «вжиться» в тему.

Слушая Всеволода Матвеевича, не чувствуешь никакой дистанции между собой и предметом, о котором он ведет речь. Особенно это характерно для лекций по истории искусства; о каком бы его периоде Всеволод Матвеевич ни рассказывал — о художественных произведениях эпохи Возрождения, живописи барокко, творчестве мастеров русского авангарда и др., — слушатель словом лектора невольно погружается в материал, не только глазами созерцает, но и душой переживает его.

Всеволод Матвеевич богат учениками, которых десятилетиями наставлял, воспитывал, пестовал и которые вместе с ним продолжают разрабатывать теперь уже их общую тематику. Всеволод Матвеевич счастлив в друзьях-коллегах, ценящих и любящих его и вместе с ним возделывающих общее необозримое исследовательское поле под названием «культура Возрождения».

Несколько крупнейших научно-образовательных учреждений страны могут гордиться тем, что Всеволод Матвеевич трудился в них: Государственная Третьяковская галерея, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Российский государственный гуманитарный университет; с ними и их сотрудниками у Всеволода Матвеевича сохраняются добрые деловые и дружеские отношения. Бесспорно, однако, что «домом родным» для Всеволода Матвеевича был и остается исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где он сложился как историк и где он продолжает научную и педагогическую деятельность, передавая свои знания и исследовательские навыки новым и новым поколениям медиевистов.

Публикуемый сборник — дань уважения и признательности коллег, друзей и учеников юбиляру, восхищения его качествами человека и ученого.

Tabula gratulatoria

- АГИШЕВ Сергей Юрьевич — канд.ист.наук, доцент (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- АЛЛЕНОВ Михаил Михайлович — д-р иск., профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- АЛТУХОВА Наталья Ивановна — научный сотрудник (ИВИ РАН)
- АНИКЬЕВ Илья Игоревич — ассистент (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- АНИСИМОВА Анна Александровна — канд.ист.наук, научный сотрудник (ИВИ РАН)
- БЕРГЕР Елена Евгеньевна — канд.ист.наук, старший научный сотрудник (ИВИ РАН)
- БЫСТРИЦКИЙ Николай Игоревич — научный сотрудник (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- ВЕДЮШКИН Владимир Александрович — канд.ист.наук, старший научный сотрудник (ИВИ РАН)
- ВИНОКУРОВА Марина Владимировна — д-р ист.наук, ведущий научный сотрудник (ИВИ РАН)
- ВОСКОБОЙНИКОВ Олег Сергеевич — канд.ист.наук, доцент (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- ГЛАДКОВ Александр Константинович — канд.ист.наук, старший научный сотрудник (ИВИ РАН)
- ГРАЦИАНСКИЙ Михаил Вячеславович — канд.ист.наук, ведущий научный сотрудник (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- ЕФИМОВА Елена Анатольевна — канд.иск., доцент (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- ЖОРДАНИЯ Эрекле Гайозович — канд.ист.наук, доцент (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- ИСАЕВ Сергей Александрович — канд.ист.наук, старший научный сотрудник (ЛОИИ РАН)
- КАЛЫКОВА Елена Викторовна — канд.ист.наук, доцент (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- КАРПОВ Сергей Павлович — академик РАН, д-р ист.наук, профессор, заведующий кафедрой истории Средних веков исторического факультета (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- КУЗЕНКОВ Павел Владимирович — канд.ист.наук, доцент (МГУ им. М.В. Ломоносова)

- МАЙЗЛИШ Анна Александровна — канд.ист.наук, старший научный сотрудник (ИВИ РАН)
- ПОПОВА Галина Александровна — канд.ист.наук, старший научный сотрудник (ИВИ РАН)
- ПРОКОПЬЕВ Андрей Юрьевич — д-р ист.наук, профессор, заведующий кафедрой истории Средних веков (СПГУ).
- РЕФОРМАТСКАЯ Мария Александровна — канд.ист.наук, старший преподаватель (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- РОМАНОВА Анастасия Вадимовна — специалист по учебно-методической работе 2-й категории (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- РЯБОВА Мария Алексеевна — научный сотрудник (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- САВЕЛЬЕР Оксана Викторовна — специалист по учебно-методической работе (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- СВАНИДЗЕ Аделаида Анатольевна — д-р ист.наук, профессор, научный руководитель отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени (ИВИ РАН)
- ТАЦЕНКО Тамара Николаевна — канд.ист.наук, старший научный сотрудник (ЛОИИ РАН)
- ТУЧКОВ Иван Иванович — д-р иск., профессор, заведующий кафедрой теории и истории искусств, декан исторического факультета (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- УВАРОВ Павел Юрьевич — член-корреспондент РАН, д-р ист.наук, профессор, заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени (ИВИ РАН)
- ФЕДОСОВ Дмитрий Геннадьевич — канд.ист.наук, старший научный сотрудник (ИВИ РАН)
- ФИЛИППОВ Игорь Святославович — д-р ист.наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- ХАЧАТУРЯН Нина Александровна — д-р ист.наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова)
- ЩЕГЛОВ Андрей Джолинардович — канд.ист.наук, старший научный сотрудник (ИВИ РАН)

Человек в культуре Возрождения

Н.В. Ревякина

Природа человека в итальянском гуманизме XV в. и современная наука

В суждениях итальянских гуманистов о человеке природа занимает очень важное место. Все гуманисты признают силу природного в человеке. Для Маффео Веджо природа — вождь нашей жизни — обладает столь могучей силой, что бороться с ней — напрасный труд¹. Теоретически природа связана с Богом, но в сочинениях гуманистов она обретает все большую самостоятельность и, говоря о ней, гуманисты не всегда подтверждают ее деяния авторитетом Бога. А понимают природу как разумную, добрую, справедливую.

Что же касается взгляда на природу человека, то у гуманистов он иной, нежели в Средневековье. Средневековые мыслители понимали природу как извращенную первородным грехом, в результате чего человек по собственной воле не мог стремиться к добру и совершать добродетельные поступки без помощи божественной благодати.

Этот взгляд изжить было нелегко, его отзвуки слышны даже и у некоторых гуманистов. Веджо то рассуждает в духе традиции, признавая склонность человека с рождения ко злу, то, ссылаясь на Платона, утверждает, что «человек не рождается абсолютно злым или добрым, но его природные свойства склоняются к тому и другому». И от воспитания зависит, в какую сторону семена добра и зла поднимутся². О первородном грехе говорят Поджо Браччолини,

¹ *Philephi Fr. De educatione liberorum clarisque eorum moribus*. Tubingae, 1513. F. 29v. Работа Веджо ошибочно вышла под именем Филельфо.

² *Веджо М. О воспитании детей и об их достойных нравах // Образ человека в зеркале гуманизма. Мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV—XVII вв.) / Авт.-сост. Н.В. Ревякина, О.Ф. Кудрявцев. М., 1999. С. 207.*

Лоренцо Валла, Джанноццо Манетти. И если Поджо склоняется к средневековой трактовке греха, то Валла и Манетти понимают его последствия как законы природы. У Валлы грех не исказил ни тело человека, ни его волю, не сделав ее непреодолимо склонной ко злу. Последствия первородного греха он видит в смерти. У Манетти человек получает из-за греха хрупкость природы, смерть, но не извращение воли¹. Или Бог, или природа, по мнению Манетти, прибавили к замечательным дарам человека «свободную власть воли, чтобы мы могли, обладая подобной властью, от зла, о диво! уклоняться и избегать его, к добру же стремиться и выбирать его»². Верджеро в своем педагогическом трактате говорит о душе ребенка «хорошо устроенной от природы», видимо, имея в виду предрасположенность к добродетели. Отрицательные качества в характере детей объясняет особенностями их возрастной физиологии³. Альберти считает любую созданную природой вещь совершенной от природы. Потому и человек «от природы настроен любить и сохранять все похвальные добродетели. А добродетель есть не что иное, как совершенное и правильное воспроизведение своей природы»; пороки же «развиваются скорее благодаря распушенности и вредным привычкам, чем в силу природных склонностей и побуждений»⁴. Отсюда чрезвычайная важность воспитания, способного и побороть приобретенные вредные привычки, и исправить природные недостатки: «От природы нет ничего врожденного, что нельзя было бы, не скажу целиком изменить, но, по крайней мере, в чем-то исправить, если только приложить искусство и умелую руку наставника»⁵.

Словом, природа видится гуманистам скорее доброй или содержащей ростки добра, которые в результате воспитания могут стать добродетелью, т.е. предрасположенность к добродетели сделают нравственной основой личности. А если нет должного воспитания, то семена добра могут погибнуть из-за дурных привычек и извращенных суждений.

Занимаясь вопросами образования и воспитания, гуманисты исходят прежде всего из природы человека. Человека они считают самодостаточным существом, не зависимым от внешних воз-

¹ Подробнее об этом см.: *Ревакина Н.В.* Человек в гуманизме Возрождения. Иваново, 2000. С. 87–99 (раздел: Первородный грех и *miseria*).

² *Манетти Дж.* О достоинстве и превосходстве человека / Сост. Н.В. Ревакина. М., 2014. С. 71.

³ *Верджеро П.-П.* О благородных нравах и свободных науках // *Образ человека в зеркале гуманизма*. С. 100.

⁴ *Альберти Л.Б.* Книги о семье / Пер. М.А. Юсима. М., 2008. С. 59.

⁵ *Веджо М.* О воспитании детей и об их достойных нравах. С. 207.

действий на него, за исключением воспитания. Исходя из такого понимания природы недостаток средств обучения не считается в гуманизме препятствием, поскольку «натура благородная обычно возвышается вопреки даже крайним трудностям, и чаще добрым умам вредит чрезмерное богатство, нежели крайняя бедность...». А ответ на вопрос о власти родителей и усвоенного с детства образа жизни как препятствий к занятию свободными искусствами подталкивает к преодолению и этого препятствия: «Мы часто следуем тому, что принято в нашем обществе, будто лучше всего делать то, что одобряют и делают прочие»¹. Роль социальной среды гуманистами XV в. практически не учитывается. Только в XVI в. они обратятся и к окружающей человека действительности.

Рассуждая о природе детей, гуманисты пытаются объяснить их особенности с помощью натурфилософских идей своего времени, почерпнутых из древности — учения Гиппократов о четырех жидкостях (крови, флегме, желчи и черной желчи), и восходящего к Эмпедоклу учения о четырех элементах (воде, воздухе, земле и огне) с их субстанциальными качествами (жаром, влажностью, сухостью и холодом) и соотношением в организме.

Их интересует возрастная психология, а также полученные от природы индивидуальные особенности характера ребенка, его умственные способности. Верджерио связывает особенности психологии детей не столько с недостатком жизненного опыта, сколько с их физиологией: жаром и кровью, которые у детей в избытке, с движением жидкостей, происходящим из-за роста тел. Этим объясняются такие их качества, как щедрость и расточительность, отсутствие алчности, быстрая перемена мнений, хвастовство, жалостливость и незлобивость². Особенности психологии детей подмечают Пальмиери, Альберти и др.

Гуманисты пытаются понять ребенка и в его индивидуальных отличиях. Они говорят о разнообразии характеров детей, объясняя его учением о четырех элементах, каждый из которых имеет особые свойства: вода — холод, земля — сухость, огонь — жар, воздух — влажность; преобладание в теле одного из элементов определяет природу, свойства и нравы. «Поэтому тех, в ком преобладает огонь, — пишет Велло, — мы найдем склонными к гневу, в ком вода — мягкими, в ком воздух — веселыми, а в ком земля — печальными»³. А теория четырех жидкостей служит у них для объяснения темпераментов и свойственных им качеств. Так, Альберти у холериков видит склон-

¹ Верджерио П. П. О благородных нравах. С. 104–105

² Там же. С. 98–99.

³ Велло М. О воспитании детей и об их достойных нравах. С. 207–208.

ность к гневу, у флегматиков — к лени, у меланхоликов — робость и подозрительность и потому жадность и упрямство¹.

Но в своих рассуждениях о детях некоторые гуманисты выходят за рамки объяснений с помощью физиологии — учений о четырех элементах и четырех жидкостях. Здесь, несомненно, играет роль наблюдение. Веджо пишет: «Одни (дети) словно нежнейшие цветки, в ком пробивается свет будущей выдающейся добродетели, хотя они и более робки, чем подобает, и более застенчивы. Другие необузданны, отважны, дерзки. Некоторых найдешь многословными и болтливymi, другие — с глазами, опущенными в землю, едва говорящие, даже когда прикажут. Много надменных и тщеславных, и гораздо больше тех, кто стремится к истинной славе и похвале. Есть также небрежные и нерадивые, другие легкомысленны, непостоянны, гуляки, а иные твердого и ясного духа. Есть такие, кто не устаивает послушания старших, но есть те, кто охотно слушается младших. Есть те, кто охотно трудится и бодрствует, и те, кто позорно покоится в лени и бездействии. Некоторые все, что имеют, щедро раздают, другие крайне скупы, для них нет ничего страшнее, чем обеднеть, хотя они еще совсем не испытывали бедности. Некоторые увлечены науками и добрыми искусствами, другие их не любят; многим нравится в жизни заниматься хозяйством, еще большему числу насыщением чрева и обжорством. Одни имеют душу мягкую и кроткую, очень многие склонны к гневу, тех наслаждает мир, покой, согласие, других — споры и распри»².

С природой в гуманизме связывают и способность детей к обучению, а равно и разнообразие этих способностей и склонностей. Гуманисты обращаются к Квинтилиану, писавшему о склонности детей к пониманию: разум и понятливость — от природы, а тупость и несообразительность противоестественны; а ежели способности разные, то это означает, что один может больше другого, но нет никого, кто старанием в чем-то не преуспел.

Эти мысли Квинтилиана хорошо усвоены и развиты знаменитым педагогом Витторино да Фельтре; он говорил: «Природа, всеобщая руководительница и спутница, каждому показывает его обязанность, никому не уступая всех, немногим многие, однако каждому что-то»³. И он сравнивал умы с землями, из которых одни более пригодны для пастбищ и скота, другие для виноградников и пшеницы, никакая земля, однако, не оставалась сама по себе неплодород-

¹ Альберти Л.Б. Книги о семье. С. 59.

² Веджо М. О воспитании детей и об их достойных нравах. С. 210.

³ Итальянский гуманист и педагог Витторино да Фельтре в свидетельствах учеников и современников / Состав., пер., автор вступ. ст., комм., прилож. Н.В. Ревякина. М., 2007. С. 133.

ной. Некоторые гуманисты, толкуя Квинтилиана, соединяют природу и Бога: добрая и способная к науке природа — дар и небесное благо одного Бога, говорит Пикколомини¹. Взгляд гуманистов на способность детей к обучению вполне оптимистичен, а неспособность к обучению, по мнению некоторых гуманистов (Пальмиери, Пикколомини), находится в противоречии с природой, эти телесные уроды достойны сострадания².

Но способности у детей разные в зависимости как от силы ума, так и от его качественных свойств. Верджерио образно называет умы свинцовыми и железными, с острием тупым и острым. Он выделяет детей с развитой памятью, склонных к абстрактному или к конкретному мышлению; а есть еще умы «как бы ограниченные и, по словам юристов, к земле приписанные», которые успевают в чем-то одном, будучи слабы во всем остальном, и к этому единственному он и рекомендует направлять их³.

Не все дети, считают гуманисты, способны к занятию свободными искусствами. Но даже занимающиеся ими имеют разные способности: одни более способны от природы, другие менее. Верджерио отмечает одаренность некоторых детей: «У многих юношей от природы такой быстрый ум в понимании, такой пронизательный в исследовании, что даже без долгого учения они могут рассуждать о важных вещах и высказывать серьезнейшие соображения; если их врожденные способности укрепить эрудицией и помочь им наукой, то обычно из них выходят великие мужи»⁴. Видимо, с такими, особенно одаренными («способности которых радовали») Витторино да Фельтре занимался отдельно, приходя к ним ранним утром со свечой⁵. Но ни Верджерио, ни Витторино не считали возможным пренебрегать теми, у кого средние способности, им надо помогать тем более, чем слабее в них сила природы.

Гуманисты говорили не только о силе или слабости умственных способностей, но и об их разной направленности, об их неодинаковости, так сказать, в качественном отношении. Тот же Верджерио пишет: «Способности у детей различны. Одни легко находят суть любой вещи и доказательства для изложения своей точки зрения, другие же медлительны в этом, но основательны в рассуждении;

¹ Пикколомини Э.С. О воспитании детей // Образ человека в зеркале гуманизма. С. 216.

² См.: Пикколомини Э.С. Указ. соч. С. 216; Пальмиери М. Гражданская жизнь // Образ человека в зеркале гуманизма. С. 180.

³ Верджерио П.П. О благородных нравах. С. 112.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ См.: Итальянский гуманист и педагог Витторино да Фельтре. С. 153.

первые более способны возражать, а вторые отвечать на возражения, равно как первые склонны к поэзии и теоретическим наукам, вторые же к практическим. Но есть и другие – с быстрым умом, но с медлительной речью и языком и они, видимо, более сильны в составлении выступления и речи по правилам риторического искусства. Быстрые же и умом, и языком преуспевают в диалектических диспутах»¹.

Из признания разных способностей у детей гуманисты (Веджо, Пальмиери, Альберти др.) делают практические выводы: учитывая разные склонности детей, они рекомендуют учителям и родителям направлять их в ту сторону, в какую толкает природа, и не склонять ребенка к другому, потому что он мало преуспеет в том, что не свойственно его природе. Альберти пишет: «Пускай отцы применяются к тому, к чему способны их дети, и помни ответ оракула Аполлона Цицерону: трудись и помышляй о том, к чему тебя влечет природа и твой нрав»². И самих юношей гуманисты наставляют в том, чтобы они, оценив свои способности (и ума, и тела), избрали жизнь наиболее пригодную для себя и остерегались делать выбор вопреки своим природным способностям³.

Характерные для гуманистической педагогики методы воспитания, которые гуманисты рекомендуют учителям и отцам, лишены жестокости и насилия; отвергая угрозы и побои, гуманисты утверждают главными подходами одобрение и похвалу⁴.

Итак, говоря о природе человека, гуманисты склоняются в большей мере к пониманию ее как доброй или предрасположенной к добру. Заложенные в природе ростки добра могут превратиться в добрые дела, и здесь важна роль воспитания, направленного на то, чтобы эти ростки добра выявлять и побуждать к росту. Гуманисты утверждают природное разнообразие людей и в характерах, и в способностях к обучению, связывая с этими идеями и практику: необходимость индивидуальных подходов к детям с учетом их характеров и способностей, а также применение методов «мягкой руки», такие, как одобрение и похвала, исключающие жестокость и насилие.

С этими идеями гуманистов удивительным образом перекликаются утверждения и наблюдения современных ученых. С середины XX в. в психологии и генетике появляются направления, имеющие прямое отношение к педагогике. В «гуманной психологии» амери-

¹ Верджерио П. П. О благородных нравах. С. 111–112.

² Альберти Л. Б. Книги о семье. С. 40–41, 59.

³ Пальмиери М. Гражданская жизнь. С. 190–192.

⁴ Веджо М. О воспитании детей и об их достойных нравах. С. 204–207.

канского исследователя Абрахама Маслоу, в «педагогической генетике» отечественного ученого В.П. Эфроимсона высказываются и обосновываются идеи, заставляющие вспомнить их «предшественников» — итальянских гуманистов XV в.

Весьма любопытны размышления ученых о природе человека.

У Маслоу она не является злой. Основные потребности (для жизни, безопасности, необходимых вещей, любви, уважения и самоуважения, самоактуализации), основные человеческие эмоции, основные человеческие способности — нейтральны или позитивно добры. Разрушительные силы, садизм, жестокость — не от природы, но скорее кажутся насильственной реакцией против фрустрации наших естественных нужд, эмоций и способностей¹. «Поскольку естественная природа добра или нейтральна скорее, чем зла, — пишет Маслоу, — лучше выявлять ее и скорее поощрять, чем подавлять»². Но она не устойчива и не непреодолима, она слаба, хрупка, утонченна и легко преодолевается привычкой, давлением культуры, ошибочным отношением к ней. И все-таки слабая, она редко исчезает в нормальной личности (и даже в больной), и если с ней не считаются (ее отрицают), она тайно сопротивляется, настойчиво стремясь к актуализации³.

У Эфроимсона доброе начало в человеке не связано с Богом. Роль воспитания отчасти признается, но оно не является монополистом в деле формирования этических начал, ибо не всегда может иметь положительное значение (обработка умов в масштабах целого государства, воспитание тупых расистов)⁴. Автор говорит о наследственном механизме формирования этических начал, о роли естественного отбора. Благодаря ему сохранялись и передавались по наследству свойства, способствующие сохранению рода: забота о беспомощных детях и беременных женщинах, которые составляли треть населения племени, о стариках — носителях «духа познания», моногамия. Отбор «порождал эмоции в высшей степени альтруистические, человеческие, гуманные...»⁵ Он «не создал этику, но вызвал такие перестройки наследственности, на основе которых у человека складывалась восприимчивость к определенным эмоциям, этическим началам, способность к этическим оценкам, к восприятию

¹ Maslow A. Toward a psychology of being. New York, 2 ed. 1968. P. 3.

² Ibid. P. 4.

³ Ibid.

⁴ Эфроимсон В.П. Педагогическая генетика. Научно-техническая революция и биосоциальные проблемы формирования и развития личности. Родословная альтруизма. Этика с позиционной генетики человека. М., 2003. С. 201.

⁵ Там же. С. 212.

этических оценок, более того — потребность в этических оценках»¹. Возникнув, совокупность альтруистических эмоций могла быть закреплена как норма поведения и передавалась по законам социальной преемственности, но «без генетической основы эта социальная преемственность не имела бы универсальности и стойкости»².

На другой важной идее Эфроимсона основана его «педагогическая генетика». «Мы определяем термином “педагогическая генетика”, — говорит он, — совокупность сведений, необходимых педагогам любой специальности для того, чтобы осознать и использовать неизбежность и неизживаемость глубокого разнообразия людей, глубокого разнообразия учеников в любом коллективе, с которым ему приходится иметь дело»³. Это, замечает автор, имеет не только познавательное значение, но оно важно для практики, для разработки индивидуальных подходов. Он против идеи исходной врожденной одинаковости людей. «Каждый человек уникален от рождения... К каждому надо подходить с индивидуальными мерками, индивидуальными требованиями и способами воздействия»⁴. Поэтому В.П. Эфроимсон против *tabula rasa*, против того, что воспитанием и образованием можно выписать на этой доске какие угодно письма.

Обосновывая свою идею разнообразия людей, Эфроимсон выделяет вопрос об одаренных людях, гениях, сосредотачивая на нем свое внимание. Появление особо одаренных людей он связывает с природой: сама природа позаботилась о появлении на свет очень нужных человечеству свойств⁵.

Рассуждения о доброте или нейтральности природы человека, о природном разнообразии людей высказаны учеными XX в. на основе научных достижений в области генетики, психотерапии и психологии, т.е. на уровне современной науки. Italianские гуманисты XV в., рассматривая подобные вопросы, тоже опирались на научно-философские идеи своего времени, в основном заимствованные из Античности, а также на религиозные представления. А результаты поисков тех и других оказываются очень похожими.

¹ Эфроимсон В.П. Педагогическая генетика. С. 213.

² Там же. С. 222.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Там же. С. 75.

К проблеме интерпретации посланий Эразма Серватию Рогеру (1487)

Среди эпистолярного наследия нидерландского гуманиста Эразма Роттердамского (1466–1536) особое место занимают его ранние письма, адресованные молодому монаху монастыря Стейн Серватию Рогеру (ум. 1540)¹. Как и Эразм, Серватий Рогер был родом из Роттердама и к 1487 г. — времени поступления в обитель двадцатилетнего гуманиста — уже принял монашество². О знакомстве и общении с новыми друзьями Эразм сообщал своему брату Питеру, который незадолго до этого стал постриженником монастыря Сион в окрестностях Делфта. В этом письме он впервые упоминает Серватия, который описан как человек исключительных дарований, доброго нрава и весьма увлеченный науками; словом, их земляк «таков, что никто не может не любить его»³. Эразм предполагает, что Питер, едва познакомившись с Серватием, предпочтет того своему родному брату. Вероятно, по вступлении в монастырь Эразм оказался в кругу молодых монахов и послушников, с которыми он делил радость совместных гуманистических штудий. И Серватий Рогер занял определенное место в жизни нового послушника.

Однако, как свидетельствует письмо № 4, каким-то образом ситуация изменилась, сделав невозможными личные встречи Эразма и Серватия. В качестве утешения Эразм предлагает другу начать переписку, ибо ничто так не пристало дружбе,

¹ Переписку с Серватием составляют эпistolы № 4–9, 11, 13, 15 в фундаментальном издании П.С. Аллена: *Erasmus Desiderius. Opus epistolarum Desiderii Erasmi Roterodami* / Ed. P.S. Allen, H.M. Allen, H.W. Garrod. Vol. 1. Oxford, 1906. P. 77–84, 85, 86–87, 88–90 соответственно. Послания не публиковались при жизни Эразма и впервые увидели свет только в XVII в.

² *Contemporaries of Erasmus: A biographical register of the Renaissance and Reformation*. Toronto, 1987. Vol. 3. P. 167–168.

³ *Erasmus Desiderius. Opus epistolarum*. Vol. 1. P. 76. Ep. 3.

как обмен письмами. Текст этого письма эмоционально слабо окрашен, хотя содержит пассажи, намекающие на взаимную привязанность автора и адресата¹. Ответ Серватия утрачен, вероятно, он был довольно сдержанным. Поэтому в письме № 5 Эразм ищет объяснения произошедшей перемене, высказывая предположение, что Серватий не убедился еще в «величайшей любви» Роттердамца. Выражения становятся более страстными, Эразм утверждает, что Рогер дороже для него, чем собственная жизнь, и величайшим наслаждением для автора было бы «радоваться и грустить, жить и умереть» с другом². Он просит об искреннем ответе, но Серватий не отвечает, и в письме № 6 гуманист вновь умоляет об общении. Серватий хранит молчание, и Эразм чувствует себя преданным (письмо № 7): «Какими еще призывами, какими еще мольбами, какими слезами я мог бы тронуть тебя? Но ты камня тверже твердейшего. <...> Что это, хотел бы я спросить, мой Серватий, — черствость, упрямство, гордыня, строптивость?» Гуманист укоряет товарища в том, что отвергая любовь своего друга, тот уподобляется молодой девице, которой муки друга доставляют удовольствие, его страдания делают ее счастливой, а слезы — смешат. По словам Эразма, он не знает за собой никакого греха, «если только не считать грехом любовь к другому человеку». Он заключает открытой манифестацией своей пылкой привязанности: «Ты всегда на моих устах и в моем сердце, ты моя единственная надежда, половина моей души, утешение моей жизни, <...> я никогда не перестану любить тебя»³. Однако, несмотря на восторженную аффектацию Эразма, Рогер по-прежнему безмолвен. Напряженность переживаний нарастает крещендо в следующем письме (№ 8), перевод которого приводится ниже. Гуманист пишет, что дошел до крайности, подавлен тоской, измучен слезами и, возненавидев жизнь, не раз молил о смерти. Ночи тягостны, сон не приносит отдохновения, вся пища стала безвкусной, литературные занятия вызывают отвращение. Он рисует портрет измучившегося от неразделенной любви молодого человека: угрюмое выражение лица, бледность, подавленный взгляд. «Увы, — восклицает Эразм, — ничто не тронуло Серватия!» Он вновь упрекает того в обмане и жестокосердии: «Ты тигрицы безжалостнее. <...> Ведь даже самые свирепые звери испытывают чувство любви»⁴.

¹ *Erasmus Desiderius. Opus epistolarum. Vol. I. P. 77.*

² *Ibid. P. 78–79.*

³ *Ibid. P. 79–80.*

⁴ *Ibid. P. 81–82.*

Наконец, Серватий отвечает довольно дружелюбно и опровергает обвинения (письмо не сохранилось). В ответной эпистоле Эразм, вдохновившись, с радостью пишет о своих эмоциях и переживаниях. Он наслаждается стилем и содержанием послания Серватия: «Как сладок его язык, как приятны [выраженные в нем] чувства. Все в нем отдает страстью и самой настоящей любовью»¹. Однако вскоре послушник навлек на себя и товарища по переписке недовольство старших братьев монастыря², узнавших об их отношениях от кого-то из близких Эразму людей: в письме № 12, адресованном Франциску Теодориху, автор пишет о том, что когда «поднялся такой шум, небезопасно доверять даже самым преданным друзьям»³. В послании № 13 Роттердамец, вероятно, в ответ на выговор Серватия, удрученного случившимся скандалом, пытается утешить его⁴. В конце концов, Эразм был вынужден удовольствоваться не столь страстными отношениями. Поставив себя в положение наставника, он начинает давать другу советы относительно литературных занятий. Этой позиции ментора Эразм придерживался и в дальнейшей переписке с Серватием и другими товарищами (письма № 15, 16).

На наш взгляд, возможны, с разной степенью обоснованности, три варианта интерпретации данных текстов. Прежде всего, послания Серватию могут представлять собой не реальные письма, а некие формулы дружеских писем, эпистолярные упражнения на тему дружбы, которые выполняли Эразм и его друзья с целью практиковаться в латинской риторике. Подобная трактовка посланий № 4–9 присуща П.С. Аллену, издателю *Opus epistolarum* Эразма, а также современным издателям английской Эразмианы⁵. Гуманист действительно создавал образцы различного рода посланий, в том числе дружеских, которые впоследствии были изданы в трактате «*De conscribendis epistolis*» (1522)⁶. Обращает на себя внимание стиль писем: вы-

¹ *Erasmus Desiderius. Opus epistolarum. Vol. I. P. 83.*

² *Ibid. P. 85. Ep. 11.*

³ *Ibid. P. 85.*

⁴ *Ibid. P. 85–86.*

⁵ *Allen P.S. The Letters to Servatius, Francis, and Sasboud. Appendix III // Erasmus Desiderius. Opus epistolarum. Vol. I. P. 584–586; Erasmus Desiderius. The Correspondence of Erasmus: Letters 1 to 141, 1484–1500 / The Collected Works of Erasmus. Toronto, Vol. I. 1974. P. 6.*

⁶ *Erasmus Desiderius. De conscribendis epistolis // Erasmus Desiderius. Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami, recognita et adnotatione critica instructa notisque illustrate. Amsterdam, 1971. Ordo I. T II. P. 151–579.*

спренность слога, вычурность, риторическая тяжеловесность, обилие цитат из столь любимой Эразмом латинской поэзии (сочинений Овидия, Горация, Теренция). Стилистически эти послания близки ранним стихам Эразма (№ 5–8), которые, в свою очередь, находятся под прямым влиянием и обаянием «Буколик» Вергилия с их традиционными мотивами неразделенной любви, дружескими обращениями¹. Таким образом, эпистолы Серватию могут являться также прозаическими упражнениями в подражании Вергилию. Мотивация этих посланий заключается только в *imitatio*.

В последние годы в медийной западной культуре, в исследованиях по истории гомосексуализма в Западной Европе предпринимаются настойчивые попытки обнаружить в переписке Эразма гомосексуальную модель поведения². Британский историк Д. МакКаллох в своих исследованиях по истории западноевропейского христианства подчеркивает гомоэротический характер переживаний молодого Эразма и настаивает на любовном характере его переписки с Серватием³. Если признать послания № 4–9 реальными письмами, содержащими описание чувств и переживаний молодого гуманиста, то перед исследователями встает непростая проблема: как корректно соотнести их с традиционным образом Эразма. Неудивительно, что биографы, как правило, обходили их молчанием⁴. При очевидной допустимости

¹ *Erasmus Desiderius*. The poems of Desiderius Erasmus / Ed. and trans. D. C. Reedijk. Leiden: Brill, 1956. P. 119; *Эразм Роттердамский*. Стихотворения. Иоанн Секунд. Поцелуй / Пер. с лат. Ю.Ф. Шульца. М., 1983. С. 241.

² См.: <https://hotmonks.wordpress.com/2012/03/07/erasmus-love-letters-to-servatius-rogerus/>. Время обращения — август 2015 г.; о письмах как ключе к поздней латентной гомосексуальности Эразма см.: <http://www.philosophedia.org/index.php/Erasmus>. Время обращения — август 2015 г.; *Bray A.* Homosexuality in Renaissance England. London, 1982; *Stevens F.T.* Erasmus's «Tigress»: The Language of friendship, Pleasure and the Renaissance Letter // *Queering the Renaissance* / Ed. by J. Goldberg. Durham NC, 1992. P. 124–140.

³ *MacCulloch D.* A History of Christianity: The First Three Thousand Years. London, 2009. P. 595; также см. его публичную лекцию об Эразме на радио BBC (9 февраля 2012 г.): <http://www.bbc.co.uk/programmes/b01bmlsy>. Время обращения — июль 2015 г. Отметим, Д. МакКаллох, будучи диаконом, порвал с англиканской церковью из-за своей открытой гомосексуальности, он активный член так называемого гейского христианского движения.

⁴ *Allen P.S.* The Age of Erasmus. Oxford, 1914. P. 66–101; *Нума А.* The Youth of Erasmus. Ann Arbor, 1930. P. 56, 172. Исключение составляет книга Й. Хейзинги, обратившего внимание на почти женские стороны характера Эразма, открывшиеся в его отношениях с Серватием: *Хейзинга Й.* Культура Нидерландов в XVII веке. Эразм. Избранные письма. Рисунки. СПб., 2009. С. 219–221.

такой трактовки писем Рогеру нам представляется необходимым привести ряд аргументов в ее опровержение. Во-первых, в трактате «О способе обучения» (1512) Эразм дает негативную оценку гомосексуальных связей: на примере толкования второй эклоги Вергилия (о страсти Коридона к юноше Алексису) Эразм подсказывает учителю, как надо объяснять эти стихи, чтоб не навредить чистым душам учеников. И тогда «ничто непристойное не войдет в сознание слушателям, если только кто-либо не пришел уже развращенным. То есть он эту заразу подхватил не здесь [в процессе занятий], но сюда с собой принес»¹. Во-вторых, в трактате «De conscribendis epistolis» Эразм приводит примеры любовных писем, однако автором таких писем всегда выступает мужчина, а адресатом — женщина. Отметим попутно, что такие эпистолы он считает неблагородными по сравнению с высокими дружескими посланиями. В-третьих, Эразм как человек, выросший в лоне христианской традиции, не мог не знать об отношении церкви к гомосексуальности как к содомскому греху. При этом в своей симпатии к Серватию, как уже говорилось ранее, он не видит греха, настаивает на том, что не требует от друга ничего, «противного добродетели». К тому же античные источники его представлений о дружбе (книга 8 «Никомаховой этики» Аристотеля, трактат «О дружбе» Цицерона) также настаивают на том, что истинная, совершенная дружба нравственно-прекрасна, основана на добродетели, а «плотские наслаждения есть удел диких животных»². Полагаем, что подобные христианские и античные ассоциации, включаясь в ренессансный контекст, несомненно, препятствовали слиянию гомосексуальных отношений и дружбы.

Интерпретация переписки Эразма и Рогера именно в контексте маскулинной дружбы представляется наиболее адекватной. Трудно отрицать очевидное — эмоциональный тезаурус посланий Рогеру имеет чрезвычайно чувственный характер. Но как указывается в исследованиях по истории дружбы, в подобных выражениях описывались многие средневековые и ренессансные дружбы. Так, в монастырских обителях, в общинах *devotio moderna*, являвшихся закрытыми мужскими сообществами, существовала традиция составления любовных писем, нежных стихов ученикам, коллегам и даже незнакомым людям³. Ее бы-

¹ *Erasmus Roterodami. De ratione studii ac legendi interpretandique auctores* // *Opera omnia*. Amsterdam, 1971. Ordo I. T II. P.117.

² *Cicero. De amicitia*. VII-20; XIII-44.

³ См.: Кон И.С. Дружба. Этико-психологический очерк. 4-е изд., доп. СПб., 2005. Гл. 4.

тование объясняется не только приверженностью духовных лиц к литературному творчеству, но и потребностью в эмоциональном тепле, психологической (не телесной) интимности¹. Возможно, у современного читателя «любовная» лексика таких источников вызывает определенные гомоэротические ассоциации, что отнюдь не означает, что и получатели таких писем и поэтических опусов были того же настроения. Здесь уместно сослаться на мнение американского историка Алана Стюарта, констатирующего «современное гейское присвоение мужской *amicitia*», указывающего на анахронистическую идентификацию гомосексуальности и мужской дружбы². При всей их близости последняя была свободна от гомосексуального подтекста³. Выражение эмоций в рамках мужской дружбы регулировалось определенными канонами, и нежные слова, ласковые имена могли иметь чисто риторический характер. В любом случае, эмотивные особенности подобных текстов и моделей поведения должны исследоваться в контексте современных им духовных, социальных, интеллектуальных и гендерных практик.

¹ Подробнее см.: *Ailes M.J.* The Medieval Male Couples and the Language of Homosociality // *Masculinity in Medieval Europe* / Ed. by D.M. Hadley. London, 1999. P. 214–237.

² *Stewart A.* Close Readers: Humanism and Sodomy in Early Modern England. Princeton, 1997. P. 123–124.

³ *Bray A.* Homosexuality and the Sign of Male Friendship // *History Workshop Journal*. 1990. Issue 29. 1990. P. 1–19.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эразм Роттердамский

Послание Серватию

Пер. с лат. и комм. Л.В. Софроновой

Мой милейший Серватий, вижу, что ты совершенно здоров, и это для меня тоже составляет немалое удовольствие, и я не могу не поздравить тебя, хотя и не совсем друга, однако очень дорогого для меня человека, с таким благополучным исходом. Однако одно, поверь, я не лгу, меня, несчастного, терзает — то, что ты еще болееешь долгим забвением очень любящего тебя Эразма. И, клянусь любовью богов, если эти очень немногие дни, когда я был лишен общения с тобой, не показались мне длиннее целого года, изнунив меня такой болью, истомив такими рыданиями, что я уже возненавидел эту ужасную жизнь и не единожды молил о смерти. В то время ночные бдения были мучительны, сон не приносил отдохновения, любая пища стала безвкусна, даже литературные штудии, некогда бывшие единственным утешением жизни, вызывают отвращение. Я уже дошел до того, мой Серватий, что если я один, без тебя, то нет ничего, что могло бы разогнать тревоги моего сердца, что могло бы развеселить. Даже сам угрюмый вид, бледность лица, подавленный взгляд, если бы ты обратил на это внимание, легко могли указать тебе на глубокие страдания души. Но ты — тигрицы безжалостнее, так легко не замечаешь всего этого, как если б спасение твоего Эразма тебя ничуть не касалось. Увы, безжалостная надменность! Увы, безумный человек! Ведь чувство любви испытывают даже самые свирепые звери, они любят тех, кто их любит, забывая свойственную им от природы свирепость. Примеров этому — без числа, но из многих я приведу один. Авторы сообщают¹, что некий юноша воспитал змею, которая была его любимицей. Но когда змея выросла, он отвел ее далеко в лес и там оставил, опасаясь природной свирепости и силы зверя. Однако много лет спустя случилось так, что проезжая по ди-

¹ *Plinius. Historia Naturalis. Liber VIII: XXII. 61.*

кому пустынному месту, он попал в руки разбойников. Увидев, что гибель неминуема, человек громко закричал. Змея, услышав крик, узнала голос своего давнего кормильца. Она немедленно поспешила на помощь и спасла юношу от жестоких разбойников. Вот, мой Серватий, змеи, львы, собаки любят тех, кто их любит; как же ты презираешь того, кто умирает от любви к тебе? Почему то, что трогает диких зверей, тебя — человека, и притом молодого, — не может тронуть? Должно быть, есть нечто, чем ты себя оправдываешь: будто я требую от тебя что-то тягостное, что-то трудное, что-то противное добродетели. Но ты доподлинно знаешь, о чем я тебя молю, и этого я у тебя столь жалко, но упорно добиваюсь не как одолжения и не из желания какой-либо выгоды. В чем же дело? Только люби того, кто любит тебя. Что может быть легче этого, что может быть приятнее, что более этого подобает благородной душе? Только, повторяю, люби, и довольно с меня.

Впрочем, мне совсем не безызвестно, что ты намерен возразить мне на это — то же самое, что ты обычно говоришь: «Что же ты хочешь? Зачем ты тревожишь меня? Разве кто-то тебя избегает, или презирает, разве кто-то ненавидит?» Пожалуй, вполне достойные слова, мой Серватий, если бы только твои дела могли заставить им поверить. Однако на них я мог бы откровенно сказать, что заставляет меня страдать, если ты сможешь спокойно выслушать меня. Ты убиваешь меня своим притворством и пренебрежением; ты понимаешь, что я имею в виду? Есть ли что более далекое от настоящей дружбы? Хочешь, я здесь могу напомнить тебе свойства истинной любви. Прежде всего, это то, что все друзья испытывают взаимное расположение; то, что один ничего не скрывает от другого; и охотно ему помогает; если один радуется, другой разделяет его радость; когда один страдает, второй сострадает; они оба должны полагать, что всякую мысль, всякое намерение и, наконец, ход жизни следует верить друг другу. Вот каковы признаки настоящей любви. А теперь, мой Серватий, умоляю, рассуди, может чего-то из этого в тебе не хватает? По моему мнению, кое-чего недостает определенно, но ты, вероятно, думаешь иначе. Однако нет ничего удивительного в том, что я — всего лишь человек — мог ошибаться, особенно в отношении меня самого. То есть, если от меня исходит вина, если во мне есть что-то, что тебе не нравится, почему ты не скажешь мне это открыто, как принято у друзей? Несомненно, я всецело готов исправить это, что бы это ни было. Почему ты мучаешь меня, то выказывая расположение ко мне, то пренебрегая мною? Но зачем я попусту об этом напоминаю? Как будто ты на самом деле можешь измениться благодаря этому письму, ты, которого прежде никакие другие письма, даже слезы, не смогли изменить. Может быть, ты будешь смеяться, в

то время как я говорю о слезах; о нет, право же, ты не сделаешь так, если это дело дорого для тебя в той же мере, как и для меня. Возможно, тебе кажется неправильным или смешным то, что я переношу это так тяжело. В тебе одном я полагаю всю мою надежду, всю жизнь, все утешение души; я стал всецело твоим, ничего своего у меня не осталось¹. А ты, к моему несчастью, так жестоко отдаляешься от меня, так упрямо бежишь, тем более что тебе неизвестно мое малодушие, которое, если не имеет на что опереться² и чем успокоиться, изнуряет меня такими рыданиями, что жить становится тягостно. Призываю в свидетели Бога и этот милый небесный свет, сколько раз бывало, что как только в сердце возникает твой образ, внезапно из глаз начинают литься слезы. Даже это письмо, поверь мне, нельзя было написать без многих слез, до такой степени моя душа не может переносить наш разлад. Прошу, мой сладчайший Серватий, посмотри, какая скорбь гнетет меня; и если есть в тебе благородство души, наконец-то пощади меня, о нет, напротив, самого себя!

Но зачем я вновь возвращаюсь к лести и мольбам? Знаю же, что ты почти ничего не намерен слушать, и еще меньше — делать. Уже давно ты стал глух, ожесточился сердцем³. Зачем я вновь выпрашиваю? «Тяжко. Но перенести легче с покорностью то, что нам изменить нельзя»⁴. Однако этой моей ране терпение ничем не помогает, ничего не дает и течение времени. Тот, кто может принести исцеление, кто в состоянии очень легко обратить скорби в радость, а слезы — в смех, это ты один. Поэтому, мой милейший Серватий, если я не могу добиться от тебя той дружбы, которой бы я впредь более всего желал, то, пожалуйста, пусть между нами будет обычное повседневное общение; если ты считаешь, что мне и в этом следует отказать, то не остается причин, чтобы мне хотеть жить дальше. Прошу, как можно быстрее извести меня в письме, какое мнение сложилось у тебя обо всем этом, причем сделай это искренне, а не притворно, по твоей давней привычке. Прощай, единственная надежда моей души.

Стейн, 1487 г.

Перевод выполнен по изданию: *Erasmus Desiderius. Opus epistolarum. Vol. I. P. 81–83. Ep. 8*; сверен по изданию: *Erasmus Desiderius. The Correspondence of Erasmus: Letters 1 to 141, 1484–1500 / The Collected Works of Erasmus. Toronto, 1974. Vol. I. P. 11–14.*

¹ Ср.: Эразм Роттердамский. Стихотворения. С. 19. № 6. К своему другу.

² Cf.: *Verg. Aeneid. Liber XII: 59.*

³ Ср.: Эразм Роттердамский. Стихотворения. С. 17. № 5. Любовная ода.

⁴ *Horatius. Carmina. Liber I. 24. 19–20.* Цитируется в переводе А.П. Семенова-Тян-Шанского.

Ein unbekanntes Autograph des Johannes Aventinus

An den Tod des großen bayerischen Landeshistoriographen der Epoche des Humanismus Johannes Aventinus (1477–1534)¹ knüpft sich ein ungewöhnlich wechselvolles Nachleben². Er wurde im Konfessionellen Zeitalter in die Auseinandersetzung der Konfessionen einbezogen. In diesem Rahmen wurde er von der katholischen Seite in Schärfe als Häretiker verdammt und sogar auf den Index der verbotenen Bücher gesetzt³. Auf der anderen Seite hat ihn die protestantische Welt sehr rasch zu einem der wegweisenden Historiographen in Deutschland erhoben⁴. Dieser Aufwertung konnte sich die bayerische Gelehrtenwelt erst im Zeitalter der Aufklärung anschließen, als die Prinzipien des Patriotismus über die Vorgaben der Konfessionen gestellt wurden. Der Münchner Hofbibliothekar Andreas Felix von Oefele (1705–1790) verlieh Aventin den Ehrentitel des «Vaters der bayerischen Geschichte» (*Historiae Bojorum Parens*)⁵. Damit prägte er das Attribut, das bis in die Gegenwart vorzugsweise mit dem Abensberger verbunden wird. Grundlage dieser Umbewertung war das glanzvolle Bild, das Aventin von seinem Heimatland von den frühesten Zeiten an durch

¹ Die wichtigsten Biographien: *Wiedemann Theodor*. Johann Turmair, genannt Aventinus, Geschichtschreiber des bayerischen Volkes. Nach seinem Leben und Schriften dargestellt. Freising, 1858; *Dittmar Wilhelm*. Aventin. Nördlingen, 1862; *Wegele Franz Xaver von*. Aventin. Bamberg, 1890; *Strauss Gerald*. Historian in an Age of Crisis. The Life and Work of Johannes Aventinus, Cambridge (Mass.), 1963; *Dünninger Eberhard*. Johannes Aventinus. Leben und Werk des bayerischen Geschichtsschreibers (Rosenheimer Raritäten). Rosenheim, 1977; *Doronin Andrej*. Der Historiker und sein Mythos: Johannes Aventinus (1477–1534). Moskau, 2007 (in russischer Sprache). Zusammenfassend: *März Christoph*. Aventinus Johannes // Deutscher Humanismus 1480–1520: Verfasserlexikon. Berlin, 2008. S. 72–108.

² Dazu erste Beobachtungen: *Schmid Alois*. Die historische Methode des Johannes Aventinus // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 113 (1977). S. 338–395, hier S. 338–344.

³ *Reusch Franz Heinrich*. Der Index der verbotenen Bücher. Ein Beitrag zur Kirchen- und Literaturgeschichte. Bd. I. Bonn, 1883. S. 327f, 467.

⁴ *Meinhold Peter*. Geschichte der kirchlichen Historiographie. Bd. I. Freiburg i. Br., 1967. S. 377, 485.

⁵ *Oefele Andreas Felix*. Rerum Boicarum Scriptores. Bd. II. Augsburg, 1763. S. 525.

alle Jahrhunderte gezeichnet hatte. An dieses knüpfte das 18. Jahrhundert mit Begeisterung an¹. Die Hochschätzung erfuhr ihren Höhepunkt im 19. Jahrhundert, das den königlichen Rang des Landes und der regierenden Dynastie der Wittelsbacher in den Werken des Abensbergers literarisch vorgeprägt sah². Das Königreich Bayern hat ihn mit vielen Formen der öffentlichen Anerkennung bedacht. Es ehrte ihn mit mehreren Biographien, zahlreichen Lobschriften und sogar einzelnen Schauspielen. Es hat ihn in die Walhalla und in die Ruhmeshalle zu München aufgenommen. Die Heimatstadt Abensberg setzte ihm zum 400. Geburtstag ein Denkmal. In mehreren Städten wurden seitdem Straßen und andere öffentliche Einrichtungen nach ihm benannt.

Die Akademieausgabe und ihre Kritiker

Die wissenschaftlich wertvollste Auszeichnung war die Bearbeitung seiner Schriften in einer kritischen Gesamtedition. Diese Aufgabe führte im Namen des Königshauses die oberste kulturelle Instanz im Lande, die Königlichen Akademie der Wissenschaften, aus. Den Anstoß gab die 700. Wiederkehr der Einsetzung der Wittelsbacher als Herzögen in Bayern (1180) im Jahre 1880. Die gelehrte Gesellschaft beauftragte herausragende Kapazitäten des Wissenschaftsbetriebes im Lande mit der Ausarbeitung dieses Werkes; Protagonisten waren die Professoren Sigmund Riezler (Universität München)³ und Matthias Lexer (Universität Würzburg)⁴. In den Jahren zwischen 1881 und 1908 konnten insgesamt sechs Bände zur Veröffentlichung gebracht werden⁵. Sie setzten einen Markstein in die

¹ *Kraus Andreas*. Die historische Forschung an der Churbayerischen Akademie der Wissenschaften 1759–1806 (Schriftenreihe zur bayerischen Landesgeschichte 59). München, 1959, s. Reg.

² Wegweisend: *Breyer Karl W. F.* Über Aventin, den Vater der baier'schen Geschichte. München, 1807.

³ Zu Sigmund von Riezler (1843–1927): Geist und Gestalt (siehe: Biographische Beiträge zur Geschichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften vornehmlich im zweiten Jahrhundert ihres Bestehens: Gesamtverzeichnis der Mitglieder 1759–1984. Bearb. von Ulrich Thürauf und Monika Stoermer. München, 1984. S. 122): 1877 Korrespondierendes Mitglied; 1883 Außerordentliches Mitglied; 1888 Ordentliches Mitglied; 1898 erster Inhaber des Lehrstuhls für bayerische Landesgeschichte an der Universität München.

⁴ Zu Matthias Ritter von Lexer (1830–1892): Geist und Gestalt (Gesamtverzeichnis der Mitglieder. S. 93): 1878: Auswärtiges Mitglied; 1891 Ordentliches Mitglied; Lehrstuhl für deutsche Sprache und Literatur an den Universitäten Würzburg (1868) und München (1890).

⁵ *Johannes Turmair's* genannt Aventinus Sämtliche Werke. Hg. von der K. Akademie der Wissenschaften. 6 Bände. München, 1881–1908 [im Folgenden abgekürzt: *Aventinus*. S.W.].

deutsche Wissenschaftslandschaft, weil zum ersten Mal die Schriften eines Humanisten in kritischer Edition vorgelegt wurden. Die Akademieausgabe der «Sämtlichen Schriften» Aventins wurde eine bemerkenswerte Leistung der frühen deutschen Humanismusforschung. Auch mit dieser Begründung wurden die Hauptträger des Editionswerkes auf wichtige Lehrstühle berufen und als Mitglieder in die Königliche Akademie aufgenommen.

Trotz der unbestreitbaren wissenschaftsgeschichtlichen Bedeutung erfuhr die Edition sehr rasch Kritik. Sie kam von mehreren Seiten und setzte an unterschiedlichen Punkten an. Zum einen wurde bald erkannt, dass das Unternehmen dem hohen Anspruch, eine Gesamtausgabe zu bieten, nicht gerecht wurde. Mehrere kleinere Schriften hatten, aus unterschiedlichen Gründen, keine Aufnahme gefunden¹. Zum Vorwurf der Unvollständigkeit kamen methodische Bedenken, dass die Arbeitsprinzipien der Editionswissenschaft nicht in wünschenswerter Weise Anwendung gefunden hätten. Diese Monita erhob am entschiedensten Wilhelm Mayer². Der an der K. Hof- und Staatsbibliothek in der Handschriftenkatalogisierung tätige Sekretär, der 1886 als Fachvertreter für klassische Philologie an die Universität Göttingen berufen wurde und sich dort auch dem Mittel- und Neulatein widmete. Er war ein feiner Kenner auch der Schriften Aventins³. Er löste eine heftig ausgetragene Wissenschaftlerkontroverse um den Wert der Edition der «Annales ducum Boiariae» aus. Der Gelehrtenstreit machte rasch deutlich, dass das hochrangige Editionsunternehmen Schwächen hatte.

¹ Als Nachträge erschienen an zerstreuten Druckorten: *Meyer Wilhelm*. Ein Bruchstück von Aventin // Forschungen zur deutschen Geschichte. 19 (1879). S. 240–241; *Leidinger Georg*. Über ein wiedergefundenes Schriftchen Aventins // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-philolog.-hist. Klasse (1913). H. 6; *Id.* Ein unbekanntes Gedicht Aventins // Beiträge zur Geschichte der Renaissance und Reformation. Joseph Schlecht zum 60. Geburtstag dargebracht. Hg. von Ludwig Fischer. Freising, 1917. S. 225–235.

² *Meyer Wilhelm*. Philologische Bemerkungen zu Aventins Annalen und Aventins Lobgedicht auf Albrecht IV. von 1507 // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-philolog.-hist. Klasse. Bd 17, 3. Abt. (1886). S. 723–791. Zu Wilhelm Meyer (1845–1917): Gesamtverzeichnis der Mitglieder. S. 101; *Rüdle Fidel*. Wilhelm Meyer, Professor der Klassischen Philologie (1886–1917) // Die Klassische Altertumswissenschaft an der Georg-August-Universität Göttingen. Eine Ringvorlesung. Hg. von Carl-Joachim Classen. Göttingen 1989. S. 128–148.

³ Das belegt etwa sein Benützervermerk in: British Library London, Cod. Harleianus 3668. Der aus dem Peutinger-nachlass stammende und vom Diplomaten Thomas Harley nach London verbrachte Codex enthält (p. 202r–279r) die «Kleinen Annalen» Aventins (s. Anm. 51).

Ein Grund dafür war sicherlich der Zeitdruck, unter dem das Vorhaben durchgeführt werden musste; die große Aufgabe war zu spät in Angriff genommen worden¹. Die Herausgebergruppe war zu rascher Arbeit gezwungen. Das Dynastiejubiläum gab einen Zeitrahmen vor, der nicht einzuhalten war². Tatsächlich konnte zu den Feierlichkeiten termingerecht kein einziger Band vorgelegt werden. Die Akademie sah sich veranlasst, diesen misslichen Umstand mit einer Ersatzlösung zu überdecken. Der hochangesehene Präsident Ignaz von Döllinger (1799–1890) hielt persönlich den Jubiläumsvortrag über «Aventin und seine Zeit»³, der viel Beachtung und Anerkennung fand. Auf das in Bearbeitung befindliche Editionsprojekt wies er nur abschließend mit wenigen Worten hin.

Die Kritik Wilhelm Meyers nahm ihren Ausgang von der ihm als führendem Handschriftenforscher bestens bekannten Überlieferungsgeschichte. Vom Hauptwerk Aventins, den «*Annales ducum Boiariae*», gibt es zwei vollständige Manuskripte. Zum einen liegt ein Autograph des Verfassers vor, das noch zum Zeitpunkt seines Ablebens in dessen Besitz war (Handschrift A); es ist erst im 17. Jahrhundert in die Münchner Hof- und Staatsbibliothek gelangt⁴. Zum anderen gibt es eine im Auftrag des Hofes unter persönlicher Aufsicht und Kontrolle des Abensbergers in den Jahren 1525 und 1526 von einem Magister Stephan Gartner aus Passau erstellte Reinschrift, die auf Umwegen schließlich in die Württembergische Landesbibliothek Stuttgart (Handschrift B) kam⁵. Riezler legte seiner Ausgabe nur diese beiden wichtigsten Textzeugen zugrunde⁶. Sie boten den gesamten Text in sehr sauber geschriebener, übersichtlicher und deswegen ohne größere Schwierigkeiten zu benützender Form. Nun waren aber noch zwei weitere, weniger sorgsam gestaltete und deswegen erschwert auszuwertende Teilhandschriften der «*Annales*» bekannt: eine in

¹ Zur Entstehungsgeschichte instruktiv: Bayerisches Hauptstaatsarchiv München MK 11 740. Zur Einordnung auch: *Körner Hans-Michael*. Staat und Geschichte im Königreich Bayern (Schriftenreihe zur bayerischen Landesgeschichte 96). München, 1992. S. 101.

² *Körner Hans-Michael*. Staat und Geschichte. S. 297–322.

³ *Döllinger Ignaz von*. Aventin und seine Zeit // *Id.* Akademische Vorträge. Bd. I. München 1888. S. 138–162. S. auch *Id.* Festrede zur 400jährigen Stiftungsfeier der Universität München // *Id.* Akademische Vorträge. Bd. II. München, 1889. S. 56–89, bes. 67f.

⁴ Bayerische Staatsbibliothek München, clm 282–287; vgl. *Wiedemann Theodor*. Johann Turmair, genannt Aventinus. S. 278f.; *Aventinus*. S.W. Bd. III. S. 539.

⁵ Württembergische Landesbibliothek Stuttgart, Cod. hist. fol. 407a–407g. Vgl. *Wiedemann Theodor*. Johann Turmair, genannt Aventinus; *Aventinus*. S.W. Bd. III. S. 540f.

⁶ *Aventinus*. S.W. Bd. II, III. Die Editionsgrundsätze: *Aventinus*. S.W. Bd. III. S. 542–545.

der Herzog August Bibliothek zu Wolfenbüttel (Handschrift C)¹ und eine andere in der Württembergischen Landesbibliothek Stuttgart (Handschrift D)². Diese wurden in der Handschriftenübersicht der Edition als weitere Textzeugen nur kurz angesprochen³. Riezler bezog sie jedoch nicht in die Textgestaltung ein.

An dieser Grundentscheidung des Herausgebers setzte die Erwiderung Meyers an. Er pochte auf das Fundamentalgesetz moderner Editionswissenschaft, dass für eine kritische Ausgabe literarischer Werke alle verfügbaren Textzeugen beigezogen werden müssen und vornehmlich die Autographen als Archetypus zugrunde zu legen sind. Am ehesten sie verbürgen eine Textfassung letzter Hand, die eine kritische Edition anzustreben hat. Diesen methodischen Grundforderungen habe Riezler bei der Bearbeitung der «*Annales ducum Boiariae*» nicht hinreichend Rechnung getragen. Meyer warf Riezler unfachmännischen Umgang mit der handschriftlichen Überlieferung vor, die sich auf die zwei nächstliegenden Textzeugen beschränkt und diese noch dazu durch die Anerkennung als doppelte Autographen unzutreffend bewertet habe. Deswegen hatte Meyer an zahlreichen Einzelheiten Kritik anzumelden. Er machte seine grundsätzlichen Anmerkungen in einer umfangreichen Abhandlung der Akademie an wirkungsvoller Stelle öffentlich. Dieser Angriff veranlasste Riezler zu einer umgehenden Verteidigung seines Vorgehens an gleicher Stelle⁴. Es kam somit über Feinheiten der Editionswissenschaft zu einer echten Forschungskontroverse zwischen den beiden Gelehrten, die damals in unmittelbarer Nähe an der Königlichen Hof- und Staatsbibliothek beruflich tätig waren. Im Grunde traten sich mit dem Historiker und dem Philologen die Vertreter zweier in Einzelheiten der Editionsphilologie unterschiedlich verfahrenender Disziplinen gegenüber. Wenn die kritischen Anmerkungen Meyers umgesetzt worden wären, hätte die Edition noch einmal völlig neu angefertigt werden müssen. Es war aber niemand bereit, dem in seiner Fachwissenschaft führenden Gelehrten Riezler diese Kränkung anzutun und die Herkulesaufgabe auf sich zu nehmen. Trotz der Kritik Meyers ist die Akademieausgabe Riezlers zum Grundwerk der Aventinforschung geworden. Sie stellte ohne Zweifel eine hinreichende Arbeitsgrundlage bereit.

¹ Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel, Sign. 19.22 fol.

² Württembergische Landesbibliothek Stuttgart, Cod. hist. fol. 404.

³ *Aventinus*. S.W. Bd. III. S. 538f.

⁴ *Riezler Sigmund*. Zum Schutze der neuesten Edition von Aventins Annalen // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-philolog.-hist. Klasse. 17. 3. Abt. (1886). S. 781–811. Siehe auch *Riezler Sigmund*. Geschichte Baierns. Bd. VI (Geschichte der europäischen Staaten. 20,6). Gotha, 1903. S. 394 (knapper Hinweis).

Ein neuer Textzeuge

Der Kritik Wilhelm Meyers lagen keinesfalls nur persönliche Animositäten oder beruflich bedingte Rivalität zugrunde. Der Konkurrent brachte von der Warte der Philologie her unbestreitbare Schwachpunkte zur Sprache. Seine Einwände können nunmehr durch einen Quellenfund untermauert werden, der an unvermuteter Stelle glückte. Die Staatliche Bibliothek Regensburg verwahrt unter ihren handschriftlichen Beständen ein weiteres Autograph Aventins, das für die Textgeschichte der «Annales ducum Boiariae» von Belang ist. Es hätte für eine musterhafte Edition im Sinne Wilhelm Meyers durchaus beigezogen werden müssen. Doch ist der Editor dazu nicht vorgestoßen, obwohl es in erreichbarer Entfernung überliefert ist.

Die Staatliche Bibliothek Regensburg war lange Zeit die wichtigste wissenschaftliche Bibliothek des Regierungsbezirkes Oberpfalz¹. Durch den Aufbau der großen Bibliotheken der Fachhochschule und vor allem der Universität sowie weiterer Forschungseinrichtungen in Regensburg ist sie in den Hintergrund gedrängt worden. Um ihren Standort auch unter den sich wandelnden Umständen zu betonen, legte die Direktion 1967 ein handliches Bändchen vor, das ihre Bestände vor allem den kulturwissenschaftlich interessierten Disziplinen wieder stärker ins Bewusstsein rücken wollte². Völlig zu Recht wurden als Glanzstücke von besonderem Wert die historischen Bestände herausgestellt. In diesem Rahmen wurde auch – freilich an ziemlich versteckter Stelle – auf eine Handschrift verwiesen, die mit Johannes Aventinus in Verbindung steht; sie trägt die Signatur Bav. 1621 IP³. Der Faszikel hatte bis dahin nie Beachtung gefunden. Doch weckte der Hinweis der Bibliotheksverwaltung auch in der Folgezeit keinerlei Interesse⁴.

Die Einsicht ergibt folgenden Sachverhalt: Es handelt sich um einen sehr schmalen und gehefteten Faszikel im Folioformat. Er bietet einen durchgehend von gleicher Hand geschriebenen fortlaufenden Text, den kein Vorwort näher erläutert. Die insgesamt acht beidseitig beschriebenen Blätter (32,5 x 22,1 cm) sind aus dem zugehörigen Zusammenhang gerissen. Die älteren hausinternen Repertorien konnten mit dem Fragment zunächst nichts anfangen und gaben den Inhalt allein mit dem stichpunktartigen Hinweis auf einen mehrfach genannten «Theodo» an.

¹ *Drucker Michael*. Staatliche Bibliothek Regensburg // Regionalbibliotheken in Deutschland (Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie. Sonderheft 78). Hg. von Bernd Hagenau. Frankfurt a. M., 2000. S. 424–427.

² Die Staatliche Bibliothek in Regensburg: Benützungshinweise – Führer durch die Sammlungen – Gesamtbibliographie. Regensburg o. J. [1967].

³ Ebd. S. 49.

⁴ Einziger marginaler Hinweis: *März Christoph*. Aventinus Johannes. S. 85.

Konkreter wurde dann ein späterer Bibliothekar, der auf dem beigegebenen Umschlag den Inhalt des Faszikels mit folgenden Worten zusammenfasste: «Aventini Manuscriptum. Ex Annalium Bojorum libro III». Die genaue Bezugsstelle wurde zutreffend in der Editio princeps des Samuel Weißenhorn (Ingolstadt 1554) ermittelt. Seitdem weist die Bibliotheksverwaltung das Geheft Aventin zu, weil sie den Zusammenhang mit dessen «Annales» erkannt hat. Dabei bleibt unklar, ob der Bibliothekar Aventin nur als Verfasser oder auch als Schreiber kennzeichnen wollte. Auf jeden Fall verdient neben dem Inhalt auch der Schreiber Beachtung. Denn die Kenntnis des Aventinnachlasses lässt die Zuweisung der acht Blätter an den Abensberger als gesichert erscheinen. Der Nachweis ist ausschließlich durch den paläographischen Vergleich zu führen. Der Duktus zeigt unverkennbar die klaren und meist gut lesbaren Schriftzüge dieses Humanisten¹. Das Fragment bietet einen Text Aventins in dessen eigener Handschrift.

Inhaltlich handelt es sich um einen Auszug aus den «Annales ducum Boiariae»: Buch III Kap. 1 und 2. Natürlich enthält diesen Abschnitt auch die Akademieausgabe². Er behandelt einen der frühen Bayernherzöge namens Theodo. Dieser beschäftigte Aventin offensichtlich in ganz besonderer Weise; er verlieh dem Herrscher das Attribut «der Grosse» («*magnus*»)³.

Es ist eine lohnende Mühe, den Text des neuaufgefundenen Bruchstückes mit der gedruckten Akademieausgabe in Beziehung zu setzen. Der Textvergleich ergibt sofort, dass es sich um eine ernstzunehmende Variante handelt. Die acht Blätter bieten eine Vorstufe der endgültigen Textfassung. Beide Versionen stimmen weithin überein. Die am ehesten ins Auge fallenden Unterschiede in den mehr formalen Einzelheiten der Orthographie (v.a. Groß- und Kleinschreibung), der Satzführung und Interpunktion gehen ebenso wie die Absatzeinteilung natürlich weithin auf das Konto des den Text erschließenden namhaften und kompetenten Editors.

Wichtiger sind die Unterschiede in der Textgestaltung. Denn der Neufund weist an mehreren Stellen unübersehbare Unterschiede zur in Druck vorliegenden Endfassung auf. Der Autor arbeitete offensichtlich über längere Zeit intensiv an der Darstellung. Sein Ringen um den Text findet seinen Niederschlag auch auf den aufgefundenen Blättern durch zahlreiche Korrekturen. Die Veränderungen betreffen zum einen Formulierungen. Der Autor entscheidet sich nach Überlegung schließlich oftmals für andere Begriffe. So ersetzt er einmal das ursprünglich verwen-

¹ Eine Schriftprobe bei: *Dünninger Eberhard*. Johannes Aventinus. Vor S. 121.

² *Aventinus*. S.W. Bd. II. S. 332 Z. 1–342 Z. 17.

³ Bav. 1621 IP, p. 14, 15, 17 (Kopfzeile), auf den übrigen Blättern heißt es nur: «Theodo I».

dete Substantiv «*oratio*» durch «*verba*»¹, ein andermal das Verbum «*tene-tis*» durch «*habetis*»² oder die adverbiale Zeitangabe «*deinde*» durch «*post haec*»³. Ähnliche Verbesserungen in der Wortwahl finden sich oftmals. An anderen Stellen veränderte Aventin die Abfolge der Worte und stellte um, um einen gefälligeren Sprachduktus oder eine Klimax zu erreichen⁴. Verschiedentlich erweiterte er den anfänglichen Wortlaut durch kurze erläuternde Einschübe, die den gerade behandelten Sachverhalt verständlicher machen sollten⁵.

Die festzustellenden Veränderungen wurden nun nicht in einem einzigen Arbeitsgang, sondern zu unterschiedlichen Zeitpunkten angebracht. Die Überarbeitung erfolgte in mehreren Stufen. Der erste Schritt zur Optimierung wurde noch während der Abfassung des Fragments angebracht. Unmittelbar nach der Niederschrift der Erstformulierung wurden einzelne Worte durchgestrichen und noch in der gleichen Zeile durch eine sofort folgende Neufassung ersetzt⁶. An anderer Stelle werden die zunächst verwendeten Begriffe durch übergeschriebene neue Worte oder Formulierungen erst nachträglich in eine bessere Form gebracht. Wenn dafür mehr Platz benötigt wurde, verwendete Aventin ein an den Rand geschriebenes Marginale. Vereinzelt betreffen die Randbemerkungen auch längere Zusätze. Da sich die Nachträge durch unterschiedliche Tintenfärbung und wechselnden Schriftduktus voneinander unterscheiden, sind sie zu mehreren späteren Zeitpunkten angebracht wurden. Die Text- und Schriftanalyse des Bruchstückes macht also mehrere Bearbeitungsschritte deutlich.

Der Vergleich des Fragmentes mit der Haupthandschrift clm 283 zeigt, dass dessen Verbesserungen in diese bereits eingearbeitet sind. Das Bruchstück muss somit der Haupthandschrift vorausgehen. Es handelt sich um eine Vorstudie, eine frühere Textfassung, an der der Autor in mehreren Schritten weitergearbeitet hat. Die 6 cm breiten Ränder links und rechts des Textblockes boten auf jeder Seite hinreichend Platz für derartige eingeplante Optimierungen.

Doch weist das Autograph noch zusätzliche Veränderungen am Text der Darstellung auf, für die das Fragment noch keine Anhaltspunkte bietet. Sie sind aus der Haupthandschrift schließlich auch in die Druckfassung eingegangen. An einer Stelle hat Aventin zur Verlebendigung ein beschwö-

¹ Bav. 1621 IP, p. 6 Z. 21 – *Aventinus*. S.W. Bd. II. S. 334 Z. 34.

² Bav. 1621 IP, p. 7 Z. 4 – *Aventinus*. S.W. Bd. II. S. 335 Z. 7.

³ Bav. 1621 IP, p. 11 Z. 1 – *Aventinus*. S.W. Bd. II. S. 338 Z. 5.

⁴ Bav. 1621 IP, p. 11 Z. 14–15 – *Aventinus*. S.W. Bd. II. S. 338 Z. 14–15.

⁵ Bav. 1621 IP, p. 4 Z. 25 – *Aventinus*. S.W. Bd. II. S. 333 Z. 25–26: “*a barbarorum, i d e s t, F r a n c o r u m, i u g o e r i p u i t*”.

⁶ Bav. 1621 IP, p. 16 Z. 24–25 – *Aventinus*. S.W. Bd. II. S. 341 Z. 30–31.

rendes «*Crede mihi*» eingeschoben¹, ein anderes Mal hat er inhaltliche Ergänzungen angebracht². An Einzelstellen hat er nachträglich breiter angesetzt und ganze Zeilen neu ausgearbeitet. Ein Grund waren nachträgliche Informationen, die er einfügte³. Eine solche Ergänzung bietet etwa den zwischenzeitlich ermittelten Quellenbeleg für die auf den ersten Blick ungewöhnliche Ortsbezeichnung «*Reginopyrga*» für Regensburg: «*quod nomen celebre in fastis est*»⁴. Andernorts wollte er bei der Schilderung eines Schlachtengeschehens ganz einfach die Lebendigkeit steigern⁵. Die Römerstadt Augsburg regte ihn zu einer begeistert ausholenden Erläuterung ihrer historischen Bedeutung an⁶. Im Allgemeinen bieten die Veränderungen echte Optimierungen. Doch weist der Neufund zumindest an einer Stelle sogar eine bessere Textfassung auf als die schließlich gedruckte Version: Statt «*Sed a Boios redeo*» in der Akademieausgabe gebraucht das Fragment zur Beendigung eines Exkurses die zutreffende Präposition «*ad*»⁷. Aventin hat also auch mehrere Verbesserungen und Veränderungen vorgenommen, für die das Fragment noch keine Nachweise bietet. Somit sind noch weitere zwischengestaltete Bearbeitungsstufen vorauszusetzen, deren Unterlagen verloren gegangen sind. Dennoch kommt das neu entdeckte Bruchstück der Endfassung bereits ziemlich nahe. Insgesamt gesehen wurden nicht mehr allzu viele Änderungen angebracht.

Wenn der Editor Riezler methodisch einwandfrei gearbeitet hätte, dann hätte er auf das Regensburger Fragment zumindest hinweisen müssen. Im Idealfall hätte er es sogar in den Kommentar einarbeiten sollen. Hier liegt eine weitere Möglichkeit zur Optimierung der Akademieausgabe im Sinne Wilhelm Meyers vor. Dennoch ist dem Vorgehen des Editors zugute zu halten, dass die wenigen aufgefundenen Blätter die einzigen handschriftlichen Aventiniana in dieser Bibliothek sind; sie spielt für die Textüberlieferung der Schriften Aventins im Übrigen keine Rolle. Aus diesem Grund sah nie ein Aventinforscher eine Veranlassung, auch in ihr Recherchen anzustellen. Der Textfund basiert auf einem nicht zu erwartenden Glücksfall⁸. Deswegen ist durchaus verständlich, wenn Riezler die-

¹ Bav. 1621 IP, p. 6 Z. 11 – *Aventinus*. S.W. Bd. II. S. 334 Z. 27.

² Bav. 1621 IP, p. 7 Z. 3 – *Aventinus*. S.W. Bd. II. S. 335 Z. 4.

³ *Aventinus*. S.W. II. S. 338 Z. 30–339 Z. 23, Z. 11: «*audivi*».

⁴ Bav. 1621 IP, p. 11 Z. 5 – *Aventinus*. S.W. Bd. II. S. 338 Z. 8–9.

⁵ *Aventinus*. S.W. II. S. 337 Z. 21–28.

⁶ Ebd. S. 336 Z. 8–17.

⁷ Bav. 1621 IP, p. 15 Z. 11 – *Aventinus*. S.W. Bd. II, S. 341 Z. 5.

⁸ Ein vergleichbarer Parallelfall: *Lübbers Bernhard*. Über eine vermeintlich verschollene Handschrift von Veit Arnpecks «*Bayerischer Chronik*» // Studien zur bayerischen Landesgeschichtsschreibung in Mittelalter und Neuzeit: Festgabe für Andreas Kraus zum 90. Geburtstag (Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte Beiheft 41). Hg. von Alois Schmid und Ludwig Holzfurtner. München, 2012. S. 185–191.

se kleine Provinzialbibliothek nicht in die Quellensuche einbezog und ihm dieser Textzeuge entgangen ist.

Dennoch ist der Fundort Regensburg in keiner Weise ungewöhnlich. Die dortige Staatliche Bibliothek verwahrt wertvolle Bestände zur Stadtgeschichte von Regensburg, die aus der alten Stadtbibliothek in sie gelangt sind. Johannes Aventinus stand bekanntlich in vielfältigen Beziehungen zu dieser Reichsstadt. Vor allem verbrachte er die letzten Lebensjahre ab 1528 in seinem Haus Engelburgergasse 14 (alte Hausnummer Lit. D 21); dort ist er verstorben¹. Er fand sein Grab auf dem zuständigen Friedhof der Oberen Stadt beim Kloster St. Emmeram. Noch heute erinnert im dortigen Vorhof ein vielbeachtetes Epitaph an den namhaften Toten². Die Stadt hatte die Nachlassangelegenheit³ entsprechend ihren rechtlichen Bestimmungen abzuwickeln. In diesem Zusammenhang wurde auch die bedeutende Gelehrtenbibliothek aufgenommen. Der Stadtschreiber Hanns Reysolt hat neben etwa 150 Büchern auch einige ungebundene Materialien und vier Mappen verzeichnet⁴. Es ist durchaus denkbar, dass sich darunter auch dieses dünne Geheft befand. Noch weniger als die beiden Versionen der «Annales», die vom Münchner Hof als Auftragswerk merkwürdigerweise bei dieser Gelegenheit nicht eingefordert wurden, sondern zunächst ebenfalls in Regensburg verblieben⁵, fanden die aus dem Zusammenhang gerissenen wenigen unscheinbaren Blätter Beachtung. Es spricht alles dafür, dass das Bruchstück in diesem Rahmen der Nachlassregelung in die Zuständigkeit der Stadt gekommen ist. Sie landeten in deren Bibliothek und sind aus dieser in die Nachfolgeeinrichtung gelangt. Das Fragment erregte auch dort keinerlei Aufmerksamkeit. Der unscheinbare Schriftsatz spornte lange niemanden zur Beschäftigung mit seinem Inhalt an. Vor allem blieb der namhafte Schreiber unerkannt.

¹ *Dünninger Eberhard*. Johannes Aventinus. S. 40–43; *Id.* «hauptstat und mueterstat»: Johannes Aventinus und Regensburg // *Id.* Oberpfalz und Regensburg: Kultur- und Lebensbilder. Regensburg, 1998. S. 55–63; *Bauer Karl*. Regensburg. Aus Kunst-, Kultur- und Sittengeschichte. Regensburg, 1988. S. 223–225.

² *Endres Josef Anton*. Das Grabmal Aventins // *Id.* Beiträge zur Kunst- und Kulturgeschichte des mittelalterlichen Regensburgs. Regensburg, [1920]. S. 199–200; *Schlemmer Hans*. Die Grabdenkmäler in St. Emmeram. Regensburg, 2008. S. 48.

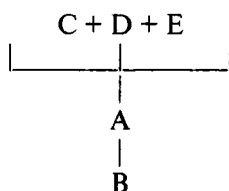
³ Zum literarischen Nachlass: *Wiedemann Theodor*. Johann Turmair, genannt Aventinus. S. 345–366.

⁴ Das Protokoll: Eos. Eine Zeitschrift aus Baiern zur Erheiterung und Belehrung (1819). S. 102. Beilage Nr. 26; *Aventinus*. S.W. Bd. I. S. LVI Anm.: «Item ellich püecher sint nit eingebunden. ... Item vier mappen».

⁵ *Hartig Otto*. Die Gründung der Münchener Hofbibliothek durch Albrecht V. und Johann Jakob Fugger (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse. Bd. (1917)). S. 157–159.

Sigmund Riezler hat jedoch sehr wohl in anderen Bibliotheken nach weiteren Textzeugen Umschau gehalten und ist dort, wie bereits festgestellt, fündig geworden. Er hat für einzelne Abschnitte zwei weitere Textzeugen von Aventins eigener Hand ermittelt, die offensichtlich miteinander in Verbindung stehen. Der Neufund zu Regensburg, der in Anlehnung an den Editor Riezler mit der Sigle E belegt werden kann, ist neben diese zwei bekannten Teilhandschriften zu stellen. Die Autopsie ergibt deutliche Übereinstimmungen der drei Schriftsätze in der formalen Gestaltung. Andererseits betrifft jedes der Fragmente andere Abschnitte der «Annales»; es gibt keine Überschneidungen. Diese Feststellungen legen den Schluss nahe, dass der vorgestellte Quellenfund kein isoliertes Textbruchstück darstellt, sondern neben den zwei Vergleichscodices steht. Alle drei Bruchstücke gehören mit hoher Wahrscheinlichkeit zusammen. Die Blätter der Vorstudien wurden wohl im Rahmen der Nachlassregelung auseinandergerissen und gelangten so an ihre weit voneinander entfernten Überlieferungsorte.

Die bekannten fünf Textzeugen der «Annales ducum Boiariae» lassen sich zu folgendem Stemma zusammenfassen:

Die Bedeutung

Das Gewicht des neu entdeckten Quellenstückes darf nicht überschätzt werden. Es erweitert das Wissen um Aventins Chroniken im Grunde nicht allzu sehr. Das Geheft liefert lediglich einen zusätzlichen Textzeugen für einen gut bekannten und leicht greifbaren kleinen Abschnitt, der keinesfalls zu den zentralen Kapiteln gehört.

Dennoch verdient der Neufund Beachtung. Schon als Autograph kommt ihm Bedeutung zu. Ein originales Egozeugnis ist in jedem Fall von Wichtigkeit für das Wissen um die Lebensgeschichte einer herausragenden Persönlichkeit. Es dokumentiert in hochwertiger Weise Lebensspuren, die diese hinterlassen hat. Mehr als die Äußerungen Außenstehender eröffnet ein nachgelassenes Selbstzeugnis durch Schrift und Inhalt unmittelbaren Zugang. Das gilt in besonderer Weise für einen Autor.

Das Fragment gewährt vor allem erhellenden Einblick in die Arbeitsweise des Historiographen Aventin. Der Vergleich des vor-

gestellten Arbeitspapiere mit der Akademieausgabe belegt die eingehende Beschäftigung Aventins mit dem behandelten Gegenstand. Seine großen Chroniken, die im Allgemeinen in der vorliegenden Druckfassung der Akademieausgabe zu benützen sind, werden hier als Endprodukt eines intensiven Arbeitsprozesses erkennbar. Dieser betrifft Stil und Inhalt gleichermaßen. Der Literat sucht das rechte Wort und gefällige Formulierungen. Er bemüht sich in gleicher Weise um die sachlich zutreffende und stilistisch lebendige Darstellung. Er ringt um das passende Urteil. Beständig erweitert er sein Wissen um den behandelten Sachverhalt. Sein besonderes Interesse gilt den Schlüsselstellen des Geschichtsprozesses, an denen er die stilistische Feile in besonderer Weise ansetzt. Der Neufund ermöglicht einen vertieften Einblick in die historische Methode Aventins¹.

Weiterhin macht der Quellenfund deutlich, dass die Materialbasis bezüglich Aventins noch nicht in Vollständigkeit zusammengetragen ist. Die Ausgabe der «Sämtlichen Schriften» darf nicht zu dieser trügerischen Annahme verführen. Das gilt sogar für die wissenschaftlichen Werke. Dass in der Akademieausgabe mehrere Nebenschriften fehlen, ist seit Langem erkannt. Besonders bedauerlich ist die Nichtaufnahme der «Kleinen Annalen», weil sie einen erhellenden Einblick in die Entwicklung des Historikers Aventin eröffnen². Das gilt weiterhin für die verschiedenen Textzeugen seiner Werke. Das gilt schließlich auch für die Autographen. Der Nachlass Aventins befindet sich zum Großteil in den Beständen der Bayerischen Staatsbibliothek zu München³; er wird dort aber nicht vollständig verwahrt. Einzelstücke haben einen anderen Weg genommen und sind an unterschiedliche Überlieferungsorte gelangt, wo sie erst zur Vervollständigung der Materialien zu entdecken und zu erschließen sind. Ein weiteres Desiderat ist die Sammlung von Belegen zu Aventin im Verwaltungsschrifttum der wittelsbachischen Höfe zu München und Landshut, die seine außerwissenschaftlichen Aktivitäten betreffen. Die Komplettierung der Quellenbasis muss eine wichtige Aufgabe der Aventinforschung bleiben.

Dafür wurden die Voraussetzungen in den letzten Jahren deutlich verbessert. Die systematischen Erschließungsarbeiten der Biblio-

¹ Schmid Alois. Die historische Methode des Johannes Aventinus.

² Schmid Alois. Die Kleinen Annalen des Johannes Aventinus aus dem Jahre 1511 // Deutsche Landesgeschichtsschreibung im Zeichen des Humanismus (Contubernium 56). Hg. von Franz Brendle u.a. Stuttgart, 2001. S. 69–95.

³ Dachs Karl. Die schriftlichen Nachlässe in der Bayerischen Staatsbibliothek. München, 1970. S. 30.

thekswissenschaft¹ verhelfen zu einer deutlich verfeinerten Kenntnis der Überlieferungs-, Publikations- und Rezeptionsgeschichte. Die neuen elektronischen Hilfsmittel ermöglichen eine wesentlich erleichterte Verfolgung auch entlegener Spuren. Diese Verbesserungen können dazu beitragen, über den ohnehin guten Forschungsstand hinauszukommen. Endziel muss eine umfassend angelegte, auf einem breiten Quellenfundament aufgebaute, neuere Ansätze der Humanismusforschung aufgreifende und die vorliegende Literatur umfassend auswertende zeitgemäße Biographie sein, welche die nach eineinhalb Jahrhunderten doch veralteten Grundwerke von Theodor Wiedemann² und Wilhelm Dittmar³ ablösen und die für breitere Leserschichten angelegten Lebensbilder von Willibald Schmidt⁴ und Eberhard Dünninger⁵ ersetzen muss. Die bemerkenswerterweise gerade von ausländischen Kollegen neueren Arbeiten von Gerald Strauss⁶ und Andrej Doronin⁷ haben dazu äußerst hilfreiche Wege gewiesen. Nach Konrad Celtis⁸, Johannes Cuspinian⁹, Ulrich von Hutten¹⁰, Konrad Peutinger¹¹, Joachim Vadian¹², Urbanus Rhegius¹³ oder Albert Krantz¹⁴ verdient auch der «Vater der bayerischen Geschichte» Johannes Aventinus eine derartige zeitgemäße Biographie. Dazu kann der hier vorgestellte Quellenfund einen zumindest kleinen Baustein beitragen.

¹ Verzeichnis der im deutschen Sprachbereich erschienen Drucke des XVI. Jahrhunderts (VD 16). 25 Bände. Stuttgart 1983–2000. Zu Aventinus siehe: Turmair, Johannes // Bd XX. S. 585–592 (T 2318–2361).

² *Wiedemann Theodor*. Johann Turmair, genannt Aventinus.

³ *Dittmar Wilhelm*. Aventin.

⁴ *Schmidt Willibald*. Johannes Turmair genannt Aventinus (Straubinger Hefte 16). Straubing 1966.

⁵ *Dünninger Eberhard*. Johannes Aventinus.

⁶ *Strauss Gerald*. Historian in an Age of Crisis.

⁷ *Doronin Andrej*. Der Historiker und sein Mythos: Johannes Aventinus (1477–1534).

⁸ *Spitz Lewis W.* Conrad Celtis, The German Arch-Humanist. Cambridge (Mass.). 1957.

⁹ *Ankwicz-Kleehoven Hans*. Der Wiener Humanist Johannes Cuspinian. Gelehrter und Diplomat zur Zeit Kaiser Maximilians I. Graz-Köln, 1959.

¹⁰ *Holborn Hajo*. Ulrich von Hutten. Göttingen, 1968.

¹¹ *Lutz Heinrich*. Conrad Peutinger. Beiträge zu einer politischen Biographie. Augsburg, 1958.

¹² *Näf Werner*. Vadian und seine Stadt St. Gallen. 2 Bände. St. Gallen, 1944/1957.

¹³ *Liebmann Maximilian*. Urbanus Rhegius und die Anfänge der Reformation (Reformationsgeschichtliche Studien und Texte 117). Münster i. W., 1980.

¹⁴ *Andermann Ulrich*, Albert Krantz: Wissenschaft und Historiographie um 1500. Weimar, 1999.

Об одном неизвестном автографе Авентина

Профессор Алоис Шмид, блестящий знаток истории Баварии, в первую очередь раннего Нового времени, посвятил нашему юбилею свою как всегда фундированную и вписанную в широкий исторический контекст источниковедческую студию. В Государственной библиотеке Регенсбурга он разыскал небольшой автограф Иоганна Авентина (1477–1534), «баварского Ливия».

Вышедшее в Мюнхене в 1881–1908 гг. шеститомное собрание сочинений Авентина стало первым в Германии критическим изданием трудов кого-либо из немецких гуманистов вообще. Затеянное по случаю 700-летия возвращения Виттельсбахов на баварский трон (1180–1880) – а в баварской историографии собрания сочинений к такой дате мог и должен был удостоиться разве что Авентин, – оно, увы, оказалось не подготовлено. К нему подошли в спешке, привычно сопровождающей громкие даты. И хотя Зигмунд Рицлер, его главный (наряду с филологом Маттиасом Лексером) куратор, а вскоре основатель и первый заведующий кафедрой баварской истории Мюнхенского университета, провел колоссальную работу в этом направлении, оставив тем самым благодарную память по себе, он не избежал критических стрел в свой адрес. В первую очередь, со стороны его современника и коллеги, впоследствии профессора в Гёттингене Вильгельма Майера, не без оснований упрекавшего Рицлера и в поспешности, и в методических недоработках, и в том, что он не посчитал необходимым учесть все авторские версии сочинений и документов. В конечном итоге перепалка вылилась в публичный спор историка и филолога о принципах научной публикации источников. Но насколько бы этот проект затянулся, если бы к нему отнеслись основательно?.. Так или иначе, эти шесть томов заложили основу для изучения творческого наследия Авентина, одного из крупнейших историописателей, «надежды Германии» своего времени.

Предлагаемая нашему вниманию находка (следует отметить, что о существовании этого автографа Авентина было известно, но он, однако, не был востребован) значится в реестрах

Государственной библиотеки Регенсбурга как «*Aventini Manuscriptum. Ex Annalium Bojorum libro III*». Это отрывок из «Анналов герцогов Баварии», главного сочинения Авентина. Он посвящен одному из первых ее правителей – Теодо. Его сюжетная линия не вызывает у ученых больших споров, сам Теодо и период его пребывания у власти не относятся к центральным моментам истории княжества, да и сам источник мало что может добавить к академическому тексту Авентина. Скорее он посвящает нас в его рабочий процесс – в то, как гуманист оттачивает стиль сказанного, выстраивает его логику на основе подобранного материала, задумывается над точностью формулировок и взвешенностью оценок. Он важен для проникновения в исторический метод Авентина. Без него собрание сочинений «отца баварской историографии», разумеется, неполно, но переоценивать его значение не стоит.

Тем не менее стремиться к максимально полной комплектации источниковой базы в изучении наследия авторов такого масштаба как Авентин – важная задача профессионального сообщества. Может быть, это сулит новые интересные монографии или даже критические биографии Авентина – немецкая литература, ему посвященная, по мнению самого Алоиса Шмида, определенно устарела.

(Резюме А.В. Дорониной)

О.В. Дмитриева

Добродетели шелкопряда:
поэтическая энтомология Томаса Моффета
и интеллектуальный патронат семьи Сидни

В 1599 г. в Лондоне в типографии Николаса Линга, расположенной у западного крыла собора Святого Павла, вышел в свет любопытный трактат в стихах «Шелковичные черви и их бабочки»¹. Его автор, укрывшись за инициалами «Т.М.», аттестовал себя как скромного «сельского фермера» и всего лишь «ученика» в области медицины. Впрочем, современники без труда узнали в нем известного ученого доктора Моффета. Томас Моффет – знаковая фигура в истории английской медицины на этапе ее превращения в подлинно научную дисциплину, основанную на непосредственном наблюдении и эмпирическом знании². Он получил университетское образование в Кембридже, поначалу в Тринити-колледже, который затем покинул ради Кайюс-колледжа. Этот выбор был не случайным, поскольку его основатель, известный математик Джон Кайюс, был поборником новой науки, и именно здесь Моффет обрел единомышленников среди преподавателей и студентов, многие из которых впоследствии стали основателями новых направлений в изучении естествознания и медицины, подобно Питеру Тернеру, Тимоти Брайанту и Томасу Пенни³.

После получения магистерской степени Моффет отправился за границу изучать медицину в Базеле. Если Кембридж все еще

¹ The Silkwormes, and their Flies: Liuely described in verse, by T.M. a Countrie Farmar, and an apprentice in Physicke. For the great benefit and enriching of England. L., 1599.

² Об этом периоде в развитии естественно-научных штудий в Англии см., в частности: *Raven C.E.* English naturalists from Neckam to Ray: A study in the making of the modern world. Cambridge, 1947; *Debus A.* The English Paracelsians. N.Y., 1966; *Trevor-Roper H.* The Paracelsian Movement // Renaissance essays / Ed. by H. Trevor-Roper. L., 1985. P. 149–199.

³ *Harkness D.E.* The Jewel House. Elizabethan London and the Scientific Revolution. New Haven; L., 2007. P. 1–96.

оставался бастионом традиционалистов — сторонников Галена, то в Швейцарии, где он посещал лекции Феликса Платтера и Теодора Цвингера, Моффет превратился в горячего приверженца учения Парацельса. В 1578 г. Базельский университет присудил ему степень доктора за диссертацию, знаменовавшую собой радикальный (даже по местным меркам) разрыв с традиционной медициной. Первые научные публикации Моффета, увлекшего химией и применением химических составов в качестве лекарств, также увидели свет в Швейцарии¹. При этом в отличие от Парацельса его английский адепт оставался яростным противником алхимии.

В 1579 г. он отправился в Италию и Испанию, где заинтересовался технологией производства шелка и разведением тутового шелкопряда. С наблюдений за шелковичными червями началось увлечение Моффета насекомыми, и со временем он стал одним из первых английских энтомологов². После путешествий по Германии в 1580—1582 гг. ученый возвратился в Англию, где подтвердил свою степень доктора медицины в Кембриджском университете (1582), а в 1588 г. стал членом лондонского Коллегиума врачей. В 1580-х годах он опубликовал во Франкфурте свои письма и научные труды в поддержку принципов парацельсовой медицины, пропагандирующие труды Гиппократов в противовес Галену³. Будучи включен в состав миссии, посланной в 1582 г. в Данию для вручения знаков ордена Подвязки королю Фредерику II, Моффет познакомился с выдающимися учеными Тихо Браге и Петром Северином, с которыми впоследствии поддерживал научные связи. Его пионерская работа по диетологии, написанная около 1600 г., как и труды по энтомологии, вышла в свет уже после смерти автора⁴.

¹ De Anodinis Medicamentis. Basle, 1578; De Venis Mesaraicis Obstrvctis ipsarvmque ita affectarum curatione. Basle, 1578.

² Свои изыскания в этой области Моффет обобщил в фундаментальном труде — «Insectorum sive minimorum animalium theatrum». L., 1634. По замыслу автора труд должен был выйти с посвящением королеве Елизавете I (после ее кончины, соответственно, королю Якову I), однако наследники ученого сумели посмертно опубликовать его лишь в 1634 г. В 1658 г. трактат был издан на английском языке — «The Theater of Insects, or lesser living Creatures». L., 1658.

³ De Jure et Praestantia Chemicorum Medicamentorum Dialogus Apologeticus. Francofurti, 1584; Nosomantica Hippocratea sive Hippocratis Prognostica cuncta ex omnibus ipsius scriptis methodice digesta. Francofurti, 1588.

⁴ Health's Improvement, or Rules comprising and discovering the Nature. Method, and Manner of Preparing all sorts of Food used in this Nation. Written by

Томас Моффет был весьма успешным медиком, имевшим обширную врачебную практику в Лондоне, его пациентами были весьма влиятельные люди, в частности, вдова лорда-протектора герцога Сомерсета Анна Сеймур, государственный секретарь Фрэнсис Уолсингем и его дочь — супруга, а впоследствии вдова Филипа Сидни, сочетавшаяся вторым браком с другом покойного Робертом Девере, графом Эссексом. Множество нитей связывало ученого с кругом графа Роберта Лейстера и близких к нему семейств Сидни, Уолсингемов, Девере, Найветтов и Дрейков. Эту группу придворных отличали стойкие протестантские убеждения, которые всецело разделял и сам Моффет, приверженность наступательной внешней политике, а также интеллектуализм и неподдельный интерес ко всему новому в сфере научного знания. Покровительство ученым со стороны просвещенных аристократов сыграло важную роль в становлении новой экспериментальной науки в Англии, поскольку заинтересованность высокопоставленных патронов не только помогала их протеже справляться с тяготами жизни, но также способствовала повышению престижа, популяризации мировоззренческих подходов и распространению научных знаний, носителями которых они являлись¹.

На разных этапах жизни Моффета многие из них в той или иной степени покровительствовали ученому. До 1586 г. его патроном был «первый рыцарь» английского двора, совершенный джентльмен, дипломат и поэт сэр Филип Сидни, покровитель многих литераторов и ученых, среди которых были такие значительные фигуры как Джон Ди и Джордано Бруно². В момент его трагической кончины Томас Моффет находился в Нидерландах вместе с экспедиционным корпусом Лейстера и стал свидетелем мучительной агонии и смерти Сидни от раны, полученной под Зутфеном³. Эстафету патроната над известным медиком принял

that ever Famous Thomas Mvffett, Doktor of Phisick, corrected and enlarged by Christopher Bennet, Doctor of Physick and Fellow of the Colledg of Physitians of London. L., 1655.

¹ *Dawbarn F.* New Light on Dr Thomas Moffet: The Triple Roles of an Early Modern Physician, Client, and Patronage Broker // *Medical History*. 2003. N 47. P. 3–22.

² *Buxton J.* Sir Philip Sidney and the English Renaissance. L., 1954; *Duncan-Jones K.* Sir Philip Sidney: Courtier Poet. L., 1991; *Stewart A.* Philip Sidney. A Double Life. L., 2000; *Дмитриева О.В.* Сэр Филип Сидни как «культовая фигура» Елизаветинской эпохи // *Человек в культуре Возрождения*. М., 2001. С. 203–212.

³ Подробнее об этом см.: *Дмитриева О.В.* Хорошо отредактированная смерть. Фантазии и агония сэра Филипа Сидни // *Homo Historicus*. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: В 2 кн. Кн. II. М., 2003. С. 315–332.

граф Эссекс, а после его неудавшегося мятежа и казни — Мэри Сидни, сестра Филипа Сидни, в замужестве Мэри Херберт, графиня Пемброк. Это была во всех отношениях выдающаяся личность, аристократка, собравшая вокруг себя блистательное созвездие литераторов, поэта, переводчица, издательница творческого наследия ее знаменитого брата, благодаря которой «Аркадия» Ф. Сидни, посвященная ей, вышла в свет и стала известна как «Аркадия графини Пемброк». По ее приглашению Т. Моффет покинул столицу и поселился в великолепном уилтширском поместье Пемброков — Уилтоне, где заботился о здоровье ее мужа и сына Уильяма, племянника Ф. Сидни, впоследствии третьего графа Пемброка, известного покровителя Шекспира. Моффет окончил свои дни в Уилтшире в пожалованном ему поместье Балбридж 5 июня 1604 г. и был похоронен в уилтонской церкви.

Для Мэри Сидни ученый был не просто семейным врачом и тем более не банальным приживалом или слугой. Сподвижник ее брата, разделявший его протестантские и патриотические убеждения, натурфилософ, прекрасный знаток классической литературы и одаренный поэт, он обладал совсем иным статусом и был полноправным членом интеллектуального кружка графини. Однако такая роль требовала и соответствующих форм, в которые приличествовало облекать благодарность патронессе. Характер даров, которые Моффет время от времени преподносил графине и ее родственникам, подтверждает его претензии на особое место в ее окружении. Так, ее сыну он посвятил мемуары о его знаменитом дяде, Филипе Сидни¹, а графиня Пемброк получила от него в 1599 г. очаровательную поэму о шелковичных червях с посвящением ей, хозяйке тех мест, куда, по словам автора, чаще всего заглядывала поэтическая муза Сидни, осиротевшая после его ухода².

По-видимому, это литературное приношение мыслилось как занимательное чтение, призванное развлечь сиятельную даму, польстить ей³ и не в последнюю очередь — продемонстрировать

¹ *Moffet T. Nobilis: or, a view of the life and death of a Sidney, and Lessus lugubris.* 1592 / Ed. by B. Heltzel, H.H. Hudson. San Marino (CA), 1940.

² В первых строках поэмы автор обращается к музе со словами: «*Sydneian Muse: if so thou yet remaine, / In brothers bowels, or in daughters breast, / Or art bequeath'd the Lady of the plaine, / Because for her thou art the fittest guest...*» (The Silkwormes. P. 1).

³ В посвящении автор говорит о Мэри Сидни как о «повелительнице равнины», чьи достоинства не сможет описать тот, кто сам не обладает сходными качествами: «*...Whose worth to shew, no mortall can attaine, / Which with like*

интеллектуальные и поэтические способности Моффета. Оно принадлежало к числу тех литературных сочинений, которые образованные елизаветинские джентльмены во множестве и с легкостью писали «по случаю» — любительских пьес, од, сонетов, речей для рыцарских турниров, псевдонаучных поэтических рассуждений на самые разные темы, которые могли служить новогодними дарами, приношениями друзьям, возлюбленным и покровителям.

Исходным материалом для Моффета послужили его научные наблюдения за шелковичными червями, однако эта поэма — отнюдь не трактат по энтомологии, хотя из нее можно почерпнуть достоверные данные о гусеницах тутового шелкопряда, их превращении в личинку, а затем в бабочку. Она содержит множество отсылок к значительно более широкому контексту — к натурфилософии, неоплатоническим идеям, к античной мифологии и литературе. Полет поэтической фантазии автора, его свободное владение классическими сюжетами превращают это произведение в изысканную безделицу, призванную доставить удовольствие рафинированному читателю. Как избранная тема, так и тональность сочинения Моффета неизбежно отсылали к «Георгикам», хотя оно и не являлось стилизацией поэмы Вергилия. Подобно римскому поэту, превозносившему трудолюбивых пчел, наш автор, приняв вид скромного селянина, тоже пытался убедить сограждан в том, что разведение шелковичных червей — чрезвычайно полезное и доходное занятие, однако едва ли он на самом деле ставил своей целью пропаганду шелководства в Англии. Во всяком случае, рассуждения о перспективах этого производства не занимают в его поэме центрального места.

По замыслу автора поэма разделена на две книги. Первая носит более общий «энциклопедический» характер и посвящена истории происхождения одежды, в ней Моффет рассуждает о первоначальной нагоде человека, грехопадении, возникновении потребности в покровах, об изобретении ткачества и появлении различных тканей, в том числе шелка. Вторая книга — это поэтическое рассуждение о шелковичных червях, их происхождении, месте в системе мироздания и редкостных моральных качествах.

worth is not himselfe possest» (The Silkwormes. P. 1). Он выводит ее в образе «прекрасной Миры», окруженной белыми невинными голубками — дамами ее свиты. В начале второй книги Моффет отдает должное набожности и поэтическим талантам Мэри Сидни, ее «вдохновленным небесами» псалмам (sweet and heau'nly-tuned Psalmes / The heau'ns themselues are scarce inough to praise) и облагораживающему влиянию ее божественного пера и духовной поэзии на придворных литераторов (Ibid. P. 41).

Моффету, как и многим авторам елизаветинской поры, свойственно стремление к универсализму, и не в последнюю очередь — к демонстрации универсальности и широты их знаний. В своем экскурсе в историю ткачества он опирается на библейские тексты, классическую мифологию и литературу, античные энциклопедические своды, трактаты по агрикультуре. В списке цитируемых или упоминаемых им авторов — Гомер, Гесиод, Геродот, Овидий, Плутарх, Плиний Младший, Лев Африканский, Колумела, Диоген Лаэртский, Сократ, Платон, Макробий. Из современных писателей упомянут итальянец Полидор Вергилий, как известно, написавший историю изобретения ремесел и вещей. В поэме фигурируют десятки мифологических и исторических персонажей, она чрезвычайно насыщена информацией и изобилует многочисленными отступлениями, которые не выполняют иной функции кроме демонстрации эрудиции и остроумия автора. Так, например, по ходу своего исторического очерка о происхождении шелка он отвлекается на рассуждения о том, что первично, «яйцо или курица», или, применительно к шелкопряду, — «яйцо или бабочка». По этому поводу Моффет возносит настоящий гимн яйцу, обладающему совершенной формой, которую Господь придал Вселенной, упоминая попутно о яйцах наиболее примечательных птиц — «ливийских страусов», орлов, павлинов, а также о «трижды благословенном яйце пеликана». Внутри этого пространного отступления читателя ждет еще одно рассуждение относительно «философского яйца» (*Ovum Philosophicum*), снесенного «пустопорожними умами», под которым автор имеет в виду поиски алхимиками философского камня. Моффет раздражается инвективой против алхимиков, призывая их не вмешиваться в дела Творца и Природы, не расходовать «селитру своего сердца» на это бесплодное искусство. «Квинтэссенции» алхимиков ученый противопоставляет... шелк как истинную квинтэссенцию, чудо, «бессмертную тинктуру», ниспосланную людям небесами¹.

Экскурс в историю зарождения ткачества приобретает у Моффета морально-нравственную окраску, поскольку происхождение тканей и одежд в его восприятии неразрывно связано с темой грехопадения. У автора, известного своими пуританскими взглядами, все, имеющее отношение к появлению одежды, вызывает негативное отношение, поскольку подлинным украшением человека в состоянии невинности была нагота, потребность же в одеждах

¹ *Moffet T. Nobilis: or, a view of the life and death of a Sidney, and Lessus lugubris. 1592 / Ed. by B. Heltzel, H. H. Hudson. San Marino (CA), 1940. P. 67–68.*

стала следствием греховного нарушения Господней воли, к которому прародителей человечества подтолкнули козни дьявола и собственное вожделение (*lust*)¹. Последняя категория станет у Моффета одной из наиболее часто встречающихся характеристик человеческой натуры. Нередко он употребляет и понятие «честолюбие», «гордыня» — *ambition*. Эти пагубные страсти увлекают человека на стезю порока. Стремление Адама и Евы прикрыть наготу, избегая всевидящего ока, было равносильно признанию своей вины. Автор не устает подчеркивать, что первые одежды — грубые, сшитые из шкур, равно как сотканые из овечьей или верблюжьей шерсти, были «грязны» и «запятнаны», поскольку предназначались в наказание «мятежникам», восставшим против своего Творца. Тут же переходя от библейской истории к античной мифологии и к персонажам, которые считались изобретателями ткачества в греко-римском мире, Юпитеру и Лину, брату Орфея, Моффет дает им весьма уничижительные характеристики и полемизирует с античными авторами относительно причастности этих героев к появлению столь совершенной материи как шелк. Юпитера он обвиняет в неумном сластолюбии, а Лина — в том, что его руки обгажены кровью².

Поэт противопоставляет грубому сукну, сотканному из шерсти животных, два вида ткани — лен и шелк. По его убеждению, белые льняные одежды впервые появились у первосвященников храма богини Весты, даровавшей людям чистый и тонкий лен, из которого впоследствии стали шить облачения и для христианского духовенства. Подобно льну, шелк в силу своего совершенства не мог появиться так, как это представлялось языческим авторам. Однако прежде чем познакомить читателя с собственной версией, Моффет с удовольствием погружается вместе с ним в мир античных мифов.

На протяжении всей поэмы в ней сосуществуют, переплетаются и полемизируют друг с другом два подхода, два «языка», в категориях которых описывается человек в его взаимоотношениях с высшими силами и Природой, — библейский и классицизирующий. Как христианин и протестант Моффет, разумеется, видел историю сотворения всех вещей через призму книги Бытия и отзывался об античных мифах как о «безделках». Тем не менее эти «басни», «милые плоды Геликона»³, доставляли ему, поэту с пре-

¹ «But when selfe-will and subtle creepers guile, / Made man to lust, and taste what God forbad, / then seem'd wee to ourselves so foule and vile, / That straight wee wished our bodies to be clad...» (Ibid. P. 2).

² Ibid. P. 4.

³ Ibid. P. 20.

восходным классическим образованием, огромное удовольствие, и он со вкусом пересказывал их, чтобы, в конце концов, не без сожаления отвергнуть. Так, он подробно излагает легенду о том, как Венера выведала секрет изготовления шелка у Юпитера — изобретателя ткачества. Позавидовав Минерве, которой Сатурн подарил одежды из льна, богиня любви выпросила у громовержца блестящий шелк, пообещав взамен помочь в его безуспешных ухаживаниях за прекрасной дочерью Океана Филивой. Добившись желаемого, Юпитер послал к Венере Меркурия с яйцами шелкопряда и научил ткать¹. Завершив свой игривый рассказ, Моффет выносит неожиданно суровый вердикт его героям, заявляя, что шелк не мог явиться в мир в качестве награды распутной богине, которая помогла удовлетворить вождление сластолюбивому Юпитеру. Впрочем, отвергнув одну легенду, он тут же переходит к другим, упоминая, в частности, историю, изложенную Плинием Младшим, согласно которой коконы шелкопряда впервые нашла некая принцесса Памфилия, присевшая во время охоты отдохнуть под шелковицей². В другом месте тот же Плиний рассказывал о племени красивых сероглазых «янтарноволосых» людей, живших по соседству со скифами, которых Бог наградил за их мирный нрав обилием шелковичных червей, чью пряжу они обменивали в портах на иностранные товары³.

Однако центральное место среди старинных историй о происхождении шелка Моффет отводит известной легенде, рассказанной Овидием, о трагической гибели Пирама и Фисбы, которые назначили друг другу тайное свидание под деревом шелковицы, усыпанной белыми ягодами. Напуганные неожиданно появившейся львицей и поверившие в гибель друг друга, Пирам и Фисба совершают самоубийство, их кровь обильно уснащает землю у подножия дерева, и ягоды шелковицы становятся темно-красными. Согласно легенде, души Пирама и Фисбы превратились в белых бабочек, вечно порхающих над шелковицей⁴.

Спариваясь, бабочки порождают гусениц, а те превращаются в коконы. В этом месте Моффет неожиданно пускается в философские рассуждения о двух видах любви — земной и небесной, поскольку кокон шелкопряда представляется ему удачной метафорой несовершенства земной любви. Во-первых, в отличие от

¹ *Moffet T. Nobilis: or, a view of the life and death of a Sidney, and Lessus lugubris. 1592* / Ed. by B. Heltzel, H.H. Hudson. San Marino (CA), 1940. P. 7–8.

² *Ibid.* P. 8–9.

³ *Ibid.* P. 19.

⁴ *Ibid.* P. 9–18.

идеального шара он имеет слегка вытянутую овальную форму, во-вторых, когда неровные нити, формирующие кокон, наматываются друг на друга, худшая по качеству нить может обернуться вокруг лучшей и более тонкой. Так и в человеческой земной любви вожделение может возобладать над возвышенной любовью. Счастлив тот, заключает автор, кто может постоянно удерживать нить «честной любви» над дурной нитью¹.

Какой же видится Моффету подлинная история происхождения шелкопряда? Естественно, она должна быть соотнесена с библейской концепцией сотворения мира, бесконечно прекрасного и разнообразного в своих проявлениях. Согласно его представлению, бабочки шелкопряда появились немедленно после того, как Господь сотворил Солнце и Луну. (Библейская история отделения света от тьмы и создания планет имеет у Моффета явные языческие обертоны, поскольку образы царящих во Вселенной Солнца и Луны, Феба и Фебы, восседающих на своих сияющих престолах в окружении многочисленных свит, в его поэме восходят скорее к античной, чем к христианской традиции².) Создав светила, Творец, по словам Моффета, решил наполнить небеса и воздух летучими созданиями — птицами, бабочками и прочими насекомыми, среди которых были и бабочки шелкопряда. И только после этого он принялся за человека — повелителя всех живых существ, созданных для того чтобы служить ему и улаживать его взор.

В антропологии Моффета человек до грехопадения — это истинный царь природы, гордое создание Творца, единственное из всех, способное без страха взглянуть в Его глаза³. Великий Каменщик, строитель Вселенной вложил в его душу частицу самого себя. Чтобы радовать и улаживать человека Творец создал ковры из трав и лазурные покровы небес с планетами, звездами и двенадцатью знаками зодиака. Ему поклоняются и служат все животные от мала до велика — львы и пантеры, орлы и киты, пресмыкающиеся и птицы⁴.

Во времена невинности все животные, птицы и насекомые жили в мире и любви, питаясь исключительно травами. В Эдеме ни одно насекомое, ни одна гусеница не посягала на листья деревьев, а тем более их плоды, предназначенные Создателем только для человека.

¹ *Moffet T. Nobilis: or, a view of the life and death of a Sidney, and Lessus lugubris, 1592 / Ed. by B. Heltzel, H.H. Hudson. San Marino (CA), 1940. P. 18.*

² *Ibid. P. 29—30.*

³ «Yea, when all other creatures looked base, / As mindful onely of their earthly foode: / Or else as trembling to behold the place, / Where iudge eternall sate, and Angels stood: / Then humane eyes beheld him face to face...» (*Ibid. P. 2*).

⁴ *Ibid. P. 49.*

Грехопадение Адама и Евы, «раздувшихся от гордыни», Моффет трактует как поистине вселенскую катастрофу, которая затронула весь универсум. Автор подчеркивает наличие во Вселенной взаимосвязей между небесными светилами, человеком и животным миром, одушевленными существами и неодушевленной материей. Порча и деградация коснулись всего: Луна, чей облик прежде был неизменным, стала меняться, небеса начали бледнеть. Всюду проникли гордыня и вожеление¹. Птицы, животные и даже деревья стали рваться к тому, что раньше было недоступно им, искать добычи и заявлять о своем праве собственности на нее. Даже ничтожные черви стали претендовать на то, что раньше принадлежало человеку, — деревья и плоды. Более того, сами люди сделали их добычей. Прах великих правителей, философов и героев стал пищей для червей — таково воздаяние за неумные амбиции и сладострастие человека². Животные, птицы и насекомые забыли о верности и стали менять своих партнеров, самцы окружать себя множеством самок. И только один вид насекомых избежал порчи — бабочки шелкопряда, чья белизна свидетельствовала об их моральной чистоте. На их крылышках не было ни пятнышка иного цвета, кроме белого (здесь Моффет дает краткий экскурс, посвященный символике цвета, разные оттенки которого могли говорить о страстях и пороках — зависти, мстительности, отчаянии, глупости и так далее).

По утверждению автора, бабочки шелкопряда — однолюбы, они единственные, кто хранил истинную любовь и верность своим избранникам. В глазах лирически настроенного энтомолога за это они достойны в день Страшного суда первыми подняться к Господнему престолу и пребывать близ него среди десяти тысяч ангелов в белых одеждах³. Эти маленькие существа способны дать важный моральный урок человеку, и не следует пренебрегать ими из-за их скромных размеров, ибо людям свойственно восхищаться огромными вещами, в то время как «величайшее чудо заключено в малом»⁴. Главная добродетель белоснежных бабочек шелкопряда — их верность. Хотя в природе самок в два раза больше, чем самцов, выбрав подругу, они никогда ее не меняют.

¹ «But since the fall of parents puffet with pride, / Not onely men were stained in viciousnesse, / But birdes, and beasts, and wormes and flies beside, / Declining from their former perfitnesse, / Did by degrees to imperfection slide, / Tained with pride, wrath, envie, and excesse...» (Ibid. P. 32).

² Ibid. P. 23.

³ Ibid. P. 27.

⁴ Ibid. P. 34.

Более того, подобно лебедям, после гибели партнера они сами ищут смерти. По словам Моффета, он неоднократно наблюдал в Тоскане, как терзались и разбивались насмерть бабочки, потерявшие своих возлюбленных. Бабочки шелкопряда скромны и не посягают на листву и плоды деревьев, принадлежащие их господину — человеку, и питаются только воздухом, поэтому их жизнь коротка (в данном случае наблюдательный Моффет прав, поскольку у этих насекомых не развит челюстной аппарат). Зато отведенные им три-четыре дня они предаются страстной любви (в одном месте поэт даже называет ее «приапической»¹). Впрочем, это не ставит под сомнение их добродетель, поскольку бабочки торопятся исполнить заповедь Творца: «Плодитесь и размножайтесь!» На четвертый день самка откладывает огромное количество яиц и, исполнив свой долг, с легким сердцем умирает, чтобы встретиться со своим возлюбленным в Элизии и наслаждаться там чистым блаженством, которого никогда не познают грешники. А на земле из яиц (пройдя стадию гусениц и личинок) на свет появляются сотни новых бабочек².

На этом заканчивается первая книга поэта-энтомолога, и он переходит ко второй части своего трактата, посвященной гусеницам, или шелкоичным червям, — потомству добродетельных бабочек. Упомянув самых разных животных и птиц, а также мифических созданий и полубогов, рождавшихся из яйца, с их достоинствами и недостатками, автор приходит к выводу о том, что никто из них не остался незапятнан грехом кроме удивительно-го племени шелкоичных червей. Но прежде чем перейти к рассказу об их достоинствах, автор воздает должное вскормившему их дереву — «мудрой шелкоиче». По его словам, представление о ее особой предусмотрительности было распространено еще у римлян, заметивших, что это дерево не торопится распускаться, а тем более цвести, пока окончательно не минет угроза заморозков. Но как только на небе появляется Феб, она за одну ночь покрывается листьями, распускающимися с громким треском, «как будто они борются друг с другом за то, кто первым увидит небесные сферы»³. Они вырываются из почек стремительно, как «благие души, бегущие ада». Шелковица не только мудра, она

¹ «But since the fall of parents puffet with pride, / Not onely men were stained in viciousnesse, / But birdes, and beasts, and wormes and flies beside, / Declining from their former perfitnesse, / Did by degrees to imperfection slide, / Tained with pride, wrath, envie, and excesse...» P. 73.

² Ibid. P. 38–41.

³ Ibid. P. 51.

добра и милосердна, поскольку защищает малые ростки, что оказались под ее кроной, от гроз и молний. Согласно Плинию, листья, сок, ягоды и семена «несравненного дерева» чрезвычайно полезны и врачуют всяческие недуги. Давая людям еду, одежду, питье и лекарства, шелковица, по словам Моффета, превосходит иные породы, используемые человеком, — финиковую и кокосовую пальмы, сирийский виноград, смоковницу, армянскую сливу и другие. Творец и Природа специально создали это дерево, чтобы оно вскармливало белоснежные стада добродетельных червей, ибо благородный шелкопряд должен питаться лишь листьями благородного дерева. Потому-то шелколические черви не «пасутся» на других растениях. Шелкопряд деликатен и скромнен, он поедает свою пищу без жадности, при этом не трогает ягод, оставляя их своему повелителю — человеку. Повадки «благочестивого червя» позволяют Моффету на время оседлать любимого конька, затронув профессиональную тему — здоровое питание. По его мнению, придерживаться одной еды полезно, это лучшая диета, не случайно боги, употребляющие в пищу лишь амброзию и пьющие один нектар, живут вечно. Разнообразие в еде и чревоугодие — источник болезней, более того, вместе с ним приходит опасное стремление к разнообразию во всем. Разнообразие (Variety) персонифицируется у Моффета в образе размалеванной шлюхи с нарумяненными щеками. Ей сопутствуют неверность, сластолюбие, амбиции, раздоры, войны и прочие бедствия. Таким образом, приверженность шелкопряда одному дереву и одному блюду возводится в ранг моральной добродетели, благодаря этим качествам червь превосходит и грешных людей, и языческих богов¹.

Насытившись листьями, шелколические черви отказываются от еды и тянутся к небу, поднимают головки и лапки, как будто просят у Бога укрытия, где они могли бы потрудиться на благо человека. В процессе дальнейших превращений шелкопряд трижды сбрасывает «кожу», с каждым разом становясь все белее, избавляясь от малейших пятнышек, отметин грехопадения, и облекаясь в «ангельские одежды». Постепенно в повествование Моффета об этих удивительных превращениях вплетается еще один мотив: автор обращается к «нежным английским девам» и начинает давать им советы по выращиванию шелкопряда. Это «белое племя» следует поместить на хорошо освещенном чер-

¹ «But since the fall of parents puffet with pride, / Not onely men were stained in viciousnesse, / But birdes, and beasts, and wormes and flies beside, / Declining from their former perfitnesse, / Did by degrees to imperfection slide, / Tained with pride. wrath, envie, and excesse...» P. 53–54.

даке, дабы они могли наблюдать восход и закат Феба, кормить свежими листьями шелковицы, по мере роста — разделять гусениц на отдельные «колонии», прикрывать льняными покрывалами от злобных «мермидонян» — черных муравьев, которые пекутся только о своей личной наживе (*private gain*) и готовы ограбить «славную нацию» червей, которые трудятся день и ночь не для собственного блага, а чтобы одеть других. Среди многочисленных врагов шелкопряда — жадные малиновки и сластолюбивые воробьи, птицы, впряженные в колесницу Венеры. Они ненавидят шелковичных червей за то, что те произошли от добродетельных родителей и сами чисты. Человек должен прийти им на помощь и защитить от влаги, холода, ветра, тумана, жары, резких запахов лука и чеснока, громких звуков труб и барабанов, ударов топора, а также от любопытных детей, норовящих разорвать или растоптать трудолюбивую гусеницу¹.

После того как гусеницы перестают принимать пищу, английские девы должны поместить их в отдельные «саркофаги» из бумаги, где они многократно обовьют себя нитью, превратившись в кокон, и умрут, чтобы скоро возродиться в новом качестве. Автор с воодушевлением подбадривает их: «Вперед, благородные молодцы! Умрите радостно!» (*Go gallant youths, and die with gallant cheere!*). Скоро они обретут новые тела, высшего порядка и более совершенной формы². Через три недели из кокона на свет появляется прекрасная бабочка, чьи крылья — «белее снега с горной вершины Тавра», ножки стройнее, чем у Адониса, тело как будто сделано из слоновой кости, а глазки — из черного дерева. Бабочки покидают свои неподвижные мертвые «тела» — коконы, с изумлением взирая на них, подобно тому, как душа, возносясь к небесам, не узнает брэнной оболочки, в которой еще недавно была заключена.

Таким образом, цикличность в развитии шелкопряда от бабочки к гусенице, от гусеницы к личинке и снова к бабочке возвращает автора к проблематике его первой книги, то есть к добродетельным бабочкам, которые уже готовы вознестись к горним сферам, но тем не менее должны каким-то образом произвести потомство. Моффет готов признать за своими любимцами определенное несовершенство; по его словам, осознание того, чем они были совсем недавно, не дает им воспарить ввысь.

¹ «But since the fall of parents puffet with pride, / Not onely men were stained in viciousnesse, / But birdes, and beasts, and wormes and flies beside, / Declining from their former perfittnesse, / Did by degrees to imperfection slide, / Tained with pride, wrath, envie, and excesse...» P. 57–59.

² Ibid. P. 61.

А ощущение того, что они — живые существа подталкивает бабочек к легкомысленным «венериным играм», которым они предаются с наслаждением. Круг повествования замкнулся, и Моффет снова должен преодолевать конфликт между реалиями природного мира и своим повествованием о восхождении шелкопряда от низших духовных сущностей к высшим. Как и в первой книге, он разрешает это противоречие, утверждая, что бабочки моногамны, добродетельны, самоотверженны и не испытывают низменного вожделения. Самец отдает своей возлюбленной все — дух, гуморы, семя, хотел бы и сердце свое отдать и вложить в ее грудь, но приходит его время прощаться с жизнью. Умирая, бабочки оставляют кладку яиц для продолжения рода. Ее-то и должны охранять от всяческих напастей прилежная английская дева или крестьянин, «поставленный управляющим надо всем, что дала нам Природа». Им же достаются и коконы, размотав которые, можно получить тысячи метров драгоценной шелковой нити. Завершая свою поэму практическими рекомендациями по разведению шелкопряда в Англии, Томас Моффет настойчиво советует соотечественникам сажать в садах шелковицу вместо бесполезных сортов деревьев, даже плодовых, поскольку выгода от шелководства даст неизмеримо больший доход. Он намекает и тем, кто ищет обогащения, прибегая к алхимии, что истинная трансмутация постоянно происходит у нас на глазах без вмешательства человека и без труда с его стороны. Для него превращения шелкопряда — божественная мистерия, тайны которой ведомы лишь Творцу и Природе к их вящей славе. Что же касается «квинтэссенции», получающейся в результате, то есть шелка, то обладание им доставляет огромное удовольствие (его приятно созерцать и касаться) и немалую прибыль. Разведение шелкопряда поможет занять безработных бедняков, накормит голодных и обогатит королевство. Дабы убедить соотечественников в этом, Моффет ссылается на пример «разодетых в шелка» жителей Италии и Испании. Англия не должна отставать от них. «Почему наши одежды должны быть грубее?» — вопрошает автор. Англичане могут и должны получать доход от разведения «чудесных белых созданий», достойных внимания любой нации, которая заботится как о личном, так и об общественном благе.

Вернемся в заключение к характеру, статусу и предназначению весьма необычного текста, вышедшего из-под пера Томаса Моффета. Несмотря на присущие этому произведению изящество формы, тонкий юмор и несомненную «литературность» повествования, за ними явственно проступают определенные мировоззренческие принципы, которые исповедует автор. Его сочинение про-

никнуто безграничным восхищением величием и единством мира, созданного Творцом. Мы не встречаем у Моффета выражения, которое войдет в научный обиход позднее, — «великая цепь бытия», но он по-своему пытается выразить идею всеобщих взаимосвязей, пронизывающих универсум. Отсюда его любование насекомыми, малыми созданиями, призванными явить величие и широту замыслов Создателя, не всегда открывающихся людям и далеко не всегда умопостигаемых. Целый ряд высказываний ученого относительно Природы, из «утробы которой» появляются на свет разнообразные одушевленные существа, позволяет причислить Моффета к тем мыслителям, которые верили в самостоятельную творящую функцию Природы как важного звена всеобщей цепи бытия.

При всей оригинальности псевдонаучной экстраваганцы, порожденной воображением Моффета, в ней можно подметить ряд черт, характерных для английской интеллектуальной литературы рубежа XVI–XVII вв. Что бы ни писали елизаветинские авторы этой поры — рыцарские романы, пасторали, сонеты или поэтические трактаты, философским основанием для их построений нередко служили неоплатонические идеи. Моффет распространяет представления о совершенствовании и перерождении души, устремленной к познанию божественной истины, на насекомых, одушевляя их, наделяя нравственным чувством и добродетелями. Будучи частью Вселенной, мир животных, птиц и насекомых подвержен порче, порокам и страстям в той же мере, что и мир людей, однако и здесь есть благородные существа, противостоящие низменным побуждениям. Превращения шелкопряда дают автору возможность провести параллель с восхождением человека от низших ступеней духовного развития к высшим, от несовершенной земной любви к вечной и совершенной.

Сочинение Томаса Моффета в очередной раз демонстрирует, что поэтический дискурс этого времени немыслим без патриотических призывов противостоять католическим державам в самых разных сферах, даже если речь идет всего лишь о разведении шелкопряда. Как невозможен он и без рассуждений об общественном благе и необходимых преобразованиях, призванных способствовать процветанию королевства и благополучию соотечественников.

При этом не следует забывать, что поэма была задумана как приношение покровительнице, как воображаемая беседа автора с благородной дамой. Чем Моффет предполагает увлечь свою благосклонную слушательницу? В первую очередь, он предлагает ей неоплатоническое по духу размышление о любви, возвышающей, пронизывающей все вокруг, о добродетелях и самоотвер-

женности любящих. То, что предметом рассуждения и действующими лицами избраны насекомые, едва ли могло смутить кого-то, поскольку такого рода интеллектуальные упражнения были довольно распространены. Характерно и то, что автор, человек пуританских взглядов, развлекает женщину, известную глубоким религиозным чувством и прославившуюся своими парафразами к псалмам, поэмой, написанной по большей части в антикизированной манере, языком языческого мифа. Однако наряду с занимательными историями о похождениях олимпийских богов в его поэме находится место для рассуждений об устройстве Вселенной, о созидательной силе Природы, о научных наблюдениях автора над насекомыми. Он делится с Мэри Сидни мыслями о бесплодности алхимии и достаточно подробно излагает свою версию того, как в яйце формируется зародыш, обретающий затем форму насекомого, птицы или даже животного. Повидимому, автор не сомневался, что его сиятельная читательница не только сможет воспринять всю эту проблематику, но и прочтет его трактат с удовольствием. Это позволяет говорить о конгениальности таких просвещенных патронов как Филипп и Мэри Сидни своим ученым протезе, а также о конгениальности ученого-поэта покровительнице и его способности удовлетворять ее изысканным литературным запросам.

Изобразительное искусство: жанры и темы

М.А. Юсим

Рыцарь Карпаччо

Настоящие заметки относятся к одному из самых замечательных произведений живописи, созданных в ренессансную эпоху: «Портрету молодого рыцаря»¹ Витторе Карпаччо, и связаны они с недавними публикациями, посвященными интерпретации картины и ее персонажу.

В 2003 г. в журнале «ВенециАльтрове» появилось интервью итальянского искусствоведа Аугусто Джентили под названием «Возможно, “Рыцарь Тиссена” получит имя: и таков его контекст»². В этом материале Джентили обещал дать окончательную разгадку вопроса, кем же был печальный юноша в доспехах, изображенный на фоне детально прописанного и изобилующего аллегориями пейзажа (илл. 1). За предшествующее столетие на этот счет было высказано не менее десятка гипотез, после 2003 г. дополнившихся еще несколькими.

Прошло десять лет, и в своей прощальной лекции для студентов в переполненном зале профессор венецианского университета Ка’Фоскари Джентили назвал, наконец, имя предполагаемого им героя, о котором подробнее должно быть рассказано в будущей статье на страницах журнала «Burlington Magazine»³.

¹ Название условное, поскольку ранние следы происхождения картины теряются во мгле веков; ее называют (в переводе) «Портретом молодого рыцаря на фоне пейзажа», «Кавалером Карпаччо», «Кавалером Тиссена» и т.д. См. илл. 1.

² Forse, si può dare un nome al «Cavaliere Thyssen»; e questo è il suo contesto / Intervista ad Augusto Gentili a cura di Fabio Isman // *VeneziАltrove*. 2003. N 1. P. 123–139.

³ Об этом можно узнать из заметок того же Фабио Исмана: Scoperto chi è il «Cavaliere Thyssen» di Carpaccio // *Artemagazine*; <http://www.artemagazine.it/un-categorized/32220/scoperto-chi-e-il-cavaliere-Thyssen-di-carpaccio>; Il Carpaccio svelato // *il Messaggero*, Giovedì 05 Dicembre 2013: <http://www.patrimoriosos.it/rsol.php?op=getarticle&id=107191>.

Внушительных размеров картина (218,5x151,5)¹, по мнению некоторых, первый живописный портрет в полный рост², до 1919 г. находилась в коллекции Б. Вернон-Вентворта, в то время она приписывалась А. Дюреру и имела его монограмму³, очевидно, нанесенную во время одной из продаж ввиду популярности немецкого художника, а также его стилистической и тематической близости с Карпаччо⁴ (но, как мы увидим ниже, еще в XVIII в. об авторстве Карпаччо было известно). Действительно, Дюрер мог познакомиться с венецианцем уже во время своей первой поездки в Италию — если она была — в 1494–1495 гг.

Дерево с птицами на полотне Карпаччо довольно близко напоминает гравюру из приписываемых Дюреру иллюстраций к «Сотворению птиц» (или басням Бидпая /Пилпая/, илл.2) в Нюрнбергской хронике 1493 г.⁵; в его работах есть воздушная битва между соколом и цаплей, которая занимает одно из центральных мест на «Портрете рыцаря»⁶. Есть предположение, что Дюрер мог видеть картину

¹ См.: *Paris L.* La flora del ritratto di cavaliere di Vittore Carpaccio: Una conferma iconografica per Francesco Barbaro il giovane // *Arte in Friuli Arte a Trieste*. N 30. 2013. P. 9–22; Tesi di laurea triennale, Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università degli studi di Trieste. P. 15. N 2. www.academia.edu/4896645.

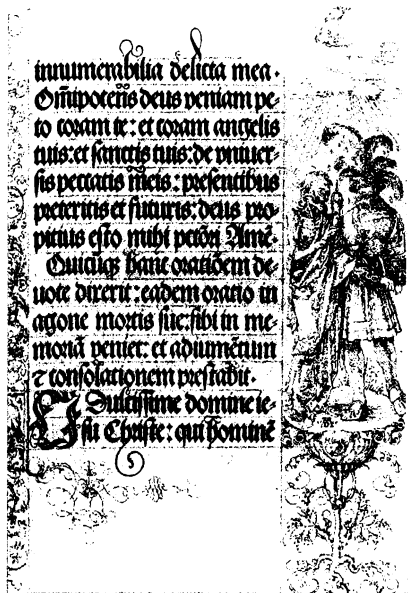
² Ibid. P. 9.

³ Ibid. P. 15. Ссылки на источник, указывающий на наличие монограммы Дюрера, в доступных мне научных статьях я не обнаружил. В начале прошлого века картина приписывалась Дюреру, но на аукцион в 1919 г. она была выставлена как работа Карпаччо, и видевший ее А. Мартин уверенно говорит о ней как о таковой, сопоставляя с другими произведениями мастера конца XV — начала XVI в.: *Martin A.* The young knight by Carpaccio // *The Burlington Magazine for Connoisseurs*. Vol. 44. N 251 (Feb., 1924). P. 58–59.

⁴ См. об этом также: *Лаврова Н.* «Фантазия на рыцарскую тему»: К вопросу об иконографии картины «Молодой рыцарь на фоне пейзажа» // *Мир музея*. 2013. № 8 (Окончание). С. 47–51. Н. Лаврова связывает фальшивые подписи на двух работах Карпаччо (Дюрера на этой и Мантеньи на «Размышлениях о страстях Христовых») с желанием художника отвести от себя угрозу со стороны Чезаре Борджиа. Борджиа был виновником смерти Асторре Манфредди, которого автор названной статьи считает изображенным на портрете. Текст статьи имеется на сайте <http://www.mirmus.ru/2013>.

⁵ См.: *Cohen S.* Animals as Disguised Symbols in Renaissance Art. Leiden–Boston. 2008. Ch.4. P.60. N1 & Fig.15. Более ранняя публикация 2002 г.: *Cohen S.* The birds and animals of Carpaccio's «Miles Christianus» // *Gazette des Beaux-Arts*. 2002. Vol. CXXXIX. P. 225–250.

⁶ На рисунке Дюрера из Часослова императора Максимилиана I, датированного 1515 г., битва между соколом и цаплей, близко напоминающая эпизод у Карпаччо, изображена над фигурами рыцаря и смерти, причем рыцарь нарисован в такой же позе, как у последнего, стоя вынимающим меч из ножен (илл. 3). См.: *Konečný L.*

Илл. 3. Альбрехт Дюрер. Лист 12 об.
из Молитвенника Максимилиана I.
Баварская государственная
библиотека. Мюнхен.

Карпаччо во время своей второй поездки в Венецию в период 1505–1507 гг. (что, впрочем, не соответствует имеющейся сегодня на полотне дате — 1510 г.)¹. Проводятся параллели с известнейшей гравюрой Дюрера 1513 г. «Рыцарь, смерть и дьявол»², также наполненной аллегорическими образами, но более открыто нравоучительной, может быть, ввиду отсутствия портретности.

В гравюре «Св. Иероним в своем кабинете» Дюрер, возможно, использовал идею Карпаччо, который изобразил св. Августина в виде работающего за письменным столом ученого³. Вообще относительно того, кто из двух мастеров повлиял на другого и в какой степени, существуют разные мнения.

На аукционе Кристис в 1919 г. «Портрет рыцаря» приобрел Артур Дж. Саллей, от которого в 1935 г. он перешел к Отто Германну Кану и еще через год в коллекцию барона Генриха Тиссен-Борнемиса, выходца из известной династии сталели-

Nouveaux regards sur le jeune cavalier de Vittore Carpaccio // *Artibus et historiae*. 1990. Vol. 21. P. 117. Стоит указать любопытную тематическую параллель из другого часослова — Карла V, ок. 1510 г., в котором рисунок неизвестного автора изображает трех мертвецов (транзи), приветствующих трех живых молодых всадников, едущих на охоту в сопровождении двух собак (борзая движется параллельно белому коню первого всадника, как у «пажа» на картине Карпаччо) (илл. 4). Возможно, мертвецы являют собой будущее живых героев. На заднем плане укрепленный город, в небе парят соколы, выпущенные для охоты. См.: *Де Паскале Э.* Смерть и воскресение в произведениях изобразительного искусства / Пер. с итал. М., 2008. С. 244. Ср.: *Konečný L.* Nouveaux regards sur le jeune cavalier... N 35.

¹ *Konečný L.* Nouveaux regards sur le jeune cavalier... P. 111–124. Конечны считает, что Карпаччо написал свою работу до второй поездки Дюрера и что она, возможно, по каким-то причинам позднее переделывалась в направлении большей идеализации и обобщения.

² *Ibid.* P. 92.

³ http://www.britishmuseum.org/explore/highlights..._st_jerome.aspx. Ср. ниже об этой картине Карпаччо.

тейных магнатов. С 1992 г. полотно выставлено в музее Тиссен-Борнемиса в Мадриде во дворце Вильяэрмоса.

Что касается периода с XVI по начало XX в., то есть сведения о принадлежности картины семейству венецианских патрициев Барбаро: А. Джентили говорит об этом, как о находке Розеллы Лаубер¹, но упоминаний о соответствующей публикации в «*Arte Veneta*» я не нашел, в том числе и в пространном списке работ этого автора на сайте *academia.edu*. В дипломной работе Лауры Парис даются ссылки на статью Лино Моретти, который предположил, что юный рыцарь на портрете – это Франческо Барбаро Младший². Как бы то ни было, из документов Венецианского государственного архива следует, что после пресечения мужской линии рода Барбаро в 1630 г. его имущество перешло к семье Нани, а по угасании и ее мужской линии в 1748 г. было разделено на несколько частей. В связи с судебными тяжбами входившие в число наследников Марина Нани и Николò Донà поручили художнику Джузеппе Анджели оценить имевшиеся у них предметы искусства. 21 марта 1761 г. (Джентили называет дату 28 марта) он представил перечень, в котором упоминается «большая картина с рыцарем... изображенным в полный рост в железных доспехах, работы Карпаччо»³.

Прямые указания на авторство Карпаччо были обнаружены (или, точнее сказать, возвращены на свет) при реставрации полотна в 1958 г., когда были вскрыты два ярлычка (*cartellini*) с латинскими надписями: в левом углу «*malo mori quam foedari*» («лучше умереть, чем замарать себя») – этот девиз прямо связан с находящейся под ним фигурой горностая, символом незапятнанной чести. Существовала легенда, что горностай предпочитает погибнуть, но не запачкать свою белоснежную шкурку грязью, что и использовали в охоте на этого зверька. Он был эмблемой Бретани, и в 1381 г. бретонский герцог Иоанн V основал орден Горностая, а в 1465 г., по-видимому, независимо от предыдущего такой же орден основал неаполитанский король Фердинанд I. Этот орден, состоявший из 27 рыцарей, имел своим патроном архангела Михаила, и его основным девизом было слово «*Decorum*» (достоинство), не совпадающее с надписью на картине. Наличие горностая на картине Карпаччо послужило основой для ряда гипотез о личности

¹ Forse, si può dare un nome... P. 124.

² Moretti L. Due Note Carpaccesche. Il «Giovane guerriero» Thyssen e la «Madonna dei Tesserli da panni di lana» // *Arte Veneta*. 2001. Vol. 58. P. 7–21. Саму статью я не видел, возможно, там имеются ссылки на Р. Лаубер.

³ Paris L. La flora del ritratto... P. 16–17. N 12, со ссылкой на Archivio delle Istituzioni di Ricovero e di Educazione, Penitenti, Commisaria N.D. Marina Donà, Processi FF 20.

рыцаря и его связи с итальянским орденом; впрочем, как геральдическое животное горностаи встречается на многих гербах знатных фамилий, в том числе и в венецианских владениях, часто в сочетании с воспроизведенным на картине девизом¹.

Вторая надпись, на листочке, прикрепленном к дереву, в крайней правой части картины, гласит: VICTOR CARPATHIUS FINXIT MDX. Таким образом, здесь имеется подпись художника, дата, а также любопытное выражение *finxit* вместо более распространенного *pinxit* или *fecit*; его можно перевести как «измыслил», то есть как прямое указание на то, что Карпаччо был не просто исполнителем точно сформулированного заказа с заданными кем-то другим деталями, а является автором художественной программы во всех ее подробностях. Такое указание было характерно для Карпаччо, на протяжении своей карьеры изменявшего подпись, именно в первые годы XVI в.² Кроме того, слово «*finxit*», использовавшееся в тех случаях, когда живопись хотели сблизить со скульптурой³, подтверждает гипотезу о том, что идея изобразить молодого рыцаря в полный рост могла быть подсказана традицией воинских надгробных статуй, с которыми фигура на картине имеет некоторое сходство.

Пристрастие к растительной и животной символике, наиболее ярко выразившееся в «Портрете молодого рыцаря», — одна из черт, заставляющих исследователей говорить о том, что Карпаччо выступает скорее наследником средневекового искусства, чем подлинно ренессансным мастером (если не иметь в виду, что и Ренессанс в широком смысле является частью Средневековья), не зря венецианского художника так любили прерафаэлиты. Дж. Вазари рассказывает о нем в двух абзацах с уважением, но без восторга и с неточностями. В целом «Витторе был поистине мастером весьма прилежным и опытным, и многие его картины, находящиеся в Венеции, и портреты с натуры, а также другие работы среди вещей, созданных

¹ Ряд примеров приводит в своей книге С. Коэн: *Cohen S. Animals as Disguised Symbols...* P. 89–90.

² *Mathew L.C. The Painter's Presence: Signatures in Venetian Renaissance Pictures // The Art Bulletin. Vol. 80. N 4 (December 1998). P. 638, 646. N 71.*

³ *Ibid. P. 647 (N 104).* Другой автор видит в глаголе *finxere* сближение с поэзией («вымыслом»): *Lecoq A.-M. «Finxit». Le peintre comme «fictor» au XVI siècle // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1975. T. 37. N 2. P. 225–243.* Карпаччо был единственным художником, применявшим в подписи этот глагол (р. 225), который часто использовал также Леонардо да Винчи. Возможно, его употребление указывает на роль воображения в работе художника (р. 243) и на игру с иллюзией — есть предположения, что Карпаччо намеренно оставлял на некоторых из своих картин ярлычки без надписи (р. 241. См. также: *Mathew L.C. The Painter's Presence...* P. 646, N 79). Может быть, слово *finxit* указывает и на то, что портрет не достоверный, а воображаемый.

в те времена, ценятся очень высоко»¹. Любопытная и емкая фраза, примечательная тем, что в ней особо отмечены портретные работы.

Символическое содержание картины побудило некоторых искусствоведов видеть в ней не портрет конкретного лица, а изображение святого или идеала христианского воина (*miles christianus*), широко представленного не только в средневековых, но и в ренессансных текстах и образах (например, в «Энхиридионе» Эразма Роттердамского, *Enchiridion militis christiani*, 1503)². Конечно, одно не исключает другого, тем более если речь идет о посмертном портрете, заказанном с целью оправдать героя и представить его идеализированный образ. Большинство исследователей предполагают, что заполняющие полотно предметы содержат немало указаний на конкретное лицо, но проблема заключается в неоднозначности возможных истолкований их символики, иногда прямо противоположных друг другу с точки зрения противостояния добра и зла, жизни и смерти.

Наиболее недвусмысленным является значение горностая в сочетании с привычным для него девизом, ставящим чистоту и честь превыше жизни. Поскольку горностай на картине окружен тремя жабами (или жабой и лягушками), как бы отделяющими его от листочка с надписью, от рыцаря и от журчащей в отдалении родниковой струи, здесь можно видеть указание на гибель персонажа, в частности потому, что источник символизирует связь с жизнью, исцеление, очищение и духовность и одновременно мимолетность бытия. Жабы в средневековой литературе истолковывались и как образы нечистоты и греха, и вместе с тем как указание на возможное возрождение³.

На картине изображены две собаки: слева (по правую руку героя), на той же стороне, что и горностай, виден благородный профиль охотничьего пса, сопровождающего готового к бою или турниру всадника (чаще всего в нем видят того же героя портрета в момент, предшествующий его гибели; некоторые считают, что это его паж, что маловероятно, так как паж в качестве второстепенной фигуры не был бы изображен во всеоружии). Этого пса чаще всего трактуют как символ преданности, встречающийся на надгробных памятниках. С. Козн, которая считает всадника пажом, полагает,

¹ Цит. по: *Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих* (перевод А.И. Венедиктова). <http://www.leosart.narod.ru/ita-carpacho.htm>

² *Cohen S. Animals as Disguised Symbols...* P. 56 – 57. Литература на P. 55. N 3.

³ *Ibid.* P. 77–78. Ср.: Откровение Иоанна Богослова 16:13: «И видел я [выходящих] из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам». По мнению А. Джентили, лягушки и жабы олицетворяют похоть, порок, тленность и мерзость смерти.

что пес и всадник противопоставлены стоящему христианскому воину и его высокодуховным устремлениям в качестве олицетворения мирских забот, *vita activa* и отчасти высокомерия (в дополнение над шлемом всадника изображен павлин)¹. Вообще Карпаччо любил рисовать собак, чем можно объяснить, например, тот факт, что он поместил на самом приметном месте в «Видении святого Августина» маленького песика в настороженной позе. Наряду со святым он наблюдает за свершающимся чудом (илл. 5). Похожая на охотничьего пса с портрета рыцаря собака изображена на ранней картине Карпаччо «Прибытие в Кёльн» из цикла святой Урсулы (Сант'Орсола) (илл. 16). На ней, кстати, одним из организационных центров композиции является дерево, схожее с дубом из «Портрета рыцаря». Еще одна мелкая, но любопытная деталь: в самом центре картины находится фигура идущего пехотинца (*fante*) с алебардой на плече, со щитом, мечом и перьями на шлеме. Такую же фигурку можно различить на «Портрете», чуть выше левого локтя рыцаря: она движется по берегу у городских стен; солдат также несет оружие на древке, у его пояса меч, а на шлеме перья. Вообще повтор элементов с вариациями (одинокое дерево, собаки, солдаты, панорамы городов и т.д.) характерен для работ Карпаччо.

Второй пес на «Портрете рыцаря», напротив, чаще всего трактуется как символ зла. Особенно зловещую роль приписывает ему А. Джентили, который ассоциирует его, по созвучию понятий, с «великим ханом» (*il gran cane*) и соответственно, с турецким султаном. В современной Карпаччо Венеции такое образное сопоставление было распространено, собакой называли Аттилу и толковали об «ужасных гонениях со стороны вероломного турецкого пса» (*«abominabile persecutione de lo perfido cane Turcho»*)². Пес с правой стороны (по левую руку рыцаря), прячущийся за деревом, угрожает герою; по мнению С. Коэн, он олицетворяет человеческие страсти, преследующие невинную душу христианского рыцаря, что подчеркнуто нависающим над головой пса и как бы рассекающим ее надвое мечом³.

Другие животные, изображенные на картине: приближающийся к воде олень может символизировать душу, припадающую к источнику спасения; существовала легенда о том, что ужаленный змеей олень пьет воду из источника, чтобы излечиться, поэтому в средневековых bestiариях он уподоблялся грешнику, черпающему наставления из Святого Писания, и обладал способностью разрушать злые чары⁴. Олень

¹ Cohen S. *Animals as Disguised Symbols...* P. 79–80.

² Forse, si può dare un nome al «Cavaliere Thyssen»... P. 128–129.

³ Cohen S. *Animals as Disguised Symbols...* P. 81. Карпаччо близко повторяет в данном случае рисунок Пизанелло: Ibid. N 15, 78.

⁴ Ibid. P. 82.

в данном случае истолковывался как возможное доказательство того, что на картине изображен св. Евстафий, символом которого он был¹.

Далее в своем обстоятельном исследовании «Животные как скрытые символы в искусстве Возрождения» («Рыцарю» Карпаччо посвящена четвертая глава) Симона Коэн приводит многочисленные значения, привязываемые к изображению кроликов или зайцев: плодородие, целомудрие, любовь, непорочное зачатие, робость, нежность, стыдливость, бдительность и осторожность. Однако белых и коричневых кроликов, имеющих на картине Карпаччо (на берегу, в той же зоне, что и олень) она воспринимает как аллегория невинной жертвы, поскольку кролик, как и олень, является мишенью охотников². Такое истолкование сближает образ героя с жертвой Христовой³, вполне в духе христианского рыцарства, но оно не противоречит и идее А. Джентили о том, что изображенный на портрете юноша погиб от рук неверных.

Птицы небесные представлены на картине Карпаччо еще шире, но некоторых из них исследователям до сих пор не удалось отождествить с известными видами. Центральный эпизод в верхней левой части картины изображает, как уже было упомянуто, битву между соколом и цаплей. В сборниках эмблем такой рисунок сопровождался фразой *exitus in dubio est* и означал борьбу с неясным исходом. С. Коэн считает, что в данном случае художник намеревался выразить этой фигурой протест против войны и развивает идею дуализма; в этом же духе она анализирует другие изображения птиц на картине, в частности, трех летящих голубей и сидящего на дереве ястреба. Охотник и потенциальные жертвы, по мнению исследовательницы, могут символизировать опять-таки противостояние активной и созерцательной жизни, добродетели и порока, воздержания и мирских соблазнов. В средневековом искусстве сокол или ястреб как хищная птица сопровождал образ рыцаря, а голубь — клирика⁴.

¹ *Offner R. Un San Eustachio del Carpaccio // Dedalo. 1921–1922. II. XII. P. 765–769; Offner R. A picture of St. Eustace in Landscape by Carpaccio // Art in America. 1922. Vol. X. P. 127–132; Venturi L. Contributi a Vittore Carpaccio // L'Arte. 1930. Vol. / XXXIII. N IV. P. 393–394. См.: Nickel H. Carpaccio's «Young Knight in a Landscape»: Christian Champion and Guardian of Liberty // Metropolitan Museum Journal. 1983. Vol. 18. P. 89.*

² *Ibid. P. 82–83.*

³ Возможно, уместно провести параллель с близкой по стилистике и колориту картиной Карпаччо «Мертвый Христос», датируемой по-разному, в том числе и ок. 1510 г. На ней имеется похожее дерево, хотя и с более богатой кроной. Кстати, эта картина, как и «Медитация /или размышления/ над страстями Христовыми», имела ложную подпись А. Мантеньи. См.: описание на сайте <http://www.frammentiarte.it/>. Илл. 13.

⁴ *Cohen S. Animals as Disguised Symbols... P. 61–67.*

Журавль справа у берега, как и изображенный чуть выше гусь — олицетворение бдительности¹, аист слева на крыше — символ семейных ценностей, так как эти птицы, по мнению средневековых ученых, заботились не только о своем потомстве, но и о родителях. Кроме того, аисты считались врагами змей и эмблематически обозначали победу добродетели над пороком. Аист в гнезде на крыше мог символизировать также возвышение над земными ценностями². Павлин, изображенный прямо над шлемом всадника, как уже сказано, был аллегорией гордыни и, по мнению С. Коэн, свидетельствует о негативных ассоциациях, связываемых художником с этой фигурой, которую она называет пажом. Похожий смысл исследовательница приписывает вывеске в виде лошадки без всадника слева чуть выше павлина, также над головой «пажа» — это аллюзия на его падение. Вместе с тем, так как символика Карпаччо во многих случаях двусмысленна, этот образ, по мнению С. Коэн, можно трактовать и как торжество добродетели, поскольку лошадь сохранила седло, стремяна, поводья и уздечку, олицетворяющие умеренность³. Второй конь, тот, на котором скачет всадник, изображает неукротенное желание и необходимость для «пажа» справиться со своей гордыней и страстями, прежде чем обратиться к духовной жизни. Возможно, Карпаччо представил его в качестве предтечи христианского воина, который, в противоположность ему, шествует «по узкой и каменистой тропинке»⁴ (такое толкование сближается с версией о том, что оба рыцаря — одно и то же лицо).

Еще одна двусмысленная фигура — орел или гриф, сидящий справа на погруженном в воду бревне и пожирающий свою добычу. Орел как благороднейшая из птиц отождествлялся с «верой, благоразумием, божественностью и жизнью после смерти», но в данном случае он скорее всего изображает хищника и символизирует грешника, привязанного к плотским желаниям, как к падали⁵ (и, возможно, вообще земную смерть). А. Джентили упоминает еще отсутствующих в очерке С. Коэн зимородка и утку, олицетворяющих, по его мнению, спокойствие и безмятежность⁶.

Символический набор присутствующих на картине растений весьма разнообразен, но, как отмечают и Симона Коэн, поместив-

¹ *Cohen S. Animals as Disguised Symbols...* P. 67–69.

² *Ibid.* P. 71–72.

³ *Ibid.* P. 75. Павлин также может истолковываться двояко, будучи символом нетленной плоти, целомудрия и возрождения.

⁴ *Ibid.* P. 81.

⁵ *Ibid.* P. 76–77.

⁶ *Forse, si può dare un nome al «Cavaliere Thyssen»...* P. 127.

шая в своей работе их обзор, и автор более подробного исследования о флоре на данной картине Лаура Парис, Карпаччо столь же приблизительно рисует растения, как и животных, и не всегда их можно идентифицировать.

Л. Парис свела все растения, изображенные на картине, в три таблицы, сопровождаемые рисунками. В опубликованном резюме ее работы подробные толкования символических значений отсутствуют, отмечено только, что все они имеют лечебное назначение, а именно (кроме круциаты и лютика) отхаркивающее, что может подтвердить гипотезу о болезни героя портрета¹. Для полноты картины воспроизведем таблицы из упомянутой статьи (см. илл. 6 и 7).

Таблица I

- 1) Ромашка (*Anthemis L.*),
- 2) Лютик (*Ranunculus lingua*),
- 3) Колокольчик (*Campanula rotundifolia*),
- 4) Акант (*Acanthus mollis*),
- 5) Аронник (*Arum italicum*),
- 6–7) Ирис (*Iris germanica*),
- 8) Барвинок (*Vinca major*),

Таблица II

- 9) Дикая гвоздика (*Dianthus sylvestris*),
- 10) Фенхель (*Foeniculum vulgare*),
- 11) Крестообразник, круциата (*Cruciata glabra*),
- 12) Мускари, мышиный гиацинт (*Muscari Miller*),
- 13) Ястребиночка (*Hieracium pilosella*),
- 14) Аквилегия (*Aquilegia vulgaris*),
- 15) Клевер (*Trifolium pratense*),
- 16) Лилия (*Lilium candidum*),
- 17) Крапива (*Urtica pilulifera*),
- 18) Фиалка (*Viola odorata*),

Таблица III

- 19) Дуб (*Quercus petraea*),
- 20) Плющ (*Hedera helix*),
- 21) Коровяк высокий, скипетровидный, медвежье ухо (*Verbascum densifolium*).

Трудно судить, насколько точен этот список, тем более что фотографии передают изображения недостаточно отчетливо:

¹ *Paris L. La flora del ritratto... P. 12.* Подробнее см. ниже.

несколько растений не отождествлены вообще, в частности, цветы над колокольчиком и рядом с деревом, правее гвоздики¹. Во всяком случае, Л. Парис с уверенностью указывает на то, что интерпретации ее предшественницы Роны Гоффен² ошибочны и что у Симоны Коэн неверно названы ежевика и асплениум (вместо аронника и аканта). По поводу перечня растений, приводимого у А. Джентили, Л. Парис замечает, что наличие некоторых из них не вызывает сомнений, другие под вопросом — это нарцисс и василек. Любопытно, что два последних в ее списке вообще отсутствуют. Ошибочно идентифицированы, по ее мнению, шалфей, красный анемон, незабудка и хризантема. При этом, цитируя перечень А. Джентили, она без всяких комментариев называет гладиолус и ежевику, ранее ею отвергнутую³. Между прочим, ежевику, из которой якобы был сплетен терновый венец, профессор Джентили противопоставляет изображенной рядом лилии как райскому цветку и олицетворению чистоты⁴. Другие толкования Джентили: барвинок символизирует верность памяти и голубые небеса; ирис — имя вестницы богов; листья гладиолуса, напоминающие лезвия — страдания Марии после смерти Христа; аквилегия — печаль, смерть и боль, как и лютик. Красный анемон и шалфей, которых Л. Парис не видит на полотне, — соответственно, короткую жизнь и кровь Адониса; спасение и излечение. Нарцисс, аронник, ежевика, хризантема — смерть; фиалка — мученичество и распятие; василек — исцеление от яда (по словам Плиния, он спас раненного отравленной стрелой кентавра Хирона)⁵.

Рассмотрим теперь существующие версии относительно того, кто является героем картины и кто был его прототипом. В своей резюмирующей публикации Л. Парис свела эти версии, как и в случае с растениями, в таблицу, где они приведены в хронологическом порядке (еще две таблицы в приложениях к ее статье обобщают гипотезы о городе, изображенном на картине, и художественные аналогии, проводившиеся исследователями применительно к работам других мастеров).

¹ Как пишет Л. Парис, «иногда художник опускает лиственный аппарат, иногда немного изменяет расположение, в других случаях, наконец, прибегает к очень подчеркнутой стилизации» (*Paris L. La flora del ritratto...* P. 16. N 6.)

² Goffen R. Carpaccio's portrait of a Young Knight: Identity and meaning // *Arte Veneta* 1983. Vol. XXXVII. P. 37–48.

³ *Paris L. La flora del ritratto...* P. 16. N 7.

⁴ Forse, si può dare un nome al «Cavaliere Thyssen»... P. 126.

⁵ Ibid.

В довоенные годы выдвигались гипотезы о том, что рыцарь Карпаччо изображает св. Евстафия или что это фантастический образ в духе Джорджоне¹. В 1957 г. Б. Беренсон предположил, что герой является выходцем из семьи Габсбургов², ориентируясь, очевидно, на черный и золотой геральдические цвета, а также на немецкое оружие модели. В 1960 г. юноша впервые был идентифицирован как член рода Барбаро, Эрмолао Барбаро Младший (1452–1493)³. Через три года появилась наиболее распространенная до сего дня гипотеза о том, что это был герцог Урбинский, племянник и приемный сын Гвидобальдо да Монтефельтро Франческо Мария делла Ровере (1490–1538)⁴; об этой гипотезе несколько подробнее будет сказано ниже. Рона Гоффен в 1983 г. предположила, что речь идет об идеализированном портрете другого Монтефельтро, побочного сына Федериги да Монтефельтро, кондотьера Антонио (1450–1508)⁵. Тогда же был назван и другой претендент – король Неаполя Фердинанд II Арагонский (1467–1496)⁶. В следующем году еще один – погибший в битве при Мохаче Лайош (Людовик) II Венгерский (1506–1526), который, по мнению автора статьи Хельмута Никеля, представлен в виде символа города Рагузы палатина Роланда. Соответственно, прибрежный город на холме вдали позади рыцаря и есть Рагуза (совр. Дубровник⁷). Кроме указаний на некоторое сходство с имеющимися старинными изображениями Рагузы, Х. Никель приводит доводы, основанные на анализе вооружения и геральдических элементов, присутствующих на картине. На рагузской статуе Роланда герой изображен в виде безбородого молодого человека с длинными волосами, с большим обнаженным мечом, в доспехах и со щитом, имеющим в качестве эмблемы имперского

¹ См.: Прим. 1 к стр. 62 и *Paris L. La flora del ritratto...* P. 18. App. 1.

² Ibid. (*Paris L. La flora del ritratto...* P. 18. App. 1); *Berenson B. Italian pictures of the Renaissance. Venetian school.* London, 1957. P. 57.

³ *Perocco G. Tutta la pittura del Carpaccio.* Milano, 1960. P. 70; *Paris L. La flora del ritratto...* P. 18. App. 1.

⁴ Ibid. (*Paris L. La flora del ritratto...* P. 18. App. 1); *Weiss R. Carpaccio e l'iconografia del più grande umanista veneziano (Ermolao Barbaro)* // *Arte Veneta.* 1963. Vol. XVIII. P. 40; *Zuffi S. Carpaccio.* Milano 1993. P. 53 и др. авторы.

⁵ *Goffen R. Carpaccio's portrait of a Young Knight: Identity and meaning* // *Arte Veneta.* 1983. Vol. XXXVII. P. 37–48; *Paris L. La flora del ritratto...* P. 18, App. 1.

⁶ Ibid. (*Paris L. La flora del ritratto...* P. 18. App. 1); *Agathe R. Zur Identität von Carpaccios Ritter* // *Pantheon.* 1983. Bd. XLI. N 4. S. 295–302.

⁷ Название Дубровника, как замечает Х. Никель, соответствует итальянскому *rovere* (дуб), а именно дуб с облетающими листьями помещен в середине картины (*Nickel H. Carpaccio's «Young Knight in a Landscape»...* P. 92).

двуглавого орла (статуя была воздвигнута в связи с подтверждением привилегий Рагузы императором Сигизмундом I в качестве венгерского короля)¹. Однако на гербе Роланда в ряде случаев, в частности на североитальянских рисунках, можно увидеть черно-золотую шахматную клетку, что является одним из главных признаков для идентификации модели Карпаччо: это цвета накладки всадника, или паж, они повторяются в оформлении доспехов рыцаря, и даже на кольчуге его латных башмаков заметна такая клетка, хотя на репродукциях ее невозможно рассмотреть без специального увеличения² (илл.11). Кроме того, Роланд был графом Бретани, символом которой, как мы уже знаем, был горностай с девизом «Предпочитаю умереть, чем запятнать свою честь» (выше приведен другой вариант перевода)³.

В качестве конкретного прототипа героя Х. Никель предлагает трагически погибшего короля Лайоша, поскольку он был покровителем города и у него имелся, между прочим, хранящийся ныне в музее меч с похожей гардой; есть, по мнению искусствоведа, и некоторое портретное сходство, однако в 1510 г. принцу было только четыре года, и даже если добавить к дате, читающейся на листочке, еще одну цифру Х, то есть принять за нее 1520 г., ему все еще было четырнадцать лет, меньше, чем герою портрета. К тому же эта гипотеза противоречит высказываемому самим Х. Никелем предположению о том, что картина могла быть подарена Рагузе, которая стала союзницей Венеции в разгар войн Камбрейской лиги в 1510 г.⁴

Здесь имеет смысл упомянуть о доводах, которые, по мнению Х. Никеля, противоречат утверждению о том, что на портрете Карпаччо изображен Франческо Мария делла Ровере (оно принято за основу и в недавно опубликованной отечественной статье об иконографии рыцарского церемониала)⁵. Автор этого утверждения Р. Вайсс⁶ исключил предположение о том, что моделью мог быть Фердинанд (Ферранте) II Неаполитанский, так как геральдическими цветами Арагонской династии были красный и золотой, а на картине присутствуют золотой и черный. Эти цвета, по мнению Р. Вайсса, могли быть скорее геральдическими

¹ Nickel H. Carpaccio's «Young Knight in a Landscape»... P. 92.

² Ibid. P. 89 и Scoperto chi è il «Cavaliere Thyssen» di Carpaccio...

³ Nickel H. Carpaccio's «Young Knight in a Landscape»... P. 94.

⁴ Ibid. P. 96.

⁵ Романчук А.В., Яловко Г.А. Придворный рыцарский церемониал в иконографии ряда итальянских произведений XIV–XVI вв. // Италия и Европа. Сборник памяти В.И. Рутенбурга. СПб., 2014. С. 166–173.

⁶ См. прим. 45.

цветами Монтефельтро, к тому же на гербе герцога Федерико III был изображен горноста́й, хотя и с другим девизом: «Non mai». Впрочем, знаменитый полководец действительно являлся рыцарем ордена Горноста́я. Тем не менее по возрасту (1422–1482) он не мог претендовать на роль рыцаря Карпаччо, что же касается его сына, умершего в 1508 г. Гвидобальдо, то его черты лица не схожи с рыцарем Карпаччо. Поэтому Вайсс избрал в качестве его прототипа Франческо Марию делла Ровере — о его фамильном имени мог бы напоминать имеющийся на картине дуб, а лилии как символ девы Марии и Благовещения — о втором крестном имени, тем более что Франческо Мария родился в день Благовещения, 23 марта. Однако делла Ровере не был членом ордена Горноста́я¹ и не унаследовал герб деда, но самое главное, черты рыцаря Карпаччо никак не совмещаются с чертами Франческо Марии, в частности, на более позднем (1538) портрете Тициана², да и на портрете молодого человека с яблоком (1505) работы Рафаэля из галереи Уффици, если там действительно изображен будущий герцог (илл. 9 и 10). Несколько ближе к герою Карпаччо предполагаемый портрет Франческо Марии работы Бартоломео Венето или Винченцо Катены, но у безымянного рыцаря более круглое лицо и ямочка на подбородке (илл. 19).

Многие из вышеназванных претендентов на роль рыцаря, которому на картине около двадцати лет, не подходят по возрасту, даже если считать портрет идеализированным и раздвинуть рамки с начала XVI в. до 1520-х годов: некоторые из Барбаро и Монтефельтро, Людовик Венгерский, как и предложенный в 1991 г. кондотьер Читоло да Перуджа (1470–1510), отличившийся во время защиты венецианской Падуи в 1509 г. и вскоре погибший³. А. Джентили замечает по поводу последнего: «Безвестный наемный капитан... убитый в сражении в 1510 г.; однако, как я уже сказал, я считаю, что картину нужно датировать десятилетием раньше; кроме того, никто не стал бы прославлять в живописи малоизвестного и к тому же “чужеземного” солдата»⁴.

¹ Вопреки тому, что говорится в статье А.В. Романчук и Г.А. Яловко (с. 170–171).

² Forse, si può dare un nome... P. 129 – 130.

³ Scarpa P. Vittore Carpaccio: Identificazioni e proposte I // Arte Documento. 1991. N 5. P. 60–69.

⁴ «Citolo da Perugia, oscuro capitano mercenario al servizio di Venezia nella guerra di Cambrai, ucciso in battaglia nel 1510: infatti, come ho detto, ritengo che il dipinto di Carpaccio sia precedente di circa un decennio; e nessuno avrebbe fatto celebrare in pittura un soldato sconosciuto, e, per giunta, “foresto”» (Forse, si può dare un nome al «Cavaliere Thyssen»... P. 130).

Недавно была опубликована отечественная статья, в которой предлагается фактически, как и у Джентили, отнести отраженные в картине события почти на десятилетие назад, хотя авторская датировка 1510 г. в этой статье не оспаривается¹. Н. Лаврова считает, что это портрет правителя Фаэнцы Асторре III Манфредди, трагически погибшего в застенках семьи Борджиа в 1502 г., когда ему было семнадцать лет², а увековечить его память спустя годы решили совместно его несостоявшаяся теща Катерина Сфорца и венецианский сенат (последний — чтобы загладить свое предательство девятилетней давности!). Любопытно, как автор статьи аргументирует выбор сюжета: «Самые драматические, близкие по времени портрету Карпаччо события, нашедшие отражение в исторических хрониках и памяти современников, были связаны с идеей создания в области Романья объединенного итальянского государства», т.е. с завоеваниями Чезаре Борджиа в 1499–1502 гг. — удивительное соображение, учитывая, что тогда для Венеции существовала лишь косвенная угроза, но вот «драматические события» 1509 г., достаточно близкие к дате, указанной на картине, 1510 г., а именно битва при Аньяделло, лишили ее всех владений на Терраферме. В статье Н. Лавровой немало и других неточностей и шатких гипотез (например, «Роландо ди Рагуза» она считает историческим персонажем, белая лилия, по ее мнению, олицетворяет невесту Асторре Бьянку че-

¹ Эта публикация уже упоминалась выше, см. Прим. 4 к стр. 58; *Лаврова Н.* «Фантазия на рыцарскую тему»: К вопросу об иконографии картины «Молодой рыцарь на фоне пейзажа» // Мир музея. 2013. № 7. С. 2–5; № 8. С. 47–51. См. текст на сайте <http://www.mirmus.ru/2013>. С гипотезой Джентили Н. Лаврова, судя по ее тексту, не знакома.

² Романтическая судьба Асторре, или Асторджо и других Манфредди привлекла внимание еще одного отечественного автора, см.: *Ковалева М.В.* О чем молчит «Хроника города Фаэнцы» // Современная наука: Гуманитарные науки. 2011. № 3; *Она же.* Жизнь Асторджо Манфредди: <http://www.proza.ru/2011/03/02>. Вот что говорит Ф. Гвиччардини о гибели Асторре: «Валентино выполнил свои обязательства в отношении жителей Фаэнцы, но что касается Асторре, которому не исполнилось и восемнадцати лет и который был весьма красив собою, то его юный возраст и неиспорченность не могли защитить его от жестокости и коварства победителя, и тот, якобы желая оставить его при своем дворе, удержал юношу у себя как почетного гостя. Однако вскоре он был доставлен в Рим, где, как говорили, стал жертвой чьей-то похоти, а затем тайно лишен жизни вместе со своим незаконнорожденным братом» (*Гвиччардини Ф.* История Италии. Кн. 5. Гл. 4. Цит. по электронному варианту издания: *Guicciardini F. Storia d'Italia / A cura di Silvana Seidel Menchi.* Torino, 1971. URL: <http://www.liberliber.it.>)

рез словосочетание *bianca giglio* — но оно невозможно, так как в итальянском языке *giglio* мужского рода и т.д.). Она ошибочно полагает, что рыцарем ордена Горнстая «мог» сделать Асторре дядя Бьянки Лодовико Моро и что члены ордена «в искусствоведческой литературе не упоминаются»¹.

В целом предположение о том, что портрет Карпаччо изображает Асторре Манфреди, почти ничем не обосновано, хотя некоторые соображения о картине любопытны и так или иначе сходятся с теориями других искусствоведов². Для опытного кондотьера герой полотна Карпаччо, по мнению Н. Лавровой, слишком молод, более того, фигура всадника на заднем плане — это он же, но в возрасте восьми-девяти лет, запечатленный в момент помолвки или посвящения в рыцари³. Это подтверждается присутствием рядом с ним прекрасной породистой собаки — «в портретах императоров и королей она являлась символом правящего монарха. То есть наличие такого породистого пса всегда свидетельствовало, что рядом с ним может быть только его хозяин, владелец замка». Вторая собака в оригинальной трактовке автора статьи: «верный друг», с «по-людски скорбной выразительной мордой и глазами»; она обнимает лапами засохшее, по мнению Н. Лавровой, дерево, символизирующее пресечение генеалогического древа Манфреди.

¹ См. полный список кавалеров на сайте www.nobili-napoletani.it/Ordine-Ermellino.htm

² Правда, Н. Лавровой цитированные здесь статьи остались, видимо, неизвестными, поскольку она не упоминает приводимые там толкования изображений «растений, птиц, животных, символику которых только предстоит раскрыть» и в конце своего текста выражает надежду на то, что ее версия подтвердится. «если удастся всесторонне углубить знания об этой эпохе». Условие бесспорное, но все же работа по углублению знаний идет уже не первый год.

³ Такое предположение выглядит правдоподобным, так как всадник, сходный со стоящим рыцарем чертами лица, действительно намного моложе его. Любопытно, что у правой руки мальчика прикреплена железная перчатка, что может указывать на его участие в церемонии. Интересно также, что в сочинении аббата Бернардо Джустиниана (*Bernardo Giustinian. Historie cronologiche dell'origine degli'ordini militari e di tutte le religioni cavalleresche insino ad hora instituite nel mondo. Venezia, 1692*) к рыцарским орденам причисляются «чулочные компании», о которых будет сказано ниже. См.: http://www.iagi.info/ARALDICA/ordini/antichistati/rep_sanmarco/venezia.html. На рисунке с эскизами юного рыцаря с копьем, приписываемом Карпаччо, головка в шлеме чертами лица напоминает этого «пажа» (илл. 18. См.: <http://www.metmuseum.org/collection/the-collection-online/search/338399>, Метрополитен Музей, Нью Йорк). Справедливости ради следует добавить, что родовой герб Манфреди имеет щит, разделенный на четыре части лазурного и золотого цвета. Эти признаки близки изображенным на картине.

Обрубок дерева в правом углу автор объясняет так: «Два обрубленных сучка на древе — это убитый отец Галеотто и его преступная погибшая супруга Франческа Бентивольо; обвивающая их тонкая мертвая ветвь — их отпрыск Асторре, которого ко времени создания картины уже не было в живых». Другой обломок, в левом углу, с двумя отрубленными ветвями, символизирует гибель папы Александра VI и его сына Чезаре. Автор статьи обращает внимание и на такую малозаметную деталь, как листки бумаги, торчащие из кошелька рыцаря; она предполагает, что это может быть отпущение грехов.

Обратимся теперь к наиболее правдоподобным версиям относительно личности рыцаря. Согласно одной из них, как уже говорилось, это Франческо Барбаро Младший, в семье которого полотно хранилось, по-видимому, еще в начале XVII в. На гербах некоторых представителей этого рода в XV–XVI вв. встречается горностаи с упомянутым выше латинским девизом¹. (илл. 8). Другим надежным доводом, «без тени сомнения», как пишет (в отличие от других) Л. Парис, является дата картины — 1510 г., которая и указывает на наиболее подходящего персонажа. Франческо Барбаро Младший родился 23 ноября 1484 г. в Венеции, его родителями были Даниэле ди Дзаккария Барбаро и Адриана ди Франческо Приули. Как установил Л. Вентури, он был членом и «советником» «чулочной компании» Этерни («вечные») — одной из молодежных компаний, которые участвовали в театральных представлениях, официальных церемониях, празднествах и т.п. Отличительным знаком были чулки разных цветов, в данном случае красные, которые носит под поножами и герой Карпаччо². В 1509–1515 гг. он неоднократно принимал участие в защите Падуй и был избран войсковым казначеем³; в дальнейшем занимал важные административные должности и умер в 1549 г. в возрасте 65 лет. В январе 1511 г. он сильно заболел, о чем сообщает Марино Санудо, что могло помешать ему выехать в Падую для участия в ее обороне⁴. По венецианскому календарю до 1 марта это был

¹ Paris L. *La flora del ritratto...* P. 12 и N 12–15.

² Ibid. P. 14. На картинах Карпаччо встречаются многочисленные изображения членов компаний, но кроме чулок, их отличительным признаком являются вышитые на одежде эмблемы или узоры.

³ Гвиччардини пишет, что самые знатные молодые люди Венеции ехали в Падую, чтобы защищать ее от войск императора (История Италии. Кн. 11. Гл. 15).

⁴ По одной из гипотез, город, изображенный на картине Карпаччо, — именно Падую, где можно идентифицировать ворота у моста Молино, сохранившиеся в северной части городских стен, и почтовую станцию «У Лошади», см.: Paris L.

1510 г., так что за это время, по случаю выздоровления Франческо, картина могла быть заказана Карпаччо для оправдания временного отсутствия героя на войне, и художник мог успеть ее датировать этим годом. Присутствие растений, применяющихся в лечебных целях для усиления отхаркивания, указывает на счастливое излечение от болезни и готовность рыцаря вновь достать меч из ножен (впрочем, те исследователи, по мнению которых мы имеем дело с портретом погибшего воина, полагают, что он, напротив, символически вкладывает меч в ножны¹). Для чего нужно было заказывать такое огромное полотно, кому его демонстрировали в оправдание Франческо Барбаро, почему именно таким образом он выказал свою благодарность Господу, почему об этом больше ничего не известно, существовала ли подобная практика в сопоставимых случаях? До тех пор, пока на подобные вопросы ответы не даны (не говоря об общем настроении картины), описанная версия выглядит несколько натянутой, что склоняет к тому, чтобы отдать предпочтение гипотезам о том, что Карпаччо создал портрет уже погибшего юноши. Наиболее вероятную из них выдвинул Аугусто Джентили, хотя до сих пор она изложена только в форме интервью и не обнародована во всех деталях.

В результате многолетних разысканий А. Джентили пришел к выводу, что на картине Карпаччо изображен Марко Габриэль, один из командиров венецианской крепости Модон в Морее, которая вместе с другим городом, Короном, была захвачена турками в 1500 г., во время турецко-венецианской войны 1499–1502 гг. Один из «ректоров» Модона был убит; второй, Марко Габриэль, как выяснилось чуть позже, попал в плен к туркам; в октябре он прислал письмо с просьбой о помощи, а в 1501 г. пришло известие, что он был обезглавлен по приказу султана.

La flora del ritratto... P. 16–17. N 12 и P. 15. N 21, а также P. 20. N 5 к Приложению, со ссылкой на: *Scarpa P. Vittore Carpaccio: Identificazioni e proposte I // Arte Documento. 1991. N 5. 1991. P. 60–69.* Падуя, однако, не является морским портом. В 1997 г. было выдвинуто еще одно предположение: что город на картине – Анкона; Карпаччо должен был хорошо его знать, некоторые здания Анконы можно различить на других его полотнах. См.: *Zampetti P. Carpaccio, Bellini e Ancona // Arte Documento. 1997. N XI. P. 76–85.*

¹ В частности, А. Джентили: *Forse, si può dare un nome... P. 124.* А. Джентили считает одним из доводов против кандидатур Антонио да Монтефельтро и Фердинанда II Неаполитанского то, что они умерли не насильственной смертью, а от болезней; первый из них от болезни легких, второй, возможно, от малярии. Теоретически тезис о значении растений на картине как лечебных мог бы служить против этого довода.

Один из аргументов в пользу этой гипотезы: заказчиком картины «Святой Георгий и дракон» якобы был Паоло Валларессо, комендант Корона, в 1500 г. также оказавшийся в плену у турок. Как считает А. Джентили, стилистически портрет рыцаря близок к «историям Карпаччо» рубежа XVI в., прежде всего серии эпизодов из жития св. Георгия, выполненного для церкви Сан Джорджо дельи Скьявони по заказу Далматинской скуолы¹; сам этот портрет также является своего рода историей. Дату МСХ, обнаруженную на портрете, А. Джентили считает ложной (*pasticciata*), она уходит в сторону (*depista*); впрочем, смысла такого искажения он не объясняет². Одним из объяснений могло бы быть упоминавшееся выше предположение о более поздней или длительной доработке портрета художником.

Еще один серьезный и даже, пожалуй, главный довод связан с геральдикой: на гербе патрицианского рода Габриэль (или Габриэли) были три ряда черно-золотой шахматной клетки; этот рисунок повторяется на башмаках рыцаря (два ряда, см. илл. 11) и на накидке всадника, верхняя и нижняя части которой имеют как раз по три ряда такой клетки (правда, на старинных изображениях гербов венецианских Габриэли клетка обычно лазурно-золотая). А. Джентили упоминает еще об изображениях герба, сохранившихся на фасаде и на парапете колодца дома Габриэли (сегодня это гостиница Hotel Gabrielli на Рива дельи Скьявони); судя по

¹ Forse, si può dare un nome... P. 125. Возможно, эти сведения неточны, так как Валларессо обычно упоминается не как заказчик полотна, а как даритель реликвии св. Георгия Далматинской скуоле в 1502 г., что побудило это братство заказать у Карпаччо с 1502 по 1511 г. циклы картин, посвященных свв. Георгию, Трифону, Иерониму и Матфею. См.: *Vallery T. et. al. Scuola Dalmata dei SS. Giorgio e Trifone*: <http://www.scolevenexia.info/storia/SDSGT.pdf>. В то же время в других изданиях повторяется известие о том, что 24 апреля 1502 г. скуола торжественно получила в дар от Валларессо реликвию св. Матфея. Но и здесь, видимо, есть ошибка, т.е. речь идет скорее о св. Георгии, так как заказчиком обеих картин Карпаччо, посвященных св. Матфею, был Андреа Вендрамин — на них изображен его герб. Все эти подробности, конечно, никак не уточняют датировки «Портрета рыцаря», но стоит отметить, что картина «Ночь в Гефсиманском саду» (1502) по композиции близка к нему, на ней есть похожее дерево и в том же правом нижнем углу обрубленный пенек с новым побегом (илл. 17).

² В цитированной выше статье Л. Конечны рассмотрены разные варианты датировки, со ссылкой на то, что листочек с датой пририсован позднее, и прочитывается плохо, т.е. на нем могут быть пропуски. Таким образом, существуют доводы как в пользу более ранней датировки картины, так и более поздней, вплоть до года смерти Карпаччо, 1526 г. См.: *Konečný L. Nouveaux regards sur le jeune cavalier...* P. 113. Ср.: *Comstock H. The Connoisseur in America, Carpaccio Signature Discovered // The Connoisseur*. 1958. Vol. CXLII (54). P. 64.

фотографиям и описаниям, барельеф на фасаде изображает архангела Гавриила в несколько необычной для него иконографической традиции: в правой руке он держит занесенный за голову в нимбе меч; что находится в левой, на фотографии плохо видно, скорее всего, это скипетр (см. илл. 12). Длинный скипетр виден на фотографии парапета колодца, украшенного, кроме фигуры архангела, гербами и листьями аканта¹ (акант, как явствует из приведенной ранее таблицы, присутствует и на картине Карпаччо. Имеется на ней и лилия, еще один символ Гавриила). В ногах архангела на фасаде находится герб на прямоугольном щите немецкого типа с вогнутыми боковыми краями и выемкой справа сверху; под ней видны три ряда шахматной клетки. Архангел Гавриил, в том числе и в данном случае на гербе, изображался в виде безбородого юноши с длинными волосами; в связи с этим можно предположить, что молодой человек на портрете стилизован под образ Гавриила, хотя доспехи и вообще обличье воина более характерны для архангела Михаила.

А. Джентили полагает, что персонаж картины идеализирован и не имеет портретного сходства, в частности, потому, что «семейных фотографий еще не существовало» и к тому же «эта голова была уже отрублена»². Вместе с тем, по его мнению, «наш Рыцарь умер еще молодым»³, то есть возраст героя передан верно. Но этот пункт как раз расходится с данными биографии Марко Габриэля, о чем подробнее будет сказано ниже; к моменту гибели ему должно было быть лет сорок, поэтому объяснить то, что он изображен на портрете в виде юноши, если это действительно он, можно только идеализацией. А вот довод против портретного сходства не является неоспоримым, ведь художник, при отсутствии других изображений героя, мог бы руководствоваться описанием, составленным родственниками, которые, вероятно, и заказали портрет, а также ориентироваться на семейные черты.

Заказ картины А. Джентили объясняет желанием очистить память героя от подозрений в трусости и предательстве, намеки на которые обнаруживаются, по его мнению, в «Дневниках» Марино Санудо, подробно пересказывающих историю Венеции на протяжении десятилетий. «Образ капитана воспроизведен в иконографии военных героев: с мечом, вложенным в ножны... Он предпочел погибнуть, но не сдаться, не пойти на соглашение»⁴.

¹ См. статью: *Betti F. Puteale* // *Enciclopedia dell'Arte medievale*. 1998 <http://www.treccani.it/enciclopedia/puteale>.

² *Scoperto chi è il «Cavaliere Thyssen» di Carpaccio*

³ Forse, si può dare un nome al «Cavaliere Thyssen»... P. 125.

⁴ *Scoperto chi è il «Cavaliere Thyssen» di Carpaccio...*

Посмотрим, какие сведения о Марко Габриэле можно извлечь из опубликованных источников.

Первое упоминание относится к 1487 г., когда Марко Габриэль был капитаном конвоя галер Александрии, т.е. флотилии, сопровождавшей торговые суда по стандартному маршруту; такой же факт зафиксирован применительно к 1489 г.¹ Трудно предположить, что столь ответственную должность могли доверить юнцу; даже если капитану было лет двадцать пять (возраст политического совершеннолетия в Венеции), год его рождения приходится на начало 1460-х годов, то есть к моменту гибели Марко Габриэлю должно было исполниться как минимум около сорока лет. Конечно, в Италии очень распространена омонимия, и теоретически упомянутым капитаном мог быть тезка и однофамилец предполагаемого героя картины; такие персонажи были, и данные о них можно найти, например, на сайте Венецианского государственного архива² и у того же Марино Санудо, «Дневник» которого является одним из основных источников по истории Венеции этого периода и, в частности, для биографии рассматриваемого лица³. Но все-таки на пост кастеляна и проведитора Модона, весьма ответственный в иерархии гражданских и военных должностей Венеции⁴, мог претендовать именно опытный

¹ *Ashtor E. Spice Prices in the Near East in the 15th Century // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1976. N 1. P. 38: «One reads in the pleadings dated 18 May 1489 that the pepper was shipped on a galley belonging to the convoy whose captain was Marco Gabriel. According to ASV Segretario alle voci VI, f. 83a, he was captain of the Alexandria galleys in 1487».*

² См.: *Dieci savi alle decime in Rialto, Deputazioni unite, Commisurazione delle imposte, Condizioni di decima. Filze: Redecima 1514, b. 50, S. Marina 52: Marco Gabriel quondam Zaccaria quondam Marco.* <http://www.archiviodistatovenetia.it/divenire/document.htm? idUa=55994&idDoc=63226&first=0&I:>

³ В частности: *Sanudo M. Diarii / Pubblicato per cura di G. Berghet. Venezia, 1879. T. II. P. 562* — упоминается некий Марко Габриэль «венето», которым не мог быть Марко ди Джироламо, находившийся в это время (конец марта 1499 г.) в Модоне. В «Дневниках» Джироламо Приули М. Габриэль, насколько я могу судить, не упоминается; в «Венецианских анналах» капитана Доменико Малипiero, доведенных до 1500 г., он назван однажды — под 1499 г.: «Кастелян Марко Габриэль отлично несет свою службу (Marco Gabriel Castellan fa benissimo el suo officio)» (*Annali veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero, ordinati e abbreviati dal senatore Francesco Longo. Con prefazione e annotazioni di A. Sagredo // Archivio Storico Italiano. T. 7. P. I. Firenze, 1843. P. 168*).

⁴ См.: *Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000. С. 111: «Венецианцы называли Корон и Модон oculi capitales — главными очами республики на Леванте». Там же о роли ректоров этих городов.*

капитан, каким, очевидно, и был Марко ди Джироламо¹ Габриэль в конце 90-х годов XV в., в отличие от Марко ди Дзаккариа Габриэля, известного и неоднократно упоминаемого у Санудо литератора.

Первое сообщение Санудо в феврале 1499 г. говорит о назначении Марко Габриэля кастиеляном и проведитором в Модоне вместо умершего Анджело Градениго². Следующие известия: 8 июня 1499 г. М. Габриэль вместе с другим ректором Модона Антонио Боном сообщают о бегстве турецкого флота; 13 июля они просят доставить селитру и боеприпасы; 4 августа проведитор Франческо Чиконья пишет о нападении турок на Модон и о его защите, он хвалит А. Бона и особенно Марко Габриэля; 5 сентября ректоры Модона сообщают о его плачевном состоянии и просят о помощи³.

В третьем томе «Дневников» Санудо около сорока упоминаний о Марко ди Джироламо Габриэле; в частности за январь, о том, что он вместе с другим ректором приказал повесить за сговор с турками сына некоего гастальда Зуана (гастальд в венецианских владениях был судебным исполнителем), другой сын сбежал. Дальнейшие письма снова касаются нехватки нужных для обороны материалов и людей, стычек с турками⁴.

Между прочим, попадают жалобы с взаимными претензиями командиров флота и ректоров; в письме от 1 марта командующему флотом некий Якопо де Барбис, «*sopracomito lisignan*» (сопракомит — капитан галеры, топоним относится к местечку Лижнян в Хорватии, откуда, возможно, был набран ее экипаж), «очень плохо отзывается» (*scrive gran mal*) о Габриэле, который «всем грубит, не дает хлеба гребцам и т.д.»⁵. Коллегия⁶ отправила «сьеру Марко» предупреждение, что он должен угождать (*charezar*) всем.

27–28 июня ректоры Модона сообщают о появлении 12 тыс. турок и просят прислать солдат и провизию. 7–8 июля речь идет уже о 60 тыс. турок. 12 июля М. Габриэль жалуется в письме к брату сьеру Пьеро на бездействие генерал-капитана ди мар (командующего флотом) Марко Тревизана. 23 июля 1500 г. ректоры пишут, что уже двадцать семь дней защищаются от почти 100 тыс.

¹ *Sanudo M. Diarii / Pubblicato per cura di R. Fulin. Venezia, 1880. T. III. Col. 556.* где об отце Марко говорится как о покойном: *quondam sier Hieronimo*.

² *Sanudo M. Diarii. T. II. Col. 394.*

³ *Ibid. Col. 1012, 1154, 1340.*

⁴ *Ibid. T. III. Col. 38, 183–184, 230.*

⁵ *Ibid. Col. 374. В Col. 1402 сообщается, что он («сопракомит из Liesna») попал в плен в Модоне.*

⁶ Коллегия Мудрецов — важнейший правительственный орган Венецианской республики.

турок с султаном во главе, обстреливающим город из бомбард. Они просят атаковать турок, иначе город будет потерян¹.

18 августа в Венецию приходит известие о падении Модона и о гибели ректора Антонио ди Марко Дзантани; о втором ректоре, Марко Габриэле, ничего не известно, большинство пленников турки жестоко казнили². В начале сентября сообщают, что М. Габриэль попал в плен, затем поступают слухи, что он бежал в Неаполь в Романье (Навплион)³.

В конце сентября приходит опровержение: «сьер Марко Габриэль жив, султан держит его при себе... а в Неаполь бежал сьер Полло Контарини»⁴. Через месяц поступает известие от самого пленника: «Письмо сьера М.Г., некогда кастеляна Модона, от 21 октября, из Кастель Нуово ди Мар Мазор⁵, где находятся наши купцы. Он написал короткое и небрежное (malla) письмо, о потере Модона не рассказывает, о своих делах, что он старался и пр. У него две раны, одна, под глазом, не проходит. Он подозревает, что она образовала свищ, и каждые восемь дней его лечат; он просит для этих целей, чтобы Синьория прислала ему денег через флорентинцев, генуэзцев, анконитанцев или Coresi (имя собственное — Панталео Корези, капитан или хозяин корабля)»⁶.

Через некоторое время в Венецию прибывает выкупленный из плена сопракомит Валерио Марцелло, по его словам, «сьер Марко Габриэль находится в Константинополе, в башне, раненный, с ним не говорят, но он пишет письма... Причина, по которой с. М.Г. был переведен из замка, где он содержался вместе с другими, и помещен туда, в том, что Гритти и другие должны были быть освобождены, и он не хотел там оставаться; а другие говорят, что по другой причине»⁷. В четвертом томе имеется запись от 4 ноября 1501 г.:

¹ *Sanudo M. Diarii*. T. III. Col. 518, 602, 608, 620—622.

² *Ibid.* Col. 721. Cp.: *Hale J.R., Chambers D.S.* War, culture, and society in Renaissance Venice: essays in honour of John Hale. L., 1993. P. 53. N 92 — 94.

³ *Marino S. Diarii*. T. III. Col. 732, 833—834: «Говорят, что сьер Марко Габриэль, некогда злосчастный кастелян Модона, бежал в Неаполь следующим способом: а именно, султан послал его подбивать и уговаривать жителей сдать без формальностей (de plano), в это время страдоты из Неаполя сделали вылазку и вступили в схватку с турками и многих порубили на куски. Тогда сьер Марко бежал, как сказано выше».

⁴ *Ibid.* Col. 896.

⁵ Мар Мазор («Великое море») — Черное море.

⁶ *Sanudo M. Diarii*. T. III. Col. 1356—1357.

⁷ *Ibid.* Col. 1557 и др. Гритти Андреа — венецианский дипломат, находившийся в заключении в Константинополе, в 1523—1538 гг. дож Венецианской республики.

сообщение Якопо Мемо, бастарда, пленника, выкупленного в Константинополе, что он видел, «как в праздник Богоматери был обезглавлен сьер Марко Габриэль, бывший кастелян и проводитор в Модоне, по той причине, что командующий флотом (zenegal) приказал умертвить пленного турка, весьма уважаемое (важное) лицо»¹. Уже до этого в записи от 5 октября Санудо отмечал, что, как некто передает из Константинополя на Корфу, «султан приказал умертвить одного из наших пленных дворян, не сказано кого, за то, что мы убиваем его начальников (gran maistri), а нашим он сохраняет жизнь, и из-за этого он гневается». Далее следует примечание, возможно, добавленное в связи с известиями, полученными в начале ноября: «Заметь, казненный в Константинополе был сьер Марко Габриэль, бывший кастелян Модона, содержащийся вместе с другими в плену в замке Мазор Мазор (так в тексте); к нему султан послал в день (пропуск)... одного из своих палачей, чтобы вне замка отрубить ему голову»².

Подробность относительно пребывания Марко Габриэля «вместе с другими в замке», которая противоречит более раннему сообщению о его переводе в другое место (см. прим. 91), может быть связана с вопросом о его поведении в плену. Действительно, одним из аргументов А. Джентили, объясняющих появление портрета, является мотив оправдания героя, которого могли обвинять чуть ли не в предательстве: приходили слухи, что он то ли бежал, то ли находится при султани, то ли в «рабстве»³. Из приведенных выше отрывков «Дневников» Санудо явствует, что все эти известия навряд ли позволили бы заподозрить проводитора в явной измене, во всяком случае его трагическая смерть опровергла бы подобные слухи. Другое дело, что у него были явные недоброжелатели среди служивших с ним венецианцев, о чем свидетельствует отзыв Якопо Барбо

¹ *Sanudo M. Diarii / Pubblicato per cura di Nicolò Barozzi. Venezia, 1880. T. IV. Col. 173.* Соответственно, в примечании к цитированной выше книге Дж. Хейла и Д. Чемберса (Р. 52. N 95) неверно указано, что Габриэля обезглавили за то, что он убил турка — на самом деле в отместку за казнь пленного турецкого военачальника венецианским адмиралом.

² *Sanudo M. T. IV. Col. 145.* То, что дата не указана, ставит под сомнение связь этой поправки с записью от 4 ноября, так как там день назван.

³ «Картина написана, чтобы доказать его [героя] невиновность» (*Scoperto chi è il «Cavaliere Thyssen» di Capraccio...*). Надо сказать, что подробности, передаваемые в интервью Ф. Исмана, неточны: казнь датируется там 4 ноября, а не 8 сентября (Рождество Богородицы), пленник был казнен не в Море, а в Константинополе.

(де Барбис) о его грубом поведении с коллегами (см. прим. 83), почти дословно повторенный в других записках о падении Модона, принадлежащих камерленго (казначею) Андреа Баластро: «(16 июля) неприятель занял Борго (предместье), что внушило великий страх, и это случилось потому, что начальником был сер Марко Габриэль, который хотел делать по-своему и всем грубил, и его чуть не разрубили на куски, но из любви к Светлейшей Синьории оставили в покое»¹. Выше говорится о том, что Габриэль не хотел выслать из города лишние рты (что могло облегчить оборону) и предпринимал бесполезные действия по защите укреплений².

В то же время стоит заметить, что венецианское правительство было вообще недовольно поведением защитников Модона: в апреле 1501 г. Коллегия отказала в возмещении сыновьям капитана Антонио Дзантани, погибшего при штурме; в феврале 1502 г. Совет десяти отозвал все пожалования (*concession, provision, officij e beneficij*) жителям Модона, вследствие ропота других, незаслуженно обойденных, а также потому, что «они лишились Модона по собственной нерадивости и, защищаясь, не проявили мужества»³.

Попробуем подвести итоги имеющихся доказательств версии А. Джентили и наметить остающиеся пока (во всяком случае до его собственной публикации) вопросы.

В пользу того что на картине изображен один из членов семьи Габриэль (не обязательно Марко), свидетельствует прежде всего геральдическая фигура в виде черно-золотого (или сине-золотого) шахматного пояса, в то же время доводы о возможной принадлежности к семейному или личному гербу кого-либо из Габриэлей горностая с его девизом еще предстоит найти (если они вообще есть). Сопровождающие герб и присутствующие на картине листья аканта дополняют этот положительный довод.

Против гипотезы А. Джентили говорит возраст героя. Почему зрелого по всем разумным предположениям кастеляна

¹ *Historia turchesca* (1300–1514) / Publicată, adnotată, împreună cu o introducere di I. Ursu. București, 1909. P. 249.

² *Ibid.* P. 244 – 245.

³ *Sanudo M. T. IV. Col. 232.* С помощью приводимых на этой же странице сведений можно убедиться, как сурово наказывали венецианцы своих провинившихся проведиторов: 3 января по приказу командира флота был обезглавлен Марко Лоредан, сдавший без боя крепость Дзонкьо, хотя он был родственником дожа.

Модона Марко ди Джироламо Габриэля художник изобразил в виде юноши не более двадцати лет? С этим связан и другой вопрос: кто мог заказать портрет и для чего. Может быть, заказчиками были близкие, которые не сумели или не смогли (если сумма по каким-то причинам не была назначена) купить своего сородича и таким образом почтили его память, тем более если он нуждался в некотором оправдании. (Письма, каким-то образом прицепленные к поясу героя, как считает А.Джентили, — письма Марко Габриэля из заточения; эта деталь дополняется сообщением, что он мог общаться с внешним миром только с помощью писем. См. выше цитату к прим. 7 на стр. 79.) Заказчиком картины могла быть любящая мать (отца, как мы знаем из записей Санудо, не было в живых) или упоминаемый у того же Санудо брат Пьеро. Тела, по-видимому, родственники не могли получить. Отсюда и оригинальный для того времени прием: стоящая как надгробная статуя фигура в полный рост, т.е. картина заменяет надгробную статую. Поскольку в дальнейшем «Портрет рыцаря» оказался в собственности семьи Барбаро, еще одним направлением для поисков является установление связи с ней семейства Габриэль.

Обрубок дерева справа может свидетельствовать о казни персонажа, отходящие от ствола побеги указывали бы на потомство; однако мы видим лишь один параллельный ствол, идущий от корней без листьев (на нем же и дата с подписью художника), что можно толковать как наличие брата, не имеющего детей (впрочем, такие предположения слишком зыбки); другое ответвление уходит за пределы картины.

Еще одним серьезным аргументом в пользу той или иной версии может быть, как мы уже видели, идентификация города на заднем плане. Если героем является Марко Габриэль, то этот город, естественно, Модона. В Интернете можно найти немало изображений Модона, в том числе и конца XV в. (например, Conrad Grünenberg: Beschreibung der Reise von Konstanz nach Jerusalem. Bodensee-gebiet, um 1487. Badische Landesbibliothek Karlsruhe, Cod. St. Peter, pap. 32.v (см. илл. 13), а также реконструкций и современных фотографий (см. илл. 14)¹. С одной стороны, на рисунках

¹ Они, как и археологические раскопки, ведущиеся в Модоне, могут предоставить хороший материал для анализа работ, проводившихся защитниками во время турецкой осады, и сопоставления со сведениями, имеющимися у Санудо, и обвинениями в адрес Марко Габриэля, выдвигаемыми Баластро. См.: The heritage of the Serenissima. The presentation of the architectural and archaeological remains of the Venetian Republic. Proceedings of the international conf-

и photographиях остатков старинного города хорошо видны опоясывающие его стены с башнями, идущие и у самой кромки воды, а также продольные улицы, заметные на картине Карпаччо (что, впрочем, нельзя считать уникальной приметой такого поселения). С другой стороны, картинный город расположен на крутом холме, в отличие от настоящего Модона, и самое главное, на картине нет характерного мола, ограничивавшего городскую гавань, с завершавшим его фортом. Однако Карпаччо, который навряд ли посещал Модон, мог нарисовать его с чужих слов или вообще дать волю воображению рисуя символический град на холме.

Таким образом, на сегодняшний день вряд ли можно с уверенностью утверждать, что загадочный персонаж портрета Карпаччо идентифицирован, хотя усилия многочисленных исследований позволили получить представление о многих деталях его вероятной биографии. Надо полагать, что дальнейшие архивные разыскания позволят дать ответы на остающиеся пока невыясненными названные выше вопросы.

Из всех работ Карпаччо эта картина, может быть, самая значительная, она выделяется на фоне остальных как мастерством художественной техники, так и общей концепцией. В ней, как и в других своих работах, художник должен был решить такую задачу: насытить полотно подробностями, но так, чтобы создать целостное впечатление, и здесь эта задача решена, может быть, наилучшим образом. У Карпаччо много возвышенных сюжетов, большинство его работ (всего, кстати, сохранилось около восьмидесяти) посвящено святым, Отцам Церкви, эпизодам из Евангелия. Содержание их наполнено бытовыми деталями, о загробной жизни мало что напоминает. Такие картины, как «Св. Георгий и дракон», «Мертвый Христос» изобилуют отталкивающими материальными приметами смерти. В «Портрете рыцаря» противопоставление жизни и смерти более тонкое, аллегоричное, меланхолическое.

Картины Карпаччо можно читать как книги, вникая в подробности. (Другое приходящее на ум в связи с этими подробностями сравнение, так сказать, кошунственное — ребус или загадочная картинка из журнала головоломок.) В нашем случае интрига заключается в том, что книга оказалась «детективом», причем детективом в популярном в наше время историческом жанре. Но это только верхний слой восприятия, как бы «обложка», ведь для заказчиков картины, для художника и первых зрителей загадки,

связанной с ее персонажем, не существовало. Правда, не все современники, наверное, понимали этот непростой текст лучше сегодняшних искусствоведов, и сам Карпаччо, может быть, находил удовольствие в том, чтобы сделать его не совсем прозрачным — полупрозрачным. Ведь главная загадка кроется в том обаянии, которым обладает представленный в ней мир символов, унаследованный от многих эпох; художнику удалось показать именно этот особенный мир: наш и одновременно не совсем для нас доступный; мир природы, прекрасный и вместе с тем полный печали. Здесь показан также и мир героя: его родина, его детство, то, что для него дорого и то, что ему враждебно, то, что он исповедует и то, что ему суждено. Пожалуй, можно сказать, что автор этого шедевра поднимается до высот философии, присущей лучшим произведениям искусства; той, которую нельзя выразить другими средствами.

Итак, портрет рыцаря кисти Карпаччо обладает некоей магической притягательной силой, которую отчасти можно объяснить его сюжетом, противопоставлением жизни и трагической смерти в расцвете сил, избытком символики и не в последнюю очередь загадочностью персонажа и его судьбы. Не погрешив против истины, можно предположить, что, несмотря на заявления об окончательной идентификации героя, его личность и таинственная сила обаяния картины будут и дальше занимать исследователей ренессансного искусства.

Т.В. Сони́на

Ювелирное искусство Франческо Франчи. Опыт реконструкции

В широко известной книге Б. Бернсона «Живописцы итальянского Возрождения» среди россыпей блестящих определений, замечаний, наблюдений обращает на себя внимание одно сравнение: автор противопоставляет творческий дух Флоренции и Венеции, вернее, интересы и устремления их мастеров. Различия эти очевидны, и Бернсон, в сущности, не выразил ничего нового, но великолепный слог этого пассажа настолько убедителен и красноречив, что его стоит привести целиком: «Значение венецианского искусства исчерпывается его живописью. Не так с флорентийцами. Забудьте, что они были великими живописцами — они, кроме того, великие скульпторы; забудьте, что они скульпторы — они остаются еще архитекторами, поэтами, людьми науки. Все возможные формы художественного выражения были ими использованы, и ни об одной из них они не смогли бы сказать: “Вот эта полностью исчерпывает мою сущность”. Живопись являлась только одним и не всегда самым адекватным выражением их личности, и мы иногда ощущаем, что художник значительнее своего произведения и его индивидуальность много выше и интереснее, чем его творчество»¹.

Невольно появляется вопрос: а как обстояли дела в других художественных центрах? При ближайшем рассмотрении оказывается, что, как правило, они тяготели к флорентинскому образцу. Во второй половине XV в. для самой Флоренции наиболее ярким выразителем стремления к разносторонней деятельности был Андреа Верроккио — скульптор, архитектор, художник, ювелир, воспитавший множество превосходных мастеров, прежде всего Леонардо и Боттичелли.

В 1470-е годы в Болонье, не в пример более консервативной, начинает свою деятельность Франческо Франча (1450–1517) — ювелир и художник, медальер, гравер, создатель шрифтов для типографии Альда Мануция в Венеции.

¹ Бернсон Б. Живописцы итальянского Возрождения. М., 1965. С. 61.

Считается, что он выполнял и скульптуру (так, ему приписывают мраморный рельеф с портретом Джованни II Бентивольо в болонской церкви Сан Джакомо Маджоре) и даже брался за архитектурные проекты¹. Его мастерская была самой известной в Болонье и в ней учился Маркантонио Раймонди, крупнейший гравер Италии эпохи Возрождения, работавший впоследствии в Риме у Рафаэля. Но если при всей широте творческого диапазона для Верроккио главной всегда оставалась скульптура, болонец делил свое время между живописью и ювелирным делом. О его даровании художника можно составить достаточно полное представление, так как сохранилось около двух десятков больших алтарных картин, фрески, портреты и многочисленные изображения Мадонны с младенцем и святыми для домашнего культа. О ювелирном искусстве Франчи в настоящее время можно судить только на основании двух серебряных паче (поцелуйных образков), из собрания Болонской пинакотеки. Впрочем, существуют еще свидетельства современников, не всегда конкретные, но всегда содержащие похвалы. Наконец, постоянное занятие ювелирным делом не могло не сказаться на живописи мастера, особенно в ранний ее период, что неоднократно отмечали исследователи. Все это вместе взятое не дает, к сожалению, достаточных возможностей для реконструкции деятельности Франчи как ювелира, но в значительной степени позволяет расширить представление о художнике, которого наиболее прозорливые исследователи

¹ «Не имеет аркад и палаццо Страчайуоли (1496), приписываемое живописцу-ювелиру Франческо Франчиа. Это увенчанное зубцами, неудачно расчлененное здание сооружено со стенными пилястрами и круглыми окнами» (*Vèrman K.* История искусства всех времен и народов. Европейское искусство Средних веков. М., 2001. Т. 2. С. 855). Это здание — палаццо Страццароли—Малагути — было построено цехами ткачей и шелкоделов Болоньи в 1496 г. и несколько перестроено ок. 1620 г. См.: *Weber L.* Bologna. Leipzig, 1902. S. 113. Здание увенчано зубцами и трехъярусными башенками по углам, а по центру фасада таким же фронтоном. Круглые окна верхнего этажа — не редкость для Болоньи. Они имеются, например, в палаццо Подеста, построенном, возможно, Аристотелем Фиораванте. Такие же окна были в разрушенном палаццо Бентивольи. Считается, что палаццо Страццароли в какой-то мере напоминает палаццо Бентивольи. Об этом см.: *Rubbiani A.* Modelli e disegni per la facciata del Podesta. Bologna, 1910. В более поздней литературе автором палаццо называют Джованни Пиччинини да Комо и имя Франчи вообще не упоминается. См.: *Nuovissima guida ai monumenti di Bologna.* Estratto dal volume «Bologna, una città» di Renzo Renzi. Bologna, 1960. P. 25.

уже в конце XIX в. рассматривали как предшественника болонского академизма¹.

Само по себе сочетание живописи и ювелирного дела не было для мастеров XV в. чем-то из ряда вон выходящим. Многие известные художники начинали в мастерской ювелира и в дальнейшем при случае выполняли соответствующие заказы. Отец Франчи, Марко Райболини, был резчиком по дереву, сын же выразил желание работать по металлу и был отдан в обучение златокузнецу, о котором известно только, что звали его Дюк (возможно, от имени Лука), а прозвище он имел Франча². Поскольку впоследствии это прозвище перешло к ученику и стало чем-то вроде фамилии (мастер никогда не подписывал свои работы «Франческо Райболини», но всегда — «Франческо Франча»; то же делали и его сыновья), можно предположить, что ученика и учителя связывали тесные дружеские узы³. Много работавший в итальянских архивах Дж. Вильямсон нашел в документах болонских гильдий запись о приеме Франчи в цех ювелиров: «1482. — Франческо де Маурус де Райболино 10 X»⁴. Две последние цифры, по предположению ученого, обозначают, возможно, десятое число десятого месяца. Другая обнаруженная им запись сообщает о получении Франчей прав на обзаведение боттегой. Она относится к 1486 г. и в ней упоминается, что мастер жил в приходе Сан Никколо на улице Сан Феличе, а также, что Франческо Марко де Райболино прозван «живописцем Франчей» — «detto il Pittore il Franza»⁵. Благодаря этой записи становится ясно, почему мастер, поздно занявшийся живописью, — считается, что он обратился к ней лишь в сорокалетнем возрасте⁶, — в необычайно короткий срок достиг блестящих результатов. В действительности это событие надо от-

¹ Hamann R. Die Frührenaissance der italienischen Malerei. Yena, 1909. S. 42.

² Calvi I. A. Memorie della vita e delle opere di Francesco Raibolini detto il Francia pittore Bolognese. Bologna, 1812.

³ Историк Антонио Болоньини Аморини, а также Джузеппе Пьяцци идентифицировали учителя Франчи с золотых дел мастером Лукой из Болоньи, который в 1480 г. исполнял судебные функции в Форли непосредственно перед нотарием Томмазо Оливьери. Другие авторы полагают, что им мог быть ювелир Клементе Ансельми (известен между 1460—1487 гг.) или что прозвище является сокращением от имени Франческо. См.: Bulgari C.G. Argentieri, gemmari e orafi d'Italia. Parte quarta. Emilia. Roma, 1974. P. 248.

⁴ Biblioteca comunale dell'Archiginnasio, Manoscritti, 674 (Williamson G. Francesco Raibolini called Francia. London. 1901. P. 126; Bulgari C.G. Op. cit. P. 248).

⁵ Williamson G. Op. cit. P. 126.

⁶ См., например: Weber L. Op. cit. S. 121.

нести к середине — второй половине 1470-х годов, тогда к 1486 г. он естественным образом мог стать известным художником¹. Впрочем, начало обучения живописи в двадцать пять — двадцать семь лет для периода Возрождения было очень поздним.

Ранние произведения Франчи выдают руку ювелира: небольшие размеры, тщательная отделка деталей, четкость очертаний фигур и жесткость в передаче складок одежд свойственны таким его картинам как «Распятие» (Болонья, Городской музей) (илл. 1), «Св. Стефан» (Рим, галерея Боргезе) (илл. 2), «Мадонна семейства Бьянкини» (Берлин, Государственные музеи). О «Св. Стефане» Вильямсон пишет: «Это тщательно законченная картина, полная прелести, выписанных деталей, почти полированная в своей жесткости»². Со временем смягчится, а в поздних картинах станет почти тающей светотень, краски обретут глубину, в пейзаже появится воздушность, но тщательная отделанность картин сохранится навсегда, равно как и умелое введение декоративных деталей. Вильямсон замечает: «Одну особенность Франча никогда не терял, и это была любовь к прекрасному орнаменту, которая была частью его обучения как ювелира и которая — это ясно заметно сейчас — сохранялась в течение всей его жизни. Взгляните на детали облачения св. Августина, на края платья Девы, на подставку книги, на цепь донатора, на посох епископа, на украшение над головой Мадонны и на декор ступеней трона. Можно видеть, что все они демонстрируют любовь художника к драгоценному и богатому тонкому орнаменту, и его стремление к тщательности, необходимой, чтобы показать все эти украшения достойным образом. Живописец был всегда ювелиром и всегда любителем драгоценностей. Он восхищался орнаментом и писал его хорошо и с любовью»³.

Резонно предположить, что встречающиеся в картинах болонца орнаменты, а также изображения ювелирных украшений, драгоценных предметов и золотого шитья, бесспорно, сочиненные самим мастером, похожи на те реальные изделия, которые выходили из рук Франчи-ювелира. Судя по сохранившимся документам, Франча работал в широком диапазоне и в разных материалах: по серебру, золоту, в технике эмали и ньелло. Так, есть

¹ В примечаниях к «Жизнеописанию Франческо Франчи» в книге Вазари указано, что живописью мастер начал заниматься с 1487 г., что вызывает по меньшей мере удивление (*Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих*. М., 1963. Т. 2. С. 610. (изд.: М., 2001. С. 484)).

² *Williamson G. Op. cit.* P. 36.

³ *Williamson G. Op. cit.* P. 43.

запись о его работе на болонском Монетном дворе (Дзекке или Минте): «27 ноября 1508 года Мессер Франча, художник и гравер по всем сортам металла, был Мастером Минты по воле Папы»¹. Что касается вида изделий, то среди них упоминаются собственно ювелирные украшения, драгоценная парадная посуда церковного и светского назначения, нъелло и отделка оружия. Документы свидетельствуют о широкой известности Франчи как ювелира: он получал заказы из Феррары, Мантуи, Пармы, Урбино, даже из Флоренции. В настоящее время ювелирные украшения работы Франчи неизвестны. Судя по отзывам современников, ему особенно удавались цепи и ожерелья. Так, в одном письме, написанном во Флоренции в 1486 г., его даже называли «Райболини, знаменитым златокузнецом из Болоньи, который способен сделать тебе такую цепь, какую ты хочешь»². В другом документе сообщается, что в 1488 г. он «послал герцогине Феррарской Леоноре изысканную цепь из соединенных вместе золотых сердец, бывшую, видимо, свадебным подарком Елизавете Гонзага, сестре будущего мужа Изабеллы д'Эсте, посетившей Феррару той весной по пути в Урбино»³.

Изображения ожерелий и цепей часто встречаются в картинах Франчи. По моде того времени это всегда солидные, массивные изделия, с крупными яркими камнями, часто с жемчугом. О работе мастера с драгоценными камнями свидетельствует запись в документах Мантуи, где говорится о том, что Франча сделал подарок герцогине — длинное ожерелье «из гравированных драгоценных камней, забавно смонтированных в золоте, так, чтобы они вращались»⁴. Одно из первых изображений роскошного ожерелья находится в картине «Мадонна с младенцем и двумя ангелами» (Мюнхен, Старая пинакотекa). Ожерелье украшает грудь левого ангела и представляет собой большой медальон с камнем в широкой золотой оправе на тройной плоской золотой цепочке. В знаменитом «Поклонении младенцу» (1499, Болонья, пинакотекa) (илл. 4) на груди левого ангела покоится цепь с массивной круглой подвеской. Каждое звено цепи украшено камнем. Очень похожа на центральные украшения обоих ожерелий драгоценность, изображенная в «Алтаре Феличини»

¹ Williamson G. Op. cit. P. 126. См. также: Bulgari C.G. Op. cit. P. 250. Документ № 124 в библиотеке Аркиджиннасио в Болонье, отдел рукописей.

² Williamson G. Op. cit. P. 3.

³ Williamson G. Op. cit. P. 2.

⁴ Williamson G. Op. cit. P. 21.

(Болонья, пинакотека)¹ (илл. 3). Эта драгоценность существовала в реальности (чего нельзя утверждать по отношению к двум другим) и представляла собой большой медальон с камнем в центре и огромной грушевидной жемчужиной-подвеской. Она была подарена Франчей в церковь Мизерикордия, и по желанию капеллана художник изобразил ее подвешенной над головой Мадонны. В том же «Алтаре» коленопреклоненный заказчик Бартоломео Феличини носит эффектную, массивную, но элегантную золотую цепь, звенья которой напоминают восьмерки.

Особенно изящная цепь украшает грудь маленького Федерико Гонзага, портрет которого Франча исполнил в 1510 г. (Нью-Йорк, Метрополитен-музей) (илл. 10). Ее фигурные звенья, напоминающие четырехлепестковые цветы, поражают изысканностью очертаний. Цепь украшена рубинами, сапфирами и большой подвеской-жемчужиной. Вполне вероятно, что эта цепь, как и медальон, изображенный в «Алтаре Феличини», существовала в действительности и ее изображение в портрете сына Изабеллы д'Эсте послужило Франче своеобразной рекламой. Известно, что отец мальчика, маркиз Франческо II Гонзага, вытребовал портрет в Рим, где в то время находился, чтобы показать его при папском дворе. В настоящее время в магазине сувениров Метрополитен-музея можно приобрести украшения, например серьги, форма которых воспроизводит звенья этой цепи, и они выглядят удивительно современно и стильно.

Самое роскошное ожерелье, изображенное Франчей, покоится на груди св. Юстины в «Пармском алтаре» (1515, Парма, пинакотека) (илл. 8). Оно отличается буквально чудовищными размерами. Овальные камни помещены в неширокую золотую оправу. Крепления между ними закрывают большие круглые жемчужины, соединенные по две, а грушевидные жемчужины-подвески прикреплены к нижней части оправы каждого из этих камней. Неправдоподобно-сказочный вид ожерелья великолепно согласуется с такими же фантастическими украшениями ризы св. Пласидуса. Крупные объемы фигур, большие пятна насыщенных цветов, простые формы архитектуры нуждаются именно в таком акценте, изящном, но без измельченности (илл. 9).

В том же самом «Пармском алтаре» обращает на себя внимание лампада, подвешеннаяверху полукруглого открытого портика. Она напоминает полураспустившийся цветок, переходящий внизу в стройный стебель-ножку, украшенную каннелюрами и круглой маленькой подвеской. Похожая, но более широкая лампада.

¹ Эту картину часто называют «Мадонна с драгоценностью» — «Madonna del gioiello».

тоже с подвеской, прорезной нижней частью и вставным красно-зеленым стеклянным сосудом для масла изображена в «Принесении во храм» из Чезены (илл. 7). Эти предметы, так же как и потир с вишнями в руках ангела на картине «Мадонна с младенцем и ангелом» из Лондонской национальной галереи¹, могут дать представление о характере церковной утвари, которую выполнял Франча. В форме кубка в лондонской картине есть элементы, напоминающие описанные выше лампы: стройная ножка в виде колонки с каннелюрами, чаша, похожая на раскрытый цветок. Верхний край чаши оформлен тонкими пальметками, к нижнему подвешены легкие гирлянды. Ножка внизу шестигранной формы, украшенная в широкой части чеканными листьями (илл. 11).

Красивые сосуды из драгоценных металлов изображены также в руках волхвов в картине «Поклонение волхвов» из Дрезденской картинной галереи.

Изображений посуды светского назначения в картинах Франчи не встречается. К ним можно отнести разве что овальную золоченую вазу для цветов, классической формы, стоящую у подножия трона Марии в «Алтаре Скаппи» (Болонья, пинакотекка). Правда, о его работе в этой области имеются, хоть и немногочисленные, свидетельства современников. Известно, например, что в 1487 г. мастер делал серебряную и золотую посуду к свадьбе Аннибале, старшего сына Джиованни II Бентивольо, и Лукреции д'Эсте, сводной сестры Изабеллы². В 1515 г. на средства Болонской коммуны Франча выполнил серебряные золоченые чаши — «patere e tazze» — для Джулиано Медичи³.

Несмотря на то что изделий из металла, подписанных Франчей, не сохранилось, три вещи считают его достоверными работами. Все они украшены гравировкой. Одна из них — турнирный щит (Болонья, каза Родригес) с изображением св. Михаила или св. Георгия, держащего в руке щит с гербом Бентивольи и пронзающего копьём дракона. Строго говоря, этот предмет не относится к разряду ювелирных, но примененная здесь техника часто и с успехом использовалась мастером и в ювелирных работах, особенно в украшении поцелуйных образков (паче или «мир»). Эти чрезвычайно распространенные иконки традиционно имели полукруглое завершение, а изображение на них могло быть выполнено в рельефе или грави-

¹ Теперь считается копией с картины Франчи.

² Chłędowsky C. von. Der Hof von Ferrara. Berlin, 1910. S. 87; Gruyer G. L'art ferrarais à l'époque des princes d'Este. Paris, 1897; Bulgari C.G. Op. cit. P. 248.

³ Bulgari C.G. Op. cit. P. 250; Orioli F. Tazze metalliche del Francia // Rassegna bibliografica di Storia dell'arte. 1898.

ровано. Обрамление либо отливалось вместе с изображением, либо выполнялось отдельно. О подобных работах Франческо дошли сведения, как, например, о знаменитом «мире», исполненном им в 1494 г. в качестве свадебного подарка к бракосочетанию Джованни Сфорца ди Пезаро и Лукреции Борджа¹. Этот образок не сохранился. О другом образке Гоццadini, ссылаясь на анноталиста Негри (1496), писал, что Винченцо Будриоли от имени Бентивольо подарил Джованни Сфорца в 1491 г. паче, исполненный Франческо Франчей «*da quel peregrino ingengo*»². Сюжета паче Гоццadini не называет. В некоторых музеях Италии существуют паче, которые с разной степенью уверенности приписывают Франче, например, во Флоренции в Барджелло и в Бреше в музее Чивико Кристиано. В последнем рама из литого серебра с растительным орнаментом очень близка к работам Франчи. Безусловно исполненными его рукой считаются лишь два «мира» из Болонской пинакотеки: «Распятие» и «Воскресение Христа». Оба представляют собой серебряные пластинки, украшенные изображениями в технике ньелло и помещенные в богато оформленные обрамления. Меньшее из них — «Распятие» — судя по характеру рисунка, выполнено раньше (илл. 5). Типично болонская композиция представляет крест с распятым Христом на фоне гористого пейзажа, в котором видны крошечные постройки Иерусалима. По сторонам креста внизу — стоящие фигуры Богоматери и Иоанна Евангелиста и коленопреклоненные св. Иеронима и св. Франциска, сверху — два летящих ангела. Исполнение отличается чрезвычайной тонкостью³. Давно замечено сходство этого «мира» с «Распятием» из музея Чивико в Болонье, одной из самых ранних известных картин Франчи (илл. 1). По мнению Вильямсона, в этой картине «имеется столь удивительное число мелких подробностей, что становится очевидно, что художник привык к маленькой поверхности и обучен подобной тонкой работе»⁴. Более того, автор полагал, что картина «написана с эскиза ньелло и в манере ньелло»⁵, но с богатым колоритом. Доказать или опровер-

¹ *Williamson G. Op. cit.* P. 11; *Bulgari C.G. Op. cit.* P. 248.

² *Gozzadini G. Memorie per la vita di Giovanni II Bentivoglio.* Bologna, 1839. P. 101. № 2; *Supino I.B. L'arte nelle chiese di Bologna. Secoli XV–XVI.* Bologna, 1938. P. 124.

³ О совершенстве работ Франчи в технике ньелло Вазари пишет: «Подвизаясь в этой манере, он часто помещал на пространстве в два пальца высотой II немногим больше в ширину двадцать фигурок — соразмернейших и прекрасных» (См.: *Вазари Дж. Указ. соч.* М., 2001. Т. 2. С. 477).

⁴ *Williamson G. Op. cit.* P. 34.

⁵ *Ibid.*

гнуть справедливость этого мнения сейчас не представляется возможным, но косвенным подтверждением правоты автора, на наш взгляд, может служить трактовка пейзажа. В «Распятии» музея Чивико всегда привлекает внимание странно переданное пространство: фигуры выглядят стоящими на дне обрыва почти вплотную к его отвесным стенам. Верхний край обрыва, изгибаясь, следует очертаниям фигур по высоте, так что головы стоящего Иоанна и коленопреклоненного Иеронима не поднимаются над поверхностью земли. Собственно пейзаж дан сразу в очень маленьком масштабе, средняя пространственная зона отсутствует. Отсутствует и то, что могло бы замаскировать место стыка первого и дальнего планов: архитектура, группа фигур, растительность и т.п. При наличии такой маскировки картина приобрела бы вполне обычный для XV в. облик; в своем настоящем виде она производит впечатление неудавшейся, некоего механического соединения частей. Но именно такое решение можно видеть и в «мире» со сценой Распятия, что особенно заметно в оттиске, сделанном с этого ньелло и хранящемся в Вене (Альбертина)¹. В гравировке, построенной на контрасте полированного светлого серебра и тонких черных линий рисунка, подобный прием имел смысл, поскольку отделял фигуры от мелкого дробного пейзажа: они рисовались светлыми сквозящими силуэтами на темном фоне. Как мы полагаем, эта особенность композиции лишний раз подтверждает зависимость ранней живописи Франчи от его навыков и приемов ювелира и ньеллиста, а также служит подтверждением авторства паче.

Особого внимания заслуживает обрамление ньелло. Оно напоминает богатую алтарную раму и также исполнено из серебра. Сцену Распятия охватывает арка, украшенная зелеными листьями. По ее сторонам помещены пилястры, поддерживающие полукруглый фронто́н, на карнизе которого выгравировано: *MEMORARE. NOVISSIMA. TVA. ET. IN. ETENV. NO. PECCABIS*. Во фронтоне в низком рельефе изображен мертвый Христос с ангелами. Нижняя часть обрамления украшена гирляндами с развешивающимися лентами и головками херувимов. В верхней части арки по сторонам помещены эмалевые гербы Пеполи и Бентивольи, украшенные сверху инициалами *M.Z.* Орнамент пилястр — вазочки с поднимающимися из них листьями и цветами — несколько суховат, но чрезвычайно напоминает орнаменты на колоннах портиков Марии в больших алтарях 1490-х годов. Эти орнаменты, несмотря на довольно ограниченный набор элементов, никогда не повторяются. Гирлянды и херувимы — чрезвычайно

¹ Такие оттиски служили для проверки качества рисунка ньелло.

распространенный в искусстве XV в. мотив. Возможно, мастер использовал его и в других подобных работах. Однако в живописи болонца он не встречается и представляется нам свидетельством увлечения Франчи в ранний период флорентинским искусством. В качестве аналога может послужить широко известный рельеф карниза двери новициаты Санта Кроче работы Микелоццо. Флорентинскими выглядят и ангелы в люнете по сторонам мертвого Христа. В целом «Распятие» демонстрирует высочайшее мастерство как в отношении чистоты исполнения, так и в знании автором разных техник: литье, чеканка, ковка, ньелло, эмаль¹. Время создания его неясно. Вильямсон предполагал, что оно могло быть сделано к свадьбе Джованни II Бентивольо и Джиневры Сфорца². Того же мнения придерживался и Булгари³. Но свадьба состоялась в 1464 г. Нетрудно сосчитать, сколько лет было тогда мастеру, родившемуся в 1450 г. К тому же на гербе изображена «шахматная доска» Пеполи из серебряных и черных клеток, а не золотой лев Сфорца. Остается предположить, что либо «Распятие» исполнено не Франчей, либо оно сделано к другому событию. Впрочем, ниже автор, вне связи с предыдущими выводами, отнес эту работу ко времени ок. 1488–1490-х годов⁴. Однако все это не объясняет появления и значения инициалов M.Z. По словам И. Супино, их интерпретировали как Messer Zoan, и Липпарини предполагал, что здесь имелся в виду Антонгалеаццо Бентивольо, второй сын Джованни II. По мнению исследователя, паче был сделан по случаю помолвки его побочной дочери Изабеллы и Ромео Пеполи Младшего⁵.

Позднее, около 1500 г., по мнению Вильямсона, исполнен другой «мир» — «Воскресение Христа» (Болонья, пинакотeka) (илл. 6). более «тонкая и смелая» работа, помещенная «в более мощную и впечатляющую раму»⁶. В настоящее время ее относят к периоду около 1481 г.⁷, хотя свободный рисунок, монументальность формы

¹ К сожалению, кроме гербов на паче до настоящего времени не дошло никаких других работ Франчи в эмали. Вазари пишет: «Он выполнил также много серебряных вещей с эмалью, погибших при падении и изгнании Бентивольи». См.: Вазари Дж. Указ. соч. М., 2001. С. 478.

² Williamson G. Op. cit. P. 12.

³ Bulgari C.G. Op. cit. P. 250. Автор при этом пишет, что паче исполнен около 1480 г. (!).

⁴ Williamson G. Op. cit. P. 13.

⁵ Lipparini G. Francesco Francia. Bergamo, 1913. P. 21. См. также: Supino I.B. Op. cit. P. 123. Ромео Пеполи был убит в 1512 г. в битве при Равенне.

⁶ Williamson G. Op. cit. P. 13.

⁷ Syson L., Thornton D. Objects of Virtue. Art in Renaissance Italy. Los Angeles. 2001. P. 152.

и непринужденность композиции свидетельствуют о более позднем времени — последних годах XV в. Обрамление этого «мира», выполненное из литого золоченого серебра, под стать рисунку ньелло — мощное и простое. Вместо обилия архитектурных деталей — одна арка, опирающаяся на широкий «стилобат». Растительный орнамент на ней, сходный с орнаментом «Распятия», выполнен в более высоком рельефе и отличается сочностью и полнотой формы. Листья и цветы поднимаются из низких широких вазочек, аналогичных тем, которые изображены на раме «Распятия». В нижней части рамы по сторонам помещены гербы семей Феличини и Рингиери. Современная датировка паче основывается на том, что в 1481 г. состоялось бракосочетание Бартоломео Феличини и Доротеи Рингиери, хотя, по нашему мнению, «мир» мог быть и более поздним даром супругов церкви, в которой находилась капелла семьи. Косвенным подтверждением нашего предположения может послужить то, что паче хранилось в сакристии церкви Мизерикордия. Сведения об этом приводятся в сочинении Кавациони Дзанотти (1706)¹ и в *Elogio di Francesco Francia*². Заметим, что для капеллы в этой же церкви была исполнена и уже названная «Мадонна с драгоценностью» — «Алтарь Феличини» (1494), заказанная Бартоломео Феличини после излечения от тяжелой болезни. Вполне возможно, паче был выполнен по этому же случаю, чему не противоречит сюжет ньелло.

Как уже было сказано, орнаменты обоих паче сходны с таковыми в картинах Франчи. Там они украшают прежде всего колонны и пилястры иллюзорной архитектуры, подножия тронов, люнеты. Составляющие этого орнамента традиционны для искусства того времени: розетки, пальметы, овы, широкие зубчатые листья и стебли-волюты, иногда встречаются крупные, «в профиль» изображенные цветы. Но несмотря на это орнамент очень узнаваем, индивидуальный почерк художника не растворяется в общераспространенных формах. Примечательно, что в этом орнаменте практически не встречается фантастических фигур, изображений людей и животных, хотя с последнего десятилетия XV в. гротесковые мотивы стали популярными. В редчайших случаях Франча включает в растительные узоры фигурки птиц и музыкальные инструменты («Алтарь Скаппи», Болонья, пинакотекa). Избегает он и распространенных в то время изображений рельефов с историческими и мифологическими сценами на фризах или на цокольной части изображенных

¹ *Cavazzoni Zanotti G.P. Le pitture di Bologna. Bologna, 1706. P. 337.*

² *Elogio di Francesco Francia // Serie degli uomini i piu illustri nella pittura, scultura e architettura... Firenze, MDCLXXI. T. 3. P. 60.*

зданий. Только один раз — в позднем «Пармском алтаре» (1515) Франча поместил рельеф на цоколь трона Марии.

В одном случае орнамент можно видеть переведенным в пластические формы. В церкви Сан-Мартино в Болонье находится алтарная картина, для которой Франча сам спроектировал раму (илл. 12). По конструкции она напоминает обрамление паче «Распятие», вырезана из твердого дерева и позолочена. На базах колонн, обрамляющих картину, помещены цветные гербы семьи Пальтрони. Орнамент обрамления замечательно богат: помимо цветов, волют, розеток тут изображены на карнизе птицы, а на его боковых выступах — изяшные кустики мелких цветов. В верхней части колонн орнамент завершается чашами с огнем, по сторонам гербов вырезаны развевающиеся ленты. Лучшая часть этого обрамления — две крупные декоративные ветки, заполняющие углы фронтона по сторонам помещенной в его центре сцены Оплакивания. Они исполнены столь чисто, что кажутся металлическими. Скорее всего, рама «Алтаря Сан-Мартино» не была единственной, созданной по эскизу Франчи. Естественно предположить, что и другие заказанные ему алтарные картины он помещал в рамы по собственным проектам. Впрочем, обрамление алтарной картины в капелле Бентивольи не отличается изобретательностью.

Любовь к орнаменту сказалась также в тщательном изображении мастером вышивок и узоров парчовых тканей. Как и декор архитектуры, они отличаются удивительным разнообразием и никогда не повторяются. Края плаща Марии, ворот Ее платья, рукава одежды ангелов почти всегда расшиты золотой нитью. причудливым узором, то заключенным в золотые границы шва, то лежащим свободно наподобие сложной плетенки, напоминающей рисунки на полях рукописей («Мадонна с младенцем и ангелом», Лондон, Национальная галерея). В уже упоминавшейся маленькой картине «Св. Стефан» (илл. 2) поражает эмалевая звучность красок и виртуозное изображение тяжелой негнувшейся ткани стихаря. По рукавам, плечам и полам он отделан узорчатой парчой. Особенно красивы прямоугольные нашивки внизу облачения с цветочным орнаментом и «сетчатым» краем. В «Алтаре Кальчина» (1500, ГЭ) облачение св. Лаврентия по рукавам, боковым краям и подолу украшено золотым шитьем в виде сложного геометрического узора. Замечательно то, что книги, которые держат св. Лаврентий и св. Иероним, не имеют богатого оформления, хотя их переплеты вполне можно было бы нарядно украсить. Эта сдержанность свидетельствует о хорошем вкусе художника, не соблазнившегося такой, казалось бы, очевидной возможно-

стью: богатое оформление переплетов отвлекло бы внимание зрителя от лиц персонажей.

В уже названном «Алтаре Феличини» за спиной Марии на венецианский манер повешена роскошная парчовая полоса. Очень эффектна и шелковая драпировка с рисунком «ананасов» на подножии трона Богоматери в «Алтаре Сан-Мартино». Но особенно красиво передано облачение св. Стефана и св. Августина в «Алтаре Манцуоли» (Болонья, пинакотекa). В церкви Мизерикордия, где прежде находилась картина, существуют записи о том, что заказчица алтаря подарила храму облачения. Возможно, что их проект тоже был разработан Франчей, который затем запечатлел их в картине. Вильямсон упоминал о том, что в Лувре он видел часть облачения, очень похожего на то, которое изображено на св. Стефане. Она была привезена Наполеоном вместе с другими трофеями. Документов, указывающих на ее происхождение, обнаружить не удалось¹.

Исследователи упоминают о влиянии на Франчу венецианского искусства², имея в виду в основном особенности композиции больших алтарей, фигуры музицирующих ангелов у подножия трона Мадонны. Думается, об этом влиянии свидетельствуют и другие черты его искусства, прежде всего влюбленность в красоту предметного мира. Но особенно нужно подчеркнуть необычайную тактичность в изображении всех орнаментов, драгоценностей и тканей. Несмотря на тщательность исполнения, они никогда не отвлекают на себя внимания зрителя, не перегружают композицию деталями, не нарушают общего монументального строя картин. Они придают произведениям Франчи законченность и нарядность.

В лице болонского мастера нам является редкий случай счастливого равновесия между живописцем и ювелиром. В то же время его разносторонняя деятельность невольно вызывает в памяти высказывание П.П. Муратова: «Люди того времени спешили проявить себя где возможно и в чем только возможно. Они брались за все, что давало выход томящей их энергии мысли и полноте чувствований. Многие из них усвоили привычки гениев, и только беспристрастное суждение потомства узнало в них простых ремесленников»³.

¹ Williamson G. Op. cit. P. 54.

² Нессельштраус Ц.Г. Искусство Италии // История искусства зарубежных стран. М., 1963. Т. 2. С. 203.

³ Муратов П.П. Образы Италии. Т. 1. М., 1911. С. 173.

О.Г. Махо

Музыка в студиоло Федерико да Монтефельтро в Урбино и Губбио

Не было такого инструмента, которого бы
не имел его милость в своем доме...

Веспасиано да Бистиччи

Создание студиоло — небольших комнат для интеллектуального времяпрепровождения — стало одним из специфических явлений культуры Возрождения. Особое место среди таких кабинетов занимают выполненные для правителей; они, как правило, оформлялись по специальной, тщательно разработанной программе¹. Реализация такой программы, обычно сочиненной придворным гуманистом при совершенно очевидном участии заказчика, предполагала использование разных видов искусства — живописи, скульптуры и ставших практически неизменными панно, выполненных в технике интарсии. К числу интереснейших ренессансных княжеских студиоло относятся два — во дворцах Урбино и Губбио — выполненных для Федерико да Монтефельтро (1422–1482), несомненно одного из наиболее ярких и значительных персонажей своего времени.

Программа обоих студиоло, конечно, в несколько разной форме, представляет развернутую характеристику личности герцога. предполагает создание его образа, бесспорно, не лишенного определенной доли идеализации. Эта программа раскрывает сущность образа князя в соотношении важнейших ее составляющих — «*vita activa*» и «*vita contemplativa*». Не последняя роль отведена в студиоло мотивам, связанным с музыкой, разнообразно присутствовавшей в интеллектуальной и артистической жизни Возрождения вообще и двора Федерико в частности. С одной стороны, она принадлежала к числу свободных искусств средневековой системы, с другой — отсылала и к античным музам. При всей важности

¹ *Liebenwein W.* Studiolo. Storia e tipologia di uno spazio culturale. Modena, 1988; *Махо О.Г.* Студиоло итальянских правителей эпохи Возрождения. Эволюция концепции // Пространство культуры. 2010. № 4. С. 8–17.

гармонии ансамбля декора студиоло в целом ведущая роль в нем, вероятно, принадлежала интарсиям, и именно в них мы находим многочисленные изображения, связанные с музыкой.

Любовь Федерико к музыке зародилась, возможно, в годы учебы в Ка Джойоза в Мантуе. Его любимый учитель Витторино да Фельтре (чей портрет есть в серии изображений великих мужей в урбинском студиоло), сам талантливый музыкант, преподавал музыку как одно из искусств квадривиума. Вместе с тем занятия музыкой воспринимались и как следование греческой традиции — ученики школы обучались пению и игре на лире под руководством специально приглашенных учителей. В своем жизнеописании урбинского герцога Веспасиано Бистиччи заметил, что Федерико «очень нравилась музыка, и он разбирался прекрасно как в инструментальной, так и в вокальной, и у него была прекрасная музыкальная капелла, в которую входили блестящие музыканты и несколько молодых людей, которые пели тенорами так, что это был великолепный музыкальный ансамбль. Не было такого инструмента, которого бы не имел его милость в своем доме, и он весьма наслаждался их звучанием, и имел в своем доме совершеннейших исполнителей на многих инструментах. Ему доставляли большее наслаждение инструменты с нежным, нежели громким звучанием, трубы и громкие инструменты он не слишком любил, но органы и инструменты с нежным звучанием нравились ему весьма»¹.

Представитель следующего поколения Бальдассаре Кастильоне восхвалял собрание музыкальных инструментов как одно из главных богатств дворца в Урбино наравне с произведениями скульптуры и живописи, а также знаменитой библиотекой². Эти красноречивые свидетельства любви Федерико к музыке и его компетентности в этой области подтверждаются присутствием многочисленных изображений музыкальных инструментов, которые кажутся воспроизведениями предметов из герцогского собрания, в его студиоло. И в Урбино³, и в Губбио⁴ их по тринадцать, набор изображенных инструментов весьма схож, но не полностью совпадает. Кроме того, в интарсиях представлены и книги с музы-

¹ Bisticci V. da. *Le vite*. Firenze, 1970. Vol. I. P. 383—384.

² Кастильоне Б. О придворном // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы. М., 1996. С. 479.

³ Bagatin P.L. *Le tarsie dello studiolo d'Urbino*. Trieste, 1993.

⁴ Наиболее подробное описание интарсий зугубинского студиоло сделано О. Раджо: Raggio O. *Il Palazzo Ducale di Gubbio e il restauro del suo studiolo // Lo studiolo di Federico da Montefeltro*. Milano, 2007. Vol. I. P. 118—152.

кальными текстами, позволявшие прочесть не только собственно музыку, но и стихи, помогавшие увидеть содержание программы кабинетов более объемно.

Студиоло в Палаццо Дукале в Урбино, во дворце, создававшемся герцогом по образу идеального города, — один из редчайших ансамблей подобного рода, о которых мы можем судить сегодня достаточно определенно. Значительная часть его декора, выполненного между 1473 и 1476 гг., сохранилась до наших дней¹: живопись для верхней части стен², очевидно, была создана специально приглашенным Йостом ван Вассенхове при более позднем участии Педро Берругете, а покрывающие значительную их часть ниже панно в технике интарсии, — флорентийской мастерской Баччо Понтелли и его брата Пьеро³, вероятно, по проекту Франческо ди Джорджо Мартини.

Если, войдя в маленький студиоло (3,60 x 3,35 м) со стороны парадных помещений, повернуться к восточной его стене, которая, если иметь в виду воплощенную здесь программу, была главной, то музыкальные инструменты мы увидим слева и справа (илл. 1), в интарсиях северной и южной стены. Они изображены и в шкафах, и на скамьях, причем в их расположении можно обнаружить определенную симметрию. Она не является зеркальной, инструменты не повторяются буквально, но несомненная логика в их расположении есть. Слева, на откинутой скамье, можно видеть тамбурины, лютню и три маленькие флейты, лежащие в некотором беспорядке (илл. 2). У бубна нет мембраны, а между парами тарелочек для усиления звука помещены шарики. У лютни две струны порваны, возможно, в качестве аллюзии гармонии как «*gerum discordia discors*» или же как воплощение бренности. Справа, почти напротив, на откинутой скамье лежат два музыкальных инструмента, прямо повернутых к зрителю: лира да браччо с пятью струнами и девятиструнная лютня (илл. 3). Она является точным повторением той, которая лежит у северной стены, только мы видим ее переверну-

¹ *Cheles I. The Studiolo of Urbino: An Iconographic Investigation. Wiesbaden, 1986.*

² Из двадцати восьми композиций серии половина сегодня находится на своем месте в Урбино, а вторая входит в собрание Лувра (Париж).

³ Это мнение, высказывавшееся и раньше, весьма аргументированно обосновано в работе: *Wilmering A.M. Le tarsie rinascimentali e il restauro dello studiolo di Gubbio // Lo studiolo di Federico da Montefeltro. Milano, 2007. Vol. II. P. 103–121.* Впрочем, существует и иная точка зрения, об авторстве мастерской Джулиано и Бенедетто да Майано писали: *Ferretti M. I maestri della prospettiva // Storia dell'arte italiana. Torino, 1982. P. III. Vol. IV. P. 517–524; Bagatin P.L. Le tarsie... P. 102–103.*

той — перед нами нижняя часть корпуса и дека с колками для натяжения струн. Возможно, что ее положение, подобно порванным струнам первой лютни, как и в предыдущем случае, может быть связано с темой *Vanitas*.

Самые значительные как по размеру, так и по сложности инструменты изображены в максимальной близости к восточной стене; то есть, учитывая малые размеры студиоло, они, несомненно, попадают в поле зрения человека, смотрящего на программно главную часть интарсий. Слева, на северной стене, изображены лежащие на опущенной скамье великолепные клавикорды. Этот инструмент был весьма распространен в Европе, в особенности в Италии, которая считается его родиной, или, по крайней мере, местом его усовершенствования в XV в. Клавикорды, которые называют прообразом всех клавишных инструментов, включая орган, весьма ценились за нежность звука и особенные эффекты его вибрации. Превзойти его смогло только фортепиано в XVIII столетии. На интарсии представлена модель, наиболее распространенная в Италии времени Кватроченто, — это инструмент небольшого размера, что упрощало его транспортировку и возможность размещения на столе или скамье. Итальянская работа узнается по клавиатуре, выступающей по отношению к прямоугольному корпусу, — в других случаях она вписывалась в его очертания. Можно очень точно реконструировать механику инструмента: он имеет клавиатуру, состоящую из двадцати девяти элементов (восемнадцать клавиш — черные), размещенную вдоль натяжения струн, рычаги, расположенные перпендикулярно струнам, металлические молоточки, поставленные выше клавиш, тончайшие струны равной длины, с поразительным мастерством показанные в интарсии, и подставку, которая передает вибрацию деке.

На южной же стене, на первом от угла панно, в прямоугольной нише за отодвинутой драпировкой на темном фоне выделяется портативный орган (илл. 3). Инструмент на трех ножках, изображенный в интарсии, относится к типу настольных. Видны его семнадцать ступенчато расположенных труб, соединенных в скрепленные болтами две связки, которые объединяются посредством самой большой центральной трубы. В месте соединения связок помещен герб Монтефельтро. Ниже, над клавиатурой, подвешен знак ордена Подвязки, кавалером которого Федерико стал в 1474 г., с неоднократно повторяющейся в студиоло сокращенной надписью «FED[ERICUS] DUX». Часть органа скрыта, поэтому не вполне понятны размеры клавиатуры. Кроме того, не

все трубы правой части инструмента видны, но, учитывая, что слева их десять, для симметрии и справа их должно быть тоже десять, таким образом, вместе с самой большой центральной трубой их общее число достигает двадцати одного. На цоколе инструмента читается имя IUNANI CASTELANO (в обоих случаях переключатель буквы N повернута в обратную сторону). Создателем инструмента был Джованни Каstellано, флорентийский мастер, чьих работ известно исключительно мало. Выполненный им орган был и в коллекции Лоренцо Великолепного, судя по инвентарю, составленному после его смерти¹. Вероятно, трубы урбинского органа, как и того, что принадлежал Медичи, могли быть сделаны из картона вместо обычного в таких случаях металла. Это способствовало и облегчению инструмента, делая его действительно портативным, и приданию звуку большей мягкости и нежности, что было важно при музицировании в небольших частных помещениях. Доска с именем автора является створкой небольшого отделения, где размещена механика инструмента, которая, приведенная в действие клавишами, позволяет нагнетаемому меха́ми воздуху, пройдя по каналам, попасть в трубы.

Еще одна группа инструментов представлена в северо-западном углу студиоло возле двери, ведущей на лестницу в башне, — для человека, стоящего лицом к главной стене, они практически оказываются за спиной. В изображенном между пилястрами шкафу есть шесть ящичков. Если считать сверху, четвертый из них вынут и стоит на скамье, в нем две флейты, а из шестого, полузатянутого, торчит мундштук дудки, на который подвешен маленький барабан. Духовые и ударный — это инструменты, использовавшиеся для аккомпане́мента в народных танцах, но их можно воспринимать и как наиболее связанные с ратной жизнью. Вспоминая свидетельство Веспасиано да Бистиччи, это те инструменты с громким звуком, которые герцог не слишком любил. Кажется, что эта группа и по месту расположения в ансамбле урбинского студиоло, и по размеру является наименее значительной.

Студиоло палаццо Дукале в Губбио² был выполнен несколько позже урбинского, в 1479—1482 гг., и закончен уже после смерти Федерико. Поэтому его иногда называют студиоло Гвидобальдо, что несправедливо, поскольку создание ансамбля, несомненно, было инициировано отцом, а сыну, наследовавшему его власть.

¹ Libro d'inventario dei beni di Lorenzo il Magnifico / A cura di M. Spazzalani e G. Gaeta Bertelà. Firenze, 1992.

² Подробнее см.: *Raggio O.* Op. cit.

было на тот момент лишь одиннадцать лет. Больше оснований считать эугубинский студиоло своего рода версией урбинского, впрочем, с некоторыми изменениями в программе. Они есть и в поясе интарсий¹, выполненном, вероятно, как и урбинский, по проекту Франческо ди Джорджо Мартини, но в этом случае мастерской Джулиано и Бенедетто да Майано², и в живописном декоре верхней части стен, где Йосом ван Вассенхове были сделаны изображения князей, коленопреклоненно предстоящих перед свободными искусствами³. Несмотря на несколько большие размеры (5,13 x 3,81 м), он отличается, как нам кажется, несколько более камерным по характеру своего содержания оформлением. Возможно, и присутствующие там музыкальные инструменты, пусть и не буквально, придают ему такое звучание.

На длинной стене напротив окна, которая воспринимается в студиоло дворца в Губбио как главная, интарсии представляют три шкафа и музыкальные инструменты присутствуют в правом и левом. В первом (илл. 4), в верхней его части, можно увидеть бубен, висящий на крюке, вбитом в боковую стенку, и небольшую арфу, лежащую на книгах, ключ в форме буквы «тау» для настройки которой подвешен на крючок снизу этой полки. Бубен, как и урбинский, без мембраны, но имеет несколько иную конструкцию — его тарелочки без шариков расположены в три ряда. Арфа имеет двадцать три колка, но натянутых струн видно только двадцать, двадцать первая обвязывает колковую раму инструмента и петля ее ясно читается на темном фоне внутреннего пространства шкафа. Рядом с подсвечником без свечи эта кажущаяся оборванной струна может быть указанием на бренность.

В левом шкафу той же западной стены на вбитый в верхнюю стенку крюк с помощью кольца и трех ремней подвешен шестигранный охотничий рог из слоновой кости, вероятно, в серебряной, быть может, золоченой оправе (илл. 5). Исключительно интересно наблюдение, отметившее заметное сходство между этим рогом и другим, из слоновой кости в оправе из позолоченного серебра, который хранится в капелле реликвий базилики Сан-Франческо в Ассизи, описанном впервые в инвентаре 1370 г. На основании надписи, читающейся на оправе, рог мог принадлежать святому Франциску, который использовал его, чтобы сзы-

¹ Демонтированные в 1879 г., после нескольких перемещений эти интарсии с 1941 г. входят в собрание Метрополитен-музея в Нью-Йорке.

² *Wilmering A.M.* Op. cit. P. 103–121.

³ *Maxo O.G.* Государь перед лицом Свободных Искусств (композиции Йоса ван Вассенхове для студиоло в Губбио) // *Искусствознание*. 2014. № 1–2. С. 270–289.

вать людей на свои проповеди, а оправа была выполнена в Ассизи сиенским ювелиром Джованни ди Николуччо. Инвентарь 1473 г. добавляет, что инструмент был подарен Франциску турецким султаном, но более вероятно, что он был выполнен в Италии на рубеже XIII и XIV вв., как и другие, так называемые сарацинские рога. На основании сходства рога в интарсии студиоло из Губбио и рога святого Франциска можно предположить, что это раннее повторение реликвии, заказанное семьей Монтефельтро как свидетельство их хорошо известного почитания святого из Ассизи¹. Таким образом, присутствие охотничьего рога не является здесь ни свидетельством увлечения собственно охотой, аристократической привилегией, ни знаком пристрастия к громким и резким звукам, издаваемым этим инструментом — оно скорее характеризует Федерико-христианина.

В том же шкафу, в левой его части, за почти закрытой дверцей на верхней полке стоит ребенок со своим смычком (илл. 6). Он находится практически в самом углу студиоло, в той его части, где представлено наибольшее число музыкальных инструментов (илл. 5). На соседнем панно, находящемся на южной стене рядом с дверью, изображены стоящий на откинутой скамье переносной орган, за которым в открытом шкафу — лира да браччо с четырьмя струнами, и нижней для аккомпанемента, а полкой выше — восьмиструнная лютня с изящной розеткой сквозной резьбы и два прямых корнета (илл. 7). Современный корнет относится к медным духовым инструментам, но распространенный с XI—XII вв., а особенно широко с XV в. инструмент того типа, что представлен в студиоло, был деревянным. Орган-портатив из Губбио уступает великолепию урбинского, хотя превосходит его по числу труб: двадцать семь, скрепленных изогнутой по дуге планкой в первом ряду, и совершенно очевидно, что есть и второй, хотя разобрать расположение и число труб в нем не представляется возможным. Мехи скрыты деревянной конструкцией, в центре над клавиатурой читаются инициалы владельца FD, обрамляющие его герб. Остальной декор корпуса, выполненный в технике интарсии, имеет растительный характер.

Группу струнных инструментов, находящуюся в той же части студиоло (юго-западный угол), завершает лютня, гриф которой торчит из-под чуть приоткрытой дверцы горизонтального шкафчика над дверным проемом (илл. 8). Развернутый прямо в пространство комнаты, почти перпендикулярно к стене, он является собой один из наиболее впечатляющих «фокусов» перспективного построения в интарсии этого ансамбля.

¹ Raggio O. Op. cit. P. 140.

В двух шкафах, изображенных на короткой стене напротив двери, также есть музыкальные инструменты (илл. 9). В том, что ближе к главной, длинной стене — цитра, стоящая на верхней полке рядом с книгой, циркулем, угломером с отвесом и клепсидрой. В интарсии представлен инструмент с девятью металлическими струнами, кобылкой и колком, на котором играли, используя плектр или применяя шипковую технику. Все предметы этой группы являются приборами для измерения и определения пропорций, и цитра среди них указывает на теорию гармонических пропорций в музыке.

В нижней части второго шкафа этой, северной, стены по диагонали от цитры висит на крюке небольшой барабан, очень похожий на урбинский, и стоит полускрытая дверцей флейта. Можно заметить, что, как и в Урбино, ударный и духовой инструменты оказываются отчасти связанными с военной темой: если там они были напротив шкафа с доспехами, то здесь — рядом с ним, вместе с кинжалом, висящим чуть выше. В то же время, как уже отмечалось, барабан, флейты, бубен (представленный в той же части эугубинского студиоло — справа от центра) — это те инструменты, которые использовались для сопровождения народных танцев и присутствовали на больших публичных увеселениях, однако на вкус Федерико да Монтефельтро, очевидно, были громкими и грубыми. В противоположной же части студиоло преобладают струнные и стоит орган — они звучали как аккомпанирующие при исполнении вокальных произведений. На первый взгляд кажется, что эту логику расположения инструментов нарушают цитра и рог, но первая выступает здесь в роли, прежде всего, аллегии гармонии, а второй — реликвии.

Музыкальные инструменты, представленные в обоих студиоло, выявляют разные функции придворных урбинских музыкантов, описанные в известном руководстве «*Ordini et Officii*» (Biblioteca Apostolica Vaticana, Urb. Lat. 1248), составленном вскоре после смерти Федерико. Прежде всего, при дворе были певцы герцогской капеллы и великолепный органист, которые участвовали каждое воскресенье в мессе и вечернях. Затем были два или три певца, которые пели «*sottovoce e con dolcezza*» («тихо и нежно») не иначе как «*alla castigliana*» («целомудренно») и при необходимости играли на лютне и других струнных инструментах для удовольствия герцога. Наконец, была превосходная группа флейтистов, четыре прекрасных трубача и три барабанщика, всегда готовые сопровождать герцога¹.

¹ См.: Raggio O. Op. cit. P. 143.

Вместе с тем изображения музыкальных инструментов связаны с аллегорической наполненностью интарсий, в программе которых можно найти образы, связанные со свободными искусствами средневекового тривиума и квадравиума, а также с музами античной мифологии. Из свободных искусств только атрибутом Музыки являлся музыкальный инструмент — орган, и он присутствует в обоих студиоло. Что же касается муз, то в урбинских интарсиях можно найти флейты Эвтерпы, лиру да браччо Терпсихоры, тамбурин Эрато, орган Полигимнии, а в зугубинских кроме того рог Мельпомены, ребек Талии, а также арфу Эрато и цитру Терпсихоры, учитывая, что атрибуты муз несколько варьировались¹.

К этому можно добавить, что и орган-портатив, и лютни, и ребек принадлежали к числу тех инструментов, которые наиболее часто встречаются у музицирующих ангелов в живописи XV в., как итальянской, так и северной. Таким образом, ко всему прочему добавляется в студиоло тема ангельской гармонии, усиливающая в обоих ансамблях и звучание темы христианского благочестия.

Однако не только изображения музыкальных инструментов были в интарсиях студиоло связаны с рассматриваемой темой. У Федерико, страстного библиофила и меломана, несомненно, были в библиотеке музыкальные книги — находились они и в интарсированных шкафах обоих студиоло. Но если в Урбино обращает на себя внимание то, что именно эти тома представлены нарочито раскрытыми, на их страницах читаются и музыкальные партии, и текст, то в интарсиях из Губбио, к сожалению, текст еще читавшийся в конце XIX в. на страницах некоторых книг, пал жертвой старой грубой реставрации, которая заменила оригинал пустыми страницами.

На верхней полке шкафа северной стены урбинского студиоло на полотнище с изображением знака ордена Подвязки стоит партитура, в которой читается знаменитая бургундская канцона второй половины XV в. «J'ai pris amour»² (илл. 10). Ее автор неиз-

¹ Продолжая античные аллюзии можно обратить внимание и на то, что точно напротив друг друга в интарсиях из Губбио представлены цитра, само название которой напоминает о ее связи с кифарой Аполлона, и два корнета, формой своей в наибольшей степени напоминающие авлос Диониса.

² Восстановленный текст приведен в каталоге: *Bagatijn P.L. Le tarsie...* P. 28.

A. J'ai pris amours a ma devise
Por conqueror joie n seté
B. Hereux sera yen c'est esté

Я сделал любовь своим девизом.
Чтобы достигнуть радости.
Я буду вполне счастлив,

вестен, но она была весьма распространена в придворных кругах. В интарсии студиоло согласно практике ренессансной полифонии одна за другой идут партии трех исполнителей: в первых четырех строках на левой странице музыкальный текст и слова рефрена для самого высокого голоса (супериус или дискант). Партия тенора — первые три строки на правой странице, а для контртенора — нижняя строка слева и две последние справа. Это рондо в катренах на три голоса, скорее всего, было одной из любимых композиций Федерико да Монтефельтро, особенно если вспомнить его контакты с неаполитанским двором, где сильны были связи с бургундской культурной традицией. Вероятно, она была среди вокальных произведений, которые сопровождалась музыкой и танцами во время торжеств, организованных в ноябре 1474 г. в честь приема молодого принца Федерико Арагонского, второго сына короля Неаполя Фердинанда I, направлявшегося в Бургундию, чтобы просить руки Марии, дочери Карла Смелого¹. Длинное и тщательно разработанное празднество включало аллегорическое представление под названием «Любовь перед судом Целомудрия». Спектакль был создан придворным художником и поэтом Джованни Санти, который написал текст, выполнил эскизы костюмов и спроектировал сценические эффекты².

Другая очень популярная в то время и очевидно любимая герцогом Федерико песня была представлена (но, к несчастью, уничтожена старой реставрацией) в одной из книг в Губбио. Она находится на нижней полке правого шкафа длинной стены, там, где выше представлены арфа и бубен (илл. 4). Есть свидетельство³, что там было написано слово ROSABELLA, — возможно, это был текст или только название знаменитой венецианской бал-

Se puis venir a mon emprise
a. S'il est aulcun qui m'en deprise,

Il me doit ester pardonné.

[Реприза:] A

a. Il me semble que c'est laguise
quin'ariens il est debouté.

b. Et n'est deperson nahon noré.
N'es se pas droit que J'y advise.

[Завершают:] A-B

Если смогу ею овладеть.

Но если кто-то попытается меня
с ней разлучить,

Он должен будет простить мой отказ.

Мне кажется, что этот путь

Ни у кого не вызовет возражений

И не найдётся никого, кто скажет,

Что я не имею на это права.

¹ *Raggio O.* Op. cit. P. 140.

² *Santi G.* La vita e le gesta di Federico di Montefeltro duca d'Urbino: poema in terza rima (Codice vat. ottob. lat. 1305) / A cura di L. Michelini Tocci. Città del Vaticano, 1985. (Vol. I—II). Vol. I. P. XIII.

³ Информация собрана О. Раджо (*Raggio O.* Op. cit. P. 141, 143).

лады начала XV в. «O Rosa bella», написанной в стиле Леонардо Джустиниани. Полный ее текст, известный по различным источникам XV в., был включен в музыкальную книгу урбинской библиотеки (Biblioteca Apostolica Vaticana, Urb. Lat. 1411, ff.7r-9v)¹. Текст сопровождался полифонической музыкой фламандца, именовавшегося Джованни Чикониа из Льежа, и англичанина Джона Данстэбла. В 1470-е годы эта баллада должна была быть чрезвычайно знаменита. Показательно, что один из современников передает, что на пиру, данном молодым кардиналом Пьетро Риарио в Риме во время карнавала 1473 г. «cantosse in uno chitarrino O Rosa bella». Музыкальные вкусы объединяли разные дворы, будь то папский в Риме, двор Фердинанда Арагонского в Неаполе или Федерико да Монтефельтро в Урбино и Губбио.

В урбинском студиоло, на нижней полке открытого шкафа западной стены, напротив изображения маленького кабинета на противоположной, главной, находится еще одна раскрытая партитура. Она приподнята на закрытую книгу и опирается на сосуд. Под первыми нотными станами с табулатурой для лютни или другого инструмента с высоким звучанием читаются слова канцоны:

Bella gerit musasque colit Federicus omnium
Maximus Italiorum Dux foris atque domi².

Этот текст («Победитель войны и поклонник муз, Федерико, величайший итальянский герцог и дома, и везде») возвращает нас к основной теме программы студиоло — гармоническому взаимодействию жизни деятельной и созерцательной. Под другими нотными станами есть только отдельные слова, созвучные мотиву: «honor bella... Federicus...» и «Bella... Federicus», «Contra bella... Federicus». Очевидно, что канцона была сочинена во славу урбинского правителя и современникам, надо полагать, была из-

¹ Ibid. P.143:

O Rosa bella, o dolce anima mia,
Non mi lesar morire, in cortesia.
Ay, lass'a me dolente! deco finire
Per ben servir e lealmente amare.

О прекрасна Роза, сладостная душа моя,
Не дай мне умереть, будь милосердна.
Ах, оставь мне страдание, приличествующее
Истинному служению любви!

Socorimi ormai del mio languire
Cor del cor mio, non mi lassar penare.

Вызови меня из моего изнеможения,
Сердце моего сердца, не дай мне сожалеть.

O idio d'amor, che pena è questa amare!

О, бог любви, как тягостно любить!

Vide che io mor tuto hora per questa iudea

Видишь, я сейчас от этого погибну!

² Bagatin P.L. Le tarsie ... P. 72.

вестна. Быть может, поэтому, а возможно, признавая не столь высокие достоинства этого произведения в сравнении с рондо «J'ai pris amour» (трудно предположить, что из скромности заказчика), текст показан фрагментарно. Однако в читающихся строках ярко выражено воплощенное в личности Федерико соединение достоинства воина и любителя искусств.

В декоре обоих студиоло, как упоминалось, над поясом интарсий располагалась живописная декорация. Среди персонажей серии портретов великих мужей для Урбино с музыкой можно отчасти связать Витторино да Фельтре, который преподавал ее своим ученикам. Впрочем, соседствующий с Эвклидом, он здесь, вероятно, в первую очередь должен ассоциироваться с геометрией, исключительно важной для военной деятельности почитающего его ученика. Однако обе эти дисциплины связаны с постижением гармонии мира и достижением внутренней гармонии самого человека.

В Губбио в числе Свободных искусств, перед которыми коленапоклоненными предстояли князья, была Музыка. Эта композиция оказалась в числе двух из всего цикла, что дошли до наших дней (Лондон, Национальная галерея, илл. 11). Она представлена в виде восседающей на мраморном троне изяшной молодой женщины в нарядных одеждах розовых тонов, ее волнистые светлые волосы распущены по плечам и украшены драгоценностями. Любопытно, что на стене возле трона висит ветка лавра, явно отсылающая к Аполлону. В правой руке Музыка держит книгу, которой словно благословляет склонившего перед ней колени с молитвенно сложенными руками Костанцо Сфорца, а левой указывает ему на орган. Этот совсем небольшой портативный орган с трубами, расположенными в два ряда (в первом ряду их пятнадцать и во втором, возможно, столько же), очень похож на тот, что изображен в интарсии урбинского студиоло.

Все князья, изображения которых присутствовали в серии эугубинского студиоло, очевидно, были так или иначе связаны с Федерико да Монтефельтро. Что касается Костанцо, то он — представитель семейства, с которым урбинского правителя связывали не только политические и военные дела, но и родственные узы через жену Батисту. Характеризуя Костанцо в своем весьма кратком жизнеописании, Веспасиано да Бистиччи отмечал, что он был образован¹ и «привержен наукам и ученым людям... он был блестящ во всех своих проявлениях, в своей одежде, лошадях, во

¹ Bisticci V. da. Le vite. Firenze, 1970. Vol. I. P. 429.

всем»¹. Костанцо был сыном Алессандро Сфорца (в свою очередь брата Франческо Сфорца), ставшего родоначальником ветви семейства Сфорца – правителей Пезаро, и его первой жены Костанцы да Варано. Будучи доблестным воином, он выступал, как и его отец, в роли кондотьера и участвовал во многих войнах. Костанцо воевал, в частности, на стороне Неаполитанского королевства и Папского государства, за что позже получил от папы Александра VI Борджиа владение Градара. Военная карьера не мешала Костанцо быть меценатом, город Пезаро обязан ему, в частности, строительством крепости. Словом, персонаж, сопряженный с Музыкой в живописной композиции студиоло в Губбио, обладал многими качествами, роднящими его с хозяином кабинета.

Таким образом, вполне определенно, музыка играла весьма важную роль в студиоло урбинского и эгубинского дворцов Федерико да Монтефельтро. Она выступала в разной роли, отсылая и к античным музам, и к средневековому квадривиуму, не только прославляя заказчика лично и свидетельствуя о его собственных пристрастиях. В особенности изображения музыкальных инструментов в интарсиях самой точностью своего изображения и блеском технического исполнения рождали образ той особой гармонии идеального мира, что создавался в частных кабинетах. Входящий туда попадал в пространство, приглашающее к высокому и глубокому размышлению, интеллектуальному и духовному напряжению, мобилизации всех энергий человеческой личности. Кажется, студиоло наполнялись не только головами собеседников, но и звуками музыки.

¹ Ibid. P. 430.

Pictura в книге эмблем Дж. Уизера

Публикация «Сборника эмблем старинных и современных» (1635) поэта Джорджа Уизера (1588–1667) совпала по времени с выходом в свет другой английской книги эмблем — «Божественные и моральные эмблемы» Фрэнсиса Куорлза (1592–1644). Обе принадлежали к жанру, первым образцом которого стала «Книга эмблем» (1531) итальянца Андреа Альчиато (1492–1550). Она быстро приобрела популярность, была переведена на многие европейские языки, на которых выдержала в общей сложности более ста пятидесяти изданий¹. Уже в 1534 г., переиздавая книгу Альчиато, французский типограф Кретьен Вешель предложил ту форму эмблематических книг, которая стала классической. Она состояла из эмблемы-картинки (pictura), над которой помещалось краткое изречение (inscriptio), а ниже — разъяснение смысла картинки — subscriptio (эпиграмма), как правило, стихотворное; к нему могли быть добавлены цитаты из трудов Отцов Церкви. «Смысл, значение эмблемы возникали не из изображения или надписи, но при взаимодействии изображения, надписи и подписи»², на основе «словесно-визуального»³ единства.

Книги эмблем быстро завоевали популярность в ренессансной Европе, а в XVII в. «эмблематическая продукция» становится чрезвычайно обильной⁴. Синтетическая природа жанра, соединение визуального и вербального рядов, назидательность, опора на средневековые традиции, в том числе герменевтические и семиотические, оказались, по всей видимости, особенно созвучны сложному мироощущению человека этого столетия.

Многочисленные книги эмблем относились к раннепечатной продукции, со времени их появления в Европе прошло чуть

¹ См.: Морозов А.А., Софронова Л.А. Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко. М., 1979. С. 15.

² Там же. С. 22.

³ См.: Махов А.Е. Эмблематика макрокосма. М., 2014. С. 5.

⁴ Там же. С. 13.

больше ста пятидесяти лет, «искусство книги» еще только начинало формироваться. Согласно представлениям нашего времени, оно предполагает понимание книги как «целостного произведения искусства», «целостное восприятие... художественного строя книги»¹. Книгу следует изучать как «некий предмет», призванный вместить текст и сопутствующие ему изображения, а также создать «определенные удобства в их использовании»².

В.А. Фаворский, крупнейший отечественный гравёр и иллюстратор XX в., определил книгу как «изображение пространственными средствами временного литературного произведения»³. По его мнению, «книга... явится сложным комплексным произведением, где словесный образ становится и пространственным»⁴. Современные теоретики рассматривают книгу как художественную структуру⁵, обращают особое внимание на то, как в ней сочетаются текст и изображение, подчеркивают важность динамики изобразительного ряда⁶. При этом следует различать динамику, свойственную непосредственно иллюстрации, и динамику книги в целом. Первая выражается через пространственную организацию картинки и отражает мировоззрение художника, его стиль. Вторая связана с тем, как организовано движение читателя по книге, какой ему задан «ритм восприятия»⁷, в том числе «чередованием текста и иллюстраций»⁸.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть «Сборник эмблем старинных и современных» Дж. Уизера и прежде всего помещенные в нем *pictura*. Приступая к анализу, следует сделать несколько оговорок. Изобразительный ряд любой книги кроме иллюстраций включает в себя заставки, концовки, виньетки, буквицы и другие элементы оформления. Нас будут интересовать только *pictura*, которые, строго говоря, иллюстрациями не являются, иные оформительские элементы, безусловно, интересные и достойные рассмотрения, останутся за рамками анализа. Не будет рассмотрен и весь круг вопросов, связанных с природой метафоричности и аллегоризма эмблем, сочетания в них вербального и визуального рядов, подробно и убедительно проанализи-

¹ Герчук Ю.Я. История графики и искусства книги. М., 2013. С. 5–7.

² Там же. С.8.

³ Фаворский В.А. Литературно-творческое наследие. М., 1988. С. 237.

⁴ Там же.

⁵ Герчук Ю.Я. Художественная структура книги. М., 2014.

⁶ Там же. С. 69–72.

⁷ Там же. С. 64.

⁸ Герчук Ю.Я. История графики... С. 9.

рованный А.Е. Маховым¹. Задача, поставленная в данной статье, имеет скромный характер. Она сводится к попытке рассмотреть пространственную организацию *pictura*, их связи с тенденциями в изобразительном искусстве эпохи, их место в формировании художественной целостности книги как произведения искусства.

В XVI в. англичане несколько отставали в освоении нового жанра, созданные ими книги эмблем не отличались оригинальностью, в ходу были переводы и адаптации континентальных образцов. Ситуация изменилась в XVII в., известно, что к началу следующего столетия существовало уже сто тридцать изданий пятидесяти английских книг эмблем. Первыми из них являются «Сборник эмблем старинных и современных» Дж. Уизера и «Эмблемы» Фрэнсиса Куорлза.

Более значительным памятником потомки были склонны считать книгу Куорлза. Так, автор «Предисловия» к лондонскому изданию «Эмблем» 1773 г. полагает, что поэт был «человеком самой образцовой набожности и обладал глубоким пониманием нашей святой религии»². Роберт Уилсон во вступительной статье к подготовленному им двухтомному изданию «Эмблем» (1824) утверждает: «Куорлз в высшей степени заслуживает постигшей его славы. Его остроумие является блестящим, его понимание характеров точным; его описания демонстрируют необыкновенное мастерство, его стиль соответствует развитию мысли, сколь бы своеобразна она ни была, а его мысль — его стилю»³. Высоко оценивают сочинение Куорлза и исследователи XX–XXI в.⁴ Дополненная вышедшими в 1637 г. «Иероглифами Человеческой жизни», книга эмблем Куорлза неоднократно переиздавалась. До 1700 г. вышло двенадцать изданий; к настоящему времени их насчитывается около шестидесяти.

Между сборниками Куорлза и Уизера есть определенное сходство. Оба поделены на книги (пять и четыре соответственно), в обеих уже есть пагинация (правда, начинается она не с первых страниц, а с первой *pictura*). Тем не менее пронумерованные страницы позволяли читателю свободнее ориентироваться в книге,

¹ См: *Махов А.Е.* Указ. соч. С. 23–113.

² *Quarles F.* Emblems and Hieroglyphics of the Life of Man Modernized. London, 1773. P. VII.

³ *Quarles F.* Emblems Divine and Moral. London, 1824. P. II.

⁴ *James E.* The Imagery of Francis Quarles Emblems // *Studies in English*. 1943. N 23. P. 26; *Cox R.G.* A Survey of Literature from Donne to Marvell // *A Guide to English Literature*. Harmondsworth, 1956. Vol. 3. P. 54; *Raybould R.* An Introduction to the Symbolic Literature of the Renaissance. Victoria, 2005. P. 279.

обеспечивая тем самым удобство ее использования. Нам представляется, однако, что произведение Куорлза уступает книге Уизера в отношении художественной целостности. Каждая из книг в сборнике Уизера открывается одинаковым по оформлению шмуцтитлом. У Куорлза такие шмуцтитлы отсутствуют. Уизер организует движение читателя по книге при помощи еще одного текста, связанного с иллюстрацией, но размещенного от нее на значительном расстоянии. Здесь мы сталкиваемся с попыткой Уизера побудить читателя к интеракции с книгой. В конце каждой из четырех книг находятся разделы под названием «Лотерея» (отсутствующие у Куорлза), в них входят восьмистишия (эпиграммы), соотносимые с изобразительным рядом, причем каждый завершается фразой «См. иллюстрацию №...». В конце всего тома помещена своего рода рулетка с пояснениями, как ею пользоваться. Она состоит из двух дисков с номерами книг и лотов. Остановка вращающейся стрелки на одном диске указывает номер книги, на другом — номер эмблемы, после чего играющему (читателю) следует обратиться к соответствующей эпиграмме (илл. 1). Предполагалось, что она, с одной стороны, предскажет игроку его/ее судьбу, а с другой — побудит обратиться к *pictura*.

Уизер, на наш взгляд, способствует формированию целостной художественной структуры и тем, что соединяет на одной странице *pictura* и текст, в отличие от Куорлза, который размещает ее на отдельной странице, которая предшествует текстовой, что нарушает визуально-вербальную целостность эмблемы. Следующая за иллюстрацией текстовая «эмблема» состоит из перефразированных строк Библии, за которыми находятся стихотворное *subscriptio*, высказывания Отцов Церкви и эпиграмма, состоящая из четырех строк. Обращаясь в начале своей книги к читателю, Куорлз утверждал: «Эмблема есть не что иное, как молчащая притча. Пусть чуткий глаз не сдерживает себя в узнавании нашего благословенного Спасителя, представленного в этих символах»¹. За этим высказыванием явно стоит средневековая традиция восприятия мира как книги символов, требующих «истолкования». То есть слова. И хотя в том же обращении к читателю поэт говорит о важности восприятия глазом, а не только ухом (поскольку книги часто читались вслух), по нашему мнению, более важным в его сочинениях являлось слово-истолкование, а изобразительный ряд был призван лишь его иллюстрировать. Здесь мы не соглас-

¹ *Quarles F. Emblems Divine and Moral. London, 1658. A 3.* Обращение к читателю цитируется по этому изданию, так как в издании 1635 г. этот лист отсутствует.

ны с А.Е. Маховым, который видит в цитируемом высказывании Куорлза «поворот от слова к образу»¹. Полагаем, что вторичность *pictura* по сравнению с текстом в сборнике Куорлза, отсутствие неразрывного единства между ними подтверждается, в частности, и тем, что при переизданиях иллюстрации заменяли. «Эмблемы» 1635 г. содержали в основном гравюры работы Уильяма Маршалла. В более поздних изданиях могли быть использованы иллюстрации других авторов. Так, издание 1886 г. иллюстрировали Чарльз Беннет и Дж. Гарри Роджерс.

История создания книги эмблем Дж. Уизера подтверждает главенство изобразительного ряда. Лондонский издатель Генри Тонтон пригласил поэта написать английские стихи к опубликованным около двадцати лет назад эмблемам из книги поэта Габриэля Ролленхагена (1583–1619) и гравера Криспина ван де Пассе (1565–1637), который вошел в историю как Старший, ибо стал основателем целой династии граверов. На роль *pictura* указывает и надпись, помещенная на фронтисписе в центре гравюры: «*Emblems Illustrated by Geo Wither*» («Эмблемы, проиллюстрированные Дж. Уизером»). Уизер включил в свою книгу эмблем двести гравюр, взятых из книг Ролленхагена «Основные избранные эмблемы» («*Nucleus emblematus electissimorum*») (Арнхейм, 1611) и «Вторая центурия эмблем» («*Emblematum centuria secunda*») (Арнхейм, 1613). Заимствование чужого материала не противоречило издательской практике эпохи, а также и сущности самой эмблемы как ее понимали со времен Античности. А.Е. Махов, исследование которого опирается на многочисленные источники, утверждает, что «неотъемлемое качество эмблемы — вещной... или словесной — ее “переносимость”, применяемость в разных контекстах или ситуациях, вещных или словесных»², что позволяет говорить об эмблематике как «сплошном комбинаторном континууме»³.

«Предметно-пространственная форма» (термин В.А. Фаворского⁴) гравюр, вошедших и в книгу Ролленхагена, и в книгу Уизера, определялась их автором. Уроженец Нидерландов, плодовитый и известный мастер, Криспин ван де Пассе жил и трудился на протяжении своей карьеры в разных городах — Антверпене, Аахене, Кёльне, Утрехте. Он работал в самых разных жанрах, среди его творческого наследия можно найти портреты выдающихся лю-

¹ Махов А.Е. Указ. соч. С. 28.

² Там же. С. 7.

³ См.: Там же. С. 117.

⁴ Фаворский В.А. Указ. соч. С. 237.

дей того времени, включая английскую королеву Елизавету, иллюстрации к произведениям Гомера, Овидия, Вергилия, гравюры на религиозные и аллегорические темы, эмблемы. Гравер имел тесные родственные и творческие связи с Мартином де Восом (1532–1603), который вошел в историю живописи как один из ведущих художников и графиков во Фландрии XVI в. Многие гравюры Криспина были сделаны по рисункам де Воса. Мартин де Вос работал в стиле маньеризма, неудивительно, что экспрессивность и динамизм, свойственные этому стилю, нашли отражение и в эмблемах Криспина.

В его *pictura*, вошедших в книги Ролленхагена и Уизера, явно различается передний план и фон. На переднем плане, как правило, в соответствии со сложившейся традицией¹, находится изображение тех или иных символов; их ориентация в пространстве задает доминанту всей иллюстрации; нередко фигуры и предметы пребывают в движении. Влияние средневековой трактовки пространства и религиозно-назидательный характер книг эмблем предопределяют преобладание вертикали, которая явно ориентирована в направлении вверх. Движение может быть передано по-разному: образом дерева, устремленного вверх (b. 1, pict. 1², 23, 28; b. 3, pict. 38) (илл. 2, 3, 4, 5), человеческой фигурой, нередко S-образной, тянущейся к небу (b. 2, pict. 40; b. 3, pict. 16) (илл. 6, 7), лопатой, иногда обвитой змеей, причем голова ее тоже направлена вверх, а извивы тела передают движение (b. 1, pict. 5; b. 4, pict. 31) (илл. 8, 9), шпагой (b. 2, pict. 4, 98; b. 4, pict. 30) (илл. 10, 11), пикой (b. 4, pict. 8) (илл. 12), горящей свечой (b. 1, pict. 40; b. 2, pict. 14) (илл. 13, 14), обелиском, увитым плющом (b. 4, pict. 18) (илл. 15). Примеры такого рода можно значительно умножить.

Горизонтальная доминанта, определяющая структуру гораздо меньшего количества эмблем, также нередко связана с движением. Она находит воплощение в раскрытой книге (b. 1, pict. 25) (илл. 16), терпящем бедствие в волнах челне (b. 4, pict. 13) (илл. 17), фигуре пахаря и его волов, работающих в поле (b. 3, pict. 10) (илл. 18), животного (улитки — b. 4, pict. 14, вола — b. 3, pict. 39, свиньи — b. 4, pict. 16), движущихся в горизонталь-

¹ См.: Морозов А.А., Софронова Л.А. Указ. соч. С. 18.

² Все *pictura* рассмотрены по изданию: *Wither G. A Collection of Emblems Ancient and Moderne*. London, 1635. Во избежание путаницы с иллюстрациями к статье (илл.), мы будем обозначать визуальные эмблемы сокращением «pict.» (предваряя его буквой b (book — книга) в отличие от Дж. Уизера, который определяет их как «illustr.» («иллюстрации»).

ном направлении (илл. 19, 20, 21). В отдельную группу следует выделить гравюры, на которых изображена рука/и, протянутая/ые в горизонтальном направлении для рукопожатия или чтобы удержать какой-либо символический предмет (b. 2, pict. 13; b. 3, pict. 9; b. 4, pict. 1) (илл. 22, 23, 24). На таких эмблемах нередко возникает сложная «система координат», сочетающая вертикаль и горизонталь (b. 4, pict. 9) (илл. 25) и передающая разнонаправленное движение. А.Е. Махов в монографии «Эмблематика» приводит две эмблемы из «Второй центурии» Ролленхагена (у Уизера они идут соответственно под номерами 5 и 2 в кн. 4) (илл. 26 и 27). Первая называется «Разрежу», на ней изображены руки с ножом, которые готовы перерезать нить, на которой висит земной шар. Комментируя ее, А.Е. Махов замечает: «На picture обе руки – и та, что держит на нити земной шар, и та, что обрезает нить – правые»¹. Очевидно, это связано с устойчивым выражением «правая рука Бога Отца»; фраза использовалась как «термин для обозначения силы и власти Бога»². Трагический контраст мирной жизни людей, сидящих в прекрасном лесу и не ведающих о том, что земной шар может обрушиться на их головы, ибо все в руке Божией, иллюстрирует мысль о человеческой греховности и зависимости от Его милости. Уизер пишет:

And, 'tis his mercie, that keepes up the Ball
From falling, to the ruine of us all.

(И лишь его милосердие удерживает земной шар от падения,
Которое погубит всех нас).

Вторая из приведенных А.Е. Маховым эмблем изображает земной шар на ладони у Бога. Здесь горизонтальное движение руки показано на фоне земного пейзажа, украшенного радугой, и слабо прорисованной человеческой фигуры, преклоняющей колена перед крылатым ангелом. Пространство этой гравюры менее динамично, вероятно потому, что доносимая ею мысль «В руке господя все пределы мира» воспринималась как аксиома.

Чрезвычайно любопытны, на наш взгляд, эмблемы, в которых преобладает диагональная доминанта. В настоящее время

¹ Махов А.Е. Указ. соч. С. 146.

² Вестминстерский словарь теологических терминов. М., 2004. Электронный ресурс: <http://teology.academic.ru>, дата обращения 05/08/2015

считается, что «расположение иллюстраций по диагонали активно динамизирует макет книги»¹. В интересующих нас книгах эмблем такое расположение иллюстраций отсутствует. Но в ряде гравюр на переднем символическом плане изображены человеческие фигуры и предметы, расположенные и движущиеся по диагонали, что заставляет взгляд задержаться именно на этих изображениях. «Диагональный» порыв к тому же был весьма популярен у художников и скульпторов маньеризма.

Диагональ, направленная справа налево, как правило, передает движение вверх. Так, на pict. 42, b.3 (илл. 28) изображена фигура юноши, который пытается оторваться от земли. Его правая рука, вытянутая кверху и снабженная развернутыми крыльями, символизирует, как явствует из предшествующего гравюре двустипшия, Разум (wit). Груз в левой руке, притягивающий юношу к земле, обозначает Бедность. Характерная для маньеризма напряженная поза — согнутая в колене правая нога и ступня левой, почти оторвавшаяся от земли, — придают человеческой фигуре дополнительную экспрессию и динамизм.

Любопытный пример истолкования античного мифа предстает в pict. 22, b. 3 (илл. 29). Ее пространство также организовано по диагонали, справа налево взлетает орел с Ганимедом (имя которого подписано) на спине. Древнегреческая история о любви Зевса к прекрасному юноше, далекая от принципов христианской морали, трактуется здесь как стремление Души (воплощенной в образе Ганимеда) уйти на небо от разочаровавшей ее земли. Обе описанные визуальные эмблемы построены на христианской дихотомии «земля — небо», на подхваченном маньеризмом противопоставлении телесного и духовного.

Несмотря на использование одних и тех же гравюр, художественная структура сборников Ролленхагена и Уизера была разной. Визуальный ряд книги эмблем Ролленхагена представлял собой рисунки, помещенные в круглую рамку, по которой шла короткая надпись, чаще всего на латыни, но встречаются надписи и на греческом, итальянском, французском языках. Вербальная составляющая была скромной и состояла из коротких текстов, которые публиковались отдельно от гравюр. Так, в «Эмблемах» 1613 г. сначала были помещены сто эпиграмм, каждая из которых имела номер, латинский заголовок и эпиграмму на французском языке, которая состояла из четырех строк. Эмблема (эпиграмма) 46, например, называлась «In manu Dei cor Régis» («Сердце короля в руке Божией»). Ее текст гласил:

¹ Герчук Ю.Я. Художественная структура... С. 70.

Tout le gouvernement, & bonheur des Provinces
Confiste entre les bras des Estats subverains,
lit le Grand Eternel foubstient entre fcs mains
Le cœur & le vouloir des grands Roys & des Princes.

(Правление и благополучие провинций
Находится в руках суверенного государства,
И Великая Вечность держит в своих руках
Сердца и желания великих королей и принцев).

Pictura, соотносящаяся со стихотворными строками, помещена на много страниц дальше, она занимает отдельный лист и сопровождается краткой латинской подписью «Regum cor da manu Deus omnipotete gubernat ut mundum auxilio consilio juvent» («Сердцами королей руководит рука всемогущего Бога и дает миру дополнительную помощь»). Pictura изображает руку, которая протянута справа из облаков, в ее ладони находится увенчанное короной сердце. Рука опирается на небольшой храм, внутри которого видна фигура коленопреклоненного человека с короной на голове, молящегося перед алтарем с раскрытой книгой. Левую часть эмблемы занимает тщательно прорисованный пейзаж, изображающий сельскую местность с уходящей вдаль аллеей деревьев.

Дж. Уизер, как уже упоминалось, изменил порядок расположения визуального и вербального рядов книги эмблем. В его произведении все элементы эмблемы размещены на одной странице, которая открывается английским двустушием. За ней следует заимствованная у Ролленхагена pictura, которую автор называет иллюстрацией, на ее рамке сохранено латинское изречение. Ниже на той же странице находится поясняющий картинку английский стихотворный текст.

Сопоставление «Сборника эмблем» Дж. Уизера и «Центурии» Ролленхагена показывает, что художественная структура английского произведения обладает большим внутренним единством и динамикой, чем его источник. Целостности художественной структуры книги Уизера способствует, в частности, сквозная нумерация страниц, отсутствующая у его предшественника. Гравюра, хотя и по-прежнему, как и в книге Ролленхагена, заключена в круглую рамку, что отделяет ее от текста, все-таки с текстом соседствует и непосредственно с ним связана. А игра в рулетку не только усиливает дидактичность сочинения, но и возвращает читателя в «тело» книги, заставляя вновь соединить вербальный и визуальный ряды.

Кроме предметов и символов, изображенных на переднем плане, замечательной частью гравированных эмблем Криспина являются *fatti* (итал. *факты*) — явления и события реальной жизни того времени, используемые для доказательства какой-либо сентенции. Они многочисленны и разноплановы, свидетельствуют как о разнообразии творческих интересов художника, так и о том, что специфика многих жанров, характерных для искусства Нидерландов, к началу XVII в. уже сложилась и находила воплощение в новом для эпохи искусстве графики. Многие персонажи, изображенные на *picture* Криспина, одеты в соответствии с модой того времени и напоминают персонажей портретов Рубенса и созданных позднее работ Ван Дейка. Так, на *pic.* 7 b. 1 «Сборника эмблем» Дж. Уизера изображена женщина, стоящая на шаре в окружении двух мужчин (илл. 30). Мужская фигура слева одета в королевскую мантию и протягивает женщине скипетр, она символизирует власть. Мужчина справа — придворный галант с музыкальным инструментом в руке — олицетворяет светские удовольствия. Шар — символ неустойчивости и непостоянства. Смысл эмблемы объясняется *inscriptio*: «*A fickle woman wanton grown / Prefers a Crowd before a Crown*» («Слабая женщина, движимая тщеславием предпочитает развлечения короне»). Назидание носит вневременной характер. Однако и непостоянная женщина, и ее некоролевский поклонник одеты по моде XVII в. Так же одеты и играющие в мяч мужчины, изображенные на *pic.* 16 b.1 (илл. 31). Двое мужчин в костюмах той эпохи (b. 1, *pic.* 27), сражающиеся на фоне городской улицы, тоже как будто сошли с картин голландцев (илл. 32). По моде того времени одет и мастеровой, изображенный опять-таки на фоне городского пейзажа (b. 3, *pic.* 14) (илл. 33), призывающий всех заниматься своим делом. Современные и костюмы влюбленных на *pic.* 44, b.3 (илл. 34), и наряд дамы, выступающей как аллегория несоответствия внешнего и внутреннего (*pic.* 21, b. 4) (илл. 35).

Многие эмблемы Криспина и их *fatti* напоминают жанровые картины малых голландцев и натюрморты. Жанровая сцена, помещенная в интерьер голландского дома, каким мы его знаем по более поздним полотнам Питера де Хоха и Яна Вермеера Делфтского, представлена на *pic.* 21, b. 2. Нарядный кавалер в шляпе с пером, сидящий в кресле, протягивает руку к раскрытому кошельку, полному монет, лежащему на коленях женщины в чепце. Справа от них расположен покрытый скатертью стол, на котором стоят два бокала и сосуд, по всей видимости с вином (илл. 36). Эта деталь эмблемы живо напоминает знаменитые натюрморты Питера Класа и «завтраки» Виллема Клас Геды (илл. 37). Смысл

эмблемы — кавалеру нужна не любовь, а деньги. Похожая сцена, хотя и с противоположным смыслом, содержится в pict. 28 b. 3 (илл. 38). Двустийшие-*inscriptio* поясняет: «Where Lovers fitly matched be, / In mutual duties they agree» («Если влюбленные подходят друг другу, они найдут согласие и в совместных занятиях»). Местом действия опять является интерьер дома. Одетые в костюмы той эпохи мужчина и женщина совместно моют руки (невольное вспоминается «Дама, моющая руки» Герарда Тербоха, илл. 39) над чашей при помощи парящего в воздухе амура, который льет воду из кувшина. На заднем плане изображен стол с яствами, готовый для трапезы.

Эмблема 27 кн. 2 (илл. 40) переносит зрителя внутрь храма и во многом превосходит церковные интерьеры, изображением которых во второй половине XVII столетия прославился Эммануэль де Витте. На его картине «Аудекерк (Старая церковь) в Делфте» (1651) (илл. 41), как и на гравюре Криспина изображен интерьер церкви с белыми готическими сводами и выступающий перед толпой прихожан проповедник.

Визуальные эмблемы книг Ролленхагена и Уизера включают в себя и разнообразные пейзажи — сельские, городские, морские. Их анализ обнаруживает многие мотивы и особенности, блестяще использованные более поздними мастерами. Так, на некоторых гравюрах Криспина (b. 4, pict. 1, 32) (илл. 42, 43) мы видим изображение радуги — деталь, украшающую рубенсовские «Пейзажи с радугой», которые были созданы в 1630-е годы и ныне находятся в коллекциях Эрмитажа (илл. 44) и музея Уоллеса в Лондоне. Нередко гравюры Криспина содержат в качестве фона городские пейзажи. На уже упоминавшейся выше илл. 16 кн. 1 мужчины бросают друг другу мяч на фоне уходящей вдаль улицы европейского средневекового города. Реалистически показан средневековый город с его башнями и островерхими крышами, на фоне которого неудачливый мальчик пытается спрятаться от дождя под решетом (b. 1, pict. 20) (илл. 45). Композиция этой гравюры, на которой силуэты городских построек изображены на фоне неба и отделены от зрителя открытым пространством, по всей видимости, луга, напоминает вермееровский «Вид Делфта» (илл. 46). Совершенно очарователен зимний городской пейзаж (b. 3, pict. 19) (илл. 47), изображенный, как и на картине «Охотники на снегу» Питера Брейгеля Старшего (илл. 48), с возвышенной точки. Эмблема Криспина посвящена опасностям скользкого пути, изображенному на ней путнику предстоит пройти по открытому льдом каналу (названному в стихотворном *subscrip-*

tion замерзшим озером). Мотив скольжения невольно заставляет вспомнить сцены катаний на коньках и развлечений на льду, созданные Артом ванн дер Неером (илл. 49).

К началу XVII столетия жанр марины в нидерландском искусстве был уже хорошо разработан и достиг значительных высот в творчестве Яна Порселлиса. Среди созданных Криспином для книг Ролленхагена и заимствованных Уизером гравюр морские пейзажи немногочисленны. Водная стихия, символизирующая жизнь с ее испытаниями, никогда не бывает у него спокойной или пустой, она всегда в волнении, на ней всегда присутствует какое-либо судно. Море и плывущий по его волнам парусный корабль или лодка являются фоном для аллегорической женской (b.1, pict. 4) или мужской фигуры (b.1, pict. 10) (илл. 50, 51). Уверенно управляет своим челном человек, имеющий надежный руль и парус (b.1, pict.13) (илл. 52) и правильно выбравший курс (b. 1, pict. 37) (илл. 53). Носится по воле волн потерпевшая крушение лодка (b. 4. pict. 13) (илл. 17), спасаются на маленьком островке среди бурного моря зимородок и его птенцы (b. 4, pict. 28) (илл. 54).

Сопоставление «Сборника эмблем старинных и современных» с аналогичными книгами его современника и предшественника показывает, что, разрабатывая традиционную тему и используя чужой изобразительный материал (который впитал в себя жанровые искания эпохи), Дж. Уизер сумел ввести в архитектуру книги некоторые элементы, способствовавшие ее художественной целостности. Проведенный анализ, при всей его неполноте, надеемся, убеждает в том, что книги эмблем достойны подробного рассмотрения не только как источники иносказательных образов, к которым активно обращались литература и искусство вплоть до середины XVIII столетия¹, но и как любопытный этап в истории искусства книги.

¹ Морозов А.А., Софронова Л.А. Указ. соч. С. 38.

Н.И. Девятайкина, А.А. Бочкарев

Тема веры и церкви в диалогах Петрарки, эпиграфах и ксилографиях к ним эпохи Реформации*

254 диалога трактата ренессансного гуманиста и поэта Франческо Петрарки «О средствах против всякой судьбы» (1354–1366) не перестают удивлять богатством тематики, эрудицией, глубиной, культурой, актуальностью суждений, любовью к жизни и людям, общественным темпераментом и личными реакциями на многие события прошлого и настоящего, иронией, сатирой, юмором, вписанностью в христианский цивилизационный контекст.

Не меньше трактат удивляет своей счастливой судьбой: многочисленными переводами на европейские языки уже в XV–XVI вв., публикациями, великолепными иллюстрациями, предисловиями, элогиями, жизнеописаниями Петрарки, сочиненными знаменитыми авторами. Немалой долей своей популярности среди немецких читателей трактат обязан Аугсбургу, в котором во времена Реформации имела место особая активность как церковно-религиозной, так и культурной жизни в широком смысле слова, взаимодействие значительного круга образованных лиц не только по поводу творческих вопросов, но и в связи с общественными событиями, а также книгопечатанием. Трактат Петрарки мог попасть в поле зрения типографов Аугсбурга благодаря Себастьяну Бранту, который к тому же мог рекомендовать переводчика с латинского на немецкий язык. Перевод был выполнен Петером Штахелем из Нюрнберга при участии знаменитого ученого и гу-

* Статья подготовлена при финансовом содействии РГНФ пр. № 14-01-00509

маниста Георга Спалатина (1484—1545), который подключился к работе после внезапной смерти Штахеля и довел дело до конца. Кроме того, Брант нашел изумительного иллюминатора и составил для него тематическую «программу» ксилографий, сам успел написать в честь Петрарки красивую элогию для предисловия, а художник за два года успел создать 261 ксилографию (к каждому из диалогов, предисловиям, титульному листу и т.д.). И все это до конца 1521 г., когда из жизни ушел Брант и потерялись следы «Мастера Петрарки». Казалось, еще год и немецкий вариант выйдет из печати.

Но внезапно дело остановилось. Современный немецкий исследователь Ф.Й. Ворстброк пишет, что Штахель и Спалатин пытались воспроизвести оригинальный текст слишком буквально, это сделало перевод неудобочитаемым и малопонятным¹. Однако в другом месте тот же исследователь отмечает, что Штахель и Спалатин следовали гуманистической традиции перевода, требовавшей от переводчика сохранения формулировок и стиля оригинального произведения². Неясно, насколько это обстоятельство могло повлиять на издателей, но к нему добавилось другое: Петрарка был «проектом» двух издателей — Гримма и Вирзунга; в 1522 г. богатый Вирзунг умер и у Гримма дела пошли плохо. В конце 1520-х годов материалы попали к другому издателю, Штайнеру, и он достаточно быстро напечатал текст (1532) в переводе Штахеля—Спалатина. Вскоре выяснилось, что расходится издание плохо.

Тогда издатель, державший в руках истинное сокровище в виде ксилографий «Мастера Петрарки» и ожидавший многих тиражей, нашел нового переводчика из местных интеллектуалов по имени Вигилий (Штефан Вакер, ум. в 1542). Он в 1519—1525 гг. учился в Эрфурте, в 1526 г. получил степень магистра искусств в Виттенберге, в 1531—1540 гг. преподавал в школе Святой Анны в Аугсбурге, т.е. оказался на виду. Личностью он был творческой: переводил библейские тексты («Книгу премудрости Иисуса, сына Сирахова»), писал стихи по разным поводам, в молодости даже выпустил памфлет против астрологии. С переводом очень большого петрарковского трактата (более 800 современных страниц) он справился достаточно быстро. Швейцарский исследователь П. Михель, не вдаваясь подробно в причины неудачи первого перевода, отмеча-

¹ *Worstbrock F.J. Petrarca's «De remediis utriusque fortunae». Textstruktur und frühneuzeitliche deutsche Rezeption // Francesco Petrarca in Deutschland. Seine Wirkung in Literatur, Kunst und Musik. Tübingen, 2006. S. 42.*

² *Ibid. S. 51.*

ет, что текст Вигилия был более легким для чтения¹. Добавим, что перевод, скорее, суть «вариации на тему»: что-то просто пересказано, что-то выброшено, что-то вставлено, что-то переиначено. При этом все сделано ярко, творчески «лихо», предельно актуализировано через вброс современной тематики и т.д.

И здесь был найден еще один удачный «ход»: предварить диалоги Петрарки краткими эпитафиями. К этому делу привлекают преподавателя латинской грамматики, переводчика, священника, поэта Пинитиана (1478–1542). Выбор кандидатуры Пинитиана на роль составителя эпитафий кажется обоснованным: с 1515 по 1540 г. Пинитиан был «самым плодовитым и успешным автором школьных учебников в Южной Германии», при этом характерной особенностью его учебных книг была двуязычность². Можно предположить, что издателя и переводчика привлекли не только поэтические способности Пинитиана³ (большинство своих художественных произведений он создал еще в молодости, задолго до начала работы над эпитафиями к Петрарке), но и его педагогические успехи. Кроме того, переводчик и автор эпитафий стали единомышленниками по вере: Вигилий проявил себя как убежденный лютеранин еще в первой половине 1520-х годов⁴, а Пинитиан окончательно склонился к принятию Реформации к 1529 г.⁵, и это не могло не сказаться на содержании эпитафий. Пинитиану был сделан «заказ»: написать эпитафии к трактату на латинском и немецком языках. Пинитиан создал 254 латинских элегических дистиха, т.е. двустрочных эпитафий, и столько же немецких четверостиший, написанных так называемым книттельферзом (ямбическим или ямбоподобным стихом с парной рифмовкой строк) – распространенным размером немецкой народной поэзии и стихотворной драмы (шванков, шпрухов, фастнахтшпилей)⁶.

¹ Michel P. Transformation und Augmentation bei Petrarca und seinem Meister. http://www.asia-europe.uni-heidelberg.de/fileadmin/Documents/Research_Areas/Research_Project_D/D5_Hidden_Grammars/Petrarcameister.pdf. S.

² Worsbrock F. J. Pinicianus (Kening), Johannes // Deutscher Humanismus 1480–1520. Berlin, 2013. Bd 2. S. 449.

³ В 1530-х годах Вигилий преподавал в школе Святой Анны в Аугсбурге, а Пинитиан, вероятно, содержал собственную латинскую школу. Ф.И. Ворсброк называет Вигилия наиболее доверенным собеседником последних лет жизни Пинитиана (Worsbrock F.J. Pinicianus (Kening), Johannes... S. 449).

⁴ Worsbrock F. J. Petrarca's «De remediis utriusque fortunae»... S. 43.

⁵ Ibid. S. 449.

⁶ Реутин М.Ю. Народная культура Германии: Позднее Средневековье и Возрождение. М., 1996. С. 64, 106, 143.

Что касается трактата, то в новом переводе и с эпиграфами он вышел в 1539 г. в Аугсбурге у типографа Генриха Штайнера¹. Пинитиан создал эпиграфы к Петрарке на двух языках, но издание перевода Вигилия не сопровождалось латинским текстом. Однако хотя латинский текст Петрарки в книге отсутствовал, эпиграфы на обоих языках предваряли *немецкий* перевод диалогов; им сопутствовали ксилографии «Мастера Петрарки». То же самое можно видеть в более поздних франкфуртских изданиях трактата — 1572, 1584, 1604 гг. и других. В сочетании с латинским текстом эпиграфы (латинские) Пинитиана впервые появляются только в изданиях начала XVII в., по одному из которых мы и цитируем в статье.

В предлагаемом материале все эти «истории» будут использованы «локально», более всего в приложении к одному диалогу, названному автором трактата «О религии», который позволяет выявить, как столь жгучую для эпохи Реформации тему «трактует» за 150 лет до нее создатель диалога Петрарка, как интерпретируют ее создатель эпиграфов Пинитиан и творец ксилографий «Мастер Петрарки».

Начнем с Петрарки. Диалог «О религии» входит в состав первой книги трактата; разговор в нем ведут два аллегорических персонажа Радость / Радостный (*Gaudium*) и Разум (*Ratio*). По объему текст совсем небольшой². Радость произносит всего четыре реплики: *Я горжусь совершенным религиозным чувством; Я посвящен в благочестивые священнодействия; Я доволен тем, что я истинно религиозен; Я стал (благодарение Богу) истинно верующим*. Реплики о чувстве гордости и удовлетворения, истинности чувства веры звучат словно некие утверждения в пылу спора. своеобразный вызов. Кому — не очень ясно, поскольку Разум не полемизирует в данном (редком) случае с собеседником, а словно бы «расшифровывает» его заявления в сугубо благочестивом дидактическом ключе, разве слегка укорив за то, что тому «нравится гордиться собой». Пафос ответов-дополнений Разума сводится к общим формулам вроде той, что христианство «лучшая и совершенная религия». Затем он кратко касается добродетелей христианина (смирение, упражнение в вере, благочестие, добрые

¹ Das Glückbuch/ beydes des Güt= | ten vnd Bösen/ darinn leere vnd trost/ weß sich meniglich | hierinn halten soll/ Durch Franciscum Pertarcham vor im latein beschriben/ | vnd yetz grüntlich vertéutscht/ mit schönen Figuren/ Concordantzen/ Register/ | durchauß gezieret/ der gestalt vor nie gesehen [...]. Augsbürg, 1539.

² См.: *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae*. Bern, 1610. P. 71–72 (далее: *Petrarca Fr. De remediis...*).

занятия и пр.). Вторая тема — познание Бога и любовь к Богу в их соотношениях выглядит как некий краткий отклик на споры диалектиков-схоластов: «Недостаточно познать Бога — это доступно и демонам, ненавидящим Его. Нужны еще любовь и почитание, основанные на таких делах, которые, увы! не столь хорошо исполняются людьми, сколь хорошо они знают о них»¹. Акцент Петрарка делает на истинности религиозного чувства.

Совсем кратким кажется ответ на реплику о священнодействиях, заявлено, что только в христианстве они благочестивы. Трижды в рамках короткого текста вспоминается Священное Писание; явно ради привычного культурного обогащения диалога цитируется Лактанций, приводятся высказывания «закоренелых язычников» Гермеса и Асклепия. В целом диалог нельзя отнести к самым ярким текстам трактата, разве что в нем есть какие-то пока не поддавшиеся разгадке подтексты.

Какими же эпиграфами предваряет его Пинитиан? Латинский текст таков:

Orphanos viduasque invisere, spernere mundum —
hac Christo vera religione placet².

*Вдов навещать и сирот, презирать на земле все мирское —
этой религией ты можешь Христу угодить.*

Если мы обратимся к тексту диалога Петрарки, то не найдем в нем ни вдов, ни сирот, ни прямых суждений о презрении ко всему мирскому. Мы встретим лишь словосочетание «истинная религия», но в другом контексте. «Лучшая и единственная совершенная религия, — говорит Разум в ответ на слова Радости, — та, что зиждется на имени Христа и стоит на самом твердом камне; всё остальное — пустое суеверие, заблуждения и неверные пути, ведущие в тартар и к смерти, причем не временной, а вечной»³. И дальше идет развитие данной темы, весьма злободневной во времена Петрарки и, думается, прежде всего, связанной с исламом: тогда мусульманско-турецкий мир заявлял о себе все активнее, до Косова поля оставалось меньше двух десятилетий. Не исключено, что Петрарка мог иметь в виду и какие-то ереси.

¹ См.: *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae*. Bern, 1610. P. 71. Диалоги Петрарки здесь и далее цитируются в переводе Л.М. Лукьяновой.

² Ibid. P. 71. Эпиграф цитируется в переводе Л.М. Лукьяновой.

³ Ibid. P. 71.

Во времена Пинитиана в Германии, насколько известно, «угодность Христу» понималась реформаторами как прямая связь с ним через благочестивые дела по отношению к бедным, общине; такое поведение противопоставлялось «добрым делам» в пользу католической церкви, которые обозначались прежде всего через пожертвования ей. О «своей» религии как истинной и спешит заявить автор эпитафия. Как показывает весь массив его текстов, он будет делать это при каждом удобном поводе.

Эпитафия точно обозначает, какие «добрые занятия» имеет в виду Пинитиан. Он напоминает об одной из главных добродетелей христианина — о презрении к миру, именно такое поведение называет знаком «истинной религии». В двустихии тоже чувствуется полемика, в данном случае мы слышим голос протестанта, в подтексте осуждающего современное состояние католической церкви. Перед нами «переформатирование» смысла, переключение внимания читателя с общих проблем понимания христианства как единственной спасающей религии на актуальные вопросы вершившейся, укоренявшейся Реформации. Такой прием становится одним из главных у Пинитиана.

Еще ярче немецкий вариант эпитафия.

Nustren/ singen/ schreien/ lesen/
Salben/ schmirben/ sollich wesen.
Macht nit fromm/ wilt gaistlich sein/
Lieb Gott/ den armen gib das dein¹.

Перебирать четки, петь, взывать к небу, читать,
Мазать елеем и миром — такие вещи
Не сделают благочестивым. Хочешь быть духовным —
Люби Господа и давай свое бедным.

(Пер. А.А. Бочкарева)

Это четверостишие не противоречит содержанию диалога, но по-иному расставляет акценты и существенно обогащает латинский эпитафия. Петрарку, как было сказано, волнуют вопросы подлинности религиозного чувства («Религия лишь та истинна, которая привязывает тебя к Богу и Бога — к тебе, внушает благочестивым умам смирение и выкорчевывает высокомерие»²), его чистоты и устойчивости («Храни же свою веру от заблуждений, от небрежения, от прегрешений»), способности к смирению.

¹ Das Glückbuch/ beydes des Güt= | ten vnd Bösen/... Buch I, Bl. IX.

² Petrarca Fr. De remediis... P. 72.

Диалог содержит отвлеченные суждения, Пинитиан в эпитафиях предлагает конкретную программу действий, указывая, *что именно* делает человека благочестивым, а что для этого бесполезно. Русский перевод не позволил точно передать лаконичность и выразительность стиха, поскольку у Пинитиана каждое «бесполезное» действие выражено глаголом: *nustren* (перебирать четки), *singen* (петь), *shreien* (взывать к небу), *lesen* (читать), *salben* и *schmirben* (синонимичные глаголы для обозначения процесса намазывания, помазания). Показательна двусмысленность, неоднозначность использованных глаголов: если глаголы «*lesen*» и «*singen*» нейтральны, то «*schmirben*» имеет значение «мазать, пачкать», а глагол «*schreien*», переведенный нами как «взывать к небу», можно перевести и просто как «вопить». Когда Пинитиан говорит о благочестивом обращении к Господу, он прибегает к глаголу «*ruffen*», который имеет схожее значение («кричать, призывать, взывать»), но иную стилистическую окраску как для латинских, так и для немецких вариантов эпитафий.

Явно сквозящее в эпитафии негативное отношение к традиционно-католическим формам благочестия имеет вполне протестантскую природу, а приводимый Пинитианом список «вещей, которые не сделают благочестивыми», вообще можно принять за цитату из Мартина Лютера. Приведем для сравнения отрывок из проповеди Лютера, прочитанной в начале 1520-х годов: «Опасность и заблуждение человеческих законов, орденов, сект, обетов и тому подобного совершенно очевидны. Ибо все эти вещи — не благодать; они суть чистые дела, которые своим обманчивым видом вводят весь мир в заблуждение, скорбь и бедствия. Под их влиянием мир забывает благодать и веру и ищет благочестия и счастья в этих заблуждениях»¹.

«Альтернатива», предлагаемая читателю автором эпитафия, тоже соответствует духу лютеранства. Отстаивая приоритет благодати перед благими деяниями в деле спасения, Лютер в то же время не отрицал необходимости добрых дел. По словам исследователя реформационного богословия А. Макграта, «Лютер рассматривает добрые дела как естественный результат оправданности, а не как причину оправдания... Верующий творит добрые дела в знак благодарности Богу за прощение, а не пытаясь

¹ Проповедь, прочитанная Мартином Лютером в канун Рождества Христова (Послание к Титу 2:11–15). Из церковной постиллы 1522 г. / Пер. с нем. Е. Терехина. <http://www.lhf.ru/np/sermon10.htm>

заставить Бога простить его»¹. Отметим, что во второй половине эпиграфа, возможно, нашла отражение и концепция всеобщего священства. В обороте «wilt gaistlich sein» («хочешь быть духовным») слово «gaistlich» может быть понято и как «обладающий духовностью», и как «духовное лицо».

Не слишком почтительная лексика эпиграфа Пинитиана хорошо сочетается с ксилографией «Мастера Петрарки» к этому диалогу (илл. 1). Она разделена на два плана — верхний и нижний, передний. На переднем изображена развернутая в три четверти фигура сидящего в богатом кресле священника, возможно, папы римского, с огромными четками, свисающими с шеи до земли. Персонаж одет в пышное меховое одеяние, которое изящно перетекает в фигуру огромного кота. Голова кота словно просунута в камилавку. Словом, на большую толпу людей смотрит молодой усатый кот в шапке священника, чем-то неуловимо напоминающей шутовскую. Его верхняя лапа — на четках, нижняя стоит на колене персонажа, длинный пышный хвост свисает до земли. Перед ним в полупоклоне стоит монах, воздев руки; на них — четки, на поясе — кошель. В самом центре ксилографии еще две фигуры в богатых одеждах с горностаевой подбивкой и с четками, вокруг — женщины, толпа. Она ждет чего-то от священника-кота, взволнованна, он же будто насмешливо улыбается в усы, и все.

Кстати, кот-священник сидит спиной к двум персонажам «верхнего регистра». Там, справа от зрителя, на облаке видна часть фигуры апостола Петра с огромными ключами в руке; он передает эти ключи стоящему также на облаке и на коленях святому, очевидно, преемнику. Никто из толпы не смотрит на них. Взоры обращены только на кота-священника.

«Мастер Петрарки» выразил собственное настроение: ранняя церковь и современное католичество отделены друг от друга, как земля и небо; ее устои и заветы забыты, в чести «жирные коты». формальное отправление культа, богатство; «орудие» церкви — монахи, собирающие в свои бездонные кошельки деньги с верующих за обещания царствия небесного.

Средневековая иконография при изображении кота намекала на лень, похоть, обман, тьму, злобу; современник «Мастера Петрарки» Босх — прямо на дьявола. Если эти же символы имел в виду автор ксилографии, то сатира становится еще мощнее. Художник и в других ксилографиях обрушивает на духовенство много сатирической критики. При этом его художественный

¹ *Макграт А.* Богословская мысль Реформации / Пер. с англ. В.В. Петлюченко. Одесса, 1994. С. 130.

нарратив отмечен диалогичностью зеркального «порядка»: оппоненты Разума в их действиях сатирически представлены крупно и на первом плане, Разум с его резонами мелко и на втором плане.

Объем статьи не дает возможности развернуто проанализировать все ксилографии «Мастера Петрарки» и эпитафии Пинитиана, связанные с религиозно-церковной тематикой, это дело большого монографического исследования. Поэтому лишь обозначим главные моменты, относящиеся к теме. При анализе содержания не только данных, но и большинства других эпитафий Пинитиана, в первую очередь, обращает на себя внимание исключительная сосредоточенность автора на религиозной проблематике. Разумеется, апелляции к христианским добродетелям часты и в диалогах Петрарки, однако у Пинитиана они затмевают, подчиняют себе и отодвигают на задний план любые другие средства против превратностей судьбы.

Понятия, связанные с религией, встречаются в немецких вариантах эпитафий чаще, чем в латинских, и гораздо чаще, чем в диалогах самого Петрарки. У Пинитиана в немецких эпитафиях Бог (Gott/Got, иногда Christus, если речь идет именно о Боге Сыне) упоминается 42 раза, то есть примерно в каждом шестом эпитафии. Еще пять раз Бог упоминается иносказательно, в выражениях «наш Отец», «тот, от кого происходит вся мудрость» и т.п. Упоминание души (seel) присутствует в 19 эпитафиях, добродетели (tugent/tugend) — в 15, благочестия (frummkait и прилагательное fromm/frumm — «благочестивый») — в 14. О небесах (hymmel/humel/himel) Пинитиан находит случай вспомнить восемь раз, при этом в светском значении слово встречается у него лишь однажды («Кто видит солнце, и луну, и красоту неба»). Благочестивое поведение, смирение, обращение к Богу для Пинитиана — рецепты едва ли не для любой жизненной ситуации. Бог — единственная надежда в человеческой жизни: «На одного Бога истинная надежда» (диалог «О неопределенном положении»), «Постоянно устремляй свои надежды к Богу» (диалог «О многочисленных надеждах»). Цель жизни находится за ее пределами: «Напрасно вы роете землю в поисках сокровищ. / Ищите сокровище, которое на небе» (диалог «О найденном сокровище»). Обращения Пинитиана к читателю часто оказываются либо призывом к добродетельному поведению («избери добродетель», «обратись к добродетели»), либо советом уповать на Бога в случае непреодолимых обстоятельств: «Пытайся спастись и взывай к Господу» («О гражданской войне»).

Если обратиться к противоположной теме, то грех (sünd) и порок (laster) упоминаются в десяти и четырех эпитафиях соответ-

ственно, значительно реже, чем, например, добродетель или благочестие. Время от времени речь идет и о чёрте (Teüffel, восемь раз), причем он, как правило, фигурирует в качестве источника, причины какого-либо зла/греха. Так, черт «изобрел игру в кости» («О неудачной игре в кости»), «выдумал танец и этим умножил зло» («О плясках»), черт — «всех грехов отец» («О ростовщичестве»), от него «происходит гордыня» («О гордыне»).

Пинитиан цитирует Священное Писание, в эпитафиях упоминаются персонажи Ветхого и Нового Завета, однако на *Священное Предание* немецкий автор не обращает внимания. Петрарка в диалогах часто цитирует Блаженного Августина, его учителя Амвросия Медиоланского, Иеронима Стридонского, Лактанция, но эти отсылки не «перекочевывают» в эпитафии. У Пинитиана легче встретить античную аллюзию, чем цитату из Отцов Церкви. Такое невнимание немецкого автора к Священному Преданию в сочетании с обостренным интересом к религиозной проблематике в целом может свидетельствовать о влиянии протестантского принципа *sola scriptura* — достаточности Священного Писания как единственного богодухновенного источника вероучения.

Лексика эпитафий позволяет обогатить представление о немецком авторе. Он говорит о «Божьем духе», «праведниках», надеждах «лишь на Христа», «зле и заразе Рима» и пр., что явно выдает реформаторские настроения и терминологию. Еще более точно обозначаются лютеранские тезисы в строках вроде «крепко надеюсь всегда только на Бога Христа». В подтексте подразумевается, что человек спасается только верой, а не добрыми делами, и ожидать спасения может только от Христа, а не от католической церкви. Стих вновь «вбрасывает» новые смыслы, двет немецкоязычному читателю узнаваемый «ключ». Одновременно — убеждает культурным авторитетом европейски известного поэта и гуманиста: получается, что он уже полтора века назад обозначал в своих диалогах важные для времени Реформации проблемы.

Все это позволяет заключить, что для Пинитиана Петрарка был в первую очередь «правдивым богословом», как назвал его в своем предисловии переводчик диалогов Вигилий. Трактат Петрарки, опосредованный восприятием переводчика и автора эпитафий, превращается из морально-философского в религиозно-дидактический, в каком-то смысле даже в религиозно-пропагандистский, благодаря выраженной реформаторской ориентации. Подобная трансформация вполне соответствует культурным приоритетам «основоположников» протестантизма и требованиям, которые они предъявляли к литературе. По выражению Филиппа Мелан-

хтона, «поэзия, подобно музыке, была первоначально дарована людям ради укрепления веры, и так как поэтическая одаренность бесспорно является небесным даром, то обязанность поэтов — применять эту способность в первую очередь к прославлению божественных дел»¹.

Если истолковать этот манифест на примере истории издания трактата Петрарки, то, как было показано выше, содержание диалога закреплялось в сознании читателя с помощью короткого запоминающегося стихотворения и зрительного образа. Эта триединая схема (эпиграф + ксилография + текст диалога) оказалась очень устойчивой и раз за разом воспроизводилась в немецких изданиях диалогов в XVI—XVII вв. Ф.Й. Ворстброк² и П. Михель³ обращают внимание на близость этого композиционного решения к дидактическому жанру эмблемы, популярному в ренессансном и барочном искусстве⁴. Дидактическая составляющая эпиграфов выражена очень сильно; Пинитиан использует самые разные способы, чтобы сделать содержание трактата простым, недвусмысленным, запоминающимся читателю. В ход идут распространенный, простой для восприятия стихотворный размер, общеизвестные народные мудрости, многочисленные повторы и клишированные обороты. Изысканный стиль Петрарки упрощается, абстрактные рассуждения переводятся на конкретный уровень, насыщаются реалиями, типичными для места и времени прочтения.

В немецких эпиграфах Пинитиана воплощается стремление не пересказать, а переосмыслить тексты Петрарки, выбрать из них то, что кажется наиболее актуальным и важным, и даже дополнить собственными рассуждениями. Пинитиан сознательно сужает идейный смысл трактата, превращая трактат «О средствах против превратностей судьбы» в пособие по христианской жизни, проникнутое духом протестантского благочестия.

По мнению Ф.Й. Ворстброка, эпиграфы Пинитиана стали конституирующим фактором предпринятой Вигилием попытки дидактической презентации трактата Петрарки⁵. Первый пере-

¹ Цит. по: Пуришев Б.И., Жирмунский В.М. и др. История немецкой литературы. М., 1962. Т. 1. С. 305.

² Worstbrock F.J. Petrarca's «De remediis utriusque fortunae»... S. 50—51.

³ Michel P. Op. cit. S. 5—6.

⁴ М.Н. Соколов определяет эмблему как «символически-нравоучительную картинку с кратким девизом и более подробным разъяснительным текстом, часто стихотворным» (Соколов М.Н. Мистерия соседства. К метаморфологии искусства Возрождения. М., 1999. С. 145).

⁵ Worstbrock F.J. Pinicianus (Kening), Johannes... S. 454.

вод Штахеля и Спалатина не был адаптирован в самом широком смысле этого слова — он отражал оригинал, но не отражал реальность, в которой жили его потенциальные читатели, не предлагал программы действий, непосредственно соотносящейся с актуальной общественной и религиозной ситуацией. Такой «буквальный» Петрарка оказался не востребован читающей публикой.

Проект же Вигилия и Пинитиана, — представивших, повторим, читателю сочинение «правдивого богослова» Петрарки, — уже в большей степени лютеранский, чем гуманистический, ждал долгий и стабильный успех: до 1620 г. перевод Вигилия с эпиграфами Пинитиана переиздавался девять раз, т.е. чаще, чем раз в десятилетие.

Что касается собственно эпиграфов как факта литературы, перед нами во всех случаях наполненный и заверченный фрагмент текста, самостоятельное речевое произведение, текст культуры, насыщенный социально-религиозным содержанием. Эпиграф стоит перед основным текстом произведения, т.е. позиционно выделен. Уже этим самым он активно влияет на текст. Эпиграф, одновременно принадлежащий двум контекстам, активно формирует особый тип восприятия, подталкивает читателя к освоению художественной структуры под определенным углом зрения. Он выдает взгляд из «окна» иного по духу времени, в сугубо протестантском формате.

По типу рассмотренные нами эпиграфы классифицируются как «добавленные» (в отличие от авторских). Они во многом «уводят» читателя из мира идей и реалий XIV в., или, по крайней мере, сталкивают их с тем миром и временем, активно вводят неавторскую точку зрения, которая «задвигает» диалог. Они заставляют читателя одновременно озирая два, по словам Б.М. Гаспарова, «духовных ландшафта», погружают в две разные духовные среды.

Самый важный современный исследовательский тезис: все творчество Петрарки *в совокупности* определило «конфигурацию Возрождения как типа культуры» (М.Л. Андреев). Публикуемые эпиграфы и ксилографии позволяют добавить, что трактат может претендовать на значительное место в этой конфигурации еще и как *перекресток*, на котором сошлись Ренессанс и Реформация. Италия и Германия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Франческо Петрарка

Диалог «О религии» (I, 13) из трактата «О средствах против превратностей судьбы»

Пер. с лат. Л.М. Лукьяновой

Радость. Я горжусь совершенным религиозным чувством. Разум. Есть только одна лучшая и совершенная религия — та, что зиждется на имени Христа и стоит на самом твердом камне¹; все остальное — пустое суевение, заблуждения и неверные пути, ведущие в тартар² и к смерти, причем не временной, а вечной. Как ты думаешь, сколько великих мужей, исповедующих истинную религию, терпели горькую нужду, но во всех прочих делах были исполнены величия? Но и у них есть то, что они могли бы вечно оплакивать, а у тебя есть то, чем ты мог бы гордиться и чему ты мог бы радоваться, пусть даже эта радость относится не к тебе, а к тому, кто счел достойным предпочесть тебя предкам в высшем деле. Ничего больше, ничего лучше ты не мог бы получить в этой жизни. Меня не затруднило бы подробнее поговорить об этом, если бы сама сущность его не была известной почти всем из божественного откровения.

Радость. Я посвящен в благочестивые священнодействия.

Разум. Благочестивы лишь священнодействия христианской религии, священнодействия всех прочих — беснования и нечестивые обряды. Однако недостаточно быть просто посвященным, для благочестивой души гораздо важнее, чем ты думаешь, сладостная возможность проводить время в молитве. Недостаточно познать Бога — это доступно и демонам, ненавидящим Его. Нужны еще

¹ Имеются в виду слова Христа, обращенные к апостолу Петру: «Ты — Петр, и на сем камне я создам церковь мою» (Евангелие от Матфея, XVI, 18). Петр по-гречески означает «камень».

² Тартар, мрачная бездна в глубине земли, считавшаяся у древних нижней частью преисподней.

любовь и почитание, основанные на таких делах, которые, увы! не столь хорошо исполняются людьми, сколь хорошо они знают о них.

Радость. Я доволен тем, что я истинно религиозен.

Разум. Тебе нравится гордиться собой. А религия лишь та истинна, которая привязывает тебя к Богу и Бога — к тебе, внушает благочестивым умам смирение и выкорчевывает высокомерие. Радоваться допустимо, но так, чтобы, насколько ты весел и насколько набожен, настолько ты был смиреннее и больше тяготел к добрым занятиям, вознося благодарность Тому, Кто указал тебе прямой путь из этой смертной жизни к жизни вечной.

Радость. Я стал (благодарение Богу) истинно верующим.

Разум. Хорошо сказано: «благодарение Богу». Храни же свою веру от заблуждений, от небрежения, от прегрешений и так ее храни, и так следуй ей, и так упражняй ее в себе, чтобы с достоинством завершить тему, на которую мы только что спорили. Ибо сказано в Писании: «Благочестие есть мудрость»¹ и в другом месте: «Начало премудрости страх Господень»².

Об этом не молчат и среди непосвященных, о чем упоминает во второй книге «Установлений» Лактанций. Он пишет: «Гермес утверждает, что познавшие Бога защищены не только от козней демонов, но и от злого рока». «Единственная стража, — говорит он, — благочестие. Ибо благочестивый человек неподвластен ни самому худшему демону, ни року. Господь освобождает благочестивого от всякого зла. Ведь благочестие — одно-единственное благо для людей»³. В другом месте Лактанций определяет благочестие такими словами: «Благочестие — познание Бога»⁴. Он утверждает, что эту мысль шире раскрыл в какой-то своей речи Асклепий. Ты видишь, как два самых закоренелых язычника пытаются познать вашу истину: сила правды такова, что часто срывается даже с языка врагов.

Перевод осуществлен по изданию:

Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae. Bern, 1610. P. 71–72.

¹ Книга Иова, 28, 28.

² Книга Сираха, I, 16.

³ Лактанций. Божественные установления, II, 15, 6. (Гермес Трисмегист, вымышленный автор философского учения; герметические книги созданы, скорее всего, в III в. н.э.).

⁴ Там же: II, 15, 6.

О.Э. Новикова

Страсти по отечеству против твердости духа: Юст Липсий и утешение стоицизмом в эпоху религиозных войн

*С глубочайшей благодарностью В.М. Володарскому —
научному руководителю и любимому наставнику*

Нидерландский гуманист Юст Липсий (Justus Lipsius, 1547–1606) был выдающимся ученым своей эпохи. Хотя его имя известно сегодня лишь исследователям, в свое время он был одной из наиболее ярких «звезд» на небосклоне республики ученых. Его образцовые издания Тацита и Сенеки внесли значительный вклад в развитие филологии, а антикварные исследования, посвященные Древнему миру, в особенности Риму и римской армии, не только сыграли важную роль в становлении исторической науки, но и дали материал для конкретных заимствований из римского опыта в новую эпоху. Липсий исследовал и популяризовал стоическую философию. В трактате «Политика» он предложил универсальную надконфессиональную политическую систему, связывающую воедино принципы этики и государственного интереса. В настоящее время Липсия считают не только величайшим гуманистом Нидерландов после Эразма, но и одним из влиятельных философов и политических теоретиков XVI–XVII вв¹.

Неостоический трактат «О Постоянстве в дни общественных бедствий» («De Constantia in publicis malis») вышел в свет в 1584 г. «Я многое написал для других, — сообщает Липсий в предисловии к читателю, — но эту книгу главным образом для самого себя: то ради славы, а это ради блага». Парадоксально, но именно это сочинение, созданное Липсием в результате внутренней потребности, стало самой популярной из его работ. До XVIII в. книга выдержала более восьмидесяти изданий и была переведена на семь языков.

¹ О биографии Липсия и его этико-политических идеях см.: Новикова О. Политика и этика в эпоху религиозных войн: Юст Липсий (1547–1606). М., 2005.

Предваряя возможную критику в легковесном перепеве древних, автор так определяет своеобразие своего философского дискурса: «Я стремился дать утешение в общественных бедствиях: кто делал это до меня? Пусть [критики] посмотрят на содержание, способ аргументации и порядок моего сочинения, и им придется это признать». В философии Липсий видит целительную силу и «инструмент жизни». Он противопоставляет свой подход «толпе философствующих», занятых теоретическими хитросплетениями и игрой ума, но оставляющих в стороне этику и практическую сторону философии, в которых и сосредоточен для Липсия главный ее смысл.

Трактат написан в форме диалога. Его действие возвращает Липсия, к тому времени знаменитого лейденского профессора, на двенадцать лет назад, в июнь 1572 г. Липсию двадцать три года; издание Тацита, снискавшее гуманисту широкое признание, выйдет через два года. Молодой ученый покидает родину, спасаясь от войн и раздоров в родных Нидерландах. Это время террора Альбы, а в соседней Франции через два месяца грянет Варфоломеевская ночь. Липсий направляется в Вену¹ и по дороге останавливается в Льеже у каноника Карла Лангиуса².

Лангиус гостеприимно встречает Липсия и расспрашивает о причинах его поездки. В ответ на это молодой человек раздражается страстной и негодующей речью о том, что покинуть родину его вынуждают волнения и «наглость наместников и солдат», что беспорядки и гром орудий мешают ему предаваться мирным ученым занятиям³.

Отметим, что Липсий не был религиозным диссидентом или открытым сторонником повстанцев и на тот момент еще не имел причин опасаться репрессий. В Вене он надеялся через друзей найти хорошее место при дворе императора Максимилиана II, где царила атмосфера религиозной терпимости. Война, религиозный раскол и жестокий режим Альбы в Нидерландах не способство-

¹ В действительности путешествие Липсия в Вену имело место в конце 1571 – начале 1572 г. (см. примечания к переводу первой главы трактата).

² Карл де Ланге (ум. 1573), сын секретаря Карла V и Филиппа II, обучался в Лувене, получил степень доктора права в Италии, затем принял сан и обосновался в Льеже, где стал каноником главной церкви. Поэт занимался гуманистическими изысканиями и обладал превосходным собранием греческих и латинских рукописей. Лангиус был известен также как страстный садовод и выписывал цветы и другие растения из далеких стран, в том числе из Нового Света.

³ De Constantia. I, 1.

вали академической свободе, о которой мечтал молодой ученый. Так, в 1570 г. Липсий не смог поехать в Париж, чтобы продолжить там образование, поскольку эдикт Альбы запрещал нидерландцам учебу за пределами державы Филиппа II. Решение Липсия отправиться в Вену — это не бегство в чистом виде. Но, несомненно, молодого гуманиста пугали война и атмосфера насилия на родине¹. Представитель, выражаясь современным языком, «креативного класса», в поисках нормальных условий для работы и жизни он предпочел покинуть свою нестабильную страну — и при этом продолжал переживать о ней.

В момент написания и выхода книги политическая ситуация в Нидерландах или Европе отнюдь не стала менее драматичной. Джон Селларс называет целью трактата философскую «психотерапию», попытку Липсия разобраться с собственными духовными вопросами². Очевидно, потребность в рациональном утешении испытывали в ту эпоху многие, что и сделало трактат столь востребованным у читателей. Именно «De Constantia» была настольной книгой Яна Амоса Коменского в 1628 г., в разгар тяжелых жизненных коллизий, когда он вынужден был бежать от религиозных гонений на своей родине. Коменский держал трактат Липсия при себе и читал его на ночь, а однажды весь день перечитывал в поисках утешения³.

«О Постоянстве» — диалог последовательного «обращения» молодого Липсия старшим наставником в стоическую доктрину⁴. В условиях внешних и гражданских войн, религиозного раскола и тирании человек ищет убежища от превратностей судьбы. Мудрый Лангиус убеждает собеседника в том, что его бегство малодушно и не принесет ему желанного покоя: ведь нельзя убежать от самого себя. Единственное подлинное убежище человека,

¹ Кроме того, Липсий тогда мог опасаться преследования за любовную связь с его будущей женой Анной фан дер Калстере, в то время супругой его домовладельца, торговца сукном. Вскоре Анна овдовела, и пара поженилась летом 1573 г.

² Sellars J. Justus Lipsius's *De Constantia*: A Stoic Spiritual Exercise. *Poetics Today*. 28, 3. Fall 2007.

³ Впрочем, рациональных доводов стоицизма Коменскому оказалось недостаточно: ему пришлось встать с кровати и раскрыть Библию, см.: J.A. Komenského *Korrespondence*. Praha, 1892. P. 235. Цит. по: Forster L. Lipsius and Renaissance Neostoicism. *Festschrift für Ralph Farrell* / Ed. A. Stephens, H.L. Rogers, B. Coghlan. Bern; Frankfurt am Main; Las Vegas, 1977. P. 206.

⁴ Тридцатилетний Липсий был еще слишком молод для роли мудрого сурового философа. Лангиус же, будучи старше Липсия примерно на четверть века, прекрасно подходил для нее. Тот факт, что он давно скончался и проверить его воззрения невозможно, позволяло Липсию прятаться за его спину в опасных дискуссионных вопросах, например, о роли Фатума.

учил он, заключено в нем самом. Это мудрость и «постоянство»: «Разумная и неподвижная сила духа, которую не может ни увлечь, ни подавить внешнее или случайное»¹. Ее дают понимание закона Вселенной и сознательное его приятие. Эти подобающие достойному человеку качества не даны нам в готовом виде, а обретаются через самопознание (порой болезненное) и дисциплину ума и чувств.

Твердому разуму мешают наши превратные представления о добре и зле. В богатстве, славе, здоровье и власти принято видеть благо; в бедности же, болезни, позоре и смерти — зло. Внешние факторы сами по себе ни хороши, ни плохи, поскольку благо есть категория этическая. Для стойка благом является добродетель, а она для человека в том, чтобы следовать своей разумной природе. Трезвому рассудку мешает ложное и ненадежное мнение, проистекающее из порожденных нашей телесной природой аффектов, эмоций.

Война, голод, чума, тирания — все это «ложное зло» в его общественном проявлении. Подобные бедствия порождают специфические аффекты и заблуждения. Они особенно опасны тем, что «мы часто не признаем и не ощущаем, как из них вырастает в душе болезнь»². Если человек предается скорби по личным причинам, в этом могут увидеть проявление слабости, скорбью же о делах общественных принято гордиться и вменять ее себе в похвалу: «Это зовется Любовью к родине (*Pietas*) и Сочувствием (*Miseratio*), и далеко ли до того, что эту всеобщую Горячку причислят к добродетелям и, более того, обоготворят как нечто священное?»³ Под личной этих благородных чувств скрываются, с точки зрения стойка. Лицемерие, ложное Благодетельство и внешнее Сочувствие⁴.

Лицемерие (*Simulatio*) состоит в том, что люди, даже сами того не осознавая, под видом общественных бед оплакивают собственные страхи и потери. Более того, существует некое «присущее человеческому нраву злое качество» — если несчастье происходит с другими, то ощущение собственной безопасности бывает сродни радости. И даже найдется немало таких, кто «будет жадно тешить взор зрелищем кровавой бани». Лангиус убеждает Липсия, что «скорбь о собственных бедствиях подлинна и идет от сердца, о бедствиях же общественных мы скорбим на словах, потому что так принято»⁵.

¹ De Constantia. IV, 1.

² Ibid. I, 7.

³ Ibid.

⁴ Ibid. 8.

⁵ Ibid. 9.

Липсий оскорблен словами Лангиуса, будто его скорбь об отечестве по сути притворна. Он переживает о родине, даже будучи в полной безопасности, «ведь она приняла меня в этот мир, взлелеяла и вскормила и является, по общему согласию народов, священной и древнейшей родительницей»¹. Стоик предлагает осознать, что подлинное отечество каждого человека — это «весь мир, где только живут люди»². Пусть так, полагает Липсий, но кроме него есть еще отечество «более конкретное и особое, к которому привязывают меня некие тайные узы природы»³. Родные места обладают для любого особой притягательностью: нас связывают с ними чувства и воспоминания, узы родства и дружбы. Любовь к малой родине идет от самой природы, ведь и животные привязаны к своим местам обитания.

Лангиус не отвергает любви к малой родине, но считает важным держать эти чувства в разумных пределах. «Страстная любовь» к родине, по мнению стоика, представляет собой «тяжкую болезнь» духа⁴. В противовес тезису о естественной природе этой любви он указывает на то, что патриотический аффект возникает «через обычай и общественное установление»⁵. Государство, страна, отечество, обычай и закон появились в результате сотрудничества, соучастия людей в различных делах: «Отсюда происходит, что мы наслаждаемся преимуществами своего Отечества, печалимся об ущербе для него: ведь если оно в безопасности, то в безопасности и наше достояние, гибнущее с его гибелью»⁶. Будь патриотизм естественным чувством, заявляет Лангиус, он был бы присущ людям независимо от их социального статуса и благосостояния. Однако же «знатные и богатые больше любят отечество и радеют о нем, а простонародье и бедняки заняты по большей части собственными заботами, оставляя общественные без внимания». Множество людей покидают отечество: среди причин тут и экономическая выгода, и честолюбие, и любовь, но уже то, что столько страстей легко перевешивают узы привязанности к родине, свидетельствует, по словам стоика, о том, что «узы эти внешние и мнимые». Понятие Благочестия нельзя применять к этим эмоциям, но следует прибегнуть для Бога и родителей. Отечество же гражданину и до-

¹ De Constantia. IV, 1. 10.

² Ibid. 9.

³ Ibid. 10.

⁴ Ibid. 7.

⁵ Ibid. 11.

⁶ Ibid.

стойному мужу подобает любить и защищать, даже умереть за него, а не предаваться жалобам о нем¹.

Персонаж Липсия готов умерить свой аффект в отношении родины, но не в отношении страдающих сограждан. Ведь сочувствие это «добродетель для хороших людей, в особенности, для нас, воспитанных в истинной вере и благочестии»². Лангиус однако, видит в пустом сопереживании очередной аффект. Он четко разделяет эмоциональное сочувствие и действенное милосердие. Мудрый человек, по его убеждению, «утешать будет твердо, а помогать щедро; на деле будет добрее, чем на словах, и скорее подаст бедному и нуждающемуся руку помощи, нежели слова». При этом он будет избегать охов и ахов и излишней сентиментальности, подрывающих ясность и твердость духа³.

Разгромив все три препятствующих Постоянству аффекта, Лангиус переходит к необходимости осознания конечных причин и сути общественных бедствий. Его тезисы таковы: во-первых, подобные бедствия имеют причиной божественное провидение. Во-вторых, они проистекают от Необходимости и Фатума, т.е. неизбежны. В-третьих, они, в конце концов, оказываются полезны, и, в-четвертых, нынешние бедствия нельзя назвать ни чрезмерными, ни новыми⁴.

По словам Лангиуса, «сам глас природы вопиет [...], что над нами есть нечто, что сотворило и создало все столь удивительное, великое и многое». Этот «вечный свет» повсюду простирает свои лучи и пронизывает весь мир. Это «некий вечный разум, который мы зовем Богом и который управляет, руководит и правит постоянным движением небес, ходом бесчисленных звезд, взаимным превращением стихий и, наконец, всеми делами небесными и земными»⁵. Провидение же (Providentia) есть «имеющаяся у Бога власть и сила все видеть, знать и всем править»⁶.

«Этому миру с начала времен положен вечный закон рождаться и умирать, появляться и исчезать»⁷ — таков порядок вещей. Необходимость (Necessitas)⁸. Стоик поясняет, что Необходимость бывает двух видов: некая сила, заложенная в самих вещах, застав-

¹ De Constantia. IV, 12.

² Ibid. 12.

³ Ibid.

⁴ Ibid. 13.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. 19.

⁷ Ibid. 16.

⁸ Ibid. 15.

ляющая их меняться и погибать¹, и Необходимость, исходящая от Фатума². Фатум он называет «божественным приказанием и повелением» и определяет словами Джованни Пико делла Мирандолы как «ряд и порядок причин, зависящий от божественного замысла»³.

Люди зависят от Фатума, но Лангиус оставляет за индивидом свободу воли. Бог провидит выбор человека, но не принуждает его, знает, но не препятствует ему, предсказывает, но не предписывает⁴. Парадокс ответственности человека за свои поступки в условиях предопределения объясняется так: «Ты грешешь по необходимости, но при этом по своей воле. Ибо [Бог] провидел то, что ты можешь грешить таким образом, который он провидел. Он же провидел, чтобы ты грешил свободно: поэтому ты грешешь свободно по необходимости»⁵.

В мире происходит постоянное движение, круговорот. Преходящи небеса и стихии, то же относится к городам и целым странам. Роптать на неизбежное нет смысла (и было бы неблагочестивым по отношению к Провидению). Следует осознанно принять его⁶. Значит ли это, что надо сидеть сложа руки и пассивно взирая на происходящее? Разумеется, нет! Мы не можем знать наверняка, суждено ли нашему отечеству погибнуть: надежда есть всегда. Однако когда становится очевидным, что борьба не имеет больше смысла, правильным будет просто сберечь себя для лучших времен. Не стоит впадать в отчаянье и зря мучить себя: свобода когда-нибудь может вернуться, а отечество возродиться. Слезам же пожар в Нидерландах не погасишь. Этим разговором завершается первый день диалога и первая книга трактата⁷.

На следующий день разговор Липсия и Лангиуса продолжается в чудесном саду Лангиуса на берегу Мааса. Саду посвящены три главы книги. Липсий восторгается красотой сада, необычайными красками цветов и вспоминает сады знаменитых героев мифоло-

¹ De Constantia. IV, I. 16.

² Ibid. 17.

³ Ibid. 19.

⁴ Ibid. 20.

⁵ Ibid. Подробнее о проблематике Фатума и Предопределения у Липсия, а также о реакции на его идеи в различных религиозных лагерях см.: Новикова О. Политика и этика в эпоху религиозных войн: Юст Липсий. С. 105–114. О проблеме христианского или, напротив, внерелигиозного стоицизма Липсия см.: Там же. С. 134–143.

⁶ Ibid. I, 14–17, 21.

⁷ Ibid. 22.

гии и древних царей¹. Лангиус же указывает ему на то, что он упустил главное. Изысканные краски и экзотические растения часто лишь глупая прихоть, и для многих сад служит прибежищем лени и праздности. В действительности же сад достоин похвалы как идеальное место для поэтов, ученых, философов, как оазис для спокойного размышления, уединения, чтения и письма, глубокого общения с самим собой. Здесь можно сбросить оковы повседневных забот, забыть про политику и подумать о вечном². Это пристанище Мудрости.

Липсий настойчиво просит продолжить вчерашний разговор, и Лангиус переходит к тезису, согласно которому общественные бедствия в конечном счете несут в себе пользу. В них следует видеть горькие, но полезные лекарства для народов³.

Стихийные бедствия вроде неурожая, землетрясений или наводнений проще связать с волей провидения. Но то же относится и к бедствиям, происходящим через посредство человеческих страстей и злодеяний. Провидение использует тиранов и прочих преступников как орудие (что не отменяет их ответственности за свои дела) и в конечном счете обращает зло во благо⁴. Целью бедствий могут быть испытание, очищение или наказание народов ради их же блага. Испытания делают сильнее, подобно тренировке атлета. Как любящий отец, Бог не портит своих детей, потакая их прихотям, но закаляет их строгостью⁵.

Очистительные бедствия отнимают у народов лишь внешние блага. Нет смысла жаловаться на горькие пилюли, ведь «небесный врач» каждому дает те лекарства, какие ему требуются. Так, нынешние несчастья «белгов» Лангиус объясняет необходимостью их очищения от порока: «[Бог] отнял у нас имущество потому, что мы употребили его на роскошь; свободу — оттого, что мы злоупотребили ею ради своеволия»⁶.

Народы имеют тот тип правления, который соответствует их характеру. Например, «чрезмерную деятельность» и живость натуры тосканцев Бог «сдерживает монархом», швейцарцам с их спокойствием и мягкостью «попускает свободу», а венецианцам, чей характер находится где-то между ними, дает

¹ De Constantia. IV, 1. II, 1–2.

² Ibid. 3.

³ Ibid. 6.

⁴ Ibid. 7.

⁵ Ibid. 8.

⁶ Ibid. 9.

«средний тип правления». Изменяются их качества — изменится и режим¹.

Лангиус не ограничивается объяснением бедствий через воспитание народов, но добавляет и новый аргумент: «сохранение и развитие (*conservatio sive cultus*)» божьего творения в его целостности².

В природе существует равновесие, и все стихии имеют свои границы. Бесконтрольно размножаясь, люди способны быстро переполнить отведенную им нишу, и земля не смогла бы их вместить и прокормить. Неудивительно, что «отец Сатурн» иной раз через эпидемию или войну снимает дополнительную жатву с заросшего участка поля. Так гибнет часть, но сохраняется целое³.

Движение и разнообразие заложены от Бога в природе. День сменяет ночь, и мы тем больше наслаждаемся летом, что знакомы с зимой. Однообразный пейзаж навеивает скуку: нам приятнее видеть равнины и холмы, долины и скалы, поля и пустыни. Именно разнообразие делает мир прекрасным. Разве хотим мы, чтобы Вселенная была подобна мертвому морю, безветренному и лишённому движения? Так и человеческой истории присуща динамика.

История свидетельствует, что после бедствий часто следуют лучшие и более мягкие времена. Войны не только потрясают народы, но и оттачивают их таланты, способствуют развитию культуры и искусств. Так, угнетение со стороны Древнего Рима искоренило варварство покоренных народов. Можно предсказать, что жестоко опустошенный испанцами Новый Свет скоро оправится от потерь и придет к процветанию. Народы сменяют друг друга, смешиваются, переселяются. Один город разрушается, другой строится. Старые цивилизации уступают место новым, и это естественный процесс. Не всё белгам быть любимцами фортуны. У Бога много детей, и надо дать и им возможность потешиться у отца на коленях⁴.

Липсий принимает аргументы Лангиуса, но спрашивает, почему страдают невинные народы или поколения. У Лангиуса нет ответа на этот вопрос, кроме того, что высшей причиной всего является божественная воля, и в ней же — высшая справедливость⁵. Забота Бога о человечестве предполагает, что он направляет, судит и наказывает. Нам кажется, что многие преступления остаются безнаказанными, но это не так: просто мы не всегда видим

¹ De Constantia. IV, 1. 9.

² Ibid. 11.

³ Ibid. Здесь стоик показывает себя предшественником Мальтуса.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. 12.

наказание. Оно не может быть отменено, но может быть отложено¹. И оно не обязательно должно быть телесным: внутренние, духовные наказания бывают наиболее тяжелыми². Наказание может быть и посмертным³, падая порой на потомков — ведь род или государство может выступать как единое целое⁴. Человеку не дано достоверно знать, кто и насколько в чем виноват⁵. Судить о человеческих грехах может лишь Бог⁶.

По словам Лангиуса, наказание имманентно преступлению⁷. Хотя оно и представлено в трактате как часть божественной заботы о творении, его неотвратимость и имманентность заставляют вспомнить об индийском законе кармы.

Следующее положение Лангиуса состоит в том, что общественные бедствия часто кажутся нам страшнее, нежели они есть на самом деле. Человек боится не их самих, а того, что они могут повлечь за собой: нищеты, изгнания, смерти. Эти страхи преувеличены. Ты разоришься, станешь бедным — разве не таким вошел ты в этот мир? Ты сможешь назвать себя «свободным» от бремени имущества, и тебя уже нельзя будет ограбить. Станешь изгнанником, так назови себя иностранцем, смени отечество. Боишься смерти? — но она является неотъемлемой частью природы. Все эти ряды солдат и их угрожающие мечи могут причинить тебе то же самое, что единственный приступ лихорадки. И смерть от меча отнюдь не более мучительна, чем кончина после длительной болезни⁸.

Не стоит сгущать краски, говорит Лангиус и собирается показать на исторических примерах, что прежде случались бедствия гораздо страшнее нынешних. Липсий страстно выражает свое несогласие: какие времена были несчастнее, какому народу, какой стране выпадало на долю столько бедствий, как нынешним Нидерландам? Тут и внешняя война, и гражданская, раскол на партии и даже внутри партий. Добавь к этому эпидемии, голод, тяжелые подати, грабежи и убийства, и худшее из зол — тиранию и угнетение телесное и духовное⁹. В ответ Лангиус строго призывает Липсия прекратить стенания и не берeditь свои раны, а

¹ De Constantia. IV, l. 13.

² Ibid. 14.

³ Ibid. 15.

⁴ Ibid. 17.

⁵ Ibid. 16.

⁶ Ibid. 17.

⁷ Ibid. 14.

⁸ Ibid. 19.

⁹ Ibid. 20.

постараться обрести душевный покой. Утверждение, будто наши собственные времена самые тяжелые, — старая песня. Так полагали наши деды, то же будут повторять и потомки. Это присуще человеку¹.

Разве раньше не было войн или они были менее ужасны? Напротив! Лангиус приводит список жертв одной только Иудейской войны: почти полтора миллиона убитых за семь лет, и это лишь учтенные потери². Он вспоминает битвы древности и геноцид, учиненный горсткой испанцев против безоружных народов в Новом Свете. Взгляни на Кубу, Гаити или Багамы: в местах, где было по полмиллиона обитателей, уцелело порой всего пятнадцать человек. А жуткая практика угона побежденных в рабство, которая прежде была нормой в ходе войн и до сих пор существует у турок?³ Далее Лангиус приводит исторические примеры эпидемий, голода, тяжелых податей и грабежей⁴, вспоминает массовые убийства в Древнем мире⁵.

Наконец, стоик переходит к тирании. Это зло есть естественный феномен, имеющий истоки в «природе или человеческой злобе», и встречалось оно во все времена и повсеместно. Человек имеет «врожденную склонность чрезмерно использовать власть», большинству просто не хватает воли или возможностей для этого. В повседневной жизни мы видим мелкую тиранию отца над детьми, хозяина над слугами, учителя над учениками. Все они Фаларисы в своем роде и «поднимают в своей реке такие же волны, как короли в великих морях». Такова природа и других живых существ. Как писал в своей сатире Варрон, «большие рыбы пожирают малых, ястребы убивают мелких птиц»⁶.

Мы полагаем, что духовное угнетение тяжелее всего, но так ли это? Ведь «никакая внешняя сила не может заставить тебя желать того, чего не желаешь, думать то, чего не думаешь»⁷. Лангиус вспоминает многочисленных царей и императоров древности, присваивавших себе божественный статус и почести. Тиран может разрушить тело человека, но не имеет власти над его духовной сущностью. Если нельзя открыто выражать свои убеждения, то скован твой язык, но не ум, ограничены твои действия, но не суждение.

¹ De Constantia. IV, 1. 20.

² Ibid. 21.

³ Ibid. 22.

⁴ Ibid. 23.

⁵ Ibid. 24.

⁶ Ibid. 25.

⁷ Ibid.

В подобных обстоятельствах лучше молчать ради того, чтобы остаться в безопасности¹.

Таким образом, подводит Лангиус итог своих рассуждений, в современных бедствиях Нидерландов нет ничего необычного или нового. Практически все страны Европы проходят сейчас через тяжкие потрясения или едва оправились от них. Все познается в сравнении — боль, как и работа, становится легче, когда делишь ее с другими².

Итак, душевный покой среди бедствий обретается, по Липсию, через терпение и принятие неизбежного. Это похоже на добродетель христианского смирения. Но есть и принципиальная разница. В диалоге не упоминаются Христос или святые, первородный грех, искупительная жертва спасителя, спасение души через веру или добрые дела. Божество здесь, прежде всего, надмирная сила, управляющая вселенной через закон Фатума.

Липсий искал ответ на острые проблемы общественного бытия и нашел его для себя в стоической философии, утверждавшей примат духа и свободы внутренней. Обращаясь к «объективным» законам разума, он пытался выстроить универсальные основы этики и искусства жизни. Подобный внеконфессиональный дискурс оказался востребован интеллектуальной элитой периода религиозных войн. Тратат Липсия способствовал усилению интереса к Стое и развитию философского рационализма.

Путь стойка — это не путь веры, а путь укрощения вредных эмоций через осознание, т.е. рациональный подход. Это утешение через ум, а не через веру или принадлежность к общности или группе. Всем ли это может помочь? Вряд ли. Впрочем, близкий подход характерен современной психотерапии: осознание и исправление ошибок мышления считается важнейшим шагом к «обезвреживанию» психологических проблем. Липсий предложил себе и своим читателям когнитивную психотерапию для избавления от душевных страданий по родине.

* * *

Тратат «О Постоянстве» до сих пор не переводили на русский язык. Вашему вниманию предлагается перевод введения и первых двенадцати глав диалога, что составляет более четверти объема книги. Перевод сделан по первому изданию книги, но нами, как правило, выделены те изменения, которые внес Липсий в более поздние издания трактата, в том числе в ответ на критику и требования цензуры.

¹ De Constantia. IV, l. 25.

² Ibid., II, 26.

Приложение

Юст Липсий

О Постоянстве в дни общественных бедствий

(Пер. с лат. и комментарии О.Э. Новиковой)

Благородным и достославным бургомистрам,
совету и народу Антверпена¹
я, Юст Липсий, посвящаю

Эти книги о Постоянстве, которые я с упорством сочинял и писал в разгар волнений на родине, мне хотелось бы посвятить вам, о великие бургомистры великого города. Меня побудили к этому ваша слава, благоразумие и добродетель, и столь присущая вашему отношению к честным и ученым людям доброта, которую я испытал на себе.

Полагаю, сей дар не будет вам неприятен. Он невелик сам по себе, но ему придаст значения мое рвение: ведь я посвятил вам самое лучшее из написанного мною, во всяком случае, на настоящий момент. Наконец, моему дару, быть может, добавит приятности некоторая новизна: ведь, если не ошибаюсь, я первым попытался расчислить и открыть этот путь к Мудрости, долгое время прегражденный и заросший тернием. Поистине, лишь этот путь [*** 1596: вместе со Священным Писанием**] может привести к Спокойствию и Миру.

Меня по-настоящему наполняло желание угодить вам и помочь всем другим, даже если мне не достало на это сил. И справедливо, чтобы вы также проявили ко мне справедливость, как я добросовестно использовал способности, данные мне великим богом, а они ограничены: я знаю, что одному человеку он не даровал бы всего одновременно.

Будьте же здоровы.

¹ «Консулов и сенат» Антверпена можно перевести как «бургомистров и совет» города. Это будет отклонением от решения по возможности придерживаться антикизирующей лексики Липсия. В данном случае оно оправданно, так как речь идет о посвящении.

К читателю, о замысле и цели моего сочинения

Я знаю, о Читатель, что своим обращением к этому новому роду сочинения уготовил себе взыскательную критику: либо от тех, кого заденет это неожиданное наставление Мудрости из уст человека, от которого ожидают занятия иными науками, более приятными; либо же от тех, кто заведомо низко оценит и сочтет за безделицу любое из того, что в поте лица достигнуто на этом поприще после древних. Дать краткий ответ тем и другим и в моих, и в твоих интересах, [читатель]. Первые, как мне кажется, грешат двумя крайностями: Беззаботностью и Заботой. Заботой: потому что вменяют себе в обязанность исследовать чужие науки и дела¹; Беззаботностью же: потому что, взявшись исследовать, делают это неосторожно и без основательности. Я же сам о себе заявляю, что холмы и источники Муз никогда не пленяли меня до такой степени, чтобы я не обращал непрерывно взор и разум к более суровой Богине, Философии. Ее изучение так увлекло меня с самого детства, что, казалось, будто я одержим юношеской страстью, и меня следует сдерживать, дабы ее обуздать. Как знают мои наставники по Кёльну², у меня приходилось чуть ли не силой вырывать из рук все эти книги и отнимать сочинения и комментарии, старательно собранные мной воедино из всевозможных толкователей. И с тех пор я совсем не изменился и знаю, что весь ход моих научных занятий был направлен — если не по прямой, то по окольному пути, — к сей цели Мудрости. И это не тот путь, которым идет толпа философствующих, чрезмерно преданных замысловатым хитросплетениям и запутанным материям, которые они ткут тонкой нитью своих рассуждений и вновь распускают. Они поглощены словами и уловками, весь свой век кружат на пороге Философии и никогда не видят ее святилища. Они относятся к Философии как к развлечению, а не целительному средству, и превращают этот в высшей степени важный инструмент жизни в какую-то вздорную игру. Кого из них интересуют нравственные нормы? [Или] то, как обуздать аффекты? [Или] как положить предел страху и надежде? Они полагают даже, что

¹ Липсий явно предвидит критику со стороны цензуры и церкви.

² Липсий не случайно вспоминает наставников-иезуитов в ситуации, когда опасается негативной реакции церкви на свое сочинение. Впоследствии его бывший учитель риторики Иоанн Оранус Льежский (1544–1603) был среди тех, кто поддерживал Липсия в его возвращении в католицизм в 1591 г. Во время написания «De Constantia» был влиятелен и Арнольд Хафенс (1540–1610). В свое время учивший Липсия философии.

это не относится к Мудрости и считают тех, кто этим занят, занятыми чем-то иным или ничем. Итак, если взглянуть на их жизнь и на их суждения, то даже у черни не встретишь ничего в первом случае более гадкого, а во втором — более глупого. Очевидно, что вино (напиток, коего нет здоровее) для некоторых пагубно: так и Философия для данного рода людей, ею злоупотребляющих.

У меня же иное намерение: я всегда поворачивал свой корабль прочь от сих рифов хитросплетений и направлял паруса к одной лишь гавани спокойствия разума. Первейшим и наглядным доказательством этого моего стремления пусть будут эти книги.

Но книги древних лучше и обстоятельнее, говорят другие критики. Насчет обстоятельности я согласен, что это так, но никак не согласен относительно общего замысла. Если бы я после Сенеки и божественного Эпиктета писал что-то о нравственности или об аффектах, то я и сам считаю, что это было бы неразумным и бесстыдным. Но если о том, чего ни они, ни другие из древних не касались (а я это с полной уверенностью утверждаю), то к чему негодование и нападки этих критиков? Я стремился дать утешение в общественных бедствиях¹: кто делал это до меня? Пусть посмотрят на содержание, способ аргументации и порядок моего сочинения, и им придется это признать. И в самих словах (с позволения сказать) не было у нас нехватки, чтобы кому-то ими обязываться. Наконец, пусть знают, что я многое написал для других, но эту книгу главным образом для самого себя: то ради славы, а это ради блага. Как кто-то возвышенно и тонко сказал однажды, я правдиво провозглашаю здесь:

«Мне довольно немногих читателей, довольно одного, довольно и ни одного»².

¹ Если «*bonum publicum*» («общественное благо») является стандартным выражением в латинском языке, то «*malum publicum*» («общественное зло, бедствие») встречается у античных авторов значительно реже. На это указывал Роналд Сайм в работе о Саллюстии, см.: *Syme R. Sallust. Berkeley/Los Angeles/London, 2002. P. 327.* Помимо Саллюстия (О заговоре Катилины. 37.7; История. I, 77.13 и IV, 51; Письма к Гаю Юлию Цезарю о государственных делах. I, 5.8) это выражение встречается у Тацита (Анналы. XII. 5), Тита Ливия (История Рима от основания города. IV.44), Сенеки (О гневе. 3, II. 2) и его отца, ритора Сенеки Старшего (Свззории. I, 7.2; 5.8; 11.1).

² Сенека (Письма. VII, 11) цитирует это изречение («*satis sunt mihi pauci, satis est unus, satis est nullus*»), отмечая, что насчет его авторства есть разные мнения. Аврелий Симмах (Письма. IX, 105) приписывает это изречение Гераклиту. Схожие по смыслу высказывания встречаются у Демокрита и Эпикура (Сенека цитирует их в том же пассаже) и у Платона (Горгий. 490a).

Я лишь прошу тех, кто возьмет эту книгу в руки, подготовиться к учению и одновременно к прощению. Если я где-то случайно допустил погрешность, особенно когда пытался подняться до таких возвышенных предметов как Провидение, Справедливость или Фатум, пусть извинят меня, так как это действительно никоим образом не от лукавства или упрямства, но лишь от человеческой немощи и темноты. Наконец, я рад поучиться у своих читателей и на деле докажу, что ни у кого не может быть такой же готовности указывать на недочеты, как у меня — их исправлять. Я не отрицаю и не преуменьшаю прочих недостатков своего характера, но упрямство и страсть к спорам мне поистине отвратительны и ненавистны. Желаю тебе здравствовать, дорогой Читатель; и хотелось бы, чтобы тому отчасти поспособствовала сия книга!

ГЛАВА I

Предисловие и введение, а также жалоба о волнениях среди белгов

Несколько лет назад, когда я направлялся в Вену в Австрии¹, спасаясь от волнений на родине, я свернул — не без указания свыше — в город эбурунов², пролежавший недалеко от моего пути. Там жили мои друзья, которым я, согласно обычаю и из любви, призван был засвидетельствовать свое почтение. Среди них был Карл Лангиус, скажу по праву и без обиняков — честнейший человек и ученейший из белгов³. Он оказал мне гостепри-

¹ В латинском оригинале уточнение «Vienna Austriae» сделано во избежание путаницы с Вьенной в Южной Франции. Реальное путешествие Липсия в Вену относится к концу 1571 — началу 1572 г., но в своем рассказе он датирует посещение Лангиуса июнем, чтобы использовать цветущий сад каноника в качестве наполненного символическим смыслом места для второй книги диалога. Отметим, что садоводство было страстью Липсия.

² Эбуруны — народность в Бельгийской Галлии с главным городом Адуатук, небольшой крепостью в районе нынешнего Лимбурга. Липсий имеет в виду Льеж.

³ В антикизирующем духе Липсий пишет о белгах (Belgi) и Белгике (Belgica). Говорить о Бельгии и бельгийцах применительно к временам Липсия было бы некорректно (хотя именно этот путь избрал Пит Схряйферс в своем переводе «De Constantia» на современный нидерландский язык): ведь современная Бельгия оформилась как самостоятельное государство лишь в XIX в. Кроме того, собственно Бельгия (Belgium) — лишь область Белгики между Узой и Шельдой. Римская провинция Бельгийская Галлия располагалась между Марной, Сенной, Рейном и Северным морем. На этом основании современный немецкий переводчик трактата Флориан Нойманн пере-

имство и соединил его не только со всяческим радушием и благоволением, но с такими речами, которые оказались полезными и благотворными для меня на всю жизнь. Ведь именно он, сей муж, раскрыл мне глаза, сняв с них пелену многих общепринятых предрассудков. Именно он указал путь, направляясь по которому, можно прямиком достичь, выражаясь словами Лукреция, *«безмятежных священных пространств, устроенных наукою мудрых»*¹.

Как-то раз, когда мы после полудня, избегая палящего солнца (шел уж конец июня), прохаживались по галереям внутреннего дворика, он спросил, самым ласковым, как обычно, образом, о моем путешествии и его причинах. И я откровенно и честно многое поведал ему о волнениях среди белгов, о наглости наместников и солдат; под конец я добавил, что хотя я и прикрывался иными поводами, но подлинная причина моего отъезда была именно в этом. «Ведь кто, Лангиус, — говорю я, — так силен и тверд душой, чтобы и дальше терпеть эти беды? Нас уже столько лет, как видишь, швыряет волнами гражданских войн и мы, словно в бурном море, гонимы ветрами бунтов и распрей. По сердцу мне ученые занятия и покой? — их нарушают беспорядки и гром орудий. Люблю я сады и сельскую местность? — солдатня и убийцы загоняют меня в город. Поэтому, Лангиус, я твердо решил оставить опасную и несчастную Белгику (да простит меня

дает «Белгику» как «Нидерланды». Такой перевод представляется в целом корректным. Так же переводил «Белгику» на нидерландский язык и друг Липсия Ян Моретус в 1584 г., сразу же после выхода латинского издания. В наши дни, однако, топоним «Нидерланды» по преимуществу ассоциируется с современным государством, возникшим из северных провинций этой исторической области. Использование слова «Нидерланды» в переводе несет в себе и еще один недостаток. Во времена Липсия различия между Северными и Южными Нидерландами стали очень остры: северные провинции под знаменем Реформации успешно отстаивали свою независимость от Испании, тогда как в южных провинциях восстание потерпело поражение, и из конфессий допускался лишь католицизм. Во время написания и издания «De Constantia» Липсий жил в относительной стабильности «у батавов» в Лейдене, но при этом тосковал о родных Южных Нидерландах. В своей переписке он часто говорит о «Батавии» применительно к Голландии и о «Белгике», когда речь идет о южных провинциях. Обобщающее понятие «Нидерланды» в переводе нивелировало бы это разделение. В 1591 г. Джон Страдлинг переводил «Белгику» на английский язык как «Фландрия», и такой перевод был бы оправданным по смыслу и сейчас. Тем не менее в данном переводе был сделан выбор в пользу сохранения первоначальной антикизирующей терминологии Липсия.

¹ Лукреций. О природе вещей. II, 8.

Гений отечества) и *“бежать из края в край”*¹, как сказал великий, бежать в какую угодно землю, *“где не услышу ни о делах Пелопидов, ни самого их имени”*². Лангиус в удивлении и словно пробудившись спросил: «Неужели, Липсий, ты от нас уезжаешь?» «Я уезжаю отсюда, а точнее, от этой жизни. Как же еще избежать этих зол, если не бегством? Ибо все это видеть и терпеть изо дня в день я не способен, Лангиус, и сердце у меня не из стали». Лангиус вздохнул на это и произнес: «О малодушный юноша, откуда такая слабость? И что это за мысль обрести спасение в бегстве? Я согласен, что твоя родина бурлит и полыхает: но в какой части Европы этого сегодня нет? Так что поистине можно словами Аристофана предсказать: *“Зевс громовержец перевернет небо и землю”*»³.

Поэтому, Липсий, следует не из отчизны бежать, но от афффектов; и нужно так закалять и воспитывать наш дух, чтобы у нас был «покой среди беспорядков и мир посреди войны». Я довольно по-юношески отвечал: «О нет, я должен покинуть мою страну, Лангиус: ведь поистине, беды, о которых слышишь, кажутся легче тех, что видишь. При этом сами мы оказываемся недосыгаемыми для оружия и, так сказать, за пределами арены борьбы. Разве ты не согласен с умным наставлением Гомера: *“Держаться одаль от стрел, дабы раны на рану избегнуть”*»⁴.

¹ Эсхил. Прометей прикованный. 682. Это выражение часто цитировали в древности, например, Цицерон в письмах к Аттику (X, 14).

² Цитата неизвестного трагика у Цицерона, см.: Письма к близким. VII. 30.1 (696): «ubi nec Pelopidarum nomen nec facta audiam»; Письма к Аттику. XV, 11.3 (746): «ubi nec Pelopidarum facta neque famam audiam». Цицерон упоминает Пелопидов и в других местах этой переписки, см.: Письма к близким. VII, 28.2 (475); Письма к Аттику. XIV, 12.2 (716). Пелопиды – Атрей и Фиест, сыновья царя Микен Пелопа (Пелопса). Тяготевшее над ними проклятие обрекло род на неслыханные злодеяния и гибель. Липсий упоминает дела Пелопидов в качестве метафоры братоубийственной гражданской войны. Современные переводчики неправильно поняли эту ссылку Липсия: Флориан Нойманн указывает в своих комментариях на фиванского царя Пелопида, а Пит Схряйферс – на Пелопа. Во времена Липсия, однако, смысл цитаты был вполне ясен: так, Моретус переводит «Пелопиды» как «злые воины», а Страдлинг как «потомки Пелопа».

³ Аристофан. Лисистрата. 772.

⁴ Гомер. Илиада. XIV, 130. Совет Диомеда, которому последовали ахейские полководцы: «В битву пойдем, невзирая на раны: зовет неизбежность! / Там мы покажемся ратям; но боя удержимся, ставши / Одаль от стрел, чтобы кто-либо раны на рану не принял». Пер. с древнегреч. Н. Гнедича.

ГЛАВА II

*Странствие не помогает от внутренних недугов:
это свидетельство о них, а не лекарство, кроме, быть может,
случаев легкого начального движения аффектов*

Лангиус ответил, слегка качая головой: «Согласен, но я предпочел бы, чтобы ты внимал голосу Мудрости и Разума. Ведь те туман и облака, которые окутывают тебя, Липсий, возникают из дыма ложных Мнений. Потому я сказал бы вместе с Диогеном, что тебе здесь потребен разум, а не петля¹. Своим лучом, говорю я, разум должен рассеять помрачение в твоей голове. Вот ты собираешься покинуть родину, но скажи серьезно, убегая от нее, убегаешь ли также от самого себя? Смотри, как бы не вышло наоборот, что ты повсюду носишь в груди источник и первопричину своих страданий. Как больные лихорадкой беспрестанно мечутся и ворочаются, и то и дело меняют простыни в напрасной надежде на облегчение², так и те из нас, которые тщетно меняют одну страну на другую, очевидно больны рассудком. Это поведение позволяет выявить недуг, но не избавить от него: указать на внутренний жар, но не исцелить его. Тонко сказал об этом римлянин³: *“Больным присуще ничего долго не терпеть и прибегать к переменам как к лекарству. Поэтому они отправляются в странствие и обходят дальние берега. Их легкомыслие, всегда враждебное нынешним обстоятельствам, испытывает себя то на море, то на суше”*⁴.

Таким образом, вы убегаете от бедствий, но не можете их избежать, подобно той серне, о которой Вергилий пишет, что —

В рощах Критских пастух, за ней, беспечной, гоняясь,
Издали ранил ее и оставил в ране железо,
Сам не зная о том; по лесам и ущельям Диктейским
Мечется серна,

¹ Диоген Синопский (404—323 до н.э.) у Диогена Лаэртция (VI, 2.24): «Для того, чтобы жить как следует, надо иметь или разум, или петлю» (*Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / Пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова. М., 1986).

² Ср.: Сенека. О Спокойствии Духа. II, 12.

³ Сенека.

⁴ Сенека. О Спокойствии Духа. II, 13.

но тщетно, ведь, как прибавляет поэт, она “несет в боку роковую тростинку”¹. Так и вы, глубоко пораженные дротиком аффектов, не вырываете его из раны, но переносите с собой на новое место. Словивший руку или ногу попросит, я полагаю, не колесницу или коня, но хирурга. Что же у тебя за тщета, что сие внутреннее страдание желаешь ты исцелить передвижением и беготней туда-сюда? Ведь в действительности это дух расстроен; все внешнее бессилие, отчаяние, истощение проистекает здесь из одного источника: это дух его порождает, дух изнемогает. Главная и божественная часть [нашего существа] уронила свой скипетр и впала в такое ничтожество, что по доброй воле служит собственным слугам². Скажи, чем здесь может помочь местонахождение или переезд? Разве что существовал бы край, который мог бы укротить страх, обуздать надежду и вытянуть из нас пагубный яд пороков, которые мы глубоко впитали. Но такого края нет и на островах блаженных, а ежели есть, то укажи его, и все мы устремимся туда толпою. Но, скажешь ты, уже само движение и перемена обладают подобной способностью, а видимая новизна обычаев, людей и мест освежает и ободряет мятущийся дух. Ты ошибаешься, Липсий. По правде говоря, я не принижаю странствие до того, чтобы отрицать его власть над людьми и аффектами. Такое влияние, конечно, существует, но в тех пределах, что может устранить незначительную тяжесть и как бы тошноту духа, но не болезни, проникающие глубже того, чтобы на них могли повлиять какие-либо наружные лекарства. Пение, вино и сон нередко исцеляют первые слабые порывы гнева, печали и влюбленности, но никогда — ту тоску, которая пустила корни и прижилась. Так и здесь: странствие, быть может, исцелит некоторые легкие недуги, но не подлинные. Ведь эти первые движения происходят от тела, и распространяются некоторым образом на тело или, по крайней мере, на крайнюю, так сказать, оболочку духа³. Поэтому неудивительно, что их можно стереть простой губкой. Иначе [обстоит дело] с застарелыми аффектами, престол и царство которых в самом сердечном рассудке. Когда ты долго и

¹ Вергилий использует этот образ для описания страсти, снедающей Дидону, см.: Энеида. IV, 70–73. Текст приводится по изданию: *Вергилий. Собрание сочинений* / Пер. С. Ошерова под ред. Ф. Петровского. СПб., 1994. (1-е изд. 1971).

² По мнению стоиков, душа человека, как его высшая часть, должна управлять телом.

³ Согласно стоикам, чувственное восприятие передается ведущему началу души и таким образом порождает ощущения, см.: *Фрагменты ранних стоиков* / Пер. и комментарии А.А. Столярова. М., 2002. Т. II. 850–862, 882.

много скитался, когда обошел всю землю и море, ты не сможешь их никаким морем, не закопаешь ни в какую землю. Они следуют за тобой, и за пешим, “и позади всадника”, как сказал поэт, “черная сядет забота”¹. Сократ спросившему его, почему путешествие не принесло ему пользы, умно ответил: “ты ведь не покидал самого себя”². То же можно сказать и здесь: куда бы ты ни бежал, искаженный и искажающий дух при тебе, словно дурной попутчик. И если бы как попутчик! Но, боюсь, как вождь, ибо аффекты не последуют за тобой, но тебя самого за собой потащат».

ГЛАВА III

*Подлинные же недуги духа этим [т.е. путешествием] не устраняются
и не уменьшаются, но, напротив, усиливаются. Болен наш дух,
и лекарство для него следует искать в Мудрости и Постоянстве*

«Стало быть, говоришь ты, путешествие даже не отвлекает от истинных бед? Но разве предстающие взору поля, реки и горы не унимают боль твоего сознания? Может быть, отвлекают и унимают, но ненадолго и ненадежно. Как картина, сколь бы превосходной она ни была, услаждает глаз недолго, так и все это разнообразие людей и мест захватывает нас новизной, но лишь на короткое время. Это некое забвение бед, а не избавление от них. Путешествие не снимает оков страдания, но ослабляет их. Что мне за радость ненадолго увидеть свет, если вскоре предстоит быть заточенным в еще более тесную темницу? В действительности, все эти внешние развлечения занимают ум и видимостью приятности скорее вредят. Как недостаточно сильные лекарства не вытягивают [из тела] вредоносную влагу, но лишь приводят ее в движение, так и это суетное удовольствие разжигает и обостряет в нас волнение страстей. Ведь дух забывается ненадолго, а затем его, хотя он и сопротивляется, загоняют обратно в его обиталище, которое он по-прежнему принужден делить со своими несчастьями. Самый вид этих городов и гор вернет тебя

¹ Гораций. Оды. III, 1, 40: «Sed Timor et Minae scandunt eodem quo dominus, neque decedit aerata triremi et post equitem sedet atra Cura» («Но Страх и Совесть залезают так же высоко, как владеец, и Медную трирему не покидает Черная Завола, и сидит позади наездника» (пер. М. Луценко)). Гораций показывает, что не богатство, роскошь и высокое положение могут дать человеку покой и счастье, но следование общему закону Необходимости (Necessitas) и довольство простой жизнью.

² Ср.: Сенека. Письма. CIV, 7; XXVIII, 2.

помыслами на родину, и посреди радостей ты увидишь и услышишь такое, что разбередит в тебе скорбное чувство. Если же ты ненадолго успокоишься, то это будет словно короткое забытие, а по пробуждении лихорадка твоя останется такой же или усилится. Ведь некоторые прерванные страсти за время перерыва возрастают и набирают силу. Поэтому, Липсий, отбрось эти суетные и даже вредные средства: не лекарства, но отраву, и обратись лучше к средствам истинным и действенным. Ты меняешь отечество и почву? Лучше бы ты изменил свой дух, который ты несчастливо предал во власть аффектов, отняв у их законного владыки — разума. Сие отчаяние происходит от этой порчи духа, сей упадок сил¹ — от этого повреждения. Дух нужно тебе изменить, а не место, и сделать не так, чтобы ты был где-то еще, чтобы сам ты стал иным. Сейчас ты горишь желанием увидеть плодородную Паннонию², надежную и могучую Вену, царя рек Дунай и столько всего удивительного и нового, о чем люди жадно слушают, развесив уши. Но насколько лучше было бы, если бы твое стремление и влечение к Мудрости было столь же велико! Ты ступил бы на ее изобильные поля. Отыскал источники человеческих беспокойств. Построил валы и крепости, которые бы охранял и защищал от нападок страстей. Ведь это подлинные лекарства от твоей болезни: все прочее — лишь повязки и припарки. Твой отъезд ничем тебе не поможет. Неправда, что *“путь меж врагов позади, позади твердыня аргивян”*³, — ты получаешь врага в своем же доме, притом в самой его глубине (при этом Лангиус похлопал меня по груди). Что толку бежать в мирные края? Войну ты тащишь с собою. Какое такое спокойное место? Бедствия с самим тобой, а вернее, внутри тебя. Ведь твой дух, вечно в разладе, сражается сам с собой и будет тревожить тебя. то стремясь, то избегая, то надеясь, то отчаиваясь. Подобно тому как те, которые в страхе обращаются в бегство, без прикрытия и спиною к врагу еще больше подвергают себя опасности, так и все эти скитальцы и новобранцы, которые никогда не вступали в сражение с аффектами, но лишь бежали от них. Но ты, юноша, если послушаешь меня, то выступишь и укрепишь оборону от неприятеля-страдания. Прежде всего тебе потребно Постоянство: победителем можно стать, приняв бой, но никак не через бегство».

¹ Vitiatio; у Нойманна ошибочно: viatico.

² В современных переводах: Австрию (туда Липсий направлялся). В переводе Моретуса: Венгрию. Это более точное географическое соответствие; упоминание плодородия как главной характеристики местности также указывает прежде всего, на Венгрию.

³ Вергилий. Энеида III. 282—283.

ГЛАВА IV

Определения Постоянства, Терпения, Здравого Разума и Мнения.

*Также о том, что Упрямство отличается от Постоянства
и чуждо ему, а Малодушие – Терпению*

В известной мере воодушевленный речами Лангиуса, я сказал: «Твои наставления возвышенны и прекрасны, и я уже пробую подняться и воспрянуть, но, как у тех, кто пытается сделать что-то во сне, усилия мои тщетны. Ибо, не буду лгать, Лангиус, я беспрерывно возвращаюсь мыслями к родной земле, и беспокойство об общественных и частных делах засело у меня в уме. Если можешь, прогони злобных птиц, что терзают меня, и сними с меня цепи тревог, которыми я крепко прикован к этому Кавказу». Лангиус с веселым видом сказал: «Непременно сниму и, как новый Геркулес, освобожу сего Прометея. Только сосредоточься и внимай. Я призвал тебя к Постоянству, Липсий, в нем полагая надежду и опору твоего избавления. Итак, прежде всего надо познать, что это. Постоянством я здесь называю разумную и неподвижную силу духа, которую не может ни увлечь, ни подавить внешнее или случайное. Силу, сказал я, и понимаю под этим присущую духу твердость, которая не от Мнения¹, но от суждения и здравого Разума. Ибо я хочу полностью исключить Упрямство (или, лучше сказать, непримиримость^{2***3}), которое само по себе есть твердость, но возникает из порыва гордыни и честолюбия. И твердость это лишь в одном отношении. Ведь надменные и упрямые с трудом смиряются, но чрезвычайно легко превозносятся. Подобно тому как надутый ветром кожаный мех трудно погрузить под воду, но он сам собою выскакивает и появляется над водой, такова же эта их ветреная суровость, происходящая [1596: как я сказал] от Гордыни и непомерно высокой самооценки, а стало быть – от Мнения. Тогда

¹ Мнение (Opinio), опирающееся на чувственное восприятие и не поверенное рациональным анализом, можно также перевести как «представление», «предрассудок», «предубеждение». В данном переводе слово «Opinio» систематически передано как «Мнение» во всех случаях, когда Липсий использовал его написание с заглавной буквы (т.е. когда оно означает философское понятие).

² Аттий у Нония вмывает одно в добродетель, а другое в порок. Однако Сенека и прочие считают иначе.

³ Луций Аттий или Акций (170–85 до н. э.), римский трагический поэт, был известен подражанием греческим трагедиям, которые приспособил к римским нравам. Ноний Марцелл, римский грамматик-лексикограф IV в. н.э.

как истинная мать Постоянства — это Терпение и смирение духа. Я определяю его как добровольное и безропотное перенесение того, что только может произойти и случиться с человеком. Беря начало от здравого разума, оно единственный корень, из которого поднимается ввысь благороднейший дуб Постоянства. Опасайся, как бы тебя не обмануло Мнение, которое часто вместо Терпения внушает Малодушие и какую-то вялость слабого духа. Это точно порок, и происходит он от собственного Ничтожества. Добродетель же вступает на средний путь и осмотрительно следит за тем, чтобы действия ее не были недостаточными или чрезмерными. Ибо она взвешивает себя на весах единого Разума: он для нее как образец и пробный камень. Здравый же Разум есть не что иное, как верное суждение и восприятие вещей человеческих и божественных (последних, однако, в той мере, в какой они нас касаются). Мнение, в противоположность Разуму, есть ненадежное и обманчивое свидетельство о тех же вещах».

ГЛАВА V

Откуда происходят Разум и Мнение. Силы и действие обоих.

Одно ведет к Постоянству, другое же — к Легкомыслию

«А поскольку из этого двойного как бы источника (я имею в виду Мнения и Разума) проистекают не только твердость или слабость духа, но и все заслуги и ошибки в этой жизни, то мне представляется уместным и полезным делом остановиться немного на происхождении и природе обоих. Как шерсть, перед тем как окунать ее в окончательную и наилучшую краску, нужно сперва пропитать иными жидкостями, так этим предисловием — твой дух. Липсий, прежде чем я погружу его в пурпурную краску Постоянства. Как ты хорошо знаешь, человек состоит из двух частей: Души и Тела. Душа более благородна, подобна духу и огню; Тело же грубее и подобно земле. Они связаны друг с другом, но это сочетание противоречивое; им нелегко достичь согласия, особенно когда речь идет о власти и неволе. Ведь оба они хотят править, и в большей степени та часть, которая не к этому предназначена. Земля пытается возвыситься над огнем, грязь — над небесами. Отсюда в человеке разлад, замешательство и словно непрестанная борьба враждующих партий. Их вожди и полководцы — это Разум и Мнение. Первый сражается за душу и в душе, второй — за тело и в теле. Разум имеет небесное, даже божественное происхождение. Сенека справедливо [1596: прекрасно] восславил его

как “часть божественного духа, заложенную в человека”. Ибо Разум есть исключительная сила мышления и суждения: как в душе состоит совершенство человека, так в этой силе — совершенство души. Греки называли ее *Nous*, а римляне „Умом (*Mens*)” или же сочетанием „Ум души (*Animi mens*)”. Ведь — ты не должен заблуждаться — здравый Разум — это не вся душа, но то единообразное в ней, простое, беспримесное, отделенное от всякой мути и вязкости, одним словом, божественное и небесное в ней. Так как сама душа, хотя она тяжко повреждена и заражена недугом тела и прикосновением чувств, однако же в глубине хранит некие признаки своего происхождения, и ярко пылают в ней остатки того первого и чистого огня. Отсюда угрызения совести даже в дурных и низких людях, отсюда внутренние бичи и скорбь, отсюда исторгаемое против воли одобрение более правильной жизни. Эту наиболее здравую и священную часть можно попать, но нельзя сломить, ее жгучее пламя можно прятать, но нельзя погасить. Ибо всегда блистают и взвиваются кверху ее искры, что светят нам во мраке, очищают от грязи, направляют на извилистом пути и ведут к Постоянству и Добродетели. Как подсолнух и некоторые цветы по природе своей всегда поворачиваются к солнцу, так Разум обращен к богу и происходит от него. Твердый в добре и невозмутимый, постоянный в суждениях, последовательный в том, к чему стремиться, а чего избегать, кладезь и родник здравого размышления и правильного решения. Подчиняться ему значит повелевать: покоряться — главенствовать во всех делах человеческих. Ведь тот, кто его слушает, тот укротил страсти и неумеренные порывы духа; кто следует за ним, как за нитью Ариадны, тому не грозит заблудиться ни в каких лабиринтах жизни. Через него сам Бог в своем образе сходит к нам и даже глубже того — внутрь нас¹. Правильно сказал великий, что “нет доброго рассудка без бога”². Другая же, неразумная, часть [души] (я говорю о Мнении) происходит от Тела, то есть подвластна земле: воспринимает она через тело и лишь земное. Тело же, хотя само по себе неподвижное и бессмысленное, однако принимает жизнь и движение от души и в свою очередь передает душе образы вещей через окна органов чувств. Таким образом, между душой и телом существует некое единство и общность, но общность эта в конечном счете душе не на пользу. Ведь тем понемногу принижается высокое достоинство души: она соединяется и смешивается с чувственным восприятием, и от этого нечистого союза

¹ Парафраза Сенеки, см.: Письма. LXXIII, 16. Ср. также: XLI, 2.

² Сенека. Письма. LXXIII, 16.

в нас рождается Мнение, которое есть не что иное, как ложный образ и тень Разума. Истинное обиталище Мнения есть Чувство, первоисточник — Земля, и потому оно низко и грубо, не способно возвыситься и воспарить, не в состоянии видеть высокое и небесное. Оно ложно, недостоверно, обманчиво, не годится для рассуждения и принятия решений, оно отнимает у души прежде всего Постоянство и Истину. Сегодня оно страстно желает чего-либо, а завтра то же отвергает, то одобряет, то осуждает: все бездумно, но угождая во всем телу и чувствам и ублажая их. Как глаз, смотрящий сквозь туман или воду, неправильно оценивает вещи, так и дух, вззирающий сквозь пелену Мнения. Оно, если подумать, мать людских несчастий, оно повинно в путанице и беспорядке нашей жизни. От него то, что нас донимают заботы и разрывают аффекты, что пороки властвуют над нами. Таким образом, как те, что хотят покончить с разнузданной тиранией в городе, в первую очередь сносят и разрушают крепость [тирана], так и мы, если всерьез намерены достичь Доброго рассудка, должны ниспровергнуть оплот Мнений. Иначе мы будем вечно носиться с ними по волнам: в тревоге, беспрестанно сетуя, смятенные, мало справедливые к богу и людям. Как пустопорожний корабль кружит в море по воле ветра, так и изменчивый наш ум, не уравновешенный грузом и балластом Разума».

ГЛАВА VI

Похвала Постоянству и серьезное побуждение к нему

«Итак, Липсий, как видишь, спутник Мнения — Легкомыслие: ему присущи постоянная изменчивость и недовольство. Разуму же сопутствует Постоянство: я серьезно призываю тебя усвоить его духом. Зачем ты обращаешься к суетному и внешнему? Постоянство — это единственная Елена, подносящая чашу истинного и изрядного непентеса¹, что дает забвение забот и скорбей. Если ты однажды налил и испил его, то спокойно и отважно встретишь любые превратности, всегда равный себе и как бы не весящий ни больше и ни меньше; ты сможешь притязать на великое и бли-

¹ Непентес — зелье забвения скорбей, упоминаемое Гомером в «Одиссее» (IV. 220—232). Елена, получившая непентес в подарок от египетской царицы Полидамны, добавляет его в вино Телемаху, чтобы отогнать его заботы (Телемах прибыл к Менелаю в Спарту в поисках Одиссея). Ряд исследователей склонны видеть в непентесе опиум. Современное название «непентес» относится к насекомоядным тропическим растениям.

жайшее к божеству качество: неизменность. Разве не видел ты в девизах и на щитах некоторых нынешних королей возвышенное и достойное зависти “[*Не волнуемый*] ни надеждой, ни страхом”¹? Этот девиз подойдет тебе: истинно царь, истинно свободный, ты будешь подчиняться лишь богу и станешь независим от Аффектов и Фортуны. Говорят, что некоторые реки протекают сквозь море и сохраняют при этом свой поток: так и ты должен пройти через гущу беспорядков, не перенимая соленого привкуса от этого моря скорбей. Ты повержен? Постоянство поднимет тебя. Пошатнешься? Поддержит. Торопишься в воду или в петлю? Оно утешит тебя и призовет назад с порога смерти. Ты только вырвись, воспрянь духом и направь корабль к этой гавани, где пребывают спокойствие и мир, в которой пристанище и убежище от смятения и забот. Если ты раз и навсегда по чести направился к ней, то, когда родина твоя не только сотрясаема волнениями, но даже рушится, сам ты остаешься невозмутимым. Когда вокруг тебя буря, льет дождь, падают молнии, ты воскликнешь правдиво и во всеуслышание: “*спокоен я в бушующих волнах*”².

¹ Девиз Изабеллы д’Эсте (1474–1539), а из «нынешних», современных Липсию властителей – Филиппа II (современные комментаторы этого не отметили). В данном пассаже можно видеть косвенное выражение лояльности Филиппу, связанное с подготовкой ученого к возвращению в Южные Нидерланды. В то же время в замечании, что следующий этому девизу и сам будет «истинно королем, истинно свободным», можно при желании разглядеть и некое противопоставление, моральный вызов самому носителю девиза. Вероятно, Липсий учитывал обе возможные трактовки. Позже, в Лувене, в трактате «Политические указания и примеры» (1595), в котором немало восхвалений Габсбургов, Липсий снова упоминает этот девиз в связи с добродетелью Постоянства. Он отмечает к тому же, что Филипп «беспристрастен и непоколебим не только духом, но и ликом» (*neque animo solum, sed vultu equabilis et immotus*) (*Monita et Exempla Politica*. I, 7). Неудивительно, что в восставших Нидерландах девиз Филиппа II получил и негативную трактовку. Так, например, в драме Каспара Энса «Принц Оранский, или Защита свободы» (1599), посвященной реформатской церкви Голландии и Зеландии, дурной советник рекомендует этот девиз тирану (Филиппу II) как принцип свободы властителей от норм морали, см.: *Ens Caspar. Princeps Auriacus sive Libertas defensa* (1599) / Ed. J. Bloemendal & J.W. Steenbeek. Voorthuizen, 1998. P. 411–419.

² Пит Схрййферс в своем издании указывает на сходство этого стиха с девизом Вильгельма Оранского. Образ спокойствия среди волн имеет как классические, так и современные Липсию коннотации. Овидий в «Метаморфозах» (XI, 270–274) повествует о фракийском царе Кеике и его жене Алкионе. Когда Кеик погиб при кораблекрушении, безутешная Алкиона бросилась в море. Боги превратили чету в зимородков, и две недели в пору зимнего солнцестояния бог ветров Эол, отец Алкионы, охранял их покоящееся на волнах гнездо,

ГЛАВА VII

То многое, что подрывает Постоянство. Это внешние Благо и Зло.

Зло или бедствие в свою очередь бывает двух видов:

*Общественное и Личное. Из них Общественные бедствия
представляются особенно тяжелыми и опасными*

Когда Лангиус произнес все это необычайно пылким голосом и с горящим взглядом, во мне тоже вспыхнула искра благородного пламени, и я сказал: «Отец мой (по правде и без лести называю тебя так), води меня по своей воле и учи, поправляй и наставляй. Твой больной готов к любому лечению, будь то железом или огнем». «Понадобится и то и другое, — ответил Лангиус, — поскольку солому суетных мнений следует сжечь, а ростки аффектов срубить под корень¹. Впрочем, походим еще или ты предпо-

давая зимородкам высидеть яйца и вывести птенцов. Древние также считали, что в эти дни море спокойно и благоприятно для плавания. Святитель Василий Великий («Восьмая беседа на Шестоднев») считал «зимородковые дни» примером Божьего промысла в научение человеку. Символ зимородка использовал Альчиато в своих «Эмблемах», впервые изданных в 1531 г. (эмблема «tranquilli in marmoris unda», «спокойные в морской глади»). Вероятно, именно через Альчиато этот символ дошел до Вильгельма Оранского или кого-то из его окружения. Девизом Вильгельма Оранского стало «спокойный в бурных волнах» («saavis tranquillus in undis»), т.е. эмблема зимородка наполнилась у него иным, более героическим, содержанием. Цвета оперения зимородка (оранжевый, белый и синий) соответствовали геральдическим цветам княжества Оранж. Цвета Вильгельма Оранского послужили основой и для знамени возглавляемого им восстания. В 1577 г. третья супруга Вильгельма, Шарлотта де Бурбон, посоветовала мужу отчеканить медаль с эмблемой зимородка и столь подходящим к политическим обстоятельствам девизом. Медаль была отчеканена в 1580 г. фламандским мастером Кунрадом Блоком. В 1581 г. этот девиз с политическим содержанием использовал Хендрик Гольциус в гравюре, изображающей Исход народа израильского. После смерти Вильгельма Оранского (10 июля 1584 г.) Генеральные штаты приказали отчеканить медали с его девизом и эмблемой, а позже использовали их в надгробии Вильгельма в Делфте. Интересно, что Липсий включает в свой текст девизы Филиппа II и Вильгельма Оранского практически рядом.

¹ Метафора очищающего воздействия огня и меча встречается у Липсия неоднократно. В трактате «О Постоянстве» Лангиус сравнивает философию с медициной: цель той и другой — не развлекать, а оздоравливать (De Constantia. I, X), причем познание истины может быть столь же болезненным, как хирургическое вмешательство (Ibid. II, 17). Медицинская метафора «огня и меча» восходит к Гиппократу, но прекрасно подходит для описания уничтожения

читаешь теперь присесть?» «Присядем, — сказал я, — право же, мне становится жарко, и по разным причинам». Когда Лангиус велел принести во дворик стулья, и я уселся рядом с ним, он слегка развернулся ко мне и продолжил: «Пока что, Липсий, я как бы заложил фундамент, на котором удобно и надежно строить дальнейшую беседу. Теперь, если тебе угодно, я подошел бы ближе исследовать причины твоей боли и, так сказать, рукой разбедерить твою рану. Две вещи осаждают крепость Постоянства внутри нас: Ложное благо и Ложное зло. Оба я определяю как все то, что не в нас, а вовне, и что в собственном смысле внутреннему человеку, то есть духу, не помогает и не вредит. Таким образом, я могу сказать, что это Добро и Зло не по сути и разуму, а признаны таковыми по предрассудку и некоему ощущению простого народа. К первой категории причисляют Богатство, Почести, Могушество, Здоровье, Долголетие; ко второй: Бедность, Бесчестье, Слабость, Болезни, Смерть, и, если обобщить одним словом, все случайное или внешнее. От этого двойного источника берут начало четыре наших главных Аффекта, которые охватывают и портят всю человеческую жизнь: Влечение и Наслаждение; Страх и Печаль. Первые два из них относятся к мнимому Благу и от него происходят; два других — к [мнимому] Злу. Все они вредят духу и смущают его и если не проявлять предусмотрительности, то выбивают его из колеи, хотя и по-разному. Ибо в то время как покой

противника и встречается, например, в поэзии Овидия и Проперция. В трактате «Политика» (IV, 3) Липсий утверждает политическую необходимость одной официальной религии в государстве («истинность» религии при этом не обсуждается и очевидно вторична). Он парафразирует «Филиппики» Цицерона применительно к мятежным еретикам: «прижги и отсеки, чтобы лучше погиб один из членов, чем все тело». В контексте обсуждения отношения к еретикам такая формулировка звучит как призыв к насильственным мерам и заставляет вспомнить инквизицию. Именно эти слова Липсия стали причиной резкой полемики со стороны поборника свободы совести Дирка Корнхерта. Корнхерт считал религиозные гонения не только противоречащими этике, но и прямо порождающими смуту (испанская политика в Нидерландах тому пример), да и как может монарх установить, какая именно религия истинна? Корнхерт настаивал, чтобы Липсий высказался, какую именно религию он считает истинной, Липсий же всячески уклонялся от прямого ответа и повторял, что не призывал к расправе над еретиками, но лишь использовал античную медицинскую метафору. В ответ на критику Корнхерта Липсий написал отдельный небольшой трактат «О единой религии» (1591). Вторичность «истинности» религии для Липсия по отношению к ее общественной роли видна и в том, что автор порой ставит турок или китайцев в пример в том, что касается места религии и отношения к религиозному инакомыслию в государстве (см., например: *De Una Religione // In caput II, libri IV. Polit.*).

духа и Постоянство как бы поддерживают некое равновесие, Аффекты его нарушают, заставляя чашу весов в одном случае подниматься, а в другом — опускаться. Но ложное Благо и состояние подъема я сейчас оставлю в стороне (ведь не в этом твоя болезнь) и перейду к ложному Злу, масса которого опять же двояка. Ведь есть Общественное Зло и есть Частное. Общественное я обозначаю и определяю как такое, которое распространяется одновременно на многих. Частное — на отдельных людей. К первому я отношу Войну, Чуму, Голод, Тиранию, Резню и прочее, что касается общества и всех сразу. Во второй категории мы видим Боль, Бедность, Бесчестье, Смерть и прочее, что относится к одному-единственному человеку, словно заперто в доме. Причина для такого разделения не надуманна: ведь в действительности человек скорбит по-иному и с неким иным чувством, когда оплакивает несчастья отечества или изгнание и гибель множества людей, чем свои собственные беды. К тому же из обоих зол берут начало самые разные недуги, но, если не ошибаюсь, от первого вида они более тяжкие, во всяком случае, более упорные. Ведь большинство из нас подвластно Общественным бедствиям: либо потому, что нападают они стремительно и во множестве сразу и словно сомкнутыми боевыми рядами подавляют сопротивление; а скорее тем, что домогаются нас обманом, и мы часто не признаем и не ощущаем, как из них вырастает в душе болезнь. Посмотри: если некто поддался скорби по частному поводу, то вынужден признать это недостатком и проявлением слабости, даже если это ничего не исправит (ведь разве это оправдание?), тогда как в скорби о делах общественных часто настолько не находят ничего постыдного или ошибочного, что человек может даже кичиться этим и вменять себе в похвалу. Это зовется Любовью к родине¹ и Сочувствием, и далеко ли до того, что эту всеобщую Горячку причислят к добродетелям и, более того, обоготворят как нечто священное? Поэты и ораторы повсюду усердно восхваляют и насаждают горячую любовь к отечеству. Хотя я не отбрасываю ее целиком, но полагаю и выступаю за то, что ее следует обуздывать и удерживать в рамках. Ведь в действительности это порок, невоздержанность, низвержение и падение духа с положенного ему достоинства. Но это и тяжкая болезнь, поскольку в ней не одно какое-то страдание, но о Твоем и Чужом вперемешку. И страдание о Чужом также двояко: о людях и об отечестве. Мне кажется.

¹ Основное значение слова «*pietas*» переводится как «благочестие». В отношении родителей и родины «*pietas*» можно передать как «любовь» и «преданность».

ты можешь проще понять сказанное и это разделение с помощью примера: взгляни, как твоя Белгика страдает нынче от стольких бедствий и охвачена со всех сторон огнем гражданской войны. Ты видишь повсюду опустошенные и разоренные поля, сожженные и разрушенные города, захват и убийство людей, обесчещенных жен и лишенных невинности дев и прочее, что обыкновенно сопровождает войну. Разве это не доставляет тебе страдание? Да, но страдание это, если присмотреться, разнообразно и делимо: потому что ты одновременно скорбишь и о себе, и о согражданах, и о самом отечестве. О себе и своих потерях, о всевозможных несчастьях и гибели сограждан, о низвержении и разрушении отечества. В одном случае ты можешь воскликнуть: *“Горе мне!”*. В другом: *“Сколько сограждан моих Злою смертью погибло от вражьей руки”*¹, а в третьем: *“О отец, о отчизна!”*². Чтобы все это человека не трогало, и множество внезапных бедствий, обрушивающихся боевым клином и массой, не могло ничего ему сделать, он должен быть либо очень трезв и мудр, либо очень суров».

ГЛАВА VIII

Выступление против общественных бедствий. Но прежде всего, нужно обуздать три Аффекта, из коих в этой главе показное Лицемерие, когда люди оплакивают собственные Беды под видом Общественных

«Как ты считаешь, Липсий, я, кажется, достаточно отклонился от своего Постоянства, обсуждая причину твоего страдания? Однако я поступил, как смелые и решительные Полководцы: я выманил на поле боя все твои войска, с которыми сейчас собираюсь смело сразиться: сперва в некоей стычке, а затем в открытом поле и общем бою (под общими знаменами). В стычке же я собираюсь, предварительно спешившись³ (как говорили у древних), изгнать три Аффекта, крайне враждебные нашему Постоянству: Лицемерие

¹ Цицерон. Тускуланские беседы. II, 16 (38). Цитата из Квинта Энния (236—169 до н.э.) (Выступающий Гектор. Фрагмент 162: «Peto, prius quam oppeto malam pestem mandatam hostili»).

² Цицерон. Тускуланские беседы. II, 19 (4). Также см. цитату из Энния (Андромаха-пленница. Фрагмент 87) по изданию Джоселайна: The Tragedies of Ennius / The Fragments edited with an Introduction and Commentary of H. D. Jocelyn. Cambridge, 1969.

³ Фрагмент с этим выражением Катона Старшего дошел до нас в «Искусстве грамматики» латинского грамматика IV в. Флавия Сосипатра Харизия (II, 191).

рие, ложное Благочестие и внешнее Сочувствие. Начнем с первого из них. Ты говоришь, что общественные бедствия тебе невыносимы, несут тебе страдания и даже гибель. Но насколько серьезно ты это утверждаешь? Или тут есть некая ложь и преувеличение?» Меня это задело, и я говорю: «Ты это серьезно спрашиваешь? Или насмехаешься и провоцируешь меня?» «Серьезно, — отвечает он, — ведь многие из этой вашей больницы вводят врачей в заблуждение и симулируют скорбь об обществе, когда в действительности речь идет о частном страдании. Итак, я спрашиваю, вполне ли ты уверен, что претерпеваешь беспокойство, *“которое мучит тебя и сжигает, запав тебе в сердце”*¹, именно об отечестве, а не о своем?» «Разве ты в этом сомневаешься? — говорю я. — Об одном лишь отечестве моя скорбь, Лангиус, об отечестве». Он покачал головой и сказал: «Юноша, присмотришься как следует. Поистине, меня поражает в тебе эта исключительная и искренняя любовь к родине: она, без сомнения, редка. Я признаю, что люди часто ропщут на общественные бедствия, и нет иной скорби, столь привычной взору и, если можно так сказать, более выставляемой напоказ. Однако, если как следует присмотришься, у большинства обнаружишь разрыв между тем, что на языке, и что на сердце. Показные это слова: *“Мной движет несчастье родины”*, а не правдивые: они исходят с уст, а не изнутри. О знаменитом актере Полусе рассказывают, что когда он исполнял в Афинах пьесу, в которой требовалось представить страдание, то тайно принес с собой погребальную урну и кости своего покойного сына, и наполнил весь театр подлинными стенаниями и скорбными воплями²: то же нынче можно сказать о большинстве из вас. Вы, дорогие мои, ломаете Комедию и под видом отечества оплакиваете истинными и обильными слезами свои личные утраты. Весь мир разыгрывает драму, сказал Арбитр³: в этом случае так и есть. Все говорят: нас мучит эта гражданская война, пролитие крови невинных, уничтожение свобод и законов. Но так ли это? Я ясно вижу ваше страдание: но я хочу знать его причину и сомневаюсь в ней. В том ли она, что беда у общества?

¹ Цицерон (О старости. I, 1) цитирует «Анналы» Энния (X, 336). Сохранен перевод цитаты по изданию «О старости» в редакции М.Е. Грабарь-Пассек.

² Считается, что знаменитый греческий актер Полус (ок. 300 г. до н.э.) хотел усилить свою игру в «Электре» Софокла и взял на сцену урну с прахом своего сына для изображения останков Ореста.

³ Иоанн Солсберийский в 1159 г. в «Поликратике» (III, 8) приписывал это высказывание Петронию («fere totus mundus exercet histrionem»). Эти слова стали девизом театра «Глобус» (totus mundus agit histrionem), и Шекспир развивает эту метафору в комедии «Как вам это понравится» (1600).

Сними маску, лицедей, ведь дело в твоей собственной беде. Мы часто видим, как крестьяне трепещут, устраивают процессии и приносят обеты, когда случается внезапный неурожай или буря, но отзови их в сторону и расспроси, когда все уляжется, и узнаешь, что каждый из них боялся лишь за свои посевы и наделы. Если объявят в нашем городе пожар, то даже хромые и слепые сбегутся его тушить. Как ты думаешь, почему? Неужто из любви к родине? А впрочем, спроси у них: да потому, что такой урон или по крайней мере его угроза затронул бы каждого. Так и здесь. И общественные бедствия движут толпой и беспокоят людей не потому, что ущерб распространяется на многих, но потому, что они сами находятся среди этих многих».

ГЛАВА IX

Сие Лицемерие разоблачается яснее и с помощью примеров.

Краткое упоминание об истинном Отечестве. А также о лукавстве тех, кто радуется несчастью других, когда оно не затрагивает их самих

«Итак, рассуди это дело как судья сам перед собой и в своем же трибунале, но, как в старину, подняв завесу. В самом ли деле ты боишься этой войны? Боишься. Отчего? Оттого, что с войной сопряжены разрушение и гибель. Кого затрагивает это разрушение? Пока что других, но может коснуться также и тебя. В этом-то и суть твоего страдания (если хочешь признаться в истине, не подвергаясь пытке) и его источник! Ведь подобно тому как если кого-то одного поразила молния, стоящие поблизости затрепещут, так и при больших этих общественных бедах урон постигает немногих, а страх всех. Если устранишь его, то устранишь тем самым и связанное с ним страдание. Посмотри: если война идет в Эфиопии или Индии, то волноваться нечего, ведь ты вне досягаения, если же у белгов, то ты рыдаешь, вопиешь, бьешь себя по лбу и по бедру¹. Если же ты скорбишь об общественных бедствиях как таковых, то в чем разница? Ведь то не отечество мне, говоришь

¹ Битье себя в грудь или по бедрам для выражения печали, тревоги или раскаяния встречается уже в шумерской мифологии (миф о нисхождении богини Инанны в нижний мир), в Библии (Иер. 31. 19; Иез. 21. 12) и в Античности, например, у Гомера (Илиада. XII. 162; XV. 113, 397; XVI. 125; Одиссея. XIII, 198). Вероятно, оно связано с архаическим представлением о голове и бедрах (или коленях) как вместилище жизни, см.: *Онианс Р.* На коленях богов. М., 1999. С. 189, 191.

ты. Глупец: разве эти люди не одного с тобой рода и семени? Разве не живут они под тем же небесным сводом? На том же земном шаре? Ты считаешь, что сей клочок земли, ограниченный этими горами и окруженный этими реками, и есть твое отечество? Ты ошибаешься. Оно — весь мир, где только живут люди, происходящие от сего небесного семени. Прекрасно ответил некогда Сократ на вопрос, *“из какого он города: я житель Мира”*¹. Ибо великий и возвышенный дух не заключает себя в границы Мнения, но охватывает мыслью и чувством всю нашу Вселенную.

Нам смешно, когда мы видим дурачков, которых надзиратель или смотритель связывает соломинкой или тонкой нитью, а они стоят, словно закованные в железо и настоящие кандалы. Таково и наше безумие, когда мы привязаны непрочными узами мнения к какой-то части земли.

Но, оставляя в стороне более сильные аргументы (боюсь, ты не сможешь их переварить), добавлю более важные: если бы бог поручился тебе, что в этой войне не пострадает твое имение, в безопасности будут твой дом и деньги, а самого тебя поместит на гору и укроет гомеровским облаком², разве ты станешь печалиться? Про тебя я не осмелюсь такого сказать, но найдется немало людей, которые еще и порадуются и будут жадно тешить взор зрелищем кровавой бани. Что ты качаешь головой и недоумеваешь? Это некое присущее человеческому нраву злое качество, как сказал древний поэт, *“радоваться чужой беде”*³. Как иное терпкое яблоко бывает приятно на вкус, так и чужие заботы, когда мы ограждены от них. Представь себе, как некто с берега Океана наблюдает за кораблекрушением. Конечно, это его взволнует, но не без некоего неприятного укуса в душе, так как он видит чужие бедствия в отсутствие своих⁴.

¹ Цицерон. Тускуланские беседы. V, 37 (108).

² У Гомера боги неоднократно спасают героев с поля битвы, облекая их густым облаком или мглой. Афродита спасла таким образом Париса, Аполлон — Гектора, а Гефест — Идея.

³ «Laetans malo alieno»; Липсий цитирует приведенное у Цицерона перечисление пороков, согласно стоикам (Тускуланские беседы. IV, 16): «malevolentia laetans malo alieno» (в русском переводе М.Л. Гаспарова «зложелательство»). Ни мне, ни предыдущим издателям и переводчикам Липсия не удалось найти упоминаний о каком-либо поэте применительно к данной цитате. Возможно, это ошибка Липсия. Ян Моретус в 1584 г. вольно перевел эти слова на нидерландский язык двумя рифмованными строками, а затем полностью опустил завершающую главу цитату из Пиндара.

⁴ Лукреций. О природе вещей. II, 1—4. В пер. Ф. Петровского: «Сладко, когда на просторах морских разыграются ветры, / С твердой земли наблюдать за бе-

Но перенеси его на корабль в бушующих волнах, и скорбь его, несомненно, станет совсем иной. Так обстоит со всеми нашими словами и делами, и скорбь о собственных бедствиях подлинна и идет от сердца, о бедствиях же общественных мы скорбим на словах и потому что так положено. Превосходно сказал Пиндар: *“Ибо своя напасть всякому страшна, / А чужая пролетает над сердцем, не тронувши”*¹.

Посему, Липсий, убери, наконец, этот театральный занавес и заканчивай комедию; и, отбросив всякое лицемерие, покажи нам истинный лик своей скорби».

ГЛАВА X

Моя жалоба на чрезмерные упреки Лангиуса, и его добавление, что таков долг Философа. Попытка опровергнуть это; о долге и любви к отечеству

Я остро воспринял это первое столкновение, прервал его и воскликнул: «К чему столь прямолинейная и суровая речь? Ты хочешь меня обвинить или задеть? Я могу по праву воскликнуть вместе с Еврипидом: “Не бери мне раны”»².

Лангиус со смехом отвечал: «Так ты ждал от меня пирожков и медового вина? А ведь еще недавно просил железа и прижигания огнем. И правильно. Ведь ты, Липсий, слушаешь не флейтиста, а философа, задача которого учить, а не развлекать; служить пользе, а не успокаивать. Я предпочту, чтобы ты краснел и стыдился, нежели смеялся. Как сказал когда-то Руф³, “школа философа, люди, это лечебница”⁴, куда приходят за здоровьем, а не за удовольствием. Такой врач не поглаживает и не ласкает, но проникает вглубь, колет, царапает и едкой солью своих речей очищает умы. Так что впредь не жди от меня роз, сезама или опиума, но терниев, кинжалов, полыни и уксуса». Я же отвечал на это: «Но все же, Лангиус, ты, если можно так сказать, поступаешь со мной дурно и злонамеренно: ты не берешь верх законными приемами, как хороший борец, но сбиваешь подножкой. Ты говоришь, что наша скорбь об отечестве притворна и на самом деле не о нем. И моя скорбь тоже? Это не так. Я признаю (буду с тобой искренним), что думаю в этом случае и о себе тоже, но к этому все не

дою, постигшей другого, / Не потому, что для нас будут чьи-либо муки приятны, / Но потому, что себя вне опасности чувствовать сладко».

¹ Пиндар. Немейские песни. I, 53. Пер. М.Л. Гаспарова.

² Еврипид. Алкестида. 1047–1048.

³ Гай Музоний Руф, римский философ-стоик, учитель Эпиктета.

⁴ Эпиктет. Беседы III. 23.

сводится. Ведь я скорблю, Лангиус, скорблю прежде всего о родине, и буду оплакивать ее, даже будучи сам в безопасности от обрушившихся на нее бедствий. По праву и справедливости, ведь она приняла меня в этот мир, взлелеяла и вскормила и является по общему согласию народов священной и древнейшей родительницей. Ты даешь мне весь мир в качестве отечества. Кто с этим спорит? Но и ты со своей стороны должен признать за мной помимо этого огромного всеобщего отечества еще и другое, более конкретное и особое, к коему привязывают меня некие тайные узы природы.

Или ты станешь отрицать влекущую и притягивающую силу родных мест, где мы впервые встали на землю и прошли по ней ногами: мест, чей воздух мы впервые вдохнули, где пищали младенцами, играли детьми, упражнялись и учились в юности? Где знакомы взору небеса, реки и поля, где у тебя множество родных, друзей и добрых приятелей, где изобилие радостей, каких не найти нигде больше. Здесь дело не в тонкой нити Мнения, как видится тебе, но в крепких узах Природы. Взгляни на животных: дикие звери любят и признают свои норы, а птицы — гнезда. Даже рыбы в огромном беспредельном Океане любят держаться в определенной его части. Что же тут говорить о людях? Как цивилизованные, так и варвары столь привязаны к родной земле, что любой муж, не раздумывая, умрет за нее и на ней. Поэтому, Лангиус, я не могу тут принять твоей новой и суровой премудрости и ей последовать, а соглашусь скорее с верным утверждением Еврипида: *“влечения к отчизне преодолеть не может человек”*¹.

ГЛАВА XI

Отвергается второй Аффект: чрезмерная любовь к отечеству, которую, как показано, ложно называют Благочестием.

О причинах этого Аффекта и о том, что в действительности и поистине является отечеством

Лангиус с улыбкой отвечал: «Юноша, твое благочестие удивительно. Этак брат Марка Антония рискует уступить свое прозвище². Удачно, однако, что этот аффект вышел наружу и выступа-

¹ Финикиянки. 358—359. Пер. И. Анненского.

² Луций Антоний, брат триумвира Марка Антония, был консулом в 41 г. до н.э. Он сражался с войсками Октавиана на стороне брата и, по свидетельству Диона Кассия (кн. 48, 4—5), принял в знак преданности брату прозвище (когномен) Pietas (можно перевести не только как Благочестие, но и как Предан-

ет под знаменем. Я намерен сразиться с ним и низвергнуть его легким копьем. Но сперва я сорву с него как трофей прекрасные одежды, несправедливо им присвоенные. Ибо сию любовь к отечеству толпа называет Благочестием. Боюсь, что не могу этого ни понять, ни принять. При чем здесь Благочестие? Сия отменная добродетель есть не что иное, как законное и должное почтение и любовь к богу и родителям. С какой стати Отечество встает с ними в один ряд? Потому, говорят, что родина наша священнойшая и древнейшая родительница. О, глупцы: вы грешите здесь не только против Разума, но против самой Природы! Родина наша мать? Почему и каким образом? Я этого не вижу, может быть, ты, Липсий, выведешь меня из мрака своей зоркостью? Потому что она нас приняла? Ведь ты так, кажется, сказал? Но этим занимается любой хозяин гостиницы или постоялого двора? Взлелеяла? Так это сделала, причем нежнее, в свое время няня или кормилица. Вскормила? Это ежедневно делают скот, деревья и злаки, а из великих стихий, ничего не занимающих у Земли, это Небеса, Воздух и Вода. В конце концов, если уехать в другие края, то любая другая земля делает для тебя то же самое. Это все сочные текучие слова, из которых нельзя выжать ничего, кроме простонародного и нездорового сока Мнения. Родители — это лишь те, кто произвели тебя на свет, воспитали и вывели в люди. Те, кому мы семя от семени, кровь от крови, плоть от плоти. Если что-либо из этого можно сравнительно применить к отечеству, то я признаю свои нападки на такое Благочестие ложными. Да, но ведь так говорили ученые и великие мужи. Согласен, но делали они это ради славы, а не ради истины. Следуя истине, ты должен оставить священное и возвышенное понятие Благочестия для бога и, если тебе будет угодно, для родителей, а чувству к родине даже в возвышенном его виде повелеть довольствоваться почетным званием Любви. Но довольно об имени, давай лучше рассмотрим суть дела. Я не отвергаю этой любви, а умеряю ее и как бы подрезаю скальпелем здравого размышления. Если не подстригать виноградную лозу, то она слишком широко разрастается. Так и

ность, Верность). Пит Схряйферс в своем переводе трактата полагал, что речь идет о Луции Ве́ре, сводном брате и соправителе Марка Аврелия (*Lipsius J. Over standvastigheid bij algemene rampspoed. Vertaald, ingeleid en van aantekeningen voorzien door P.H. Schrijvers. Baarn, 1983. P. 56*). Очевидно, однако, что Липсий как знаток стоицизма и античной литературы не мог перепутать Марка Антония с Марком Аврелием. Смысл слов Лангиуса в его ироничном отношении к расширительному «родственному» и политически окрашенному толкованию благочестия. Это понимал современник и друг Липсия Муретус: в своем переводе он дал сноску, что брата Антония именовали «Любящим» (*Liefhebber*).

этот аффект, паруса которого наполняет ветром популярность. И я охотно признаю, Липсий (ведь я не перестал быть человеком и гражданином), что в любом из нас есть некая привязанность и любовь к малой родине, но причины ее и истоки, как я вижу, недостаточно ясно тобой осознаны. Ты полагаешь, что эти чувства имеют естественное происхождение, тогда как в действительности они возникают через обычай и общественное установление. Когда люди после грубой и разобщенной сельской жизни собрались в городах, начали строить дома и укрепления, собираться на сходки и совместно осуществлять нападение и оборону, между ними по необходимости возникла некая общность, сотрудничество в различных делах. Они сообща владели землей и границами, общественными были храмы, площади, казначейства, судилища; главнейшими связующими началами между людьми были обряды, права, законы. Однако по своей жадности мы начали (и не без основания) так любить и почитать эти вещи, как свои собственные. И действительно, каждый отдельный гражданин имеет на них право, и они не отличаются от частных владений, за исключением того, что не принадлежат кому-то одному. Это соучастие словно бы придало форму и образ ново-созданному государству, которое мы и именуем своей Страной и в собственном смысле Отечеством. Когда люди поняли, что должно служить на благо каждому, для поддержки и защиты каждого в нем были введены законы, или, по крайней мере, стал передаваться по наследству обычай, равносильный закону. Отсюда происходит, что мы наслаждаемся преимуществами своего Отечества, печалимся об ущербе для него: ведь если оно в безопасности, то в безопасности и наше достояние, гибнущее с его гибелью.

Отсюда привязанность и любовь, с помощью которых наши предки поддерживали вопросы общественного блага (к этому влечет нас и тайное божественное Провидение), всяким делом и словом добавляя отечеству величия. Таким образом, я полагаю, что этот аффект происходит из общественного установления. Если бы он был природным, как это представляется тебе, то почему тогда он не распределен между всеми людьми равномерно? Отчего знатные и богатые больше любят отечество и радеют о нем, а простонародье и бедняки заняты по большей части собственными заботами, оставляя общественные без внимания. Ведь со всеми аффектами, возникающими из неукротимого закона природы, дело обстоит иначе. И, наконец, почему тогда весьма легкие причины могут уменьшить или полностью подавить любовь к отечеству? Погляди, как одного выманивает с родины гнев, другого любовь — иного честолюбие. А сколь многих в наше время — пресловутое бо-

жество Выгоды? Сколько итальянцев ради него покинули царицу стран Италию, чтобы переехать и осесть в Галлии, Германии и даже Сарматии¹? Сколько тысяч испанцев жажда наживы и честолюбие ежегодно влекут в дальние края, где по-другому светит солнце? Право же, то, что одна какая-то страсть беспорядочно разрывает и рушит связь человека с родиной, является серьезным и убедительным доказательством того, что узы эти внешние и мнимые. Но ты, Липсий, сильно ошибаешься и в своем определении самого отечества. Ты ограничиваешь его землей, где мы появились и по которой ходили, и еще бряцаешь при этом пустыми ничего не значащими словами. Тем самым ты тщетно пытаешься доказать врожденную силу любви к отечеству. Ведь если бы это звание принадлежало только родимой земле, то для меня тогда отечество только Брюссель, для тебя Оферяйсе, для кого-то хижина или шатер, а для многих даже не хижина, а вовсе лес или голая равнина. Должна ли моя любовь и забота ограничиться этими узкими пределами? Должен ли я любить и защищать как отечество лишь свое имение и дом? Ты видишь, что это нелепо, и что тогда благословенны были бы люди лесов и полей, чья родимая земля всегда процветает и едва ли подвержена бедствиям или гибели. Но не в этом в действительности Отечество, о нет: это некое единое государство, которое, как я сказал, словно некий общий корабль, находится под управлением одного государя или под одним законом. Гражданин должен его любить — я это признаю; защищать — согласен; отдать за него жизнь — допускаю. Но не скорбеть, падать духом и рыдать.

“Сладостно и прекрасно умереть за Родину”², — сказал венецианский поэт к вящему одобрению публики; но умереть, сказал он, а не плакать. Мы обязаны быть хорошими гражданами, для чего необходимо быть доблестными мужами, а мы перестаем ими быть, когда плач и жалобы превращают нас в детей и женщин. И наконец, Липсий, я хочу внушить тебе нечто возвышенное и сокровенное: если взглянуть на людей вообще, то все эти отечества мнимы и ложны, и пускай ими можно наделить тело, но никак не дух. Для него, снисшедшего на нас свыше, любая земля подобна темнице и тюрьме. Небеса же есть наше истинное и подлинное отечество: да устремимся же к ним и из глубины души вместе с Анаксагором скажем на жалобу тупоумной толпы, что *“И тебе дела нет до отечества? Вот мое истинное отчество”³*, воздев перст и устремив дух ввысь».

¹ Моретус в современном Липсию переводе передал Сарматию как Московию.

² Гораций. Оды. III, 2, 13.

³ Диоген Лаэртский. II, 3, 7.

ГЛАВА XII

*Обуздание третьего Аффекта, Сочувствия, которое
[в чрезмерном виде (nitiat) – 1599] является пороком.*

Для ясности проводится различие с Милосердием.

О том, как и в какой степени его следует применять

Своей речью Лангиус словно разогнал туман в моем разуме, и я сказал: «Ты очень помогаешь мне, отец, как своими увещаниями, так и учением. Я вижу, что уже способен умерить сей Аффект в отношении родной земли и государства, но не в том, что касается самих людей. Ведь как могут не затрагивать и не удручать меня бедствия родины, рядом с моими согражданами и земляками: они брошены в сей поток несчастий или гибнут от множества плачевных причин». Лангиус, возражая, отвечал: «Но, Липсий, тут не подлинное горе, а Сочувствие, достойное презрения разумного и непоколебимого человека. Ничто не подобает ему больше, чем твердость духа и сила, а она невозможна, если ее подрывают и омрачают не только собственная, но и чужая скорбь». Тут я его оборвал и спросил: «Что это за стоические хитросплетения? Ты запрещаешь мне сочувствовать? Но это же добродетель для хороших людей, в особенности для нас, воспитанных в истинной вере и благочестии». Лангиус решительно отвечал: «Я действительно возражаю против этого, и, если я изыму этот недуг духа, то по-настоящему достойный муж не будет на меня в обиде. Ведь это поистине недуг, и сочувствующий беде сам недалек от беды. Как слабые больные глаза сочатся при виде чужих воспаленных глаз, так и дух скорбит при виде скорби. Правильно определить это как порок слабой и малодушной души, которую может сломить зрелище чужого несчастья. Что из этого следует? Разве мы столь суровы и бесчувственны, что отказываемся повернуться и оглянуться на чужую скорбь? Отнюдь нет, но повернуться, чтобы помочь, а не печалиться. Я предоставляю тебе Милосердие, а не сочувствие. Сейчас я бы хотел провести между ними разделение и ненадолго отойти от нашего портика для разъяснения. Милосердием я называю стремление духа облегчить чужую нужду или скорбь. Это добродетель, Липсий, которую ты видишь словно сквозь туман, и за которую обманно принимаешь Сочувствие. Но ведь переживать и сочувствовать свойственно человеку? Пусть это так, но это неразумно. Или ты полагаешь, что можно найти какую бы то

ни было добродетель в мягкотелости и упадке духа? В том, чтобы жаловаться, вздыхать и охать со скорбящим? Ты ошибаешься. К тому же я могу показать тебе немало скупых старушек и скарденных Евклионов¹, у которых проще исторгнуть из глаз тысячу слез, чем одну монетку из кошелька. Для нас же поистине милосерден тот, кто будет не выражать сочувствие, но сделает то же и даже больше, чем сочувствующий. Он будет взирать на несчастья ближнего человеческим, однако же здравым взглядом, приняв сдержанный вид, а не горестный и унылый; утешать он будет твердо, а помогать щедро; на деле будет добрее, чем на словах, и скорее подаст бедному и нуждающемуся руку помощи, нежели слова. И все это он будет выполнять осторожно и осмотрительно, дабы, как при заразе, не перенести болезнь на себя, или, как говорят гладиаторы, не получить удар сквозь тело другого. Что в этом жесткого и сурового? Такова всякая Мудрость: она представляется строгой и суровой, когда глядишь на нее издали, когда же подходишь достаточно близко, открывается ее кротость и мягкость, а нежности и благожелательности в ней не меньше, чем у самой богини Любви. Но довольно об этих трех Аффектах. Если я отчасти избавил тебя от них, то это весьма поможет мне в следующей битве».

¹ Персонаж комедии Плавта «Клад» (в другом переводе «Горшок»), постоянно переживающий о своих деньгах.

Anton Schindling (Tübingen)

Primus Truber / Primož Trubar, ein slawischer Reformator in Württemberg

Unter den Vermittlern der von Deutschland ausgehenden Reformation unter Menschen slawischer Sprache nimmt der Slowene Primus Truber eine unverwechselbare Stellung ein. Primus Truber (1507?–1587) ist heute eine nationale Symbolfigur der Republik Slowenien in Erinnerung an die Schöpfung der slowenischen Schriftsprache durch seine Übersetzungen und Drucke biblischer und reformatorischer Schriften. Er war katholischer Priester und Domherr in seiner Diözese Ljubljana/Laibach, wandte sich Ende der 1540er Jahre jedoch der Reformation zu und wurde lutherischer Prediger in süddeutschen freien Reichsstädten und in Württemberg. In Württemberg erarbeitete er, unterstützt von Herzog Cristoph, seine Übersetzungen ins Slowenische und besorgte die Drucke in der «Uracher Bibelanstalt» des adeligen Glaubensemigranten Hans Ungnad, der gleichfalls aus Innerösterreich kam.

Der spätere Reformator wurde zwischen 1507 und 1509 in Rašica in der Pfarrei Škocjan pri Turjaku/St. Kanzian bei Auersperg in der Unterkrain als Primus Malnar geboren und starb am 15. Juni 1586 in Derendingen (heute einem Ortsteil von Tübingen); zwischen 1520 und 1526 nahm er den Familiennamen seiner Mutter Trubar an, dessen Schreibweise er bis 1528 zu Truber änderte¹.

Innerösterreich

Truber war ein Slowene aus der Landschaft Krain. Die Schauplätze seiner ersten Lebenshälfte waren Krain und Innerösterreich, das heißt das Gebiet der drei Herzogtümer Steiermark, Kärnten und Krain, die unter der Herrschaft des Hauses Habsburg einen Teil der habsburgischen Erblande im Südosten des Heiligen Römischen

¹ *Rupel Mirko*. Primus Truber. Leben und Werk des slowenischen Reformators. München, 1963 ; *Golec Boris*. Neue Erkenntnisse über die Herkunft und Identität von Primus Truber (Primož Trubar) // Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. Hg. von Sönke Lorenz, Anton Schindling, Wilfried Setzler. Stuttgart, 2011. S. 79–92.

Reiches deutscher Nation darstellten. Seit der neuen administrativen Binnengliederung der österreichischen Erblande durch Maximilian I. um 1500 bildete Innerösterreich eine eigene Ländergruppe mit dem politischen und verwaltungsmäßigen Zentrum in der steirischen Landeshauptstadt Graz¹. Neben den drei Herzogtümern Steiermark, Kärnten und Krain gehörten zu Innerösterreich hin zur Adria und nach Friaul noch die wichtige Bischofs- und Hafenstadt Triest/Trieste, die gefürstete Grafschaft Görz/Gorizia und Gradiska sowie ein Küstenstreifen Istriens. Die Bevölkerung in diesen Ländern war sprachlich gemischt: Deutschsprachige lebten neben Slawen (Windischen) und Italienischsprachigen. An der Adria war der kulturelle Einfluss des nahen Venedig sehr spürbar. Das Gebiet Innerösterreichs gehörte kirchlich im Norden zur Erzdiözese Salzburg und im Süden zum Patriarchat Aquileja. Salzburg unterstanden die kleinen Suffraganbistümer Gurk, Lavant (Bischofssitz Sankt Andrä im Lavanttal) und Seckau; es handelte sich dabei um Eigenbistümer des mächtigen Erzbischofs auf dem Stuhl der Heiligen Rupert und Virgil. Das Bistum Triest/Trieste gehörte zum Metropolitanverband von Aquileja. In Ljubljana/Laibach, der Landeshauptstadt von Krain, wurde 1461 durch Kaiser Friedrich III. und Papst Pius II. ein *exemptes*, nur dem Papst unterstelltes Bistum gegründet.

Die drei innerösterreichischen Herzogtümer waren ständestaatlich organisiert. Der mit großem Grundbesitz ausgestattete Adel dominierte die Landstände². Er baute sich großzügige Schlösser auf dem Land. Die bäuerliche Bevölkerung war ihm gutsherrschaftlich untertänig. Neben dem Adel spielten auf den Landtagen die Städte und Märkte und das Gewerbe und Handel treibende Bürgertum nur eine untergeordnete Rolle. Als Tagungsorte der Landtage der drei Herzogtümer hatten sich am Übergang vom Mittelalter zur Neuzeit um 1500 Graz, Klagenfurt und Laibach/Ljubljana als feste Landeshauptstädte herausgebildet. Dort waren die Landschaftshäuser die Mittelpunkte des ständischen politischen Lebens, die großen Adelsfamilien und die geistlichen Grundherren besaßen ihre Stadtpalais.

Schicksalhaft war die Nähe der «Türkengrenze», der Demarkationslinie zum Osmanischen Reich, das seit dem späten 14. Jahrhun-

¹ *Amon Karl*. Innerösterreich // Die Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Land und Konfession 1500–1650. Hg. Von Anton Schindling und Walter Ziegler. Bd. 1: Der Südosten. 2. Aufl. Münster, 1992 S. 102–116.

² *Schindling Anton*. Die Habsburger, das Reich, die Erblande und die Reformation // Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. S. 287–301.

dert die Unterwerfung der Balkanländer betrieb. Zwischen dem islamischen türkischen Machtbereich und der Grenze des Heiligen Römischen Reiches deutscher Nation lagen zwar noch die christlichen Königreiche Ungarn und Kroatien, wobei letzteres als Nebenreich fest mit dem ungarischen St. Stephansreich verbunden war¹. Ungarn und Kroatien wurden durch die osmanische Expansion auf schmale Landstreifen reduziert und unterlagen einem fast permanenten Grenzkrieg. Das Schicksalsjahr war 1526, als in der Schlacht von Mohács gegen die siegreichen Türken das mittelalterliche Königreich Ungarn unterging und der ungarisch-böhmische Zweig der Dynastie der Jagiellonen erlosch. Seit 1526 war Erzherzog Ferdinand I., der jüngere Bruder Kaiser Karls V., auch König von Böhmen und von Ungarn. Er organisierte entlang der militärischen Demarkationslinie zum türkischen Machtbereich die «Militärgrenze» als einen eigenen administrativen Bezirk in Kroatien und Westungarn, wo Wehrbauern im Genuss von persönlicher und religiöser Freiheit lebten und den «kleinen Krieg» («guerilla») gegen die Kämpfer des osmanischen Sultans und islamischen Kalifen führten. Hier siedelten unter anderem viele griechisch-orthodoxe Serben, die sich der Herrschaft des Sultans entzogen hatten. Gewalttätige Einfälle der türkischen Truppen gehörten zum Alltag der Menschen, nicht nur an der kroatischen und ungarischen Grenze, sondern auch weit im Hinterland, in Krain und der Südsteiermark. Die sogenannte «Knabenlese», der Raub männlicher Kinder mit der Absicht, diese als zum Islam zwangskonvertierte Janitscharen zu Elitesoldaten des Sultans heranzubilden, gehörte zu den Traumata der christlichen Bevölkerung in den Grenzregionen. Die permanente Drohung eines Türkenkriegs stärkte die politische Stellung der Landstände in Innerösterreich, da die habsburgischen Landesherren auf die Kooperation mit dem Adel, auf dessen finanzielle Unterstützung und Militärdienste angewiesen waren.

Die Nähe der Türkengrenze schuf eine eigene Atmosphäre der religiösen Bedrohung. Der «Glaubenskrieg» war hier zumindest potentiell eine alltägliche Realität, auch wenn es immer wieder pragmatische Phasen einer Art Waffenstillstand zwischen den Reichen gab². Die Habsburger

¹ *Fata Márta*. Ungarn, das Reich der Stephanskronen // Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Multiethnizität, Land und Konfession 1500–1700. Hg. von Franz Brendle und Anton Schindling. Münster, 2000.

² *Schindling Anton*. Religionskriege als Gerechte Kriege? Waffengewalt im Zeichen von Humanismus, Reformation und Gegenreformation // Ethik und Ästhetik der Gewalt. Hg. von Julia Dietrich und Uta Müller-Koch. Paderborn, 2006. S. 177–198; *Id.* Türkenkriege und «konfessionelle Bürgerkriege». Erfahrungen mit «Religionskriegen» in der Frühen Neuzeit // Krieg und Christen-

verstanden sich als Familie prononciert als Verteidiger der katholischen Kirche – gegen die muslimischen Türken als äußeren und gegen die Protestanten als inneren Feind der einen universalen Kirche von Rom. Dennoch konnten die österreichischen Erzherzöge das Eindringen von evangelischem Gedankengut auch in ihre Lande nicht verhindern. Die deutschsprachige Bevölkerung – der Adel ebenso wie das Bürgertum – wandte sich im Laufe des 16. Jahrhunderts stark dem Protestantismus zu. Durch die Ständeverfassung wurde jedoch ebenfalls der herrschaftliche Besitz der Bischöfe, der Klöster und Stifte gesichert, wodurch die katholische Kirche Stützpunkte für ihr Überleben innehatte. Hierzu gehörte auch weltlicher Besitz von Bischöfen aus dem Heiligen Römischen Reich, so denen von Bamberg und Freising.

Leben und Werk Primus Trubers

Als Sohn eines wohlhabenden Zimmermanns und Müllers war Truber für den geistlichen Stand bestimmt und besuchte Schulen in Sankt Veit am Pflaum/Rijeka/Fiume und der Abtei St. Peter in Salzburg¹. Seit 1524 lernte er als Priesteramtskandidat in Triest bei Bischof Pietro Bonomo (Buonuomo, Bischof 1502–1546) den erasmischen Humanismus kennen. Er immatrikulierte sich 1528 an der Universität Wien, von wo er wegen der drohenden türkischen Belagerung wieder nach Triest zurückkehrte. In Wien erlebte er die Hinrichtung des Täufers Balthasar Hubmaier (Hubmayr, um 1485–1528). Nach der Priesterweihe durch Bonomo 1530 übernahm Truber zunächst die Pfarrei Laško in der Südsteiermark. Von 1536 bis 1540 war er einer von vier Predigern am Dom St. Nikolaus in Ljubljana/Laibach, wo er auf Slowenisch predigte. Wegen reformatorischer Auffassungen geriet er mit dem Laibacher Bischof Christophorus Rauber (Bischof 1494–1536) in Konflikt und zog sich 1540 zu Bischof Bonomo zurück. Er wirkte in Triest als slowenischer Prediger, weiterhin begleitet vom Misstrauen altgläubiger Kleriker.

tum. Religiöse Gewalttheorien in der Kriegserfahrung des Westens. Hg. von Andreas Holzem. Paderborn, 2009. S. 596–621.

¹ Ein Leben zwischen Laibach und Tübingen. Primus Truber und seine Zeit. Intentionen, Verlauf und Folgen der Reformation in Württemberg und Innerösterreich / Hg. von Rolf-Dieter Kluge. München, 1995; Vera in Hotenja [Foi et volonte] / Hg. von Sašo Jerše. Ljubljana, 2009; *Kluge Rolf-Dieter*. Primus Truber. Leben, Werk und Wirkung // Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. S. 69–77; *Schindling Anton*. Primus Truber (1507/1508–1586) // Das Reformatorenlexikon / Hg. von Irene Dingel und Volker Leppin. Darmstadt, 2014. S. 247–252.

Der neue Laibacher Bischof Franz Kazianer (Bischof 1536–1543) berief Truber in die Hauptstadt Krains zurück und verschaffte ihm 1542 die Stelle eines Domherrn. Durch den Tod des reformgesinnten Oberhirten änderte sich die Lage. Der Nachfolger Urban Textor (Bischof 1543–1558) stand dem Landesherrn König Ferdinand I. nahe und setzte nach dem Sieg Kaiser Karls V. im Schmalkaldischen Krieg (1547/1548) die reformationsfeindliche Politik der beiden habsburgischen Brüder in seinem Bistum strikt durch. Der bisherige Domherr an der Nikolauskathedrale Primus Truber floh jetzt nach Süddeutschland in die evangelische freie Reichsstadt Nürnberg zu dem Pfarrer an der St. Sebalduskirche Veit Dietrich (1506–1549), womit er seinen endgültigen Wechsel vom Reformkatholizismus zur Reformation deutlich machte. In der freien Reichsstadt Rothenburg ob der Tauber erhielt er 1548 eine Anstellung als Diakon und Fröhprediger an der Spitalkirche Heilig Geist. Truber heiratete und verfasste die beiden ersten slowenischen Bücher: (1.) unter dem deutschen Titel *Catechismus in der windischen Sprach* einen Katechismus (in Anlehnung an die Katechismen von Martin Luther, Johannes Brenz und Veit Dietrich) mit Kirchenliedern nach Luther sowie (2.) eine ABC-Fibel (*Abecedarium*) mit dem Kleinen Katechismus von Brenz. Die Drucke erfolgten 1550 vermutlich in der freien Reichsstadt Schwäbisch Hall und nicht in der württembergischen Universitätsstadt Tübingen (wie früher angenommen wurde)¹.

Von 1553 bis 1561 wirkte Truber in der freien Reichsstadt Kempten im Allgäu als Stadtpfarrer an der St. Mangkirche. Er setzte mit einer Kirchenordnung 1553 die Ausrichtung der Kemptener Kirche auf das Luthertum und die Abkehr von oberdeutschen und zwinglischen (schweizerischen) Traditionen durch. In Rothenburg und Kempten begann Truber sein Lebenswerk: die Übersetzung reformatorischer Schriften in die slawische (*windische*) Sprache der bäuerlichen Bewohner Krains und der Südsteiermark sowie deren anschließenden Druck. Nach dem Auftakt mit dem Katechismus und dem ABC-Buch 1550 ging er daran, das Neue Testament und Teile des Alten Testaments auf der Grundlage der Lutherbibel zu übertragen (Psalmen 1566, das gesamte Neue Testament 1582). Truber begründete mit seinen Drucken die slowenische Schriftsprache aus einer bisher in Dialekte gespaltenen, nur mündlich gebrauchten und in Manuskripten bezeugten Sprache. Er wurde als Sprachschöpfer zum «slowenischen Luther». Diese Pionierleistung ist unumstritten, wenngleich einige Sprachforscher meinen.

¹ *Ahačič Kozma*. Neue Entdeckungen und Erkenntnisse zum slowenischen Protestantismus // Zeitschrift für Slawistik. 2014. 59 (3). S. 385–398.

dass er das Slowenische zu stark nach dem Muster des Deutschen reguliert habe¹.

In den habsburgischen Erbländen konsolidierte sich unter den Söhnen Ferdinands I. (gestorben 1564) der Protestantismus im Zeichen der Macht der Landstände. Es kam zur Einrichtung von ständischen Landeskirchen mit lutherischen Kirchenordnungen. Truber folgte 1562 zum dritten Mal einem Ruf nach Laibach – dieses Mal als evangelischer Superintendent der Landstände und Prediger an der Spitalkirche St. Elisabeth. Er verfasste 1564 eine Kirchenordnung nach dem Muster der Württembergischen von 1559². Der neue Landesherr, Erzherzog Karl II. von Innerösterreich, der dritte Sohn Kaiser Ferdinands I., war jedoch nicht bereit, diese «ordninga» anzuerkennen und verwies Truber des Landes. Dieser fand jetzt dauerhaft Zuflucht im lutherischen Württemberg, wo Herzog Christoph (1515–1568, Herzog seit 1550) großes Interesse an der Ausbreitung des Evangeliums im Südosten bewies – beraten von zwei evangelischen Glaubensflüchtlingen, Pietro Paolo (Pierpaolo) Vergerio (1498–1565), dem ehemaligen katholischen Bischof des venezianischen Capo d'Istria/Koper³, und Hans Ungnad Freiherr von Sonneck (1493–1564), vormals Landeshauptmann der Steiermark, einem der reichsten Großgrundbesitzer der innerösterreichischen Länder Steiermark, Kärnten und Krain.

Schon zuvor muss Michael Tiffernus (1488–1555), der aus der Krain stammende Erzieher des nachmaligen Herzogs, den württembergischen Regenten auf die Probleme dieser Länder hingewiesen haben⁴. Die an der kroatischen Grenze drohende und für das gesamte Heilige Römische Reich gefährliche Türkengefahr schien durch die Förderung der Reformation gebannt werden zu können, weil durch sie der Zorn Gottes über den Verfall der (katholischen) Kirche beschwichtigt und so der Türkenkrieg als «Strafgericht Gottes» abgewendet werden könnte. Durch die Ausbreitung der Reformation unter den Südslawen würde vielleicht sogar die Kirchenspaltung

¹ *Raecke Jochen*. Primus Truber als Autor und Übersetzer. Betrachtungen zum Thema literarische Originalität // Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. S. 119–144.

² *Golec Liljana Žnidaršič*. Die slowenische Kirchenordnung von 1564 zwischen Wunsch und Wirklichkeit // Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. S. 103–115.

³ *Salvadori Stefania*. Pietro Paolo Vergerio der Jüngere (1498–1565) // Das Reformatorenlexikon. S. 263–267.

⁴ *Brendle Franz*. Michael Tiffernus (1488–1555). Humanistischer Lehrer, politischer Ratgeber und Vertrauter Herzog Christophs von Württemberg // Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. S. 229–245.

mit der Orthodoxie überwunden werden. Eine solche missionarische Zukunftsvision des Herzogs in Stuttgart brachte Primus Truber zunächst 1565 eine Pfarrstelle in der Stadt Lauffen am Neckar, dann 1567 diejenige im Dorf Derendingen bei Tübingen ein. Die Einkünfte der Derendinger Pfarrei St. Gallus und der Austausch mit den Theologen der benachbarten Universität Tübingen sollten das Werk einer evangelischen Schriftenmission unter den Slawen in der südlichen Habsburger Monarchie ermöglichen.

Dieser Aufgabe verschrieb sich auch Hans Ungnad von Sonneck, der sich nach dem 1556 erfolgten konfessionellen Zerwürfnis mit seinem Landesherrn Ferdinand I. ins lutherische Württemberg zurückzog. Ungnad finanzierte seit 1558 die Einrichtung einer Druckerei im aufgehobenen St. Amandusstift in (Bad) Urach, wo slowenische und kroatische Drucke für die religiöse Unterrichtung der slawischen Bevölkerung in Innerösterreich und Kroatien gedruckt wurden, darunter auch kroatische Bücher in glagolitischen Lettern. Truber arbeitete für die Druckerei Ungnads mit slowenischen und kroatischen Glaubensflüchtlingen zusammen, so Stephan Consul von Istrien (Stjepan Konzul Istranin / Stipan Konzul Istrijan, 1521 – um 1568), Anton Dalmata (Antun Dalmatin, um 1500–1579) und Georg Dalmatin (um 1547–1589). In Urach wurden 1562/1563 unter anderem der von Truber übersetzte und bearbeitete Text der *Confessio Augustana* (Invariata) sowie eine von Stephan Consul und Anton Dalmata angefertigte kroatische Übersetzung des Neuen Testaments – in glagolitischen und kyrillischen Lettern – gedruckt. Während knapp fünf Jahren haben 37 Druckwerke in etwa 31.000 Exemplaren die Uracher Presse verlassen, wobei der Hauptteil, nämlich 13 Drucke mit 12.750 Exemplaren auf Kroatisch in glagolitischer Schrift erschien. Nach dem Tod Ungnads Ende 1564 musste die *Windische, chrabatische und cirulische* [kyrillische] *Thrukerey* (die sogenannte „Uracher Bibelanstalt“) ihren Betrieb einstellen¹. Truber arbeitete bis zu seinem Tod 1586 weiter an der Übersetzung reformatorischer Grundschriften ins Slowenische. Zu seinen Lebzeiten erschienen an die 40 Drucke, für die Truber als Autor, Übersetzer oder Herausgeber fungierte. Sein Unterkrainger Landsmann und Schüler Georg (Jurij) Dalmatin legte 1584 die vollständige slowenische Bibelübersetzung auf der Grundlage der hebräischen und griechischen Originaltexte sowie der deutschen Lutherbibel vor (Druck 1584 in Wittenberg).

¹ *Ehmer Hermann*. Primus Truber, Hans Ungnad von Sonneck und die Uracher Druckerei 1560–1564 // Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. S. 201–216.

Truber starb 1586 in Derendingen, wo er vor dem Eingang der St. Galluskirche beerdigt wurde. Die Universität Tübingen ehrte ihn mit einem feierlichen Begräbnis, bei dem ihr erster Theologe Jakob Andreä (1528–1590) die Leichenpredigt hielt¹. Der slowenische Pfarrer erhielt ein gemaltes Renaissance-Epitaph in der Kirche. Darauf findet sich im Hintergrund einer österlichen Auferstehungsszene als ein fiktives Bild Jerusalems eine Darstellung der Stadt Ljubljana/Laibach mit ihren charakteristischen Brücken über den Laibachfluss². Die Landeshauptstadt Krains war der Sehnsuchtsort des Derendinger Pfarrers und Fluchtpunkt seiner täglichen Übersetzungsarbeit geblieben. Dort sollte sein missionarisches Wirken Früchte tragen. Truber war dreimal verheiratet gewesen, seine Söhne Primus der Jüngere (um 1551–1591) und Felician (um 1555–1602) folgten dem Vater als Pfarrer in der württembergischen Kirche; Felician wirkte auch von 1591 bis 1599 als Krainer Superintendent in Laibach.

Nachleben und Memoria

In Innerösterreich endete die Reformation Trubers unter den Slowenen fast ausnahmslos durch den Erfolg der Gegenreformation im 17. Jahrhundert³. Nur in dem zum Königreich Ungarn gehörigen Übermurgebiet (Prekmurje) und in einem Ort des Kärntner Geheimprotestantismus (Agoritschach) überlebte das evangelische Bekenntnis bei Slowenischsprechenden bis zum Toleranzedikt Kaiser Josephs II.⁴.

¹ *Brendle Franz, Riethe Peter*. Die Leichenpredigt Jakob Andreaes für Primus Truber // Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. S. 23–66.

² *Setzler Wilfried*. Das Epitaph für Primus Truber in der Pfarrkirche zu Derendingen // Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. S. 273–284.

³ Katholische Reform und Gegenreformation in Innerösterreich 1564–1628. [Kato-liška prenova in protireformacija v notranjeavstrijskih deželah 1564–1628. Riforma cattolica e controriforma nell'Austria Interna 1564–1628.] Hg. von France M. Dolinar, Maximilian Liebmann, Helmut Rumpler, Luigi Tavano. Klagenfurt / Ljubljana / Wien / Graz / Köln, 1994; *Dolinar France M.* Die Gegenreformation in Innerösterreich und das Schicksal der Protestanten // Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. S. 327–340; Die Reformation in Mitteleuropa [Reformacija v Srednji Evropi]. Beiträge anlässlich des 500. Geburtstages von Primus Truber (2008). Hg. von Vincenc Rajšp, Karl W. Schwarz, Boguslaw Dybaś, Christian Gastgeber. Wien/Ljubljana, 2011.

⁴ Staatsmacht und Seelenheil. Gegenreformation und Geheimprotestantismus in der Habsburgermonarchie. Hg. von Rudolf Leeb, Susanne Claudine Pils, Thomas Winkelbauer. Wien / München, 2007; Geheimprotestantismus und evangelische Kirchen

Dank der Verwendung der Bibelübersetzung Georg Dalmatins auch in der katholischen Kirche blieb jedoch die Erinnerung an die literarische Leistung Trubers und seines Kreises wach. Der Laibacher Bischof Tomaž Hren (Thomas Chrön/Kren, Bischof 1597–1630), der im Übrigen die protestantischen Bücher gemäß der Weisung des Landesfürsten Ferdinand II. zu verbrennen befahl, erwirkte 1602 und 1621 bei der Regierung in Graz und beim Papst in Rom die Genehmigung, dass die katholischen Priester die Bibel gebrauchen durften, die der Protestant Dalmatin ins Slowenische übersetzt hatte, sofern sie in ihren Exemplaren dessen Einleitung durchstrichen und nicht lasen. Diese Ausnahmeerlaubnis wurde in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts noch einmal bekräftigt¹.

Von der slowenischen Nationalbewegung des 19. und frühen 20. Jahrhunderts wurde Truber als Begründer der Schriftsprache gelobt. Seine Gestalt war allerdings bis zum Ende der Habsburger Monarchie zwischen Katholiken und Liberalen umstritten, wie der Konflikt um ein Denkmal für Truber in Laibach 1908 bis 1910 zeigte². Seit der Unabhängigkeit der Republik Slowenien 1991 erlangte Truber den Rang einer nationalen Symbolfigur, dem zu Ehren der Reformationstag 31. Oktober in dem ganz überwiegend katholischen Land zum staatlichen Nationalfeiertag erklärt wurde und dessen Porträt die slowenischen Ein-Euro-Münzen schmückt. Nachdem unter kommunistischer Herrschaft die Truber-Erinnerung säkularistisch umgebogen und für antiklerikale Propaganda gegen die katholische Kirche genutzt worden war, hat sich – nachhaltig im Umfeld des 500jährigen Geburtsjubiläums 2008 – eine religiöse Sicht der Persönlichkeit Trubers durchgesetzt, dessen Lebensleistung heute auch in der katholischen Kirche Sloweniens Respekt gezollt wird³. Wissenschaftlich haben sich in den letzten 50 Jahren vor allem katholische Theologen mit Trubers Denken beschäftigt⁴. Die erhaltenen Truberdrucke in den

in der Habsburgermonarchie und im Erzstift Salzburg (17./18. Jahrhundert). Hg. von Rudolf Leeb. Wien, 2009.

¹ Dolinar France M. Politische Rekatholisierung und katholische Reform in Innerösterreich am Beispiel des Laibacher Bischofs Tomaž Hren (1597/99–1630) // Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. S. 341–351.

² Dolinar France M., Širubelj Zvone. Das Denkmal für Primož Trubar in Ljubljana // Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. S. 393.

³ Širubelj Zvone. Mut zum Wort. Primož Trubar 500 Jahre 1508–2008. Klagenfurt, 2009.

⁴ Oražem France. Dogmatični nazori Primoža Trubarja in njegova odvisnost od početnikov reformacije [Die dogmatischen Konzeptionen Trubers und seine Abhängigkeit von den Anfängen der Reformation]. Ljubljana, 1964; Rajhman Jožė.

Bibliotheken in Ljubljana, Tübingen und Wien werden als Rara gewürdigt¹. Zahlreiche Truberdenkmäler im öffentlichen Raum in Slowenien (sogar ein Bronzerelief am neuen Hauptportal des Laibacher St. Nikolausdoms von 1996)², aber auch an seinen Wirkungsstätten in Süddeutschland wurden in den zurückliegenden Jahrzehnten errichtet. Trubers Leben und Werk hat Literaten und bildende Künstler in Slowenien inspiriert, so etwa den Schriftsteller Drago Jančar zu seiner Erzählung «Feuer» (2001)³.

In Württemberg war Truber weitgehend vergessen. Initiativen im Umfeld des 500jährigen Tübinger Universitätsjubiläums 1977 haben die Bücherschätze der Tübinger UB und das Wirken der zeitweiligen «Uracher Bibelanstalt» Hans Ungnads erstmals ins Blickfeld gerückt und die Bedeutung der schwäbischen Hochschule und lutherischen Landeskirche für die Reformation in Südosteuropa bekannt gemacht. Die Truber-Jubiläumsjahre 1986 und 2008 wurden an den süddeutschen Wirkungsstätten Trubers und in Slowenien begangen⁴. Im Jahr 1922 war eine Gedenktafel an den «slowenische Luther» in Kempten im Allgäu noch ein einsamer Solitär gewesen. Aber inzwischen ist die Memoria Trubers zumindest im Raum der Evangelischen Kirche in Schwaben und Bayern fest verankert⁵.

Prva slovenska knjiga v luči teoloških, literarno-zgodovinskih, jezikovnih in zgodovinskih raziskav [Das erste Werk in slowenischer Sprache im Lichte von theologischen, literaturgeschichtlichen, sprachwissenschaftlichen und historischen Studien]. Ljubljana, 1977; Pisma Primoža Trubarja [Die Briefe von Primož Trubar]. Hg. von Jože Rajhman. Ljubljana, 1986.

¹ *Vorndran Rolf*. Südslawische Reformationsdrucke in der Universitätsbibliothek Tübingen. Eine Beschreibung der vorhandenen glagolitischen, kyrillischen und anderen Drucke der «Uracher Bibelanstalt». Tübingen, 1977; *Lagler Wilfried*. Kurzübersicht über die zu seinen Lebzeiten im Druck erschienenen Werke Primus Trubers // Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. S. 145–200.

² *Dolar France M., Šrubač Zvone*. «Die slowenische Tür». Hauptportal des Doms St. Nikolaus zu Ljubljana // Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. S. 416–418.

³ *Jančar Drago*. Die Erscheinung von Rovenska. Erzählungen. Bozen, 2001.

⁴ *Schindling Anton u.a.* Truber-Memoria im 20. und 21. Jahrhundert, Gedenkorte in Slowenien und Deutschland // Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. S. 389–427.

⁵ *Fresacher Gespräche* 2012. Primus Truber und die Reformation in Slowenien. Hg. von Oskar Sakrausky. Fresach/Kärnten, 2013; *Schindling Anton*. Primus-Truber-Gedenkorte in Süddeutschland // Carinthia I. Zeitschrift für geschichtliche Landeskunde von Kärnten. 203, 2013. S. 167–183.

Антон Шиндлинг (Тюбинген)

Примус Трубер / Примож Трубар: об одном славянском реформаторе в Вюртемберге

Примож Трубар (1507?—1587) — крупнейший словенский реформатор и основоположник словенского литературного языка — мало известен русскоязычному читателю, в том числе специалистам по Реформации. Но не случайно его представляет нам профессор из Тюбингена — первые книги на словенском языке вообще (до тех пор это был устный диалект деревень австрийской Краины) родились именно в окрестностях этого знаменитого университетского городка земли Вюртемберг. И написал их — Катехизис в лютеровском духе и Букварь — Примож Трубар. После того как в 1548 г. (в 40 лет) он был вынужден покинуть родину и укрыться в Германии, Трубар много сил своих отдал переводу сочинений реформаторов и Нового Завета на словенский язык. Профессор Шиндлинг в силу своих профессиональных интересов в последние годы особенно заинтересованно и основательно изучает его жизнь и наследие.

С провозглашением независимости Республики Словения в 1991 г. Трубар был возведен в ранг ее национального героя. Даже вопреки тому, что подавляющая часть словенцев — католики (в XVII в. Контрреформация здесь победила), не признать его заслуг в создании национального языка и литературы было невозможно. А еще одна юбилейная дата — 500-летие Тюбингенского университета (1977) — дала импульс к изучению забытого было словенского реформатора в Германии, правда, уже в контексте заслуг университета и лютеранской церкви Вюртемберга в утверждении Реформации на юго-востоке Европы. Так что два знаменательных события в Словении и Вюртемберге стимулировали контакты исследователей этих стран в изучении трудов «словенского Лютера».

Шиндлинг предлагает вниманию читателей краткий, но чрезвычайно информативный и сбалансированный очерк о деятельности Трубара в качестве священнослужителя и реформатора, литератора и переводчика. Он предваряет его исторической справкой о Внутренней Австрии в XVI в. — родных для Трубара землях, из которых он, однако, не раз был изгнан. Долгая и насыщенная событиями и свершениями жизнь Трубара предстает здесь перед нами в основных ее вехах.

(Резюме А.В. Дорониной)

В.А. Дятлов

Курфюрст Фридрих Саксонский Мудрый (1463–1525).

Политика и вера

Курфюрст Фридрих Саксонский Мудрый — наиболее загадочная фигура в истории европейской Реформации. Новое вероучение зародилось в недрах его главного интеллектуального центра — в Виттенбергском университете. Курфюрст взял под защиту Лютера и спас его от смертного приговора, вынесенного императором Священной Римской империи Карлом V в 1521 г. Его покровительство реформаторам имело странный характер. Он никогда лично не встречаясь с главным автором реформ, Лютером, подолгу терпел радикальные проповеди его «левых» адептов, не препятствовал развитию реформационного движения в своих землях, но сам отважился принять причастие под двумя видами уже в предсмертный час. Нет однозначного ответа и на вопросы о том, кем был курфюрст: сторонником гуманизма или схоластики, Реформации или папской церкви, как уживались в нем собирательство христианских святынь и затем отказ от такого средневекового благочестия?

Дискуссии историков различных поколений сосредоточены вокруг «странной» церковной политики курфюрста. Каждое сочинение на эту тему вызывают все новые, часто противоречивые оценки и объяснения. Уже первые исследователи его жизни и деятельности не смогли определить, кем же он был в большей степени — тонким, расчетливым государем, «хитрым лисом», или же «летаргическим» политиком, который плыл по течению и неспособен был разобраться в религиозной путанице. Ю. Костлин¹, А. Кренкер² связывали отношение курфюрста к Реформации с его глубоко личными религиозными рефлексиями и переживаниями, заботами о спасении души. Этим они старались объяснить

¹ *Köstlin J. Friedrich der Weise und die Schloßkirche zu Wittenberg. Wittenberg, 1892. S. 3–4.*

² *Krenker A. Friedrich der Weise beim Beginn der Reformation. Heidelberg, 1906. S. 12–16.*

его переход от позиций ревнителя католического благочестия к защите евангелического движения. П. Калькофф попытался показать формирование религиозной политики курфюрста в русле духовных исканий Эразма Роттердамского и Мартина Лютера¹. Вывод о духовном единстве этой «триады» вызвал критику и был поставлен под сомнение. Т. Кольде и П. Кирн настаивали на том, что курфюрст, подобно многим другим немецким князьям, стремился к проведению церковных реформ на своих территориях. Их цель — очистить церковь от злоупотреблений и, главное, усилить княжескую власть, ослабив роль папской курии в светских делах². «Загадочность» религиозности курфюрста П. Кирн объяснял тем, что он действовал как расчетливый политик и вынужден был осторожно проводить линию поддержки Реформации, прибегать к сложным политическим маневрам³. Ни один из ответов не был достаточно убедителен. Подводя итоги этим исследованиям, А. Кох был совершенно прав в своем выводе о том, что они завершились контрверзами, которые предстоит распутывать историкам⁴. «Контрверзы», о которых историк писал в 1926 г., остались надолго. Современные исследователи с помощью биографического жанра попытались сбалансировать религиозно-теологические, психологические и политические подходы к изучению мировоззрения и деятельности курфюрста, показать масштаб неординарной личности⁵. В то же время, претендуя на объективность, авторы уклонились от оценок и трактовок его церковной политики.

В данной статье предпринята попытка выяснить, насколько и каким образом переплетались религиозные, государственные и личностные мотивы в церковной политике курфюрста, в его отношении к Реформации. Кем он был: расчетливым и хладнокровным политиком или же, по его признанию, «бедным грешником» перед Богом? В основу исследования положен комплекс документов, которые отражают отношение курфюрста к штифту

¹ Kalkoff P. Erasmus, Luther und Friedrich der Weise. Eine reformatorische Studie. Leipzig, 1919. S. 101.

² Kolde Th. Friedrich der Weise und die Anfänge der Reformation. Eine Kirchenhistorische Skizze mit archivalischen Beilagen. Erlangen, 1881. S. 29–30; Kirm P. Friedrich der Weise und Kirche. Leipzig, 1926. S. 24–28.

³ Kirm P. Op. cit. S. 35–36.

⁴ Koch A. Die Konverse über die Stellung Friedrich der Weise zur Reformation // Archiv für die Reformationsgeschichte. 1926. Jg. 23. S. 213–260.

⁵ Ludolphy I. Friedrich der Weise. Kurfürst von Sachsen (1463–1525). Göttingen. 1984. 2006; Kühnel K. Friedrich der Weise, Kurfürst von Sachsen. Eine Biographie. Wittenberg, 2004.

Всех Святых в Виттенберге. Такой выбор обусловлен тем, что по отношению к этому церковному институту он выступал, по точному высказыванию Т. Кольде, в качестве «основателя, патрона и хозяина»¹. Здесь пересекались и особенно четко проявлялись церковно-политические интересы и глубоко личные религиозные переживания князя.

Историки в той или иной степени связывают загадку личности князя с противоречиями в его мировоззрении. Такое утверждение может быть справедливым, если брать во внимание многочисленные колебания вектора его церковной политики. Однако за этими метаниями, уходом от ответов на сложные вопросы прослеживается главная линия его поведения и деятельности — укрепление земельной государственности, сосредоточение в своих руках всей полноты политической и духовной власти в княжестве. Курфюрст действовал как прагматик, принимал, отвергал или терпел то, что служило этой цели. Медлительность, «летаргия» часто были вызваны тем, что он не знал, как правильно поступить в решении церковного вопроса, сделать так, чтобы не нанести ущерба своей власти.

Реформы, проводимые курфюрстом, следует рассматривать как важную часть его государственного строительства. Открытие в Виттенберге университета (1502), строительство в этом городе княжеской резиденции, привлечение ко двору известных художников, поэтов и ученых — все это важные факторы такой политики. Особое место в укреплении земельной государственности занимало церковное строительство. Штифт Всех Святых во главе с капитулом Замковой церкви и инкорпорированным в него университетом стал центром управления многочисленными приходами, и по своим масштабам напоминал епископство². Координация всех «духовных» институтов, штифта, капитула и университета осуществлялась непосредственно княжеским двором. Создание такой мощной интеллектуальной корпорации обеспечивало влияние на идеологические и интеллектуальные процессы в обществе. Князю удалось также поставить под свой «контроль» два епископства, Мейссенское и Наумбургское³.

Усиление массового благочестия и набожности, которые охватили немецкое общество накануне Реформации, было использовано курфюрстом для обеспечения своего авторитета и влияния

¹ Kolde Th. Op. cit. S. 34.

² Höss I. Georg Spalatin 1484—1545. Ein Leben in der Zeit des Humanismus und der Reformation. Weimar, 1956. S. 261.

³ Kirm P. Op. cit. S. 37.

среди «подданных». В набожности он постарался превзойти всех не только в своей земле, но и в значительной мере во всей Германии. Активное участие курфюрста в торговле индульгенциями, паломничествах, собирательстве христианских святынь следует рассматривать в качестве одного из важных элементов его политики патернализма, заботы «отца» о благе и религиозных чувствах подданных своей земли.

Для понимания политики князя следует учитывать то, что еще до Реформации он все глубже чувствовал различия между церковью, как посредником между Богом и людьми, и верой. Он с иронией относился к церковнослужителям, знал их корыстолюбие, злоупотребления, ему самому приходилось улаживать церковные споры, далекие от проблем благочестия. Подчеркивая свое почтительное отношение к папе римскому, он, по свидетельству людей из его окружения, любил посмеяться над анекдотическими историями и шутками о нем¹. «Обмирщение» церкви и клира способствовало все большему отделению внешнего культа и церковных институтов от веры. Такое размежевание давало князю возможность прагматически подходить к делам клира, использовать церковь в своей политике и при этом быть острожным и «богобоязненным».

Не менее важное значение имеет еще одно противоречие в мировоззрении курфюрста — противоречие между гуманистическим и традиционно схоластическим подходами к восприятию мира. Известно, что в Виттенбергском университете, капитуле Замковой церкви ведущие позиции, не без поддержки курфюрста, занимали представители схоластической теологии. В то же время при дворе курфюрста и в университете было собрано немало гуманистов, которые пользовались его покровительством и поддержкой.

В гуманистических подходах курфюрст искал варианты решения церковного вопроса. Эта тема занимала важное место в его переписке с Эразмом Роттердамским. Курфюрст благодаря усилиям Спалатина имел в своей библиотеке все сочинения Эразма². Он проявил инициативу вступить в переписку с «князем ученых». Это был своего рода символический жест — показать свою склонность к новому мировоззрению, использовать авторитет Эразма для повышения престижа университета, покровителем которого он выступал. Как оказалось, его соперник герцог Георг Саксонский также установил тесные и дружеские отношения и вел переписку с Эразмом. Эразму пришлось иметь дело и с ярым врагом Люте-

¹ Ludolphy I. Op. cit. S. 374—375.

² Kalkoff P. Op. cit. S. 16.

ра, каким был герцог, и его главным покровителем, курфюрстом. Можно предположить, что умеренная позиция Эразма в реформировании церкви была близка курфюрсту. Вопрос о том, какое из интеллектуальных и мировоззренческих движений было ему ближе — традиционное церковно-схоластическое или гуманистическое, — следует решать в русле его политики управления государством. Учитывая то, что они развиваются вне его воли, князь старался использовать их в своих целях, поддерживал и приближал к себе гуманистов и становился на защиту ортодоксов, как это было в деле Рейхлина.

Возникший раскол среди теологов и духовенства, вызванный учением Лютера, курфюрст также надеялся использовать для усиления княжеской государственности. Но решение этой задачи усложняла проблема выбора между различными силами, которые старались навязать князю свою позицию. Оказавшись под таким давлением, князь выбрал стратегию и тактику невмешательства в религиозные споры, ссылаясь на то, что он светский человек и плохо разбирается в тонкостях теологии.

Опытный политик, князь изначально мало верил в то, что церковь и клир способны пойти на радикальные преобразования, которые могли лишить их материального благополучия. Когда августинцы в Виттенберге в начале октября 1521 г. отказались от служения заупокойных месс, мотивируя это тем, что их «служат ради денег», он принял такое объяснение весьма иронически. По его словам, «если монахи не захотят вернуться к служению мессы, то, я полагаю, они очень скоро окажутся на кухне или в погребе»¹. Князь был уверен, что материальные интересы остановят монахов в их радикальных замыслах и вынудят вернуться к старому богослужению. Правда, Конгрегация августинского ордена в январе 1522 г. все же смогла провести реформу, которая предполагала добровольное пребывание монахов в обителях, проповедь Евангелия, занятие трудом². Реформа августинцев касалась внутренней жизни ордена, его адаптации к новым условиям и не затрагивала других сторон церковной жизни. Князь все же был прав в том, что церковные институты готовы лишь к поверхностным, косметическим реформам и не пойдут на самоуничтожение.

Для курфюрста, стремившегося держать под контролем религиозные дела, возникла опасность со стороны города. Реформация уже на ранней стадии быстро обнаружила ярко выраженные

¹ Müller N. Die Wittenberger Bewegung // Archiv für die Reformationsgeschichte. 1909. Jg. 6. S. 28–30.

² Ibid. S. 402–406.

коммунально-общинные, республиканские устремления. Город выступил как главный и серьезный соперник в религиозных преобразованиях, что неизбежно вело к укреплению его политической автономии. С особой силой это показали массовые выступления горожан в Виттенберге в конце 1521 — начале 1522 г. Князь приложил все усилия, чтобы сдержать народную стихию и направить реформационный поток в выгодное для себя русло. В борьбе против городских выступлений и в улаживании церковных споров были довольно четко продемонстрированы претензии князя на епископат и юрисдикцию в церковных вопросах¹.

После виттенбергских волнений опасность «всеобщего большого мятежа», разрушения церковной системы, которую князь с таким трудом выстроил в своем княжестве, продолжала нарастать. Стремление общин к религиозной автономии усиливалось, и курфюрсту приходилось оказывать воздействие на городские советы, с тем чтобы нововведения не выходили за рамки проповеди Евангелия. Фактор города в политическом раскладе князя занимал одно из центральных мест, вынуждал его к проведению реформ и одновременно к сдерживанию коммунального движения.

В контексте этих процессов реформы в Виттенберге, главным светском и церковном центре княжества, имели особое значение. В капитуле и штифте Всех Святых возник раскол — часть его членов поддерживала реформы, другая, представлявшая большинство, заняла консервативную позицию и противилась преобразованиям. Курфюрст оказался перед сложным выбором: поддержать реформаторов во главе с Лютером или же встать на защиту консерваторов. Причем обе стороны апеллировали к княжеской власти и фактически требовали от нее полной ясности и определенности в возникшем расколе.

Настоятель Замковой церкви, пробст Юстус Йонас, лавируя в сложных коллизиях и рифах церковной политики курфюрста, старался следовать Лютеру, провозглашать и воплощать в жизнь замыслы лидера. Он, как и Лютер, хорошо понимал, что в условиях, когда реформационное движение становится все более массовым и охватывает различные районы Германии, медлительностью проведения преобразований становится все труднее, поскольку общины настаивали на скорейшем упразднении старого богослужения. Медлительность в таком случае грозила потерей доверия

¹ *Bubenheimer U. Streit um Bischofsamt in der Wittenberger Reformation // Zeitschrift für Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kanonistische Abteilung. 1987. Vol. 73. T. 1. S. 209.*

к евангелическому движению, порождала подозрения в корыстных интересах реформаторов, цеплявшихся за свои должности и доходы.

Лютер и Йонас в течение 1523 г. пытались склонить на свою сторону курфюрста, убедить его устранить старое «языческое» богослужение, ввести причастие под двумя видами, упразднить штифт и другие церковные институты. Свои предложения они сопровождали решительным заявлением: «Хватит оглядываться на слабых в вере»¹. Под «слабыми» в данном случае подразумевались и консервативно настроенные члены штифта и представители нюрнбергского имперского правления. Лютер считал, что наилучшим ответом католическим силам и имперским властям было бы публичное выступление штифта в качестве проводника реформ, которые бы исходили не от светской власти, а из недр церкви, одного из ее официальных органов, готового ради истины пойти на самоликвидацию². Лютер и Йонас предупреждали консерваторов, что сопротивление реформам может обернуться для них тяжкими последствиями: возмущение горожан Виттенберга нарастает и грозит вылиться в бойкот, запрет продавать пиво, хлеб, мясо и прочие продукты питания тем, кто служит мессы³.

Авторитет Лютера не смог, однако, привести к перелому в настроениях церковных иерархов, которые готовы были следовать только воле своего патрона — курфюрста. Группа членов капитула штифта (Матфей Бескау, Георг Штаффельштайн, Иоганн Фольмар) жаловались князю на оказываемое на них давление: «Сегодня наш пробст отправил нашего декана к доктору Мартину извиняться, который не захотел принять его извинения, а пожелал, чтобы все мессы в нашей церкви были упразднены. Если этого не будет, то он хочет отправить обоих бургомистров увещевать нас, и, если мы откажем, то он лишит нас кафедр и поставит вместо нас других, которые должны будут проповедовать о том, какие мессы следует устранить»⁴.

Консерваторы напоминали о том, что значительная часть заупокойных месс учреждена непосредственно курфюрстом и сам

¹ *Luther M. Werke. Kritische Gesamtausgabe. Weimar, 1933; Luther M.: Briefwechsel. Bd. 3. S. 15, 19.*

² *Schulze M. Zwischen Frucht und Hoffnung. Berichte zur Reformation aus dem Reichsregiment // Die deutsche Reformation zwischen Spätmittelalter und Frühe Neuzeit / Hg. v. Th. A. Brady. München, 2001. S. 77.*

³ *Urkunden, das Allerheiligenstift zu Wittenberg betreffend, 1522–1526 / Hg. K. Palas // Archiv für die Reformationsgeschichte. 1915. Jg. 12. H. 1. S. 23–25.*

⁴ *Ibid. S. 13.*

пробст получает от них деньги¹. Самое страшное, по их мнению, это то, что Йонас «оглашает свои мысли перед простым народом». Этот аргумент должен был напомнить князю о недавних бурных событиях в Виттенберге. Перед угрозой «мятежа» консерваторы готовы были пойти на уступки, но только по воле князя. Они просили его «милостиво и втайне дать знать, как нам следует поступать дальше, поскольку речь идет об учреждениях Вашей Княжеской Милости, сделать так, чтобы уберечься и не допустить насильственного мятежа, которого мы всячески избегаем»².

Оказавшись под давлением с двух сторон, курфюрст и на этот раз не спешил принимать окончательное решение. Излюбленный прием князя, к которому он уже прибегал в 1521 г. в «деле августинцев», — создать специальную комиссию, которая должна не спеша все продумать и сформулировать свои предложения, более детально обсудить все спорные вопросы. На этот раз он распорядился «капитулу, университету все обдумать» и подробно изложить причины возможного устранения старого богослужения, поскольку «не желает высказывать неподготовленное мнение»³.

Чем объяснить его сдержанность и нежелание идти на открытый разрыв с католической церковью и ее вероучением? В своей церковной политике князь вынужден был считаться с угрозами князей и имперских сил, которые обвиняли его в потакании «мятежникам». Герцог Георг Саксонский настойчиво призывал его запретить «мятежные проповеди вероотступников и еретиков», Лютера и его последователей⁴. Герцогу удалось склонить имперское правление принять меры по подавлению волнений в городах Саксонии в начале 1522 г. После визитаций епископов Мейссенского и Мерзебургского, задача которых заключалась в «восстановлении порядка в приходах его земли», курфюрст стал более осторожным и боялся вызвать репрессии против евангелического движения. В то же время он надеялся склонить имперские силы к проведению церковной реформы. Между страхом и надеждой — так обозначил позицию и внутреннее состояние князя М. Шульце-исследовавший содержание донесений Ганса Планитца, представителя курфюрста в имперском правлении⁵. Планитц, хоро-

¹ Urkunden, das Allerheiligenstift zu Wittenberg betreffend, 1522—1526 / Hg. K. Pal-las // Archiv für die Reformationsgeschichte. 1915. Jg. 12. H. 1. 14.

² Ibid. S. 13.

³ Ibid. S. 14—15.

⁴ Gess F. Akten und Briefe zur Kirchenpolitik Herzog Georg von Sachsen. Leipzig. 1905. Bd. I. S. 260—261.

⁵ Schulze M. Op. cit. S. 89—90.

шо знавший настроения и намерения князей, советовал своему патрону быть осмотрительным и осторожным в своих решениях. В письме курфюрсту, датированном январем 1523 г., он просит его быть очень сдержанным в вопросе реформ, поскольку с переходом председательства в правлении к курфюрсту Иоахиму Бранденбургскому возросла угроза союза католических князей против Виттенберга¹.

Курфюрст, пытаясь сдержать пыл реформаторов, использовал имперскую карту в качестве аргумента в пользу своей осторожной политики и против немедленного преобразования богослужения. Он настаивал на том, что считается с имперским мандатом от 6 марта 1523 г., согласно которому вопрос о реформе церкви и богослужения должен быть решен на соборе². Такое заявление было компромиссным. Князь демонстрировал верность имперской политике, с одной стороны, с другой — позволял проповеди Евангелия, способствовавшие постепенному ослаблению и сговорчивости институтов папской церкви в вопросах церковной реформы. Курфюрст старался не допустить «большого мятежа» «простого народа» и избежать опасности наступления консервативных сил и возможной религиозной войны. Он напомнил членам капитула, что события в Виттенберге и других городах его княжества вызывают повышенный интерес со стороны имперских властей, и его задача — сделать все, чтобы «предотвратить мятеж и волнения»³.

Князь просил учитывать, что поспешное проведение реформ может закончиться провалом, поскольку люди в других регионах Германии мало знают о сущности нового вероучения. По его словам, в таком случае надо «оставить пока все без изменений» и прилежно проповедовать до тех пор, пока в других землях не «зазвучит слово Божие»⁴. Такие доводы не были беспочвенными. Курфюрст был хорошо осведомлен о том, что евангелическое учение находит все больше сторонников, становится все более популярным, и это в итоге заставит клир, князей и имперские силы пойти на решение церковного вопроса.

Осторожность в религиозных делах, стратегия сдерживания реформ до созыва собора не вызывали у князя сомнений. При этом он руководствовался не только политическими мотивами — со-

¹ Des Kursächsischen Rathes, Hans von der Planitz Berichte aus dem Reichsregiment zu Nürnberg 1521–1523 / Gesammelt von Ernst Wülcker, nebst ergänzenden Aktenstücken bearbeitet von Hans Virck. Leipzig, , 1899. S. 316–320.

² Urkunden, das Allerheiligenstift zu Wittenberg betreffend... S. 28.

³ Ibid. S. 44.

⁴ Ibid. S. 39, 44.

хранить штифт Всех Святых как главный центр церковного управления в своих землях. Не менее важное значение имели семейная традиция, династические обязательства, единство рода.

Такой подход курфюрста нашел свое проявление в очередном витке схватки реформаторов и консерваторов в штифте. В начале августа 1523 г. члены штифта с тревогой сообщали курфюрсту об очередных призывах Лютера покончить с мессами и следовать только Евангелию. Капитул снова просил князя «милостиво высказать свое мнение об этом, защитить и поддержать его»¹. Члены капитула обещали «со всем прилежанием молиться за Его Княжескую Милость и верно служить», но при этом возлагали на него тяжелую миссию определиться и принять решение в их пользу. Позже, 23 августа 1523 г., влиятельный член капитула Матфей Бескау в специальном обращении предупреждал князя: «Грозит большая опасность, поскольку доктор Мартин и пробст снова хотят проповедовать, особенно тогда, когда Ваша Княжеская Милость будет отсутствовать в своих землях». Бескау просил «написать или приказать обоим, пробсту и Мартину, чтобы они в это время, как указано имперским мандатом, успокоились и молчали до собора и не возбуждали народ против штифта, а уберегали его от мятежа, учитывали, что это [реформа церкви. — В. Д.] огромное и сложное дело»². Курфюрст и на этот раз призывал воздержаться от поспешного введения церковных новшеств. Свою позицию он аргументировал тем, что «мы хотим, чтобы все то, что учреждено в память наших предшественников и предков, соблюдалось в дальнейшем, и не допускалось ни малейшего их уменьшения и упадка». Князь призывал членов штифта «соблюдать мирные отношения друг с другом и не давать причин для своеволия и мятежа»³.

Князь также хорошо осознавал, что реформа богослужения, отказ от тысячелетней традиции касаются всего христианства и принятие решения в столь шекотливых и тонких теологических вопросах может привести к серьезным последствиям и противостоянию, исход которых трудно предугадать. Взять на себя бремя такой ответственности он не решался. В связи с этим он еще раз заявил, что «поскольку это большое и сложное дело, то он готов дать ответ после хорошего совета»⁴. Вольфганг Райзенбух-гуманист, дипломат, советник курфюрста, которому было по-

¹ Urkunden, das Allerheiligenstift zu Wittenberg betreffend... S. 23.

² Ibid. S. 25.

³ Ibid. S. 28.

⁴ Ibid.

ручено подготовить рекомендации, в письме своему патрону от 28 сентября 1523 г. рекомендовал обсудить церковную проблему на ландтаге. Он аргументировал это тем, что «такое дело поистине требует мыслей не одного и даже не сотни человек, а совета всей земли» и предлагал не спешить с переменами, поскольку они приведут к осложнениям¹. Сторонником созыва ландтага был также другой советник курфюрста, Георг Спалатин, считавший, что поддержка сословий, в первую очередь дворянства, обеспечит мирное проведение преобразований и не приведет к расколу².

В решении церковного вопроса курфюрст действовал как расчетливый и осторожный политик, о чем уже говорилось выше. Однако когда практически все политические аргументы в пользу своей осторожности были изложены и открыты как сторонникам, так и противникам реформ, он решился откровенно высказать свои глубокие личные переживания. В послании своим советникам от 2 октября 1523 г. он снова напоминал об ответственности, которая лежит на нем и на капитуле Замковой церкви. Главное место в наставлениях князя заняли слова о мучениях его совести, о сложности разобраться в таком «большом деле», о своей усталости от путаницы и разногласий в капитуле, штифте и университете. Здесь же он заговорил о своих внутренних переживаниях христианина и князя за судьбы христианства, о своей ответственности перед Всевышним: «Нас беспокоит то, что путаница по большей части возникла из-за разногласий в самом капитуле, штифте и университете, к чему причастен доктор Мартин. Теперь мы не знаем, как поступить в этом деле, решить, что хорошо, что плохо или что можно позволить, а что нет. Мы также волей-неволей хотим со знанием и возможностями, которые даны нам милостью Божьей, действовать и делать так, чтобы приумножать честь и славу Божью, а также способствовать увеличению любви к ближнему. Наша душа обременена сомнениями настолько, что нам сложно в этом большом деле что-то указывать, делать, наставлять или запрещать. Поскольку наша совесть и наше благочестие оказались в затруднении, у нас нет уверенности и твердого убеждения, мы остерегаемся кого-то обременять своей совестью, кого-то сдерживать или принуждать. Мы снова не будем навязывать своего мнения. Проводить такие преобразования надо после многих советов и привлечения других людей, поскольку нам слишком сложно как следует разобраться в этих столь быстротекущих событиях, надо глубже понять суть дела

¹ Urkunden, das Allerheiligenstift zu Wittenberg betreffend... S. 33.

² Höss I. Op. cit. S. 238.

для принятия окончательного решения. Поскольку наша воля настолько осложнена, что мне как бедному грешнику, которому Бог дал столько милости, трудно правильно действовать и по-христиански поступать. Поэтому, по нашей милости, вы, как доверенные мне люди, должны это дело прилежно обдумать, обсудить и высказать нам свое мнение, и завтра письменно его изложить»¹. Трудность заключалась в том, что чиновники, которым поручалось «все тщательно обдумать», не могли дать однозначных рекомендаций князю как действовать в сложившейся ситуации. В одном они были близки своему патрону – в осторожности. Выбор окончательного решения по-прежнему выпадал на долю курфюрста.

Личная драма князя заключалась на этот раз в отсутствии правильного выхода из сложившейся ситуации. Столь подробные признания и откровения о своем беспокойном внутреннем состоянии, сложностях, сомнениях и переживаниях были вполне закономерны. Одно дело наблюдать за церковной склокой, борьбой группировок среди духовенства, другое – взять на себя смелость дать санкцию на проведение реформ или же публично объявить об их поддержке. Оказавшись перед сложным личным выбором, курфюрст старался придерживаться, как ему казалось, наиболее верной и уже испытанной стратегии – сдерживать реформы и в то же время не запрещать проповедей и публичного обсуждения церковной проблемы.

Реформаторы и консерваторы и в дальнейшем апеллировали к нему как к главному арбитру в возникшем споре. Это позволило князю и далее оттягивать принятие решения и на протяжении 1524 г. настаивать на полном соблюдении устава штифта². Однако в это время позиции Лютера и его последователей ослабило «левое крыло» Реформации. Прежде всего, один из членов капитулы и университета Андреас Карлштадт отказался подчиняться воле Виттенберга и начал проводить преобразования в Тюрингии, возглавил евангелическую общину в Орламюнде, которая была непосредственно подчинена штифту. В Алльштедте возник еще один центр радикального реформационного движения во главе с Томасом Мюнцером. Курфюрст хорошо знал о враждебном отношении Лютера к «вероотступникам» и постарался использовать это для умирения «левого» движения. Лютера и его соратников не могло не насторожить стремление «швермеров», как они называли ради-

¹ Urkunden, das Allerheiligenstift zu Wittenberg betreffend... S. 43.

² Luther M. Briefe, Sendschreiben und Bedenken / Bearb. W. M. de Wette. Berlin. 1826. T. 2. S. 73.

калов, привлечь на свою сторону курфюрста и его брата герцога Иоганна. «Терпеливое» отношение курфюрста к «швермерам», их проповедям и «мятежным» акциям, разрушению алтарей, капелл можно объяснить тем, что длительное время до середины 1524 г. их действия не выходили за рамки религиозного движения. Не менее важным является то, что «швермеры» предлагали патерналистскую модель государственного устройства, в котором государь является светским и религиозным владыкой. Андреас Карлштадт выступил идеологом введения Моисеева права и передачи религиозных функций светской власти. Радикальные реформаторы видели в этом возможность с помощью светской власти добиться главного — сломить сопротивление папской церкви и провести преобразования.

Патерналистская модель, казалось бы, в полной мере реализовывала мечту князей о всевластии в своих землях. Однако после размышлений и консультаций курфюрст и герцог Иоганн отвергли эту идею. Важную роль в этом сыграли сочинения Лютера о разделении функций светского и духовного правления. Курфюрст выиграл в другом — опасаясь натиска «швермеров», Лютер и его сторонники вынуждены были отказаться от введения автономии общин и направить свои усилия против радикального движения.

Политика сдерживания реформ, политических маневров, стелкивания интересов различных реформаторских группировок была достаточно успешной. С помощью этой стратегии и тактики курфюрсту удавалось сохранять контроль над реформационным движением в своих землях. Однако выжидательная позиция князя, боязнь дать санкцию на проведение преобразований обернулись катастрофой. «Большой мятеж», Крестьянскую войну, он воспринял как неизбежную «Божью кару». Курфюрст, подобно другим князьям, прибегал к арсеналу всех репрессивных средств для подавления восстаний в своих землях в начале 1525 г. Однако ошеломленный их размахом, он еще раз убедился в необходимости считаться с настроениями «подданных». Князь взял на себя вину за случившееся. В этот момент он откровенно заявил о своем бессилии перед лицом социальной стихии. В начале 1525 г. он писал своему брату, герцогу Иоганну, будущему курфюрсту: «Очевидно, у бедных людей имеется немало причин поднять такой мятеж и особенно в связи с их просьбами о слове Божьем. Бедные люди различными путями обременены нами, светскими и духовными властями. Бог обратил их гнев против нас. Если будет угодно Богу, то может случиться так, что община будет править. Но если Богу

это будет не угодно и благодаря Ему этого не случится, то все пойдет по-другому»¹.

После массовых восстаний и выступлений крестьянства и бюргерства в начале 1525 г. становилось все более очевидным, что терпение верующих не бесконечно и может вызвать новые волнения. Вывести ситуацию из тупика решил тайный советник и духовник курфюрста Георг Спалатин. В послании курфюрсту от 1 мая 1525 г. он попытался еще раз склонить смертельно больного князя к принятию смелого решения — отбросить личные сомнения, санкционировать проведение реформ в своих землях и тем самым успокоить свою совесть перед лицом вечности. Прекрасно зная характер курфюрста, его глубокую религиозность, он апеллировал, прежде всего, к его чувствам и старался вырвать из его уст долгожданные слова о разрыве с папской церковью: «Изда болезни Вашей Княжеской Милости заторможено так много спорных, сложных и горячих дел и вещей, что я как покорнейший слуга немало напуган и приношу тем самым Вашей Княжеской Милости сердечные и покорнейшие сочувствия. Что поделаешь, существование человека на земле, тем более истинно христианская жизнь, проходит в страдании. И, как сказал Иов в четырнадцатой главе: человек, рожденный женщиной, краткодневен и пресыщен печальями. Как цветок, он выходит и опадает, убегает, как тень, и не останавливается. К этому хочется добавить, что мы в наших печалях, нуждах и борениях полагаемся только на Бога, на нашего вернейшего и любящего Отца, подобно тому, как поступал царь Давид...»²

Во второй части своего послания Спалатин делал упор на личной ответственности князя перед Всевышним. Принятие князем нового вероучения, его санкции на проведение реформ должны были дать импульс Реформации и отвести угрозу новых массовых восстаний. Советник и духовник настаивал на том, чтобы курфюрст направил общее послание штифту, монастырям и духовенству княжества с наставлением: «Божью службу в церквах править в соответствии с истинным Божиим словом и не соблюдать в обрядах ничего другого, кроме того, что соответствует Святому Евангелию, уберечься от временных и постоянных отягощений, поскольку Ваша Княжеская Милость хочет очистить свою совесть в этих вещах. Это необходимо не только для того, чтобы иметь надежду отвести и успокоить нынешний мятеж, а также, исходя из

¹ Akten zur Geschichte des Bauernkrieges in Mitteldeutschlands / Hg. von W. P. Fuchs. Jena, 1942. Bd. 2. S. 91.

² Kolde Th. Op. cit. S. 69.

того, что Ваша Княжеская Милость всегда оставался верным слугой вечного Бога и заботился о святости как благочестивый отец»¹.

Здесь же Спалатин апеллирует к праву светских князей решать религиозные вопросы. Примечательно, что он обосновывает это ссылкой на библейские положения, к которым обращались идеологи патернализма и введения единого Моисеева права: «Я беспокоюсь, что большинство причин всех этих мятежей происходят от того, что чинятся препоны Слову Божьему, а священники, монахи и монахини не хотят устранить безбожную и богохульную Божью службу, которую князья и другие власти на основании заповеди Божьей, Втор. 7, должны устранить»².

Спалатин пытался добиться от князя принятия окончательного решения в пользу преобразований. «Ваша Княжеская Милость, успокойте меня ради Бога тем, что моя покорнейшая просьба даже при ваших нынешних многочисленных тяготах получит милостивое одобрение и, поскольку это делается исключительно из верноподданного, доброжелательного мнения, и лучше мне умереть, когда Ваща Княжеская Милость наложит христианскую епитимью на все духовенство. Поскольку Ваша Княжеская Милость неоднократно признавался в том, что он [верен] Божьему слову и высокому утешительному и христианскому делу, то я также не сомневаюсь, что Ваша Княжеская Милость даст знать об этом небольшим письмецом своему брату. О, каким бы это было бы благородным делом, о, какое бы огромное благо произошло бы во всем христианстве! Пустомели всегда прощались Вашей Княжеской Милостью, в то время как Вашей Княжеской Милости, если им разрешить оставить это идолопоклонство, не будет прощено. Поэтому дай Бог Вашей Княжеской Милости всегда до скончания мира следовать Его Святому Духу»³.

Уйти от прямого ответа на этот раз курфюрсту помогла смерть. В предсмертные часы он был занят уже не государственными делами, а, как и полагается христианину, прощением с теми, кто ему был близок и кто был рядом с ним. Все, на что решился князь, — принять причастие под двумя видами. Это был знак благословения нового вероучения и успокоения совести. Курфюрст и в этот роковой для себя час остался верен себе.

После смерти Фридриха новому курфюрсту, герцогу Иоганну Саксонскому, выпало тяжелое бремя проведения реформ. Йонас

¹ Akten zur Geschichte des Bauernkrieges in Mitteldeutschlands / Hg. von W. P. Fuchs. Jena, 1942. Bd. 2. S. 69.

² Ibid.

³ Ibid. S. 69–70.

обратился 10 декабря 1525 г. к советникам курфюрста Иоганна Саксонского Иоганну фон Дольцигу и Гансу Гrefендорфу с предложениями подготовить и принять специальный документ о реформе богослужения и материальной поддержке увольняемых священников и церковных служащих¹. Последовавшая за этим реформа богослужения сохранила штифт Всех Святых, который вместе с университетом и визитационными комиссиями стал проводником княжеской реформационной политики в Саксонии.

В заключение попытаемся лаконично сформулировать ответ на поставленный вопрос о церковной политике и религиозной позиции курфюрста Фридриха Саксонского Мудрого. В церковной сфере курфюрст действовал как прагматик и руководствовался в первую очередь политическими интересами, направленными на укрепление княжеской власти и территориальной государственности. Осторожное отношение курфюрста к реформационным преобразованиям продиктовано его стремлением учесть весь спектр соотношения социально-политических сил, настроений и движений того времени. Курфюрст хорошо осознавал, что проведение преобразований в пределах одной земли может повлечь за собой непредсказуемые, катастрофические последствия для него, его княжества и всего христианства. Наряду с политическими соображениями проблема истинной, «правильной» веры, подлинного благочестия имела исключительно важное значение для определения позиции курфюрста в церковном вопросе. Осторожность, колебания и сомнения усиливали глубокие религиозные переживания. В итоге личная ответственность перед Богом оказалась сильнее политических соображений, курфюрст решился принять новую веру, засвидетельствовав это тем, что причастился под двумя видами. Подобный символический акт в значительной степени послужил благословением его наследнику, герцогу Иоганну, на проведение церковных преобразований.

¹ Akten zur Geschichte des Bauernkrieges in Mitteldeutschlands / Hg. von W. P. Fuchs. Jena, 1942. Bd. 2. S. 67

Т.П. Гусарова

Непридуманная жизнь комитатского нотариия XVII в. в интерьере эпохи

Многие историки не без основания называют XVII век в венгерской истории веком дворянства. Действительно, после заключения в 1606 г. Венского мира, завершившего в целом выгодным для восставших компромиссом первое открытое противостояние сословий Венгерского королевства Габсбургам, дворянство проявляло необычайную политическую активность, отстаивая свои завоевания: свои сословные привилегии, религиозные свободы, участие венгров в государственных делах, монополию на занятие венграми должностей, восстановление высших государственных должностей королевства, прежде всего надора (палатина), и т.д.¹

К числу выдающихся дворянских политиков, чрезвычайно популярных и влиятельных в своей среде во второй четверти XVII в., относится Пал Семере, бессменный и деятельный участник восьми Государственных собраний, запечатлевший каждый из этих высших сословных форумов в своих дневниках — уникальный случай вплоть до появления в XIX в. официальных дневников этих съездов. О Пале Семере известно не слишком много, так как семейный архив той ветви Семере, которую представлял Пал, погиб во время Второй мировой войны. Единственная книга, посвященная роду Семере, вышла в свет еще в начале XX в., но ее авторы основное внимание уделили происхождению рода и вопросам генеалогии². О Пале Семере в ней сказано не больше, чем в биографических словарях венгерских дворянских родов, изданных во второй половине XIX — начале XX в.³ Правда, и те сжатые сведения, ко-

¹ Corpus Juris Hungarici. Magyar Törvénytár 1526–1608. évi törvénycikkek / Magy. jegyz. D. Márkus. Budapest, 1899: Pacificatio Viennensis anni 1606. P. 958–985. (Далее — CJH, I.)

² Huba vére Szemere / Összeáll. G. A. Zarándy. Budapest, 1910.

³ Nagy I. Magyarország családai czimerekkel és nemzékrendi táblákkal. 10. köt. Pest, 1863. 595–603. old.; Kempelen B. Magyar nemes családok. 10. köt. Budapest, 1931. 110–113. old.

торые помещены в книге, основаны на утраченных документах семейного архива. Для реконструкции биографии Пала Семере мне пришлось пользоваться в основном косвенными данными: постановлениями Государственных собраний, протоколами комитатских собраний, дневниками Государственных собраний, которые вел сам Семере, и др. К сожалению, автор дневников очень скупо сообщал о себе. Невнимание исследователей к персоне этого выдающегося политика можно объяснить и другими причинами: его общественно-политическая деятельность была связана в первую очередь с Государственными собраниями Венгерского королевства, разработкой истории которых ученые серьезно занялись только в последние десятилетия; до изучения же жизни и деятельности дворянских лидеров, создававших атмосферу на этих сословных съездах, очередь еще не дошла, тем более что оно требует чрезвычайно кропотливой и мелкой работы. Между тем знание биографий этих людей — их происхождения, социального статуса, имущественного положения, политических взглядов и устремлений, религиозной принадлежности, общественных связей, занимаемых должностей и т.п. — очень важно. Оно наполняет социально-политическую историю конкретным содержанием, позволяет взглянуть на венгерское общество и монархию австрийских Габсбургов глазами современников. А это, в свою очередь, помогает лучше понять суть происходящих в эпоху становления австрийского абсолютизма событий и процессов — как на сословных собраниях, так и во всей стране. Поэтому попробуем реконструировать биографию Пала Семере в контексте эпохи, выдвинувшей его в авангард политической и общественной жизни тогдашней Венгрии.

Жизнь Пала Семере включает в себе некое противоречие, даже загадку для историка. Дворянин с древней родословной, богатейший землевладелец, один из самых влиятельных политиков своего времени, он почти всю жизнь занимал скромную выборную должность нотариуса в своем и соседнем дворянских комитатах. Несмотря на свой статус, богатство и влияние, Пал Семере не поднялся из дворянского сословия в состав высшей знати — баронов и магнатов королевства, число которых заметно выросло в этот бурный и сложный для Венгрии период истории. Попробуем разобраться в этом казусе.

В отличие от многих задававших тон на Государственных собраниях дворянских трибунов — выходцев из мелкопоместного дворянства, заседавших в Нижней палате, Пал Семере принадлежал к очень древнему и знатному роду. Легенда возводит его к Хубе — одному из семи вождей, которые в конце IX в. привели

венгерские племена из Северного Причерноморья в Дунайско-Карпатский бассейн. Первые же достоверные письменные свидетельства о роде Семере относятся только к XIII в. В грамоте короля Белы IV, датированной 1247 г., Семере предписывалось упорядочить поземельные отношения внутри рода в комитате Ноград¹. Начиная с этого свидетельства, документы все чаще упоминают имя Семере в связи с самыми разными обстоятельствами. Так, по легенде, один из представителей рода — Михай, сын Леушта, воспитывавшийся при королевском дворе², в правление Белы IV воевал с вторгшимися в страну татарами и был ранен стрелой в ногу. Это событие позже было увековечено в родовом гербе Семере: на нем изображена нога, пронзенная стрелой³. А король пожаловал герою владение Обон (Абонь) в комитате Земплен⁴. Семере было много, в их родословной достаточно лакун, так что трудно, практически невозможно восстановить непрерывную цепочку, скреплявшую между собой разных носителей этого родового имени.

Что касается Пала Семере, то его прямые предки со стороны отца восходят к предполагаемому потомку упомянутого Михая — Домокошу, жившему во второй половине XIV в. И век спустя мы видим отпрысков Домокоша на королевской и церковной службе: его внук Янош в 1460 г. упоминается как эстергомский кастелян, сын Яноша — Дёрдь — как варадский препост⁵. Один из десяти сыновей Яноша — Келемен, основатель более других интересующей нас абауйварско-земпленской линии, в разное время был вишеградским кастеляном, баном Яйцы (1488) и даже вице-хранителем Святой короны⁶. Келемен пережил нескольких правителей: Матяша Корвина, Уласло I и Лайоша I — и героически погиб в 1526 г. в битве при Мохаче. Его семья удостоилась королевских милостей: жену ему сосватала сама королева Беатриче (вторая жена Матяша) из своих ближних камеристок — Магдалину Штольц, родом из дворянской семьи в Моравии (или Силезии), а Матяш пожаловал кастеляну своего замка в Вишеграде новые земельные владения⁷. Завершим экскурс в генеалогию: один из внуков Келемена и Магдалины — Альберт — стал отцом героя этого эссе — Пала Семере. Ко

¹ Áldásy A. [Ismeretét]: Huba vére. Szemere // Turul. 29. évf. 1911. 46. old.

² Huba vére Szemere. 9. old.

³ Nagy I. 10. köt. 596. old.

⁴ Kempelen B. 10. köt. 111. old.

⁵ Nagy I. 10. köt. 600. old.

⁶ Áldásy A. 46-47. old.

⁷ Nagy I. 10. köt. 600. old.; Zárándy A. G. Egy ezredév // Huba vére Szemere. 124. old.

времени рождения Пала его род принадлежал к числу богатейших в королевстве, а абауйварско-земпленская ветвь — к числу самых владетельных в Верхней Венгрии¹. Они располагали поместьями во многих комитатах, особенно в северных и северо-восточных областях тогдашней Венгрии: в комитатах Ноград, Комаром, Боршод, Дёр, Абауй, Шарош, Земплен, Сатмар.

Хотя Семере и были крупными сеньорами, тем не менее по своему юридическому статусу не входили в состав высшего сословия — баронов (или магнатов), так как не занимали высших должностей в королевстве. Титул барона в средневековой Венгрии мог быть пожалован монархом только носителям высших должностей при дворе и в государственном аппарате. Это были так называемые «истинные бароны» (*veri barones*), или «бароны по должности» (*barones ex officio*), которые обладали правом заседать в Королевском совете, держать свои военные отряды (бандерии), выступать в поход по призыву короля под собственным знаменем, получали личное приглашение короля на Государственные собрания². Их дети также входили в высшее сословие, но в отличие от первых назывались «баронами только по имени» (*barones solo nomine*)³. Только бароны и прелаты могли с конца Средневековья становиться во главе комитатов в качестве верховных ишпанов, некоторые даже наследовали эту должность, перераставшую в титул, хотя и очень редко. Таких баронов в Венгерском королевстве в XVI–XVII вв. насчитывалось около 60 семей; их большая часть достигла этого статуса уже после мохачской катастрофы, в которой погиб почти весь цвет венгерской знати. Семере составляли «второй эшелон» венгерского дворянства, своеобразный резерв высшей аристократии. В комитатах они не поднимались выше должности вице-ишпана. Доказав свою преданность династии Габсбургов и католической церкви, проявив таланты и отвагу в войнах с османами или на гражданской службе, а также при дворе, породнившись через браки с

¹ В раннее Новое время под «Верхней Венгрией» понимались территории сегодняшней Восточной Словакии, Прикарпатье (исключая Марамарош) и Северо-Восточной Венгрии, включавшие в себя 13 комитатов исторической Венгрии: Боршод, Абауй, Земплен, Саболич, Сатмар, Берег, Угоча, Унг, Шарош-Сепеш, Гёмёр, Торна-Верхний Сольнок.

² Гусарова Т.П. Потестарные институты и должности в Венгерском королевстве в XI–XVII вв. // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Т.П. Гусарова. М., 2011. С. 464; Гусарова Т.П. Дворянство Венгрии в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: Границы сословия / Отв. ред. В.А. Ведюшкин. М., 1997. С. 173.

³ Гусарова Т.П. Потестарные институты. С. 182.

семьями высшей элиты, они могли быть удостоены высоких титулов. Габсбурги продуманно и целенаправленно проводили политику создания новых, верных династии элит.

Внуки упоминавшегося Келемена жили уже при новой династии. Один из них — Миклош, дядя Пала Семере, воевал с турками: в 1596 г. в звании капитана он участвовал в героической обороне Эгера. Его брат Альберт был весьма влиятельным человеком в своем комитате Абауйвар (т.е. Абауй). Из сохранившихся комитатских протоколов мы узнаем, что, по крайней мере в течение пятнадцати лет (с 1609 по 1624 г.), он регулярно выбирался товарищами по сословию комитатским судьей, реже — присяжным заседателем в комитатском суде (седрии)¹. В последний раз Альберт занял судейское кресло уже вместе со своим сыном Палом². Правда, доступной для этой категории дворян вершины в системе местного дворянского самоуправления должности — вице-ишпана — он так и не достиг. Умер Альберт в 1627 г.³, поставив к этому времени своих детей на ноги. Сыновья Альберта — Дёрдь и Янош — в 1630-е — начале 1640-х годов также участвовали в отправлении правосудия в комитате то в качестве судей, то присяжных заседателей⁴. Протоколы 1616 и 1617 гг. упоминают среди судей еще и Гергея Семере⁵, отца Альберта. Из сказанного видно, что семья играла заметную роль в общественной жизни комитата Абауй, участвуя в органах дворянского самоуправления.

Семере состояли в родстве с другими местными владетельными дворянскими родами, например с семьей Фуло, из которой происходила мать Альберта, Магдольна⁶. Один из Фуло — Янош — в 1630-е годы неоднократно выбирался присяжным заседателем, судьей, а в 1635 г. — вице-ишпаном комитата⁷. Янош Фуло не раз делегировался на Государственные собрания⁸. Семейные узы связывали Семере и с другой такой же влиятельной в комитате старинной семьей — Барна, которая дала Венгрии известного политика, оратора, популярного деятеля Государственных собраний, коллегу и друга Пала Семере — магистра протонотария Королевского суда

¹ Abaujvármegye monográfiája / Szerk. J. Korponay. II. köt. Kassa, 1878. 91, 98, 115, 133. old. (Монография представляет собой публикацию протоколов дворянских собраний комитата Абауй за период с 1609 по 1644 г.).

² Ibid. 133. old.

³ Zarándy A. G. Egy ezredév. 125. old.

⁴ Abaujvármegye monográfiája. P. 232, 268, 291, 315, 328, 356, 368, 419, 432.

⁵ Ibid. 108, 110. old.

⁶ Zarándy A. G. Egy ezredév // Huba vére Szemere. 125. old.

⁷ Abaujvármegye monográfiája. 290-291. old.

⁸ Ibid., 128 (1630 г.), 253 (1634 г.), 399. old. (1642 г.).

Дёрдя Барна. Таким образом, родственные связи с влиятельными, состоятельными фамилиями укрепляли положение семейства Семере в комитате и за его пределами. Эта местная дворянская элита могла заметно влиять на положение дел в комитате и в известной степени даже направлять их.

Между тем положение комитата Абауйвар в первой половине XVII в. было весьма тревожным и неустойчивым в составе Венгерского королевства, что было не в последнюю очередь связано с заметным влиянием в этом регионе трансильванских князей. Недовольством местного дворянства политикой правящей династии в королевстве пользовались трансильванские князья в своем противостоянии австрийским Габсбургам. Во время Тридцатилетней войны Габор Бетлен и Дёрдь I Ракоци совершали походы в Венгрию и, благодаря поддержке части венгерского дворянства, в первую очередь Верхней Венгрии, добивались немалых успехов. Так, Габор Бетлен был выбран мятежными венгерскими сословиями сначала князем (январь 1620 г.), а позже (август 1620 г.) королем Венгрии, хотя и не смог воспользоваться этим выдвижением¹. Тем не менее близкие к Трансильвании венгерские комитаты не раз переходили от Габсбургов к трансильванским князьям, что сильно дестабилизировало обстановку в регионе. Так, по Никольсбургскому миру 1622 г. трансильванский князь Габор Бетлен пожизненно получал семь комитатов Верхней Венгрии (Абауй, Берег, Боршод, Унг, Земплен, Сабольч, Сатмар)², что с некоторыми изменениями было подтверждено Линцским миром 1645 г., заключенным между Фердинандом III и Дёрдем I Ракоци³. Положение осложнялось тем, что Ракоци располагали обширными земельными владениями в Верхней Венгрии, в том числе в названных комитатах, и даже возглавляли их как верховные ишпаны. Так, Жигмонд Ракоци, возвышенный Рудольфом II в бароны, был поставлен королем верховным ишпаном венгерского комитата Боршод, а в 1607 г. был выбран сословиями князем Трансильвании⁴. Как земельные господа Ракоци обладали широкими полномочиями в своих владениях в отношении подвластного им населения. Более того, после женитьбы Дёрдя I на наследнице одного из самых богатых венгерских магнатов Жужанне Лорантфи в собственность Ракоци перешли ее владения Шарошпатак в комитате Шарош и Мукачево в комитате Берег.

¹ *Oborni T.* Erdély fejedelmei. Budapest, 2002. 114–115. old.

² *Corpus Juris Hungarici.* 1608–1657. évi törvénycikkek /Magy. jegyz. D. Márkus. Budapest, 1900 (Далее – CJH, II). P. 200–202.

³ *Ibid.* P. 418–419.

⁴ *Nagy I.* 10. köt. Pest, 1862. 600. old.

Наконец, еще одно чрезвычайно важное обстоятельство определяло политическую ориентацию верхневенгерских комитатов. К концу XVI в. в ходе войн в Венгрии турки захватили немалую часть территории комитатов Абауй, Торна, Гёмёр, Ноград, Земплен, Зойом, Боршод, Киш Хонт, которые в XVII в. платили «двойной налог» — как венгерским, так и турецким властям¹. Не захваченные османами районы находились под постоянной угрозой если не завоевания, то разорительных набегов турецких отрядов. Во второй четверти XVII в. занятые Тридцатилетней войной австрийские Габсбурги опасались открытия «второго фронта» на восточных границах своих владений. Поэтому они всячески стремились поддерживать мир — пусть «худой» — с султаном и категорически запрещали венграм тревожить османов военными вылазками². Османы же, напротив, пользовались трудным положением Габсбургов и в ходе местных боевых действий осуществляли «ползучую» экспансию на венгерских территориях. В таких условиях находившиеся в опасности верхневенгерские комитаты искали защиты у трансильванских князей, рассчитывая на их заступничество как перед султаном, так и перед Габсбургами.

Все это вместе взятое крепко связывало дворян Верхней Венгрии с Трансильванией, князья которой, особенно Ракоци, были для них не только политическими лидерами в противостоянии с Габсбургами, но еще и в определенной мере господами. Многие из дворян служили в венгерских поместьях Ракоци управляющими, кастелянами в замках и на других должностях. Как землевладельцы того или иного комитата Ракоци имели право участвовать в жизни местной дворянской общины, лично появляясь на комитатских собраниях или посылая вместо себя своих представителей. Они участвовали в работе Государственных собраний Венгерского королевства — чаще через своих послов. Их влияние на дворян Верхней Венгрии трудно переоценить. Сложившаяся ситуация в полной мере отразилась и на жизни комитата Абауй в целом и на жизни Пала Семере в частности.

Пал Семере родился 23 января³ 1600 г. и был старшим сыном в семье Альберта Семере и Жужанны Киниши. В эту эпоху Семере, как и многие дворяне Венгерского королевства и Трансильвании,

¹ *Kemény János. Abauj-Tornavármegye történelmi monográfiája. Abauj-Torna vármegye története 1527–1648. II. köt., 2. rész. Kassa, 1915. 48. old.*

² *Abaujvármegye monográfiája. 730. old.*

³ Во время Государственных собраний Пал собирал своих друзей и коллег в свой день рождения или в день именин 25 января на званый обед (*Szemere 1637/1637, Januárii 23*).

исповедовали кальвинизм и не отступали от своей веры даже под сильным напором поддерживаемой Габсбургами Контрреформации. Пал тоже был воспитан в кальвинистской вере. Ничего не известно о его ранних годах, о том, где он учился. Есть основания предполагать, что зарубежных университетов Пал не посещал, хотя материальное положение семьи вполне позволяло это. На родине также можно было получить неплохое образование, хотя и не университетское. В Верхней Венгрии и соседней Трансильвании высокой репутацией пользовались протестантские школы в Шарошпатаке, Кошице (венг.: Кашша), Клуже (венг.: Коложвар), Дюлафехерваре и др. Но и в католические учебные заведения, в частности иезуитские, дворяне-протестанты охотно отдавали своих детей, так как там можно было получить более серьезную подготовку в латыни¹. В любом случае отец вкладывал много сил и средств в образование сына. Пал получил добротную юридическую подготовку, был прекрасным оратором. Он свободно владел латинским языком, о чем свидетельствуют написанные им на латыни дневники Государственных собраний, произнесенные на латинском языке речи, составленные им протоколы комитатских собраний. Знание латинского языка в ту эпоху открывало перед венграми широкие возможности административной, общественной и политической карьеры. Это и понятно: после воцарения в Венгрии австрийских Габсбургов именно латынь стала языком официального общения между новой чужой династией и ее венгерскими подданными². Став отцом, Пал приобщал и своего сына Ласло к изучению латыни: в 13 лет мальчик встречал вернувшегося из поездки отца приветственной речью на этом языке³.

По всей видимости, Альберт заботился не только об образовании сына, но и использовал свои связи, чтобы найти ему хорошее место службы. Если верить Мартину Дёрдю Ковачичу, на кото-

¹ Péter K. A Reformáció és művelődés a 16. században // Magyarország története 1526–1686 / Szerk. R.Várkonyi Á. 1. köt. Budapest, 1983. 554–555. old.

² См. об этом: Гусарова Т.П. Язык официального общения в Венгерском королевстве в XVI–XVII вв. // Сословное представительство в России в контексте европейской истории. Вторая половина XVI – середина XVII в. Международная научная конференция 7–10 октября 2013 г. Тезисы докладов. М., 2013. С. 47–51.

³ Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest (Далее – MNL OL). N 114. Regnicolaris Levéltár, Kovachich Márton György gyűjteménye. Diaria Diaetalia (Далее – N 114 DD). Vol. 2. Georgii Barna et Pauli de Zemere Comitatus Abaujvariensis Ablegatorum Diarium rerum gestarum tempore Diaetae Posoniensis Anno 1646 celebrata a die 23. Augusti 1646 usque ad diem 3. Julii Anni 1647 per Paulum Zemere deductum (Далее – Szemere 1646/47). Fol. 200.

рого ссылаются все (немногочисленные) писавшие о Семере авторы, уже в 22 года он стал нотарием королевской Судебной палаты, куда попасть мог далеко не каждый, даже высококвалифицированный юрист¹. Доподлинно известно, что в том же, 1622 г., Пал впервые появился на Государственном собрании в Шопроне, о чем свидетельствует его первый дневник. Известно также, что никто — ни комитаты, ни другие корпорации или лица — не посылали Семере на этот съезд. Но он мог присутствовать там как служащий одного из центральных ведомств, каковым являлась королевская Судебная палата.

Заключение в 1622 г. Никольсбургского мира, передавшего в руки Габора Бетлена семь верхневенгерских комитатов, круто изменило жизнь Пала Семере. Отныне его общественная и политическая активность была связана в первую очередь с этим регионом, с его «малой родиной» и с трансильванскими князьями. Скорее всего, он сложил с себя полномочия нотариуса Королевского суда; во всяком случае, после 1622 г. мы не располагаем упоминаниями об этом в послужном списке Пала. Он устраивается нотарием в конвент Яссо, одно из самых старых и известных заверительных мест² Верхней Венгрии, по соседству с поместьем Семере. Здесь молодой человек мог получить прекрасную юридическую практику, пополнив полученные ранее в этой сфере знания. К тому же местечко Яссо было хорошо знакомо Палу: там проживали родственники семьи по материнской линии Хорваты³. Работа не требовала постоянного присутствия на месте, и Пал становится нотарием сначала соседнего комитата Шарош, потом еще и комитата Боршод⁴; но, главное, в 1630 г. — своего родного комитата Абай⁵. Прежде чем занять этот ответственный пост, Пал уже смог хорошо зарекомендовать себя в общественной жизни: начиная с 1624 г. он ежегодно

¹ *Scriptores rerum Hungaricarum minores* / Ed. M.G. Kovachich. P. 43.

² В заверительных местах (*loca credibilia*), расположенных в наиболее значимых аббатствах и капитулах Венгерского королевства, документально подтверждались королевские пожалования, а также различные права и привилегии отдельных лиц (*Korai magyar történeti lexikon* (9–14. század). Budapest, 1994. 263–264. old.).

³ *Szemere Pál abaúji és sárosi követ naplója az 1642. évi országgyűlésről* // *Az 1642-évi meghiúsult országgyűlés időszaka* / Szerk. I. Hajnal. Budapest, 1930. Függelék. 490. old. (Далее — *Szemere* 1642).

⁴ *MNL OL. N 114, DD. Vol. 1. Stephani Czerithy et Pauli de Zemere Diarium Diaetae Soproniensis anni 1625 a die 28. Septembris ad diem 23. Novembris deductum. Praefatio* (Далее — *Szemere* 1625).

⁵ *Abaujvármegye monográfiája*. 177. old.

переизбирался судьей местного дворянского суда¹. Должность комитатского нотариуса была выборной; в XVII в. на нее за редким исключением могли претендовать только члены местной дворянской общины, а именно дворяне, имеющие владения в данном комитате². Семере же располагали поместьями во всех трех комитатах. Однако обслуживание нотариусом одновременно трех комитатов было явлением крайне редким. Тем не менее комитаты же чуть ли не конкурировали между собой, стараясь удержать у себя Семере. Дольше всего он сохранял за собой место нотариуса в комитатах Абауй и Шарош. Все годы комитат терпеливо сносил частые отъезды Семере по государственным и комитатским делам, временно замещая его другим нотариусом – Дёрдем Хорватом де Вайда³.

Должность комитатского нотариуса не ограничивалась делопроизводством и была очень хлопотной – да еще в трех комитатах одновременно! К тому же она открывала широкое поле деятельности для активной натуры Пала Семере. Нотариус присутствовал на всех заседаниях местных дворянских собраний и судебных сессиях, вел их протоколы, хранил архив. На собраниях оглашались касающиеся комитатов распоряжения центральных гражданских и военных властей, а также королевские указы и грамоты. Благодаря всему этому он располагал полной информацией как о делах внутри комитата, так и о том, что делалось у соседей и в стране в целом. Юридические познания и опыт Семере были очень полезны в проведении судебных расследований и вынесении решений по ним. Родственные и деловые связи с местной элитой делали комитатского нотариуса своим в этом кругу и повышали доверие к нему при исполнении им разных поручений, дававшихся дворянским собранием. Высокие профессиональные качества Семере, его связи и политическая ориентация были особенно важны для трех комитатов Верхней Венгрии: ведь он осуществлял там свою деятельность в то время, когда Боршод и Абауй по Никольсбургскому миру отошли к трансильванскому князю Габору Бетлену, а Ракоци (Пал в 1622 г., Ласло в 1636 г.) были поставлены верховными испанцами

¹ Abaujvármegye monográfiája. 177. old. 133 (1624 г.), 137 (1625 г.), 141 (1626 г.), 145 (1627), 153 (1628), 162. old. (1629).

² Föglein A. A vármegyei notárius // Levéltári Közlemények. 14. évf. 1936. 149–255. old.; Гусарова Т.П. Судебный аппарат и законотворчество в дворянских комитатах Венгерского королевства в XVI–XVII вв. // Historia animata. Сборник статей. Ч. 2. М., 2004. С. 142.

³ Abaujvármegye monográfiája. 410. old. (22 декабря 1642 г.), 419. old. (6 июня 1643 г.)

комитата Шарош¹. В конце 1630-х — начале 1640-х годов османы активизировали свои вылазки на венгерские территории и готовили крупномасштабный поход в Венгрию. В одиночку комитаты не справлялись с отражением турецкой опасности. По поручению местных дворянских собраний Семере не раз выезжал то в один, то в другой комитат, чтобы просить о помощи продовольствием, деньгами, войсками — и получал ее благодаря своему авторитету и умению убеждать². По делам комитата Абауй Семере направлялся в посольства в разные места и с поручениями к разным лицам: на инаугурацию верховного капитана Верхней Венгрии, к местным магнатам, к высшим сановникам королевства, к префекту Шарошпатака, для выправления границ, разбирательства сложных дел и т.д.³ В 1639 г. ему удалось уговорить наследственного ишпана Сепеша Иштвана Чаки пожаловать комитату Абауй в качестве подарка некую сумму на строительство (или восстановление) дома заседаний комитатских собраний в Гёнце, за что комитат выразил своему нотарию глубокую благодарность⁴.

Все три комитата в военных и в административных делах были тесно связаны с Кошице (венг.: Кашша), тогдашней неофициальной столицей Верхней Венгрии. Там находилось военное командование этой области во главе с верховным капитаном Верхней Венгрии. В Кошице размещалась Сепешская казначейская палата (своего рода филиал Венгерской казначейской палаты), которая ведала доходами казны в Верхней Венгрии. Трансильванские князья, вторгаясь в Венгерское королевство, выбирали Кошице своим опорным пунктом. Более того, в иные годы (время турецких набегов) в Кошице созывались дворянские собрания комитата Абауй⁵. По этим причинам представители абауйварской администрации (среди них обязательно и Семере) регулярно посылались своим собранием в Кошице, чтобы улаживать различные вопросы с военным командованием: о размещении в комитате императорских войск, о ремонте военных объектов, о предоставлении фуража и продовольствия для армии, о созыве комитатского ополчения и т.д.⁶ При этом отношения с военным командованием региона складывались далеко не безоблачно: комитаты

¹ *Fallenbüchl Z. Magyarország főispánjai. Die Obergespane Ungarns 1526—1848.* Budapest, 1994. 91—92. old.

² *Abaujvármegye monográfiája.* 365, 370, 714. old.

³ *Ibid.* 256-257, 407, 417, 419, 423, 432, 436, 705. old.

⁴ *Ibid.* 702. old.

⁵ CJH II. P. 537. (Закон 1649 г., ст. 21).

⁶ *Abaujvármegye monográfiája.* 232, 344, 372, 428, 431. old.

не справлялись с непомерными требованиями военных властей, а находившиеся в регионе императорские войска наносили значительный ущерб. Из протоколов мы узнаем, что владения самого Семере не раз страдали и от императорских и от княжеских войск. Так, в феврале 1644 г. он не мог присутствовать на собрании из-за того, что в его поместье Семере вторглись 400 пехотинцев, нанеся огромные убытки¹. А в июне того же года военными были захвачены строения в его поместье Демете в комитате Шарош². В моем распоряжении имелись протоколы только одного комитата — Абауй. Если учесть, что Семере трудился нотариусом еще и в Шароше и Боршоде, то можно не сомневаться в том, что на его плечи падала большая нагрузка, а деятельность выходила далеко за рамки обязанностей обычного нотариуса и за границы не только названных комитатов, но и Верхней Венгрии. Более того, она распространялась и за пределы Венгерского королевства, так как ему приходилось еще быть связующим звеном верхневенгерских комитатов с Дёрдем I Ракоци.

Вся личная жизнь и общественно-политическая деятельность Пала Семере свидетельствуют о его прочных связях с трансильванскими князьями Габором Бетленом и особенно Дёрдем I Ракоци, который прямо называл его своим сторонником³. В 1627 г. Пал женился. Его избранницей стала красавица Клара Путноки, единственная наследница огромного состояния, представительница местного знатного дворянского рода, владевшего землями в нескольких комитатах — Нограде, Боршоде, Земплене и др.⁴ Этот брак в целом можно считать счастливым как в личном⁵, так и в материальном плане. Новая семья заметно умножила свои владения — не только за счет наследства, доставшегося Кларе, но и за счет сторонних приобретений. Исследователи насчитали около 140 поместий (только из тех, которые удалось локализовать), принадлежавших сыну Пала Семере Ласло в 1672 г.⁶ Однако для карьеры Пала наиболее далеко идущие последствия имели политические

¹ Abaujvármegye monográfiája. 432. old.

² Ibid. 750. old.

³ Borsod-, Abaujvar-, Zemplén levéltára. Borsod megye. Acta politica. IV. 501/b. Mat. II. Fasc. I. Frustr. 13. 13.IV. 1644. (Далее — BAZ m. lt. Borsod).

⁴ Nagy I. 10. köt. Pest, 1862. 509. old.

⁵ Семере обожал свою жену. Она родила ему двоих сыновей: Ласло и Адама, первый из которых продолжил род и стал в свое время довольно известной личностью. Адам же умер ребенком, он упоминается Семере только однажды, в дневнике за 1642 г. (*Szemere* 1642. 428. old.).

⁶ *Kempelen B.* Op. cit. 112. old.

связи Путноки. Отец Клары состоял в придворных князя Дёрдя I Ракоци и был, очевидно, его доверенным человеком. Когда Дёрдь Путноки скончался в 1639 г., Дёрдь I собственноручно написал Палу Семере письмо, известив о смерти тестя¹. Этот факт может свидетельствовать о расположении князя не только к Дёрдю Путноки, но и к его зятю. Некоторые венгерские авторы сообщают, что Пал Семере и сам был придворным Дёрдя I Ракоци², но документально не подтверждают этого. Как бы то ни было, Семере и Дёрдь I Ракоци поддерживали друг с другом тесные контакты: встречались, вели как официальную, так и личную переписку; в составе делегаций от комитата нотариий не раз посещал князя³. Во время этих визитов Палу Семере с коллегами приходилось решать с князем весьма шекотливые вопросы. Так, в инструкции 1643 г., данной комитатом своим послам, им предписывалось потребовать от князя навести порядок среди наводнивших Абауй княжеских войск, а также того, чтобы на время пребывания этих войск в комитате освободить его от обязанности выставить дворянское ополчение⁴. Ракоци высоко ценил службу Пала Семере и доверял ему. Не случайно для подготовки мира с Фердинандом III трансильванский князь одним из трех комиссаров со своей стороны назначил Пала Семере⁵. Мир был заключен в Линце 16 декабря 1645 г.⁶, но с большим трудом и задержками был ратифицирован венгерской стороной только на Государственном собрании 1646/1647 г. Поэтому также не случайно, что на этот всевенгерский сословный съезд Дёрдь I отправил в качестве своего посла Пала Семере⁷. В знак признания заслуг Семере Ракоци пожаловал ему дорогой, богато орнаментированный меч⁸.

Свою карьеру у трансильванского князя Семере продолжил, получив назначение в Сепешскую (Кошицкую) казначейскую палату. Это казначейство в десятилетия противостояния Габсбургов и трансильванских князей разделило судьбу Верхней Венгрии и ее столицы Кошице. С февраля 1644 по лето 1646 г. деятельность

¹ *Zarándy G. A. Egy ezredév.* 126. old.

² *Csoma J. Abauj-Torna vármegye nemes családjai.* Kassa, 1897. 541. old.; *Nagy I. Köt.* 10. 509. old.

³ *Abaujvármegye monográfiája.* 432. old.

⁴ *Ibid.*, 432. old.

⁵ *Kemény János erdélyi fejedelem Önéletírása /Kiad. L. Szalay.* Pest, 1856. 464. old.; *Zsillinszky M. A linczi békekötés és az 1647-ki vallásügyi törvénycikkek története.* Budapest, 1890. 281. old.

⁶ *Magyarország történei kronológiája.* II. köt. 1526–1848. Budapest, 1989. 469. old.

⁷ *Szemere 1646/47.* Fol. 1.

⁸ *Gombos A. [Ismeretes]: Huba vére Szemere // Századok,* 1911. 292. old.

Королевской казначейской палаты в Верхней Венгрии, занятой трансильванским князем, была приостановлена¹. Но Дёрдь I планировал возобновить ее. Для осуществления этого намерения он привлек Пала Семере, назначив его в апреле 1644 г. администратором и советником Сепешского казначейства в Кошице. Два письма князя по этому вопросу (от 10 и 13 апреля 1644 г.) были оглашены в комитатском собрании вместе с просьбой (распоряжением) Ракоци освободить Пала Семере от обязанностей нотариия. Комитату не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться требованию князя, «чтобы он [Пал Семере] мог посвятить свою жизнь до конца своей гибнущей родине»².

Надо сказать, что это было не первое прощание Семере с должностью. Он уже просил комитат об отставке и получил ее 20 ноября 1643 г.³ Но вскоре по настоятельной просьбе дворянского собрания Пал согласился продолжать выполнять прежние обязанности — уже 15-й год. Комитат высоко оценил благородство своего земляка, к тому времени уже маститого, известного, обремененного высокими поручениями политика: «Пал Семере, начиная с цветущих лет ранней юности и до сегодняшнего дня, служил этому комитату Абауй и любимой родине разными многочисленными деяниями, а также десять раз самым верным образом трудился в посольствах на государственных и областных собраниях с таким блеском, что слава, окружающая его имя, дойдет до потомков». После чего в знак благодарности и на память за многолетнюю «верную и мужественную» службу комитат пожаловал уважаемому земляку оцененный в 100 имперских талеров позолоченный кубок, украшенный тонким орнаментом из серебра⁴. Тогда же Семере был освобожден от обязанностей нотариия комитата Боршод⁵.

В венгерской литературе деятельность Сепешской казначейской палаты в 1644—1648 гг. до сих пор не изучена. Имя Семере не упоминается среди служащих Сепешского казначейства. Более того, распространено мнение, что в эти годы под властью Ракоши это ведомство не работало. С этим утверждением нельзя согласиться полностью. В материалах архива комитата Боршод я натолкнулась на следы деятельности Семере как администратора и советника казначейства 1647—1648 гг., т.е. после ратификации Линцско-

¹ Szűcs J. A szepesi kamarai levéltár 1567—1813. Budapest, 1990. 65. old.

² Abaujvármegye monográfiája. 444. old.

³ Ibid. 425, 756. old.

⁴ Ibid. 426, 757—758. old.

⁵ BAZ m. lt. Borsod. Acta politica. IV. 501/b. Mat. II. Fasc. I. Frustr. 13. 13. IV. 1644.

го мира, повторно закрепившего за трансильванским князем семь верхневенгерских комитатов. Он регулярно обращался к комитату с требованиями, касающимися то взимания налогов, то проведения переписи облагаемых налогами дворов, то сбора и посылки субсидии для поддержания местных крепостей (Диошдёр) и границы¹. Более того, венгерские власти также признавали деятельность Семере в качестве служащего этого казначейства. Во всяком случае, статья 39 законов Государственного собрания 1646/47 гг. обязывает среди прочих служащих разных ведомств и Пала Семере, администратора Кошицкой казначейской палаты, отчитаться о сборе недоимок по разным налогам². Другое дело, насколько эффективны были распоряжения королевских и княжеских властей; но это уже была другая проблема, с которой даже вездесущий Семере не мог справиться.

После смерти Дёрдя I Ракоци в 1648 г. семь верхневенгерских комитатов вернулись в состав Венгерского королевства. Связи Семере с родным комитатом восстановились. В 1648 г. он снова посланник комитата Абауй на Государственном собрании. А в 1651 г. земляки выбрали его своим вице-ишпаном³. В этой должности он оставался до 19 сентября 1652 г., когда при невыясненных обстоятельствах был убит группой наемных убийц.

Какими бы ни были заслуги Пала Семере перед своими комитами и Дёрдем Ракоци, вряд ли страна обратила бы на него внимание, если бы его деятельность ограничивалась местными масштабами. Среди общественной и политической элиты своего времени Пал Семере приобрел известность и репутацию политика высшей пробы, участвуя в работе венгерских Государственных собраний. Он — единственный участник восьми из них: 1622 г. (как служащий Королевской Судебной палаты), 1625, 1634/1635, 1637/1638, 1642, 1649 (как посол от комитата Абауй), 1630 (как посол комитата Боршод), 1646/1647 (как посол трансильванского князя Дёрдя I Ракоци). Уже на шопронском съезде 1625 г. он зарекомендовал себя как один из лидеров дворянско-протестантской оппозиции. Он избирался во все основные комиссии: по составлению Жалобословий, по выработке заключительных статей Государственного собрания (приравнивавшихся после утверждения монархом к

¹ BAZ m. lt. Borsod. Acta politica: IV. 501/b Mat. III. Fasc. I. Frustr. 4. 30. VIII. 1647; Fasc. I. Frustr. 1822. 09.03. 1648; Fasc. I. Frustr. 1823. 25.05. 1648; Fasc. III. Frustr. 377. 12.09. 1648 etc.

² CJH, II. P. 454—456 (закон 1647 г., ст. 39).

³ MNL OL P 22. R szekció átrendezésekor kiemelt iratok 1621—1834. Barna Mel-létei. Fol. 2.

закону), в комиссии по проверке и исправлению границ¹, по инспектированию таможен². В депутациях, выбранных для встреч короля, Семере представлял дворянство комитатов³. Без него не обходились различные депутации, направляемые Нижней палатой к Верхней, протестантами к католикам, к высшим сановникам королевства и Империи, а также к самому монарху. Публичные выступления Семере перед разной аудиторией, даже перед королем, также прибавляли ему известности и авторитета⁴.

Сложная обстановка, складывавшаяся на собраниях между различными политическими и религиозными группами, заставляла высшие чины королевства — надора-палатина, канцлера, персоналия — совещаться с наиболее влиятельными представителями сословий. На эти встречи, часто тайные и очень узкие (два-три человека), обязательно приглашался Семере⁵. В таких случаях руководство страны старалось склонить лидеров оппозиции к компромиссу, добиться от них принятия приемлемых решений. Семере также нередко собирал в своей квартире единомышленников из послов-протестантов, чтобы выработать позицию по тому или иному вопросу и добиться выполнения условий стоявших за ними сил. Не всегда этого удавалось достичь, учитывая, что камнем преткновения на Государственных собраниях этого времени был религиозный вопрос. Так, особенно больших усилий на съезде 1646/1647 гг. потребовала ратификация Линцкого мира 1645 г., включавшего в себя серьезные уступки протестантам со стороны католической церкви, в том числе возвращения отнятых у них храмов. Семере и его коллеги — послы трансильванского князя в этом вопросе держались данных им инструкций даже тверже, чем присутствовавшие на собрании венгерские протестанты, склонные идти на уступки в условиях затянувшегося на полтора года измучившего их сословного форума⁶.

Активность Пала Семере на Государственных собраниях и его авторитет были признаны не только участниками съездов и выс-

¹ CJH, II. P. 336–337 (закон 1635 г., ст. 54); P.469 (закон 1647 г., ст.70); P. 560–561 (закон 1649 г., ст.76).

² CJH, II P. 312–313 (закон 1635 г., ст.72).

³ *Szemere* 1634/35. Decembris15.; *Szemere* 1637/38. Novembris 26.; *Szemere* 1646/47. Decembris 12.; *Szemere* 1649. Martii 15.

⁴ [Komáromy A.] Berényi György naplója az 1634/5-ik soproni és az 1637/8-ik évi pozsonyi országgyűlésekről. In: Történelmi Tár. Budapest. 1885; *Szemere* 1634/35. Januarii 5.

⁵ *Szemere* 1637/38, Novembris 19.

⁶ *Szemere* 1646/47. Januarii 26.

шими должностными лицами королевства, но и венским двором во главе с монархом. Несмотря на то, что в борьбе между Австрийским домом и трансильванскими князьями Семере стоял на стороне последних, Габсбурги также высоко ценили этого политика и стремились добиться его лояльности по отношению к себе. Приблизительно в 1635 г. Семере был введен в состав Королевской Судебной палаты в качестве присяжного заседателя¹. В том же 1635 г. Семере близко подошел к тому, чтобы войти в высшее сословие. Указом Фердинанда III от 26 марта 1639 г. ему было пожаловано право меча (*jus gladium*) — право высшей юрисдикции, распространявшееся на его владение Семере в комитате Абауй². Тремя годами раньше Фердинанд II даровал ему право красной печати (*segitum rubrum*)³, когда-то возвышавшее социальный статус их обладателей (им полагалось почетное обращение *Magnificus*) и расширявшее их права в отношении подданных в их владениях. Но по каким-то причинам Семере не воспользовался этими привилегиями, к тому же они не были подкреплены возведением его в число баронов. Нельзя исключить того, что власти разочаровались в поведении Семере и, осознав, что его не удастся перетянуть из лагеря сторонников трансильванского князя на позиции сторонников и проводников политики Габсбургов, отказались применительно к нему от мер поощрения.

Деятельность Пала Семере в своем комитате, его служба трансильванскому князю и активная работа на Государственных собраниях отражает всю сложность и запутанность взаимоотношений комитатов Верхней Венгрии с центральной королевской властью, с одной стороны, и с трансильванским князем — с другой. В такой неординарной обстановке особую ценность приобретали и неординарные личности — такие, как Пал Семере. Высокообразованный, ответственно относившийся к своим обязанностям профессионал в своем деле, человек твердых принципов, осторожно, умело и настойчиво проводивший представлявшуюся ему правильной и необходимой политику в том регионе Венгерского королевства, где в XVII в. настроения населения складывались не в пользу правящей династии Габсбургов, — таким предстает перед историками рядовой комитатский нотариус и выдающийся политический деятель эпохи Пал Семере.

¹ Мы не располагаем точной датой введения Семере в состав присяжных заседателей Королевской Судебной палаты, но косвенные данные его дневников позволяют предполагать, что это произошло в 1635 г.

² MNL OL A 57. Magyar Kancelláriai Levéltár. Libri Regii. Vol. 9. Fol. 210.

³ *Zarándy G. A. Egy ezredév. 126. old.*

Репрезентация власти и дипломатия

М.А. Бойцов

Нюрнбергская гордость, «корона с дугой» и покойные императоры

Для знатоков немецкого гуманизма и Северного Возрождения Нюрнберг — город, разумеется, совершенно особенный, осененный именами Альбрехта Дюрера, Вилибальда Пиркхаймера и Хартмана Шеделя¹. Однако Нюрнберг, как хорошо известно, — не только столица немецкого гуманизма: в XIV–XV вв. он претендовал и на то, чтобы быть столицей как таковой — притом в стране, где настоящей столицы до конца XIX в. так и не появилось. Своеобразие Нюрнберга коренится не только в его немалых размерах, удачном географическом положении или даже статусе имперского города, позволявшем ему подчиняться (когда город считал это нужным) одному лишь королю Римскому или императору. Главное, у нюрнбергского патрициата XIV–XV вв. возникла уверенность в своей особой близости к императорской власти и даже в некоторой причастности к ней². Мощный замок Салиев и Штауфенов, возвышающийся над городом, воспринимался, похоже, не как символ угнетения, а, напротив, как выражение высокого статуса городской общины. Нюрнбержцы могли

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: Общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

² См., об этом в частности: *Heimpel H.* Nürnberg und das Reich im Mittelalter // *Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte*. 1951/1952. Bd 16. S. 231–264.

подолгу конфликтовать и даже воевать с бургграфами из дома Гогенцоллернов, присматривавшими за замком, но они никогда не пытались его уничтожить — в полную противоположность, например, вольнолюбивым жителям Павии, снесшим в 1025 г. свой императорский замок до фундамента.

Особое самоощущение нюрнбергского патрициата основывалось прежде всего на близком и частом общении с государями, их придворными, князьями и прочей знатью Империи. Пик такого общения приходится на XIV в. Было подсчитано, что император Людвиг IV Виттельсбах (1314–1347) за время своего правления посещал Нюрнберг 74 раза. Сменивший его император Карл IV Люксембург (1347–1378) в Нюрнберге бывал более сотни раз. Он то и дело ездил туда из Праги и обратно: эта дорога стала стратегической осью, накрепко связавшей два центра его державы — чешский и германский¹. Если физическое присутствие государя в Нюрнберге уже само по себе поднимало престиж города, то тем более он выигрывал от проведения в его стенах собраний всех значимых князей Империи во главе с императором. Нюрнберг неоднократно становился местом таких княжеских встреч, одна из которых вошла в историю: на «съезде всей Империи» в конце 1356 г. была составлена и принята основная часть так называемой Золотой буллы, которую позже не раз будут называть «конституцией» Священной Римской империи². В Нюрнберге считали этот документ своей привилегией (отчего быстро заказали себе его полный список) — одной из многих, пожалованных городу германскими государями³.

Уже в XIV в. оба правителя, особенно ценившие Нюрнберг — Людвиг IV и Карл IV, — предпочитали останавливаться не в принадлежавшем им замке, а в домах горожан, где чувствовали

¹ Eberhard W. Herrschaft und Raum. Zum Itinerar Karls IV. // Kaiser Karl IV. Staatsmann und Mäzen / Hg. von F. Seibt. München, 1978. S. 101–108.

² Различные по своему масштабу имперские собрания проводились в Нюрнберге и позже: в 1378, 1381, 1383, 1387, 1390, 1397, 1401 (дважды), 1421, 1422, 1426, 1430, 1431, 1438 (дважды), 1443, 1443/1444, 1444, 1447, 1456, 1460, 1461, 1466, 1467, 1470, 1479, 1480, 1481, 1487, 1491, 1501, 1522, 1522/1523, 1524, 1542, 1543, 1611, 1640 гг. (согласно подсчетам участников научного проекта по изучению имперских собраний в 1376–1662 гг., реализуемого Исторической комиссией Баварской академии наук).

³ Подробнее о привилегиях Нюрнберга см.: Diefenbacher M., Beyerstedt H.-D. Die Nähe zum Reichsoberhaupt — Privilegien und Verpflichtungen der Reichsstadt Nürnberg // Kaiser — Reich — Stadt. Die Kaiserburg Nürnberg / Hg. von K. Heinemann. München; Petersburg, 2013. S. 40–53.

себя, очевидно, комфортнее¹. В XV и XVI вв. традиция государственных визитов продолжилась, хотя их число быстро сокращалось. Еще король Рупрехт (1400–1410) за неполные десять лет побывал в Нюрнберге одиннадцать раз, однако император Сигизмунд (1411–1437) — уже всего лишь пять или шесть раз², Фридрих III (1440–1493) тоже шесть, но за куда более долгий срок правления, а его сын Максимилиан I (1491–1518) — всего трижды³. Победа Реформации в Нюрнберге в 1524 г., разумеется, весьма охладила его отношения с императорами, но те все же продолжали навещать город, хотя теперь лишь изредка⁴.

Прибытие государя в Нюрнберг давало великолепную возможность для того, чтобы представить городскую общину ему и всему миру в самом эффектном свете⁵. Однако чем дальше, тем больше требовалось изобретать новые символические средства, которые подчеркивали бы «имперский статус» города и при физическом отсутствии государя в его стенах. Кстати, отсутствие его могло затягиваться надолго. Нюрн-

¹ *Bräutigam G.* Nürnberg als Kaiserstadt // Kaiser Karl IV. Staatsmann und Mäzen. S. 339–343, здесь S. 339. Однако бывали случаи, когда государь специально требовал разместить его именно в замке — видимо, по соображениям политико-идеологического свойства. См., например, описание того, как в замке расставляли и готовили постели в 1442 г. к приезду Фридриха III: Нюрнберг. Государственный архив. Фонд — Reichsstadt Nürnberg. D-Laden-Akten. 1937.

² О взаимоотношениях Сигизмунда и Нюрнберга см.: *Kammel F.M.* Kaiser Sigismund und die Reichsstadt Nürnberg // Sigismundus Rex et Imperator. Kunst und Kultur zur Zeit Sigismunds von Luxemburg 1387–1437. Ausstellungskatalog / Hg. von I. Takács. Mainz, 2006. S. 480–487.

³ Подсчитано в: *Löther A.* Die Inszenierung der stadtbürgerlichen Ordnung. Herrschereinritte in Nürnberg im 15. und 16. Jahrhundert als öffentliches Ritual // Wege zur Geschichte des Bürgertums. Vierzehn Beiträge / Hg. von Kl. Tenfelde und H.-U. Wehler. Göttingen, 1994 (Bürgertum. Beiträge zur europäischen Gesellschaftsgeschichte, 8). S. 105–124.

⁴ *Kircher A.* Deutsche Kaiser in Nürnberg. Eine Studie zur Geschichte des öffentlichen Lebens der Reichsstadt Nürnberg von 1500–1612. Nürnberg, 1955 (Freie Schriftenfolge der Gesellschaft für Familienforschung in Franken. 7). Для еще более позднего периода см.: *Gold R.* Ehrenpforten, Baldachine, Feuerwerke. Nürnberger Herrscherempfänge vom 16. Jahrhundert bis zum Anfang des 18. Jahrhundert. Nürnberg, 1990. См. также обзор: Kaiser und Könige des Heiligen Römischen Reichs in Nürnberg (Übersicht) // Kaiser — Reich — Stadt. S. 66–71.

⁵ О въездах государей в Нюрнберг см. из недавних публикаций: *Fleischmann P.* Zeremoniell und Memoria — Kaiser und Reich in Nürnberg // Kaiser — Reich — Stadt. S. 26–39.

бержцы весьма торжественно встречали Фридриха III в 1442 г.¹ и несколько скромнее в 1444 г., не догадываясь, что следующего визита государя им придется ожидать 27 лет! Видимо, изрядно соскучившись, они приветствовали Фридриха в 1471 г. снова с церемониальным размахом².

Поддерживать символическими средствами идею своей особой причастности к Империи нюрнбержцам требовалось не только на протяжении лет и десятилетий, когда государи не посещали их город, но и в те моменты, когда государи покидали сей бранный свет. Кончина короля или императора всегда вызывала серьезный кризис в Империи, но она же предоставляла хорошую возможность ее политическим субъектам для символического самовыражения.

Траурные торжества, как известно, проходили не только там, где хоронили покойного правителя. Поминальные службы устраивались и в совершенно иных местах — всюду, где местные власти желали подчеркнуть свою связь с умершим государем. К тому времени, когда по городам и весям шли траурные церемонии, тело государя могло уже быть давно погребенным или же, напротив, еще ожидать похорон: никакого хронологического согласования с организаторами «настоящих» похорон не проводилось. В Нюрнберге тоже устраивали нечто вроде «предварительных» или же «повторных» похорон правителя империи. Впечатление альтернативных похорон создавалось потому, что традиционный чин поминальной службы, основанный на принципе *praesente cadavere*, не предусматривал «дистанционности»: богослужение должно быть проведено над покойником. Соответственно, если он физически отсутствует там, где проходит поминовение, литургию нужно строить вокруг вполне реалистичного заместителя гроба (или «псевдо-гроба»). Над ним будут читать молитвы, его будут окуривать и кропить, несмотря на то что отгонять злых духов от пустого ящика нет никакой необходимости. Зато у всех, оказавшихся на такой службе, возникала иллюзия присутствия на «настоящих» похоронах.

¹ Friedrich III. Eintritt in Nürnberg 1442 // Zeitschrift für deutsche Kulturgeschichte. 1859. Bd 4. S. 696—724.

² Подробнее см.: Baader J. Friedrich III. in Nürnberg // Zeitschrift für deutsche Kulturgeschichte. 1859. Bd 2. S. 683—698; Wolff H. «Und er was frolich und wolgemut...» Zum Aufenthalt Kaiser Friedrich III. 1471 in Nürnberg // Studien zum 15. Jahrhundert: Festschrift für Erich Meuthen / Hg. von J. Helmrath, H. Müller und H. Wolff. München, 1994. Bd 2. S. 805—820.

Детали этой важной мемориальной (но также и политической) практики известны плохо. Тем ценнее оказываются документы, которые будут подробно процитированы ниже. В Нюрнбергском архиве сохранились на удивление подробные и к тому же весьма ранние (во всяком случае, для германских земель) описания местных траурно-политических обыкновений. Первые дошедшие заметки относятся к церемонии по случаю кончины короля Рупрехта в 1410 г.¹ Уже самое их начало примечательно, притом сразу в трех отношениях. Во-первых, двухдневные торжества открылись 25 мая, т.е. всего через неделю после кончины короля, последовавшей 18 мая. Учитывая, что Рупрехт умер в Оппенхайме на Рейне и весть о его кончине могла достичь Нюрнберга лишь спустя несколько суток, поминовение было организовано быстро — за несколько дней. (Самого Рупрехта в Гейдельберге похоронят, похоже, только 9 июня².) Во-вторых, ясно сказано, что церемония проводилась по распоряжению городского совета — т.е. именно городские власти выступили с инициативой торжественного отпевания, а не королевский двор, курфюрсты, прочие князья или же, скажем, местное духовенство. В-третьих, в подтверждение того, о чем говорилось выше, сама эта церемония названа не «поминовением» («Begängnis»), а «погребением» («Begräbnis»), что показывает, насколько проницаемой была грань между этими двумя действиями в сознании современников³.

¹ Они до сих пор не опубликованы. Из дошедших записей были изданы (но не в соответствии с сегодняшними требованиями и не по лучшим рукописям) лишь относящиеся к Альбрехту I и Максимилиану I: *Baader J. Begängnisse für König Albrecht II. und Kaiser Maximilian I. in der Spitalkirche zu Nürnberg // Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit. Neue Folge. 1865. Bd 12. Sp. 377–384.* Ф. Фукс, обративший внимание на все эти материалы, опубликовал (образцовым образом) только документы, относившиеся к императрице Элеоноре: *Fuchs F. Exequien für die Kaiserin Eleonore (†1467) in Augsburg und Nürnberg // Kaiser Friedrich III. (1440–1493) in seiner Zeit / Hg. von P.-J. Heinig. Köln; Wien. 1995 (Beihefte zu J.F. Böhmer, Regesta imperii, 12). S. 455. Anm. 23, публикация на с. 461–466. О погребальных традициях в Нюрнберге см.: *Mattausch H. Das Beerdigungswesen der Freien Reichsstadt Nürnberg (1219–1806). Diss. Würzburg. 1970*, где на С. 44–45 кратко упомянуты используемые далее документы.*

² *Meyer R. Königs- und Kaiserbegräbnisse im Spätmittelalter: von Rudolf von Habsburg bis zu Friedrich III. Köln; Wien; Weimar, 2000 (Beihefte zu J.F. Böhmer, Regesta imperii, 19). S. 120.*

³ «Dz ist zewißen, daz der Rate / vnsers gnedigen herren künig / Ruprechts seliger gedechnüsse, / begrebnisse begeen ließe zu / Nüremberg in sant Sebolt / pfar[kirche] am Suntag, an sant vrbans / tag [25 мая] nach tisch mit vigilien / vnd des Montags darnach [26 мая], / mit Selemessen, Anno M^oiiiiid^oecimo» (Нюрнберг. Государственный архив. Фонд Reichsstadt Nürnberg. D-Laden-Akten. N. 1797.

Посреди просторного храма св. Зебальда (одной из двух нюрнбергских приходских церквей¹), напротив кафедры для проповедника над похоронными носилками («Bahre») с «псевдогробом» возвели «большую высокую гробницу» — т.е. особую сень — одну из тех конструкций для свечей, которые спустя несколько столетий станет принято называть *castri doloris*. Эту сень обвесили черной тканью² и «всю уставили» зажженными свечами, число которых составитель документа определяет в 200 штук, каждая весом в четверть фунта. Он одобрительно отмечает, что свечей этих хватило на все время заупокойной службы — значит, такое бывало не всегда, отчего, вероятно, у организаторов сначала возникли сомнения, и они спорили, какие свечи правильнее заказать.

Несмотря на удачный прецедент, в последующие годы в столь серьезных делах не рисковали. Во всяком случае, начиная самое позднее с 1420 г. свечи для аналогичных целей будут применять большего размера — весом в полфунта (как при отпевании императрицы Элеоноры в 1467 г.³), или же — чаще — в целый фунт⁴. К тому же, судя по описанию, выходит, что в 1410 г. во время vigилий свечей на «гробнице» не зажигали⁵, тогда как позже будет принято, чтобы они горели и на вечерне тоже. Значит, свечи должны были либо увеличиться числом (чтобы сгоревшие мож-

С. 1). Более поздний список (очевидно, непосредственно с данного оригинала) см. в деле: Nürnberg. Amts- und Standbücher. N. 334. Fol. 4 и далее.

¹ Здесь уместно напомнить, что в Нюрнберге не было своего епископа (обстоятельство, кстати, только способствовавшее быстрому подъему города на «имперский» уровень), а значит, не было и кафедрального собора. Город делился течением Прегница на два прихода — северный Св. Зебальда и южный Св. Лаврентия (Лоренца) и только в начале XIV в. эти общины объединились. Храм Св. Зебальда старше и более значим для города, чем храм Св. Лаврентия (в котором не было даже реликвий его покровителя). Оба прихода относились к Бамбергскому епископству, но к разным его округам. Духовенство обеих приходских церквей долго соперничало между собой. Канонизация Римской курией местночтимого анахорета св. Зебальда в 1425 г. стала самым драматическим моментом этого соревнования.

² «Item vnd man het ein groß hochs- / grab gemacht, vnd das stund / vorm predigstul mitten in der kirchen / vnd het das mit swartzer / leinwat übertzogen...» (D-Laden-Akten. N. 1797. S. 5).

³ Fuchs F. Op. cit. S. 463.

⁴ Ср. применительно к 1420 г.: «...vnd der kertzen sol igliche haben j lb / Wachß» (D-Laden-Akten. N. 1782. Fol. 2).

⁵ «...vnd het / das überal vol kertzen gesteckt / vnd derselben kertzen waren / ij^e, der het yede einen vierdung, / vnd die prunnen die Selmesse / vnd biß das oppfer geschach / vnd man die messe gar gesun- / gen het» (D-Laden-Akten. N. 1797. S. 5).

но было бы менять на новые), либо потяжелеть (чтобы они могли продержаться на протяжении обеих служб).

Хотя автор, скорее всего, клирик, язык геральдики ему отнюдь не чужд. Так, он отмечает «das Reich» — герб Империи в виде «черного орла на золотом поле». Гербов таких имелось, очевидно, шесть, потому что они были «пришиты к гробнице» «вверху с двух краев и внизу с двух краев и в промежутке тоже с двух краев»¹. В словоупотреблении автора «вверху» означало, судя по всему, «у дальнего конца», а «внизу» — напротив, «у ближнего».

Если в этих строках под «гробницей» понимается *castrum doloris*, драпированный черной тканью (к которой как раз и можно было «пришивать» гербы), спускавшейся с «крыши» сени, то затем рассказчик переводит взгляд ниже — к «псевдогробу», стоящему на похоронных носилках — средневековом прототипе катафалка. «Гроб» накрыт «золотой» тканью, свисающей с обеих сторон, и с обеих же сторон на нее пришиты другие гербы — более персонального свойства, нежели упоминавшиеся. Здесь щит разделен пополам: в одном поле снова имперский орел, но в другой — цвета Баварии². Тем самым «гербовое описание» покойного, помещенное прямо на «гробе», относится именно к *королю Римскому из рода баварских герцогов Виттельсбахов*, тогда как аналогичное «описание» наверху — на ткани, свисающей с *castrum doloris*, — носит более общий характер, «характеризуя» Рупрехта только как носителя сана *короля Римского*.

Следующее средство создания «политического образа» покойного составляли уже не гербы, а инсигнии. То ли на сам «псевдогроб», то ли на «катафалк» под ним, положили «корону с дугой, и скипетр, и державу с крестиком наверху»³. Под «короной с дугой» обычно понимают императорскую корону, на которую Рупрехт права вообще-то не имел, поскольку его итальянский поход оказался крайне неудачным: до Рима он так и не добрался. Тем не менее нюрнбержцы оказали Рупрехту такую честь — то ли из симпатии к нему, то ли потому что считали «корону с дугой» своего рода «немецкой короной», то ли, возможно, потому, что ориентирова-

¹ «Vnd het man das Reich, / den Swartzen Adler Im / güldein veld oben an zwein / enten, vnd vnten an zwein / enten, vnd neben auch an zwein enten an das grab geneat» (D-Laden-Akten. N. 1797. S. 5).

² «Vnd auf die par het man / schön güldein tuch gelegt / vnd damit verhangen. / vnd neben ze beden seiten daran / schilt geneat, darein das / Reich vnd Beyrlandt geteilt was» (Ibid.).

³ «Vnd auf der par lag ein / Chron mit einem pogen, vnd / zeppter, vnd der Appfel. / mit einem krewtzell darauff» (Ibid.).

лись на корону, украшавшую голову ахенского реликвария Карла Великого¹, то ли, наконец, просто из-за того, что у них не было короны другой формы.

Разумеется, заслуживает всяческого внимания уже то обстоятельство, что нюрнбержцы держали у себя полный набор королевских инсигний. Притом вряд ли речь идет о «муляжах», сделанных не из благородных металлов. Такие и впрямь применялись в похоронном деле, но их укладывали с мертвецом в могилу. К тому же в отличие от более ранних времен, в XIV–XV вв. покойника и в могиле стали снабжать знаками его власти, изготовленными из дорогих материалов. Во всяком случае, у Люксембургов, судя по находкам археологов, такое было принято².

Описав «псевдогроб», рассказчик переходит к тому, что окружает «катафалк», и снова прежде всего обращает внимание на свечи, притом куда большие по размеру, чем поставленные поверх *castrum doloris*. Сначала он, правда, ошибся в числе, написав, что их стояло десять «вверху» (т.е. у дальнего конца «гроба») и десять «внизу». Но затем, перечеркнув абзац, он посчитал заново: пять с той стороны и пять — с этой³. Их вес остается нам пока неизвестным, хотя автор отметил, что каждая из двадцати других «больших свечей» по обеим сторонам от «гробницы» весила четыре фунта⁴. Следовательно, каждая из тех десяти «самых больших» должна была существенно превосходить по весу четыре фунта. Намного ли, узнаем позже из другого описания. Пока же отметим только, что выставляли свечи трех видов и горели они на трех разных уровнях. Ниже всех — четырехфунтовые, несколько выше — «самые большие» и на «крыше» сени — самые маленькие — четвертьфунтовые.

¹ Об этой короне см., например: *Minkenber G. Krone der Karlsbüste // Krönungen. Könige in Aachen – Geschichte und Mythos. Katalog der Ausstellung / Hg. von M. Kramp. Mainz, 2000. Bd 2. S. 527. N 6–18.* Серебряную позолоченную корону изготовили в середине XIV в., однако «дугу» к ней приделали позже. Когда именно — неизвестно, но самое позднее в 1442 г. она уже имелась. Нельзя исключить и того, что к 1410 г. дуга уже украшала венец. Императорская коронация Карла IV в 1355 г. давала хороший повод «усовершенствовать» корону, подаренную им ранее ахенскому храму.

² См., например, серебряные позолоченные корону и державу, происходящие из захоронения либо самого императора Сигизмунда, либо его первой супруги: *Sigismundus Rex et Imperator. S. 94–95. N 1.3, 1.4.*

³ «Item oben bey dem grab / stunden fünf Wandelkerten, / vnd vnten dabey auch fünf» (D-Laden-Akten. N. 1797. S. 6).

⁴ «Vnd süst zu beden seiten / zweintzig großer kertzen / yede von iiij pfunden» (Ibid. S. 6).

Впрочем, составитель документа, в отличие от нас, начал свое повествование с описания не гробницы, а организации поминовения у нее. Действие у него возникает раньше сцены, на которой оно разворачивается. Для рассказчика первым делом важно, что все четыре нищенствующих ордена — доминиканцы, францисканцы, кармелиты и августинцы-еремиты — отслужили каждый свою особую вигилию, одну за другой, в хоре (алтарной части) храма Св. Зебальда¹. Их сменили священники из городского приюта Св. Духа, церкви Богоматери (третьей крупной церкви в городе, построенной на месте разгромленной в 1349 г. синагоги), монахи-бенедиктинцы из старинного монастыря Св. Эгидия во главе с аббатом — среди нюрнбергского духовенства он обладал наивысшим саном, — и в сопровождении учеников монастырской школы, а затем и настоятель второй приходской церкви — Св. Лаврентия (Санкт-Лоренц) — вместе со всем клиром и хором мальчиков². Однако последнюю вигилию пропели не они, а местный клир храма Св. Зебальда — тоже в полном составе, включавшем хор мальчиков под руководством, как обычно, начальника церковной школы. После чего (все?) духовенство обошло по кругу церкви, особо благословив пустую «гробницу», и отслужило вечерню, положенную по календарю³.

Наш автор счел нужным специально отметить, что аббат обители Св. Эгидия в литургическом облачении и с пастырским посохом в руке стоял на протяжении (всей?) службы в алтарной части храма, как, впрочем, и настоятель церкви Св. Лаврентия с его людьми⁴. Отношения и с аббатством, и со вторым приходским храмом у духовенства Св. Зебальда по традиции были непростыми и могли совсем испортиться, так что, видимо, стоило зафиксиро-

¹ «Vnd die vier orden, prediger / Barfüßen, Carmeliten, vnd Augustiner lasen yeder orden be- / sunder ein vigili nach einander / in sant Sebolts Chore» (D-Laden-Akten. N. 1797. S. 1).

² «Item darnach sungen die priester / vom Spital, vnd die vom vnßer / frawen mit einander ein vigili / auch in sant Sebolts Chor. / Item darnach sang der Abbt von / sant Egidien mit seinen herren, / vnd Schülern auch ein vigili / doselbst / Darnach kam der pfarrer von / sant lorenzen mit seinen gesellen / vnd die vicarier doselbst alle / mit in vnd Schulern, vnd sungen / do auch ein vigili» (Ibid. S. 1).

³ «Item darnach sang der pfarrer / von sant Sebolt mit seinen / gesellen, vnd mit den vicariern / allen doselbst, vnd der Schul- / maister mit den Schulern die / ledsten vigili, vnd darnach / gieng man vmb / die kirchen, vnd über das / grab, vnd sang darnach die / vesper vom tag» (Ibid. S. 2).

⁴ «Item dabey stunden zu Chor / der Abbt von sant Egidien / in seinem ornat Infehn vnd / stabe, vnd seiner gesellen zwen. / Item der pfarrer von sant / lorentzen. vnd sein gesellen / vnd die vicarier von sant / lorentzen alle» (Ibid. S. 2).

вать почему-либо важный прецедент. Правда, не вполне ясно, что именно здесь было наиболее важным — то ли уже то, что гости стояли, то ли что были в торжественном облачении, то ли что провели на ногах всю службу от начала до конца... В любом случае, нюрнбергское духовенство в ходе церемонии представляло себя любому внешнему наблюдателю сплоченным и солидарным, свободным от каких бы то ни было конфликтов между разными его группами.

Основное богослужение состоялось только на следующий день, в понедельник, когда «магистр Николай» из Духова приюта¹, которому ассистировали еще два священника, пришел отслужить заупокойную мессу перед алтарем Св. Иоанна² и произнес затем «красивое слово» в память о покойном короле, призвав народ помолиться с верой в Бога о его душе³. Опять в алтарной части стоял настоятель аббатства Св. Эгидия, как и накануне на вигилии, а вместе с ним теперь еще и комтур Немецкого ордена, а также клирики обеих приходских церквей, церкви Богоматери и Духова приюта⁴. Клирики из Санкт-Лоренца отслужили четыре заупокойные

¹ Духов приют (Heilig-Geist-Spital) являлся очень важным городским учреждением, находившимся в самом центре Нюрнберга. См. о нем прежде всего: *Knefelkamp U.* Das Heilig-Geist-Spital in Nürnberg vom 14.–17. Jahrhundert. Geschichte, Struktur, Alltag. Nürnberg, 1989 (Nürnberger Forschungen, 26).

² О топографии Св. Зебальда вообще и расположении алтарей с различными патрониями в частности см. прежде всего: *Weilandt G.* Die Sebalduskirche in Nürnberg: Bild und Gesellschaft im Zeitalter der Gotik und Renaissance. Petersberg, 2007 (Studien zur internationalen Architektur- und Kunstgeschichte, 47). Об алтаре св. Иоанна, стоявшем у входа в хор (алтарную часть) и доступном прихожанам, а потому воспринимавшемся в качестве «народного алтаря», см. S. 180–184.

³ «Item des Montags sang Meister / Nicklas vom Spital Selmesse, / vnd tete auch ein schön recomen- / dacion von vn[se]r[n] herren dem / künig seliger gedechtnusse, / vnd mant das volk das / man got getrewlich für / sein sele pete, vnd dienten / im die zwen pfarrer auf / sant Johans Altar zemesse...» (D-Laden-Akten. N. 1797. S. 2). Уже этого одного упоминания достаточно, чтобы понять, насколько ошибочно мнение, будто жанр надгробной проповеди распространился в Германии только после Реформации, а упоминание о такой проповеди, например, в 1475 г. было сутубым исключением. Оно высказано в: *Lenz R.* Leichenpredigten — eine Quellengattung // *Blätter für deutsche Landesgeschichte.* 1975. Jg. 111. S. 15–30, здесь S. 17. Куда более глубокая история жанра вскрыта в работах: *Woltersdorf Th.* Zur Geschichte der Leichenrede im Mittelalter // *Zeitschrift für praktische Theologie.* 1884. Jg. 6. S. 359–365; *Winkler E.* Scholastische Leichenpredigten. Die Sermones funebres des Johannes von S. Geminiano // *Kirche — Theologie — Frömmigkeit.* Festgabe für Gottfried Holtz zum 65. Geburtstag / Hg. von H. Benckert. Berlin, 1965. S. 177–186.

⁴ «Vnd do stunde der Abbt von / sant Egidien aber ze Chor, / als zu der vigilj in seinem ornat, / vnd der von Wertheim, / Comenteror zu Tewtsche haws. / Item die ge-

мессы, бенедиктинцы из обители Св. Эгидия — две, священники из Духова приюта — три, из церкви Богоматери — две, из храма Св. Екатерины — тоже две, из церквей Св. Креста и Св. Марфы — по одной¹. Уже во время мессы отдельными процессиями подошли братья всех четырех нищенствующих орденов, и каждое братство особо благословило «гробницу»². По четыре монаха от ордена отслужили заупокойную службу³.

Наконец, началась, пожалуй, самая выразительная часть церемонии — поднесение пожертвований. Однако здесь ничего не слышно об обычае передавать церкви рыцарское вооружение или коней, широко распространившемся по европейским дворам начиная примерно с середины XIII в.⁴ Неудивительно: в Нюрнберге не было ни доспехов покойного, ни его коней. Уже по одной этой причине церкви жертвуют только зажженные свечи, и их принимает настоятель храма Св. Зебальда. Сначала со свечами то ли к «гробнице» у алтаря Св. Иоанна, то ли к главному алтарю (из текста неясно) подходят клирики, потом — врачи (вероятно, из Духова приюта и потому отнесенные к людям церкви) и ученики церковных школ⁵. Далее наступает очередь членов городского совета⁶. За ними пошли все «почтенные дамы»⁷ из обоих нюрнбергских приходов. В их ряды допустили даже нескольких женщин из семей

sellen, vnd vicarier / alle von beden pfar[kirch]en stunden / do auch zu Chore. / Item vnd die priester vom Spital / vnd von vnser frawen» (D-Laden-Akten. N. 1797. S. 3).

¹ «Item die von sant lorentzen / lasen iij Selmesse, / Item die von sant Egidien / lasen ij messe, / Item die vom Spital ij mess / Item die von vnß[er] frawen ij mess, / Item die von sant Kathrein / lasen ij messe, / Item der vom heilig krewtz j mess. / Item der von sant Martha j messe...» (Ibid. S. 3).

² «Item vnd vnter der Selmesse / komen die vier orden prediger / parfüßen, Carmeliten, Au- / gustiner mit Iren processen / vnd gieng yeder orden besunder / über das grab» (Ibid. S. 4).

³ «Item vnd von yedem orden / lasen iij bruder Selmesse» (Ibid.).

⁴ Подробнее см.: *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 448–465.

⁵ «Item es giengen die pfarrer vnd ge- / sellen, von beden pfarren / vnd die vicarier alle zu / dem oppfer, vnd trug yeder / ein brinnend kertzen in der / hant, vnd die Ärtzt, vnd / Schuler, vnd dieselben kertzen / het der pfarrer von sant / Sebolt bestalt» (D-Laden-Akten. N. 1797. S. 4).

⁶ «Item darnach oppfert der Rate» (Ibid. S. 4).

⁷ Как разъясняет Ф. Фукс, ссылаясь на архивные материалы, к числу «почтенных дам» относились те, у которых было право являться на танцы, устраивавшиеся в ратуше. (Такая привилегия не только в Нюрнберге, но и в других немецких городах обозначала важную социальную границу.) *Fuchs F.* Op. cit. S. 463. Anm. 52. Он же указывает на то, что «почтенность» в Нюрнберге не была идентична принадлежности к городскому патрициату, ссылаясь на исследование:

ремесленников. Впереди несли большую свечу, которую они жертвовали все вместе — как единое сплоченное сообщество¹.

В самом конце автор переходит к оценке затрат на церемонию, похоже, с целью показать, сколь умеренными они были. Оказывается, что хотя запасли 174 фунта воска, 70 оказалось лишними и их вернули обратно². (Экономия здесь получилась, действительно, заметная, поскольку из другого документа известно, что за 100 фунтов воска нужно было заплатить 18 гульденов³, следовательно, 70 фунтов стоили более 12 с половиной гульденов.) В отличие от многих других сходных случаев, здесь ни монахов, ни священников, никого иного за присутствие на службе деньгами не поощряли⁴. Правда, согласно чуть более поздней приписке, пришлось все-таки дать «на чай» (*trinkgelt*) слугам причетника и другим служителям, которые «здесь звонили» (очевидно, в колокола)⁵. Понадобилось отдать еще пять гульденов за два отреза черного холста шириной в два локтя, чтобы украсить верхнюю часть «гробницы» (т.е. *castrum doloris*)⁶. Это та самая ткань, на которую повесят гербы Священной Римской империи. (Теперь мы знаем, что черная ткань свешивалась с «крыши» конструкции по всему ее периметру на два локтя вниз.) Если же читатель желает получить точные сведения обо всех расходах, пишет неизвестный автор, он может обратиться к Регистру оплаты счетов⁷ (который, к сожалению, до наших дней не дошел).

Align Th. Die Ketzeln. Ein Nürnberger Handelsherren- und Jerusalemipilgergeschlecht. Neustadt/Aisch, 1961. S. 100–118.

¹ «Vnd man het auch alle erben / frawen auß beden pfarren / zu dem oppfer geladen / vnd auch etlich auß den / hantwercken, vnd trug In / ein Wandelkertzen vor zu / oppfer» (D-Laden-Akten. N. 1797. S. 4).

² «Auch ist zewißen, daz man / nam einen Czentner vnd / vier vnd sybentzig pfunt / Wachs, vnd des verptan / vnd das man durch gots- / willen gab ein Czentner / vnd vier pfunt, vnd die / Sybentzig pfunt gab man / dem Cromer wider» (Ibid. S. 6).

³ «Item wist gnedigen liben herren das man zcu / dem ersten zcu der begebencknuß vnsers / gnedigen herrn kunigs genomen hat ij / centner wachs kumpt einer fur xvi-ij gulden» (Ibid. S. 9). Хотя этот документ (перечень расходов на организацию поминовения короля и просьба к городскому совету их компенсировать) присоединен к делу 1410 г., скорее всего он относится к траурной службе по одному из более поздних королей.

⁴ «Auch ist zu wißen, daz man weder münichen, noch andern / priestern, noch nyemandem / kein presentz gab» (Ibid. S. 6).

⁵ «Item und den mesnerknechten / vnd andern knechten die det gelewtet / heten, den gab man auch ein / trinkgelt» (Ibid. S. 7).

⁶ «Item es kamen zwey stücke, / vnd zwo Eln Swartzer / leinwat über das grab oben / das köste fünff guldein» (Ibid. S. 6).

⁷ «Item vnd wenn man wißen / wil, was es alles kost hat / So vindet man es in der losungen / Register» (Ibid. S. 7).

Вероятно, чтобы снова подчеркнуть экономность церемонии, упоминается, что и сама «гробница», и «гвозди» (очевидно, для ее же сборки), и корона, и скипетр, и держава «лежат» в храме Св. Зебальда¹. Следовательно, надо думать, все они не стоили организаторам ни гроша. Мы же вправе предположить, что «сборную гробницу» использовали в 1410 г. далеко не в первый раз, и в Нюрнберге уже существенно ранее этого года освоили организацию заочных прошаний со своими королями. Напомним здесь, что последний раз государь Германии умирал в 1378 г., так что необходимые атрибуты должны были провести «на складе» не менее 32 лет. (Правда, «гробницу» скорее всего собирали при отпевании не только королей, но и князей, так что она не пылилась десятилетиями без дела.) Заодно нам становится известно и место хранения короны, скипетра и державы. Вряд ли у кого бы то ни было могла возникнуть безумная надежда, что в приходском храме Св. Зебальда, пускай и очень любимом нюрнбергским патрициатом, когда-либо будут возводить в короли. Следовательно, «комплект» инсигний изготовили и хранили именно ради церемонии поминания покойных государей, проводившейся, очевидно, и ранее в тех же самых стенах. Поскольку короне была придана «императорская форма», весь набор могли сделать ради поминания одного из двух особенно расположенных к Нюрнбергу императоров — Людвига IV в 1347 г. или же Карла IV в 1378 г.

Траурная церемония, «поставленная» вдали от королевского двора, выглядит в наших глазах более «церковной», чем подобные придворные торжества — не только потому, что рассказывает о ней клирик (надо полагать, из церкви Св. Зебальда), но еще и потому, что в ней не улавливается стремления изобразить покойного в качестве знатного воина: начисто отсутствует процессия рыцарей со знаменами, гербами и оружием. Разве что минимальный набор «геральдических данных», как уже упоминалось, в Нюрнберге использовать было принято. Порой горожане составляли даже довольно пространные «геральдические описания» покойных государей. Так, в 1439 г. по случаю кончины Альбрехта II с двух противоположных сторон его *castrum doloris* поместили сразу по четыре герба: Венгрии, Империи, Чехии и Австрии².

¹ «Item vnd das grab vnd Negel / Chron, zeppter, vnd Appfell / ligt zu sant Sebolt» (Ibid.).

² «...vnd an dem grab oben warn / hinten vnd vorn viii schilt, / iiiii vorn, iiiii hinten der erst shilt / was vngern der ander das reich / der drit beheyem der vird osterreich / des»

Что же до процессии с пожертвованием свечей, то она служила символическому подтверждению отношений, существующих в городской общине, и легитимировала власть местной элиты ни в коей мере не меньше, чем власть императора или короля Римского. Вспомним о процессии членов городского совета и о большой свече, совместно поднесенной церкви от уважаемых дам обоих нюрнбергских приходов.

Приведенный выше подробный разбор самой ранней из документированных в Нюрнберге траурных церемоний избавляет от необходимости столь же детально рассматривать поздние документы того же типа. Они весьма сходным образом освещают прощания, устроенные нюрнбергскими властями с императором Сигизмундом (1437)¹, королем Альбрехтом II (1439)², императрицей Элеонорой (1467)³, а также князьями из дома Гогенцоллернов: Иоганном III, бургграфом Нюрнбергским (1420)⁴, его братом Фридрихом I, маркграфом Бранденбургским (1440)⁵, Маргаритой Баденской, супругой Альбрехта III, маркграфа Бранденбургского (1457)⁶, Фридрихом II, маркграфом Бранденбургским (1471)⁷. Описывается поминовение и еще одного Виттельсбаха — герцога Людвига IX Баварского (из Ландсхутской ветви) (1479)⁸.

Для наших целей эти записи полезны тем, что позволяют уточнить некоторые типичные детали организации церемоний. Так, вряд ли только при отпевании маркграфа (и курфюрста) Фридриха I в 1440 г. колокола всех церквей и даже набатный колокол звонили полчаса подряд⁹ — наверное, аналогично поступали и в других случаях, а значит, скорее всего, еще при той службе по королю Рупрехту, о которой шла речь выше. Точно так же, вероятно, не только в 1420 г., когда поминали бургграфа Иоганна III, тон задавали колокола Св. Зебальда, а в остальных церквях города и

geleich warn dy hyntern iiii / auch als die voderen» (D-Laden-Akten. N 1784. Fol. 5v).

Ср.: Baader J. Op. cit. Sp. 379.

¹ D-Laden-Akten. N 1783.

² Ibid. N. 1784. Сравни: Baader J. Op. cit. Sp. 377–380.

³ D-Laden-Akten. N 1778. Как уже указывалось, это единственный документ из коллекции, который был опубликован в соответствии с современными требованиями: Fuchs F. Op. cit. S. 447–466, сам документ на S. 461–466.

⁴ D-Laden-Akten. N 1782.

⁵ Ibid. N 1776.

⁶ Ibid. N 1777.

⁷ Ibid. N 1779.

⁸ Ibid. N 1781.

⁹ «Item all glocken in den kirchen / wurden ein halbe stund gelew / mitsampt den Sturmglöcken» (Ibid. N 1776. Fol. 1v).

начинали перезвон, и заканчивали его вслед за звонарями именно этого храма¹. Использование колоколов в Нюрнберге было, кстати, строго регламентировано, что прекрасно отразилось в специальных «Колокольных книгах» главных городских храмов, где отмечалось, когда и по кому звонили в колокола. Набатный колокол («Sturm-glocke») использовали для прощания только с особо важными персонами: императорами, королями Римскими, императрицами, дружественными Нюрнбергу имперскими князьями и ведущими членами городского правительства².

Упоминавшееся описание прощания с курфюрстом Фридрихом I позволяет лучше представить себе, как именно выглядела «гробница», очевидно, примерно такая же, как та, о которой несколько невнятно говорилось тридцатью годами ранее в связи с «погребением» короля Рупрехта. Сначала упоминается каркас будущего *castrum doloris* (в документе для обозначения этой конструкции используется слово «gehewß»). Каркас этот обычно хранится в разобранном виде «наверху в школе» (выясняется, что помещения для приходской школы были отведены где-то на верхнем этаже церковного здания), но теперь его собирают в церкви Св. Зебальда и обвешивают (точно так же, как и в 1410 г.) двумя кусками черной ткани³. В получившуюся конструкцию вставляют сверху 172 железных штифта, на каждый из которых накалывают свечу (правда, весом в целый фунт, а не в четверть фунта, как было в 1410 г.)⁴. В числе 172 вряд ли стоит искать сокровенный нумерологический смысл: согласно предписанию 1420 г., таких штифтов стоило вбить «около 200 или столько, сколько угодно»⁵, — наверное, в 1440 г. места хватило для 172 свечей. Здесь же мы узнаем, что «самые большие свечи» (которых при отпевании Рупрехта, напомним, было десять, а для Иоганна III поставили восемь), весили в этот раз по 26 фунтов

¹ «...vnd vmb und umb zu lewten wenn man / zu sand sebold zainen slahe als lank / man daselbs lewte» (Ibid. N 1782. Fol. 1). Аналогичное правило известно из Вены, где тон задавал звонарь храма Св. Стефана.

² Так, при отпевании императора Фридриха III в 1493 г. звонили и в набатный, и в «часовой» колокола одновременно: «...hat man mit der Sturm- und orglocken am freytag, den 6. September zu seiner begengknuß geleut» (Nürnberg Totengeläut-Bücher. Bd 1.: St. Sebald 1439—1517 / Hg. von H. Berger. Neustadt/Aisch, 1961 (Freie Schriftenfolge der Gesellschaft für Familienforschung in Franken, 13). S. 129).

³ «Item das gehewß das oben auff / der schul Ligt ward zu Sant / Sebalt auffgeslagen vnd mit / zwaien Swartzen schetern vber / zogen» (D-Laden-Akten. N 1776. Fol. 1v).

⁴ «Auff dasselb gehewß wurden ge / slagen clxxij eysnern stefft / vnd wurden auff jeden stefft ge / steckt ein kertzen von j lb wachß» (Ibid.).

⁵ «...vnd da / durch sleht man auf das hew- / sel all vmb vnd vmb eysnern / stefft pey ij^e oder als vil man / wil» (Ibid. N 1782. Fol. 1v).

каждая¹. Значит, скорее всего, такие свечи и в 1410 г. вряд ли сильно отличались по весу. Уже под сень готового *castrum doloris* поставили протокатафалк (здесь он называется не «*Bahre*» или «*Par*», а просто «досками» — «*Brete*»), а на него — «надстройку» (т.е. «псевдогроб») — «*Hobel*». На «*Hobel*» положили «плашаницу» («*Leichtuch*») и уже поверх нее расстелили три куска золотой парчи, предоставленные на время церемонии самим же храмом².

В последнем пункте заметен отход от практики, соблюдавшейся еще в 1420 г. Тогда такие же три отреза были предоставлены, вероятно, двором покойного бургграфа Иоганна III, потому что составитель документа настаивает: из этих трех кусков один должен остаться в храме Св. Зебальда. Ведь того требует давняя традиция, соблюдавшаяся, в частности, при отпевании маркграфов Иоганна II (ум. 1357), Альбрехта Красивого (ум. 1361) и Фридриха V (ум. 1398), считает автор³. Проверить достоверность этих исторических ссылок, к сожалению, нет никакой возможности. Зато видна глубина памяти на прецеденты, которой обладает наш «церемониймейстер»: первой половины XIV в. она уже не достигает.

Использование слова «плашаница» (которое в немецком языке звучит так же, как и «саван» — «*Leichentuch*») сразу проясняет ряд ассоциаций, возникавших на таких отпеваниях, по меньшей мере, у клириков, хотя, надо полагать, не у них одних. «Плашаница» — это, конечно, образ савана Иисуса Христа. На пасхальной неделе ее возлагали либо на алтарный престол, либо же на символический «Гроб Господень». Выходит, символический гроб Иоганна III сливается в сознании нашего информатора с гробом Христа — что само по себе заслуживает всяческого внимания в свете христомиметических особенностей средневекового политического церемониала⁴.

С 1424 г. траурные церемонии по императорам в Нюрнберге приобрели существенные новые черты, поскольку в соответствии

¹ «*Auch wurden gemacht viij wan- / delkertzen die heten xxvj lb. wachß / vnd wurden gehalten an beden / seiten bey dem gehewß*» (Ibid. N 1776. Fol. 1v).

² «*Item vnder das gehewß legte man / ein brete vnd ein hobel dorauff / vnd ein leichtuch darüber vnd auff / das leichtuch wurden gebräit drew / guldeine Tücher die lehe das gotz- / haws dar*» (Ibid. N 1776. Fol. 2).

³ «*Auch decket man vber / dy par drew guldeine tuch, der / sol auch eins sant Sebolt gefallen / Vnd das ist also von alter her / kommen von purgraf Johannsen / dem eltem Item von grafen / Albrechten, dem purgrafen vnd / vom purgrafe fridrich dem / eltern seliger gedechtnusse etc.*» (Ibid. N 1782. Fol. 2).

⁴ О христомиметичности средневекового правителя см.: Kantorowicz E.H. *The King's Two Bodies. A Study in Mediaeval Political Theology*. Princeton NJ, 1997. P. 42–86 или русский перевод: Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015. С. 113–162.

с привилегией короля Сигизмунда от 29 сентября 1423 г. в городе теперь хранились подлинные имперские инсигнии, спасенные из охваченной гуситской ересью Чехии¹. Согласно общему тогда мнению (получившему отражение в источниках с начала XIV в.), они некогда принадлежали Карлу Великому — основателю Империи и к тому же святому². Инсигний этих было немало и некоторые из них (например, императорские облачения) на похоронных церемониях не появлялись³. Зато использование остальных при поминании государей не только стало особенностью, отличавшей локальную нюрнбергскую традицию от любых иных, но и убедительной демонстрацией исключительного места Нюрнберга в Священной Римской империи. При этом инсигнии рассматривались не просто как знаки определенного политического статуса, но и как священные реликвии исключительной ценности⁴. Их хранили в реликварии, подвешенном на цепи посреди принадлежавшего городскому совету храма Духова приюта. Лишь один раз в год — на вторую пятницу после Пасхи — верующим торжественно показывали реликвии с высокой трибуны, всякий раз заново возводившейся на городском рынке⁵. Чтобы приобщиться к ним, в Нюрн-

¹ *Schnelbögl J.* Die Reichskleinodien in Nürnberg 1424–1523 // *Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg*. 1962. Bd 51. S. 78–159; *Rechter G.* Die Ewige Stiftung König Sigismunds von 1423 // *Nürnberg — Kaiser und Reich*. Bearb. von G. Schuhmann. Neustadt a. d. Aisch, 1986 (*Ausstellungskataloge der staatlichen Archive Bayerns*, 20). S. 50–52.

² Сомнение по поводу того, идентична ли корона, считавшаяся в Средние века короной императора Карла IV, с той, что хранится сейчас в Вене в качестве «имперской короны», высказывается в работе: *Rosenthal E.E.* Die «Reichskrone», die «Wiener Krone» und die «Krone Karl des Großen» um 1520 // *Jahrbuch der kunsthistorischen Sammlungen in Wien*. 1970. Bd 66. S. 7–48.

³ О плаще, одной из двух стол (стола представляет собой аналог епитрахили, причем императорская стола заслуживает отдельного обсуждения) и ножах для меча как реликвиях Карла Великого см., например: *Sander P.* Die reichstädtische Haushaltung Nürnbergs, dargestellt auf Grund ihres Zustandes von 1431 bis 1440. Leipzig, 1902. S. 641. Полный перечень и описание реликвий (из которых не все потом оказались в Вене) см. в: *Murr Ch.G. v.* Beschreibung der sämtlichen Reichskleinodien und Heilighümer, welche in des H. R. Reichs freyen Stadt Nürnberg aufbewahrt werden. Nürnberg, 1790.

⁴ См., например: *Schuhmann G.* Die Reichsinsignien und Heiltümer // *Nürnberg — Kaiser und Reich*. S. 32–39.

⁵ Известна инкунабула с описанием нюрнбергской демонстрации реликвий: Wie das hochwirdigist auch keiserlich heilighum und die grossenn Romischen genad dar zu geben ist und alle Jare ausz gerufft vnd geweist wirt in der loblihen Stat Nuremberg. Nürnberg, 1493. Она доступна и в факсимильном воспроизведении: *Nürnberg-er Heiltumsweisung*. Nürnberg, 1979 (*Schriften zur Reformationszeit*, 15). Из нее мы-

берг стекались толпы паломников, отчего властям приходилось принимать дополнительные меры безопасности¹. Понятно, что отпевание короля превращалось во «внеплановую» демонстрацию священных предметов, которая и сама по себе должна была вызывать немалый ажиотаж. Вообще-то городской совет вполне мог бы обойтись по траурным поводам старым «несакральным» комплектом из Св. Зебальда, однако сознательно предпочитал предъявлять не дубликаты, а подлинные инсигнии — несмотря на немалые хлопоты, с этим неизбежно связанные².

в частности, узнаем, что все реликвии, якобы принадлежавшие святому Карлу Великому — начиная с короны, продолжая двумя скипетрами, двумя державами и императорскими облачениями, а заканчивая обоими мечами, Карла Великого и св. Маврикия, — выставляли вместе во «вторую очередь». Место им тем самым отводилось весьма почетное. Ведь зрелище строилось по нарастающей: в «первую очередь» предъявляли реликвии, относившиеся к детству Иисуса и его спутникам в земной жизни (шепка от колыбели Иисуса, рука св. Анны, зуб Иоанна Крестителя, одеяние Иоанна Богослова и несколько звеньев от цепей, сковывавших трех апостолов — св. Петра, св. Павла и св. Иоанна), а в «третью очередь» показывали страстные реликвии. В той же инкунабуле имеется гравюра с изображением того, как именно демонстрировали нюрнбергские реликвии. Подробно о самой церемонии см.: *Machilek F.* Die Heiltumsweisung // Nürnberg — Kaiser und Reich. S. 57–66; *Idem.* Die Nürnberger Heiltumsweisungen // *Pirckheimer Jahrbuch für Renaissance- und Humanismusforschung.* 2002. Bd 17. S. 9–52. *Idem.* Die Nürnberger Heiltumsweisungen // *Wälfahrten in Nürnberg um 1500. Akten des interdisziplinären Symposions vom 29. und 30. September 2000 im Caritas Pirckheimer-Haus in Nürnberg* / Hg. von Kl. Arnold. Wiesbaden, 2002. S. 9–52. О ходе празднования, его сценографии и особенно музыкальном оформлении см.: *Schier V., Schleif C.* Seeing and Singing, Touching and Tasting the Holy Lance: The Power and Politics of Embodied Religious Experiences in Nuremberg, 1424–1524 // *Signs of Change. Transformations of Christian Traditions and their Representation in the Arts, 1000–2000* / Ed. by N. H. Petersen, Cl. Cluver and N. Bell. Amsterdam; N.Y., 2004. P. 401–426, а также: *Diedrichs Ch.L.* Reliquientheater: die Weisung der Reichskleinodien in Nürnberg, oder: Performative Patina mittelalterlicher Kunst // *Diskurse des Theatralen* / Hg. von E. Fischer-Lichte, Chr. Horn, S. Umathum, M. Warstadt. Tübingen; Basel, 2005 (Theatralität, 7). S. 211–229. О традиции публичного выставления священных реликвий в различных городах см.: *Brückner W.* Heiltumsweisung // *Lexikon des Mittelalters.* Stuttgart; Weimar, 1999. Bd 4. Sp. 2033–2034; *Erlemann H., Stangier Th.* Heiltumsbuch // *Ibidem.* Sp. 2022–2033 и особенно *Kühne H.* *Ostensio reliquiarum. Untersuchungen über Entstehung, Ausbreitung, Gestalt und Funktion der Heiltumsweisungen im römisch-deutschen Regnum.* Berlin; N.Y., 2000 (Arbeiten zur Kirchengeschichte, 75).

1 *Sander P.* Op. cit. S. 640.

2 О хлопотах, связанных с хранением имперских реликвий, см.: *Klaar K.-E.* Sicherung und Pflege der Reichskleinodien in Nürnberg // Nürnberg — Kaiser und Reich. S. 71–79.

Вероятно, именно то, что местом хранения реликвий с самого начала была выбрана церковь Духова приюта, и привело к перенесению туда из приходской церкви траурных торжеств. Ведь вряд ли это простое совпадение, что поминавание императора Сигизмунда, умершего в 1437 г., впервые проводили на новом месте. Естественно, что и после кончины в 1439 г. короля Альбрехта II городские власти распорядились устроить траурные торжества именно в храме Нового Духова приюта. «В глубине церкви воздвигли большую высокую гробницу, на которую прикрепили три куса черной ткани. Во время и вигилии, и заупокойной мессы она была со всех сторон уставлена свечами...»¹. Здесь словом «гробница» — «grab» — вновь обозначают прежде всего *castrum doloris*. Под этой сияющей огнем свечей «сенью» выставили катафалк вместе с «псевдогробом» — «Bahre». Его покрыли золотой парчой и уже поверх нее возложили знаменитые корону, скипетр, державу и меч². (Меч тоже считался реликвией Карла Великого — более того, было даже известно, что император получил его от ангела.) К «имперским реликвиям», выставлявшимся на алтарь Св. Духа, относились также рука св. Анны (матери Девы Марии) и две важнейшие реликвии Страстей Христовых. Во-первых, знаменитое Священное копьё центуриона Лонгина (изначально считавшееся копьем Константина Великого, а позже св. Маврикия) с гвоздем от Распятия³. Во-вторых, большой фрагмент Св. Древа (с отверстием от гвоздя, которым, как считалось, прибили руку Спасителя)⁴. Сюда же ставили большой золотой (точнее говоря, серебряный, но позолоченный) «имперский крест» XI в., служивший изначально драгоценным реликварием для бесценных Священного копья и Древа. Границы между имперскими ре-

¹ «Es ward gemacht hinten in der / kirchen ein gros hohes grab / das was vberczogen mit iii / swarczen schettern vnder het das / vberall voll kertzen gestekt czu / der vigily vnd zu der selmeß ... » (D-Laden-Akten. N. 1784. Fol. 5v). Cp.: Baader J. Op. cit. Sp. 378–379.

² «Es ward gemacht vnter das / grab ein por dorauff preyt man / ein guldein tuch vnd legt dorauff / keyser karls Cron sein czepter / vnd apfel vnd sein swert das / lag dorauff czu der vigily / vnd czu der selmeß» (D-Laden-Akten. N. 1784. Fol. 6). Cp.: Baader J. Op. cit. Sp. 379.

³ Из богатой литературы о Священном копье см., прежде всего: Holtzmann W. König Heinrich I. und die hl. Lanze. Kritische Untersuchungen zur Außenpolitik in den Anfängen des Deutschen Reiches. Bonn, 1947.

⁴ Об этой реликвии, вероятно приобретенной императором Конрадом II (1024–1039), см., например: Trnek H. Die Kreutzpartikel // Kunsthistorisches Museum Wien. Weltliche und Geistliche Schatzkammer. Bildführer. Salzburg; Wien, 1991. S. 164–166 (N 156).

ликвиями и реликвиями страстными для организаторов, очевидно, не было: одни переходили в другие¹.

Использование имперских реликвий стало в Нюрнберге главным отличием поминаний императоров и королей от поминовений князей. Так, хотя в качестве образца для прощания с императрицей Элеонорой был взят «сценарий» отпевания маркграфа Иоганна Алхимика тремя годами ранее, в него внесли существенную поправку, чтобы подчеркнуть высокий сан покойной. На «гробнице» во время вигии и заупокойной службы лежала «корона императора Карла»² — правда, одна, без скипетра, державы и меча, что в случае не с королем, а с королевой выглядит вполне уместно³. Корону положили на красную шелковую подушку, а по сторонам от нее встали два высокопоставленных члена городского совета, чей авторитет внушительно подкрепляли двое городских стражников⁴. Вероятно, так же оберегали корону и при других церемониях того же типа. Как известно, даже когда необходимо было выдать венец, чтобы очередной государь мог короноваться им в Ахене или Риме, нюрнбержцы расставались с ним неохотно, неотлучно сопровождали его и не спускали с него глаз даже в ходе самой коронации⁵. Тем самым, оставаясь общеимперским символом, корона чем дальше, тем больше становилась частью партикулярной идентичности Нюрнберга как особого политического сообщества. Нюрнбержцы хотели не просто показать свою особую близость с Империей, они хотели быть ею.

¹ «Item des morgens fru trug man das / wirdig heyltum herab auff des / heyligen geist altar das sper das / Creutz, sand annen armen vnd das / groß kreutz» (D-Laden-Akten. N. 1784. Fol. 6). Ср.: Baader J. Op. cit. Sp. 379. Точно таким же образом оформлялась «гробница» и при поминании в 1437 г. императора Сигизмунда, только скипетров было, очевидно, два: «Item so leget man auff daz grab die / kron keiser Karls vnd dii maiestat / apfel vnd dii zepter vnd sein swert. / Item auch setzet man auff dez / heiligen gaists altar das Sper Xpisti / Sant Annen arm vnd daz / heilig Crewtz vnd daz groß guldin / Crewtz» (D-Laden-Akten. N 1783. Fol. 5v).

² «Item man hat es gehalten in aller maß und in allen sachen als mit margraffen Hansen selig, denn des ainen, das man keiser Kares kron zu nacht auff die por gesezt hat und des morgens zu dem ampt» (Fuchs F. Op. cit. S. 461).

³ Отмечено в: Ibid. S. 459.

⁴ «...dornoch legt man vorn auff por 1 rot seidein kuß und sezt keiser Karels kron darauff [...] Item pey der kron stet an einer seiten Gotlib Volkamer und an der ander seiten Jeronimus Kress und pie idem 1 statknecht, die loßen nimant zu dem tabernackel gin» (Ibid. S. 463).

⁵ О том, как представители городского совета сопровождали имперские реликвии, когда их нужно было доставить на коронацию, см.: Andrian-Werburg K. *Führ. v. Die Krongesandtschaften // Nürnberg — Kaiser und Reich*. S. 83–87.

Поминовение иностранных государей и репрезентация королевской власти в Англии в первой четверти XVI в.

Предмет настоящей статьи связан с историей ритуалов и международных отношений первой четверти XVI в. Она посвящена королевским похоронам. Эта тема объединяет целый ряд более узких исследовательских направлений, связанных с изучением «ритуалов перехода» и их региональных особенностей, вопросами исторической ментальности и интеллектуальной жизни, феноменом власти. Она неотделима от темы телесности, многоаспектной в свою очередь.

Речь пойдет о поминовении в Англии иностранных государей, смерть которых пришлось на первое десятилетие правления Генриха VIII. Собственно, церемонии, имевшие место в Лондоне в означенный период, нельзя назвать похоронами в их привычном понимании, поскольку в их ритуалах использовали лишь модели тел почивших монархов. Назовем эту совокупность имевших место ритуалов траурными церемониями. На избранный период пришлось прощание с тремя монархами, правившими одновременно с Генрихом VIII, — Людовиком XII, Фердинандом Арагонским и императором Максимилианом I.

Внешняя политика Англии в первое десятилетие правления Генриха VIII, 1509–1519 гг., отличалась крайней непоследовательностью. Генрих VIII стремился к реваншу — отвоеванию у Франции территорий, утраченных Англией во время Столетней войны. Однако Англия не была способна осуществить эти планы самостоятельно. Кроме того, во главе государства стоял молодой правитель, не имевший достаточного опыта в международных делах. Внешнеполитические ориентиры Генриха VIII определялись главным образом двумя факторами — традиционным, унаследованным от Генриха VII союзом с Габсбургами и

острым противостоянием Франции. Несмотря на одержанные в 1513 г. победы над французами в битвах за Тербуанн и Турне, их нельзя назвать результатом самостоятельной внешнеполитической линии Англии. Союзником Генриха VIII в этих военных кампаниях был Максимилиан I, отстаивавший интересы Империи и до определенной степени манипулировавший молодым английским королем. Несмотря на особый характер отношений Англии с Арагоном, обусловленный, в частности, династическим союзом дочери Фердинанда и Генриха VIII, и важность этого направления для английской внешней политики, союз двух монархов в первых антифранцузских кампаниях показал, что Испания защищала прежде всего свои интересы. В частности, во время кампании 1512 г. король Арагона, отвоёвав у Франции Наварру и достигнув, таким образом, главной своей цели в этой войне, заключил с Францией договор сроком на один год, а в феврале 1514 г. подписал новое перемирие с Францией. Причем не только от своего имени, но и от имени императора и Генриха VIII. В целом этот период отличает постоянная смена внешнеполитических ориентиров и колебания от союза с Габсбургами к постепенному сближению с Францией, которое достигло кульминации в 1518–1519 гг.

Одним из наиболее важных и нетрадиционных, по крайней мере для Англии, способов демонстрации отношений между ее королем и правившими одновременно с ним монархами Франции, Испании и Священной Римской империи становится поминовение усопших государей этих стран. Основным источником, позволяющим проследить ход подготовки такого рода церемоний, являются документы ведомства лорда-камергера¹, сохранившиеся в рукописном варианте в особом фонде², составляющем часть Национальных архивов³.

Должность лорда-камергера является высшей придворной должностью. В подчинении лорда-камергера находился целый

¹ The National Archives (далее – TNA). Lord Chamberlain's Department: Records of Special Events. Accounts of funerals and mournings. Louis XII, king of France. LC2/1.

² В одном из фондов Национальных архивов находятся документы ведомства лорда-камергера, относящиеся к так называемым «особым событиям» – свадьбам и похоронам правящих монархов и членов их семей, а также похоронам европейских государей, правивших в одно время с английскими монархами.

³ В 2003 г. Public Record Office (PRO), организация, включавшая в себя национальные архивы Великобритании, после слияния с Historical Manuscripts Commission была преобразована в новую структуру, носящую название National Archives.

штат сотрудников, занимавшийся организацией разного рода церемоний и отвечавший за хозяйственную деятельность двора¹. Документы этого ведомства чаще всего, как и в нашем случае, представляли собой финансовые отчеты о разного рода расходах, понесенных в связи с подготовкой той или иной церемонии. Должность лорда-камергера в 1509–1526 гг. (а в этот временной отрезок укладываются все три церемонии, о которых пойдет речь ниже) занимал Чарльз Сомерсет, лорд Герберт, с 1514 г. граф Вустер². Несмотря на интерес к истории институтов и двора Тюдоров³, который сохраняется и по сей день, до сих пор исследователи не обращались к документам ведомства лорда-камергера, посвященным подготовке траурных церемоний, следовавших за кончиной европейских государей и, как становится ясно из самих документов, ставших заметными событиями в жизни двора Генриха VIII.

Манускрипты, касающиеся траура по Людовику XII, Фердинанду Арагонскому и императору Максимилиану, представляют собой листы размера in folio. Отчеты о каждой такой церемонии занимают два-три листа. В документах содержится подробный список расходов разного рода, что позволяет частично реконструировать порядок действий английской стороны по организации поминальных церемоний. Финансовые отчеты, как правило, начинаются с перечисления официальных плакальщиков, назначенных короной в качестве главных участников поминальных церемоний, и расходов на траурные одеяния плакальщиков. Из отчетов ясно, что мессе в соборе Св. Павла, которая становит-

¹ *Elton G.R. The Tudor Constitution. Documents and Commentary. Cambridge. 1960.*

² Чарльз Сомерсет был незаконным сыном Генри Бофорта, третьего герцога и пятого графа Сомерсета от Джоанны Хилл, тем не менее он был легитимным наследником и сделал успешную карьеру при дворе Генриха VII и Генриха VIII. В 1496 г. он был посвящен в рыцари ордена Подвязки, а в должности лорда-камергера принимал активное участие в подготовке встречи Генриха VIII и Франсиска I на Поле золотой парчи в 1520 г.

³ Говоря о ведомстве лорда-камергера, необходимо отметить, что первую серьезную попытку изучения институциональной истории Тюдоров предпринял Джеффри Элтон: *Elton G.R. The Tudor Revolution in government. Administrative changes in the reign of Henry VIII. Cambridge, 1953; Elton G.R. Star Chamber Stories. London: Methuen, 1958.* Проблемы, связанные с институциональной историей, оставались актуальными для исследователей и в дальнейшем. См.: *Williams P. The Tudor Regime. Oxford, 1979; Starkey D. The reign of Henry VIII: Personalities and Politics. London, 1985; Starkey D. English Court: from the war of the Roses to the Civil war. London, 1987.*

ся центральным событием всей церемонии прощания с усопшим государем, предшествует изготовление деревянной фигуры монарха и гроба — их должен был доставить в собор траурный экипаж. Пространство собора готовили к поминальной мессе — затягивали черной материей, на фоне которой выделялись специально (по случаю поминальной церемонии) вытканные золотыми и серебряными нитями гербы почившего. За мессой следовала тризна, для которой из королевских резиденций Гринвича, замка Бейнардс¹, Тауэра привозили много посуды. Во время поминальной трапезы скорбящие пили ипокрас, подогретое вино со специями, однако мы не всегда знаем, какие блюда готовили для этой трапезы. Только в документах, касающихся поминовения Максимилиана I, есть свидетельства того, что ели рыбу. Возможно, такой выбор обусловлен символическим значением рыбы в христианстве. В документах содержится указание на то, что тризна продолжалась два дня. Сначала она проходила в соборе Св. Павла, затем скорбящие перемещались в замок Бейнардс. Что касается каноников, то они, по всей видимости, оставались в соборе и еще в течение трех дней читали молитвы. В это время собор был закрыт, по крайней мере в отчете, относящемся к поминовению Фердинанда Арагонского, есть статья расходов, подразумевающая оплату услуг двух людей, которые стояли у входа в собор и три дня не пускали внутрь тех, кто желал войти в него.

Французский король умер 1 января 1515 г. Несмотря на то что в Париже были организованы его похороны, Англия тоже прощалась с Людовиком XII. Был определен состав скорбящих, главным из них был назначен герцог Норфолк². В финансовых отчетах лорда-камергера появляется термин «Chief morner», обозначающий придворного — главного скорбящего во время церемонии символического прощания с усопшим монархом. В нашем случае речь идет о Томасе Говарде, втором герцоге Норфолке. Очевидно, выбор именно этого придворного, одного из высших аристократов Англии, для исполнения функций главного скорбящего во время траура по французскому королю означал желание оказать особый

¹ Замок был в очередной раз заново отстроен в 1428 г. При Генрихе VI он стал одной из королевских резиденций, а Генрих VIII подарил его Екатерине Арагонской за день до свадьбы. И Генрих VII, и Генрих VIII останавливались в замке, который находился рядом с собором Св. Павла, когда присутствовали на мессах.

² «My lorde of Norffolke chief morner...» (TNA. Lord Chamberlain's Department: Records of Special Events. Accounts of funerals and mournings. Louis XII, king of France. LC2/1).

почет усопшему. Кроме него французского короля оплакивали еще несколько придворных, обладавших не просто высокими титулами и должностями, но являвшихся активными сторонниками антифранцузской линии во внешней политике Генриха VIII в начале его правления и участвовавших в главных военных кампаниях против Франции¹. Список официальных плакальщиков продолжает Томас Грей, второй маркиз Дорсетский, который с 1508 г. находился в заключении по подозрению в заговоре против Генриха VII, но был отпущен, когда на престол взошел Генрих VIII. Томас Грей за несколько лет восстановил свое прежде высокое положение при дворе. Он был одним из самых искусных рыцарей того времени, входил в круг приближенных короля, и в 1514 г. вместе с Чарльзом Брэндоном, первым герцогом Саффолкским, сопровождал сестру короля, Марию, во Францию, где состоялось ее бракосочетание с Людовиком XII. В это время должность лорда-стюарда занимал Джордж Талбот, четвертый граф Шрусбери. Он принимал участие в главных военных действиях в эпоху как Генриха VII, так и Генриха VIII, в том числе в целом ряде антифранцузских кампаний, которые пришлось на начало правления Генриха VIII, он был в звании генерал-лейтенанта во время кампании 1512 г., участвовал в Битве шпор и осаде Туруанна. Далее следует лорд Девоншир. В то время титул герцога Девоншира принадлежал Джорджу Кавендишу, занимавшему одну из самых высоких должностей в Казначействе — он был «клерком реестров». Кроме того, Джордж Кавендиш является автором биографии кардинала Вулси. Титул лорда Монтегю носил Генри Поул, который был одним из сорока семи джентльменов, возведенных Генрихом VIII в рыцари в Турне в 1513 г. Очевидно, он отличился во время этой битвы, и, хотя его и не допускали в палату лордов до 1529 г., был одним из тех придворных, которые участвовали в ключевых событиях времен Генриха VIII, связанных с англо-французскими отношениями. Так, он был одним из аристократов, принимавших французское посольство в 1518 г., присутствовал при встрече Генриха VIII и Франциска I на Поле золотой Парчи, а также был в свите Генриха во время его встречи с Карлом V в Гравелине. Последним среди официальных плакальщиков назван лорд Герберт. Титул барона Герберта принадлежал Генри Сомерсету, сыну Чарльза Сомерсета, который в это время, как уже упоминалось, занимал должность лорда-камергера.

¹ «...my Lorde Marques my Lorde Stuarde my Lorde Chambarlayne my lorde of Devonshire my lorde Montagewe and my lorde Herbert...» (TNA. Lord Chamberlain's Department: Records of Special Events. Accounts of funerals and mournings. Louis XII, king of France. LC2/1).

Таким образом, выбор официальных плакальщиков должен был не только продемонстрировать уважение к почившему монарху и подчеркнуть чрезвычайную важность отношений с Францией, но и указать на то, что хотя Франция и является государством, статус которого признается английской короной, одновременно остается главным и давним соперником.

В поминальных церемониях принимали участие гербовые короли и многочисленные герольды — в отчетах есть статьи расходов на их траурные облачения¹: герцогу Норфолку выделяли 9 ярдов темного сукна на пошив мантии с пелериной (или капюшоном), остальным плакальщикам на пошив таких же облачений — по 6 ярдов ткани, гербовому королю — 5 ярдов.

Список расходов продолжает черный шелк, закупленный в большом количестве. Из него был сшит балдахин Генриха VIII, отделанный рюшами и оборками, с подкладкой из тонкой зеленой ткани². Для прощания с французским государем был заказан гроб. Его покрывал полог из черной материи, который крепился к специальным деревянным опорам³. Сверху гроба шесть знамен из тонкого шелка (в этом случае использован термин «bannerol» — знамя, покрывающее гроб во время похорон выдающихся особ), два из которых были затканы некими изображениями, а четыре — изображениями королевского герба. Все они были выполнены придворным художником Джоном Брауном⁴. Соответствующие приготовления к церемонии отпевания были сделаны и в соборе Св. Павла — хоры и скамьи для молящихся были затянуты черной тафтой, подушки, на которые молящиеся преклоняли свои коле-

¹ «Garter chef king of Armes for his gowne and hooede V yerdes Norrey king of Armes yorke Somerset and Karlyle harrauldes of Armes to eny of theym iiii yerdes and for their gownes and hoods XVIII yerdes» (TNA. Lord Chamberlain's Department: Records of Special Events. Accounts of funerals and mournings. Louis XII, king of France. LC2/1).

² «Lewes Harpiffeld XVI yerdes III pace blac sarsinet for a magestee clothe with IIII valannce and IV Birche mounts at III S VIII d the yerde LXI S V d Elisabeth Worsop for III lb By VIII frenge of blac silk for the same valannce and Birche mounts price the lb XVIII S VIII d and the unce XIII d LXIII S John Waren for VII yerdes grene bokeram for lynnyng of the cels of the same magestee clothe price the yerde VII S III S VI d» (TNA. Lord Chamberlain's Department: Records of Special Events. Accounts of funerals and mournings. Louis XII, king of France. LC2/1).

³ «...a clothe a fore the Hugh of Awter and for covering of the Inner barres and utter barres aboute the herse and to laye Uppon the grounde within the utter barres to cover the fourmes and quysshons where the morners where price the pece hyryng XX S XXII S VI d» (Ibid.).

⁴ «John Brown the kings peynter for VI banerolls of sarsinet II With images IIII with arms beten with gold and silver at xvi s the peces IIII li XVI s» (Ibid.).

ни, были обшиты такой же черной тканью. Для поминок, следовавших за отпеванием, было приготовлено горячее вино со специями. В отчете фигурируют корица, имбирь, шафран, мускатный орех.

Церемониальное прощание с Людовиком XII, на подготовку которого были потрачены существенные суммы (расходы на траурное облачение короля, изготовление гроба и полога, подготовку собора составили чуть более 33 фунтов, настоятелю собора Св. Павла, который провел поминальную мессу, было заплачено еще 10 фунтов¹) и которое проходило в главном соборе лондонского Сити, демонстрировало не только подданным Генриха VIII, но и прочим европейцам особое значение, которое английский король придавал миру, не так давно заключенному между двумя государствами вопреки их традиционной вражде. Возможно, этот символический траур должен был подчеркнуть и то, что союз Англии и Франции, подкрепленный и династическим браком — незадолго до своей смерти Людовик женился на сестре Генриха VIII Марии Тюдор, — уходит в прошлое, и что отношения с новым королем Франции могут быть не столь дружественными.

Однако не только кончина Людовика XII была отмечена торжественным поминовением в Англии. Столь же заметная церемония, детали которой сохранились в документах лорда-камергера², последовала через месяц после смерти тестя Генриха VIII. Фердинанда Арагонского, скончавшегося 23 января 1516 г. Обряд символического прощания с королем прошел в соборе Св. Павла в последний день февраля 1516 г. Официальными скорбящими во время поминовения были, за некоторым исключением, те же придворные, которые выступали в этой роли во время прощания с французским королем. Главным был назначен герцог Норфолк. кроме него статуса скорбящих были удостоены герцог Саффолкский³, второй маркиз Дорсетский, граф Саррей, граф Шрусбери.

¹ Для сравнения: в это время годовой доход аристократа колебался между 1500 и 3000 фунтов, годовой доход купца составлял около 100 фунтов, приходского священника — 20 фунтов, столяра — 13 фунтов, а разнорабочего — 10 фунтов.

² TNA. Lord Chamberlain's Department: Records of Special Events. Accounts of funerals and mournings. Ferdinand V, king of Aragon. LC 2/1.

³ Чарльз Брэндон, первый герцог Саффолкский, был одним из трех герцогов Англии вместе с Томасом Говардом, вторым герцогом Норфолком, и Эдвардом Стэффордом, третьим герцогом Бекингемом. Он был одним из самых близких друзей Генриха VIII, участником осады Тьеранна и Турне, а также переговоров с императором Максимилианом о брачном союзе между Карлом II сестрой Генриха VIII Марией. По завершении этих военных кампаний Чарльз Брэндон, тогда носивший титул виконта Лайла, был возведен в титул герцога. После смерти Людовика XII герцог Саффолкский женился на его вдове.

граф Девонширский, граф Вустер, а также послы императора Священной Римской империи. Состав скорбящих, оплакивавших почившего Фердинанда Арагонского, выглядит даже более внушительным по сравнению с плакальщиками на символических похоронах Людовика XII за счет включения в их ряды еще одного герцога, помимо Норфолка. Возможно, это связано с более близкими родственными связями между Генрихом VIII и почившим государем, чем между английским королем и королем Франции. На поминании также присутствовали рыцари и многочисленные герольды, и для каждого участника церемонии были заказаны траурные одежды¹. Значительные суммы были потрачены на убранство собора Св. Павла, практически все его пространство было затянато черной материей, включая хоры, скамьи и даже пол. Тем же придворным художником, который упоминается в отчете о трауре по Людовику XII, Джоном Брауном, был подготовлен щит с гербом усопшего короля Арагона, а также двенадцать знамен, покрывавших гроб, затканых изображениями разных гербов². Траурное убранство собора обошлось в ощутимую сумму 30 фунтов, 15 шиллингов (тестонов, как они назывались до Эдуарда VI) и 4 пенса. Отчет изобилует упоминаниями о расходах на многочисленные переезды и доставку необходимых материалов, в том числе парадной посуды, из одной королевской резиденции в другую, из замка Бейнардс в Гринвич и обратно, из замка Бейнардс в Тауэр и обратно, а также из Гринвича в собор Св. Павла и назад в Гринвич. Кроме того, упоминаются и две поездки до Вест-

сестре Генриха Марии. Титул графа Саррея принадлежал в то время Томасу Говарду, старшему сыну второго герцога Норфолка, в 1513 г. он получил титул лорда-адмирала, был одним из главных военачальников в кампании против Шотландии в начале правления Генриха VIII.

¹ «My lorde of Norffolke chief morner for his gowne sloppe and mantel — x yards blake cloth The duc of Suff[olk] The lorde Marques Therle of Surray Therle off Shrowesbury Therle of Devenshire Therle of Worcestre Themp[er]ors Ambassador», «Gartier chief king of armes for the gowne and hoode — v yerdes Norrey king of armes Wyndesore Sondsette Barlylls and Yorke Haraulds at armes Berwyke Portculis Mountorquyll and Rouge dragon pursinnts to eny of theym viii yerdes of blac clothe for their gowne and hoode xl yerdes» (TNA. Lord Chamberlain's Department: Records of Special Events. Accounts of funerals and mournings. Ferdinand V, king of Aragon. LC 2/1).

² «John Browne peynter for a grete baner of the king of Aragons armes — xxxiii s ii [d] Item xii banerolls of divers armes at xx s the pes — xiii li» (TNA. Lord Chamberlain's Department: Records of Special Events. Accounts of funerals and mournings. Ferdinand V, king of Aragon. LC 2/1).

министра¹. В этом отчете мы найдем интересную статью расходов — на оплату работы двух служителей, которые должны были стоять у входа в собор Св. Павла и следить за тем, чтобы люди не могли попасть в него в течение трех дней²; очевидно, столько времени занимали траурные церемонии, носившие аристократический характер, и не предполагавшие, что доступ в собор будет открыт обычному люду. Их завершением, как и в случае с французским королем, стала поминальная трапеза.

Детали этой траурной церемонии указывают на исключительное значение, которое английский король придавал прощанию с Фердинандом Арагонским. Альянс двух государств не всегда способствовал реализации планов союзников, но именно король Арагона поддерживал Генриха VIII в его первых военных кампаниях. В церемонии прощания также угадывается попытка Генриха предстать в качестве процветающего куртуазного государя, который рассматривает смерть короля Арагона как уход еще одного европейского рыцаря, и траур такого рода подчеркивается присутствием на прощании самых благородных рыцарей Англии, а также гербовых королей и герольдов. Вероятно, столь торжественное прощание с Фердинандом имело еще одну цель — показать всей Европе, и в особенности преемнику короля Арагона будущему Карлу V, насколько тесными были отношения двух стран. Однако нежелание нового испанского короля сохранять союзнические отношения с Англией вскоре стало очевидным.

После смерти Максимилиана I в феврале 1519 г. в Лондоне было устроено церемониальное прощание с ним. Из документов лорда-камергера³ следует, что на поминальную церемонию были потрачены значительные суммы. Однако этот отчет отличает от двух предыдущих то, что его основу составляли не детали расходов на подготовку собора к поминальной мессе, изготовление гроба и заказ траурных одежд для оплакивающих, а многочисленные

¹ «Item to Robert Lytell of the Wardrobe of bedds for a carte with struts from Grenewiche to Baynards Castell and from theuse to Greenwich again xvi d Item to the saide Rob[er]t for a nother carte from the Tower to Baynards Castell and to the Tower ageyn — iii d», «Item to John Trers for a carte with plate from Grenwiche to Powlls and from thense to Grenewiche xvi d», «Will Eysiram for goyng to Westm[inster] ii tymes and oth-er nece[ssaries] to be don at dyvers tymes by the water xvi d» (TNA. Lord Chamberlain's Department: Records of Special Events. Accounts of funerals and mournings. Ferdinand V, king of Aragon. LC 2/1).

² «Item to ii men attending of the dorys of polls to kepe out the pepull by the space off iii dayes xvi d» (Ibid.).

³ TNA. Lord Chamberlain's Department: Records of Special Events. Accounts of funerals and mournings. The Emperor Maximilian. LC 2/1.

расходы на поминальные трапезы, которые, как уже говорилось, проходили в соборе Св. Павла, а на следующий день в замке Бейнардс. Общая сумма, потраченная на покупку продуктов, составила чуть больше 23 фунтов. Прочие расходы, перечисленные в этом отчете, касаются многочисленных переездов из Гринвича в замок Бейнардс и обратно, из Тауэра в замок Бейнардс и обратно, связанные с подготовкой поминальных трапез, а также оплаты работы повара кардинала Вулси и мясника лорда-мэра¹.

Смерть императора Максимилиана I стала окончанием продолжительного периода в англо-габсбургских отношениях. Подобное символическое прощание с ним свидетельствовало об уважении английского короля к императору, а также надежде на сохранение дружеских отношений с империей Габсбургов в дальнейшем.

Документы лорда-камергера являются источником, в котором содержатся самые подробные сведения о трауре по усопшим европейским правителям — современникам Генриха VIII.

В «Хронике» Холла² есть краткие упоминания о торжественных поминальных мессах, проведенных в соборе Св. Павла во всех трех случаях³. Они подтверждают сведения лорда-камергера о такого рода церемониях. В случае поминального императора Холл заметил, что на мессе присутствовали все рыцари ордена Подвязки, ведь Максимилиан I при жизни был одним из них.

¹ «Item to iiij yomen for helping to make redy at baynarde castell by the space of iiij dayes every of theym viii d a daye x s viii d Item to iiij gromes for helping at the same by iiij dayes at vi d — viii s Item for cariage of plate frome the towre to baynarde castell and Frome there(s)? to the towre and for cariage of vessels to grenewiche iiij s x d Item in Rewarde to as lye my lorde cardinall cooke — vi s viii s Item in Rewarde to my lorde Mayres butler for s[er]ving ther by the space of ii dayes iii s iiij d» (TNA. Lord Chamberlain's Department: Records of Special Events. Accounts of funerals and mournings. Ferdinand V, king of Aragon. LC 2/1).

² *Hall Edward. Chronicle. The vnion of the two noble and illustre famelies of Lancastre and Yorke.* London, 1548.

³ «...before the next spring the French kyng dyed at the citie of Paris, the first daye of Ianuary, when he had ben maryed lxxxii dayes. And when the kyng was aduertised of the death of the French kyng, he caused a solempne obsequie to be songe for him in the cathedral church of s. Poule with a costly herse, & many noble men being present» (Ibid. P. 581); «This yere dyed the kyng of Arragon father to the queene, for whome was kept a solempne obsequy in the Cathedral church of Paules» (Ibid. P. 584); «The yere the xii daie of February died the Emperour Maximilian fpr whom the kyng caused a solempne Obsequy to be done at Paules churche, all the nobles of the realme and knightes of the Garter being present, of which ordre thesaid Emperour was one» (Ibid. P. 598).

Помимо «Хроники», отчеты Себастьяна Джустиниани¹ также содержат интересные наблюдения о том, как может измениться характер международных отношений после смерти того или иного из монархов, о которых шла речь², однако он ничего не сообщает о траурных церемониях, имевших место в Лондоне в связи с кончиной Людовика XII, Фердинанда Арагонского и императора Максимилиана I. Холинshed упоминает о заупокойных мессах, которые отслужили в соборе Св. Павла после кончины Людовика XII³ и императора Максимилиана⁴. На обеих службах, как отмечает хронист, присутствовали многие английские аристократы, а в случае с французским королем Холинshed пишет и о дорогом гробе, заказанном по этому случаю. В Хронике Кале присутствует упоминание о кончине Людовика XII⁵, также в Хронике Ризли сообщается о смерти Людовика XII⁶ и Фердинанда Арагонского⁷. Однако в хрониках отсутствуют описания самих символических похорон. Большинство авторов склонны дать внешнеполитический комментарий, иногда довольно пространный, как в случае Холиншеда. Последнее относится, в частности, к Хронике Джона Стоу, который сообщает о смерти Людовика XII⁸.

¹ Four Years at the Court of Henry VIII. Selection of Despatches Written by the Venetian Ambassador, Sebastian Giustinian, and Addressed to the Signory of Venice. January 12th, 1515, to July 26th, 1519. L., 1854. Vol. I–II.

² Так, в своем донесении от 20 февраля 1516 г. о кончине Фердинанда Арагонского Джустиниани сообщает следующее: «We have this moment received news of the death of the most serene Ferdinand, King of Aragon; and it is supposed this was known some days ago to hi Majesty, but kept secret, because of the most serene Queen's being on the eve of her delivery. The King has appointed two ambassadors to the most illustrious Archduke to condole with him on this event, making him all possible offers of aid both in troops and treasure. It is also stated that the Archduke aforesaid has sent two ambassadors hither, having already acquainted his Majesty with the death, intimating to him that, by the will of the aforesaid late King deceased, he has been appointed the heir of all his realms, without any exception; owing to which, I am apprehensive of many innovations taking place in Christendom...» (Ibid. Vol. I. P. 181).

³ Holinshed R. Holinshed's Chronicles of England, Scotland and Ireland. L., 1807–1808. (Vol. I–VI). Vol. III. P. 610.

⁴ Ibid. P. 637.

⁵ The Chronicle of Calais, in the Reigns of Henry VII. And Henry VIII. To the year 1540 / Ed. by J.G. Nichols. L., 1846. P. 17.

⁶ *Wriothesley C.* A Chronicle of England During the Reigns of the Tudors from A.D. 1485 to 1559 / Ed. by W.D. L., 1985. (Vol. I–II). Vol. I. P. 9–10.

⁷ *Wriothesley C.* Op. cit. P. 10.

⁸ «On Newyeares euev dyed the French king Lewes the twelfth; and the ninth of Aprill a new peace was concluded betwene the king of England, and Francis the new

Символические траурные церемонии по Людовику XII, Фердинанду Арагонскому и Максимилиану I, устроенные в Лондоне с большой пышностью, вне зависимости от того, были ли эти государи союзниками или противниками Англии, являются одним из наиболее необычных способов демонстрации приверженности Генриха VIII универсалистским наднациональным рыцарским ценностям. В известных нам источниках не встречается упоминаний о подобных церемониях при предыдущих правителях. Первые документы такого рода, составляющие коллекцию бумаг лорда-камергера, посвящены организации похорон родственников монархов Англии (в этом фонде есть отчеты об организации похорон двух братьев будущего Генриха VIII, Эдмунда и Артура, и их матери, Елизаветы Йоркской, а также Генриха VII). Однако такая традиция существовала во всех государствах Европы. Гораздо больший интерес в плане символического поминовения как одного из средств демонстрации власти и отношений с государствами-союзниками и противниками представляют отчеты о трауре не только по правящим государям — современникам Генриха VIII, рассмотренные в настоящей работе, но и по членам их семей. Так, имеются отчеты о поминовении Луизы Савойской в 1531 г. и королевы Изабеллы, жены Карла V, в 1539 г. Важным нам представляется наличие в этом фонде документов, подтверждающих, что подобная традиция символического прощания с правителями других европейских государств в Англии сохраняется и при последующих представителях династии Тюдоров — Эдуарде VI, Марии и Елизавете I. Среди бумаг лорда-камергера, посвященных особым событиям, имевшим место при дворе, находятся отчеты об организации символических похорон Франциска I, Хуаны, королевы Испании, Жуана III, короля Португалии, Карла V, Генриха II, императора Фердинанда I.

Шифры в дипломатии ранних Тюдоров: на материале личной переписки Томмазо Спинелли¹

Начало развития шифровального дела в Англии относится к периоду правления Генриха VII Тюдора (1485–1509) и его сына Генриха VIII (1509–1547), когда королевство стало участником крупнейшего международного конфликта того времени – Итальянских войн (1494–1559). Несмотря на то, что Англия не играла в них первостепенной роли, ее участие было заметным и положительно сказалось на утверждении династии Тюдоров как на английском престоле, так и на международной арене.

В настоящее время становление и развитие практики шифровального дела в Англии в Тюдоровскую эпоху не изучены, а существующие исследования касаются лишь отдельных эпизодов использования шифров и кодов, в основном в эпоху правления Елизаветы I². В связи с этим представляется насущным ответить на вопрос о том, кто, когда и при каких обстоятельствах способствовал созданию тюдоровской «черной комнаты» и можно ли вообще говорить о ее существовании в этот период. Решение этой задачи в настоящее время не представляется возможным, прежде всего по той причине, что шифрованные документы Тюдоровской эпохи, ключи к ним и их дешифрованные варианты не собраны в единую электронную базу, которая была бы снабжена различными инструментами для их всестороннего из-

¹ Это расширенный вариант статьи: *Domnina E. Ciphers in early Tudor diplomacy: the case of Tommaso Spinelli's private letters* // *Geheime Post. Kryptologie und Stenographie der diplomatischen Korrespondenz europäischer Höfe während der Frühen Neuzeit*. Berlin, 2015. S. 181–194.

² Ср.: *Daybell J. The Material Letter in Early Modern England: Manuscript Letters and the Culture and Practices of Letter-Writing, 1512–1635*. London, 2012. P. 148ff.; *Sowerby T. The Role of the Ambassador and the use of Ciphers*, State Papers Online: 1509–1714, Cengage Learning EMEA Ltd, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gale.cengage.co.uk/images/Sowerby%20Ambassadors%20and%20the%20Use%20of%20Cipher1.pdf>. (дата обращения 05.09.2015)

учения¹. Подобная систематизация не проведена и в отношении документов такого рода других стран Западной Европы позднего Средневековья – раннего Нового времени. В связи с этим компаративный анализ английской и «не-английской» шифровальной практики возможен, в основном, опять-таки на уровне отдельных «казусных» исследований. Данная публикация представляет собой как раз работу такого характера.

Основной источник для этой публикации – личная неопубликованная переписка Томмазо Спинелли (1472–1522), одного из наиболее заметных дипломатов итальянского происхождения на службе Генриха VII и его сына. В семейном архиве Спинелли, хранящемся в Библиотеке редкой книги и рукописей Байнеке при Йельском университете, насчитывается около ста писем от Томмазо к его младшему брату Леонардо Спинелли (1473–1531), занимавшему должность одного из каноников собора Санта Мария дель Фьоре во Флоренции и спальничьего папы Льва X². Эти неопубликованные и практически неизученные письма служат ценным дополнением к официальной переписке Томмазо, находящейся в собрании Британской библиотеки и Государственного архива Великобритании. Эта часть эпистолярного наследия Томмазо уже хорошо известна благодаря публикациям бумаг и документов правления Генриха VIII, осуществленным в XIX в.³

Томмазо Спинелли принадлежал к одной из самых влиятельных флорентийских торгово-банковских семей, которая на рубеже XV–XVI вв. вместе со своими родственниками и деловыми партнерами, а именно Фрескобальди, Гвальтеротти, Барди и самими Медичи была вовлечена в обеспечение финансовых

¹ К сожалению, масштабный проект по оцифровке государственных бумаг Англии от Тюдоров до Ганноверов, осуществленный силами американской компании «Гейл Сенгедж Лернинг» (State Papers Online 1509–1714 – Gale Cengage Learning), по большей части содержит лишь те документы, которые были отобраны, описаны и систематизированы еще в Викторианскую эпоху британской Королевской исторической комиссией. Ср.: *Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the reign of Henry VIII, 1509–47* / Ed. by J.S. Brewer, J. Gairdner and R. H. Brodie. London, 1864–1920. Vol. 1–21 (Далее – LP. Vol.).

² Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Yale University. Spinelli Archive. Gen. MSS 109. Box 123. Folders 2459–2466; Box 126. Folders 2566–2587. Далее – Spinelli Archive. Box. Folder. Благодарю д-ра М. Симонетту за то, что поделился со мной составленным им списком писем Томмазо.

³ На их основе Б. Биренс была написана единственная биография Томмазо Спинелли: *Behrens B. The Office of the English Resident Ambassador: its Evolution as Illustrated by the Career of Sir Thomas Spinelly, 1509–1522* // *Transactions of the Royal Historical Society*. London, 1933. 4th ser. Vol. XVI.

и дипломатических связей Англии с Европой¹. Он был самым старшим из одиннадцати детей Гаспаро ди Лионардо Спинелли (1442–1501) и Алессандры ди Пьеро Гвальтеротти и мог бы стать продолжателем семейного дела, однако предпочел карьере дипломата карьеру купца и банкира. Сведения об образовании, которое получил Томмазо, крайне скудны, его нельзя было назвать невеждой, поскольку, как свидетельствует его обширная переписка, он был полиглотом. Помимо родного итальянского он знал латынь, французский и английский, а также, возможно, испанский. В то же время нам практически ничего не известно о степени его начитанности и о возможном интересе к гуманистическим штудиям. Возможно, что в подростковом возрасте Томмазо был отправлен в Нидерланды к своим родственникам по материнской линии Гвальтеротти для обучения банковскому делу и торговле, однако в силу невыясненных в настоящее время обстоятельств оказался вовлечен в большую политику. Летом 1495 г., т.е. менее чем через год после начала военной кампании Карла VIII в Италии, Томмазо был отправлен ко французскому двору как официальный представитель Флорентийской республики до прибытия туда послов Гвидантонио Веспуччи и Нери Каппони. Сведения об этой миссии Томмазо содержатся в письме Совета Десяти к Филиппу де Коммину, однако этот документ не дает представления о ее сути, хотя и характеризует Спинелли как хорошо знакомого Коммину человека². Из этого позволено заключить, что Томмазо мог и раньше привлекаться для выполнения такого рода поручений. Следующее упоминание Томмазо в связи с дипломатией приходится на 1502 г., когда его

¹ О семье Спинелли см.: *Cafferio W., Jacks P. The Spinelli of Florence: Fortunes of a Renaissance Merchant Family*. Pennsylvania, 2001; *Weissen K.* «Ci scrive in tedescho!» The Florentine Merchant-Banker Tommaso Spinelli and his German-Speaking Clients (1435–72) // *The Yale University Library Gazette*. 2000. Vol. 74. N 3–4; *Weissen K.* Das deutsche Handelsnetzwerk der Florentiner Banken in Rom 1410–1470 // *Netzwerke im europäischen Handel des Mittelalters* / Hg. von G. Fouquet u. H.-J. Gilomen. Ostfildern, 2010. S. 213–228; *Moran M.* Female letter writing and the preservation of family memory in early modern Italy // *Early Modern Women: An Interdisciplinary Journal*. 2011. Vol. 6; *Moran M.* Brother-sister correspondence in the Spinelli family and the forming of family networks in sixteenth-century Italy // *Sixteenth Century Journal*. 2013. Vol. 44. N 1; *De Silva J.M.* Appropriating sacred space: private-chapel patronage and institutional identity in sixteenth-century Rome – the case of the office of ceremonies // *The Catholic Historical Review*. 2011. Vol. 97. N 4.

² *Kervyn de Lettenhove J.* Lettres et négociations de Philippe de Commines. Bruxelles. 1868. P. 213–214. Vol. 2.

имя встречается в переписке Никколо Макиавелли с Синьорией. В письмах, написанных Макиавелли во время его пребывания при дворе Чезаре Борджа в Имоле, он называет Томмазо своим курьером, задействованным для передачи корреспонденции протонотарию Антонгалеаццо Бентивольо¹. Последний был сыном правившего в Болонье Джованни II, на владения которого Борджа имели претензии. Естественно, даже скромная роль курьера, которая выпала Спинелли в этих событиях, была полезна для него с точки зрения приобретения опыта в дипломатических делах. Следующие несколько лет остаются «темным» периодом в биографии Томмазо, поскольку ни его писем к брату Леонардо, ни упоминаний о нем в других источниках пока не было выявлено.

Примерно с 1505 г. можно проследить его постоянное присутствие в Нидерландах. Письма к Леонардо за период 1505–1509 гг. свидетельствуют о том, что он нередко ездил из Брюгге в Антверпен, Гент и Брюссель по делам фирмы Гвальтеротти и одновременно пытался получить место на дипломатической службе либо при дворе Маргариты Савойской, либо – Генриха VII². В последнем он преуспел, но каким образом это ему удалось, пока остается неясным, поскольку его письма из Англии за период правления этого государя не сохранились. Из первого известного письма Томмазо новому королю Генриху VIII, написанного 26 июня 1509 г. из Гааги по-французски, следует, что он рад был узнать, что его услуги ценились покойным королем и будут в дальнейшем использоваться его сыном. Спинелли также просил Генриха VIII подтвердить его статус английского представителя при дворе Маргариты Савойской³. Очевидно, это было сделано, и в ноябре 1509 г. Томмазо с гордостью написал брату из Лондона: «Я прибыл сюда к этому светлейшему королю, своему единственному господину и покровителю, от имени которого я вернусь во Фландрию, чтобы пребывать при дворе светлейшей госпожи Маргариты и служить ему по мере необходимости»⁴.

Дальнейшие тринадцать лет, вплоть до своей внезапной смерти в 1522 г., Томмазо Спинелли проработал в качестве дипломатического представителя Генриха VIII сначала в Нидерландах, а затем

¹ *Machiavelli N. Opere di Niccolò Machiavelli: con giunta di un nuovo indice generale delle cose notabili.* Milano, 1821. Vol. 6. P. 268, 313.

² *Spinelli Archive.* Box 126. Folders 2569, 2570, 2571.

³ *Behrens B. Op. cit.* P. 167; LP. I.N 83. [216.]

⁴ «...qui venuto verso questo Serenissimo Re mio signore e padrone a nome del quale mi ritorno in Fiandra per far la residentia in corte della illustrissima madama Margherita e servirlo in quello occorrerà». *Spinelli Archive.* Box 126. Folder 2571, 8.11.1509, London.

в Испании. Где бы он ни находился, он постоянно поддерживал связь со своим братом Леонардо, отправляя ему письма по крайней мере раз в месяц, иногда чаще, в зависимости от ситуации. Очевидно, далеко не все из этих писем доходили до Леонардо и не все сохранялись им, но даже уцелевшая часть свидетельствует об открытости в отношении двух братьев и желании Томмазо делиться с ним не только своими ежедневными радостями и горестями, но и обсуждать с ним свою дипломатическую работу. Разглашение этой информации ввиду ее деликатного характера могло сыграть негативную роль в карьере Томмазо, и поэтому в своей переписке с братом он решил использовать шифр. Не меньшую опасность представляла и возможная утечка сведений о финансовых сделках, которые совершались Спинелли, Гвальтеротти и их партнерами, поэтому информация такого рода тоже подлежала защите.

Именно в таком контексте мы находим первое известное упоминание об использовании шифра в частной переписке Томмазо. В письме от 3 января 1515 г., адресованном в Рим, где, как он считал, находился в то время его брат Леонардо, Томмазо среди прочего писал о получении денег от прихода в деревне Коттингем в Йоркшире, пребендарием которого был Леонардо¹. Этот бенефиций был дарован ему при поддержке Генриха VIII, которому в мае 1514 г. он доставил дары папы Льва X — шапку и меч защитника веры². В письме Томмазо беспокоился о переводе этих средств Леонардо и не был уверен, что их третий брат, Никодемо, работавший в фирме Барди в Лондоне, правильно осуществил эту операцию. Томмазо предлагал Леонардо использовать шифр, видимо, для дальнейшего обсуждения этого вопроса. Очевидно, что опыт использования шифра в переписке с Леонардо оказался успешным, и после 1515 г. зашифрованные фрагменты регулярно встречаются в его письмах брату, однако в большинстве случаев речь в них идет о политических вопросах, а не о финансовых. У нас нет информации о том, использовал ли Томмазо шифры в переписке со своими другими братьями.

¹ Spinelli Archive. Box 123. Folder 2460, 3.01. 1514 [1515], Brussels.

² См.: Домнина Е.Г. Папский нунций Леонардо Спинелли и его миссия в Англию в 1514 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2014. Выпуск 6 (29) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000784-1-1> (дата обращения: 05.02.2015); Домнина Е.Г. Документы дипломатической миссии Леонардо Спинелли в Англию (март — июнь 1514 г.) // Средние века. 2015. Вып. 76. № 3—4.

так как его письма к ним не сохранились. На основании имеющихся писем Томмазо мы предполагаем, что не использовал, и что ситуация с Леонардо в отношении шифров была действительно уникальной. Уцелевшая часть всей переписки братьев Спинелли свидетельствует о том, что кроме Томмазо шифры для передачи Леонардо информации использовал еще и его младший брат Пьеро. Однако переписка с Пьеро содержала только семейную и деловую информацию¹.

В случае с Томмазо для нас важно то, что примерно в то же время, в январе 1515 г., когда он написал Леонардо о шифрах, упоминание об их полезности для его работы встречается и в его официальной переписке. В письме Генриху VIII от 18 января 1515 г. он сообщал, что отныне будет докладывать обо всех важных делах в шифре, а ключ к нему перешлет через губернатора Кале². Вероятно, он не получил ответа по этому поводу от английского правительства, поскольку одно из следующих его писем полно жалоб о том, что его корреспонденция перлюстрируется Габсбургской администрацией в Нидерландах³.

Судя по всему, подобное происходило с письмами Томмазо и раньше, поскольку уже в 1513 г. в разгар военной кампании Генриха VIII в Пикардии в отчетах миланских послов из Англии встречаются ссылки на данные Томмазо, находившегося в это время во Фландрии⁴. Так или иначе, вероятно, в конце лета 1515 г. просьбы Томмазо о предоставлении ему шифра были услышаны в Англии, поскольку эта тема им больше не поднималась⁵. Шифр, который он использовал для переписки с английским правительством, не менялся на протяжении всей его карьеры⁶.

То же самое можно сказать и о личном шифре Томмазо, который он использовал для переписки с Леонардо вплоть до своей кончины (илл. 1). Изменения, которые он вносил, касались лишь отдельных символов. Оригинальный ключ к этому шифру не сохранился, однако нам удалось его реконструировать. Тип шифра, который использовал Томмазо, — однозвучный шифр подстановки, то есть такой шифр, в котором символ открытого текста

¹ Cp.: Spinelli Archive. Box 123. Folder 2460, 5.05.1521, Antwerp.

² LP. II. N 35.

³ LP. II. N 209.

⁴ Archivio di Stato di Milano. Carteggio Visconteo-Sforzesco. Busta 568 (maggio 1513). Документы в папке не разобраны по отдельным файлам, их листы не пронумерованы, поэтому ссылка на конкретный лист невозможна.

⁵ LP. II. №. 905. 13.09 1515.

⁶ Mattingly G. Renaissance diplomacy. Baltimore, 1955. P. 215.

может быть заменен одним из нескольких возможных символов. Записанный таким образом текст состоит из целых слов и предложений, но обозначенных символами вместо букв, и, как правило, даже содержит пробелы между словами. Взлом шифра такого рода довольно прост при условии определения языка, на котором написан текст, и использования таблиц частотности употребления букв в этом языке. Символы, которые Спинелли использовал для замены букв в своем шифре, заимствованы из греческого языка, алхимии и астрологии. Часть символов – это просто измененные начертания латинских букв, а одна из них, «Н», так и осталась неизменной по начертанию. Стремясь усложнить свой шифр, Томмазо использовал ничего не значащие символы, в качестве которых он употребил знаки, похожие на арабские цифры «4», «6», «9» и латинскую букву «Z». Отметим также, что поскольку процесс шифрования был очень трудоемким, для дипломатических документов этого времени характерно сочетание зашифрованного и открытого текста. И это в полной мере можно проследить и в частных письмах Томмазо.

Вопрос об источнике шифра Спинелли, как официально, так и личного, остается открытым. Шифры такого рода получили распространение в Мантуе, Милане и Римской курии с XIV в., а в других итальянских государствах – с XV в.¹ Однако в Англии до конца XV в. нет сведений об использовании шифров в дипломатической или иной переписке. Как указал британский исследователь И. Артурсон, первое упоминание о шифровании информации относится к делу Перкина Уорбека (1490–1499), самозванца из Фландрии, заявлявшего, что он сын Эдуарда IV, принц Ричард Йоркский, который не погиб в 1483 г. в Тауэре, а чудесным образом спасся. Следствие по делу Уорбека выявило, что его английские сторонники использовали шифровальные книги для ведения переписки, которые, вероятнее всего, были получены ими из-за границы. Артурсон предполагает, что Уорбек и его приспешники могли получить информацию о шифрах от своих иностранных сторонников, императора Максимилиана I и Маргариты Йоркской, вдовствующей герцогини Бургундской.

¹ *Meisner A.* Die Anfänge der modernen diplomatischen Geheimschrift: beiträge zur Geschichte der italienischen Kryptographie des XV. Jahrhunderts, Paderborn 1902; *Meisner A.* Geheimschrift im Dienste der päpstlichen Kurie. Paderborn, 1906. S. 24–118; *Petrucchi Nardelli F.* Il testo e la cifra per lo studio di un modo di trasmissione disturbatio // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1986. Vol. 66. P. 1986; *Simonetta M.* L'enigma Montefeltro. Arte e intrighi dalla congiura dei Pazzi alla Cappella Sistina. Milano, 2008.

приходившейся теткой принцу Ричарду Йоркскому¹. И хотя прямых свидетельств этому нет, нельзя отрицать такую возможность. Как показал в своих исследованиях австрийский историк Г. Висфлеркер, Максимилиан был первым из немецких государей, кто стал использовать шифровальные системы в своих владениях и был знаком с разработками И. Тритемия в области полиалфавитного шифрования. Шифрованные записи встречаются в его записных книжках и переписке с близкими². Другой австрийский историк А. Вальдер в своем недавнем исследовании предположил, что Максимилиан мог получить информацию о разработках миланских мастеров шифрования, Чикко Симонетты и Франческо Транкедино, благодаря женитьбе на Бьянке Сфорца в 1494 г.³ И хотя прямых доказательств этого Вальдер не обнаружил, приводимый им в статье шифр 1513 г., принадлежавший императорскому послу в Риме Альберто Пио, построен на принципах, которые были ими описаны, и содержит ряд символов, которые встречаются по крайней мере в работе Транкедино⁴. Подчеркнем, однако, что делать окончательные выводы в этом отношении пока еще рано. Так или иначе, с помощью Габсбургов или без нее английское правительство получило благодаря делу Уорбека некоторую информацию об использовавшихся на континенте новых способах защиты информации, однако не спешило с их внедрением в свою дипломатическую практику.

Другим источником сведений о шифровальных системах для Англии могла быть Испания, где к началу XVI в. уже существовала сложившаяся криптографическая традиция⁵. Для нас важно то, что, в отличие от дела Уорбека, здесь прослеживается прямое влияние испанских шифров на развитие и формирование английской криптографической системы. Английское правительство, веро-

¹ *Arthurson J.* Espionage and intelligence from the Wars of the Roses to the Reformation // *Nottingham Medieval Studies*. 1991. Vol. 35. 1991. P. 149.

² *Wiesflecker H.* Der Kaiser und seine Umwelt: Hof, Staat, Wirtschaft, Gesellschaft und Kultur. Wien, 1986. S. 493 (Teil. VI. § 5).

³ *Walder A.* Der letzte Ritter als erster Verschlüssler im Reich // *Geheime Post. Kryptologie und Stenographie der diplomatischen Korrespondenz europäischer Höfe während der Frühen Neuzeit*. Berlin, 2015. S. 123–126.

⁴ *Ср.: Tranchedino F.* Diplomatiche Geheimschriften: Codex Vindobonensis 2398 d. Österr. Nationalbibliothek. Graz, 1970.

⁵ *Galende Díaz J.C.* La escritura cifrada durante el reinado de los Reyes Católicos y Carlos V // *Cuadernos de Estudios Medievales y Ciencias y Técnicas Historiográficas*. 1993–1994. Vol. 18–19. P. 159–178; *Galende Díaz J.C.* La correspondencia diplomática: criptografía hispánica durante la edad moderna // *Actas del VI Congreso internacional de Historia de la Cultura Escrita*. Madrid, 2002. Vol. I. P. 149–150.

ятнее всего, получило информацию об испанских шифрах около 1505 г., когда Фердинанд Арагонский стал использовать их в переписке со своей дочерью Екатериной, оставшейся в Англии вдовой после смерти своего мужа принца Артура, старшего сына Генриха VII¹. Всего через несколько лет один из их вариантов в форме шифра простой замены стал применять Джон Стайл, английский посол в Испании (1508–1517)².

Наконец, еще одним явным источником информации о принципах шифрования для английского правительства могла быть Римская курия. К началу XVI в. у Тюдоров уже была сложившаяся традиция резидентного дипломатического представительства при папском престоле, а также небольшая, но довольно надежная группа лоббистов их интересов среди кардиналов, нескольких аристократических и купеческих семей, заинтересованных в приобретении бенефициев и торговых преференций в Англии³. Главное место среди них принадлежало сначала семейству Джильи из Лукки, а затем Казали из Болоньи. С 1514 г. послом Генриха VIII в Риме был епископ Вустерский Сильвестро Джильи (1463–1521), политик макиавеллиевского типа, отравивший, по слухам, своего предшественника на этом посту, архиепископа Йоркского и кардинала Кристофера Бэйнбриджа (1462/1463–1514). Несмотря на то что ни расследование этого дела, проведенное по приказу Льва X, ни главный биограф Бэйнбриджа, британский историк Д. Чемберс, не смогли доказательно подтвердить виновность Джильи в смерти Бэйнбриджа, его участие в борьбе за эту позицию было и остается очевидным⁴. Не менее очевидным было и желание Т. Уолси, покровительствовавшего Джильи, быть избранным архиепископом Йоркским. «Дело Бэйнбриджа» носило деликатный характер, и не случайно именно в его контексте мы находим первый известный случай применения Джильи шифра в письме к английскому правительству. Это письмо датировано февралем 1515 г., и из его содержания следует.

¹ *Bergenroth G.A.* Remarks on the ciphered messages in the archives at Simancas // *Calendar of State Papers, Spain*. London, Vol. 1. 1862. P. XII–XIII, XCV, CXXXVII–ff; *Arthurson I.* Op.cit. P. 50.

² *Gairdner J.* Introduction // *Memorials of King Henry VII. Rolls Ser.* London, 1858. Vol. X. P. LIII–LV; *Brewer J.S.* Introduction // *LP. I.* P. xcvi–xcvii.

³ *Behrens B.* Op. cit. P. 640–656; *Wodka J.* Zur Geschichte der nationalen Protektorate der Kardinäle an der römischen Kurie. Publikationen des ehemaligen Österreichischen Instituts in Rom. Leipzig, 1938. Bd IV. T. I; *Wilkie W.E.* The Cardinal Protectors of England. Cambridge, 1974; *Fletcher C.* Our Man in Rome: Henry VIII and his Italian Ambassador. London, 2012.

⁴ *LP. I.* № 5253; *Chambers D.S.* Cardinal Bainbridge at the Court of Rome. Oxford, 1964.

что для Джильи это был не первый случай шифрования¹. Как и шифр Стайла, шифр Джильи был построен по принципу простой замены, однако в отличие от него, пока невозможно установить источник его происхождения².

Таким образом, на основании имеющихся данных очевидно, что в первое десятилетие XVI в. на дипломатической службе Англии состояло по крайней мере три дипломата — Джон Стайл, Томмазо Спинелли и Сильвестро Джильи, — которые использовали шифры в своей корреспонденции с королевской администрацией. Однако открытым остается вопрос о том, кто из них — администрация или же сами дипломаты, основываясь на своем зарубежном опыте — были инициаторами этого процесса.

Не менее сложно ответить на вопрос о том, кто в Англии работал с их корреспонденцией. В первые несколько лет с начала использования шифров это был латинский секретарь короля Андреа Аммоньо. Он был автором нескольких литературных произведений и входил в круг гуманистов, близких к Т. Мору³. Сам Мор, выпустивший свою «Утопию» в 1516 г., не мог не знать о шифровании, поскольку его утопийский алфавит тоже был своего рода шифром⁴. Однако нет никаких данных об его участии в работах по созданию или использованию криптографических алфавитов в Англии. После Аммоньо с шифрами работал глава почтовой службы сэр Брайан Тьюк, но имена других, «рядовых» секретарей, работавших с ним, неизвестны. Они, несомненно, существовали, поскольку после 1515 г. практика использования шифров становится обычной и для других английских послов в Европе, и трудно предположить, что один человек был в состоянии обрабатывать весь поток корреспонденции от них. Возможно, однако, что количество английских шифровальщиков и дешифровщиков все же было невелико. Доказательством этому может служить тот факт, что английские дипломатические шифры менялись очень редко как при ранних Тюдорах, так и позднее, в Елизаветинскую эпоху⁵. Последнее свидетельствует либо об их большой надежности, обусловленной слабым распространением знания английского

¹ LP. II. № 110.

² Ссылки на шифр Джильи см.: LP. I—II; *Secret writing in the public records: Henry VIII* — George II / Ed. S.R. Richards. London, 1974.

³ Об Аммоньо см.: LP. I—II; Pizzi C. *Un Amico di Erasmo l'umanista Andrea Ammonio*. Firenze, 1956.

⁴ См.: Strasser G.F. *Lingua Universalis: Kryptologie und Theorie der Universal Sprachen im 16. und 17. Jahrhundert*. Wiesbaden, 1988. Vol. 38. S. 69ff.

⁵ Daybell J. *Op. cit.* P. 148ff.

языка в Европе XVI в., так что перехват и дешифровка такого письма были малоэффективными, либо о простом недостатке надежного и квалифицированного персонала для работы с ними. Или же можно говорить о сочетании этих двух факторов.

Что же касается личного шифра Томмазо Спинелли, то самым простым объяснением того, что он оставался неизменным на протяжении многих лет, может служить тот факт, что, видимо, он был действительно надежным, и у Томмазо не возникало особых сложностей ни с пересылкой этих писем брату, ни с сохранением их содержания в тайне.

Примером такого рода зашифрованного письма Томмазо служит его послание к брату от 2 июля 1520 г., когда он был свидетелем встречи между Генрихом VIII и Франциском I на так называемом Поле золотой парчи, проходившей в июле этого года близ Кале (илл. 2)¹. Эта роскошно организованная встреча, подготовленная под тщательным контролем кардинала Т. Уолси, должна была способствовать завершению войны в Италии и установлению общеевропейского мира. По окончании встречи с французским королем Генриху VIII предстояло провести встречу и с императором Карлом V, которая, по мысли Уолси, должна была также привести к заключению союза. Таким образом, Уолси надеялся на создание нового «тройственного союза» Франции, Империи и Англии при доминировании последней. Карл V, со своей стороны, рассчитывал на заключение отдельного англо-германского союза против Франции при участии папы, и поэтому миролюбивая риторика Уолси была ему чуждой. Как показал в своем недавнем исследовании британский историк Г. Ричардсон, Карл V и его канцлер М. Гаттинара вели тонкую дипломатическую игру, пытаясь исподволь, за спиной французского короля убедить Уолси, а через него и Генриха VIII перейти на их сторону, но не преуспели в этом, поскольку их интересы в тот момент не совпадали с интересами англичан².

Томмазо Спинелли был задействован в осуществлении этих англо-германских переговоров на стороне Англии, однако его позиция в этом вопросе расходилась с позицией его государя и его первого министра. Томмазо писал брату, что он на стороне папы, то есть по сути поддерживал идею антифранцузского союза императора. Он характеризовал Уолси как непрактично-

¹ Spinelli Archive. Box 126. Folder 2583. Публикация: *Domnina E.* Op.cit. S. 191–192.

² Richardson G. *The Field of Cloth of Gold*. New Haven and London, 2013. P. 181–183.

го мечтателя и считал, что можно было подготовиться к новой войне с Францией, используя идею о новом крестовом походе и миротворческую риторику Уолси как прикрытие. Стань эти слова известны в Англии, то, наверное, можно было бы говорить о завершении его карьеры.

Однако, судя по всему, это письмо Томмазо благополучно достигло Леонардо и не попало в чужие руки. Более того, Леонардо бережно сохранил его среди других писем брата, как и свою оригинальную дешифровку его содержания (илл. 3). Как это часто бывает в таких случаях, написанный Леонардо дешифрованный фрагмент не был распознан как таковой архивистом при каталогизации архива и поэтому хранится отдельно от самого письма¹. Он был обнаружен нами случайно, через несколько лет после подбора ключа, последующей дешифровки самого письма и его публикации. Сравнение нашей дешифровки с оригиналом Леонардо позволило выявить некоторые недочеты, в том числе установить несколько дополнительных символов в его шифре, что было учтено в нынешней, новой публикации этого письма.

Частная переписка Томмазо Спинелли с его братом Леонардо дает дополнительные сведения о том, как и при каких обстоятельствах происходило распространение использования шифрованной английской дипломатической практике рубежа XV–XVI вв. Она подчеркивает роль связей Англии с итальянскими государствами в этом процессе и наглядно показывает начало постепенного выделения дипломатии в отдельное «ремесло», примером чего служит карьера Томмазо Спинелли, выходца из флорентийской торгово-банковской династии. Шифрованное письмо Томмазо, которое анализируется в этой статье, обнаруживает, что он осознавал, что его личные интересы, интересы его итальянской родины не совпадают с интересами его английских работодателей, но при этом умел это тщательно скрывать, в том числе и с помощью шифров. В этом отношении можно говорить о том, что перед нами пример не только успешного дипломата, но и шпиона.

¹ Spinelli Archive. Box 127. Folder 2611. Fol. 2r-v.

Приложение

Письмо Томмазо Спинелли Леонардо Спинелли, Антверпен, 2 июля 1520 г.¹

При транскрипции текст был разбит на предложения, добавлена пунктуация, орфография соответствует оригиналу, дешифрованный фрагмент выделен курсивом, квадратными скобками отмечена внесенная нами правка, подчеркивания в оригинальном тексте воспроизведены при публикации. Ввиду обнаружения оригинальной дешифровки этого письма Леонардо в текст транскрипции были внесены небольшие изменения, поэтому этот вариант является более точным по сравнению с его предыдущей публикацией².

Reverende domino nostro fratre honorando, poi partì di Spagna, non vi ho scritto, ne mancò ricevuto vostre. Al reverendissime Cardinale de Medici farete lettera humile recomandandovi, dicendoli, che in Anglia habbi per il Reverendo audientia della camera la sua, el quale andai am[i]cite, et me li offersi, ma per la brevità del tempo et grandi negotij non possemi fare quello saria stato mio desiderio, perché segui li a Cesarea et Cristianissima Maestà ne hebbi agio vacare a particolari affary. Credo, sua Reverendissima Sanctità sara stata advertita dello, che *passò de qua, et per questo non dirò altro tanto e ne con inghilesi, ne con franzesi non se concluso cosa. Di momento che lo sarà, era presso Dio lo sa, et se necessità non constringe al[l]a concordia, sarà più difficile, || che molti non pensano, et se non fusse per le cose turchesche. Direi, che i[l] nostro signore non pigleassi le materie tanto chaldo, perché non vi vedo vantagio per Sua Santità, et presti me ne fede, credendo, che il nostro cardinale ha di alte fantasie, et sono le cose a termine, che nessuno di <qua> questi dua regi per dubio de l'altro non usa contraddere, et se Sua Santità havessi concluso con Cesare tanto virtuoso et || affectionato, a quello la Santa Sede non se stime reb[b]e, quell[l]o non si deb[b]e. Quanto a fra[n]zest [sic!] vendereb[b] ano la croce per uno loro comodo et guadagnare tempo, pensando come*

¹ Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, Spinelli Archive. Gen Mss 109, Box 126, Folder 2583. Благодарю д-ра М. Скандола за помощь в подготовке этого текста к публикации.

² Ср.: *Domnina E.* Op.cit. S. 191–192.

schappano unno punto, schappare l'altra, ma bene spesso si getta la pietra tanto ennanzi, che poi non se puo tirare indrieto [indietro].

Hora in questo nostre convento vedrò, dove il tutto si resalverà, ma con sanesi ho altri di quelli. Sono qua per il papa, non sono per alargarmi, ma bene, a voi scriverrò. || Et cosi del[t]e al prefato reverendissime et che in me sempre haranno uno fidelissemo servitore.

Et chosi come a don Pedro Dureas dette a me, abatia ha in Chatalognia, vorrei la compiacessi et concedessi a voj, che non vale più di ducati CCC. Et per tal via darebbano causa alli homini spogliarsi in g[i]ubbone, perché ciascuno serve con speranza di premio et remunerazione. Certificandovi, che *li mea argumenti et ragione bastano a le volte a persuadere et dessuadere*, il che sempre sarà a benefitio, honore et utile di q[ue]lla serenissima chasa. L'aulditore della chamera è molto più a intero dal nome, che dalla presentia, il che è molto extimato universalmente et presertim da nostri anglici. *Comunechate tutto con il || reverenlimo et etiam con fratre Niccolò, pregando l'uno et l'altro, che i[l] tutto sia secreto, valete.* Andorpie, die secundo Julii MDXX.

Перевод

Ваше Преподобие, достопочтенный брат наш, после отъезда из Испании я не писал Вам и не получал от Вас писем. Напишите его Высокопреподобию кардиналу ди Медичи¹ письмо с нижайшим почтением от меня, сообщив ему, что в Англии я был на аудиенции у Преподобного² и был принят благосклонно, и я предложил ему свои услуги, но ввиду недостатка времени и важных дел я не смог сделать, что хотел, поскольку отправился сюда вслед за Императорским³ и Наихристианнейшим Величествами⁴, и теперь у меня есть время на определенные вещи. Я уверен, что Его Святейшеству⁵ будет интересно узнать, что здесь произошло, и касательно этого скажу только, что ни с англичанами, ни с французами ничего пока не заключено. Одному Богу известно, когда это случится и, если не будет нужды в соглашении, то это будет сделать труднее, о чем многие и не задумываются, и, если это и произойдет, то не ради турецких

¹ Джулиано Медичи (1478–1534).

² Возможно, Томас Уолси (1473–1530), архиепископ Кентерберийский.

³ Император Карл V (1519–1558).

⁴ Франциск I (1515–1547).

⁵ Джованни ди Медичи, папа Лев X (1513–1521).

дел. Я бы сказал, чтобы наш господин отнесся к этим делам спокойно¹, потому что я не вижу здесь выгоды для Его Святейшества, и, поверьте моему суждению, наш кардинал² — большой фантазер, а есть конкретные вещи, под которыми ни одному из этих государей не выгодно подписываться, поскольку они не доверяют друг другу, и если бы Его Святейшество заключил [союз] с императором столь доблестно и полюбовно, [то] Св. престол не считал бы это³ для себя полезным, в этом не было бы необходимости. Что же касается французов, то ради своей выгоды они готовы продать крест и выгадать время, надеясь, что снова обойдется, но очень часто приходится сожалеть о содеянном.

Сегодня на этой нашей встрече я увижу, как это все разрешится, но у меня вместе с сиенцами отличные от них [интересы]. Я здесь ради папы, а не для собственного продвижения. Однако довольно, я Вам напишу. Так и скажите вышеназванному Высокопреподобию, что он имеет в моем лице самого преданного слугу.

И, по словам дона Педро Дуреаса⁴, в Каталонии есть аббатство, дарованием которого я хотел бы Вам угодить, и оно не стоит более 300 дукатов, и, таким образом, у людей появился бы повод поработать не спустя рукава, поскольку каждый работает не за просто так. Будьте уверены, что я умею убеждать и разубеждать, и всегда буду стараться быть полезным для преумножения достатка и чести этого светлейшего дома. Аудитора палаты⁵, вопреки его названию, в ней не застанешь, но его везде очень ценят и в особенности наши англичане. Обсудите все с его Высокопреподобием и также с братом Никколо⁶, прося и того, и другого все хранить в секрете. Будьте здоровы. Антверпен, 2 июля 1520 г.

¹ Видимо, Джулиано Медичи.

² Т. Уолси.

³ То есть, вероятно, не нужно было бы ждать, о чем договорятся короли Англии, Франции и император, если бы папа уже заключил союз с императором против Франции.

⁴ Один из испанских контактов Спинелли.

⁵ Скорее всего, Иеронимо Гинуччи (1480—1541), будущий епископ Вустерский.

⁶ Скорее всего, Николаус фон Шёнберг (1472—1537), будущий епископ Капун и кардинал.

История и космография: пути созидания нации

А.В. Доронин

*Дорогому учителю
с уважением, благодарностью и улыбкой*

Братья Туискон и Гомер, друиды и пес аббата Тритемия: как немецкие гуманисты роднились с древними греками

4 июля 1496 г. участники *Sodalitas litteraria Rhenana*¹, напутствованные главой Содружества Конрадом Цельтисом, навестили гостеприимного и известного своей ученостью далеко за пределами вверенного ему аббатства бенедиктинцев в Шпонхейме (Sponheim), что в окрестностях Бад Кройцнаха, недалеко от Трира, Иоганна Тритемия (Johannes von Trittenheim, 1462–1516), *commilito*. Тритемий был радушен и щедр на угощение, а гости веселы и велеречивы. Встреча прошла прекрасно и запомнилась не только честной компании, а осталась в веках благодаря эпиграммам Цельтиса на этот случай. Но не тем, однако, что

¹ А именно Иоганн фон Дальберг (епископ Вормса), знаменитый д-р Иоганн Рейхлин (секретарь герцога Вюртембергского), рыцарь Хайнрих фон Бюнау (тайный советник герцогов Фридриха и Иоганна Саксонских), Франциск Бономус из Триеста (секретарь императрицы) и Иоганн Вигилий (тайный советник пфальцграфа Филиппа Пфальцского), все – блестящие знатоки древних языков, как подчеркивает Тритемий (*Des Abtes Johannes Trithemius Chronik des Klosters Sponheim (Chronikon Spanheimense)*. 1024–1509 / Übers. von C. Velten. Bad Creuznach, 1969. S. 214). По этому случаю Тритемий записал в своей «Хронике»: «Все эти ученые мужи очень удивились тому, сколько много в этом скромном монастыре редких томов, в каком они порядке и насколько ценны, и единодушно восхвалили рвение и усердие аббата Тритемия». Биограф Тритемия Клаус Арнольд заявляет, что среди гостей Тритемия в тот день был и Якоб Вимфелинг (*Arnold Kl. Johannes Trithemius* (1462–1516). Würzburg, 1971. S. 84), хотя Тритемий его не упоминает.

в тот день в стенах монастыря царила раскованная интеллектуальная атмосфера молодого неформального дружеского круга *Phoebe viri* (de facto первого в немецких землях), и не столько тем, что настоятель с гордостью демонстрировал знающим толк посетителям свою снискавшую широкую известность библиотеку¹, а что, ко всеобщему удивлению, тритемиевский

...пес отменно по-гречески все понимал,
Скажешь по-гречески ты, — он выполняет приказ².

Эта эпитаграмма Цельтиса «*De sane suo*» из цикла, посвященно-го Тритемию, стала впоследствии хрестоматийной в том смысле, что с момента «открытия» Ренессанса она задала и по сей день задает историкам снисходительный тон в отношении не только самого Тритемия, яркого представителя так называемого «монастырского гуманизма»³ в немецких землях, но и Цельтиса, одного из столпов заальпийского гуманистического движения в целом. Коллеги-историки не поверили Цельтису. Не верят они ему и ныне.

И действительно, даже учитывая конвенциональность ренессансной гуманистической литературы и эпистолографии, аппликативность и метафоричность стиля эпохи, иногда трудно избавиться от ощущения нарочитой гиперболизации в оценках гуманистов, программной индоктринированности, даже под-

¹ Посетить ее считалось среди интеллектуалов того времени хорошим тоном. см.: *Ankwitz-Kleehoven H.* Der Wiener Humanist Johannes Cuspinian. Graz; Köln. 1959. S. 16.

² *Цельтис К.* Стихотворения. М., 1993. С. 286. В оригинале на латыни эпитаграмма звучит так: «*Iam mihi vera fides, Trithemi, discere Graeca / Germanos, pure et posse Latina loqui. / Nam tuus ille canis intelligit omnia Graeca, / Quaeque iubet Graece, singular iussa facit*» (Fünf Bücher Epigramme von Konrad Celtes / Hg. von K. Hartfelder. Berlin, 1881 (ND Hildesheim 1963). S. 54).

³ О Тритемии см.: *Lehmann P.* Merkwürdigkeiten des Abtes Johannes Trithemius. München, 1961; *Schreiner Kl.* Abt Johannes Trithemius (1462–1516) als Geschichtsschreiber des Klosters Hirsau // Rheinische Vierteljahresblätter. Jahrg. 31. Bonn, 1966/1967. S. 72–138; *Arnold Kl.* Johannes Trithemius (1462–1516). Würzburg, 1971; *Brann N.K.* The Abbot Trithemius (1462–1516). The renaissance of monastic humanism (Studies in the history of Christian thought. 24). Leiden. 1981; *Straubach N.* Auf der Suche nach der verlorenen Zeit: Die historiographischen Fiktionen des Johannes Trithemius im Lichte seines wissenschaftlichen Selbstverständnisses // Fälschungen im Mittelalter. Internationaler Kongress der MGH. Hannover, 1988. Teil I. S. 263–316; *Müller H.* Habit und Habitus. Mönche und Humanisten im Dialog. Tübingen, 2006. S. 192–204.

мены. Кто-то счел историю про тритемиевского пса анекдотом; кто-то списал на банальную инсценировку восторженных «жрецов Аполлона»; кто-то увидел в том подлог и хитрость, в лучшем случае, успехи дрессуры¹. Пусть на исходе XV в. Тритемий был одним из немногих за Альпами, кто хорошо знал древние языки (насколько хорошо? отнесемся к молве сдержанно; хотя сам Тритемий уверял, что разбирается даже в древнеегипетском, понятно, это лишь добавляет нам скепсиса), какой в том был прок, обучать собаку языку Гомера?! Ну разве что в шутку, розыгрыша ради, или из желания побахвалиться?

Команд, которые, по мнению людей, собакам нужно знать, не так уж и много: «место» (нем. «Platz»), «сидеть» (нем. «Sitz»), «стоять» (нем. «Stop»/«Halt»), «идти» (нем. «Komm»/«Weiter»), «фу» (нем. «Ab»/«Aus»), «хорошо» (нем. «Brav»), «к ноге» (нем. «Fuß»), «взять» (нем. «Brings»), «фас» (нем. «Fass»), да еще несколько. И хотя, вопреки ожиданиям, Колумелла в 7-й книге своих «Rei rusticae», где пишет о собаках специально (увы, больше никто из древних на этот счет)², не приводит их ни по-гречески, ни по-латыни, несложно предположить, что были они простыми и звучными. Определенно Тритемий мог натаскать своего пса (а из переписки Тритемия мы знаем даже его кличку – Эрис) каким-то командам на греческом.

Подражание древности, воспроизведение ее образцов, культ ее языков в самой природе Ренессанса. Через Античность эпоха Ренессанса находила/осмысляла саму себя. На латыни, по возможности прибегая к древнегреческому и древнееврейскому, гуманисты общались между собой. Овладение этими языками являлось неотъемлемой, базовой частью гуманистической образованности и ее наиболее важным атрибутом. Но если латинская традиция христианизировалась в веках и обрела в представлении Ренессанса легитимацию не только культурную, но и нравственную, стала языком учености и грамоты вообще, одной из основ (наряду с christi-

¹ Так, поэт-вагант и приятель Тритемия Ясон Альфеус Урсин (Jason Alpheus Ursinus) в своем сборнике «Melpomenescon» (1496), опубликованном в типографии «домашнего издателя Тритемия» Петера фон Фридберга в Майнце, в эпиграмме на Тритемия уверял, что пес Тритемия реагирует так на разную интонировку древних языков: «Tu triplicem linguam, tu humana voce canestis, / Hebraicos cantus nutibus intelligis, / Greca simul verbis audis immixta latinis / Romanas voces aure tremante tenes» (Цит. по: Arnold Kl. Johannes Trithemius. S. 79). И главный биограф Тритемия Клаус Арнольд тоже убежден, что все сводится к дрессуре, иначе «повседневность была бы такой скучной» (Ibid.).

² За эту справку благодарю коллегу проф. д-ра Йоханнеса Нихоффа-Панаготидиса (Свободный университет Берлина).

anitas) нарождающегося в XV в. (перед лицом экзистенциальной турецкой угрозы) единого европейского культурного сообщества с его ценностями, то гомеровская представляла безо всяких оговорок языческой, к тому же принадлежащей прошлому, а не настоящему. Почему же аббат-католик и его друзья столь дорожили ею? Почему было не научить собаку (в пределах ее собачьих возможностей) латыни (что было бы более логичным, если иметь в виду лингвистическую стилизацию культурного кода Античности, заложенного в программе ренессансного гуманизма)?

Поискем ответ на эти вопросы у наших главных действующих лиц.

* * *

Цельтис и Тритемий познакомились очно в 1494 г. Тогда Цельтис заехал в монастырь в надежде подружиться с высокообразованным служителем культа и посмотреть, пожалуй, на то время самую представительную в немецких землях библиотеку. Неожиданно для себя на одной из стен аббатской кельи, сплошь расписанной цитатами из древних и современных Тритемию авторов, он обнаружил свое изображение¹ — Тритемий в неменьшей степени жаждал этого знакомства. Вероятно, к этой поездке Цельтиса побудил хорошо знавший обоих по гейдельбергскому кругу гуманистов Иоганн Вигилий², в одном из писем к нему сравнивший шпонхеймскую обитель с Академией, где всё напоминало ему мир древних греков — и сами монахи, и камни, и собаки (!), и лесок, окружавший монастырь, будто тот находился где-нибудь в Ионии³.

Недоучившись в университете (сначала был Трир, потом Гейдельберг), Тритемий в 20 лет постригся в монахи. Уже через год ему доверили возглавить небольшое аббатство в Шпонхейме. Молодой начитанный клирик вскоре прослыл подлинным библиофилом. В этом он, поверим его биографам, не уступал Хартман-

¹ *Arnold Kl. Johannes Trithemius. S. 19.* Известно, что Цельтис оставил тогда подпись к этому своему портрету: «Conradus Celtis Protucius Poeta Laureatus / haec cecinit anno Domini 1494 cum esset hic. / Ad futurem abbatem. / Quisque futurus sis abbas, haec carmina nostra / Mente, rogo, memori volvere saepe velis. / Esto pius, clemens et religionis amator, / Trithemiumque meum, consulo, discis sequi», — а Тритемий добавил к нему свое четверостишие.

² Johann Wäcker; курфюршеский советник и профессор, а затем ректор Гейдельбергского университета; в свое время сокурсник и приятель Цельтиса по Гейдельбергу, в 1485 г. оба удостоились там степени магистра искусств.

³ «Erat Graecus abbas, Graeci monachi, canes, lapides, arbusta et totum ipsum monasterium in media Ionia videbatur situm» (Der Briefwechsel des Konrad Celtis / Gesammelt, herausg. und erläut. von H. Rupprich. München, 1934. S. 179).

ну Шеделю, Иоганну Рейхлину, Конраду Пейтингеру и самому Джованни Пико делла Мирандоле¹. В шкафах и сундуках монастыря к 1505 г. (незадолго до того как Тритемий был вынужден покинуть его) хранилось около 2000 томов² (для сравнения: в 1483 г., до его прихода в монастырь, лишь 48). Тритемий охотно покупал книги, в том числе у других настоятелей, на Франкфуртской ярмарке, заказывал в Италии, нередко выменивал их и, конечно, переписывал, для чего организовал в Шпонхейме скрипторий. Нам известно, что Тритемий лично переписал «Илиаду» Гомера и «Басни» Эзопа, а также перевел с греческого на латынь Отца Церкви Максима (в частности, «*Dialogum Maximi Abbatis de incarnatione Domini*»). По разным оценкам, только из собственного кармана он потратил на библиотеку от 1500 до 2000 гульденов³. Книги были его манией. На древнегреческом в Шпонхейме их было больше 100 (в основном, впрочем, сочинения Отцов Церкви), а еще на латыни, древнееврейском, халдейском, арабском, индийском, рутенском⁴, татарском, английском, французском, старонемецком, чешском⁵. Самый древний его манускрипт был датирован VI в., это было одно из сочинений Августина. По убеждению Тритемия, он спасал рукописи⁶. В его библиотеке можно было найти среди прочего словари, грамматики, трактаты по естественным наукам и др. — она охватывала практически все сферы знаний. «Я признаю свою безграничную любовь к учению и книгам, я никогда не был удовлетворен тем и другим настолько, чтобы отказаться от своего предназначения, и неустанно стремился познать всё, что в мире доступно знанию. Всеми книгами, которые я видел или о которых слышал, что они-де напечатаны, — пусть те могли оказаться пустыми и бесполезными — я хотел об-

¹ Arnold Kl. Johannes Trithemius. S. 69.

² См.: Trithemius J. De Laude scriptorum / Eingel., herausg. und übers. von Kl. Arnold (Mainfränkische Hefte. Heft 60). Würzburg, 1973. Zur Einführung. S. 4. Здесь для справки: до нас дошла лишь незначительная часть каталогов тритемиевской библиотеки — в конце концов, монастырская братия не снесла интеллектуального, а еще более финансового бремени (книги стоили очень дорого), интригами выжила Тритемия из монастыря (1506), а его библиотеку распродала.

³ Добротный дом в городе стоил на то время ок. 100—120 гульденов.

⁴ Западнорусский язык, официальный письменно-литературный язык Великого княжества Литовского. Современные украинские и белорусские лингвисты считают это устаревшим названием старобелорусского и староукраинского письменно-литературных языков.

⁵ Arnold Kl. Johannes Trithemius. S. 69.

⁶ Ibid. S. 59.

ладать, читать их для меня было высшим наслаждением. Но я не мог удовлетворить эту мою страсть... все время не хватало денег для самого необходимого, но еще больше, чтобы насытить мое влечение к книгам»¹, — так объяснял Тритемий свою библиоманию в небольшом трактате «*Nepiachus*». А в другом, «*De laude scriptorum*», убеждал, что и светским книгам в монастыре место, ведь, не зная их, не понять труды теологов². Книг должно быть много, и нельзя ограничиться лишь несколькими (важными), ибо «для чего тогда Ориген написал 6000 сочинений, Августин — 1000, Амвросий — 200, а Иероним — 300»³?

Сам Тритемий остался в истории как автор несчетного числа разнообразных опусов, по большей части канувших в Лету. Их названия сохранились зачастую лишь благодаря ему самому, в частности, его «Шпонхеймской хронике», в которой он не устает превозносить собственный талант и стиль, вызывавший «восхищение у ученейших мужей»⁴. Сегодня на слуху у исследователей его «*Chronologia mystica*» (с причудливой попыткой периодизации мировой истории), «*De origine gentis Francorum*» (с выдуманным им Хунибальдом, который призван был закрыть бреши в генеалогиях франков, где иные источники помочь в этом не могли, — эта мистификация во многом предопределила недоверчивое отношение исследователей к нему и его трудам)⁵. «*De scriptoribus ecclesiasticis*» с приложением «*Catalogus illustrium virorum, Germaniam suis ingenii*» (куда включены также видные современники Тритемия, в том числе Хартманн Шедель, Якоб Вимпфелинг, Иоганн Рейхлин, Иоганн фон Дальберг, Конрад Цельтис и, конечно, сам Тритемий⁶). Его «*Polygraphia*» легла в

¹ См.: *Trithemius J. De Laude scriptorum. Zur Einführung.* S. 4–5.

² *Ibid.* S. 91.

³ *Ibid.* S. 89.

⁴ См.: *Des Abtes Johannes Trithemius Chronik des Klosters Sponheim.* S. 204 и.а. См. также: *Trithemius J. Spanheimensis primo... Primae partis opera historica... Francofurti. MDCI.* P. 183. (Иоганн Тритемий); *Arnold Kl. Johannes Trithemius.* S. 228–252.

⁵ См.: *Chronica vom Ursprung, Herkommen und Zunemen der Francken, erstlich durch den ehrwürdigennund hochberümpften Herrn Johann von Trittenhaim, weiland Abt zu Spanheim, auß alten glaubwürdigen Chroniken zusammen gelesen und in Latein beschrieben... Franckfurt am Mayn, MDLXIII; Trithemius J. De origine gentis Francorum Compendium / The Latin Text with an English Translation. Introduction, and Notes by M. Kuelbs and R. P. Sonkowsky. Dudweiler, 1987.*

⁶ См.: *Trithemius J. Spanheimensis primo... Primae partis opera historica... P. 178* (Хартманн Шедель), P. 175 (Якоб Вимпфелинг), P. 171–172 (Иоганн Рейхлин, «preceptor meus Græcus, ... trium principalium linguarum Hebraicae simul &

основу современной криптографии¹. Именно в «Polygraphia» Тритемий декларирует общее убеждение ближнего круга Цельтиса в том, что у немецкого и греческого языков общие истоки². Это и станет предметом нашего особого интереса.

В трактате «Isidoneus» (ок. 1500 г.) Якоб Вимпфелинг называет пять главных знатоков древнегреческого языка в Германии: Рудольфа Агриколу, Иоганна Рейхлина, Конрада Цельтиса, Иоганна Дальберга и Иоганна Тритемия. И если исключить из этого списка Агриколу, к тому времени уже умершего (†1485), то четверо остальных принадлежали к тому самому Рейнскому литературному содружеству. Письма и сочинения Цельтиса помогают понять, как были распределены в нем роли: Тритемий – «patronus»³, Дальберг – «princeps», Вигилий – «hospes». Цельтис скромно умолчал о себе – сердце, мозг, моторе всего этого предприятия.

Общепризнаны познания Иоганна Рейхлина в древнегреческом. Ты «велик – отец и родоначальник, / Всех искусней в трех языках известных, / И не знаю я, чтоб сравнялся кто-то / В мире с тобою» – так, не нарушая риторических канонов эпохи и дру-

Chaldaicae, Graecae & Latinae interpretes peritissimus»), P. 171 (Иоганн Дальберг, «...tam Graece quam Latine varia conscribit»), P. 174 (Конрад Цельтис, «Graecae & Latinae linguae peritus»), P. 182–183 (Иоганн Тритемий).

¹ Среди нескольких шифров Тритемия наибольшее распространение получил впоследствии тот, который строился на основе периодически сдвигаемого ключа. Кроме того, он предложил так называемую таблицу Тритемия, в которой первую букву текста шифруют по первой строке, вторую – по второй, и так далее, а после использования последней строки вновь возвращаются к первой.

² «Doctissimus ille quondam preceptor meus Ioannes camerarius Dalpurgius Wormaciensis venerandus antistes aliquot milia dictionum collegerat greco et alemannico sermone idem significancium. Druydas theodisconum primos apud Gallos generaliter in sacris greco sermone usos fuisse Cesar magne vir auctoritatis testatur in commentariis. Nobis autem persuasum confitemur fratres Grecorum Germanos eorumque characteribus usos a principio temporibus multis... Ioannes Reuchlin Phorcensis et Conradus Celtis Protucius francus, ambo germani viri tam grece quam latine doctissimi, nobiscum una viderunt Grecorum ergo germani dicuntur Theotisci, a quibus et originem susceperunt et linguam, non Gallorum, quibus martem semper opposuerunt...» (Цит. по: Arnold Kl. Johannes Trithemius. S. 77).

³ Правда, Иоганн Куспиниан называет именно Иоганна Рейхлина (вероятно, как наиболее авторитетного среди sodales) «patronus et hospes» той группы, что побывала в гостях у Тритемия, см.: Arnold Kl. Johannes Trithemius. S. 83, Anm. 53. Примечательно, что сам Тритемий нигде (в его известных мне работах) не сообщает о своем участии в жизни Рейнского содружества.

жеских устоев избранного круга поклонников античной культуры, обращался к нему Цельтис в одной из своих од¹. Рейхлин был учителем для многих немецких гуманистов, в том числе Тритемия² и Дальберга. Что же до самих Тритемия и Дальберга вкупе с Цельтисом, то нам приходится говорить — об этом ниже — скорее о программном значении древнегреческого языка для их представлений о Germania и культуре древних германцев, нежели собственно о глубоком и основательном овладении им.

Иоганн фон Дальберг (1445–1503)³, канцлер Гейдельбергского университета (с 1480 г.), с 1482 г. канцлер Пфальца и епископ Вормса, д-р обоих прав, учившийся в Эрфурте и, возможно, Гейдельберге, затем Павии и Ферраре⁴, на досуге посвятил себя изучению древних авторов с целью доказать родство греческого и немецкого языков. Пользовавшийся высоким авторитетом среди гуманистов, в первую очередь как меценат и библиофил, в 1484 г. он пригласил в Гейдельберг Рудольфа Агриколу (с которым подружился еще в Италии), чтобы тот передал ему свои познания в греческом (увы, Агрикола скоропостижно умер в 1485 г.). (При Дальберге в 1484 г. стал в Гейдельберге бакалавром, а через год магистром Конрад Цельтис; спустя 11 лет, в 1495 г., при его посредничестве Цельтис был приглашен в Гейдельбергский университет.) Руководить библиотекой университета Дальберг уговорил знаменитого Иоганна Рейхлина, с которым на какое-то время сблизился и которого нередко в последующие годы просил изготовить для своего книжного собрания (в родовом замке Ладенбург) копии

¹ «...Magnus pater et parens es, / qui tribus linguis super eruditus, / nec mihi in toto similis tibi umquam / cognitus orbe est» (*Celtis C. Oden / Epoden / Jahrhundertlied* (Libri Odarum Quattuor, cum Epodo et Saeculari Carmine (1513)) / Übers. und hg. von Eck. Schäfer. Tübingen, 2008. S. 274–277, здесь S. 276. Ср.: *Цельтис К.* Стихотворения. С. 104).

² К. Арнольд уверен, однако, что азы древнегреческого языка и его грамматику Тритемию преподавал Цельтис, а уж потом обучать его древнегреческому взялся Рейхлин (*Arnold Kl. Johannes Trithemius*. S. 76).

³ О Дальберге см.: *Morneweg K. Johann von Dalberg, ein deutscher Humanist*. Heidelberg, 1887; *Horawitz Ad. Johann von Dalberg // Allgemeine Deutsche Biographien / Nachdr. der 1 Auflage von 1876*. Berlin, 1968. Bd 4. S. 701–703; *Walter P. Johannes von Dalberg und der Humanismus // 1495 – Kaiser, Reich, Reformen: Der Reichstag zu Worms. Katalog zur Ausstellung des Landeshauptarchivs Koblenz in Verbindung mit der Stadt Worms / Hg. von der Archivverwaltung Rheinland-Pfalz. Koblenz, 1995. S. 139–171; Der Wormser Bischof Johann von Dalberg (1482–1503) und seine Zeit / Hg. von G. Bönner, B. Keilmann. Mainz, 2005; u.a.*

⁴ После Италии, в 1478 г., Дальберга позвали в Ингольштадтский университет.

с «греков», что-то перевести с греческого или купить¹. Правда, к 1496 г. его отношения с Иоганном Рейхлином по неизвестным причинам расстроились. И все же когда в 1498 г. Дальберг основал-таки при Гейдельбергском университете кафедру греческого языка, то пригласил на нее брата Рейхлина Дионисия. В целом если Тритемий, как комплиментарно писал о нем Цельтис, явил утонченные «науки и песни», сравнимые с древними образцами, то Дальберг, этот «искусный пастырь вангионов»², «чтил и возрождал» их³. Увы, Дальберг ничего своего не опубликовал, а главный труд его жизни — каталог «нескольких тысяч близких по смыслу и звучанию терминов из греческого и немецкого языков» (!), о котором нам поведал Тритемий⁴, — оказался утерян.

Гейдельберг, Эрфурт, Росток, Лейпциг — первые университеты более молодого соратника Дальберга по Рейнскому литературному содружеству Конрада Цельтиса (1459–1508), самого авторитетного немецкого гуманиста⁵. После того как в 1487 г. Фридрих III по представлению Петера Лудера увенчал Цельтиса венком поэта, лауреат отправился в Италию — Венецию, Падую, Феррару, Флоренцию, Рим, — где пробыл почти два года. Затем были Буда, Краков, Нюрнберг, Ингольштадт, Гейдельберг, наконец, Вена. После возвращения из Италии везде, где бы ни жил, Цельтис спланировал вокруг себя апологетов античной культуры,

¹ Это обычная практика для гуманистов. Из переписки известно, в частности, что и Тритемий в 1495 г. просил Цельтиса скупить для него на Франкфуртской ярмарке «все греческие книги».

² Древнегерманское племя по течению Рейна в районе Вормса.

³ «...Sic nostra crevit pars Alemannica, / ut Italis et Gallicanis / ingeniis modo par resurgat, / dum cultiores tu modo litteras / infersque priscis carmina saeculis / aequanda, quae praesul disertus / Vangionum probat et reponit» (*Celtis C. Oden / Epoden / Jahrhundertlied*. S. 284–289, здесь S. 288. Ср.: *Цельтис К.* Стихотворения. М., 1993. С. 110).

⁴ *Arnold Kl. Johannes Trithemius*. S. 77. См. сноски 23.

⁵ Цельтису посвящена необъятная библиография. Применительно к нашей теме стоит указать на такие работы последних лет, как: *Müller G.M.* Die «Germania generalis» des Conrad Celtis. Studien mit Edition, Übersetzung und Kommentar. Tübingen, 2001; *Luh P.* Kaiser Maximilian gewidmet. Die unvollendete Werkausgabe des Conrad Celtis und ihre Holzschnitte. Bern; Frankfurt a.M. [u.a.], 2001; *Robert J.* Konrad Celtis und das Projekt der deutschen Dichtung. Studien zur humanistischen Konstitution von Poetik, Philosophie, Nation und Ich. Tübingen, 2003; *Krebs Chr. B.* Negotiatio Germaniae: Tacitus' Germania und Enea Silvio Piccolomini, Gianantonio Campano, Conrad Celtis und Heinrich Bebel. Göttingen, 2005.

споспешествуя «приходу Аполлона в немецкие земли»¹. Его надынституциональное виртуальное *Sodalitas Celtica* объединяло многих интеллектуалов, ориентированных на новую ученость. Это был своего рода общегерманский культурный союз, нарождавшийся национальный проект *Germania illustrata*, идейным главой и вдохновителем, душой которого был Целтис².

Элементарными познаниями в греческом Целтис (как и Дальберг) обязан Рудольфу Агриколе, которого он слушал в свой первый университетский семестр в Гейдельберге (1484/1485) и который во многом определил его жизненный путь. И хотя Целтис является кроме прочего также автором греческой грамматики, он не был силен в ней. Тем не менее это дало ему основания в одной из своих (воистину лапидарных) эпиграмм на греческом (всего их у него две) заявить: «Целтис-поэт, порожденный однажды германскою кровью, / Внес в отчизну свою эллинов древних язык»³.

Подлинно программой заальпийского ренессансного гуманизма можно считать целтисовскую «*Oratio in gymnasio in Ingelstadio publice recitata*» (1492). Целтис начинает ее, с точки зрения Йоахима Грубера (относительно недавно переиздавшего «*Oratio*» с параллельным немецким переводом и сопроводившего ее основательным, добротным комментарием), обескураживаю-

¹ «...Phoebe, qui blandae citharae repertor, / linque delectos Helicon, Pindum et, / ac veni in nostras vocitatus oras / carmine grato» (*Celtis C. Oden / Epoden / Jahrhundertlied*. S. S. 302–305, здесь S. 302. Ср.: *Целтис К.* Стихотворения. С. 116).

² См.: *Hummel G.* Die humanistischen Sodalitäten und ihr Einfluß auf die Entwicklung des Bildungswesens der Reformationszeit. Leipzig, 1940; *Lutz H.* Die Sodalitäten im oberdeutschen Humanismus des späten 15. und frühen 16. Jahrhunderts // *Humanismus und Bildungswesen des 15. und 16. Jahrhunderts* / Hg. von W. Reinhard. Weinheim, 1984; *Csáky M.* Die «Sodalitas litteraria Danubiana»: historische Realität oder poetische Fiktion des Konrad Celtis // *Die österreichische Literatur. Ihr Profil von den Anfängen im Mittelalter bis ins 18. Jahrhundert* (1050–1750). Graz, 1985. S. 739–758; *Klaniczay T.* Celtis und Sodalitas litteraria per Germaniam // *Chloe. Beihefte zum Daphnis. Respublica Guelpherbytana. Wolfenbütteler Beiträge zur Renaissance- und Barockforschung. Festschrift für Paul Rabe* / Hg. von A. Buck und M. Bircher. Amsterdam, 1987. Bd 6. S. 109–105; *Доронин А.В.* Немецкие *sodalitates* конца XV – начала XVI в. // *Культурные связи в Европе эпохи Возрождения* / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2010. С. 122–137.

³ «*Germano Celtis de sanguine forte poeta / Graecorum linguam protulit in patriam*» (так это звучало бы на латыни) (*Fünf Bücher Epigramme von Konrad Celtis*. S. 85. Ср.: *Целтис К.* Стихотворения. С. 310).

ше «странно и бездоказательно» («merkwürdig und ohne Beleg»)¹: «Будучи немцем и соплеменником Вашим, я не полагал бы, высокочтимые господа и блистательные юноши, чем-то особенным свое умение говорить с вами на латыни, когда бы были живы еще и в силе древние в нашей немецкой земле обычаи и когда б вернулось то время, когда, как сообщают, наши посвященные (*legati nostri*) предпочитали изъясняться на греческом, а не на латыни»². В своей немецкой версии «Oratio» Грубер перевел «*legati nostri*» общеупотребимо как «наши посланники», что, думаю, и сбilo его с толку. Из многих прочтений «*legatus*» (от лат. «*lego*» — возлагать, поручать; отправлять послом; завещать кому-то что-то) я в данном случае фаворизирую значение, производное от «завещать кому-то что-то», в смысле «посвященные» / «уполномоченные». Здесь Цельтис очевидно имеет в виду друидов, мудрецов и магов кельтских поверий, которых — заглянем в его «*Quatuor libri amorum*» или эпиграммы и др., — видит носителями древних германских традиций, языка, культуры, знаний и посредниками между (мистифицируемой и мифологизируемой им) германской древностью и современной Deutschland. И это его обращение к студентам Ингольштадтского университета прямо коннотируется с известным пассажем из «Галльских войн» Цезаря: «Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии; к ним же поступает много молодежи для обучения наукам, и вообще они пользуются у галлов большим почетом. А именно они ставят приговоры почти по всем спорным делам, общественным и частным... они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов до двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, а именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом (NB. — А.Д.)... друиды не желают, чтобы их учение делалось общедоступным... Кроме того, они много говорят своим молодым ученикам о светилах и их движении, о величине мира и Земли, о природе и о могуществе и власти бессмертных богов» («Галльские войны». VI. 13–14).

Это не просто аллегория, когда одну из своих эпиграмм Цельтис адресует «Иоганну Тритемию, друиду, аббату в Шпонхейме». Пригласив друзей (может быть, речь идет о той самой встрече в

¹ *Conradi Celtis Protucii Panegyris ad duces Bavariae* / Mit Einl., Übers. und Kommentar hg. von J. Gruber. Wiesbaden, 2003. S. 83.

² *Ibid.* S. 17.

июле 1496 г.), Тритемий «среди пира эллинов свитки всем предлагает, / и еврейские тоже, и те, что написаны им, / и всё, что галлов друиды внесли к тевтонам» (курсив мой. — А.Д.)¹. Для Целтыса друиды — связующее звено между греками и германцами; они свидетели и гаранты родства их культур. Будучи уподоблен друиду, Тритемий выступает хранителем традиций — не только эллинских, а всего того, «что галлов друиды внесли к тевтонам». Однако друиды, согласно Цезарю, передавали свои знания изустно. И Целтыс со товарищи ищут и находят следы присутствия греческого у древних германцев — например, «могилы с надписями по-гречески» под Триром, древнейшим немецким городом². Может, с подсказки Тритемия, что был неподалеку?

Традицию «древнеримскую — латинскую средневековую — итальянскую новую» Целтыс считает а priori чуждой немцам. Germania, а с ней Deutschland³, наследует не Риму, но Греции. «Grecia docta»⁴ для него выше Рима, опорочившего себя нравственным разложением, а потому наказанного Господом; это ведь греки оставили по себе мудрые книги, латиняне перевели их, а немцы возвеличили⁵, так что «молодежь германцев в триумфах сделалась грекам равна»⁶. А потому именно немцев, «Romani imperii reliquias»⁷, — родственников грекам и одного языка с ними, следовательно, стоявших у начал античной

¹ «...Cibos dein inter Graia volumina / profert, Hebraea et scripta manu sua, / et quicquid a Gallis in oras / Teutonicas Druidae intulere» (Celtis C. Oden / Epoden / Jahrhundertlied. S. 284–289, здесь S. 286. Ср.: Целтыс К. Стихотворения. С. 109).

² «...Sepulcra Graecis vidi epithaphiis, / inscripta busta et stare sub hortulis / et minibus sacra functis, / urna suprema reperta in agro est» (Celtis C. Oden / Epoden / Jahrhundertlied. S. 280–281. Ср.: Целтыс К. Стихотворения. С. 106).

³ См.: Доронин А.В. Миф и национальная история в культуре Возрождения в Германии // Миф в культуре Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2003. С. 198–209.

⁴ Celtis. Epigramme «Ad Pictorem Albertum Durer Numbergensem» // Germanisches Nationalmuseum. Celtis-Portal. Epigramme 78–100 (Epigramm 67–Teil 1 (Buch V). unter <http://duererforschung.gnm.de/celtis-epigramme-78-100/> [20.09.2015]).

⁵ «Sophiam me Graeci vocant, Latini sapientiam, Aegypti et Chaldaei me invenere. Graeci scripsere, Latini transtulere, Germani ampliavere» (Fünf Bücher Epigramme von Conrad Celtes. S. 118. Ср.: Целтыс К. Стихотворения. С. 336 (Эпиграммы. Книга V. 79)).

⁶ Целтыс адресует эпиграмму герцогу Георгу Баварскому: «...quod duce per varios pubes Germana triumphos / Aequavit Graios oppressaque saepius arma / Italia...» (Fünf Bücher Epigramme von Conrad Celtes. S. 96. Ср.: Целтыс К. Стихотворения. С. 318).

⁷ Conradi Celtis Protucii Panegyris ad duces Bavariae. S. 24 (IV, 6, 8).

культуры, а не только-то призванных римлянами (притом сами римляне не начало, они лишь «перевели» греков на латынь) на защиту Империи, — считал он единственно достойными *translatio imperii et studii*, а потому с энтузиазмом принял генеалогии Бероза (Псевдо-Бероза!), предложенные Джованни Нанни в 1498 г.¹ Они утверждали Туискона (о котором у Тацита) первым королем немцев и всей Европы и создателем (единого) алфавита немцев и греков. Во второй (и самой важной!) из пяти книг Псевдо-Бероза («*De genealogiis primorum ducum post diluvium*») среди ноанидов второго ряда от брака сына Ноя Иафета с Андромедой (!) наряду с другими первопредками (Медом, Магогом, Самогесом, Тубалом/Юбалом, Тирасом, Ионом, Моском (*Moscus!*)) мы найдем также Гомера и Туискона (его, согласно Псевдо-Берозу, Ной впоследствии adoptировал)²; Гомер и Туискон — одноутробные братья.

И тогда неудивительно в одной из элегий Целтыса прочесть о родных для него Франконии и Вюрцбурге следующее:

Славный мой род не забудь с родословным деревом предков,
Живших там, где несет воду холодную Майн.
Исстари высится там город франков в чудной долине,
А называют его греческим словом: Эреб.
Будто бы греки, когда направлялись в галльские земли,
Здесь, на Рейнских берегах встарь разгружали суда,
И оттого-то в Герцинских лесах средь просторной долины
В этих спокойных местах греческий город восстал.
Черных здесь заклавши овец подземному Диту,
В храмы святые свои греки друидов ввели
И своему поселенью оставили Дитово имя:
Здесь и поныне хранит греческий говор народ,
Ибо на нем и сейчас совершают святые обряды,
На аргонийский манер музыка в храме звучит,

¹ См.: Weiss R. *The Renaissance Discovery of Classical Antiquity*. Oxford, 1969; Baffioni G. *Annio da Viterbo, documenti e ricerche*. Roma, 1981; Münkler H., Grünberger H. *Nationale Identität im Diskurs der deutschen Humanisten // Nationales Bewusstsein und kollektive Identität*. Frankfurt a.M., 1994; Lehr Th. *Was nach der Sintflut wirklich geschah. Die Antiquitates des Anniius von Viterbo und ihre Rezeption in Deutschland im 16. Jahrhundert*. Frankfurt a.M., 2012; Доронин А.В. *Post diluvium*. К истории одной (не)удавшейся фальсификации // *Историческая память в культуре эпохи Возрождения*. М., 2012. С. 128—140.

² См.: *Johannes Annius Viterbensis recte Giovanni Nanni (1432—1502). Commentaria & editiones* / Hg. von A. Sommer. Wien, 2004 (2 Bde). Bd I. P. 17.

На ступенях стоят изваянья Паллады и Марса,
 Статуи давних богов, древних творенье резцов.
 Матери там и отцы и лучший цвет молодежи
 Носят на теле своем греческий древний наряд, —
 Частью, правда, его изменило суровое небо,
 Частью богатство, а с ним — тяга к чужим образцам.
 Там бы никто не сказал, что я не греческой крови,
 Эллинский дух возродил я для отчизны своей!
 (Пер. З.Н. Морозкиной)

Цельтис находит созвучными имена Гербиполис (грецизированное Вюрцбург) и Эреб (одно из названий подземного царства у греков), а франков (определенно основываясь на хронике Фрекульфа XI в.) отождествляет с фригийцами. Да и как не расслышать «греческий говор» земляков Цельтиса, не увидеть их «греческий древний наряд», не заметить, что «святые обряды совершают» у них «введенные греками во храмы» друиды и др. Возрождение родного (!) эллинского духа ставит себе в заслугу Цельтис.

Свое логическое и последовательное завершение эти программные установки Цельтиса и его гейдельбергского круга получили в сочинениях баварца Иоганна Авентина (1477–1534)², ближайшего ученика Цельтиса, когда-то его студента в Ингольштадте

¹ «Inde per Hercynios saltus: vallesque patentes / Struxisse his placidis moenia Graia locis. / Cumque atras Diti litarent more bidentes / Et druides templis instituere sacris, / Hinc a Dite dabant urbi sua nomina Graeca / Graecorum linguam gensque hodierna tenet. / Nam faciunt lingua Graecorum sacra quotannis / Et templum Argolicis personat omne modis, / Ante gradus cuius veterum simulacra deorum / Palladis et Martis signa vetusta manent. / Graecorumque gerunt priscas in corpore vestes / Cum patribus matres et iuvenilis honos, / Quas partim refluxo mutavit tempore caelum / Et partim luxus vel peregrinus amor. / Nemo hinc miretur Graio me sanguine cretum / Ἑλληνικὰ ad patriam iam retulisse meam» (*Conradus Celis Protucius*, Quattuor libri amorum secundum quattuor latera Germaniae / Hg. von F. Pindter. Leipzig, 1934. S. 24. Zeile 35–52 (Liber I, Elegia 12). Ср.: *Цельтис К.* Стихотворения. С. 161).

² См.: *Доронин А.В.* Историк и его миф: Иоганн Авентин (1477–1534). М., 2007. Об Авентине см. также: *Wiedemann Th. Joh.* Turmair, genannt Aventinus, Geschichtsschreiber des bairischen Volkes. Freising, 1858; *Dittmar W.* Aventin. Nördlingen, 1862; *Joachimsen P.* Geschichtsauffassung und Geschichtsschreibung in Deutschland unter dem Einfluß des Humanismus. Leipzig, 1910; *Strauss G.* Historian in an Age of Crisis: The Life and Work of Johannes Aventinus. Cambridge, 1963; *Dünninger E.* Johannes Aventinus. Leben und Werk des bayerischen Geschichtsschreibers. Rosenheim, 1977; *Aventinus und seine Zeit.* Weltenburger Akademie, 1977; *Schmid A.* Die historische Methode des Johannes Aventinus // *Blätter für deutsche Landesgeschichte.* 1977. Bd 113. S. 338–395.

(правда, совсем ненадолго — Авентин был занесен в матрикулы университета в 1494 г., а Цельтис покинул Ингольштадт из-за вспышки чумы летом 1495 г.; впрочем, впоследствии Цельтис сыграл в жизни Авентина, вероятно, такую же роль, как в свое время Рудольф Агрикола — в жизни самого Цельтиса). После учебы в Парижском университете у знаменитого Лефевра д'Этапля, а затем (по следам Цельтиса) в Кракове у Войцеха Брудзева, Авентин, к тому времени магистр свободных искусств, приехал в 1505 г. в Вену к учителю, где тот создал новое *Sodalitas litteraria Danubiana*, — на деле это был все тот же круг его друзей и единомышленников в рамках проекта «*Germania illustrata*» — и Авентин с энтузиазмом влился в него.

Главные труды Авентина — «*Annales ducum Boiariae*» (1521) и их немецкоязычный вариант «Баварская хроника» (1532). Если кратко суммировать его историческую концепцию, то *Germania / Deutschland* (именно она, а не собственно герцогство Бавария в центре его внимания) прошла *многотысячелетний путь*. Вслед за учителем Авентин утверждает преемственность ее истории от библейских времен до современности. Свое начало его *Germania* берет от Туискона, сына Иафета и внука Ноя: Ной adoptировал Туискона и сделал его первым королем Европы (среди родных братьев Туискона мы находим в том числе Гомера и Моска — Авентин целиком полагается на генеалогии Псевдо-Бероза). Туискон дал грекам и германцам (единый) алфавит — сходный с сегодняшним греческим; кроме германцев его переняли греки и усовершенствовали¹. Германцы, «*tantum sui similis gens*» (Тацит), исконно *post diluvium* занимали свои земли. Века спустя они вынуждены были уйти с них из-за притеснений со стороны римлян, переселились в Азию, где выделялись среди знатных родов (так Авентин встраивает в общую линию германской истории известный миф о троянском происхождении франков), а их язык звучал в Армении, Скифии вплоть до Индии. Затем они вернулись в Европу, на свои земли и, дабы стереть из памяти годы угнетения, называли себя иначе. Оттого-то и кельты, и скифы, и готы, и данайцы, и галлы, и многие др. — всё это германцы, в разные периоды знакомые древним под разными именами. Притом они сберегли свою исконную культуру, свой язык, свои песни (*carmīna*, которые Авентин, апеллируя к Тациту, уподобляет древним хроникам германцев) благодаря друидам, когда-то тоже изгнанным римлянами и поселившимся в непроходимых

¹ *Aventinus J. Sämmtliche Werke. München, 1881–1908 (6 Bde). Bd 4, Teil 1. S. 83* (далее: *Aventinus. S.W.*).

лесах Шварцвальда. Пронеся через века, те сохранили для немцев их историческую память и грамоту, и по их возвращении на родные земли возобновили обучение и установили порядок богослужения (притом вера германцев естественным образом, «повзрослев», эволюционировала от поклонения дубравам до единобожия и христианства; ибо основа любой веры — добродетельная жизнь, и принципиальных отличий между *carmina*, *voros* и заповедями Христа нет) и др., став связующим звеном между их прошлым и настоящим. В VI в. исчезнувший было немецкий алфавит вернул к жизни Хильперих, однако после его смерти тот снова оказался забыт¹. И не кто иной, как Карл Великий «приложил большие усилия к тому, чтобы нашему [немецкому] языку в написании и разговорной речи дать правильную основу и преобразовать по образцу греческого»². А своего расцвета немецкая культура и немецкий язык достигли уже благодаря Цельтису и его *sodales*. Из этого следовало, что немцы не имеют ничего общего с традицией латинской, нравственно выморочной, они родственны грекам. Они подлинно преемники высокой Античности, к тому же избранные Господом за свои добродетели встать во главе Священной Римской империи, последней на земле, и спасти (христианский) мир. Предложив разделить историю Германии на три периода (европейский, азиатский и второй европейский). Авентин таким образом закрепляет представление об автохтонной древности германцев и их не зависимом от латинской традиции Средневековье, отрицает их «варварство» и «уравнивает» их историческую легитимацию перед лицом римской. Подкрепить эту альтернативу призвано манифестируемое им (а раньше Цельтисом и его кругом) родство германцев с греками. Так под пером баварца *Germania* / нарождающаяся современная германская нация пускает собственные (*imagined*) глубокие корни. Истинно «темными веками» предстает у него уже не недавнее «варварское» (в глазах итальянцев, преемников Рима) Средневековье, которое он последовательно национализирует и «нормализует», а мифологизируемая им германская (родственная греческой) древность.

Отталкиваясь от Тацита, писавшего о надгробных плитах у германцев с высеченными по-гречески именами³, и Цезаря:

¹ *Aventinus J. Sämtliche Werke. München, 1881—1908 (6 Bde). Bd 4, Teil 1. S. 14.*

² *Ibid. S. 85.*

³ «...ceterum et Ulixen quidam opinantur longo illo et fabuloso errore in hunc Oceanum delatum adisse Germaniae terras, Asciburgiumque, quod in ripa Rheni situm hodieque incolitur, ab illo constitutum nominatumque; aram quin etiam Ulixi consecratam, adiecto Laertae patris nomine, eodem loco olim repertam, monumentum

сообщавшего о неких найденных у гельветов списках с греческим шрифтом¹, Авентин вовсе не идет по следам древних греков в немецких землях, но ищет подтверждения их родства. «Действительно, немецкий язык, и прежде всего саксонский и нидерландский, почти во всем подобен греческому языку, устроен почти на греческий манер, писать на нем греческими буквами было бы более правильно... в нашем общем употреблении очень много слов, которые и у нас, и у греков схожи», — читаем мы в «Баварской хронике»². И приводит тому десятки (далеко не всегда убедительных) примеров, завершая их важным признанием: «Цельтис, некогда поэт и историк (у Авентина «geschichtsschreiber»! — А.Д.) его императорского величества, а также высокочтимый г-н Иоганн фон Триттенхайм (Тритемий. — А.Д.), некогда аббат в Шпонхейме, и достославный герцог и г-н Иоганн фон Дальбург (Дальберг. — А.Д.), в прошлом епископ Вормса, канцлер Пфальца на Рейне, вместе тоже вычитали много тысяч подобных слов (каковые и я указал выше в начале), которые у греков и немцев обозначают одно и то же. И на этот счет я также рассчитываю подготовить и выпустить книгу, и так и будет, если Господь даст мне долгую жизнь»³. В своей «Хронике о происхождении и деяниях древних немцев» («Chronik von Ursprung, Herkommen und Taten der uralten Teutschen»), которая, по сути, повторяет первую и главную книгу «Анналов герцогов баварских» / «Баварской хроники», главу, посвященную «Алфавиту и письму древних немцев», Авентин начинает: «Писали так, как Туискон буквы создал, а потом те были принесены в Грецию... А то, что немцы и греки используют одни и те же буквы, подтверждает огромное множество слов и имен, которые немцы и греки употребляют»⁴. И снова следуют долгие примеры для сравнения. При том если мы внимательно этот список просмотрим, то найдем в нем и те слова, которые определенно понадобились бы в общении с собаками. Например, нем. «essen» — греч. «εσω», нем. «setzen» — греч. «σѣт». И вправду звучит схоже. Движимые любопытством, откроем сло-

taque et tumulos quosdam Graecis litteris inscriptos (курсив мой. — А.Д.) in confinio Germaniae Raetiaeque adhuc extare» (*Tacitus P.C. De origine et situ germanorum.* 3).

¹ «In castris Helvetiorum tabulae repertae sunt litteris Graecis confectae et ad Caesarem relatae, quibus in tabulis nominatim ratio confecta erat, qui numerus domo exisset eorum qui arma ferre possent, et item separatim, quot pueri, senes mulieresque» (*Caesar C.I. Commentarii de bello Gallico.* I. 29).

² *Aventinus.* S.W. Bd 4. Teil 1. S. 84.

³ *Ibid.* S. 85. К слову, такого труда Авентин по себе не оставил.

⁴ *Ibid.* Bd 1. S. 351.

варь и обнаружим, что нем. «ab» соответствует греч. «απο», нем. «Fuß» — греч. «πους»... Видимо, научить Эриса понимать команды по-гречески было не так уж и сложно. Или, может, вовсе не понадобилось учить, достаточно было убедить гостей, что немецкий и греческий в основе своей единый язык? А что если вся компания — и Тритемий, и его гости в тот июльский день 1496 г. — изначально придерживалась этого мнения?

Родство греческого и немецкого языков свидетельствуют Авентину даже славяне, и они у него немецкой крови¹: «Известно, что у вендов (Winden), или славян (Schlaven), а они очень древние германцы, все еще свой собственный алфавит. Алфавит русских (Reussen) я зрел в Польше, он почти схож с греческим, одинаков»². Так, через славяно-германцев, сумевших якобы сохранить (?) самобытное, близкое греческому письмо, Авентин приводит дополнительный аргумент для своих конструкций глубокой автохтонной отечественной древности. Впрочем, подсказку на этот счет мы снова найдем у его учителя Цельтиса, который в одной из од, обращаясь «К своей музе», среди многих племен и народов своей отчизны числит славян (Venedes)³, имея в виду Подунавье (Каринтию, Штирию, Далмацию, Истрию), где «двуязычный живет славянин»⁴.

Но ведь и в немецких землях — если разделить *credo* Тритемия—Дальберга—Цельтиса—Авентина — должны были бы отыскаться хоть какие-то следы переходного шрифта от письма Туискона (греческого) через друидов к современному немецкому. И Авентин оставляет надежду на это: «У нас еще находят книги, которые никто не может читать; к примеру, есть такая в Прифлинге в одном монастыре под Регенсбургом»⁵; или опять-таки «под Регенсбургом в [монастыре] Св. Эммерама хранится письмо великого императора Карла, как будто на латыни, однако ж с иными буквами и фигурами, которые скорее похожи на греческие, чем на латинские. Конрад Цельтис считал их за письмо

¹ Подробнее см.: *Доронин А.В.* Русские земли на карте немецких гуманистов. 1490–1530-е гг. // *Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVIII в.: Контакты и взаимное восприятие* / Отв. ред. О.Ф. Кудрявцев. М.: 2013. С. 117–128.

² *Aventinus*. S.W. Bd. 1. S. 352.

³ *Цельтис К.* Стихотворения. С. 83. Ср.: *Celtis C.* Oden / Epoden / Jahrhundertlied. S. 222.

⁴ *Цельтис К.* Стихотворения. С. 243 (Целокупная Германия. 6).

⁵ *Aventinus*. S.W. Bd 1. S. 353.

готов»¹. Разумеется, готы не имеют никакого отношения к готическому письму. Целтис заимствовал это обозначение — «шрифт готов» — у итальянских гуманистов, как известно, считавших его «варварским» в сравнении с (красивым и удобочитаемым) каролингским минускулом. В XIV в. итальянские гуманисты приняли каролингский минускул (на нем часто были записаны сочинения древних авторов) за античный шрифт. Своими крупными округлыми буквами и квадратными формами, отсутствием острых углов и ломаных линий он напоминал таковой — «необычный шрифт, похожий на греческий»² — и Авентину тоже.

И друиды не оставили ему образцов своего письма, но по объяснимой причине. Изгнанные римлянами из «Frankenreich» (так у Авентина, т.е. с земель франков = германцев), перебравшиеся «к своим единоверцам в Германию и расселившиеся то тут, то там в Шварцвальде», они хотя и «использовали греческий шрифт, не веряли на нем толпе свое тайное знание»³. И это тоже, по мнению Авентина, может служить объяснением, почему многие «слова, заимствованные немцами у греков, были утеряны»⁴; да это не только беда немцев, многое на протяжении веков ушло в никуда — «шрифт этрусков и потомков Туискона (здесь у Авентина «Tuischanier». — *А.Д.*), и древние языки Италии, а также испанцев»⁵. В своем стремлении сохранить многотысячелетнюю преемственность германской истории, Авентин стирает идентификационную культурную грань между древними греками и германцами, породняет их (удревняя тем самым германский мир), накладывает оба мира один на другой. Так, Демосфен держит у него речь в афинском рейхстаге⁶; греческую школу философов-стоиков он переименовывает в «stöcler»⁷, а «атеистов» во вполне уместных «безбожников» («die gotlosen») ⁸, хилиастов (*лат.* милленарии) — в «Tausendner»⁹, друидов отождествляет с «сивиллами и прорицательницами» («sibyllen und wärsagerin») ¹⁰ и т.п. Ведь у греков и германцев общая древняя история.

¹ *Aventinus*. S.W. Bd I. S. 352.

² *Ibid.* Bd 4. Teil I. S. 84; Bd I. S. 311.

³ *Ibid.* S. 367.

⁴ *Ibid.* Bd I. S. 352.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.* Bd 4. Teil I. S. 344.

⁷ *Ibid.* S. 372, 441.

⁸ *Ibid.* S. 315.

⁹ *Ibid.* Bd 4. Teil 2. S. 846.

¹⁰ *Ibid.* Bd I. S. 367.

* * *

Возвращаясь к вопросам, вынесенным в начало статьи, выражу уверенность, что Тритемий не прибег бы к латыни как языку общения с Эрисом. Что общего, в представлении его круга, имела древняя Германия с Римом?!

Очевидно, однако, что Целтьис со товарищи не столько дожили (языческой!) древнегреческой традицией, сколько собственной древней германской, т.е. квазигреческой. Через «братские узы» Туискона и Гомера они закрепляли за Германией место у кормила последней империи на земле, у начала мира вообще. Они ставили себе целью возродить Germania, равно авторитетную Греции и родственную ей.

Может, в командах в адрес Эриса, звучавших, допускаю, на немецком, а все-таки не на древнегреческом языке, и Тритемию, и Дальбергу, и Целтьису, и *post factum* Авентину слышалось что-то схожее с древнегреческим? Хотелось услышать. Так же, как хотелось увидеть в манускриптах, что хранил в своей библиотеке Тритемий, реликты знаний, которые «друиды внесли к тевтонам». Или же — и это всё объясняет — они были убеждены в единой природе греческого и немецкого языков? И тогда короткие и звучные немецкие «Ab» или «Fuss», или «Essen» почему бы не артикулировать à la древнегреческие?.. Тем более что, если полагаться на (Псевдо)-Бероза, Туискон, — вспомним, родной брат Гомера, — дал единый алфавит (язык?) германцам и грекам (а ведь Тритемий, Дальберг и Целтьис, вероятно, «догадывались» об этом и до Джованни Нанни, соответственно его Псевдо-Бероза). Те же, кто этого не знал, не задумываясь, обвинили бы Тритемия и Целтьиса в инсценировке, а наиболее серьезные и критически настроенные — в подлоге. А может, даже высмеяли бы...

Впрочем, Эрису в атмосфере «Шпонхеймской академии» определенно нетрудно было откликнуться и на древнегреческий. Почему бы не на древнегреческий?

Разумеется, не все заальпийские гуманисты готовы были отказать христианству и Риму в цивилизаторской миссии. Вот и Тритемий не внушил своему приятелю Ясону Урсину каких-то принципиальных установок по поводу родства немцев с греками (см. *сноску* 4). Выдавали ли Тритемий, Дальберг, Целтьис и Авентин желаемое за действительное? Конечно. Но история ведь живет и мифами тоже.

В споре с итальянцами и французами за *translatio imperii et studii* немецкие гуманисты «открывают» / конструируют соб-

ственную автохтонную античность, не менее, даже более древнюю, чем римская. Им и не оставалось иного, как через дегероизацию Рима и противопоставление своего языка (а на этот период приходится осмысление его как национального) латыни «находить» собственные истоки. Как следствие мы наблюдаем переход к легитимируемому в первую очередь через автохтонную древнюю историю полицентризму равновеликих субъектов — наций — раннего Нового времени. Тем самым в рамках принципиально иной схемы миропорядка — «горизонтальная» модель *origo nationis* приходит на смену «вертикальной» *origo gentis* — «преодолевается» дисконтинуитет между эпохами, заложенный Ренессансом (знаменитой трехчленной схемой Петрарки: «Античность — Средние века (варварство) — возрождение Античности»). И поскольку история национальная такого разрыва преемственности не терпит, гуманисты активно «национализуют» / «нормализуют» Средние века. Эта, казалось бы, цезура наполняется поливариантным и конкурирующим содержанием. А Античность становится главным объектом мифологизации. Ее ренессансные конструкции заложены в фундамент исторической памяти современных наций, конституируют их как «воображаемые сообщества». На месте когда-то единого древа от Адама дали всходы побеги самостоятельные — *Germania*, *Gallia*, *Iberia*, *Sarmatia*, *Anglia* и др. И у каждого свои корни.

И.Я. Эльфонд

Origo francorum и истоки французской нации: французская историография раннего Нового времени

Развитие общественной мысли Ренессанса во многом определялось интересом к поиску своих национальных корней, было обусловлено стремлением к национальной самоидентификации и становлением национального самосознания каждого отдельного народа. Особенностью французского варианта этой общей тенденции оказалось то, что этот процесс приобретает различное наполнение в зависимости от того, в какой политической и религиозной среде он формировался. Огромную роль в этом сыграла апелляция к национальной идентичности, что неизбежно повлекло за собой и конструирование образа врага Франции и французов и, вполне естественно, пересмотр уже сложившихся в массовом сознании стереотипов в отношении французов к различным этносам Европы. Проблема национальной идентичности, тем более национальной самоидентификации, выступала одной из ведущих идеологических проблем в эпоху становления национальных государств и решение ее было достаточно сложно и неоднозначно. Само понятие национальной идентичности в этот период (да и в дальнейшем) приобретало ряд общих черт. Во-первых, представления об идентичности проявляются и осмысляются, как правило, в периоды перелома или конфликта в обществе. В связи с этим вырабатываются стереотипы в массовом сознании под влиянием определенной идейной его обработки. Как правило, эти стереотипы наиболее четко выражены в мифах и ритуалах. Наконец, важнейшим образом национальной идентичности является картина национального прошлого¹. Интерес к своему национальному во Франции был

¹ Проблемам национальной идентичности и самоидентификации в последние десятилетия было посвящено немало работ, из которых следует указать следующие: *Anderson B.* Imagined communities: reflections on the origins and spread of nationalism. L., 1983; *Hastings A.* The Construction of nationhood, ethnicity, religion and nationalism. Cambridge, 1997; *Kristof L.* The state idea, the national idea, and the image of fatherland // *Orbis*. 1967. N 11 (spring). P. 238–254; *Smith A.* National ident-

сформулирован очень отчетливо и нередко сопровождался и негативным отношением ко всему чужому, в том числе и к наследию античного Рима. Не менее важными были утверждение и внедрение в массовое сознание и культуру новой политической идеологии, основанной на прославлении абсолютной власти монарха и ее древности или опровержении этой идеологии, а также обращение к специфике политического устройства страны, исторически сложившейся структуры всех социальных и государственных учреждений, подчеркивание исключительности французского государства и особенностей развития французского народа.

Как отмечалось, процесс самоидентификации способствовал смене идеологических стереотипов: образ «чужого» в XVI в. под влиянием итальянских войн, а впоследствии гражданских войн второй половины века, воспитывавших французов во вражде к иностранцам, обычно совпадает с образом врага. Сам процесс формирования национальной идентичности неизбежно сопровождался выработкой модели врага. На это оказали влияние войны XVI в. и религиозный раскол в Европе, который в представлении большинства ассоциировался и с противостоянием народов. Типичная для XVI в. характеристика образа «чужого» – понимание его в прямом смысле слова как иностранца, приписывание всего негативного и скверного иноземцам.

В огромном массиве литературы, посвященной истории духовной жизни Франции этого периода, почти не обращалось внимания на то, что политическая идеология этой эпохи построена на строго охранительных позициях, на неприятии всего инородного; заслуживало внимания (тем более одобрения) только французское, все прочее – от лукавого. Даже особые качества королевской династии основываются на том, что король «принадлежит к чисто французскому роду»¹. Подобный подход оказывался неразрывно связан с формированием представлений, относящихся к национальной самоидентификации французов, с их взглядами на свое происхождение и прошлое народа.

Естественно, что в этих условиях немаловажное значение приобретало отношение к ближайшим соседям, прежде всего к народам, ставшим в тот момент своего рода символами Реформации

ity. L., 1991; Wodac R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. The discursive constructions of national identity. Edinburgh, 1999. Geary P. The myth of nations. The Medieval origins of Europe. Princeton, 2002; Smith A. Theories of nationalism. New-York, 1983; Lestocquoy J. Histoire du patriotisme en France des origine à nos jours. P., 1968; Bell D. The cult of the nation in France 1689–1800. Princeton, 2001.

¹ (Arnault A.) Fleur de Lys. P., 1593. P. 7.

и Контрреформации. В силу этого проблемы германистики стали занимать особое место в идеологии Франции, вопрос ставился не столько о современных немцах, сколько о древних германцах и их роли в истории Европы периода падения Римской империи, и огромное место во всех этих изысканиях занимает проблема этногенеза французского народа, связывавшаяся с вторжениями в Галлию и формированием французской нации из многих племен и народов и роли в этих процессах различных этнических элементов. Выбор был невелик: теоретики колебались между римским, кельтским (галльским) и германским началом, а в первой половине XVI в. активно использовался «троянский миф», который позволял относить генезис французского народа к далеким временам и подчеркивать более древнее по сравнению с другими европейскими народами происхождение собственных правителей, в частности династии Меровингов.

Однако даже в начале XVI в. не все историки поддерживали троянский миф, и с конца XV в. все чаще они обращаются к проблемам германистики. Еще до появления труда Лемэра де Бельжа наблюдается интерес к роли франков в процессе становления французской народности и государственности, раньше всего он проявился в трудах итальянского историка Марко Ричиуса (ум. в 1500 г.), оставившего «Историю королей франков» и настаивавшего на германском происхождении французов¹. Р. Гаген, профессор канонического права в Сорбонне, в своем труде «Происхождение и деяния франков», написанном на чистой гуманистической латыни (1495) и вышедшем незадолго до сочинения Лемэра де Бельжа «Прославление Галлии», детально излагавшем миф о происхождении французов и их царствующей династии от троянцев, в частности от Франкиона, сына Гектора², прямо отмечал отсутствие доказательств не столько роли франков в этногенезе французов, сколько данных о происхождении самих франков: «Я не могу найти подлинный источник и корни происхождения франков»³.

К середине века концепция де Бельжа начинает подвергаться критике с самых разных сторон, что было связано с глубоким изучением источников. Споры велись уже о галлах и германцах. Пожалуй, первым поддержал прогерманскую точку зрения историк Жан дю Тийе. Юрист, советник Парижского парламента, в дальнейшем секретарь Генриха II, дю Тийе, как и многие его собратья, от права переходит к истории и интересуется прежде всего нацио-

¹ *Ricius M. De regibus francorum.* Basel, 1534.

² *Lemaire de Belge J. Illustrations de Gaule,* P., 1513.

³ *Gaguin R. De rebus gestis francorum.* P., 1514. P. 2.

нальной историей, по преимуществу на ранних ее этапах. Его критика, вероятно, вызывалась тем, что он обратился к рукописным источникам и все свои положения строго подтверждал документами, что и наводит его на сомнения относительно правильности традиционной точки зрения по проблеме этногенеза французов.

Основное сочинение дю Тийе «Сборник о французских королях, их короне и королевском доме» вышло в свет в 1548 г. Автор очень осторожен, он опровергает тезис об извечном существовании единого государства у галлов и франков (считая, что завоевание римлян было облегчено раздробленностью)¹ и говорит о наличии разных точек зрения относительно происхождения французского народа. Впрочем, свой взгляд на вещи он не считает нужным скрывать, напротив, декларирует его в самом начале своего труда; по мнению дю Тийе, «те, кто пишут, что французы по своему происхождению подлинные германцы, должны почитаться больше тех, кто считает, что они происходят от троянцев»². В другом, более раннем своем сочинении «Хроника франкских королей» (*De regibus Francorum Chronicon*), дю Тийе высказывается куда более определенно: по его мнению, «род франков из германской знати прибыл в Галлию и основал королевство»³. Постепенно создавалась и распространялась прогерманская версия троянского мифа.

По этой версии после отказа платить дань римлянам троянцы, превратившиеся, таким образом, во франков, перебрались на территорию Германии во времена, когда во главе их стоял король Маркомир. Последний же оказался прародителем легендарных прашуров Меровингов, или тех монархов, которых упоминает Григорий Турский — Фарамонда, Хлодиона и Меровея. Ронсар в своей версии троянского мифа также настаивает на германском происхождении французов, идентифицируя при этом франков и троянцев. К середине века значительно возрастает количество сторонников кельтского происхождения французов, но это не уменьшало число сторонников германских корней нации.

Большую роль в спорах о роли германского элемента в истории Франции и в особенности процесса этногенеза французов сыграл крупнейший французский историк-эрудит Э. Пакье. Уже в первом издании его «Изысканий о Франции» (1561) он поднимает этот неожиданно ставший актуальным вопрос. Критика троянского мифа

¹ *Du Tillet J.* Recueil des roys de France, leurs couronne et maison. P., 1548. P. 7.

² *Ibid.* P. 1.

³ Цит. по статье: *Jouanna A.* La quête des origins dans l' historiographie française de la fin de XV siècle et de début du XVI siècle // *La France de la fin du XV siècle. Renaissance et apogée.* P., 1985. P. 307.

в его труде сочеталась с анализом роли германских племен и народов в становлении постантической Европы. С его точки зрения, сам факт существования троянского мифа достоин удивления: «Поистине великое чудо, что каждый народ с общего согласия считает для себя почетным вести свои корни от троянцев — римляне от Энея, французы от Франсиона, британцы от Брута, и даже турки — от Турка»¹. Как историк и как политический теоретик Пакье считает по меньшей мере странной эту тенденцию: «Было ошибкой возводить себя к побежденным троянцам, а не к победителям-грекам»² — и замечает, что сторонники этой версии происхождения франков «жаждут обрести величие от троянцев, жаждут как странники скитаться по миру». Ирония Пакье объясняется тем, что он считал эту общую тенденцию нелогичной и, по его убеждению, все народы обязаны этой легендой не слишком далеким и не слишком принципиальным историкам.

Значение концепции Пакье важно еще в одном аспекте — он ставит и исследует вопрос не только о роли франков и других германских племен в истории Франции, но и в целом о роли германцев в истории Европы эпохи Великого переселения народов. Большая часть первой книги его «Изысканий о Франции» посвящена роли отдельных этносов, по преимуществу германцев, в Великом переселении народов, падении Римской империи и формировании новых европейских государств. В его представлении, Римская империя «стала игрушкой в руках варваров», а последние «постепенно отделяли от великой империи большую часть ее провинций». Согласно ему, именно германские племена сыграли в этом процессе решающую роль³. По утверждению историка, «при Гонории и позднее в правление одного из Валентинианов вандалы, свевы и аланы заняли Испанию, готы, пришедшие из Германии, — Аквитанию, бургунды — область секванов, франки — кельтскую Галлию, англы и саксы — ту часть Великобритании, которую мы теперь именуем Англией, а в правление Юстина лангобарды захватили ту часть Галлии, которая называлась Цизальпинской»⁴. Тем самым подчеркивалось значение передвижений германских племен в распаде империи.

Очень любопытно, что историк говорит о противоречиях и междоусобной борьбе германских племен, а также противопоставляет одних германцев другим, в частности франков готам, различая их по степени цивилизованности. Могущество первых, по его

¹ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1643. P. 37*

² *Ibid. P. 38.*

³ *Ibid. P. 26.*

⁴ *Ibid. P. 31.*

мнению, объяснялось тем, что «франки не были грубыми (*agrestes*) племенами, как прочие варварские народы (*nationes*), поскольку были более цивилизованны и утонченны»¹. Но при этом они были нетерпимы к племени готов, как к «людям грубым и мало восприимчивым, что и подтверждается их взятием Рима»². Именно последний факт доказывает, что готы «проявили себя как варвары», причем само понятие «варвары», несомненно, гуманист связывает с жестокостью и бескультурьем.

В целом несколько глав первой книги сочинения Э. Пакье посвящены истории разных германских племен и их расселению в Европе, в частности на территории Галлии. Начало этого процесса он связывает с нападением на империю не только германцев, но и иранских племен (сарматов и аланов), а также гуннов. Но основную роль в его изображении все же сыграли германские племена: он упоминает вандалов, квадов, лангобардов, бургундов, вестготов и остготов, франков, англов, саксов, маркоманнов, гекубов (? *Nesubiennes*), алеманнов³. Больше всего в его представлении от германцев досталось Галлии, где были разрушены и разграблены Майнц, Шпейер, Амьен, Аррас, Реймс, Страсбур, Теруань. С учетом того, что для Пакье признаком цивилизации и прогресса служило как раз количество городов, очевидно, что для гуманиста варвары, германские племена, были разрушителями цивилизации, варварами в полном смысле слова⁴. Только главы об остготах и франках несколько отличаются по тональности.

Для всех германских племен, участвовавших в переселении, по мнению историка, несомненна воинская отвага, этим-то они и отличались от остальных. Удача же сопутствовала дерзким: «Другие же германские народы не стремились переходить Рейн, но англв вследствие отваги и доблести в результате переселились в Британию, норманны овладели четырьмя королевствами, а лангобарды устремились в Италию»⁵. И тех и других гуманист считает «происходящими от свевов», он дает свою версию образования саксов, которых называет фризами; все они, по его мнению, «ведут свое начало от свевов и в древности разделились»⁶. Следует отметить, что Па-

¹ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1643. P. 5.*

² *Ibid. P. 10.*

³ *Ibid. P. 24.* Современная научная классификация германских племен дана в работе: *Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.*

⁴ *Pasquier E. Op. cit. P. 24.*

⁵ *Ibid. P. 18.*

⁶ *Ibid. P. 17.*

кье довольно свободно толкует происхождение отдельных племен и связи между ними: для него лангобарды и англй близкие народы и «оба народа восходят к свевам», кроме того он полагает, что при распаде свевского племенного союза от него отделились также франки и тюринги¹. В принципе он опирается на классификацию и характеристику германских племен Аммиана Марцеллина и Иордана. Связь между франками и саксами, судя по всему, он рассматривает как соседскую, что позволяет ему в последующих книгах объяснять неистовую борьбу франков и саксов (во времена Карла Великого) упорством саксов в язычестве. Помимо названных он также упоминает и другие германские племена, которым еще только предстояло выйти на историческую арену. К последним он относит данов (поселив их, впрочем, не на Ютландском полуострове, а в Дакии) и норманнов. Последних он считает одним из германских племен наряду с данами и более того, он не связывает происхождение норманнов со Скандинавией. По мнению историка, норманны — это «новый народ из Германии, который занял часть нашей Галлии». Несмотря на то что норманны появились во Франции много позже других германских племен, он отмечает, что о происхождении их «ничего неизвестно, не более чем о франках и алеманнах»².

Естественно, что историка-эрудита интересуют по преимуществу те германские племена, которые оставили след на территории будущей Франции, он, собственно, и прямо указывает, что важно «знать о франках, готах, бургундах, и прочих народах, которые обосновались в нашей стране»³. Так, он говорит о том, что вторжение бургундов вынудило передвинуться в Аквитанию вестготов⁴, подчеркивая законность прихода к власти Меровингов как наследников короля бургундов Хильперика. Судьбу бургундов и вестготов он оценивает как трагическую. Кратко прочерчивает историю племен вандалов, которые были «изгнаны вестготами из Испании»⁵. Для этого он характеризует все народы, которые исторически проживали на территории Галлии; по его мнению, «наиболее древними следует считать галлов, а вслед за ними германцев»⁶.

Большое внимание, естественно, уделено франкам, которых он характеризует как «выходцев из Германии», отдельные главы посвящены также бургундам и вестготам. В результате же особой добле-

¹ *Pasquier E.* Op. cit. P. 17.

² *Ibid.* P. 32.

³ *Ibid.* P. 5.

⁴ *Ibid.* P. 29.

⁵ *Ibid.* P. 27.

⁶ *Ibid.* P. 10.

сти франков им удалось «подчинить себе всю Германию». При этом добавляет, что алеманны стали также именоваться франками из-за этимологии этого имени (свободный), и этим в частности объясняет современное для Франции название Германии (Allemagne).

Особое место в изложении судеб германских народов занимает завоевание Великобритании. При анализе вопроса о генезисе французского народа (а в историографии к этому времени уже утвердилась синтезная концепция) Пакье обращается к общей проблеме контаминации этносов в ходе Великого переселения народов, по его определению, германских «жестоких и грубых племен»¹. При этом он особо выделяет судьбы Великобритании. Бритты, согласно концепции Пакье, были автохтонным населением, так что «сам остров был назван Британия... поскольку они были там хозяевами с незапамятных времен еще до рождения Христа». Пакье отмечает свой источник — сочинение Беды Достопочтенного. Однако во времена Феодосия и Валентиниана «их земли подвергались жестоким вторжениям со стороны пиктов и скоттов и не получали помощи от римлян». После многократных тщетных обращений за помощью они «вынуждены были избрать короля Вортигерна из своего народа (nation) и по его совету призвали на помощь германские племена англов и саксов»². Его видение последствий этого приглашения (хотя он и не обвиняет Вортигерна), вероятно, восходит к Гильдасу³.

Речь идет о жестоком этническом конфликте и подчеркивается печальная судьба автохтонного населения в результате деятельности завоевателей: «Саксы и англы после того как подавили пиктов и скоттов, загнав их в уголок страны к вящей выгоде Великобритании, затем распространились по всей территории, изгоняя первых обитателей из их собственных поселений и поместий»⁴. Пакье считает нужным отметить вынужденное переселение бриттов во Францию, подчеркнув, что часть современных французов происходит из Великобритании. Оценки Пакье недвусмысленны: «Англы... вытеснили древних бриттов на оконечность острова, называвшийся Уэльс. Вот по этой-то причине бритты всегда помнили о зле, которое они терпели от англов, и королевство Уэльс на протяжении нескольких сот лет существовало отдельно от Англии»⁵.

¹ *Pasquier E.* Op. cit. P. 14.

² *Ibid.* P. 30.

³ См.: *Гвоздецкая И.Ю.* Англосаксонская история в лицах и конфликтах. Ивово, 2001. С. 10–14.

⁴ *Pasquier E.* Op. cit. P. 15.

⁵ *Ibid.* P. 31.

Притеснениями автохтонного населения он объясняет массовую эмиграцию на континент во Францию. Этот процесс историк, по-видимому, считает одной из первых причин вражды между французами и англичанами: «Бедные бритты в итоге вынуждены были покинуть остров, оставив королевство в руках англо»¹. Автор, таким образом, полагал, что уже в самом начале английской истории она характеризовалась раздорами между этносами, завоеваниями и преследованием коренного населения. Поэтому вторжение скандинавов, а позднее и завоевание норманнов толкуется как справедливое воздаяние англам и саксам: «Вильгельм подчинил Англию, показав своим преемникам путь и средства удерживать этот буйный народ в узде»². Гуманист, рассматривая историю правления нормандской династии, отмечает «страшную грубость, и жестокость правителей при полном незнании природы страны»³. Так закладывается основа для оценок и характеристики английского народа и в позднейшие времена.

Гораздо меньше Пакье интересуется дальнейшей средневековой историей Германии, хотя изредка упоминает об институциональных новшествах в Священной Римской империи.

Весьма существенно, что Боден не вмешивается в споры по вопросу о роли германцев в становлении европейской средневековой цивилизации и упоминает о разных точках зрения, соглашаясь со всеми одновременно и явно не желая акцентировать на этой проблеме внимание: «Если же ты хочешь знать мое мнение о происхождении франков, то я согласен с Григорием Турским или аббатом Урспергским, полагавшими, что еще до вторжения галлов они вели свой род от троянцев или фригийцев, как пишет наш Дю Белле, или от кимвров и фризов, как считал Лаций»⁴.

К середине века французская историография и общественная мысль отчетливо отмечает миф о троянском происхождении франков (и французов) и окончательно переходит к германистской точке зрения.

Огромную роль в этом сыграл знаменитый идеолог гугенотской партии, ведущий теоретик тираноборчества Ф. Отман. В отличие

¹ *Pasquier E.* Op. cit. P. 31.

² *Ibid.* P. 33.

³ *Ibid.*

⁴ *Боден Ж.* Метод легкого познания истории. М., 2000. С. 306. У Григория Турского об этом сведений нет. Аббат Урспергский Эккехард — автор данного раздела «Всеобщей хроники» (велась с 1125 по 1266 г., то есть первоисточником не являлась). О Гийоме дю Белле см. ниже. Вольфганг Лаций — австрийский хронист.

от большинства своих французских собратьев он посещал немецкие княжества, даже выступал от имени немецких протестантов на Аутсбургском сейме, немецкие государства связывались в его представлении неразрывно с Реформацией и с политической свободой. Отсюда и апология германских традиций. Он не скрывает своей оппозиции единовластию, критика абсолютной монархии отражала его симпатии к республиканскому образу правления. Не менее важно, что Отман выступает как пылкий противник римского права, активно выступающий против всего романского и прежде всего итальянского. Его апологетика порядков древних германцев (что позднее будет использовано его же политическими противниками-лигерами) и германоязычных стран не только принесла ему впоследствии славу «отца германистики», но стала, по сути дела, основанием для попыток вернуть «старые добрые времена». Тем не менее, как это ни покажется странным, во «Франкогаллии», посвященной становлению государственных учреждений германских народов, прежде всего франков, почти не встречается апелляция к правовым источникам, в частности к записям обычного права германцев. Он только один раз ссылается на Салическую правду, причем характерно, что эта ссылка (на титул «Об аллодах») приводится в связи с рассуждениями о Салическом законе об отстранении женщин от короны и малодоказательна. Он упоминает также об Алеманнской правде. Зато он прекрасно владеет немецкими средневековыми хрониками и изучил труды немецких историков XVI в. Ранние сочинения Отмана хотя и не носили характера политических трактатов, предоставляют возможность судить о становлении его политической концепции. Для его воззрений наиболее характерны такие черты как патриотизм, национализм и демократизм. Наконец, он сформулировал свой политический идеал, апеллируя к обычаям и порядкам древних германцев. Все это было на ином уровне развито во «Франкогаллии» и позднейших сочинениях.

В отличие от Пакье он не говорит о разных германских племенах, только в случае недостатка аргументации ссылается на названия племен, приведенные в позднеантичных источниках, — по преимуществу упоминаются хавки. Все внимание сконцентрировано на франках, именно с ними Отман связывает политические традиции и институты французского государства. Кроме того, он полагает, что франки — обобщающее имя для германцев, во всяком случае, приводит множество примеров такого рода. Сообщение Иеронима о саксах и алеманнах он трактует как упоминание о германцах, «которые себя ныне именуют франками». Франки для него идентичны понятию «германцы», и он достаточно храбро ссылается на обычаи

племен, упомянутых Тацитом, в частности о канниненфатах, фактически идентифицируя любое германское племя с франками или же подчеркивая преемственную близость. При этом, однако, заявляет, что нельзя отождествлять сикамбров и франков.

В проблеме этногенеза франков у Отмана нет достаточно четких позиций, хотя бы из-за различных данных источников. Но при этом он настаивает на исключительной роли франков в истории становления Франции. Поэтому истории франков он уделяет сразу несколько глав «Франкогаллии». В изображении Отмана страсть к свободе сближает галлов с франками, и благодаря призыву одних в Галлии появились другие: «А поскольку у них не хватало своих воинов, чтобы низвергнуть римскую тиранию, то они использовали древнейший опыт — брать на службу германских наемников, призывая их к себе на помощь»¹. Характеристика франков как поборников свободы почти совпадает с образом галлов. Франки изображены как народ, превосходящий все прочие своей страстью к свободе, в том числе и остальных германцев. «Те, кто оказался величайшими вождями и поборниками вновь обретенной свободы, называли себя франками, что у германцев означает “свободные”, “не испытывавшие рабства”»².

Франки в силу этого презируют господство Рима, всегда готовы к борьбе с тиранией. Отсюда и весьма вольная интерпретация проблемы появления франков в Галлии: «Когда франки покинули свою собственную территорию с этими намерениями, они освободили Галлию, как и свою германскую родину, от римской тирании, и, перейдя Альпы, освободили большую часть Италии»³. Таким образом. Отман просто фальсифицирует историю, приписывая франкам то, что сделали все германские племена, во-первых, а во-вторых, находя у них весьма специфическую мотивировку действий. Франки. в изображении Отмана, руководствовались страстью к, насколько можно понять, всеобщей свободе, а потому «франков называли правильно, так как они свергли рабство, установленное тиранами. и сочли долгом сохранить свою почетную свободу, хотя и жили тогда под властью королей»⁴. Исключительный, почти легендарный характер свободолюбия франков умело подчеркивается ссылкой на мнение наиболее знаменитого из франкских государей (ничем, впрочем, не подтверждающейся): «Ведь Карл Великий предпо- читал франкскую часть германского народа прочим германцам и

¹ *Hotman F. Francogallia*. Cambridge, 1975. P. 178.

² *Ibid.* P. 200.

³ *Ibid.* P. 204.

⁴ *Ibid.* P. 202.

фризам, поскольку именно франки добились этой наисладчайшей свободы»¹.

Все это нашло выражение в его концепции французской государственности и роли в ее становлении германцев в лице франков. Потому-то галлы ничего не имели против сосуществования на одной территории с германскими племенами: «Ничего нет удивительного в том, что когда полчища германцев начали вторгаться в Галлию, то галлы были далеки от того, чтобы сдерживать это нашествие, но активно поддерживали его»².

Хотя исторические франки поселились на территории Галлии как федераты с санкции властей империи и охраняли ее от вторжений, Отман доказывает, что племя прибыло, во-первых, по нижней просьбе коренного населения (галлов), а во-вторых, с целью уничтожения римского владычества и тирании; «наши предки поистине являлись франками, а значит, подлинными стражами свободы; они не подчинялись по своей воле власти какого-либо тирана или палача, который мог бы относиться к своим гражданам так, как если бы они являлись скотом. Напротив, они ненавидели всякую тиранию и в особенности господство любого тирана по турецкому образцу»³.

Политический смысл новой мифологии сомнений не вызывал — предельно тенденциозная трактовка истории прошлого призвана была служить конкретным политическим задачам.

Обращаясь же к прошлому Франции, Отман утверждает, что галлы и франки развивались в теснейшем контакте, обусловленном этнической близостью и одинаковым пониманием проблемы свободы и прав народа. Он настаивал на принадлежности франков к германским народам и на формировании франкской народности вследствие борьбы с Римской империей.

Он подчеркивает синтезный характер этногенеза французов и огромную роль в этом процессе германского начала: «После основания королевства Франкогаллии образовалась единая народность из двух, как если бы этот народ был дважды рожденным, а в результате их взаимопроникновения возник единый язык, а также сплавились единые установления, учреждения и обычаи»⁴. Из этого вытекает весьма актуальный вывод о том, что французы как прямые наследники франков и галлов должны также сопротивляться тирании и любить свободу.

¹ *Hotman F. Francogallia*. Cambridge, 1975. P. 198.

² *Ibid.* P. 180.

³ *Ibid.* P. 342.

⁴ *Ibid.* P. 284.

Споры вокруг этой концепции привели к тому, что усиливается внимание и к современному немецкому этносу. В марте 1574 г. в Париже был издан памфлет близкого ко двору Екатерины Медичи адвоката, юриста А. Матареля «Ответ на “Франкогаллию” Ф. Отмана». В нем автор попытался опровергнуть такие важные положения «Франкогаллии», как германское происхождение франков, существование выборной монархии у франков на раннем этапе их истории, значение Салического закона. На что Отман заявлял: «Многие ответят тебе, что для всего французского королевства было гораздо больше пользы от гордых германцев, чем от италогаллов». Стремясь отстоять истинность своих тезисов, Отман не останавливается перед использованием недоказуемых и даже неверных положений. Примером является тезис, что галлы — также германцы, во всяком случае, по мнению Отмана, «галлы во времена Цезаря были единственными, кто разговаривал на германском языке».

В защиту Матареля (а, главным образом, королевы Екатерины) против концепции Отмана вскоре выступает молодой, но уже известный гуманист П. Массон, опубликовавший очередной памфлет, аналогичный по содержанию (вероятно, он был соавтором Матареля), но гораздо более грубый и резкий по сравнению с первым. Отман ответил памфлетом «Ушной шприц для Папира Массона» (август 1575 г.), где продолжил начатую в предшествующем сочинении литературную и политическую борьбу. Новой была лишь постановка вопроса о соотношении германских, кельтских и романских традиций и элементов в процессе становления законов, порядков и обычаев французского народа и государства. Речь идет уже не столько о противопоставлении древних германцев римлянам или о выяснении вопроса, от кого произошли французы, а о роли и значении для Европы и Франции современных Германии и Италии.

Оценки Отмана во многом были определены высказываниями Массона в адрес немцев и итальянцев. Он осуждает некорректное отношение к немцам, «доводы бешеной ярости», то, что Массон именует современных немцев «пьяницами», а их родину — «свиным хлебом»¹. Он напоминает о традиционном союзе Франции с немецкими князьями против Габсбургов, противопоставление итальянцев немцам он проводит по конфессиональным различиям. Антинемецкие высказывания Массона он связывает с

¹ *Hotman F. Strigilis Papiri Massoni sive Remediale charitativum contra rabiosam frenesim Papirii Massoni Iesuitae escucullati: per Mathagonidem de Mathagonibus baccalaureum formatum in jure canonico et in medicinae si voluisset. S.l., 1578. P. 32.*

распространением в Германии Реформации и отвечает от имени немцев крайне резким выпадом в адрес римского папы. Различия между немцами и итальянцами он проводит и по политическому принципу, доказывая, что немцы унаследовали свободолюбивые традиции древних германцев, а проявлением их считает склонность к Реформации и борьбу князей против центральной власти. В связи с этим он ставит вопрос и о личной свободе; для него особый интерес представляет выяснение условий, при которых «человек переходит от свободного состояния к рабскому».

В центре внимания при этом оказывались древнейшие факты национального прошлого, поскольку приобрела особое значение проблема сочетания галльского и германского начал, и автор последовательно проводит идею синтеза кельтов и германцев, подчеркивая в то же время роль германских племен, в частности франков, в истории Франции.

В силу этого Отман обращается и к проблеме конституирования государственных учреждений Священной Римской империи, которую он по сути отождествляет с Германией. Так, он полагал, что империя воплощает в себе идеал смешанного государства, поскольку «германцы проявили подобную же мудрость при создании Германской империи, где император представляет монархию, князя — аристократию, а посланцы городов — демократическое начало»¹. С германскими обычаями он связывает и принцип верховной власти сословий (что вообще уже никак не доказывается). Но Отман при этом непреклонен: любые решения на благо народа могут быть введены только его мифическим собранием сословий: «И все, что имеет отношение к благу всего германского государства, может быть учреждено, постановлено и введено на вечные времена лишь в том случае, когда это утверждено на собрании трех сословий».

Таким образом, обращение к проблемам германистики во французской общественной мысли в целом было связано по преимуществу с историей расселения германских племен в Европе и роли этих племен в формировании французского народа. Теоретики протестантов в большей мере обращались к истории древних германцев и средневековой Германии, поскольку усматривали в германских порядках воплощение политического идеала, выдвинутого ими, и особое место уделяют синтезу этносов, подчеркивая всеобщую любовь германцев (немцев) к свободе.

¹ *Hotman F. Francogallia*. Cambridge, 1975. P. 342.

О.Ф. Кудрявцев

Свод знаний о русских землях середины XVI в.: «Всеобщая космография» Себастьяна Мюнстера

Себастьян Мюнстер как автор, сообщавший о русских землях, неоригинален, хотя, несомненно, интересен и важен. Широко заимствуя из чужих трудов, он попытался свести в одно целое все заслуживающие внимания, с его точки зрения, сведения как о Польско-Литовской, так и о Московской Руси. Именно его энциклопедический труд по земледелию — «Всеобщая космография» — позволяет увидеть, что мог знать об этой стране даже не высокообразованный (непременно владеющий латынью), а просто грамотный европеец середины XVI в., умеющий читать лишь на своем родном языке.

1. Себастьян Мюнстер: жизнь и труды

Имя Себастьяна Мюнстера прославлено выдающимся вкладом в ренессансную ориенталистику и науку о земле. Родился Мюнстер в 1489 г. в Ингельгейме¹. Обучался богословию в университете Гейдельберга, в 1505 г. вступил во францисканский орден. В 1509 г. в монастыре Руффлах познакомился с Конрадом Пелликаном, который — в соответствии с новыми требованиями гуманистической образованности — приобщил его к занятиям древнегреческим и древнееврейским языками, а также математикой и космографией. В 1511 г. вместе с Пелликаном Мюнстер переехал в Базель; в 1514 г. он в Тюбингене, где под руководством Иоганна Штеффлера изучал математику, астрономию, искусство картографии и изготовления астрономических и геодезических приборов (глобусов).

¹ Основные биографические сведения см.: *Geiger L. Geschichte des Studiums der hebräischen Sprache in Deutschland.* Breslau, 1870. S. 74–88; *Hantzsch V. Sebastian Münster, Leben, Werk und Bedeutung.* Lipsia, 1898; *Burmeister K. H. Sebastian Münster. Versuch eines biographischen Gesamtbildes.* Basel; Stuttgart, 1963; *Burmeister K. H. Neue Forschungen zu Sebastian Münster.* Ingelheim, 1971.

астролябий, солнечных часов). В Тюбингене Мюнстер продолжал занятия древнееврейским языком, для преподавания которого в 1524 г. он был приглашен в Гейдельберг, а затем, в 1528 г., в Базель, где оставался до своей смерти. В конце 1520-х годов, во время пребывания в Вормсе, Мюнстер завязал отношения с Лютером и принял сторону Реформации.

После смерти Рейхлина Мюнстер пользовался славой лучшего гебраиста Германии. В 1525 г. он опубликовал «Еврейскую грамматику» Ильи Левита Германца. Первым из немецких ученых Мюнстер в 1534–1535 гг. в Базеле осуществил издание еврейского текста Библии с латинским переводом и примечаниями, ставшее значительным событием в культурной жизни эпохи. Продолжая традиции гуманистической ориенталистики, заложенные еще Джованни Пико делла Мирандолой, Мюнстер занимался изучением также и халдейского языка, руководство по грамматике которого он опубликовал в 1527 г.

Одновременно Мюнстер печатал труды по земледелию и картографии. В 1538 г. он опубликовал сочинения античных космографов Солина и Помпония Мелы, в 1540 г. — «Географию» Птолемея. Мюнстер изготовил более 140 карт, составил, опираясь на разные источники, «Описание Германии и других регионов» (1530), «Новый свет» (*Novus orbis*, 1532), «Карту Европы» (1536), «Ретию» (*Rhaetia*, 1538). Однако громкую славу немецкого Страбона Мюнстер приобрел благодаря «Всеобщей космографии», фундаментальному труду, выпущенному в свет на немецком языке в 1544 г.¹, над которой работал восемнадцать лет.

2. «Описание Германии и других регионов» и «Карта Европы»: данные о русских землях

I

В 1530 г. Мюнстер опубликовал в Базеле небольшое сочинение по космографии (объемом в семьдесят семь страниц), озаглавленное «Описание Германии и других регионов, простирающихся вплоть до Константинопольской империи» и посвященное немецкому гуманисту Конраду Пейтингеру. Содержит оно, как пояснено в развернутом названии, выдержки, извлеченные из трудов историков и космографов, для уразумения карты Николая

¹ *Münster S. Cosmographia oder Beschreibung aller Lender. Basel, 1544.*

Кузанского¹. Есть в нем и материал о русских землях. Как и в последующей «Всеобщей космографии», он размещен в трех разделах — о Литве, Руси и Московии.

Следуя за Матвеем Меховским, Мюнстер, как и в своем основном труде, будет утверждать в разделе о Литве, что князь Литовский Витовт (*dux Vitoldus*) присоединил к своим владениям княжества Псковское, Новгородское и Смоленское, и что Новгород и поныне (*hodie*) находится в составе Литвы, хотя ни Новгород, ни Псков не имели статуса княжеств и никогда не принадлежали литовскому государству. Впрочем, тут же добавлено, что город этот, Новгород, который, оказывается, немногим больше Рима (*paulo amplior Roma*), в 1479 г. захватил Иоанн Московский (*Ioannes Moscouita*) и вывез оттуда в качестве добычи триста возов золота, серебра, камней и других драгоценных товаров².

Раздел о Руси, как и о Московии, — это цитирование или пересказ Матвея Меховского. Русь, или Рутения, она же Подолия, по Мюнстеру, некогда будто бы именовалась Роксоланией. Страна чрезвычайно плодородная: три года подряд земля родит оттого, что в ходе снятия урожая часть зерна просыпалась. Там такое обилие пчел, что мед они откладывают не только в ульях и в дуплах деревьев, но также в расселинах скал и в земляных пещерах. У Танаиса (=Дона) и Меотийских болот (=Азовского моря) растут пахучий тростник и ревень, а также травы и корни, не встречающиеся в других местах. На Руси, правда, нет вина, но его доставляют из других мест — Венгрии, Молдавии, Валахии. Одна часть Руси простирается до Сарматских (=Карпатских) гор, ею владеет польская знать (*Poloniae nobiles*) (при этом не уточнено, что другой частью Руси, или ее западными землями, обладают литовские князья), и столицей *этой* — именно этой, а не всей — Руси является «преславный город Львов». «По словам некоторых (*aiunt*), — сообщает затем Мюнстер, — столицей Великой Руси является город Москва, расположенный на Москве-реке; но это уже царство московитов, королю коих подвластна Русь»³. А далее

¹ Полное название: *Munsterus S. Germaniae atque aliarum regionum, quae ad imperium usque Constantinopolitanum protenduntur, descriptio, per Sebastianum Munsterum ex Historicis atque Cosmographis, pro Tabula Nicolai Cusae intelligenda excerpta*. Basileae, 1530.

² Ibid. P. 37, 38.

³ «Maioris uero Rutheniae metropolim aiunt esse urbem Moscouiam, ad amnem Moscouitam: sed haec regia est Moscouitarum, quorum regi Russia paret» (Ibid. P. 39).

опять, никак не оговаривая переход, Мюнстер ненадолго возвращается к той, другой (Прикарпатской) Руси, где люди, как сказано, держатся разных вер: есть христиане (по Мюнстеру, это католики), армяне, иудеи и греки (то есть православные)¹.

О Московии сказано, опять же вслед за Матвеем Меховским, что это страна обширнейшая, название ее производится от Москвы-реки. Ею правит свой «король», коему подвластны многие могущественные герцогства (=княжества), из них указаны Тверское, Холмское, Рязанское, откуда, уточняет Мюнстер, берут начало истоки реки Танаис, и добавлена некая населенная татарами, послушными «королю» московитов, провинция Розанска², за именем которой легко угадывается Казанское ханство. Ни о какой добыче верховной власти в Москве путем штурма некоего квадратного камня, о чем пойдет речь в космографии, нет и помина. Вскользь замечено, что в Московии говорят на славянском языке (*lingua Sclauonica*).

Подчеркивается, что страна равнинная, лесистая и весьма болотистая, в ней много больших рек, отчего изобилует рыбой и дикими зверями — названы быки, лоси и огромные черные волки. Мюнстер, как и Матвей Меховский, сравнивает ее с Литвой, разве что Московия немного холоднее, ибо расположена севернее. От чрезмерного холода хлеб редко созревает, поэтому его высушивают в снопах в отапливаемых помещениях. Кроме вишен, здесь, по Мюнстеру, нет фруктовых деревьев, зато сверх меры меда и воска. Столица их государства — Москва, называемая также Московия³.

Жители страны, по его словам, привержены греческому обряду; как сторонник Реформации он, по-видимому, не без сочувствия замечает, что они не верят, будто добрые дела живущих облегчают участь душ умерших. В этом вопросе Мюнстер допускает ошибку. Но он безусловно прав, замечая, опять же скорее всего не без сочувствия, что они отвергают чистилище как человеческое измышление⁴. И ссылается при этом на Павла Йовия, который, будучи католиком, в своей книге о московитах, наоборот, пытался убедить в том, что они по вопросу о чистилище будто бы

¹ «In Russia inueniuntur uariae hominum sectae. Nam sunt ibi Christiani, Armeni, Iudaei et Graeci» (*Munsterus S. Germaniae descriptio*. P. 39.)

² «...habetque proprium regem, cui multi subsunt Ducatus potentissimi, nempe Ducatus Tuertzka, Ducatus Chelmski, Ducatus Rzesen, in quo oritur fluuius Tanais, et prouincia Rozanska, quam inhabitant Tartari, parentes tamen regi Moscouitarum» (*Ibid.*).

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.* P. 40.

«не допускают раскола и даже готовы держаться твердо одного и того же мнения с римской церковью»¹.

За Московией, продолжает Мюнстер, находится множество «скифских народов, подвластных королю московитов». Он называет области Пермь, Башкирию, Черемиссу, Югру, откуда вышли венгры, Корелу и Пермскую землю; всех их обитателей московитский государь держит в христианской вере. Другие же, более северные народы, упорствуют в своих заблуждениях, поклоняясь солнцу, звездам, зверям и всему что попало. Далее показано, что жизнь их мало похожа на человеческую, они не пахут, не сеют, не жнут, не употребляют хлеба, не знают денег, укрываются в хижинах, расположенных в густых лесах, одеваются в шкуры животных и сами, как подчеркнуто, «немногим разумней диких зверей» (*brutis animalibus non multo prudentiores*). Находящиеся ближе к морю корелы и югры питаются рыбой и морской живностью. «Если есть желание познакомиться обстоятельнее с этими народами и их нравами, обращай к [сочинению] поляка Матвея из Михова», — заключает свое повествование Мюнстер, хотя основное содержание соответствующего отрывка из работы своего предшественника он добросовестно передал.

II

Следующий космографический труд Мюнстера «Карта Европы», вышедший в 1536 г. во Франкфурте-на-Майне на немецком языке, дает сокращенный и в некоторых деталях отличный от предыдущего сочинения вариант разделов о Восточной Европе, причем часть, посвященная Московии, расположена прежде материала о Руси.

В описании Московии Мюнстер смешивает без разбора самые разные характеристики, сообщая, что простирается она на четырехста миль (по-видимому, немецких) в длину и столько же — в ширину, имеет множество княжеств и провинций (*vil Fürstenthumb unnd Prouintzen*), богата серебром, равнинна, но лесиста и болотиста, в ней много рек и озер, изобилие рыбы и диких животных. Далее он пишет о наличии в ней множества замечательных герцогств (*vil herrlicher hertzogthumb*) (хотя чуть раньше шла речь о

¹ *Jovius P. Libellus de legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII Pontificem Maximum* // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. Сост., автор вводных статей, примечаний, указателей О.Ф. Кудрявцев. М., 1997 (с. 227—289). С. 166 (в скобках указана стр. русского перевода, выполненного А.И. Малеиным и О.Ф. Кудрявцевым — с. 200).

княжествах), из которых «король» может набрать за два-три дня более двухсот тысяч хорошо вооруженных человек.

Повторяя информацию Матвея Меховского, Мюнстер говорит, что урожай в этих краях вызревает редко из-за быстро наступающих холодов. Из овса и меда с водой готовят здесь очень крепкий напиток (*so ein starcken tranck*), который, будучи подожен, горит; вина же и растительного масла у них нет. Лишь два-три раза в год им разрешено употреблять горячительные напитки, в остальное же время они запрещены под страхом лишения жизни¹.

В делах религии они одного направления с греками (*mit den Griechen ein sect*), их епископ (на самом деле — митрополит) подчиняется константинопольскому патриарху; они почитают Христа, однако не как единосущного Богу. За этими словами, разумеется, самым серьезным образом искажающими веру русских, просматривается их обвинение в приверженности к арианской ереси. Далее сказано у Мюнстера, что сам св. Павел принес им Евангелие, коего велением этого апостола они должны твердо держаться².

Наконец, снова воспроизводя Матвея Меховского, Мюнстер сообщает о том, что в Московии люди продают своих детей и даже самих себя только для того, чтобы иметь в достатке пищу, пусть грубую, ибо они часто вынуждены страдать от великого голода³.

Раздел о Руси в «Карте Европы» невелик; он лишь частично основывается на писании Матвея Меховского и заметно отличается от того, что сообщает о ней Мюнстер в других своих космографических трудах.

«Русь Подолия, или Рутения, она же Русская земля, делится на три части, а именно: Нижнюю, Верхнюю и Белую Русь»⁴. Где эти части располагаются, Мюнстер не уточняет, но дает общие очертания Русской земли. С одной стороны она простирается до Польши, с севера она охватывается некоей рекой, в латин-

¹ *Munsterus S. Mappa Europae*, eygentlich fürgebildet, ausgelegt und beschreibenn. Frankfuhr, 1536. Sig. Dir. Cp.: *Mathias de Miechow. Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis*. II.II.1 // Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / [Подготовка латинского текста,] введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. М.; Л., 1936. С. 190, 191 (в скобках дается стр. русского перевода — с. 114).

² *Munsterus S. Mappa Europae*. Sig. Dir.

³ *Ibid.*; *Mathias de Miechow. Op. cit.* II.II.3. С. 188 (с. 112).

⁴ «*Rusia Podolia odder Ruthenia das ist Reussenn, wirt in drey ländel, Nemlich in das under, ober unnd Weiss Reussenn land getheilt...*» (*Munsterus S. Mappa Europae*. Sig. Dir).

ской транскрипции обозначенной как *Reuse*¹, на востоке граничит с Московией, к западу от нее располагаются Пруссия и Лифляндия, называемые двумя самыми отдаленными (*eussersten*) землями Германии².

Далее, пересказывая Матвея Меховского, Мюнстер характеризует Русь как страну с очень плодородной землей: стоит поле один раз удобрить, оно затем три года само плодоносит. А трава за короткое время вырастает выше человеческого роста. Там огромное множество пчел, обитающих во всех трещинах и расселинах скал, откуда привозят наилучший мед и большие круги воска. Находится там также очень хороший мел³.

Русских он называет могущественным народом (*ein mechtig volck*): они быстро могут собрать войско в сто двадцать тысяч всадников, которые состоят на денежном довольствии. Русские больше предпочитают воевать верхом, нежели пешими⁴. Непонятно, откуда Мюнстер взял такую цифру войска, но она явно и многократно преувеличена. Еще непонятней, *кто*, какой монарх, по Мюнстеру, мог призвать под свои знамена всех этих ратников? Особенно если иметь в виду, что территории, именуемые у Мюнстера Русью, в то время частью входили в состав Короны Польской, частью — Великого княжества Литовского.

В конце Мюнстер сообщает немного о нравах русских. В серьги, висящие у них в ушах, вставлены жемчужины и драгоценные камни — знак благосостояния и великолепия. И еще — это неуме-

¹ Попытки отождествить указанное в тексте название с какой-то из известных рек не дают результата. Это не может быть Западная Двина, потому что течет она из Лифляндии, т.е. с запада, не может быть и Волга, которая протекает по Московии, граничащей с Русью на востоке. Не может быть и Днепр, ибо его русло вытянуто с севера на юг и не годится, чтобы быть северной границей того, что Мюнстер называет Русью. Другие реки — Западный Буг, Неман — еще меньше подходят на эту роль. Источник, из которого Мюнстер заимствовал сведения, тоже не проливает свет; это — сочинение Иоганна Бёма, цитируемое Мюнстером близко к оригиналу. См.: *Boëmus I. Omnium gentium mores, leges et ritus ex multis clarissimis rerum scriptoribus... collecti et novissime recogniti. Lib. III. Cap. 6. Friburgi Brisgoiae, 1550 (1-е изд. — 1520, Аугсбург). P. 174.*

² *Munsterus S. Mappa Evropeae. Sig. Dir.*

³ *Ibid. Sig. Dir-v.*

⁴ *Ibid. Sig. Div.* В оригинале пропущено слово «тысяч» — «sie behend с. unnd 20. reysiger vermögen», — ибо собрать *быстро* (*behend*) всего лишь сто двадцать всадников никакого труда не составляет и нет смысла уточнять, что делается это быстро. В других трудах Мюнстера ратники восточнославянских стран исчисляются сотнями тысяч.

ренно предающийся пьянству народ¹. Если обвинения в приверженности к хмельным напиткам понятны и оправданны, то вот такой способ демонстрации богатства и благородства у русских, как драгоценные камни в ушах, вызывает недоумение, если только речь не идет о женщинах знатного рода.

3. Что́ есть космография.

Прологомены ко «Всеобщей космографии»:

краткие заметки Мюнстера в издании «Географии»

Птолемея 1540 г. Сведения о Руси и Московии

I

Уже в первом наброске своей космографии, предпосланном изданию «Географии» Птолемея, Мюнстер поясняет, в чем ее особенность и отличие от географии, на ниве которой много потрудились древние. Итак, география — это описание земли и того, что на ней находится, — гор, морей, рек, различных регионов мира и всего дивного, созданного природой в разных местах. Космография же к этому добавляет небесные расчеты (*coeli rationes*), благодаря которым устанавливаются широта и долгота местности, длина ночи и дня, высота звезд, расстояния между географическими пунктами, природа и положение стихий. Таким образом, оказывается, что благодаря космографии география доводится до совершенства (*per cosmographiam geographiam absoluemus*)².

Что касается задуманного труда, то, предупреждает Мюнстер, имея в виду огромность мира, объяснение всех его регионов не по силам какому-нибудь одному уму, а это делает необходимым обращение к трудам многих достойных доверия авторов³. Так обосновывает Мюнстер компилятивный характер создаваемой им универсальной энциклопедии по всеобщему землеописанию.

¹ Sig. Div. Во «Всеобщей космографии» будет уточнено, что драгоценности в ушах носят женщины, мужчины же — только в молодости. См. ниже: § 7. С. 320.

² *Munsterus S. Appendix geographica // Ptolemaeus Cl. Geographia / Ed. S. Munsterus. Basileae, 1540 (Facsimile: Amsterdam, 1966) (P. 157–195). P. 158AB.*

³ *Ibid.* P. 159A.

II

К выпуску «Всеобщей космографии» Мюнстер готовился основательно, долгие годы собирал к ней материалы, систематизировал их и располагал по соответствующим разделам, которые затем были воспроизведены в его главном сочинении. Подготовительные этапы этой работы отражены в «Описании Германии и других регионов», «Карте Европы» и особенно в небольшом космографическом обзоре, опубликованном в приложении к изданной Мюнстером в Базеле в 1540 г. «Географии» Клавдия Птолемея¹. Уже в нем все сведения, изложенные чрезвычайно кратко и преимущественно заимствованные из писаний предшественников, были сгруппированы по регионам, странам и достойным особого внимания областям. Предварял этот конспект будущей космографии большой ряд карт разных частей и стран мира, снабженных инскрипциями. В определенном смысле выпущенное Мюнстером в 1540 г. лаконичное пособие по землеведению может рассматриваться как приуготовление, своего рода *пролегомены* к его поистине «Всеобщей космографии».

Это же касается и сведений о Руси и Московии.

III

Как и в космографии Мюнстера, материал о Восточной Европе содержится в трех разделах, посвященных Литве, Руси и Московии. Отличие, пожалуй, только в том, что глава о Руси, сравнительно с его космографией, идет не до, а после раздела о Московии — так же, как это сделано в «Описании Германии и других регионов». Отрывки об этих странах представляют собой дословное заимствование или близкий к оригиналу пересказ, хотя и несколько сокращенный, соответствующих разделов «Описания Германии и других регионов». Пожалуй, единственным важным дополнением является небольшой фрагмент о Москве, отсутствующий в прежних публикациях. В нем сказано, что Москва вдвое больше Праги Чешской; как в других городах страны, постройки в ней из дерева, многочисленные, беспорядочно расположенные улицы прерываются большими пустырями².

В сравнении с ранее изданными трудами Мюнстера материал о Руси и Московии его «Всеобщей космографии» выглядит существенно большим и основательным.

¹ После 1540 г. «География» Птолемея издавалась еще три раза; последний — в 1552 г. См.: Skelton R.A. Bibliographical note // Ptolemaeus Cl. Geographia / Ed. S. Munsterus. Basileae, 1540 (Facsimile: Amsterdam, 1966) (P. V—XXXIII). P. XIV, XV.

² Munsterus S. Appendix geographica. P. 178A.

4. «Всеобщая космография», ее структура, содержание, издания, источники сведений о Руси

«Всеобщая космография» состоит из шести книг: в первой рассмотрены вопросы общего характера, вторая содержит описание Западной Европы и Италии, третья — германских земель, четвертая — Северной и Восточной Европы, пятая — Азии (в ней же помещены известия о Новом Свете), шестая — Африки. В этом труде Мюнстер собрал и свел воедино сведения, полученные из разных доступных ему литературных источников, а также устные донесения, сообщенные ему представителями светской и духовной власти, землепроходцами, людьми науки и искусства. Для своего времени «Всеобщая космография» явилась замечательной систематически сделанной выборкой данных по географии, экономике, истории, этнографии, растительному и животному миру всех известных областей земли и стала поэтому образцом для последующих составителей космографий¹. Она отличалась общедоступным, впрочем, не особенно критическим, изложением, представляла интерес не только для образованного, но и простого читателя любой конфессии, много внимания уделяя чудесным, даже фантастическим явлениям (представленным как разного рода физические и физиологические аномалии), забавным анекдотам, занимательным историям. Помимо карт, расположенных как в тексте, так и на отдельных вклеенных листах, в ней были портреты правителей, гербы государств и множество других изображений, которые давали наглядное представление о разных народах и условиях их существования, о наиболее замечательных свойствах природы.

«Всеобщая космография» имела редкий успех у читателей. Ее ближайшие переиздания на языке оригинала состоялись в 1545, 1546, 1548, 1550 гг. В 1550 г. вышла ее первая публикация на латинском языке с многочисленными дополнениями и исправлениями². Все изменения текста, содержащиеся в последующих

¹ Из общих работ о «Всеобщей космографии» Мюнстера см.: *Strauss G. A sixteenth-century encyclopedia: Sebastian Münster's Cosmography and its editions // From the Renaissance to the Counter-Reformation. Essays in honor of Garratt Mattingly / Ed. by Ch. H. Carter. New York, 1965. P. 145—163.* Об истории создания «Всеобщей космографии» см.: *Burmeister K. H. Sebastian Münster: Versuch eines biographischen Gesamtbildes. S. 118—121.*

² *Münsterus S. Cosmographiae universalis lib. VI. Basileae, 1550.*

изданиях, принадлежат не автору. В 1552 г. состоялось первое ее издание на французском языке, в 1558 г. — на итальянском; известны также переводы XVI в. на чешский и английский языки¹. До 1650 г. насчитывается, по меньшей мере, сорок шесть изданий этого произведения.

Следуя польским авторам, прежде всего Матвеем Меховскому, Мюнстер отличал Русь от Московии, помещая сведения о них в разделе «О Польше» сразу за описанием Литвы и Самогитии². Подобно другим ренессансным сочинителям, воспитанным на трудах античных географов и историков, Мюнстер старался соотносить современные ему названия народов и областей с теми, которые были известны в древности. Судя по тому, что, повествуя о Московии, Мюнстер ссылаясь на труд Антона Вида, посвященная ей часть была создана (или по крайней мере закончена) в начале 40-х годов³. Оба отрывка о Руси и Московии представляют собой в полном смысле слова компиляции материала, заимствованного из сочинений писателей эпохи Возрождения. Преимущественно Мюнстер опирался на многократно публиковавшиеся трактаты Матвея Меховского и Павла Йовия, приводил, кроме того, сведения из трудов Энея Сильвия Пикколомини, Волатерана, Иоганна Бёма (Боземия). Альберта Кампенского, Антона Вида, упоминал также сообщения Сигизмунда Герберштейна, Дмитрия Герасимова и Ивана Ляцкого⁴. С полученным материалом Мюнстер обходился, случалось, очень вольно, не проверяя его, целиком полагаясь на свои источники, которые могли давать противоречивую, недостоверную информацию. Так, он приписал москвитам способ избрания правителей, которым его предшественник, Эней Сильвий

¹ См. в связи с этим: *Burmeister K. H. Sebastian Münster: Versuch eines biographischen Gesamtbildes. S. 182–185.*

² Стоит указать публикации отрывков о Восточной Европе из первого французского издания «Всеобщей космографии» (1552), а также из первого латинского ее издания (1550) вместе с переводом на русский язык: *Munster S. Brieue description de la Pologne, Lithuanie, Samogetie, Russie et Moscouie / Par S. Munster. Paris, 1872; Munsterus S. Cosmographia universalis. III (Мюнстер С. Всеобщая космография / Перевод И.И. Варьяш) // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 321–341.*

³ Датировку раздела о Московии 30-ми годами XVI в., и даже 1534 г. (см.: *Замысловский Е.Е. Описание Литвы, Самогитии, России и Московии Себастиана Мюнстера (XVI века) // Журнал министерства народного просвещения. 1880. Т. 211. № 9 (с. 66–123). С. 76), нужно признать неубедительной.*

⁴ Подробный источниковедческий анализ указанных частей «Всеобщей космографии» см.: *Замысловский Е.Е. Указ. соч.*

Пикколомини, характеризовал новгородцев. Он дважды сообщал и о наличии серебра в Московии, и об отношении ее жителей к хмельным напиткам, и в обоих случаях утверждения одних авторов опровергали сведения других. Он поместил карту Московии (как видно, не собственного изготовления), на которой изображение Волги не совпадало с его описанием в тексте. Вместе с тем некоторые известия Мюнстера, в частности об Антоне Виде, Иване Ляцком и Герберштейне, при всей их краткости, заслуживают внимания историков, а разделы о Руси и Московии в целом представляют интерес потому, что дают обзор самых распространенных на Западе сведений о Восточной Европе.

5. Русь в узком понимании, или Русские земли Короны Польской

Русские земли описываются в трех разделах «Всеобщей космографии» Мюнстера, один озаглавлен «О некоторых городах Литвы», другой — «Русь», третий — «Московия». Объяснение, что такое Русь, у Мюнстера, почти дословно повторяющего Иоганна Бёма, выглядит неточно и невразумительно: «Русь, именуемая Рутенией и Подолией, [Русью] Белой Верхней и Нижней, является частью Польского королевства, некогда называемой и Роксоланией, на востоке граничит с Москвой...»¹ Рутения обычно — это другое латинское название той же Руси, а не какая-то ее часть; кроме основной территории Подолии Короне Польской из русских земель принадлежала также Галиция. Остальные западнорусские земли входили в состав Великого княжества Литовского, но об этом Мюнстер прямо не говорит. Уточнение Мюнстера о том, что Русь именовалась также «Белой Верхней и Нижней», и что на востоке она граничит с Москвой, еще больше запутывает читателя, ибо немногим ниже в том же разделе он напишет, что Белая Русь «подвластна государю московитов»². Опять же деление Руси на Верхнюю и Нижнюю должно относиться не к русским землям в составе

¹ *Munsterus S. Cosmographia universalis. IIII. C. 321* (здесь и далее указывается в скобках стр. русского перевода И.И. Варьяш — с. 331). См. французскую редакцию текста: «Russie, qui est aussi appelée Ruthénie et Podolie, l'Albe la haute et la basse...» (*Munster S. La cosmographie universelle. IIII. Basel, 1568* (1-е изд. — 1552). P. 1089). Ср.: *Boëmus I. Op. cit. Lib. III. Cap. 6. P. 173, 174.*

² *Munsterus S. Cosmographia universalis. IIII. C. 322* (с. 332).

Короны Польской, а ко всей территории этой страны так, что ее юго-запад (Галиция и Волынь) обычно обозначался Нижней Русью, северо-восток же, прежде всего Московское государство, — Верхней¹.

Весь материал о Руси дальше — почти дословный, хотя и со значительными пропусками и совсем маленькими дополнениями, пересказ соответствующего раздела в сочинении Матвея Меховского². Сказано, как и у польского космографа, что Русь — это страна с плодороднейшей землей, преизобильной зерном и медом. Даже при грубой обработке почвы она плодоносит три года сама за счет утеряннного во время жатвы зерна; трава растет быстро и густо, за три дня становясь будто бы выше сажени; пчел такое множество, что мед собирают не только в ульях и дуплах деревьев, но и в углублениях скал и земли. «Там производят лучший из медов и те огромные круги меда, — свидетельствует Мюнстер, — которые довозят даже до нас». Русские не трудятся разводить рыбу, ибо она сама у них появляется и умножается под влиянием неба (*ex coeli influentia*). Соль добывают в Качибейском озере, из-за которого у них случаются частые войны с татарами; там же изобилие мела. У Танаиса (=Дона) и Меотийского болота (=Азовского моря), «где находится Белая Русь, подвластная государю московитов», — добавляет уточнение Мюнстер, земля богата ароматическим тростником, ревенем и многими травами и кореньями, в других местах не встречающимися.

В центре страны Львовская земля, в ней город, обычно называемый Лембургом (=Львовом, *Lemberg* [*sic!*]), он хорошо укреплен. имеет два замка — верхний и нижний; это — столица Руси, повторяет Мюнстер за Матвеем Меховским. Затем, вслед за немецким, дает название Львова по-латыни — *Leopolis* и, опираясь, похоже, на собственные догадки, добавляет, что оно «происходит от [имени] императора Льва в память победы, одержанной над жителями этой страны». Непонятно, о каком императоре Льве идет речь и что за победу он одержал в русских землях; русская же Ипатьевская летопись впервые упоминает Львов под 1256 г.; основан он был князем Даниилом Романовичем и получил свое название в честь его старшего сына Льва. Мюнстер подчеркивает торговое значение Львова, в который приезжают множество купцов из Турции и христианских стран.

¹ *Contarini A. Viaggio in Persia. 1, 2 // Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 188 (с. 210, 211).*

² *Munsterus S. Cosmographia universalis. III. С. 322 (с. 331, 332); Mathias de Miechow. Op. cit. С. 172–175 (с. 94–97).*

Возвращаясь к теме, чем изобилует Русь, Мюнстер замечает, что пива в ней вдоволь. Но вот вино импортируется из Венгрии и Молдавии. Кроме того, вслед за Матвеем Меховским он пишет, что русская страна богата скотом — конями, быками, стадами овец, а также мехами куниц и лис.

Почти не характеризуя ни в этническом, ни в вероисповедном отношении основное население Руси, Мюнстер вкратце говорит о двух меньшинствах. Как и Матвей Меховский, он сообщает о наличии в стране значительного количества иудеев, которые ввиду того что им запрещено заниматься ростовщичеством живут земледелием, торговлей, сбором налогов и податей; сообщает также, что в городах Каменце и Львове много армян, опытных купцов, которые ведут торговые дела с Каффой, Константинополем, Александрией, Каиром и индийскими землями. О рутенах (=русских) лишь замечено, что у них свой алфавит, близкий к греческому; у евреев тоже свое письмо, и добавлено, что они занимаются свободными искусствами, астрономией, медициной. Об армянах едва ли больше: у них свой церковный обряд и свое письмо, они особо почитают апостолов Фаддея и Варфоломея, обративших их ко Христу. Далее, сокращая и искажая информацию Матвея Меховского, Мюнстер пишет об архиепископской кафедре во Львове, но забывает уточнить, что речь идет о католическом иерархе, коему будто бы подчинены не только литовцы, но и руссы, а «некогда и киевское архиепископство, имеющее под своей властью греческие церкви Молдавии и Валахии вплоть до Дуная». Однако русские в огромном своем большинстве держались православного исповедания и не могли признавать над собой церковной власти католического прелата так же, как и киевская митрополия, даже состоя в унии с католической церковью, не была подчинена львовскому архиепископу.

6. Русские земли в составе Великого княжества Литовского

К литовским владениям в разделе «О некоторых городах Литвы» Мюнстер, повторяя Матвея Меховского, относит и те русские города, которые под литовской властью никогда не находились или уже отошли к Москве. Первым он называет Новгород (по-латыни: *Nugardia*), захваченный будто бы Витовтом, немного превышающий размерами Рим. В Новгород съезжаются для торговли немецкие купцы, здесь покупают и продают дорогие меха, серебро и другие ценные товары, при этом используют серебро без клей-

ма. В 1479 г. этот город захватил Иван, князь Московский, вывезя оттуда триста возов, наполненных золотом, серебром и драгоценностями.

Следующим назван Псков как город знатный (*urbs nobilis*), немногим меньший Новгорода, пограничный с Московией и Литвой; его жители по языку и обычаям — русские, бороды они не бреют, волос не стригут. Далее к востоку (на деле — к югу) находится замок и город Полоцк, относящийся к княжеству Смоленскому. За ним на восток — замок и город Смоленск, сооруженный из дуба и защищенный широкими рвами; имеет же смоленская земля в длину шестьдесят или семьдесят миль. О том, что Смоленск довольно давно находится под властью Москвы, конечно же не упомянуто. Далее будет уточнено, что в русских городах Великого княжества Литовского — Новгороде, Пскове, Полоцке и Смоленске, — так же, как и в областях, населенных рутенами (то есть в русских землях Короны Польской), держатся греческого обряда (*ritum observant Graecorum*). Мюнстер упоминает несколько рек, берущих начало в литовских или московских владениях. Среди прочих — Борисфен, «теперь именуемый Днепр», который рождается у Смоленска на водянистой равнине, в болотах и лесах, проходит через Киев и достигает Понта (=Черного моря), а также Двину, истоки которой в Московии. протекает она через Литву и возле Риги впадает в море.

Большое внимание Мюнстер уделяет «прескверному застольному обычаю» (*pessimam in conviviando consuetudinem*) литовцев. Впрочем, общему почти всем северным народам. Пересказывая Матвея Меховского, Мюнстер пишет, что знатные люди начинают пировать с полудня и до середины ночи непрерывно наполняют себя пищей и питьем, встают из-за стола, когда велит природа, чтобы облегчиться, а затем снова наедаются до рвоты и потери рассудка. Особенно этот губительный обычай (*abusus*) характерен для Литвы и Московии, но гораздо больше распространен он в Татарии.

В этих же трех странах принят еще один, несомненно дикий. в глазах европейцев, обычай — продажи людей (*consuetudo uenditionis hominum*). Рабы продаются хозяевами, цитирует Мюнстер Матвея Меховского, словно скот, их дети и жены; более того, даже бедные, будучи рождены свободными, но не имея пропитания, продают своих сыновей и дочерей, а иногда и самих себя, чтобы получить от господ хоть какую-нибудь, пусть грубую пищу¹.

¹ *Munsterus S. Cosmographia universalis. IIII. Basileae, 1554. P. 908, 909; Ср.: Mathias de Miechow. Op. cit. II.1.3. С. 182—188 (с. 105—112).*

Хотя Мюнстер нигде не употребил, как Матвей Меховский, в отношении литовцев, русских и московитов никакой уничижительной характеристики, тем не менее описанные обычаи, будто бы свойственные только этим народам, сами за себя должны были изобличить их варварские нравы, враждебные человечности и всяким правилам гражданского общежития.

7. Строматы о Московии

В разделе о Московии Мюнстер опирается уже не исключительно и даже не по преимуществу на Матвея Меховского, он комбинирует много разных источников, их информацию снабжая собственными «догадками». Получается пикантная смесь, своего рода «лоскутное одеяло» из данных, выхваченных у известных Мюнстеру авторов, писавших о Московской Руси. В итоге в небольшом тексте не раз встречаются тематические повторы, содержание которых может противоречить ранее сообщенному.

Сказано, что «Московия — обширнейшая страна, царственный град которой называется Москва»; он расположен на Москвереке и имеет четырнадцать тысяч шагов в окружности¹. На связь имени реки с названиями стольного города, страны и народа до Мюнстера указывали Волатеран и Иоганн Фабри². Однако дальнейшую информацию о Москве он заимствует у Матвея Меховского³: город этот в два раза больше Праги, строения его из дерева, между беспорядочно расположенными улицами находятся обширные поля; через город протекает река Москва, посредине него, как сказано, на ровном месте стоит крепость с семнадцатью башнями и тремя бастионами⁴, «настолько красивыми и мощными, — добавлено у Мюнстера, — что подобные едва ли можно еще найти». В крепости (то есть в Кремле) шестнадцать

¹ *Munsterus S. Cosmographia universalis. IIII // Россия в первой половине XVI в. С. 323 (с. 333).*

² *Volaterranus R. Commentariorum Vrbanozum octo et triginta libri. Lib. VII. Basileae, 1544 (первое изд. — 1506 г., Рим). Р. 83v (латинский оригинал и перевод см.: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 208. Прим. 15); Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio // Россия в первой половине XVI в. С. 147 (в скобках стр. русского перевода, выполненного О.Ф. Кудрявцевым, — с. 175).*

³ *Munsterus S. Cosmographia universalis. IIII. С. 324 (с. 334–335). Ср.: Mathias de Miechow. Op. cit. II.II.1. С. 190 (с. 114).*

⁴ *Munsterus S. Cosmographia universalis. IIII. С. 324 (с. 334). Ср. Матвея Меховского, согласно которому три стрельницы (бастиона) входят в число семнадцати башен: Mathias de Miechow. Op. cit. II.II.1. С. 190 (с. 114).*

церквей и три очень больших сооружения, в которых проживает придворная знать (*tres amplissima curiae, in quibus nobiles aulici morantur*). Наконец, там есть дворец, местопребывание князя, построенный на итальянский манер (*Italico more constructum*), он очень красив, но не велик¹.

В описании политических установлений и нравов московитов Мюнстер опирался скорее всего на Иоганна Бёма, хотя схожие сведения сообщались в опубликованных много раньше сочинениях Энея Сильвия Пикколомини, Гартманна Шеделя, а также Рафаэля Волатерана. Но эти три космографа вели речь о порядках Новгорода, тогда как Мюнстер вслед за Бёмом — московитов. В середине московского форума, сказано у Мюнстера, находится квадратный камень и если кто-нибудь на него заберется и этого человека не смогут оттуда низвергнуть, то он приобретает власть над городом. И за это у тамошних жителей часто происходят большие бои и гражданские столкновения. Сообщается дальше информация Бёма о том, что титул короля (*regium nomen*) будто бы ненавистен этому народу (!) и, дескать, поэтому у них охотнее используют имя князя; и тот, кто приобретает у них верховную власть, именуется князем, «шапка у него чуть выше, чем у других знатных. а больше от них ничем не отличается»².

Понятно, что обыкновения эти, неизвестно на каком основании приписанные московитам, трудно назвать *государственными* порядками, они, несомненно, несут на себе печать варварской экзотики, которой, впрочем, отмечена в изложении Мюнстера вся жизнь далекой северной страны. «По отеческому обычаю женщины носят в уш[ах] драгоценные камни и крупные жемчужины; украшения носят, — оказывается, — и мужчины, но только в юности». Женщина, повторно выходящая замуж, по словам

¹ *Munsterus S. Cosmographia universalis. IIII. C. 324 (с. 334, 335). Ср.: Mathias de Miechow. Op. cit. II.II.1. C. 190 (с. 114).*

² *Munsterus S. Cosmographia universalis. IIII. C. 323 (с. 333). Ср.: Pius II [Aenea Sylvius Piccolomineus]. Europa, in qua sui temporis varias historias complectitur // Opera omnia. Basileae, 1571. P. 419; Schedel H. Buch der Croniken / Faksimileausgabe. Leipzig. 1933 (1-е изд. — Nürnberg, 1493). S. CCLXXVIIIv; Volaterranus R. Op.cit. P. 83r (воспроизведение см.: Россия в первой половине XVI в. С. 209. Прим. 15); Boëmus I. Op. cit. Lib. III. Cap. 6. P. 174, 175.*

Е. Замысловский полагает, что Мюнстер в рассказе о способе обретения власти в Москве имел в виду не своих предшественников, писавших о политических нравах новгородцев, но характерный для арийских народов обычай возведения на камень избранного верховного правителя: обряды настолования хорутанских князей, ирландских выборных глав кланов, англосаксонских королей и т.п. (Замысловский Е.Е. Указ. соч. С. 81, 82 и 82, Прим. 1).

Мюнстера, «считается достаточно целомудренной», но развратницей называют ту, которая выходит замуж в третий раз, она «подвергается оскорблению рукоприкладством». Характеризуя в общих чертах нравственный облик московитов, Мюнстер замечает, что «этот народ расположен к Венириным [утехам] и весьма привержен к пьянству: последнее считается похвальным, первое — дозволительным, если не наносит ущерба браку»¹. Правда, немногим ниже в очевидном противоречии с процитированными словами о приверженности московитов к пьянству Мюнстер, ссылаясь на некоторых авторов — имелся в виду, прежде всего, Матвей Меховский, — напишет, что государь страны, дабы люди не предавались пьянству, «запретил под страхом смерти любое хмельное питье, кроме двух или трех раз в год, когда оно разрешается»². Кстати замечено, что в качестве питья московиты используют «воду и мед, пиво и перебродившую жидкость, которую называют квас (Quassetz)»³. Вслед за Матвеем Меховским⁴ Мюнстер делает одно из самых ранних в западной литературе упоминаний о русском национальном напитке, получившем со временем широкую известность, — квасе.

Что касается религии московитов, то Мюнстер указывает на их единство с греками в вероисповедных вопросах, «равно как и в отправлении культа и в почитании небожителей»⁵. В другом месте, коротко пересказывая соответствующий раздел у Павла Йовия, Мюнстер сообщает, что пятьсот лет тому назад московиты поклонялись языческим богам (каким, он не говорит), а в христианство были обращены тогда, когда греки, их наставники, разошлись с латинской церковью. Поэтому в обрядах и верованиях у них есть отличия от католиков. Мюнстер называет три. «Святые дары они готовят из квасного хлеба», — сообщает он вслед за Йовием и добавляет, что, по их убеждению, «никакая набожность родственников или друзей не может помочь душам умерших», — и в этом вопросе вместе со своим информатором

¹ *Munsterus S. Cosmographia universalis. III. C. 323 (с. 333, 334).*

² *Ibid. C. 324 (с. 335).* Ср. у Матвея Меховского (*Mathias de Miechow. Op. cit. II. II. I. C. 190 (с. 114).*). Еще прежде о подобном запрете сообщали Контарини (*Contarini A. Viaggio in Persia. 31. C. 204, 205 (с. 229)*) и Барбаро (*Barbaro I. Viaggio alla Tana. 56 // Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. С. 133 (с. 158).*). См. также на эту тему у Сигизмунда Герберштейна (*Записки о Московии / Перевод А. И. Малеина, А. В. Назаренко. М., 2008. Т. I. С. 292, 293.*).

³ *Munsterus S. Cosmographia universalis. III. C. 324 (с. 335).*

⁴ См.: *Mathias de Miechow. Op. cit. II. II. I. C. 190 (с. 114).*

⁵ *Munsterus S. Cosmographia universalis. III. C. 323 (с. 334).*

ошибается, ибо православная церковь признает, что молитвы живущих за упокой души почившего влияют на ее участь. Конечно, Мюнстер прав, указывая, что в отличие от католиков московиты «признают бесполезным существование чистилища». Наконец, он заключает характеристику религиозных обыкновений жителей Московии рассказом о том, что «они читают с амвона во время богослужения историю жизни Христа и всех чудес Его, а также по[слания] Павла»¹.

Язык московитов, отмечает Мюнстер, — славянский. И тут же добавляет: «Он настолько смешался с другими языками, что славянин и московит друг друга не понимают»². Неизвестно, какие «другие языки», смешавшиеся с московитским, мог иметь Мюнстер в виду, и что позволило ему заключить, будто речь московита непонятна тем, кого он называет славянами, ибо старший его современник и соплеменник Иоганн Фабри сам был свидетелем того, как хорваты и далматы (а именно их чаще всего имели в виду под славянами), никогда не бывавшие в Московии, встретившись с выходцами из нее, вполне могли их разуть, о чем он и поведал в своем трактате о Московии³.

Сведения о географическом местоположении Московии очень неопределенны. Говорится, что простирается она на четыреста миль⁴; имеется в виду, конечно, немецкая миля (равная пяти верстам), как и у Матвея Меховского, хотя у него величина Московии указана несколько большей. В другом же месте сказано, что тянется она, надо думать, от Руси, входящей в состав польско-литовских владений, «до Югры и Корелы, расположенных в Скифии»⁵. Стоит заметить, что Скифия, по Матвею Меховскому, — азиатская часть Сарматии. Таким образом. Московия предстает как в буквальном смысле *евразийская держава*. Состав земель, подвластных Москве, Мюнстер начинает перечислять в том же порядке, что и Матвей Меховский, — княжества Тверское, Холмское, Зубцовское, Клинское, Кубенское. — но не доводит список до конца, завершая словами: «...и другие. каждое из которых в случае войны может выставить много тысяч вооруженных людей»⁶. В другом месте он уточняет, что все эти

¹ *Munsterus S. Cosmographia universalis. III. C. 328 (C. 338, 339). Ср.: Iovius P. Op. cit. C. 246, 247 (c. 278, 279).*

² *Munsterus S. Cosmographia universalis. III. C. 324 (c. 335).*

³ *Fabri I. Op. cit. C. 149, 150 (c. 178—180).*

⁴ *Munsterus S. Cosmographia universalis. III. C. 323 (c. 334).*

⁵ *Ibid. C. 324 (c. 335).*

⁶ *Ibid.*

княжества в случае войны в течение двух-трех дней собирают войско числом более двухсот тысяч человек¹. И сроки мобилизации, и размер московитского войска невероятны, но они согласуются с данными, приводимыми предшественниками Мюнстера, более всего — Иоганном Фабри².

Мюнстер утверждает, что в Московии «чеканные монеты не используются»³. Правда, в другом месте, противореча ранее сказанному, теперь уже вслед за Матвеем Меховским признает, что «ныне у них есть серебряные монеты, не круглые, а четырехугольные, продолговатые»⁴. Следует полагать, что деньги эти производятся из местного металла, поскольку в другом фрагменте, тоже почти дословно и некритически (ибо в нем идет речь о несочетаемых предметах) заимствованного у Матвея Меховского, сказано: страна эта, Московия, «богата серебром и со всех сторон охраняется столь крепкой стражей, что не только чужеземцы, но и местные жители не могут ни въехать, ни выехать без грамоты князя»⁵. Из этого установления логично заключить о деспотическом характере монархической власти у московитов.

Впрочем, подобный тип власти должен восприниматься как естественный для страны, расположенной на *севере*. А о таком ее местонахождении по примеру своих предшественников напоминает и Мюнстер. «Это — равнинная страна, — описывает он физическую географию Московии, — не гористая, покрытая, однако, лесами и, будучи по большей части болотистой, орошаемая многими знаменит[ыми] реками — Окой, Волгой, Двиной, Борисфеном и Днепром, — отчего в изобилии имеет разную рыбу и зверей, как и Литва, от которой отличается не сильно, разве что холодней, ибо севернее. Посему, — полагает он, подобно Матвею

¹ «Multos ducatus habet, quib. ingruente bello plus quam ducenta millia hominum duob. aut tribus diebus contrahuntur» (*Munsterus S. Cosmographia universalis*. III. c. 335).

² *Fabri I.* Op. cit. C. 149 (с. 177). Близкие цифры указаны также: *Mathias de Miechow*. Op. cit. II. II. I. C. 189 (с. 113); *Campensis A.* De Moscovia // Россия в первой половине XVI в. (с. 75–117). С. 81, 82 (с. 102, 103); *Iovius P.* Op. cit. C. 253 (с. 288).

³ *Munsterus S.* *Cosmographia universalis*. III. C. 323 (с. 333). Ср. сходные сообщения западных авторов о новгородской торговле: *Pius II [Aeneas Sylvius Piccolomineus.]* Op. cit. P. 419; *Volaterranus R.* Op. cit. P. 83r (Россия в первой половине XVI в. С. 209. Прим. 15).

⁴ *Munsterus S.* *Cosmographia universalis*. III. C. 324 (с. 335). Ср.: *Mathias de Miechow*. Op. cit. II. II. I. C. 191 (с. 114, 115).

⁵ *Munsterus S.* *Cosmographia universalis*. III. C. 323 (с. 334). *Mathias de Miechow*. Op. cit. II. II. I. C. 191 (с. 115).

Меховскому, — скот в ней мелок и, как правило, без рогов»¹. В перечне рек Мюнстер по недосмотру допустил ошибку, указывая Днепр и Борисфен (*Borystheneque et Dneper*), древнее название того же Днепра, как две разные реки; у Матвея Меховского, у которого заимствовал Мюнстер, сказано недвусмысленно «Днепр, или Борисфен» (*Dinepr seu Boristenes*)².

В другом месте Мюнстер описывает истоки реки Танаис, именуемой москвитами Дон, которая берет начало «в княжестве Рязанском, на равнине бесплодной, илистой, болотистой и лесистой», а впадает, пройдя долгий путь, в Меотийские болота (=Азовское море). Продолжая пересказывать географические изыскания Матвея Меховского, Мюнстер воспроизводит его ошибку, полагая, что Волга, именуемая в древности Ра, а татарами Эдель, принимающая в себя воды Оки и другие притоки, впадает в Евксинское, то есть Черное, море³. Это утверждение Мюнстера выглядит тем более странно, что на карте Московии, помещенной во «Всеобщей космографии» 1544 г. издания, Волга, как и полагается, изображена впадающей в Каспийское море⁴. Опять же, следуя Матвею Меховскому, Мюнстер подчеркивает, что обе эти реки, Танаис и Волга, а также «многие другие реки имеют истоки на равнине», а не в горах, что дает ему повод сделать, как и польский космограф, выпад в адрес «древних космографов», ибо, по его словам, они выдумывали, «будто в этих север[ных] областях находятся большие горы, именуемые Рифейскими и Гиперборейскими, которых, однако, в природе не существует»⁵.

Отдельно сказано о «Двине, величайшей реке севера, которая в летнее определенное время разливами, похожими на нильские, затопляет окрестные поля и, утучняя их наносами, оказывает сопротивление хладу небес». Информацией о ней Мюнстер обязан уже

¹ *Munsterus S. Cosmographia universalis*. IIII. С. 323, 324 (с. 334). Перевод уточнен: «ресогa рага» означает не «мало скота», как в публикации, а «скот мелок». Ср. сходное место у Матвея Меховского: *Mathias de Miechow*. Op. cit. II.II.1. С. 190 (с. 114).

² *Mathias de Miechow*. Op. cit. II.II.1. С. 191 (с. 115).

³ *Munsterus S. Cosmographia universalis*. IIII. С. 324–326 (с. 335, 336). *Mathias de Miechow*. Op. cit. II.II.1. С. 191, 192 (с. 115).

⁴ См. репродукцию карты в изд.: Россия в первой половине XVI в. С. 325. Илл. 13. По мнению Е. Замысловского (указ. соч. С. 103, 111), такое несоответствие между текстом трактата и картой Московии является свидетельством в пользу того, что составлена она не Мюнстером и не по тем сведениям, какими он располагал.

⁵ *Munsterus S. Cosmographia universalis*. IIII. С. 329 (с. 340); *Mathias de Miechow*. Op. cit. [Epistola dedicatoria], II.I.3. С. 128, 186 (с. 46, 110).

Павлу Йовию, который, впрочем, в своем описании ее более обстоятелен и конкретен. Далее сообщается, что в Двину впадает другая река, и в месте их слияния расположен знаменитый торговый город Устюг, отстоящий от Москвы на шестьсот миль¹. Кроме этих двух городов, Москвы и Устюга, Мюнстер называет только Белоозеро, но не как город, а как замок (*castrum Belij Jesera*), окруженный водой, в который князь в случае войны отправляет свою казну; эту информацию он нашел в одной из надписей к карте Антона Вида².

Устюг охарактеризован как центр пушной торговли. «Сюда, — по словам Мюнстера, — отдаленными народами привозятся драгоценные меха куниц, соболей и волков и др., которые обмениваются на товары разного рода»³. Об изобилии в Московии «благороднейш[их] мехов» упоминает Мюнстер в другом месте, ссылаясь на показания московского гонца в Рим Дмитрия Герасимова, записанные Павлом Йовием. Так вот богатство московитов на меха является, по мысли итальянского гуманиста, которого цитирует Мюнстер, своего рода компенсацией за несправедливость природы (*naturae iniuria*), отказавшей москвитам в золоте, серебре, менее благородных металлах (кроме железа), а также в драгоценных камнях и жемчуге⁴. Насчет жемчуга Йовий и Мюнстер ошибаются, на севере Руси его добывали в реках; а вот что касается серебра, то приведенное рассуждение Мюнстера, представляющее собой заимствование у Йовия, никак не согласуется с его прежним, основанным на тексте Матвея Меховского утверждением о том, что Московия богата серебром⁵.

Помимо дорогих мехов Московия также изобилует воском и медом. Мюнстер помещает большой фрагмент из трактата Павла Йовия, в котором и это богатство московских земель выглядит некоей компенсацией за еще одну несправедливость природы — отсутствие в них винограда, маслин, деревьев со сладкими плодами, хотя, замечает он, «поля дают пшеницу, полбу, просо, гречиху и всякого рода овощи. Но самый верный сбор получается от воска и меда. Ибо во всей стране в изобилии водятся пчелы, которые про-

¹ *Munsterus S. Cosmographia universalis*. III. C. 330 (с. 341). Ср.: *Iovius P. Op. cit.* C. 238, 239 (с. 269). На самом деле город Устюг Великий находился тогда на реке Сухоне на расстоянии полумили от места слияния с ней реки Юг, после которого и начинается собственно Северная Двина.

² *Munsterus S. Cosmographia universalis*. III. C. 329 (с. 339, 340). См. репродукцию карты Антона Вида в кн.: Россия в первой половине XVI в. Вкладыш.

³ *Munsterus S. Cosmographia universalis*. III. C. 330 (с. 341).

⁴ *Ibid.* C. 328 (с. 338); *Iovius P. Op. cit.* C. 246 (с. 278).

⁵ См. наблюдения: *Замысловский Е. Е.* Указ. соч. С. 87.

изводят великолепнейший мед, не в изготовленных крестьянами ульях, а в самих дуплах деревьев». В лесах и чащобах находят рои висящих на ветвях деревьев пчел, а также соты, скрытые в деревьях, и старый мед, покинутый пчелами; поэтому-то в древесных пнях удивительной толщины обнаруживают превеликие озера меда. Далее Мюнстер, ссылаясь как на первоисточник на рассказ русского гонца Дмитрия, позаимствованный им из книги Павла Йовия, поведал историю, больше похожую на анекдотический случай, о том, как один крестьянин в поисках меда прыгнул в большое дуплистое дерево, и глубокая медовая пучина засосала его по грудь; долго он пробыл так, его крики о помощи были бесполезны, но благодаря чудесному случаю (*mirabili casu*) он спасся: когда огромная медведица, желая полакомиться медом, спустилась в это же дерево, крестьянин схватил ее сзади за крестец и, потянув и громко закричав, перепугал зверя и тем самым заставил его выпрыгнуть¹.

О хозяйственных занятиях Мюнстер сообщает очень мало и бегло, и его сведения, заимствованные из разных источников, не всегда согласуются одно с другим. Только что был процитирован отрывок с указанием злаков, овощей и плодов, которые выращивают в Московии. В другом месте добавлено, что москвиты «ревностно занимаются возделыванием полей, пашут на конях, земля очень плодородна, но не на виноград»². Вскоре, однако, заимствуя у Матвея Меховского, Мюнстер добавляет, что пашут они «деревянным плугом, боронят ветк[ами] и суч[ьями] деревьев; из-за долгих морозов урожай вызревает редко, поэтому они зерно досушивают и молотят в помещениях и на летних станах»³. В таком способе обработки полей трудно усмотреть *ревностное*, то есть радетьельное, отношение к земледелию. Отдельно сказано со ссылкой на данные Антона Вида о том, что земля на севере страны страдает от сильного холода, и поэтому хлеб там вообще не может расти⁴. Правда, еще дальше у Мюнстера дан фрагмент из книги Йовия о

¹ *Munsterus S. Cosmographia universalis*. III. С. 326, 327 (с. 336, 337); *Iovius P.* Op. cit. С. 245, 246 (с. 277).

² *Munsterus S. Cosmographia universalis*. III. С. 323 (с. 334).

³ *Ibid.* С. 324 (с. 335); *Mathias de Miechow*. Op. cit. II. II. 1. С. 190 (с. 114). В XVI в. основным орудием пахоты оставалась соха, хотя в некоторых районах, прежде всего на Вологодчине, использовался и плуг с металлической оснасткой. Подробнее см.: Горская Н.А. Земледелие и скотоводство // Очерки истории русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. I (С. 43–98). С. 58–63. О сборе хлеба, его сушке в овинах и молотье см.: Там же. С. 68–70. См. также: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 77–93, 138–149.

⁴ *Munsterus S. Cosmographia universalis*. III. С. 329 (с. 339). Ср.: *Wied A.* [Inscriptio tabulae Moscoviae] // Россия в первой половине XVI в. / Латинский текст, а так-

Двине, в нем, словно в опровержение информации Вида, сказано, что зерно, посеянное в пойме этой крупнейшей реки севера, в силу природных особенностей местности «одновременно всходит, растет и наливается в колосья»¹.

Впрочем, из суровых природных условий москвиты научились извлекать определенные и немалые выгоды. Именно зимой, с установлением морозов, слух о которых наводил великий ужас на европейцев, в Московии налаживались легко проходимые дороги, позволявшие преодолевать огромные расстояния в короткие сроки. Так, повторяет Мюнстер вслед за Йовием, путь от Вильны через Смоленск до Москвы в зимнее время совершается с «невероятной быстротой [хорошо] снаряженных повозках по снегу, смерзшемуся от продолжительного холода, и по скользкому, затвердевшему от сильного трения льду». Тогда как летом по этим же местам нельзя проехать иначе как с большими тяготами, ибо с таянием снегов «равнины превращаются в болота и грязные топи, одинаково непролазные для людей и для лошадей, если по ним не настилать почти постоянно деревянные гати»².

Следуя Йовию, Мюнстер утверждает, что значительная часть территории страны покрыта Герцинским лесом, именем которого античные авторы называли лесные массивы Центральной и Восточной Европы³. Однако от продолжительной работы людей теперь он будто бы стал гораздо реже. Из представителей животного мира названы немногие. В той части, которая обращена к Пруссии, водятся огромные буйволы, имеющие вид быков и называемые бизонами (*bisontes*); речь, конечно, идет о зубрах. Есть там также лоси, «медведи необыкновенной величины и преогромные волки, страшные своим черным цветом»⁴.

Подробнее Мюнстер останавливается на описании медведя, его повадок и особенностей физической природы, заимствуя материал на эти темы по преимуществу у Плиния Старшего и Аристотеля⁵. Сказано, что медведи ищут мед не только для пропитания, но и для того, чтобы кровоточением от укусов пчел снять тяжесть в голове.

же перевод на русский О.Ф. Кудрявцева (С. 309–315). С. 309 (в скобках стр. русского перевода – с. 313).

¹ *Munsterus S. Cosmographia universalis*. III. С. 330 (с. 341); *Iovius P. Op. cit.* С. 239 (с. 269).

² *Munsterus S. Cosmographia universalis*. III. С. 326 (с. 336); *Iovius P. Op. cit.* С. 245 (с. 275).

³ См.: Россия в первой половине XVI в. С. 128. Прим. 72.

⁴ *Munsterus S. Cosmographia universalis*. III. С. 326 (с. 336); *Iovius P. Op. cit.* С. 235 (с. 265). О черных волках, именуемых в России «сибирской собакой», см.: *Замысловский Е.Е.* Указ. соч. С. 278, 279.

⁵ См.: Россия в первой половине XVI в. С. 344. Прим. 25, 26.

Ибо голова у медведей будто бы самый слабый орган. Ходят они на двух лапах, спиной валят деревья. Быков повергают на землю, повиснув на их морде и рогах. обстоятельно поведено о том, как медведица производит детенышей на свет и об их первых неделях жизни¹.

Среди прочего Мюнстером отмечено наличие в стране большого количества рыбы². Особенно выделена Волга, в которой, как сказано, ловят «огромных и весьма вкусных рыб, и прежде всего осетров»³.

В разделе о Московии Мюнстер помещает заимствованную у Матвея Меховского и сокращенную информацию о народах севера. Отсылая к надписям карты Восточной Европы, помещенной в его космографии⁴, Мюнстер первой упоминает область Югру, родину венгров, о чем свидетельствует единство их языка и наречия, на котором говорит ее население. Далее общим именем «скифских», напоминая, если сообразовываться с географической номенклатурой Матвея Меховского, о Крайнем Севере Азии, названы народы и области, покоренные Иваном III, — Пермь, Башкирия, Черемисса, Югра, Корела — и передан рассказ Матвея Меховского со всеми подробностями и погрешностями о том, что князь Московский заставил принять крещение пермяков, прежде поклонявшихся идолам, и поставил им епископом Стефана, которого они убили, с живого сняв кожу; князь же, вернувшись, разбил их и назначил им другого пастыря⁵. Другие же области коснеют в неверии (*in infidelitate persistunt*), их обитатели почитают в качестве богов небесные объекты, лесных зверей и все что попало (*et quod eis occurrat*); у них собственные языки. Как и у Матвея Меховского, население этих областей показано звероподобными существами, не ведающими никаких начал цивилизованной жизни. Они не пахут и не сеют, не знают ни хлеба, ни денег, питаются лесными зверями, пьют только воду, домами им служат хижины из ветвей, сооруженные в густых лесах, одежда их — сшитые вместе шкуры самых разных животных. «Они — словно звери, не пользующиеся разумом (*sunt uelut bestiae ratione non utentes*)», — резюмирует свое описание Мюнстер.

¹ *Munsterus S. Cosmographia universalis*. III. C. 327, 328 (с. 337, 338).

² *Ibid.* C. 323 (с. 334).

³ *Ibid.* C. 328 (с. 339).

⁴ Изображение карты см. в кн.: Россия в первой половине XVI в. С. 324. Подробное исследование этой карты см.: *Замысловский Е.Е.* Указ. соч. С. 94—113; *Michow H.* Die ältesten Karten von Russland, ein Beitrag zur historischen Geographie. Hamburg, 1884. S. 11—20.

⁵ *Munsterus S. Cosmographia universalis*. III. C. 329 (с. 340); *Mathias de Miechow*. *Op. cit.* II. II. 2. C. 193 (с. 117).

Правда, последующие слова заставляют усомниться в справедливости столь категорического суждения. В самом деле, те, кто ближе всех к Северному океану, сказано у Мюнстера, например югры и корелы, ловят рыбу, добывают китов и тюленей и из их кожи изготовляют кнуты, сумки и прочие вещи, а жир этих животных сохраняют для смазки и продают¹. А это значит, что народам севера известно и ремесленное производство, пусть самое простое, и торговый обмен, то есть они не такие уж дикари, которые, подобно зверям, живут, руководствуясь только природными инстинктами.

Загадкой остается, с какой целью Мюнстер ближе к концу раздела о Московии приводит пространную цитату из инскрипции, которой Антон Вид снабдил изготовленную им карту Восточной Европы. Причем Антон Вид, гданьский сенатор, обозначен как «литвин», хотя ни по своему гражданству, ни по национальности он им не был; похоже, что то место, где печаталась карта Вида — Вильна Литовская, — было воспринято в качестве указания на его национально-гражданскую принадлежность. В цитате Вида сказано о тщательном изображении на карте разных географических объектов, о том, что немалую помощь в этом оказал знатный русский беглец Иван Ляцкий и что стимулировал его императорский посол к московскому государю Сигизмунд Герберштейн, уговаривавший русского эмигранта помочь ему в описании Московии². Никакого отношения пересказанная информация к содержанию раздела о Московии не имела, назначение ее непонятно, тем более что вслед за этой цитатой Мюнстер приводит некоторые конкретные и вполне уместные данные о стране, заимствованные у того же Вида.

* * *

Конечно, Герберштейном то, что сообщал Мюнстер о Московии, не могло не восприниматься как устаревшие, поверхностные и не заслуживавшие серьезного внимания рассказы. Он лишь единожды мимоходом упоминал Мюнстера в своем сочинении³. Другое дело авторы общих трудов по космографии, они рассматривали работу их прославленного коллеги и как образцовую, и как важный источник информации.

¹ *Munsterus S. Cosmographia universalis*. IIII. C. 329 (c. 340); *Mathias de Miechow*. Op. cit. II.II.2. C. 193 (c. 117, 118).

² *Munsterus S. Cosmographia universalis*. IIII. C. 328, 329 (c. 339). Cp.: *Wied A.* [Inscriptio tabulae Moscoviae]. C. 311 (c. 315).

³ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 24—27.

Юридическая культура и практика

И.И. Варьяш

Вассальные права и обязанности арагонских сарацин

В 1306 г. король Жауме II за службу даровал личную привилегию двум теруэльским сарацинам, Абдульхазизу де Бокайрен и его сыну Абдомалиху, которые были мастерами по изразцам. Пожалование представляло собой пожизненное освобождение от всех королевских налогов и поборов. Мастера должны были тратиться только на краски и пигменты, которые они использовали в своем ремесле. Вместе с обязанностью платить в казну отменялась и служба в войске...¹

С успехами христианского оружия во владения христианских королей, в том числе государей Арагонской короны, отходили обширные территории, населенные сарацинами. Первый опыт диалога между мусульманами и Короной в рамках правового пространства приходился на время военных действий XII в. — чаще всего осады города или укрепленного местечка. Осажденные и король вступали в переговоры, целью которых было установление подданнических отношений, и — подписание капитуляции или дарование фуэро, привилегии². Нередко составлялись грамоты о принесении вассальной присяги, в которых прописывались права и обязанности сторон.

¹ *Basañez Villaluenga B.* Las morerías aragonesas durante el reinado de Jaime II. Catálogo de la documentación de la Cancillería Real. Teruel, 1999. Vol. I. (1291–1310). 1017. (Далее — *МА*).

² Такой же механизм применялся и на кастильских территориях. Как пишет А. Эчеваррия Арсуага, инкорпорация мусульманского населения происходила с XIII в. в двух формах — посредством капитуляций и посредством пактов, договоров, соглашений. См.: *Echevarría Arsuaga A.* Pautas de adaptación de los mudéjares a la sociedad castellana bajomedieval // Actas de IX Simposio Internacional de Mudejarismo. Teruel, 2004. P. 47.

Такая форма установления отношений активно применялась в начале и в середине XIV в., когда арагонские короли присоединили земли Мурсии и вернули те территории, которые были временно утрачены ими во время войны с Кастилией. Она просуществовала вплоть до взятия Гранады в 1492 г.

- Ранние капитуляции представляли собой двусторонний договор, в котором участвовали христиане и мусульмане, как это было в Туделе, или король и власти в лице мусульманских должностных лиц, как в случае Тортосы. Бывало, что король подписывал пакт со всей альхамой¹. В результате сарацин связывали с королями вассальные отношения, и христианский государь в их системе восприятия уподоблялся правителю тайфы (чья власть была лишена сакрального элемента), а не халифу, как нередко полагают и заблуждаются².

Двусторонние соглашения скреплялись письменно зафиксированными клятвами. Например, в тексте капитуляции Тортосы читаем: «И принесли присягу мавры, что пребудут верными... И поклялись обо всем выше записанном всемогущим Богом, который ведает все свидетельства, и всеми клятвами закона мавров. И поклялся граф и его рикос омбрес всевышним Богом, и Иисусом Христом, и Святой Марией, и четырьмя Евангелиями, и всеми святыми»³.

Если присоединявшиеся в ходе Реконкисты общины по тем или иным причинам не подписывали капитуляций, они получали или испрашивали у королевской власти фуэро (для всей городской общины) или грамоты о привилегиях (они могли быть составлены специально для сарацин). Согласно этим документам сарацины обязывались сохранять верность и лояльность королю, исправно выплачивать причитающиеся подати и экстраординарные налоги. За это они сохраняли автономию: имели своих

¹ Кастильский материал в этом дает такую же картину: *Echevarría Arsuaga A. Pautas de adaptación...* P. 48.

² Об этом см., напр.: *Febrer Romaguera M.V.* Los Bellvis, una dinastía mudéjar de alealdes generales de Valencia, Aragón y principado de Cataluña. *Actas de III Simposio Internacional de Mudéjarismo*. Teruel, 1989. P. 277–290. *Echevarría Arsuaga A. Pautas de adaptación...* P. 48. *Ferrer i Mallol M.T.* Documentación sobre mudéjares del Archivo de Corona de Aragón // *Fuentes documentales para el estudio de los mudéjares*. Teruel, 2005. P. 45.

³ «Et adfidiciant illos mauros, quod sedeant fideles... Et iuraverunt super hoc totum superius scriptum per Deum omnipotentem, qui scit omnia testimonia et per totos iuramentos de lege mauros. Et iuravit Comes et suos ricos homines per Deum altissimum, et per Iesum Christum, et per Sancta Maria, et per IIII Evangelia et per totos sanctos» (Цит. по: *Hinojosa Montalvo J.* Los mudéjares. La voz del Islam en la España cristiana. Documentos. Teruel, 2002. Vol. II. P. 15).

должностных лиц, школы, мечети, кладбища, обладали правом свободно отправлять культ, решать внутренние дела по своим законам и обычаям, беспрепятственно передвигаться по стране и покидать ее, им гарантировалась безопасность личности и имущества.

В XIV в. капитуляция как форма частнопроводного регулирования взаимоотношений с альхамами использовалась не только в ходе Реконксты. В 1365 г. после отвоевания земель у Кастилии Пере Церемонный снова прибеж к документам подобного рода. Они были составлены на старокаталанском и содержали капитулы, представленные государю сарацинами и одобренные им. Капитуляции были выданы в качестве подтверждения старых привилегий и свобод по просьбе мавров Эслиды и ее окружи, Серры д'Эспады, Ассиевара и его окружи, замков Кастре и Фондегийя. Положения этих капитуляций распространялись и на некоторые другие близлежащие местечки¹.

Все эти капитуляции начинались с указания на совершенные маврами этих городов, замков или местечек преступления, вызванные войной Короны и Кастилии. Сарацины переходили на сторону противника, грабили замки, но по прошествии времени предпочитали просить о милости арагонского монарха и разрешения вернуться под его руку — от всего сердца обещая исправить ошибку. Король, желая следовать тем же путем, что и его предшественники, всегда проявлявшие милость и милосердие к поданным, уподобляясь Тому, чьим местоблюстителем на земле он пребывал, Который не хотел смерти грешника, но спасения его и жизни, — представленные в курию капитулы смотрел, обсуждал в совете и затем принимал, о чем и было сказано в конце каждой капитулы².

¹ *Ferrer i Mallol M. T.* Els sarraïns valencians i la frontera amb l'Islam en el segle XIV. Barcelona, 1988. Apendice documental (Далее — I). Doc. 96—99.

² «Vosaltres, moros... qui per malvats consells enganats contra nós e la nostra corona vos erets rebellats e alçats al rey de Castella, nostre públich enmich, ara conexents vostra error e penedints de aquella, cobejets de tot vostre cor exir de la dita vostra error e tornar a nostra senyoria e obediència, e sobre açò ab aquella humilitat que havets pogut hajats a nós demanada vènia e [perd]ó de ço que mal havets fet e encara, per tal que en nostra fe siats pus escalfats e pus volenterosament e pus coratjosa estiats per mantenir nostra honor, nos hajats supplicat que'us deguéssim atorgar alcunes gràcies contengudes en los capitols dejús escrits. per ço nós, volentes seguir la Carrera de nostres predecessors, qui tots temps han anat benignament e misericordiosa vers [lu]rs sotsmeses e qui moltes vegades envers aquells qui lur misericòrdia demanaven aquella miswricòrdia han davant posada a venjança, e cobejants, en quant divinalment nos és permès, semblar

В итоговый королевский документ были включены поданные альхамами капитулы, за каждой из которых следовал ответ короля, санкционирующий прописанную в ней норму и представляющий собой формулу одобрения: «Plau al senyog rey». Такое построение грамоты подчеркивает диалоговый режим взаимоотношений мусульманских общин с королевской властью.

Сарацины общин Эслиды, Серры д'Эспады, Ассиевара и его округа, замков Кастре и Фондегийя испрашивали у короля подтверждение всех когда бы то ни было дарованных им свобод и милостей и прощение за все преступления и проступки, совершенные ими со времени восстания, включая случаи ограбления ими замков или невыплату сеньориальных поборов.

Затем все сарацины, кроме жителей Ассиевара, считали необходимым устроить судьбу заложников, оставленных кастильской стороне¹. Далее в капитулы было включено положение о праве свободно возглашать молитву так, как сарацины привыкли обычно это делать². Община Серры д'Эспады особо просила о том, чтобы все внутренние судебные дела разбирались по сунне и шариату, а не по фуэро или какому-либо другому праву, а альхама Ассиевара вдобавок к этому желала, чтобы против мавра в суде нельзя было выставить свидетелем христианина³. Все общины испрашивали право не платить различные королевские, сеньориальные и церковные подати в течение трех-пяти лет, сарацины Ассиевара также желали навсегда избавиться от выплат на снаряжение конных воинов (*cavalleria*).

Особо в капитулах оговаривалось право мусульманских общин получить все документы, грамоты или письма, в которые вош-

aquell lo [loch] del qual tenim en terra, qui diu que no vol la mort del picador, mas que' convertesca e vi[va], aquells capitols havem vists e reconeguts e après, haüda deliberació en nostre consell, los havem ator[gats e proveïts], segons que en la fi de cascun de aquells és contengut» (I. 96–99).

¹ «Demanen que les rehenes, que [haviem] dades al rey de Castella, les quals són en lo castell d'Esclida, los sien retudes sens nengunes messions», «que les refenes... los sien tornades e retudes francament e deliura», «demanen que les racenes que havien dades al rey de Castella, les quals són en Sogorb e en Castellnou, los sien retudes sens nengunes messions» (I. 96–98).

² I. 96, 98, 99: «Demanen que puxen cantar la çalà, segons que han acostumat», «que's puxen cridar la çalà axí com solien».

³ «que sien jutjats en tots lur feyts per çuna e per xara e no per fur ni per altre cas de dret, segons que moros són acostumat de jutjar», «que ells puxen usar segons lur çuna; e que negun cristià no puxa entrar testimoni contra moro» (I. 97, 99).

ли капитулы, без платы за составление акта и за «право печати»¹. Кроме этого в капитулы могли быть помещены пункты, защищавшие сарацин от изгнания из королевства, подтверждавшие их право свободного передвижения внутри королевства или эмиграции в мусульманские земли; а также пункты, касавшиеся вопросов продажи и наследования имущества, выкупа пленников. Специальная позиция была отведена установлению, охранявшему мусульман от принуждения проводить в замок воду².

Соглашение между мусульманскими общинами и Короной скреплялось клятвой: мавры принесли клятву и «оммаж, согласно их закону и сунне, как обычно делалось, — в том, что будут ему добрыми и верными вассалами»³. От имени короля в грамоте значилось: «Обещаем вам, названные мавры, по нашей королевской вере и клянемся Богом и святыми III Евангелиями, которых касаемся телесно нашими руками, что названные капитулы и содержащееся в них, согласно тому, что нами выше принято и пожаловано, будем соблюдать и мы, и наши наследники и никогда, ни по какой причине не преступим...»⁴ Рядом со знаком короля была помещена запись: «Знак Пере, Божьей милостью короля Арагона, и прочее, который это жалует, принимает и клятвенно заверяет»⁵.

Таким образом, капитуляции представляли собой, прежде всего, заключение вассальных отношений⁶ между королем и его подданными-сарацинами. Устойчивость формулировок, посредством которых передается процедура принесения клятв, свидетельствует

¹ «Demanen que sien donades totes les cartes e letres que per virtut de aquests capitols a ells són o seran otorgades franques de dret de segell», «que de les dites franquees e gràcies hajen carta del senyor rey franchament, sens que no'ls cost res la carta ni lo segell» (I. 96–99).

² «Demanen que no sien tenguts de pujar aygua al castell» (I. 96, 98).

³ «Faents lo sacrament e homenatge segons lur ley e çuna acostumat es de fer, que li seran bons e leals vass[alls]», «ells fahients'li sacraments e homenatges, seguns lur ley e çuna acostumat es de fer, que li seran bon e leials vassals» (I. 96, 98).

⁴ «Prometem en nostra fe reyal a vosaltres, dits moros, e encara juram, per Déu e per [los] sants IIII Evangelis de nostres mans corporalment tocats, que los dits capitols e les coses en aquells contengudes, segons que nós damunt los havem atorgats e proveïts, tenrem e obrervarem nós e nostres successors e null temps no hi contravin-drem per [neguna] rahó...» (I. 96–99).

⁵ «Senyal d'en Pere, per la gràcia de Déu rey d'Aragó, et cetera, qui aquestes coses loam, atorgam e juram» (I. 96, 97).

⁶ Вассальные отношения заключались и с феодальными сеньорами. См.: Pérez Viñuales P. Contratos de vasallaje de mudéjares aragoneses // Actas de VII Simposio Internacional de Mudejarismo. Teruel, 1999. P. 133–142.

о том, что присяга на верность и оммаж мусульман христианскому сеньору были в XIII–XV вв. обычаем.

Обычай, согласно формулировкам того времени, регулировал все права и обязанности королевских вассалов-мусульман, среди которых, как бы это ни казалось странно сейчас, фигурирует и военная служба. Среди принятых в ранних капитуляциях установлений присутствуют запреты принуждать сарацин к участию в военных действиях против мавров и христиан и разрешение носить оружие¹. В капитуляции долины Альфандек, составленной в 1277 г., а затем подтвержденной в 1298 г., было установлено, чтобы сарацины могли носить оружие на королевских землях². Это право было напрямую связано с обязанностью сарацин нести военную службу. Документы той эпохи подтверждают, что нормы капитуляций не оставались декларацией или политическим жестом, а действительно применялись на практике.

Так, из королевских грамот известно, что мусульманские общины нередко обращались к государю с просьбами оградить их от местных официалов и сеньоров, стремившихся использовать их в своем войске. Для мусульманского населения это было тяжким бременем и наносило немалый урон, из-за чего они предпочитали заручиться письменными привилегиями, в которых бы была закреплена их воинская обязанность исключительно по отношению к королю.

После того как богатый южный город Эльче с округой был присоединен к владениям арагонского короля, сарацины испросили серию привилегий — они были пожалованы 25 апреля 1303 г., — среди них две грамоты были посвящены военной повинности.

В одной из грамот король Жауме особой милостью устанавливал, что мусульмане Эльче обязаны являться в войско только по особому распоряжению самого государя или его прокурадора в королевстве Мурсия³. В другой — защищал скот сарацин от незаконных посягательств официалов и сеньоров. Из документа

¹ В капитуляции Туделы, например, читаем: «[Et non faciat exire moro] in appellito per forza in guerra de moros nec de christianos... Et non devedenet nullus homo ad illos moros lures armas» (Цит. по: *Lema Pueyo J. A.* Colección diplomática de Alfonso I de Aragón y Pamplona (1104–1134). San Sebastián, 1990. P. 141–144).

² «Et quod possent portare arma per totam terram et iurisdiccione[m] ipsius domini regis» (*Burns R. I.* Muslims, Christians and Jews in the crusader kingdom of Valencia: society in symbiosis. Cambridge, 1984. Appendix. 2).

³ *Cartas pueblas de las morerías valencianas y documentación complementaria* / Ed. M. V. Febrer Romaguera. Zaragoza, 1991. (Далее — *CP*). Doc. 122; *Ferrer i Mallol M. T.* Les aljames sarraïnes de la governació d'Oriola en el segle XIV. Barcelona, 1988. Appendice documental (Далее — *O.*). Doc. 21.

понятно, что скот использовался в войске¹. В 1321 г. сарацинам Кривилльена была пожалована грамота, согласно которой они должны были идти в войско только короля или его сыновей².

Об этом же говорят распоряжения арагонских королей, начавших ту или иную военную кампанию и нуждавшихся в фураже и тягловом скоте. Мавры поставляли в королевское войско пшеницу, ячмень, овец и мулов, вино³.

В 1296 и 1298 гг. Жауме II неоднократно рассылал приказы о призыве сарацин на помощь королевскому войску, осаждавшему в тот момент Альхаму. Заинтересованность короля в мусульманах объяснялась их знанием осадных машин. Именно поэтому король повелел, чтобы сарацины из Ориуэллы, Эльче, Алькантареллы и еще одного местечка в Мурсии были отправлены на помощь при осаде и доставили с собой осадные орудия⁴. Король угрожал телесными и имущественными наказаниями всем сарацинам — мастерам по баллистам в случае, если те отказывались прибыть в его распоряжение со своими машинами⁵.

В 1300 г. государь вновь потребовал, чтобы мурсийские сарацины поставили 80 человек, баллистериариев и копейщиков (*lanceros*), для участия в осаде⁶. На следующий год в королевской канцелярии составили грамоту, предписывавшую сарацинам Эльды, Новельды и Эльче (подавляющее большинство населения тогда составляли там мусульмане⁷) присоединиться к королевскому войску⁸.

¹ CP. 126. О запрете незаконно забирать у сарацин скот на военные нужды см. также: *Estal J.M. El Reino de Murcia bajo Aragón (1296—1305). Corpus documental*. 3 vols. (Далее *RM.*). Alicante, 1985. Vol. I. Doc. 86, 187, 189; *MA*. 1160, 1167, 1182.

² O. 68.

³ I. 3; *MA*. 378, 537, 550, 552, 604.

⁴ «Mandamus et dicimus vobis expresse quatenus, visis presentibus, incontinenti mitatis Bernardo de Sancto Johanne omnes sarracenos Raxache Murcie, Oriole, Eltxii et de Alcantarela ad hoc ut iuvent eum super aportando ad nos, apud obsidionem castri de Alhama, ingenium quod erat in villa de Alacant et perticam quam fecimus scindere in Murcia pro ingenio antedicto» (I. 7).

⁵ «Mandamus et dicimus vobis sub pena corporum et bonorum quatenus, visis presentibus, mitatis nobis ad obsidionem castri de Alhama omnes ballistarios qui sint in dictis vallibus sive villis, cum ballistis et aliis eorum apparatus» (I. 8).

⁶ *RM*. T.II. 127.

⁷ *Ferrer i Mallol M.T. Las comunidades mudéjares de la Corona de Aragón en el siglo XV: la poblacion* // *Actas de VIII Simposio Internacional de Mudejarismo*. Teruel. 2002. P. 27—153.

⁸ *RM*. T.II. 146.

Во время войны Арагона с Кастилией Педро IV Церемонный также активно прибегал к помощи мавров. 5 мая 1365 г. альхаме Эслиды предписывается послать в Кастелону всех, кто может носить оружие¹. 24 мая король потребовал от альхамы Серры, чтобы 200 мавров было отправлено в район Согорба². Такое же распоряжение было получено еще в семи городах и местечках, которые должны были выставить 510 человек. 28 мая в преддверии битвы с Кастилией король нуждается в пеших воинах, мастерах по баллистам и копьеносцах. Поэтому он отправляет своего человека в альхамы, чтобы тот собрал людей. Всего по приложенному списку нужно было объехать 11 мест и привести 580 человек³.

Из грамоты, писанной в 1366 г. в курии Педро IV в ответ на прошение мусульманской общины Хативы, известно, что здешние сарацины были обязаны выставлять определенное количество человек в общегородское войско или платить определенную сумму, выкупая воинскую повинность⁴. Между городской общиной и альхамой сарацин на этой почве возникли трения, и король, желая предотвратить их споры между собой, постановил, дабы альхама участвовала в общем войске в том случае, если это необходимо, например, когда войско покидает город, или облагалась компенсирующими выплатами, которые следовало рассчитывать, исходя из соотношения числа домов или очагов альхамы к числу домов или очагов городской общины⁵.

¹ I. 101.

² I. 102.

³ I. 103.

⁴ «Contigit exercitum universitatis eiusdem civitatis aliqua ratione seu causa ipsam civitatem exire aut dictam universitatem pretextu dicti exercitus de cetero personarum numero providere vel pro redemptione predictorum aliquam dare sive solvere peccunie quantitatem...» (CP. 210).

⁵ «si quando et quotienscumque totus exercitus universitatis predictae habuerit aliqua quovis necessitate ratione seu causa, predictam civitatem extra habeat exire, ipsius aliame sarracenorum totus exercitus pari modo. Si vero ratione alicuius exercitus dicte universitati qualitercumque et a quo seu quibuscumque petiti vel indicti aut petendi vel indicendi universitas ipsa aliquam habuerint pro certis denariis vel hominum dandis sive mittendis facere compositionem, avinentiam sive transactionem, eo casu facta per baiulum et iusticiam dicte civitatis vel ipsorum locatentes, compensatione de numero focorum sive domorum dicte aliame cum numero domorum sive focorum dicte universitatis et valore eorum aliama ipsa iuxta dictam compensatum numerum domorum seu focorum suorum tantum et non in pluri habeat dare sive mittere in predictis...» (Cp. 210).

Замена воинской повинности денежными выплатами в размере 3000 суэльдо была пожалована в 1300 г. сарацинам Валл д'Ушо¹. В 1301 г. сарацины местечка Поп (округа Аликанте) были обязаны выплатить 1200 суэльдо в замещение военной службы². Мусульмане Эльды и Новельды в этом же году получили привилегию не участвовать в войне при условии выплатить королю до 14 июня сумму в 7000 суэльдо³.

Обычными были выплаты мусульманских альхам на снаряжение конных воинов (*caballería*) — эти средства или поступали в казну, или право собирать их жаловалось сеньорам⁴.

По приказу короля сарацины изготавливали оружие и строили сами или оплачивали сооружение осадных машин⁵.

Право сарацин Арагонской короны носить оружие и обязанность воинской службы королю, безусловно, являлись важным фактором в определении их общественного статуса внутри христианского социума и перед властью, как центральной, так и местной⁶. В этом плане очень любопытна грамота от 1353 г., составленная в ответ на прошение альхамы города Валенсия. Сарацины настаивали на том, чтобы их купцы могли пользоваться на Майорке всеми торговыми привилегиями, которые некогда были пожалованы королевской властью жителям Валенсии. Мусульмане стремились доказать, что привилегии, дарованные всем жителям города, не должны распространяться только на христиан. Просители утверждали, что они такие же *habitatores et vicini* города, поскольку «*faciant hostem et cavalcata, contribuant atque solvant...*»⁷ Благодаря этому документу мы, кроме прочего, знаем, что мусульмане — вассалы короля — выставляли или вооружали не только пеших, но и конных воинов.

Аргументация валенсийских сарацин была принята в курии и их купцы получили равные с христианами права на привилегии.

Еще отчетливее роль воинской службы в социальном пространстве отражена в грамоте Жоана I от 1391 г., в которой про-

¹ *RM.* T.II. 121.

² *RM.* T.II. 159.

³ *RM.* T.II. 160. См. также: *MA.* 65, 67, 116, 117, 138, 166, 204, 224, 277, 278, 290, 573.

⁴ Из 1302 документов Королевской канцелярии, касающихся мусульманского населения и составленных в 1291—1310 гг., 96 посвящены *caballería* (*MA.* 12, 17, 195, 243, 255, 322, 358, 359, 376 etc.).

⁵ *MA.* 706, 725, 1143, 1213.

⁶ Не случайно в 1370 г. на кортесах в Сан Матеу знать выступила с требованием запретить сарацинам носить оружие без специальной лицензии сеньора. См.: *Ferrer i Mallol M. T. Documentación sobre mudéjares...* P. 31.

⁷ *CP.* 189.

писан и обоснован порядок участия мусульманской и иудейской общин в королевских шествиях. Дело в том, что между этими двумя альхамами на протяжении всего XIV в. вспыхивали ссоры и драки из-за места в процессии: известно о конфликтах, сопровождавшихся насилием, в 1290 г. — в Дароке, в 1324 — в Уэске, в 1387 г. — во Фраге...

Присутствие членов иноконфессиональных общин в королевских процессиях, видимо, было обычным явлением для Арагонской Короны¹. Как свидетельствуют королевские документы, это были процессии, посвященные коронациям, заключению брака членами королевской фамилии, рождению наследника или других детей и внуков; упоминаются также празднования военных побед и траурные процессии². Ни иудеи, ни мусульмане, насколько известно, не добивались специально привилегии участия в шествиях. Христианское население не выражало из-за присутствия сарацин и иудеев в процессиях никакого неудовольствия.

Во время процессий иудеи и мусульмане чувствовали себя свободно. Например, в документе от 1324 г. упоминается о том, что иудеи «играли на бубне, распевая свои гимны»³.

В нашем распоряжении нет документов, которые бы отразили конфликт или противоречия, возникавшие во время процессий между сарацинами или иудеями и христианами. Ни у христианского сообщества в целом, ни у христиан — участников шествий присутствие иноверцев не вызывало неприятия. В то же время столкновения между иудеями и мусульманами случались именно в ходе королевских процессий.

Во время процессии в Уэске (королевский город), устроенной по случаю победы инфанта Альфонсо в Сардинии, сарацины учинили беспорядки: в тот самый момент, когда иудеи проходили по улице де Салес, расположенной в морерии, мусульмане напали на них, были убитые и раненые. М.Б. Басаньес-Вильялуенга сообщает о существовании еще одного документа, посвященного данному ин-

¹ Например, Б.А. Катлос рассказывает о процессии в Дароке 1290 г., также омарченной нападением мусульман на иудеев (не будь этого инцидента, у историков не было бы повода узнать об участии иноконфессиональных общин в шествии) (См.: *Catlos B.A. The Victors and the Vanquished: Christians and Muslims on the Ebro Valley*, ss. XI–XIII. Cambridge. 2004. P. 319).

² *Basañez Villaluenga B. La aljama sarracena de Huesca en el siglo XIV. Barcelona, 1989. Apéndice documental* (Далее — Н.). Doc. 92.

³ «*Dicti iudei incedebant processionaliter cum rotulo cantando imnos suos, ratione victorie per inclitum infantem Alfonsum, karissimum primogenitum et generalem procuratorem nostrum, obtente in regno nostro Sardinie*» (Н. 20).

циденту, из которого известно, что было ранено двадцать иудеев и что сарацины, защищаясь потом от обвинений, оправдывались тем, что ссору начали иудеи, ранив шестерых мусульман¹. Община сарацин была наказана штрафом в 50 000 солидов, 30 из которых были ей прощены спустя некоторое время, после ходатайства королевы Элисенды. О наказании иудейской общины сведений нет.

В документе 1324 г., посвященном событиям в Уэске, причина трагедии никак не раскрывается: нет ни намеков на некие предшествовавшие процессии противоречия, ни указаний на внезапно вспыхнувшую ссору или агрессивно настроенную молодежь — никакой информации, проливающей свет на всем тогда, вероятно, понятные, события.

Появление в 1392 г. документа, посвященного этой проблеме в Уэске, говорит о том, что подобные жестокие столкновения не были результатом стечения обстоятельств или единичным случаем. Более того, в основе их лежала вполне конкретная и серьезная причина, которую ни иудеи, ни мусульмане сами устранить не могли. Разрешить конфликт и урегулировать отношения между ними была призвана королевская власть, издавшая ради такого случая провизию в 1392 г. Благодаря ее развернутой экспозиции становится понятно, что в основе конфликта лежало отсутствие разработанного властью церемониала для шествий, по крайней мере в той его части, которая бы касалась иноверного населения. По существу оно оказалось неучтенным, не встроенным в пространство королевской процессии, порядок которой, возможно, регулировался в отношении податного населения обычаем. В провизии читаем: «Желая избежать возмущений, волнений и убийств и прочего ущерба и опасностей, которые легко, как ясно научил опыт подобного в разных местах, могут последовать между иудеями и сарацинами наших альхам города Уэска, относительно способа или порядка, которым должно следовать, который между ними соблюдается во время ходов или шествий и процессий, которые устраиваются по случаю рождения или явления нового короля или наших инфантов или инфант или. напротив, по случаю их кончины, погребения и похорон их и им подобных, очевидно, что эти иудеи и сарацины спорят между собой, кто из них в таких (случаях) должен выступать, а кто — следовать...»²

¹ Basañez Villaluenga M. B. La aljama... P. 77.

² «Volentes occurrere scandalis, vulneribus et necibus et aliis dampnis et periculis, que de facili, prout alias in diversis locis experientia docuit in apertum, sequi possent inter iudeos et sarracenos aliamarum nostrarum civitatis Osce, super modo seu ordine incedendi, qui inter eos servatur in coreis seu tripudiis et processionibus, qui fiunt propter nativitatem seu novum adventum regis aut infantium seu infantissarum nos-

Перед нами спор о месте в системе общественных отношений, а также системе взаимоотношений с властью и королем. Мусульманами и иудеями королевские шествия использовались как еще одна форма социализации — посредством участия в важном для всех, общем деле. В этом контексте особое значение приобретает обоснование королевского решения по этому вопросу: «Приняв во внимание, что названные сарацины служат нам с оружием в нашей войске или наших соединениях и в прочих делах вооружения, не избегая для себя опасности, иудеи же — никогда, и что кто бремя испытывает, честь испытать должен, предусматриваем, устанавливаем и приказываем, дабы избежать названных опасностей и возмущений, чтобы отныне всякий раз, как случится... иудеям и сарацинам альхам названного города идти, проходить, шествовать... пусть сарацины идут первыми по отношению к иудеям и пусть будут поставлены всегда впереди них...»¹

Королевская власть, создавая норму, действовала в осознаваемом ею сословном и иерархическом социальном пространстве, которое должно было найти отражение в пространстве правовом — через закрепление соотношения статусов двух групп подданных. Для разрешения конфликта следовало найти убедительный для этого общества критерий, который бы отвечал интересам короны и не противоречил общественным представлениям.

В основу новой нормы был положен критерий воинской службы королю. Важно отметить, что простой констатацией этого факта как решающего провизия не ограничивается. Далее достаточно подробно перечислены формы воинской службы сарацин королю: «в нашей войске или наших соединениях и в прочих делах вооружения», затем особо подчеркивается, что они совершают это, «не избегая для себя опасности», и наконец, подводится последний усиливающий довод: «иудеи же — никогда». Замыкает аргументацию поэтическая мудрость: «кто бремя испытывает,

trorum, quam encontrario propter eorum obitum in plantibus, exequiis et funerariis eorum et aliis similibus, videlicet quod ipsi iudei et sarraceni habent contentionem inter eos, qui eorum debent in talibus procedere, qui vero subsequi...» (H. 92).

¹ «Attento quod sarraceni iamdicti in exercitu nostro seu iunctarum nostrarum et aliis armorum actibus serviunt nobis cum armis, suarum personarum periculis non vitatis, iudei autem nunquam, quodque, qui onus sentit honorem sentire debet, providemus, statuimus et ordinamus ad dicta pericula et scandala evitandum quod de cetero, quandocumque contingat pretextu seu occasione predictorum aut aliorum similium iudeos et sarracenos aliamarum dicti civitatis exire, incedere, tripudiare aut aliqua signa leticie aut tristicie facere seu demonstrare, in talibus sarraceni incedant priores ipsis iudeis et etiam eis totaliter proponantur...» (Ibid.).

честь испытать должен» — специально введенная риторическая фигура. Она создает образ короля как высшего гаранта справедливости и порядка.

Кроме того, что воинская служба королю обеспечивала определенный общественный статус сарацинам, само право носить оружие, безусловно, делало их привилегированной группой. Разумеется, оружие носили далеко не все мусульмане, а лишь знатные и влиятельные люди. Сведений об этом в документальных источниках очень мало. И все же можно сослаться на материал одного судебного процесса 1367–1368 гг. в мусульманской альхаме Льейды, затем переданного в королевскую курию¹. В начале грамоты Педро IV, адресованной местному кади (мусульманскому судье), подробно излагались обстоятельства тяжбы: «Хотя он (Али Буси. — *И.В.*) был обручен с Ашой, дочерью Фараига Алжени, по воле и с согласия самого Фараига, отца Аши, и хотя все они скрепили этот брак твоей (кади) властью и сабиселы², аделантадо и прочих разных сарацин названной альхамы, что зафиксировано записью, по этому случаю составленной названным сабиселой... однако же, Мофараиг Абнавитор, который, еще до того как этот брак был заключен, добивался названной Аши себе в жены, но поскольку ничего из этого не вышло, как рассказывают, придя вооруженным и с некими другими, ворвался к названному Али ради того, чтобы убить его...»³

Итак, летом 1367 г. между сарацинами Льейды Али Буси и Фараигом Алжени была достигнута договоренность о браке сочетании первого с дочерью второго, Ашой. Али был не единственным, кто искал благосклонности семейства Алжени — Мофараиг Абнавитор тоже изъявлял желание взять Ашу в жены, но успеха по каким-то причинам не имел. 26 июля брак Али и

¹ *Mutge i Vives J. L'aljama sarraïna de Lleida a l'edat mitjà. Aproximació a la seva història. Barcelona, 1992. Apèndice documental. (Далее — *L.*). Doc. 163.*

² Сабасала соответствует имаму классического ислама, в XIV в. должность жаловал король.

³ «In humili supplicacione coram nobis reverenter oblata pro parte Ali Buçi, alias vocati de Valls, vidimus contineri quod, licet ipse disponaverit Axam, filiam Faraig Algeni, de voluntate et consensus eiusdem Faraig, patris ipsius Axe, et omnes ipsi firmaverunt matrimonium ipsum in posse tuo et çabicele, adelantati et aliorum diversorum sarraçenorum dicte aliamie, ut constat per scripturam inde factum per dictum çabicelem, XXVI die mensis iulii proximi preteriti, verumtamen, Mofaraig Abnavitor, qui, priusquam huiusmodi matrimonium esset contractum, petiit ipsam Axam in uxorem sibi, set tamen nihil inde fuit deductum effectui, ut narrator, veniens manu armata et secum quidam alii irruerunt in dictum Ali, causa interficiendi eum» (*L.* 163).

Аши был скреплен властью кади. В то время должность судьи альхамы занимал Али Абенферре, потомственный судья, владелец мыловаренной монополии в городе¹. Кроме него при заключении брака присутствовали аделантадо, разные другие сарацины альхамы, а также сабасала, сделавший по этому поводу запись, под которой, скорее всего, следует понимать брачный контракт.

Таким образом, процедура заключения брака была соблюдена во всем, что требовало мусульманское право, — факт заключения брака был зафиксирован письменно и засвидетельствован многими присутствовавшими. Али зажил семейной жизнью, которая вскоре омрачилась нападками Мофараига Абнавитора. Вооружившись и взяв с собой еще людей, он ворвался к Али, чтобы, по мнению последнего, убить его.

Здесь заслуживают внимания два обстоятельства. Во-первых, Мофараиг пришел с оружием (*veniens manu armatu*), что вряд ли можно считать обычным делом. Ношение оружия хотя и не было запрещено сарацинам, но в рамках социального городского уклада альхам не являлось повседневным и всеми общепринятым делом. Обычные горожане, ремесленники, торговцы, писцы и учителя не имели обыкновения носить оружие и не умели им пользоваться. И хотя выражение «*manu armatu*» не указывает, каким конкретно оружием пользовался нападавший, скорее всего, перед нами человек, умевший обращаться с оружием и привыкший разрешать споры силой. Мофараиг, что важно отметить, пришел в дом Али не один, и даже не с одним-двумя друзьями. В документе использована очень обтекаемая формулировка «*secum quidam alii*», за которой, по всей вероятности, стоят люди Мофараига.

Остается удивляться, почему столь могущественный человек, сумевший все-таки впоследствии забрать Ашу себе вопреки уже свершившемуся факту ее замужества, не смог прийти к согласию с ее отцом, Фараигом о браке с дочерью его (хотя и пытался). Ответ здесь может быть очень простым — отец не хотел отдавать дочь за Мофараига и предпочел скрепить союз с Али Буси, надеясь, что это положит конец всей истории. Косвенно такая реконструкция подтверждается дальнейшими действиями кади, который сначала скре-

¹ Род Абенферре упоминается во множестве королевских грамот, составленных на протяжении всего XIV в. Эта тема подробно изучена Х. Мутже-и-Вивес. См., кроме ее монографии по Льеиде, например: *Mutgé i Vives J. La aljama sarracena en la Lleida cristiana: notícias y conclusiones* // *Actas de VII Simposio Internacional de Mudejarismo*. Teruel, 1999. P. 107.

пил брак Али Буси, а затем сделал все от него зависевшее, чтобы поддержать Мофараига, в том числе нарушая все мыслимые нормы шариата против отца и первого мужа Аши.

Фараиг и Али Буси столкнулись с противником, намного превосходившим их в социальных возможностях. Вряд ли Али Буси не располагал средствами, иначе он не смог бы трижды обращаться в королевскую курию по этому делу¹. Вероятно, они с отцом Аши нашли бы выход из сложившейся смертельно опасной, как утверждал Али Буси, ситуации и уехали бы из города. Но это вскоре стало невозможно. Мофараиг Абнавитор не только терроризировал Али Буси и оказывал давление на Фараига, но, видимо, вел переговоры с кади, а вероятнее всего, оба, и Мофараиг и Али Абенферре, принадлежали к одному кругу очень богатых и могущественных людей в альхаме. Во всяком случае, Али Абенферре выказал готовность поддерживать Мофараига и запретил Али Буси, Фараигу Алжени и Аше покидать город без своего разрешения, а спустя непродолжительное время и вовсе скрепил новый союз — Мофараига и Аши — не дожидаясь законного расторжения предыдущего брака Аши и Аль Буси.

Подводя итоги этого небольшого эссе, остается только еще раз заметить, что вооруженный сарацин, состоящий на воинской службе у христианского сеньора, для классического испанского Средневековья явление обычное.

¹ L. 163, 164.

Приложение

Королевские грамоты

I. Из серии привилегий, пожалованных альхаме Эльче 25 апреля 1303 г.

1.

Мы, Жауме, *и проч.*, жалуем всем вам и каждому сарацину Эльче и его округи, особой милостью, дабы вы, пока нам будет угодно, являлись и были обязаны являться в войско только в тех случаях, когда наш прокуратор Королевства Мурсия будет нуждаться в вас ради защиты собственной земли из-за вторжения великого множества неприятеля и нападения на наши земли или когда от нас будете иметь об этом особое распоряжение.

Настоящим повелеваем прокуратору, главному байлу и всем прочим официалам и подданным названного нашего королевства, дабы милость и наше пожалование блюли крепко и исполняли, пока нам будет угодно, как это было сказано.

Дано в Валенсии, в VII календы марта, в вышеназванный год [MCCC третий]¹.

2.

Мы, Жауме, *и проч.*, желая защитить вас, всех и каждого сарацина Эльче и его округи, от притеснений и противозаконного насилия, жалуем вам и еще запрещаем, чтобы прокуратор или какой-либо

¹ «Nos Jacobus, etc, concedimus vobis universis et singulis sarracenis Elchii et termini sui, de gratia speciali, quod quamdiu de nostre fuerit beneplacito voluntatis nos eatis nec teneamini ire in exercitum nisi interim procurator noster Regni Murcie ad defensionem terre proprie magnam multitudinem hostium entrantium et invadentium terram nostram vos neccesarios haberet vel a nobis super hoc haberetis specialem mandatum.

Mandantes per presentes procuratori, baiulo generali et universis aliis officialibus et subditis nostris regni predicti, quod gratiam et huiusmodi concessionem nostram firmam habeant et observant quamdiu nobis placuerit ut est dictum.

Data Valencie, VII. kalendas madii, anno predicto [M.CCC.tertio].» (CP. 122).

другой официал Королевства Мурсия, рыцари или кто бы то ни было силой захватывал или посмел захватить ваш скот для того, чтобы отогнать его в войско или иное место. Настоящим и проч., как выше.

[Дано в Валенсии, в VII календы марта, в год МССС третий]¹.

II.

Верным своим аламинам и общинам сарацин Галинеры, Попа и долины Эбро, Халона и Лагуара, привет и милость.

Повелеваем и приказываем вам под угрозой телесного и имущественного наказания, чтобы, увидев настоящее, вы послали нам для осады замка Альхамы всех баллистариев, какие есть в названных долинах и городках, с баллистами и прочими их осадными машинами. И сие не искажайте и не откладывайте ни по какой причине.

Дано при осаде замка Альхамы, в III календы февраля, вышеназванного года [МССХСVII]².

¹ «Nos Jacobus, etc., volentes vos universos et singulos sarracenos Elchii et termini sui ad oppresionibus et violenciis illesos servari, concedimus vobis ac etiam prohibemus quod procurator seu aliqui alii officiales Regni Murcie, milites seu aliqui quicumque non capiant vel capere audeant per violentiam bestias vestras ducendas in exercitum vel ad alia quavis loca. Mandantes et cetera ut supra.

[Data Valencie, VII. kalendas madii, anno Domini M.CCC.tertio]» (CP. 126).

² «Fidelibus suis alaminis et universitabus sarracenorum de Galinera, de Pop et vallium d'Ebro, de Xalo et de Alaguar, salutem et gratiam.

Mandamus et dicimus vobis sub pena corporum et bonorum quatenus, visis presentibus, mitatis nobis ad obsidionem castri de Alhama omnes ballistarios qui sint in dictis vallibus seu villis, cum ballistis et aliis eorum apparatibus. Et hoc non mutetis seu diferatis aliqua racione.

Data in obsidione castri de Alhama, IIII kalendas februarii, anno predicto [MCCXCVII]» (I. 8).

Один для всех: унификация ремесленных регламентов во Франции XVI–XVIII вв.

Одинаковые правила для всех корпораций — немыслимая для Средневековья идея. У каждого сообщества в каждом городе были свои права и привилегии, отличные от других обязанности или повинности. Историк может проследить сходство и подобие, но еще больше увидит уникального и неповторимого¹, ценного и самодостаточного в своей отдельности. Однако продолжая долгое Средневековье до конца французского Старого порядка, историки видят не только единство этого длительного периода истории, но и знаки «глобальных» перемен, преобразивших общество и государство. Среди них — изменения в организации экономической сферы.

Идея организовать все ремесло и всю торговлю в королевстве по принципу урегулированных корпораций (*métiers jurés*) появилась во Франции в XVI в. и была высказана в генеральных ординансах о ремесле и торговле — знаменитых эдиктах Генриха III 1581 г. и Генриха IV 1597 г.

Им предшествовал менее известный эдикт Генриха III 1577 г.², как полагают, не зарегистрированный Парижским парламентом и оставшийся лишь проектом. Он пытался разрешить сложные и давние проблемы многих ремесел (мясников, булочников, мельников, сапожников, каменщиков и других) в одном-двух распоряжениях, предложив в качестве общих и единых принципов для всех корпораций лишь несколько положений, касавшихся управ-

¹ Историки нередко говорят об огромном многообразии корпораций и невозможности выделить черты, характерные для всей их совокупности: обобщенный образ средневековых корпораций порожден современным стремлением к стандартизации. См.: *Coornaert E. Corporations en France avant 1789*. P., 1968 (1 éd. P., 1941). P. 28, 33–34.

² *Les métiers et corporations de la ville de Paris, XIV–XVIIIe siècles* / Publ. par R. de Lespinasse. P., 1886. Т. I. P. 80–83. Издатель отметил, что он идентичен незарегистрированному эдикту 1567 г.: *Ibid.* P. 80–81. Not. 1.

ления и получения звания мастера (XVI раздел эдикта), и ориентируя все провинциальные города на Париж¹.

Эдикты 1581 и 1597 гг. предписывали ремесленникам и торговцам войти или сорганизоваться в присяжные профессиональные сообщества (*arts et mestiers jurez*) и следовать их правилам и регламентам — к собственной выгоде и для пользы всего королевства. Пространный эдикт 1581 г. не только предлагал такую идею, но и разъяснял, какими должны быть корпорации. Одинаково для всех ремесел во всех городах, пригородах, городках и местечках королевства были расписаны обучение, вступительные испытания (отдельно — для аптекарей и цирюльников (19 ст.)), привилегии или отсутствие таковых, правила работы и управления профессиональными сообществами. Эти нормы были обязательны для всех, если только в уже существующих регламентах не было установлено иное (13, 14, 18 ст.). Эдикт не отменял прежние постановления: если те не вступали с ним в противоречие, то должны были полностью и досконально соблюдаться, чтобы ремесленники и вдовы мастеров могли пользоваться своими привилегиями (26 ст.). В качестве наилучшей модели для создания новых корпораций эдикт 1581 г. предлагал уставы ближайшего города; здесь не было предпочтения парижских образцов, как в эдикте 1577 г.

Синтез разрозненных идей и попытка унифицировать очень дробную регламентацию — рассматривать ли ее в рамках одной профессиональной сферы или одного города — заслуживает самой высокой оценки, которой этот эдикт практически не знал.

Большинство исследователей, подчеркивая малую эффективность эдиктов XVI в. (впрочем, как и более поздних), оценивают их как в первую очередь фискальную меру². Однако не следует умалять ни масштабности замысла — впервые организация ремесла и

¹ См. подробнее: Кириллова Е.Н. Корпорации раннего Нового времени: Ремесленники и торговцы Реймса в XVI–XVIII веках. М., 2007. С. 100–102.

² Sée H. Esquisse d'une histoire économique et social de la France. P., 1929. Repr. Genève, 1980. P. 184; Olivier-Martin Fr. L'organisation corporative de la France d'ancien régime. P., 1938 P. 100–103, 220–223; Coornaert E. Corporations en France avant 1789. P. 92–95, 127, 153; Sewell W. Work and revolution in France. The language of labor from the Old Regime to 1848. Cambridge, 1980. P. 38. Действие эдиктов фактически не было распространено на всю территорию королевства, многие города (в частности, Лион) сохранили свои старые привилегии. Также указывают на сильное сопротивление провинций за исключением Прованса, в ремесленной и буржуазной среде которого парижская корпоративная система пользовалась симпатиями (Gouron A. La réglementation des métiers en Languedoc au Moyen Age. Genève; P., 1958. P. 369, 372).

торговли регулировалась во всех городах, городках и местечках Франции, ни его новизну — впервые такие вопросы были рассмотрены в отдельных и специальных генеральных ординасах, а не среди множества других тем и сюжетов, связанных с управлением и поддержанием порядка¹.

Генеральные ординасы XVI в. не отменили, а, напротив, стимулировали потребность отдельных корпораций в создании и утверждении своих частных регламентов, далеко не всегда и не во всех случаях следовавших предписаниям эдиктов². При этом историки не предпринимали особых попыток проследить последствия генеральных ординасов XVI в. ни в количественном (рост числа регламентов, например³), ни в качественном отношении (изменение их содержания).

Следующий этап унификации экономической сферы со стороны королевской власти относится ко второй половине XVII в. В 1673 г. необходимость дальнейшего распространения приносящих корпораций в королевстве была подтверждена эдиктом Людовика XIV⁴, который появился на фоне учреждения десятков мануфактурных производств, новой организации их управления и контроля за ними со стороны мэров и эшевенов городов⁵, создания в 1669 г. корпуса инспекторов мануфактур⁶, одновременно контролеров, статистиков и технических советников⁷. Эти более ранние по отношению к эдикту 1673 г. акты ярко отражают радикальные изменения, произошедшие, в первую очередь, в пред-

¹ В разных эдиктах и ординасах неоднократно и регулярно повторялись запреты создавать братства или устраивать пиры при приеме в мастера: 1539 г. (ст. 185 и 188); 1564 г. (ст. 37); 1566 г. (ст. 74); 1579 г. (ст. 37); запрещались дополнительные выплаты при приеме мастера; устанавливался срок, в течение которого следовало назначить шедевр (постановление Парижского парламента 1535 г.), и др.

² На примере Реймса. См.: Кириллова Е. Н. Указ. соч. С. 98—100.

³ Подобные подсчеты проводились для более раннего периода французской истории: Б. Шевалье вычислил, что 86% из 302 уставов 1300—1530 гг. в «Собрании королевских ординасов» записаны после 1360 г., и более половины (60%) — в 1450—1530 г.: *Chevallier B. Les bonnes villes de la France du XIVe au XVIe siècles*. P., 1982. P. 80—81; *Idem. Corporations, conflits politiques et paix sociale en France aux XIVe et XVe siècles* // *Revue historique*. 1982. T. CCLXVIII. P. 41.

⁴ *Les métiers et corporations de la ville de Paris*. T. I. P. 117—119.

⁵ *Recueil des reglements generaux et particuliers concernant les manufactures et fabriques du royaume*. P., 1730. T. I. P. 1—14, 17—18.

⁶ *Ibid.* P. 64—156.

⁷ Этот институт, существовавший до 1791 г., специалисты оценивают как первый в области управления экономикой во Франции: *Minard Ph. La Fortune du colbertisme. État et industrie dans la France des Lumières*. P., 1998. P. 31.

ставлениях об организации экономики государства и ее функционировании на местах.

Эдикт 1673 г. рассматривается историками именно в таком контексте, хотя он не «видит» ни этих решений, ни последовавших за ними действий. Он подчеркивает свою преемственность с генеральными ордонансами 1581 и 1597 гг., следуя традиционной для королевского законодательства риторике, и одновременно ссылается на относительно недавний декабрьский эдикт 1659 г., которым был утвержден регламент для одной парижской корпорации — цирюльников и банщиков¹. Именно такую логическую цепочку «выстраивает» эдикт 1673 г., настаивая на необходимости корпораций (как организационной структуры) для ремесел и торговли во всем королевстве, но никак не разъясняя, какими они должны быть — несмотря на прошедшие с 1581 г. почти 100 лет и очевидно изменившиеся обстоятельства.

По моему мнению, в этом следует видеть не столько «декларативность» эдикта², сколько свойственное эпохе стремление к профессионализации³ — разделению сфер и функций: королевский эдикт призван был выразить общую позицию государственной власти, а частные вопросы следовало решать на другом уровне.

И сама идея корпорации, одинаковой для всех ремесел, «естественным образом» модифицировалась — на фоне сотен отдельных ремесленных и торговых регламентов, которые королевская власть утвердила в ответ на ходатайства ремесленников и торговцев из самых разных городов королевства, и на фоне тех самых экономических преобразований, о которых уже шла речь.

Собственно к 1673 г. уже был утвержден один ремесленный регламент, устанавливавший правила и нормы для мастеров одной профессии и действовавший во всем королевстве: для музыкантов всех городов Франции (1658). Позднее появились общие регламенты для цирюльников, парикмахеров и банщиков (1725), для книгопечатников (1744). К 1673 г. были созданы и общие мануфактурные регламенты: для сукноделов (1669), для красильщиков сукна, саржи и других шерстяных тканей (1669), красильщиков

¹ Les métiers et corporations de la ville de Paris. Т. I. P. 118. 35 статей этого регламента вошли в следующий устав корпорации от 14 декабря 1673 г. Их сокращенный пересказ см.: Ibid. P., 1897. Т. 3. P. 659–662.

² См., например, решительную характеристику, данную ему Ж.-Л. Буржоном: *Bourgeon J.-L. Colbert et les corporations: l'exemple de Paris // Un Nouveau Colbert*. P., 1985. P. 248–250.

³ Малов В.Н. XVII век — время профессионализации // Человек XVII столетия / Под ред. А.А. Сванидзе, В.А. Ведюшкина. М., 2005. Ч. 1. С. 11–15.

шелка, шерсти и льна (1669)¹, изготовителей шелковых чулок (1672). Позднее к ним добавились общие регламенты для изготовителей чулок из шелка, шерсти и хлопка (1700), шляпников (1700), красильщиков шерстяных тканей и шерсти (1737). В это время и до конца Старого порядка не прекращалось утверждение новых ремесленных регламентов (для разных ремесел в разных городах), и почти все новые мануфактурные производства² получали свои собственные, отдельные регламенты, особенно много их было утверждено в середине – второй половине XVII в., и до 1673 г.: для мануфактур золотых, серебряных и шелковых тканей Парижа (1666), Лиона (1667), Тура (1667), Нима (1682) и др., суконных мануфактур Бове (1667), Амьена (1666), Омаля (1666), Седана (1666), Каркассона (1666), Реймса (1666) и многих других.

Утверждая единые регламенты, особенно – связанные с мануфактурными производствами, королевская власть как раз отчетливо «видела» множество частных регламентов, которые ею же были одобрены для отдельных производств³.

Этот феномен – единый регламент для ремесла или отрасли – и стал, как представляется, ответом XVII в. на синтезную идею

¹ Первый из регламентов предназначался для «красильщиков прочного крашения» (*teinturiers du grand et bon teint*) – мастеров, которые имели право красить во все цвета и оттенки цвета все виды шерстяных тканей, стоивших дороже 20 су за локоть, и «красильщиков малого крашения» (*teinturiers du petit teint*), которые могли красить обычные ткани, ценой меньше 20 су за локоть, могли перекрашивать старые ткани (LXXIX ст. «Инструкции» 1671 г.) и даже все ткани, но только если они были окрашены в синий или красный цвет красильщиками *du grand et bon teint*. Красильщики, деятельность которых регулировал второй регламент 1669 г., составляли отдельное профессиональное сообщество, хотя иногда их также называли *teinturiers du grand et bon teint*. Мастера могли красить шелк, шерсть, лен и хлопок, но не все одновременно, а выбрав для себя специализацию и строго следуя своему выбору (I ст. их регламента). См. также: *Franklin A. Dictionnaire historique des arts, métiers et professions exercés dans Paris depuis le treizième siècle*. P.; Leipzig, 1906. P. 685–686.

² Во многих случаях следовало говорить не о создании нового производства, а о получении прежним почетного титула королевской мануфактуры. О мануфактурах и регламентации того времени см.: *Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество*. М., 1991. С. 172–175.

³ См., например, выдержку из регистров Государственного совета от 20 мая 1669 г. в связи с общим регламентом красильщиков сукна, саржи и других шерстяных тканей, утвержденным в августе того же года, о «разных регламентах и статутах» для мануфактур сукна и саржи, предлагавшихся купцами, торговавшими сукном и саржей, «из многих городов»: *Recueil des reglements generaux et particuliers*. T. 1. P. 367.

XVI. Унификация в одной отрасли оказалась более реальной, более достижимой и — для того времени — жизненно необходимой. Об этом говорит и создание общих регламентов в следующем, XVIII столетии. Абсолютной унификации — как в административной сфере, так и в профессиональных вопросах, или даже в формировании единого формуляра ремесленного регламента — при этом достигнуто не было ни тогда, ни к концу Старого порядка.

Это выражалось, во-первых, в том, что общие регламенты продолжали, хотя и значительно реже по сравнению с эдиктом 1581 г., ссылаться на местные правила и обычаи. Имея королевскую санкцию, общие регламенты обладали необходимым авторитетом и соответствующими полномочиями, чтобы «обойти» местные привилегии, но все же не могли не считаться ни с ними, ни с отличиями между городами.

Общий регламент музыкантов и учителей танцев 1658 г., предлагая единые нормы и правила для всего королевства, был готов учитывать различия между городами лишь в том, что штрафы и вступительные взносы везде за пределами Парижа устанавливались вполтину от записанных в его статьях¹. Удивительным образом ни один другой общий регламент не принимал во внимание разницу в доходах мастеров.

Мануфактурный регламент изготовителей сукна, саржи и других тканей (1669) допускал, что размеры тканей могли быть установлены местными статутами², и в целом ориентировал мастеров на их собственные статуты, утвержденные в Королевском совете. Только если таких не было, предлагалось руководствоваться нормами, записанными в общем регламенте³, и подобный характер распоряжений как нельзя лучше способствовал принятию других — общих — норм. При необходимости особенности применения общих регламентов на местном уровне регулировались постановлениями местных властей⁴.

¹ Archives législatives de la ville de Reims / Publ. par P. Varin. P., 1847. Pt. 2: Statuts. Vol. 2. P. 627. XVI, XVIII ст.

² Recueil des reglements generaux et particuliers. T. 1. P. 285–287. IX, XIV, XXI, XXII ст. В уставе реймской мануфактуры 1666 г.: Archives législatives de la ville de Reims. P. 864–865. XIX–XXII ст.

³ Recueil des reglements generaux et particuliers. T. 1. P. 294–295. XLVI ст.

⁴ Так, общий для королевства регламент книгопечатников 1723 г. вместе с рядом других постановлений, прежде всего 1744 г., был подробно разъяснен для городских книготорговцев и печатников специальным ордонансом балы Реймса 1749 г.: Archives législatives de la ville de Reims. P. 469–471. Not.

К статутам и регламентам шляпного дела (*Statuts et Reglemens de la Chapellerie*) и прежним нормам (почти не конкретизируя их)¹ апеллировал регламент шляпников 1700 г.²

Регламенты красильщиков отсылали к прежним традициям и нормам, принятым в разных городах, всего в нескольких, но важных случаях.

Выборы присяжных в соответствии с регламентом красильщиков шелка, шерсти и льна (1669) должны были происходить в тот же день, в который они происходили всегда³, и такого же принципа предлагал придерживаться общий регламент красильщиков сукна, саржи и других шерстяных тканей (1669)⁴. А уже по регламенту 1737 г. выборы могли проходить исключительно с 1 по 6 декабря⁵, никаких региональных вариантов не допускалось.

Все три регламента устанавливали «обычный» вступительный взнос для нового мастера и члена профессионального сообщества⁶.

И только общий регламент красильщиков шелка, шерсти и льна (1669) указывал, что мастера обязаны использовать точные вес и меры, обычные для того места, где они проживают⁷.

Этот регламент настаивал на соблюдении всеми мастерами в королевстве единых правил обработки и окрашивания самых разных тканей, допуская исключение только для малого бархата (*petit velours à un poil*), который изготавливали в Лионе, и для «крепа, крепона, газа и шелковых полотен, которые делаются во многих местах»⁸.

¹ Например, «мастера шляпники могут смешивать бобровый мех в *таком* количестве, *какой следует*, чтобы делать шляпы *хорошего* качества» (курсив мой. — Е.К.) и др. Регламент не содержит подробных разъяснений и даже не имеет разделения на статьи (единственный среди рассматриваемых общих регламентов), устанавливая всего лишь несколько правил: о видах шляп, клейме, запрете на использование заячьего меха и заячьих шкур, о штрафах и досмотрах.

² *Recueil des reglements generaux et particuliers*. Т. I. P. 339–342.

³ *Ibid.* P. 371–372. II ст.

⁴ *Ibid.* P. 345. III ст.

⁵ *Supplement et suite des recueil des reglemens généraux et particuliers concernant les Manufactures et Fabriques du Royaume*, imprimé en 1730. [s.p., s.d.]. Т. II. P. 527. XIII ст.

⁶ Красильщики сукна (1669): *Recueil des reglements generaux et particuliers*. Т. I. P. 362. L ст. Красильщики шелка (1669): *Ibid.* P. 391–392. XCII ст. Красильщики шерстяных тканей (1737): *Supplement et suite des recueil des reglemens*. P. 546–547. XCI, XCII ст.

⁷ *Recueil des reglements generaux et particuliers*. Т. I. P. 383. LXXXVIII ст.

⁸ Исключение связано с особой (видимо, упрощенной) технологией окраски, «в просторечии называемой ‘на земле’» (*sur le cru*): *Ibid.* P. 378–379. XXXVIII ст. Этим мог заниматься только один (в городе) специально выбранный мастер, который должен был вести строгий учет окрашенным тканям, записывая их в особый реестр, впрочем, подобные реестры должны были быть у каждого красильщика

Регламент красильщиков шерстяных тканей 1737 г. не знает сравнимых исключений, в качестве единственной региональной особенности позволяя купцам из Лилля наравне с красильщиками красить в ярко-красный цвет, как они делали это прежде¹.

Очевидная для современников невозможность подвести всех под единые нормы и стандарты привела к тому, что ремесленники разных городов добивались отдельных привилегий, которые позволяли им следовать прежним традициям, не обязательно меняя общий регламент. На такую привилегию, полученную красильщиками Орлеана в 1718 г., ссылались красильщики из Реймса, добившись себе подобной привилегии в 1719 г. Она позволила им красить из белого в черное «малые ткани реймской мануфактуры» (особым образом)². В общем регламенте 1737 г. орлеанская привилегия оказалась никак не отражена, в отличие от реймской³.

Последний пример — свидетельство такой особенности общих ремесленных и мануфактурных регламентов как стремление к профессиональной унификации и одновременно ее невозможность.

В них стали появляться статьи, которые лишь в редких случаях, обычно в связи с длительными и сложными конфликтами, записывались в ремесленных и торговых уставах в Средние века и даже в раннее Новое время: раскрывались профессиональные секреты, позволявшие узнать об особенностях изготовления и оценки качества изделий, не прибегая к помощи специалистов. Подобное отношение к секретам, всегда тщательно хранившимся и составлявшим важнейшую часть профессиональной компетенции, отражает общую для этой эпохи тенденцию к разделению профессиональных знаний. Интерес к записи таких норм во многом был связан с организацией мануфактур, конечная продукция которых и даже процесс производства в значительной степени контролировались чиновниками — людьми, в этой области некомпетентными. Вследствие усиления конкуренции новая тенденция находила отклик и в ремесленных корпорациях (и в их регламентах), утверждавших пре-

(Recueil des reglements generaux et particuliers. T. 1. P. 383. LXXXVIII ст. P. 387–388. P. LXXXV ст.). О разных тканях см.: *Иерусалимская А.А.* Словарь текстильных терминов. СПб., 2005.

¹ Supplement et suite des recueil des reglemens. P. 527. XII ст.

² Archives législatives de la ville de Reims. P. 877–880. Not. *. Замечу, что общий регламент красильщиков сукна, саржи и других шерстяных тканей (1669) вообще запрещал красить из белого в черное: Recueil des reglements generaux et particuliers. T. 1. P. 350. XII ст.

³ Supplement et suite des recueil des reglemens. P. 537. LX ст. Также: Archives législatives de la ville de Reims. P. 884. LX ст.

имущество своей продукции, произведенной с соблюдением издавна установленных и проверенных временем правил и технологий. В результате менялось отношение к профессиональным знаниям, частью которых теперь могли обладать неспециалисты — чиновники (в силу своей должности) и предприниматели (вкладывавшие свои средства в производство), хотя понимание ценности знаний, с одной стороны, и ценности специалистов, носителей этих знаний, — с другой, сохраняется, и в целом традиция обращаться к профессионалам в раннее Новое время достаточно устойчива¹.

Три регламента красильщиков (1669 и 1737 гг.), а также принятая в 1671 г. «Общая инструкция для окрашивания шерсти»² самым подробным образом расписывали процесс обработки и окрашивания тканей, отдельно для шелка, шерсти и льна и для множества оттенков красного, синего, серого, желтого, зеленого цвета. В деталях разъяснялись способы проверки окраски и качества ингредиентов³ и определялись эталоны окраски и цвета. По правилам красильщиков шелка (1669) раз в два года корпорация красильщиков (в каждом городе) под контролем городских властей и других корпораций за свой отчет должна была сделать образцы окрашенных тканей, которые разрезались на три части: для самих красильщиков, для купцов и мастеров, изготавливавших дорогие шелковые ткани⁴. По правилам красильщиков сукна и саржи (1669) в течение двух недель после выборов присяжных следовало окрасить в разные цвета 12 кусков валоньского (*de Valogne[s]*) или беррийского (*ou Berry*) сукна в половину локтя и четыре куска ратина, затем каждый из них разрезался на две части: одна оставалась у красильщиков, вторая передавалась суконщикам⁵. По правилам 1737 г. сразу после утверждения регламента парижские красильщики шерстяных тканей (тоже под контролем властей) должны были окрасить в разные цвета 14 образ-

¹ Несомненно участие в создании общих регламентов специалистов — людей, разбиравшихся в особенностях отрасли, без которых они вообще не могли быть составлены. В.Н. Малов указывает, что кольберовские регламенты для текстильного производства составлялись по рекомендациям купцов-оптовиков и «не страдали мелочностью, в отличие от обширных постановлений XVIII в.»: *Малов В.Н.* Европейский абсолютизм второй половины XVII — начала XVIII в. // *История Европы с древнейших времен до наших дней.* М., 1994. Т. 4. С. 146.

² *Instruction generale pour la teinture des laines et manufactures de laine de toutes couleurs, & pour la culture des drogues ou ingrediens qu'on y employe.* P., 1671.

³ Например, в регламенте красильщиков шелка (1669): *Recueil des reglements generaux et particuliers.* Т. 1. P. 385—386. LXXXI ст.

⁴ *Ibid.* P. 384—385. LXXX ст.

⁵ *Ibid.* P. 345—346. IV ст.

цов сукна, разослав их затем в другие города королевства¹, что должно было служить гораздо более строгому единообразию в королевстве, по сравнению с прежними предписаниями.

Еще одна особенность общих регламентов состоит в том, что такой статус мог получить и частный устав, если он обладал высоким авторитетом — таким, как у парижских регламентов.

Регламент изготовителей шелковых чулок (1672) представляет собой частный устав, ориентированный на мануфактуру Мадридского замка (королевская резиденция в Булонском лесу, на северо-западе от Парижа), который посчитали нужным распространить на все чулочные мануфактуры королевства, как это сказано в утвердившем регламент королевском патенте². Регламент закреплял преимущество парижских мастеров, которые могли работать во всех городах королевства, не получая это звание заново, а лишь предъявив свидетельство парижского мастера³. Регламент 1700 г. для изготовителей чулок из шелка, шерсти и хлопка имел более общий характер и разрешал чулочникам работать в Париже и еще в 17 городах королевства (среди которых Руан, Нант, Экс, Тулуза, Лион, Пуатье, Орлеан, Амьен, Реймс и др.)⁴.

Действие регламента для книгопечатников Парижа 1723 г. было распространено на все королевство в 1744 г.⁵ Исходя из местной привилегии, он разрешал парижским мастерам обосновываться в любом городе, не проходя нового обучения и не давая новой клятвы, а лишь предъявив свидетельство, подтверждающее, что они являются парижскими мастерами⁶. В 1744 г. это правило не было ни отменено, ни скорректировано.

Постановление Государственного совета 1739 г. установило число печатников в Париже равным 36, а в королевстве — 230⁷: по 12 — в Лионе и Руане, по десять — в Бордо и Тулузе, по шесть — в Страсбурге и Лилле, по четыре — в Эксе, Безансоне, Кане, Дижоне. Дуэ, Гренобле, Нанте, Орлеане и Ренне, по три — в Марселе и в Труа. по два — в Алансоне, Амьене, Анжере и других городах (всего 24).

¹ Supplement et suite des recueil des reglemens. P. 540. LXX ст.

² Ibid. P. 8–9.

³ Ibid. P. 5. XX ст.

⁴ Ibid. P. 10, 12, 13.

⁵ Code de la librairie et imprimerie de Paris, ou Conférence du règlement arrêté au Conseil d'État du Roy, le 28 février 1723, et rendu commun pour tout le royaume, par arrêt du Conseil d'État du 24 mars 1744 / Publ. par C.-M. Saugrain. P., 1744. P. XXIII–XXIV.

⁶ Code de la librairie et imprimerie de Paris. P. 198. XLVIII ст.

⁷ В издании Р. Леспинасса ошибочно указано «226»: Les métiers et corporations de la ville de Paris. T. III. P. 699.

по одному — в 68 городах¹. Постановление требовало ликвидации типографий в 46 городах (в Амбуазе, Кале, Каркассоне, Седане, Вандоме и др.) и решало еще одну сложную для корпоративного сознания проблему: соблюдая ограничение числа мастерских и традиционное для корпораций вдовье право, оно сохраняло мастерские за вдовами, пока те работали, продолжая семейное дело, и другой мастер не мог претендовать на это место².

Регламентация оказалась «затягивающим» процессом. Создание общих регламентов не стало его конечной точкой. Напротив, теперь оказалось, что необходимо упорядочить виды и размеры самых разных тканей (отдельно — сукно, предназначенное для Леванта; ткани, которые производятся в Лилле, отдельно от тех, что делают в Лионе, Амьене, Алансоне...), а также окраску и другие этапы отделки (например, крашение шерсти, которая предназначалась для ковров (1733) и др.). И даже частные для городов и провинций королевства, эти регламенты представляют собой пространные многостраничные перечисления³, которые было бы очень сложно свести в некий единый текст, что также говорит о невозможности «абсолютного» единообразия. Знаком времени — и перемен — становится появление новых для регламентации терминов: «Инструкция» (о крашении), «Кодекс» (для книжного дела). И конечно, чем мелочнее регламентация, тем сложнее было соблюдать все правила и предписания.

Общезаконодательские ремесленные и мануфактурные регламенты, само появление которых указывает на новые черты экономической и социальной организации общества, отразили стремление к унификации управления экономикой и одновременно — представление о королевстве как едином организме и едином пространстве. Общие регламенты вторгались в «чужое» правовое поле и наступали на местные традиции, претендуя на то, чтобы заменить их некими «универсалиями» — общими понятиями, усредненными нормами, едиными требованиями. Однако им удалось описать специфику разных ремесел в масштабах всего королевства, а административные нормы сформулировать таким образом, чтобы как можно полнее удовлетворить общее стремление к порядку и такое же общее стремление к сохранению местной уникальности и привилегированности.

¹ Code de la librairie et imprimerie de Paris. P. 203–206. При этом в мастерской печатника должно было быть не менее четырех прессов и девяти видов шрифтов (Ibid. P. 208. LI ст.), а неупакованные надлежащим образом типографии закрывались, если в течение двух лет их владельцы не решали эту проблему (Ibid. P. 210–211. LIII ст.).

² Ibid. P. 212–213. LV ст.

³ Supplement et suite des recueil des reglemens. Т. II. Здесь представлены регламенты 1732–1737 гг.

Культура и социум

С.К. Цатурова

«Дворянство знаний»: культура как стратегия консолидации французского чиновничества XIII–XV вв.

Процесс возникновения централизованных государств в XIII–XV вв. и связанных с ними стабильных органов власти (административной, судебной и финансовой) повсеместно сопровождался на средневековом Западе появлением особой социальной группы профессиональных служителей – чиновничества. Им была уготована ведущая роль в становлении европейских монархий и в радикальной трансформации средневекового общества: политической, социальной и культурной его составляющих¹. В истории французской монархии эта роль особенно заметна: в силу ряда факторов монархи во Франции, имея сильных соперников в лице знати, вынуждены были опираться на союз с неблагородными сословиями и даже сами создавать себе союзников: в их числе оказались и чиновники. Следствием этого союза была королевская политика социального возвышения французского чиновничества, наделения его привилегиями и правами, которые сближали его с благородными сословиями – дворянами и клиром². Апогеем этого

¹ Анализ этого сложного процесса в контексте трансформации природы верховной власти (от патримониальной к публично-правовой) представлен в ряде трудов Н.А. Хачатурян, где отмечены как специфика аппарата управления, так и в целом конструктивная роль государственного строительства в развитии средневекового общества. См.: *Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв.* М., 1989; *Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века.* М., 2008.

² См. подробнее: *Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков.* М., 2012.

процесса стало появление к XVII в. так называемого дворянства мантии (короткой и длинной) – высшего звена служителей короны Франции.

Оформление французского чиновничества в отдельную социальную группу не было чем-то исключительным, напротив, сама специфика устройства средневекового общества диктовала потребность конституирования различных профессиональных групп в социальные корпоративные институты. Куда важнее в данном случае обратить внимание на те факторы, которые способствовали консолидации и самоидентификации социальной группы чиновников. Среди них едва ли не определяющую роль сыграла культура в самом широком смысле слова¹. В связи с этим мне хотелось бы заострить внимание на культуре как одном из структурообразующих элементов социума: каждая социальная группа несет в себе элементы своей особой культуры и, шире, образа жизни. А само общество целесообразно рассматривать как «пространство стилей жизни» различных групп, по выражению французского социолога Пьера Бурдьё, в их взаимодействии и взаимовлиянии².

О культуре и стиле жизни французского чиновничества и пойдет речь.

В основе социального возвышения и самоидентификации французского чиновничества лежал культурный капитал, прежде всего образование и университетский диплом. По справедливому замечанию Ж. Ле Гоффа, образование в Средние века было не только инструментом власти, оно само по себе давало власть³. На этом основании первыми служителями короля и теоретиками монархической власти были образованные клирики, выстраивавшие модель идеального правителя вокруг понятий «мудрости» и «службы на общее благо», взятых не только из Священного Писания, но и из античного наследия. Растиражированная стараниями клириков с XII в. поговорка «необразованный государь подобен коронованному ослу» весьма способствовала продви-

¹ О поиске французскими чиновниками своего места в социальном воображаемом и о специфике их культуры см. подробнее: *Цатурова С.К.* «Сеньоры закона»: К проблеме формирования «параллельного дворянства» во Франции XIV–XV вв. // *Средние века*. М., 2003. Вып. 64. С. 50–88.

² *Бурдьё П.* Социальное пространство и генезис «классов» // *Бурдьё П.* Социология социального пространства / Пер. с фр., отв. ред. Н.А. Шматков. СПб.; М., 2007. С. 25.

³ *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / Пер. с фр. под общ. ред. С.К. Цатуровой. М., 2001. С. 413.

жению в обществе ценности знаний как орудия справедливого правления¹. Центральное место в этой «системе знаний» отводилось праву и судебной функции как формам наилучшего правления: король был прежде всего и главным образом судьей «по образу Бога». Первоначальная сакральная концепция монархической власти существенно трансформировалась под влиянием так называемой рецепции римского права: аристотелизм XIII в. трудами глоссаторов и Фомы Аквинского способствовал утверждению в обществе нового представления о правосудии, этого *raison d'être* государства. Публично-правовая природа королевской власти породила иную, светскую трактовку права и судебной процедуры в духе соблюдения установленных норм и восстановления справедливости путем равной защиты интересов каждого члена сообщества².

Последствием этого стало оспаривание у людей Церкви первого места у трона монарха. Начало соперничеству положили университетские интеллектуалы, претендовавшие на статус новой властной элиты и «ока короля»³. Но вскоре эстафету успешно перехватили легисты – знатоки права и чиновники, вершившие суд и управление «именем короля». Свое привилегированное положение в обществе они оправдывали «служением на общее благо», благородством функции правосудия и «интеллектуальным капиталом» – университетским дипломом и знаниями.

Это новое «дворянство знаний» (*nobilitas scientiae*) соединяло в себе черты разных привилегированных групп. С духовенством их роднил статус судей, возводимый к древним жрецам и друидам⁴. На этом основании чиновники считали оправданны-

¹ *Guenée B.* L'Occident aux XIVe et XVe siècles. Les États. Paris, 1993. P. 139–140.

² О роли права и юстиции в формировании монархического государства см.: *Krynen J.* L'État de justice. France, XIIIe – XXe siècle. T. I: L'idéologie de la magistrature ancienne. Paris, 2009.

³ *Уваров П. Ю.* Лучшие люди христианства, лучшие люди королевства // Элита и этнос Средневековья. М., 1995. С. 206–212. Подробнее о десакрализации знания и превращении «властных интеллектуалов» XII–XIII вв. в «интеллектуалов при власти» XIV–XV вв. см.: *Paravicini Bagliani A.* Les intellectuels et le pouvoir au Moyen âge. Réflexions sur l'imaginaire social // Études des lettres. 1984. N 1. P. 20–48.

⁴ Впервые юристов приравнял к жрецам Ульпиан в Кодексе Юстиниана; эта аналогия успешно закрепились: наставник короля Карла VI Филипп де Мезьер именуется судейских чиновников «священниками закона», а папский легат в 1414 г. обратился к членам Парижского парламента (верховного суда Французского королевства) со словами из Послания апостола Петра «Вы царствен-

ми свои церковные налоговые привилегии. В дальнейшем бенефиции для королевских чиновников духовного звания, как и освобождение их от церковных налогов, предоставлялись папским престолом исключительно за их гражданскую службу. В то же время право как орудие защиты общего блага всех и каждого роднило чиновников с рыцарством, которое также защищало общий интерес всего королевства, но с помощью оружия. Осознавая себя с самого начала «рыцарями иного воинства», служители короны — «люди закона и правосудия» — с середины XIII в. получают почетные титулы «рыцарей закона / сеньоров закона», хотя их «благородство» вплоть до конца Старого порядка считалось «почетным, ненастоящим и несовершенно», по утверждению теоретика государственной службы XVI в. Шарля Луазо, и они так и не слились с родовитым дворянством¹. Однако налоговые привилегии, почет и статус чиновников вполне успешно обосновывались благородством функции правозащиты. Видный юрист XIV в. Жан Бутийе высказался на этот счет со всей определенностью: «Согласно древним законоведам, труд адвоката должен быть приравнен к рыцарству, ибо как рыцари сражаются за правое дело мечом, так же и адвокаты отстаивают и защищают право своим трудом и знанием, отчего они именуются в писаном праве рыцарями закона»².

И всё же приоритет университетов в самоидентификации и консолидации чиновников представляется неоспоримым. Ведь университеты являлись главной инстанцией, открывающей двери в коридоры власти и выдающей с помощью диплома «патент на карьеру» чиновника. Университетское образование и диплом являлись обязательным условием получения доступа к службе в органах королевской власти. И чем выше была должность в иерархии ведомств и служб короны, тем более высоким был образовательный ценз. Во всех службах короны Франции на этот момент присутствовала судебная (правовая) функция как главная миссия верховной светской власти. А от объема судебных полномочий зависели статус службы и критерии отбора на нее: чем больше судебных полномочий, тем выше статус службы. В связи с этим самые высокие критерии предъявлялись к двум институ-

ное священство» (1 Петр. 2: 9) (См.: *Цатурова С.К.* Формирование института государственной службы. С. 490).

¹ *Loyseau Ch.* Cinq livre du droit des offices. Lyon, 1701. P. 46.

² *Boutiller J.* Somme rurale (Цит. по: *Delachenal R.* Histoire des avocats au Parlement de Paris. 1300—1600. Paris, 1885. P. 137). Надо отметить, что в этот начальный период термином «адвокат» обозначались все юристы и правоведы.

там власти — к Канцелярии, где составлялись королевские указы и служители обязаны были иметь не только юридическое образование, но также владеть пером и высоким стилем, и к верховному суду королевства — Парламенту: сюда брали на штатные должности только с ученой степенью знатока права (канонического или гражданского), а лучше — обоих прав¹. Не случайно члены этих двух корпораций первыми стали претендовать на статус благородных лиц по службе, а не через грамоту об аноблировании чиновника.

Важно, что с середины XIV в. должности в королевской администрации замещались путем конкурсного отбора (выборов) при обязательном соучастии самих чиновников. Таким образом, решение о профессиональной состоятельности и степени пригодности претендентов на должности выносили сами же чиновники, что сплачивало эту социальную группу и укрепляло горизонтальные связи. Рождающаяся корпоративная солидарность чиновников — выходцев из разных слоев общества, объединенных общими достоинствами, — по своей природе также была сродни университетской корпорации, объединяющей людей разного социального происхождения, сделавших жизненный выбор в пользу знаний.

Именно университет «одарил» чиновников едва ли не самыми важными их атрибутами и знаками отличия, прежде всего почетными титулами. Потеснив духовенство у трона, университетские интеллектуалы способствовали трансформации понятия «клирик» — из обозначения лица духовного звания в «человека знаний»; следующим шагом на пути возвышения образованных людей стало признание университетского диплома источником «благородства», в особенности диплома в области права². Поэтому в официальных документах королевской администрации (в протоколах Парламента, в указах и хартиях) чиновники верховных ведомств именовались «магистрами / мэтрами», подчеркивая свой статус образованных людей. Так зарождались почетные титулы чиновников («знатный человек», «почтенный человек» и т.д.), апеллирующие к благородству образования.

¹ Критерии отбора на каждую службу четко и детально прописывались в королевских указах; помимо образования (диплома) кандидат должен был иметь профессиональный опыт работы, а также безупречную репутацию. См. подробнее: *Цатурова С.К.* Формирование института государственной службы. С. 279—304.

² *Уваров П.Ю.* Франция XVI в.: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. С. 296—297.

Внешние знаки отличия королевских чиновников также восходят к их университетскому образованию. Длинное одеяние (мантия) после резкой смены моды в обществе середины XIV в. закрепилось только за людьми Церкви, Университета, а также за монархом и его чиновниками. Не менее выразительным атрибутом облика чиновников была, безусловно, «шапка мастера» (магистра), которая также была частью униформы королевских должностных лиц. А восходили эти оба знака отличия к университетскому диплому: вместе с присвоением ученой степени «магистра искусств» ее обладатель получал право на ношение шапки «магистра» и длинной мантии (как это доньше делается в старинных университетах Европы). Наконец, еще один яркий штрих: за каждым из высших факультетов был закреплен свой цвет мантии. К середине XIV в. красный (пурпурный) цвет получает факультет права. Характерно, что такого же цвета была и королевская мантия, которая трактуется в XIV–XV вв. как «одеяние верховного судии». Длинная алая мантия и шапочка как атрибуты профессии чиновников-судей делали их «образом королевского величества», как официально именовался Парижский парламент¹. Эти знаки отличия, несомненно, выделяли их в повседневной толпе горожан, внушая почтение или страх, тем более что служители короны весьма ревниво следили за соблюдением форм почтения к их власти.

Наконец, именно университетские интеллектуалы успешно стали продвигать в обществе глубоко аристократичный миф о личной славе и отстаивать благородство доблести перед благородством крови. Церковную концепцию достоинства (*virtus*) — личных заслуг в основании социального превосходства — подхватили и развивали университетские интеллектуалы, доказывая преимущество «благородства по заслугам» в противовес «благородству по рождению» и соревнуясь тем самым с дворянством. Таким образом, спор «доблесть против крови» не был изобре-

¹ Внешний облик служителей короны был предметом их особых забот: мы знаем об этом только в связи с проведением торжественных политических церемоний (посткоронационных въездов королей в Париж, похорон монархов и т.д.) или корпоративных событий (похорон коллег, канцлера Франции и т.п.), но ясно, что знаки профессии в том или ином виде были атрибутами повседневного управления чиновниками властных полномочий (*Цатурова С.К.* Формирование института государственной службы. С. 434–454; *Цатурова С.К.* «На ком платье короля?» Королевские чиновники в торжественных въездах королей в Париж (XIV–XV вв.) // *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы* / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004. С. 216–248).

нием гуманистов XV–XVI вв., но почерпнут был из античного наследия и опирался на средневековые концепты достоинства личности. Все эти идеи весьма пригодились королевским чиновникам для легитимации их социального возвышения, богатства и привилегий. Теоретик государственной службы XVI в. Шарль Луазо с гордостью заявлял: «Доблесть это единственно почтенный способ достижения чинов»¹. Эти идеи чрезвычайно повышали самооценку королевских чиновников, превращая их в прообраз меритократии².

Как же проявлялись все эти культурные приоритеты в повседневной жизни чиновников короны Франции XIII–XV вв.? Увы, для столь раннего периода мы располагаем лишь отрывочными сведениями. Но все же они есть, и довольно красноречивые. Прежде всего, благодаря имеющемуся корпусу надгробных плит в церквях Парижа за XIII–XVII вв. мы можем убедиться, что университетский диплом и образование служили важнейшими маркерами социальной принадлежности чиновников. Из 246 сохранившихся эпитафий тех, кто состоял в течение жизни на королевской службе, в 40 случаях на первом месте упоминается ученая степень, причем абсолютное большинство здесь составляют члены Парламента, что неудивительно, учитывая роль образования при отборе на службу в верховную судебную палату королевства³.

Еще в большей степени об исключительном месте образования и ученой культуры в консолидации социальной группы чиновников, как и в повседневной жизни, свидетельствуют их завещания и иные документы частноправового характера. В большинстве завещаний чиновников содержатся целевые дары на получение образования или поддержание в учебе детей, родственников, родственников друзей и коллег. Так, из корпуса 234 завещаний конца XIV – начала XV в., сохранившихся в архиве Парламента, пожертвования на образование упоминаются в 22, причем 59% (13 завещаний) приходится именно на группу чиновников. Среди них советник Парламента Пьер д'Арси рас-

¹ «l'unique moyen loüable de parvenir aux offices, est la vertu» (*Loyseau Ch. Op. cit. P. 10*).

² *Цатурова С.К. Формирование института государственной службы. С. 300–303.*

³ 25 эпитафий членов Парламента, пять – «советников короля» без указания ведомства, четыре – служителей парижского Шатле, три – Палаты счетов, одна – канцлера Франции, одна – нотариуса Канцелярии и одна нотариуса Налоговой палаты (Там же. С. 498).

порядился продать дом и на вырученные деньги после уплаты всех долгов содержать его брата «в школе»; мэтр Палаты счетов Пьер дю Шатель завещал часть имущества своему кузену Жанену Ле Вьелару, а кроме того из переданного дочери и зятю состояния просил их выделить 500 франков на содержание того же Жанена «в школах из года в год непрерывно, дабы он мог приобрести знания»; адвокат Парламента Дени де Руиль выделил часть средств племяннику с тем, однако, условием, что он будет обучаться гражданскому праву, а если он откажется, эту сумму следовало отдать другому родственнику, чтобы тот получил диплом права в университетах Орлеана, Парижа или Анжера; первый президент Парламента Жан де Пупанкур, выделив из своего большого наследства немалые суммы на обучение своих племянников, оговаривает, что лишает этого дара того из них, кто не станет учиться¹.

О том, как образование скрепляло горизонтальные связи внутри социальной группы чиновников, создавая новую корпоративную этику, свидетельствуют щедрые дарения для получения образования для дальних родственников или детей коллег. Образцовым примером может служить завещание Жана Канара, королевского адвоката в Парламенте и епископа Аррасского: он сделал несколько дарений по завещанию друзьям и коллегам на получение образования их детей². И даже женщины из круга чиновников не остались в стороне от этой «погони за дипломами», выделяя деньги «на содержание в школах и получение должности» родным и близким³. Но не только подобные дарения свидетельствуют о новой ценности образования внутри социальной группы чиновников: куда важнее представляются безадресные дарения «бедным студентам» или коллегиям для поддержания «образовательного рвения». Ведь многие из среды чиновников некогда сами получили образование и тем самым доступ к должностям благодаря щедрым покровителям университетских коллегий и школ, благодаря стипендиям, выделяемым талантливым выходцам из бедных семей. И они в свой черед поступают так же. В шести завещаниях значатся дарения «бедным студентам», среди дарителей — мэтр Палаты счетов Пьер дю Шатель, коро-

¹ Bibliothèque Nationale de France. Collection Moreau (далее — BNF. Moreau). 1161, fol. 370, 784v–785; Testaments enregistrés au Parlement de Paris sous le règne de Charles VI / Textes publiés par A. Tuetey // *Mélanges historiques. Choix de documents*. Paris, 1880. T. 3 (далее — Testaments). P. 275–278, 340.

² Testaments. P. 397.

³ Ibid. P. 479; BNF. Moreau. 1162, fol. 399v–400.

левский нотариус и секретарь Парламента Никола де Леспуасс, нотариус Канцелярии Лоран Лами, еще трое — выходцы из семей потомственных чиновников¹. Различные дарения университету и коллегам сделаны в 25 завещаниях (из сохранившихся 234), и треть от общего числа дарителей (восемь человек) являлись королевскими чиновниками. Дарения были сделаны в пользу церковных школ, факультетов права, коллежей Шоле и Форте в Париже, наконец, Наваррского коллежа — этой кузницы государственных кадров и очага раннего французского гуманизма².

Едва ли не самой яркой и интересной частью повседневной жизни французских чиновников этого периода оказываются книги. Служители короны, в особенности судейские и секретари Канцелярии, были в числе главных потребителей книжной продукции. Об этом свидетельствуют собранные ими богатейшие библиотеки, едва ли не самые крупные из числа частных книжных собраний³. А библиотека секретаря Парламента по гражданским делам Никола де Бая признается самой крупной частной библиотекой своего времени (опись библиотеки сделана в 1419 г.). Состав этих библиотек демонстрирует широту культурных запросов королевских чиновников: здесь мы встречаем наряду с религиозной литературой не только представительные собрания книг по праву (гражданскому и каноническому), но и произведения античных авторов, исторические сочинения, а также труды гуманистов, прежде всего итальянских.

Но помимо состава библиотек о возросшей ценности книг и знания свидетельствуют формы бытования книг внутри чиновной среды. Если обобщить все «операции» с книгами, то можно с уверенностью констатировать: книги воспринимались как корпоративная собственность и редко выходили за пределы круга чиновников. Все они неустанно гонялись за книгами, при любой возможности старались ими завладеть и весьма неохотно с ними расставались.

¹ BNF. Moreau. 1161, fol. 75, 400v, 768v; Testaments. P. 275.

² См. подробнее: Цатурова С.К. Формирование института государственной службы. С. 500–502; о Наваррском коллеже см.: Ouy G. Le collège de Navarre. berceau de l'humanisme français // Actes du 95e Congrès nationale des sociétés savantes. Philologie et histoire. Paris, 1975. P. 276–299.

³ Autrand F. Culture et mentalité. Les librairies des gens du Parlement au temps de Charles VI // Annales. ESC. 1974. N 5. P. 1219–1244; Hasenhor G. L'essor des bibliothèques privées aux XIVe et XVe siècles // Histoire des bibliothèques françaises. Paris, 1989. P. 215–263.

Прежде всего пополнялись библиотеки служителей короны за счет различных форм передачи книг друг другу¹. Главным образом книги переходили из рук в руки по завещаниям, причем не только в виде посмертного дара, но и в счет оплаты услуг душеприказчиков, которые, за редким исключением, выбирались из числа коллег и сослуживцев². Пункты завещаний чиновников, касающиеся книг, упоминают и иные формы пополнения личных библиотек: получение книг в залог, в оплату долгов или различных профессиональных услуг, передача их «на хранение», наконец, в «длительное пользование». Так, президент Следственной палаты Парламента Жан де Сен-Врен внес в текст завещания распоряжение вернуть находящиеся у него книги некоему адвокату Ансельму из Витри, а известный парламентский адвокат Жан де Нели-Сен-Фрон и вообще просит душеприказчиков просмотреть все имеющиеся в его доме книги и те, в начале или конце которых надписано, кому они принадлежали, вернуть законным владельцам³. Самый известный гражданский секретарь Парламента Никола де Бай, собравший крупнейшую частную библиотеку, являл собой чиновный образец книжного коллекционера. Так, он всячески препятствовал тому, чтобы двенадцать книг по каноническому праву, находящиеся в распоряжении Парламента на время судебной тяжбы наследников, были переданы одной из сторон до завершения спора, так что президенту Парламента Пьеру Боше пришлось прибегнуть к угрозам, дабы заставить секретаря расстаться с этим богатством. Еще более наглядный прецедент произошел с трактатами Джона Уиклифа: эти шесть трактатов были некогда завещаны Парламенту советником Пьером д'Акиньи, однако после осуждения учения Уиклифа они подлежали передаче епископу Парижскому; но Никола де Бай целых три года проявлял опасное упорство и нехотя отдал книги, настаивая на незаконности подобного их изъятия. Можно предположить, что судьбу и его богатейшей библиотеки решил корпоративный интерес. Секвестрированное наследство

¹ Авторитетная исследовательница истории средневековой книги А. Шарон подчеркивает, что практика дарения книг была чрезвычайно распространена в XV в. из-за восприятия знания как «Божьего дара», которым нельзя торговать; так что большинство частных библиотек создавались с помощью дарений (*Charon A. Usages du livre en France au XVe siècle // Pratique de la culture écrite en France au XVe siècle. Louvain-la-Neuve, 1995. P. 457-472*).

² Цатурова С.К. Формирование института государственной службы. С. 502–504.

³ BNF. Moreau. 1162, fol. 433v–434; Testaments. P. 319.

Никола де Бая стало предметом долгого судебного разбирательства между его наследниками и фиском, причем дело имело явно политическую подоплеку (Париж в это время уже находился под властью англо-бургиньонов). Но Парламент всемерно отстаивал честь и интересы своего образцового чиновника, и не в последнюю очередь эта твердая позиция определялась заинтересованностью парламентариев — не выпускать из своих рук его библиотеку как общее корпоративное наследие¹.

Судьба библиотеки Никола де Бая удивительным образом повторяет историю, случившуюся за полвека до этого с другой крупнейшей библиотекой чиновника XIV в. — Робера Ле Кока, идеолога и руководителя парижского восстания 1356—1358 гг. После поражения восстания он был изгнан из пределов Франции, а его имущество конфисковано короной. Однако богатейшая библиотека Робера Ле Кока не была ни распродана, ни передана в королевскую библиотеку, а осела в руках чиновников, вероятно, пополнив их частные собрания².

Статьи завещаний чиновников, касающиеся распоряжения книгами, раскрывают еще одну важную черту культуры этой группы: зарождающийся прагматизм по отношению к знанию и восприятие книги как инструмента профессии. Все дарения книг — будь то родственникам или частным лицам, коллегиям или университетам — четко продиктованы профессиональными критериями: книги по праву — юристам, религиозная литература — иерархам церкви и т.д.

Разумеется, прагматичность, рациональность культуры формирующейся группы чиновничества была продиктована нуждами государственного управления. Но нельзя не признать, что чиновная культура несла в себе важную политическую и символическую нагрузку, оправдывая высокий общественный статус, привилегии, богатство и почет тех, кто служил «общему благу» Французского королевства.

¹ См. подробнее: *Цатурова С.К.* Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV в. М., 2002. С. 314—316.

² Сначала она находилась в распоряжении финансового чиновника в Вермандуа, по смерти которого наследники решили избавиться от нее, перевезя в дом адвоката Парижского Парламента Пьера де Рошфора, где в присутствии нескольких высоких королевских чинов 28 апреля 1362 г. была составлена опись этого богатейшего собрания книг и рукописей. См. подробнее: *Delachenal R.* La bibliothèque d'un avocat du XIVe siècle. Inventaire estimatif des livres de Robert le Coq // *Nouvelle revue historique de droit français et étrangers.* 1887. N 11. P. 524—537.

Круг чтения вюртембергского бюргерства первой половины XVII в. по имущественным описям

Исследование особенностей мировоззрения, присущих широким грамотным слоям городского и сельского населения Европы раннего Нового времени и, в частности, рецепции реформационных идей и ренессансной культуры, неизбежно связано с выявлением круга чтения этих социальных групп. Изучение же круга чтения, в свою очередь, в значительной степени сводится к анализу того, какие именно книги приобретали, хранили и передавали по наследству люди того времени. Настоящая статья посвящена рассмотрению этих проблем на локальном материале герцогства Вюртемберг — самой большой из немецких территорий юго-запада Священной Римской империи.

Три особенности вюртембергского социума предопределили специфику развития в нем массовой книжной культуры. Во-первых, ортодоксальное лютеранство, утвердившееся в герцогстве после 1534 г.¹, способствовало индивидуальному интересу к тексту Священного Писания и поясняющей его нравоучительной литературе. Во-вторых, начальное школьное образование, ставшее в Вюртемберге всеобщим в 1649 г., фактически было обязательным для всех детей из семей, пользовавшихся правами вюртембергского гражданства (т.е. для всех жителей герцогства кроме весьма незначительного числа иммигрантов из соседних территорий) еще с конца XVI в. Как мальчики, так и девочки обучались чтению, письму и счету; кроме того, в каждом из более

¹ О реформации в Вюртемберге и структуре вюртембергской лютеранской церкви см.: *Vann J. A. Württemberg auf dem Weg zum modernen Staat. 1593–1793. Stuttgart, 1986. S. 12; Schäfer W. Kleine Württembergische Kirchengeschichte. Stuttgart, 1964. S. 48–60; Grube W. Der Stuttgarter Landtag. 1457–1957. Von den Landständen zum demokratischen Parlament. Stuttgart, 1957. S. 224–236; Прокопьев А.Ю. Сакральная миссия границы: Вюртемберг в конфессиональную эпоху // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2012. С. 107–129.*

чем семидесяти вюртембергских городов функционировали немецкая и латинская школы, в которых отпрыски семей городской верхушки, а также некоторое число наиболее талантливых учеников из бедных семей могли подготовиться к поступлению в Тюбингенский университет¹.

Наконец, третьим фактом, важным для рассматриваемой темы, стало социальное и экономическое положение вюртембергского бюргерства. После 1519 г., когда местное рыцарство перешло под непосредственный сюзеренитет императора и, как следствие, получило полную независимость от герцогской власти, роль единственной локальной элиты досталась городской верхушке². Именно ее представители определяли внешнюю и внутреннюю политику герцогства, заседала в ландтаге³, и формировали органы местного самоуправления⁴. Поскольку, однако, большая часть Вюртемберга представляла собой аграрный регион, основу благосостояния которого составили хлебопашество и виноделие⁵, вюртембергские города фактически являлись большими сельскими поселениями, а их бюргеры были по своему экономическому положению скорее крестьянами разной степени зажиточности. По своим формальным правам, самосознанию и уровню образованности они, впрочем, значительно отличались от большей массы немецкого крестьянства раннего Нового времени.

¹ О системе начального образования в Вюртембере см.: *Dehlinger A.* Württembergs Staatswesen. Stuttgart, 1951. Bd 1. S. 461–462; *Sabean D.* Das zweischneidige Schwert. Herrschaft und Widerspruch in Württemberg der Frühen Neuzeit. Berlin, 1986. S. 28; *Landwehr A.* Policy im Alltag. Die Implementation frühneuzeitlicher Policyordnungen in Leonberg. Freiburg in Breisgau, 2000. S. 211. О Тюбингенском университете в первой половине XVII в. см.: *Zaschka B.* Die Lehrstühle der Universität Tübingen im Dreißigjährigen Krieg. Zur sozialen Wirklichkeit von Professoren im vorklassischen Zeitalter. Tübingen, 1993; *Häcker S.* Universität im Krieg. Die Universitäten Heidelberg Tübingen und Freiburg im Dreißigjährigen Krieg // Universitäten im Dreißigjährigen Krieg / Hg. von M. Asche, M. Füssel. Potsdam, 2011. S. 98–123.

² О вюртембергской городской элите см.: *Haug-Moritz G.* Die württembergische Ehrbarkeit. Annäherungen an eine bürgerliche Machtelite der Frühen Neuzeit. Ostfildern, 2009; *Gebhardt W.* Bürgertum in Stuttgart. Beiträge zur «Ehrbarkeit» und zur Familie Autenrieth. Stuttgart, 1999. S. 19–54.

³ О вюртембергских органах сословного представительства см.: *Grube W.* Op. cit.; *Vann J. A.* Op. cit. S. 33–37.

⁴ О вюртембергском городском самоуправлении см.: *Vann J. A.* Op. cit. S. 32; *Dehlinger A.* Op. cit. Bd. 1. S. 98–99; *Landwehr A.* Op. cit. S. 50–52.

⁵ См. общий очерк экономического развития Вюртемберга в начале XVII в.: *Boelcke W. A.* Wirtschaftsgeschichte Baden-Württembergs. Von den Römern bis heute. Stuttgart, 1987. S. 98–102.

Избранный нами для исследования город Битигхайм, лежащий в двадцати километрах к северу от столицы герцогства Штутгарта в плодородной долине реки Неккар, представляет собой типичный пример подобного сельского поселения, которое обладало городскими правами¹. Население Битигхайма в начале XVII в. составляло около двух тысяч человек, большинство из которых были заняты в аграрной сфере. Город никогда не был крупным торговым центром, а местные ремесленники работали исключительно на внутренний локальный рынок, обслуживая повседневные нужды преимущественно земледельческого бюргерства.

Временные рамки нашего исследования – 1634–1650 гг. – совпадают со второй, наиболее тяжелой для Вюртемберга половиной Тридцатилетней войны². Вплоть до 1632 г. вюртембергским герцогам удавалось сохранять нейтралитет в условиях общенемецкого конфликта, но после прихода шведских войск в Южную Германию их вступление в войну стало неизбежным. Результатом союза со Швецией были поражение в битве при Нёрдлингене и оккупация герцогства католическими армиями в сентябре 1634 г. С этого времени и вплоть до роспуска наемных войск в Священной Римской империи в июне 1650 г.³ неприятельские военные части постоянно действовали на территории Вюртемберга, а вызванная войной хозяйственная разруха, эпидемии и голод способствовали глубокому демографическому и

¹ Об истории Битигхайма в XVI–XVII вв. см.: *Sieber A.* Das heutige Oberamt Besigheim in den Zeiten des Dreißigjährigen Krieges. Tübingen, 1935 (Dissertation); *Benning S.* Niedergang und Stagnation. Bevölkerungsentwicklung, Wirtschaft und Stadtbild vom Dreißigjährigen Krieg bis zum Ende des 18. Jahrhunderts // *Bietigheim, 789–1989. Beiträge zur Geschichte der Siedlung, Dorf und Stadt* / Hg. von S. Benning. Bietigheim-Bissingen, 1989. S. 317–451; *Bentele G.* Protokolle einer Katastrophe. Zwei Bietigheimer Chroniken aus dem Dreißigjährigen Krieg. Bietigheim-Bissingen, 1998.

² О политической и военной истории Вюртемберга в период Тридцатилетней войны см.: *Verwüstet und entvölkert. Der Dreißigjährige Krieg in Württemberg.* Katalog zur Ausstellung des Hauptstaatsarchiv Stuttgart / Bearb. von A. Ernst. Stuttgart, 1998; *Vann J.A.* Op. cit. S. 82–83; *Zizelmann S.* Um Land und Konfession. Die Außen- und Reichspolitik Württembergs. 1628–1638. Frankfurt am Main, 2002; *Neuburger A.* Konfessionskonflikt und Kriegsbeendigung im Schwäbischen Reichskreis. Württemberg und die katholischen Reichsstände im Südwesten vom Prager Frieden bis zum Westfälischen Frieden. 1635–1651. Tübingen, 2011.

³ См.: *Oschmann A.* Der Nürnberger Exekutionstag. 1649–1650. Das Ende des Dreißigjährigen Krieges in Deutschland. Münster, 1991.

экономическому кризису, последствия которого были преодолены лишь к середине XVIII в.¹

Жителям Битигхайма пришлось пережить все тяготы многолетней войны, перед вызовами которой они были практически беззащитны². В 1634 г. город был разграблен императорскими и баварскими войсками. Начиная с зимы 1634/35 гг. и до 1650 г. в нем каждую зиму были расквартированы наемные отряды, содержание и жалованье которых оплачивались самими горожанами. До двух третей населения Битигхайма умерли или бежали из города во время эпидемии дизентерии 1635 г. и последовавшего за ней голода 1636–1638 гг. В то же время местные политические и социальные структуры остались неизменными, а объем и разнообразие источников, сохранившихся в местном архиве, делают Битигхайм едва ли не идеальным объектом изучения для историков, исследующих влияние войн раннего Нового времени на различные стороны частной и общественной жизни сельского общества.

Уникальным источником, позволяющим, хотя и с существенными оговорками, реконструировать многие черты повседневной жизни, в том числе и книжную культуру вюртембергских обывателей, являются так называемые инвентуры – описи имущества, которые согласно местным законам должны были составляться после смерти любого владельца самостоятельного домохозяйства или же при любом вступлении в брак³. Они были призваны обеспечить законность раздела наследства, которое в Вюртемберге распределялось между всеми детьми, а в некоторых случаях и иными родственниками или собственниками покойника, а также гарантировать взимание сопровождающих полу-

¹ О демографических и экономических последствиях Тридцатилетней войны для Вюртемберга см.: *von Hippel W.* Das Herzogtum Württemberg zur Zeit des Dreißigjährigen Krieges im Spiegel von Steuer- und Kriegsschadensberichten. 1629–1655. Materialien zur historischen Statistik Südwestdeutschlands. Stuttgart, 2009.

² См.: *Bentele G.* Op. cit. S. 54–69; *Benning S.* Op. cit. S. 318–327; *Sieber A.* Op. cit. S. 42–49.

³ О вюртембергских имущественных описях см.: *Ogilvie S., Kúpker M., Maegraith J.* Household Debt in Early Modern Germany. Evidence from Personal Inventories // *The Journal of Economic History*. 2012. Vol 72. P. 134–167; *Bidingmaier R.* Inventuren und Teilungen // *Serielle Quellen in süddeutschen Archiven. Eine Handreichung für die Benutzerinnen und Benutzer südwestdeutscher Archive* / Hg. von Ch. Keitel, R. Keyler. Stuttgart, 2005. S. 21–28; *Mannheims H.* Wie wird ein Inventar erstellt? Rechtskommentare als Quelle der volkskundlichen Forschung. Münster, 1991. S. 28–33.

чение наследства налоговых сборов. При этом учитывались не только экономически значимые составляющие имущества (дома и хозяйственные постройки, земельные угодья в собственности и в условном держании, денежные и иные долги), но и сравнительно малоценная домашняя утварь, одежда и предметы обихода, в том числе книги.

Массовый характер вюртембергских описей позволяет использовать почерпнутые из них данные в качестве источника по истории книжной культуры в Юго-Западной Германии XVI–XVIII вв. Репрезентативность этого типа источников, вызывает, однако обоснованные сомнения исследователей¹, связанные прежде всего с особенностями составления описей, о которых пойдет речь ниже. Количественное исследование данных описей зачастую оказывается невозможным даже для конца XVIII в., не говоря о более ранней эпохе, отмеченной к тому же войной и связанным с ней кризисом городского самоуправления и делопроизводства. Тем не менее некоторые выводы о характере и роли книжной культуры в среде вюртембергского бюргерства начала XVII в. представляются заслуживающими внимания.

За период 1634–1650 гг. в архиве Битигхайма сохранилось пятьдесят относительно полных посмертных описей (при примерной численности городского населения в две тысячи человек это означает, что полной инвентаризации подверглось имущество каждой шестой или седьмой бюргерской семьи)². Данные об имевшихся в составе имущества книгах сохранились в восемнадцати из них. Это не означает, разумеется, что книги имелись лишь в трети городских домов. Отсутствие упоминаний о них во многих случаях следует приписать небрежности составителей описей. Несмотря на неоднократные герцогские и коммунальные предписания, требовавшие от городских и сельских писа-

¹ См.: *Medick H.* Buchkultur und lutherischer Pietismus. Buchbesitz, erbauliche Lektüre und religiöse Mentalität in einer ländlichen Gemeinde Württembergs am Ende der frühen Neuzeit // *Frühe Neuzeit – Frühe Moderne? Forschungen zur Vielsichtigkeit von Übergangsprozessen* / Hg. von R. Vierhaus. Göttingen, 1992. S. 297–326; *Medick H.* Weben und Überleben in Laichingen. 1650–1900. Göttingen, 1997. S. 607–613; *Quarthal F.* Leseverhalten und Lesefähigkeit in Schwaben vom 16. bis zum 19. Jahrhundert. Zur Auswertungsmöglichkeit von Inventuren und Teilungen // *Vergangenheit als Verantwortung. Festschrift für Otto Borst* / Hg. von H. Schultheiß. Stuttgart, 1989. S. 340–350.

² Stadtarchiv Bietigheim-Bissingen (далее – StA BB), Bh, B 936a: Inventuren und Teilungen, Bd 26 (1601–1636); B 937: Inventuren und Teilungen (1636–1637); Inventuren und Teilungen, Bd 28 (1636–1660); B 939: Inventuren und Teilungen (1637–1652); B 940: Lehenbuch (1640).

рей тщательности в составлении описей¹, жалобы на падение их качества повторялись неоднократно². В тяжелые годы войны к этой небрежности прибавились еще два обстоятельства: массовая смертность во время эпидемий многократно увеличивала объем работы составителей описей, а бедственное финансовое состояние многих наследников не позволяло им должным образом оплачивать эту работу. Если недвижимость и денежные долги, подлежащие налогообложению, фиксировались в достаточно полном объеме, то движимое имущество, в особенности мелкая домашняя утварь и книги, попадало в опись далеко не всегда. Известен как минимум один случай³, когда опись объемной личной библиотеки была заказана наследниками, но по каким-то причинам осталась невыполненной.

Даже если опись книжного собрания была составлена достаточно аккуратно, информация о самих книгах не отличалась полнотой. В большинстве случаев составителей описи интересовали лишь краткое название книги, порой даже без имени автора, и ее формат. Порой остается лишь предполагать, имели ли они дело с печатным изданием или же с рукописью. Эти обстоятельства в ряде случаев весьма затрудняют идентификацию тех или иных книг, упомянутых в описи, а часто и вовсе делают ее невозможной.

Даже те восемнадцать семей, от которых до нас дошли описи книжных собраний, владели весьма ограниченным числом книг и рукописей. Лишь в двух случаях их количество в одном домохозяйстве превышает двадцать наименований, еще четыре описи включают в себя от десяти до двадцати книг. Более чем в половине рассматриваемых случаев речь идет о владении очень небольшим числом изданий (от пяти до десяти), подбор которых, как мы увидим ниже, также не отличался разнообразием.

¹ Vollständige, historisch und kritisch bearbeitete Sammlung der württembergischen Gesetze (далее — Württembergische Gesetze) / Hg. von A. L. Reyscher. Stuttgart — Tübingen, 1828—1847. Bd. 5. S. 428: General-Reskript, das Obsigniren und Inventiren betreffend, 3.09.1642; S. 437: General-Reskript, das Inventiren betreffend, 5.04/31.07.1647. (Здесь и далее все даты приводятся в соответствии с источниками по юлианскому календарю.) См. также: *Sabean D. Property, Production and Family in Neckarhausen. 1700—1870.* Cambridge, 1990. P. 72—73.

² Hauptstaatsarchiv Stuttgart (далее — HStA St), A 206, Bü 727: Die Verlassenschaft des zu Bietigheim verstorbenen Goldschmieds Friedrich Klug aus Breslau (1650—1673); StA BB, Bh, BB 447: Gerichtsprotokoll Bietigheim, Einträge von 29.03.1642 und 2.03.1644.

³ StA BB, Bh, B 940, 9r: Inventar von Georg Wennagel. 02.02.1640.

Прямой корреляции между имущественным положением того или иного жителя Битигхайма и величиной и разнообразием книжного собрания, находившегося в его доме, выявить не удастся. Лишь в описях имущества двух из пяти богатейших семей города обнаруживается от двух до четырех книг. В то же время их можно найти в трети инвентарей беднейших крестьян, владевших бюргерскими правами в Битигхайме. Богатейшие книжные собрания, в которых насчитывалось более десяти печатных изданий и рукописей, находились в собственности в средних и мелких домохозяйствах. К сожалению, не сохранились имущественные описи битигхаймского духовенства и учителей. Они по роду своих занятий должны были располагать относительно значительными личными библиотеками, но в силу особенностей своего социального и профессионального статуса и полученного ими специализированного образования представляли собой достаточно замкнутую квазисословную группу, интеллектуальные интересы внутри которой должны были существенно отличаться от принятых в бюргерской среде¹.

Разумеется, главной книгой, хранившейся и читавшейся в вюртембергских домах, была Библия. Тексты Священного Писания упоминаются во всех исследованных описях, порой даже в нескольких экземплярах, причем часто речь идет не только о немецком, но и о латинском, а в исключительных случаях и о греческом его варианте. Наряду с полными изданиями Библии в ходу были и отдельные издания ее частей, прежде всего Евангелий, Псалтыри и, несколько реже, Притчей Соломоновых и Книги Иисуса сына Сирахова.

Нередко в описях упоминаются не только сами священные тексты, но и комментарии к ним, а также их адаптированные пересказы. Жанр «Библейских суммарий» — кратких переложений наиболее важных библейских сюжетов, обычно снабженных иллюстрациями и предназначенных для не слишком образованного, но грамотного читателя, а также для школьных нужд, пользовался значительной популярностью в Вюртемберге с конца XVI в.² Примечательно, что один из подобных пересказов

¹ О вюртембергском духовенстве как особой социальной группе см.: *Tolley B. Pastors and Parishioners in Württemberg during the Late Reformation. 1581–1621. Stanford, 1995; Wahl J. Lebensplanung und Alltagserfahrung. Württembergische Pfarrfamilien im 17. Jahrhundert. Mainz, 2000.*

² *Jung, M. Biblische Summarien. Eine unbeachtete literarische Gattung der lutherischen Orthodoxie // Tradition und Fortschritt. Württembergische Kirchengeschichte im Wandel / Hg. von N. Haag. Epfendorf, 2008. S. 121–144.*

Священного Писания, изданный в Штутгарте в 1630 г., принадлежал перу бюргера Битигхайма, художника и гравера Конрада Роттенбургера¹. Его «Библейские суммарии» обильно иллюстрированы его собственными гравюрами довольно низкого качества, которые сопровождаются подписями, разъясняющими те или иные библейские эпизоды. Роттенбургер, бывший, очевидно, одним из самых образованных жителей города (инвентарь с описанием его личного книжного собрания, к сожалению, не сохранился или не был составлен), оставил и единственную дошедшую до наших дней из Битигхайма частную хронику, делая записи на полях городских земельных кадастров, ведение которых на протяжении почти двух десятилетий было его обязанностью².

Помимо собственно священных текстов многие жители Битигхайма владели изданиями теологических и нравоучительных сочинений первых реформаторов. В городе имелись в наличии «К христианскому дворянству немецкой нации»³, «О светской власти»⁴ и «Застольные беседы»⁵ Лютера а также сборник неназванных сочинений Меланхтона⁶. Единожды упоминается некое «Жизнеописание доктора Мартина Лютера», автор и время выхода которого не указаны⁷. Кроме них популярностью пользовались анонимные катехизисы и полемические трактаты, направленные против католиков и кальвинистов, а также разного рода проповеди. Среди тридцати девяти книг и рукописей, принадлежавших бедному битигхаймскому бюргеру Якобу Пфуллингеру, оказались двадцать две проповеди, посвященные лишь одной теме — войне с турками⁸. С ними соседствовали разного рода «зеркала» и прочие нравоучительные тексты, не освященные напрямую авторитетом церкви, в том числе розенкрейцеровского характера.

Как представители местной власти, так и простые бюргеры, в том числе и самые бедные из них⁹, часто держали в домах сборники юртембергского права, прежде всего, последний предвоенный

¹ *Rottenburger C. Biblische Summarien. 1630. Nachdruck der Erstausgabe. Bietigheim-Bissingen, 2011.*

² *Feldmesserchronik // Bentele G. Op. cit. S. 176–190.*

³ *StA BB, Bh, B 938, 352r: Inventar von Peter Rieger. 31.01.1636.*

⁴ *Ibid., B 939, 172v–173r: Inventar von Hans Weinmann. 1646.*

⁵ *Ibid., B 938, 368v: Inventar von Heinrich Philipp Bauder. 1.03.1637.*

⁶ *Ibid., B 939, 172v–173r: Inventar von Hans Weinmann. 1646.*

⁷ *Ibid., 10r: Inventar von Johann Mutzhausen. 25.08.1637: «Dr. Martini Lutheri Leben».*

⁸ *Ibid., B 938, 190v: Inventar von Jacob Pfullinger. 3.08.1635.*

⁹ *Ibid., 418v: Inventar von Melchior Klein. 14.07.1636.*

свод законов 1610 г.¹ и «Церковный распорядок» 1559 г.² Их знание было необходимо в многочисленных судебных тяжбах, которые в описываемое время приходилось вести практически каждому полноправному вюртембергскому бюргеру. Напротив, знаменитая «Каролина» — общеимперский правовой свод первой половины XVI в. — упоминается в описях лишь единожды³.

Гуманистическая ученость не оказала на книжные собрания Битигхайма существенного влияния за одним довольно существенным исключением, о котором речь пойдет ниже. Труды античных классиков оставались здесь исключительной редкостью (единственным упомянутым в описях древним автором стал Катон⁴). Еще большее удивление может вызвать практически полное отсутствие в битигхаймских описях исторических сочинений. Действительно, помимо уже упоминавшегося жизнеописания Лютера, к таковым могут быть причислены лишь тексты неясного происхождения и содержания: некая «старая историческая книга»⁵, «короткое извлечение из рукописной хроники»⁶, а также неназванная история гуситских войн⁷. История как таковая занимала, впрочем, весьма маргинальное место в картине мира вюртембергского бюргера XVII в. — отсылки к событиям, отстоящим от современности далее чем на время жизни одного поколения, мы не найдем ни в официальной переписке, посвященной земельным спорам между различными общинами⁸, ни в городской хронике Битигхайма⁹. Для сознания жителей города было характерно скорее представление о незыблемости базовых структур личной и общественной жизни, всякий раз возрождающихся после кризисов

¹ Württembergische Gesetze... Bd 5. S. 3—358: Drittes Landrecht. 1.06.1610.

² Württembergische grosse Kirchenordnung. 1559. Unveränderter Nachdruck der Erstausgabe. Tübingen, 1983.

³ StA BB, Bh, B 940, 286v: Inventar von Hans Philipp Mausch. 2.03.1644.

⁴ Ibid., B 939, 172v—173r: Inventar von Hans Weinmann. 1646.

⁵ Ibid.: «alt Geschichtsbuch».

⁶ Ibid., B 940, 73v: Inventar von Hans Conrad Baumeister. 5.09.1641: «ein kurzer Extract auß einer geschribenen Chronic».

⁷ Ibid., B 938, 191r: Inventar von Jacob Pfullinger. 3.08.1635: «ein Buch vom HusitenKrieg».

⁸ Вывод сделан прежде всего на основе анализа собрания документов по истории села Lëxgrau в округе Битигхайм: Hauptstaatsarchiv Stuttgart (далее — HStA St), A 206, Bü 762: Die Beschwerden des Fleckens Löchgau gegen Besigheim wegen der Steuer, Einquartierung und Fronen und die Trennung von Besigheim und Zuteilung zu Bietigheim. 1640—1651.

⁹ Stadtschreiberchronik // Bentele G. Op. cit. S. 191—253.

неизменными, нежели интерес к истории как процессу непрерывных поступательных изменений.

Еще меньшее место в повседневном круге чтения занимали естественно-научные труды, если только речь не шла о разного рода травниках и сборниках рецептов, вероятно, рукописных. Пожалуй, единственным важным натурфилософским текстом оставались сочинения Альберта Великого, упоминаемые в двух описях¹. В инвентаре городского аптекаря Иоганна Мутцхаузена речь идет о шести книгах, «относящихся до его ремесла»², среди которых нашлось место сочинениям Галена и Теофраста. Следует, впрочем, оговориться, что и подобное безразличие к устройству окружающего мира знало свои исключения: учительствовавший в это же время в соседнем селении Лёхгау Кристоф Фарнер был увлеченным естествоиспытателем, состоял в переписке с крупными немецкими учеными и даже опубликовал в печатном виде некоторые результаты своих работ по физике и химии³.

Как очевидно из сказанного выше, круг чтения (или, вернее, круг используемой и сохраняемой литературы) жителей Битигхайма не отличался ни величиной, ни разнообразием. Единственным — зато весьма примечательным — исключением на этом фоне выглядит опись книг, принадлежавших Моисею Беку⁴. Бек, умерший во время эпидемии дизентерии 25 августа 1635 г.⁵, принадлежал к городской верхушке, входя до самой своей смерти в состав суда — высшего органа коммунальной власти Битигхайма. Он стал едва ли не единственным жителем города, о чьей кончине упоминает местная хроника, обычно довольно скупая на информацию о частных лицах: «Многие упокоились во Христе с совершенною радостью и песнопениями на устах (в особенности же Моисей Бек, адвокат суда, бывший честным и разумным человеком)»⁶. Очевидно, Бек был и одним из немногих жителей города, чьи интеллектуальные интересы выходили

¹ StA BB, Bh, B 938, 191r: Inventar von Jacob Pfullinger. 3.08.1635; B 937, 91v — 94r: Inventar von Moses Beck. 18.10.1636.

² Ibid., B 939, 10r: Inventar von Johann Mutzhausen. 25.08.1637: «so zum Handwerk gehörig».

³ Материалы о нем собраны в HStA St, A 206, Bü 764: Akten betreffend Christoph Fahrner und dessen Sohn Johann Jacob Fahrner, beide Schultheißen zu Löchgau. 1653—1697.

⁴ StA BB, Bh, B 937, 91v — 94r: Inventar von Moses Beck. 18.10.1636.

⁵ ToB Bietigheim, 25.08.1635.

⁶ Stadtschreiberchronik. S. 196: «viel Personen ganz freudig und mit singendem Mund (darunder sonderlich Mose Beckh, geschwornen Gerichts Advocat, ein ehrlich und versändiger Mann gewesen) in Christo seelig eingeschlafen».

за пределы предписанного конфессиональными догматами благочестия и продиктованного практической необходимостью знания правовых сводов и охватывали значительно более широкий круг вопросов.

Опись имущества Бека включает сто шесть (!) печатных изданий и рукописей. (Второе по величине в городе книжное собрание, принадлежавшее Якобу Пфуллингеру, насчитывало всего тридцать девять наименований¹.) Среди них, разумеется, первое место занимают Священные тексты на трех языках (немецком, латыни и греческом). Глубокий интерес Бека к конфессиональным проблемам выдает наличие в его библиотеке не только нравоучительных сочинений и проповедей², но и актов религиозных диспутов³ и серьезных теологических трудов, принадлежавших, в основном, перу тюбингенских богословов⁴. Естественно и присутствие в доме члена городского самоуправления сборников вюртембергского права – общего, таможенного, строительного и церковного, а также известного юридического справочника Петра Терминейса⁵.

Значительную часть собрания Бека – и этим он разительно отличался от всех своих соседей – составляли сочинения античных авторов, причем большую их часть он, очевидно, читал на латыни. Среди них мы находим произведения Ксенофонта, Аполлодора, Теренция, Катона, Цицерона («Об обязанностях» и «Письма к близким»), Вергилия, Горация,

¹ StA BB, Bh, B 938, 190v: Inventar von Jacob Pfullinger. 3.08.1635.

² Например, «Толкование семи слов Христа» Кристофа Фишера (*Vischer Ch.* Christliche und einfeltige Auslegung der Sieben Wort unsers lieben Herrn Jhesu Christi. Schmalkalden, 1579); «Руководство о подготовке к смерти» Мартина Моллера (*Moller M.* Manuale De preparatione ad mortem. Heylsame und sehr nützliche Betrachtung, wie ein Christen Mensch aus Gottes Wort sol lernen Christlich leben, und seliglich sterben. Görlitz, 1593); «Духовная оружейная» Исайи Трибауэра (*Tribauer E.* Ein geistlich Zeughauß voller Wehr und Waffen. Wider etliche Anfechtun frommer Christen, allen betrübten Gewissen zur Lere und Trost gestellt. Wittemberg, 1571). Здесь и далее мы по возможности указываем место и дату выхода первого издания упоминаемой книги.

³ Acta des Colloquij, zwischen den Württembergischen Theologen und D. Ioanne Pistorio, zu Baden gehalten. Tübingen, 1590.

⁴ Например, Маттиаса Хафенреффера (*Hafenreffer M.* Compendium doctrinae caelestis. Tübingen, 1600) и Иоганна Герхарда (Gerhard I. Meditationes sacrae ad veram pietatem excitandam. Tübingen, 1605).

⁵ *Termineus P.* Processus Iuris scripti et consuetudinis frequentiores per Germaniam hoc tempore usitatus, breviter complectens officia omnium personarum legitime. Köln, 1565.

Овидия (в том числе и в немецком переводе), Гимерия. Не был чужд Бек и современной ему гуманистической учености. Он хранил у себя «Письма» Эразма, «Диалоги» Себастьяна Кастеллио и изданный с его комментарием уточненный латинский перевод Пятикнижия с иврита¹, письма Жана Тиксье ди Равизи², «Риторику» Филиппа Меланхтона, одноименное сочинение Мартина Крузия³ и «Диалектику» Луки Лоссия⁴. Текстом, созданным в рамках элитарной культуры позднего гуманизма, было, несомненно, и немецкоязычное «Путешествие Фридриха, герцога Вюртембергского, в Италию»⁵.

Примечателен и интерес Бека к словарям иностранных слов и разного рода грамматикам и учебным пособиям, посвященным изучению древних и новых языков. В его доме нашлось место, наряду со стандартными двуязычными изданиями библейских текстов, грамматикам Лоссия и Каулия, двуязычному греко-латинскому словарю, сборникам греческих афоризмов Руланда⁶ и латинских — Альда Мануция Младшего⁷, греческой грамматике Крузия, франко-латинскому словарю Робера Этьенна⁸ и неназванной французской грамматике, а также анонимному «Словарю шести языков» (вероятно, латинского, древнегреческого, древнееврейского, немецкого, французского и итальянского) и обширному словарю на восьми языках Генриха Дециматора⁹.

¹ Первое издание «Диалогов» Кастеллио вышло в 1578 г., а перевод Пятикнижия — в 1546 г.

² Жан Тиксье ди Равизи (Johannes Ravisius, между 1470 и 1480—1524) — французский гуманист, ректор Сорбонны. Первое издание его «Писем» вышло в 1544 г.

³ Мартин Крузий (1526—1697) — немецкий историк и филолог. Первое издание его «Риторики» вышло в 1563 г.

⁴ Лука Лоссий (1508—1582) — немецкий гуманист. Первое издание его «Диалектики» вышло в 1545 г.

⁵ «Friderici d. Würt. Raiß in Italiam». Вюртембергский герцог Фридрих I (правил в 1593—1608 гг.) совершил путешествие по Италии в 1599—1600 гг.

⁶ Мартин Руланд (1532—1602) — немецкий врач, естествоиспытатель и филолог. Первое издание его труда «Synonima graeca» вышло в 1585 г.

⁷ Альд Мануций Младший (1547—1597) — итальянский гуманист, внук венецианского издателя Альда Мануция. Его труд «Purae, elegantes et copiosae Latinae linguae phrases» был впервые опубликован в 1580 г.

⁸ Робер Этьенн (1503—1559) — французский гуманист, книгопечатник. Первое издание его словаря относится к 1539 г.

⁹ Генрих Дециматор (ок. 1544—1615) — немецкий теолог и философ. Его труд «Sylva vocabulorum» впервые был опубликован в 1586 г.

Натурфилософия, очевидно, значительно меньше интересовала владельца библиотеки или же по каким-либо причинам доступ к соответствующей литературе был для него затруднен. Единственные посвященные ей книги в его собрании – «Физика» неназванного автора, трактат о земледелии Пьетро Крещенци в немецком переводе¹, уже упоминавшиеся сочинения Альберта Великого, труды Иоганна Магирия² и комментарии на Авиценну Жака Деспа³. Примечательно, что большинство этих текстов, как и многие другие книги из собрания Бека, не только были написаны на латыни, но и с большой вероятностью изданы за пределами немецких земель, преимущественно во Франции.

Несколько наименований из книжной описи Бека (весьма вероятно, что в некоторых случаях речь идет о рукописях, а не о печатных изданиях) относятся к ведению домашнего хозяйства. Здесь можно найти как пользовавшиеся популярностью печатные руководства по медицине, так и анонимные травники, календари и даже поваренную книгу. Наконец, владел Бек и несколькими развлекательными сочинениями, такими как сборники басен Эзопа и народных шуточных рассказов, а также изданием или рукописью книг о докторе Фаусте⁴ и Фортунате⁵.

Разнообразие домашней библиотеки Моисея Бека, разумеется, резко контрастирует с очевидной ограниченностью книжных собраний его соседей. Указанные нами особенности социальной и культурной ситуации герцогства Вюртемберг способствовали утверждению в среде местного бюргерства престижа представления о важности книги и книжной культуры, но в то же время резко ограничивали ее развитие религиозно-нравоучительной и правовой сферой. Сознательный интерес к более сложным культурным феноменам, таким как античное наследие или филологические и философские поиски гуманистов, очевидно, оставался уделом одиночек, да и в комплектовании их книжных собраний немалую роль играл случай.

¹ Пьетро Крещенци (ок. 1230 – ок. 1320) – итальянский естествоиспытатель. Первое печатное немецкое издание его трактата «*Ruralia commoda*» вышло в 1518 г.

² Иоганн Магирий (ок. 1560–1596) – немецкий врач и естествоиспытатель.

³ Жак Деспа (ок. 1380–1458) – французский врач; первое печатное издание его комментариев на «Канон» Авиценны вышло в 1498 г.

⁴ Первое немецкое издание «Истории доктора Иоганна Фауста» вышло в 1587 г.

⁵ Первое немецкое издание повести о Фортунате вышло в 1509 г.

К.М. Андерсон

«Жизнь Роберта Оуэна»: автопортрет прагматичного мечтателя

Осенью 1857 г. в лондонском издательстве Эффингема Уилсона вышел пухлый том, озаглавленный «Жизнь Роберта Оуэна, написанная им самим»¹. Книга была едва замечена читающей публикой: в середине века слишком мощным был поток мемуарной литературы. За перо, отдавая дань моде и гордыне, брались не только видные лица из мира политики и искусств, но и ремесленники, кухарки и прочие «люди толпы», осознавшие себя силой, влияющей на ход событий.

Конечно, Оуэн Нью-Лэнаркский, как по старой памяти именовали его газеты, не был заурядным мемуаристом. Прославленный филантроп, перешагнувший восьмидесятилетний рубеж²; удачливый предприниматель, некогда исхитрившийся соединить материальное благополучие рабочих и высокую доходность своей фабрики; визионер, возвещавший скорый конец мира конкуренции и наступление нового нравственного мира; создатель показательных общин, борец со всеми религиями и творец «рациональной религии», связующей людей в единое братство; педагог, притязавший на роль воспитателя человечества, — таков неполный перечень деяний Роберта Оуэна, прославивших его имя. Но то была минувшая слава.

Смелые эксперименты 1820–1830-х годов — рабочие базары и первое общенациональное объединение тред-юнионов, «Новая Гармония» и другие общины, сотни тысяч сторонников его социальных проектов, — все осталось в прошлом³. День нынешний

¹ *Owen R. Life of Robert Owen*, written by himself. London, 1857–1858. Vol. 1–2. Второй том, содержащий отобранные им самим работы прошлых лет, вышел в год смерти Оуэна.

² Роберт Оуэн родился в Ньютауне в 1771 г., умер там же в 1858 г.

³ Подробнее см.: *Holyoake G.J. Life and Last Days of Robert Owen of New Lanark*. London, 1859; *Podmore F. Robert Owen. A Biography*. London, 1905. Vol. 1–2; *Ан-*

состоял из деятельной старости: переиздание давних работ да чтение лекций, на которые многие приходили из простого любопытства, поскольку их суть не менялась десятилетиями. Даже Александр Герцен, искренне преклонявшийся перед Оуэном, стыдясь и сожалея, представил его «безумным стариком» с печатью смерти на лице, упрямо повторявшим «свои старые начала, давно всеми забытые»¹. Впрочем, признавал Герцен, «энергия была та же и тот же голубой взгляд детской доброты и то же упование на людей... он был тот же молодой энтузиаст»².

Зарисовки Герцена и других свидетелей последних лет Оуэна запечатлели наивного старца, охваченного навязчивой идеей. Этот образ прочно вошел в литературу, будучи спроецирован и на предыдущие периоды его деятельности. Впрочем, одно свидетельство осталось в небрежении – оуэновская версия собственного жизнеописания. Ею щедро пользовались историки, которые выхватывали нужные им эпизоды. Однако практически никто не пытался оценить «Жизнь Оуэна» как самостоятельное произведение – творение человека не столь одномерного, каким его зачастую представляли.

Оуэн, как и все неординарные личности, обладал свойством сочетать несовместимое. Расчетливый коммерсант и «принц хлопкопрядильщиков»³, в совершенстве овладевший искусством обогащения, но призывавший искоренить частную собственность; реформатор, прозванный «рассудочным механизмом»⁴, притом не боявшийся прослыть безрассудным, ведь «благодаря подобному помешательству, те, кто имел... мужество не обращать внимания на общественное мнение, свершали великие дела»⁵. Смушала ли самого Оуэна противоречивость его дел и суждений? В каких облициях он хотел предстать перед грядущим, создавая автопортрет на страницах своего последнего, завершающего труда, – «Жизни Роберта Оуэна»?

Всякий, возжелавший обнародовать свои воспоминания, не прослыть тщеславным, старается найти оправдание своему творению. К примеру, Джон Стюарт Милль, современник и оппонент

дерсон К. М. Оуэнисты в Британии: Утопический социализм и общественные движения в Англии, 1810–1830-е годы. М., 1989.

¹ Цит. по: Роберт Оуэн: Жизнь и идеи / Под ред. К. М. Андерсона и А. А. Ширинянца. М., 2014. С. 219.

² Там же. С. 218–219.

³ *Owen R.* Life of Robert Owen. Vol. 1. P. 163.

⁴ *Ibid.* P. 36.

⁵ *Ibid.* P. XXX.

Оуэна, полагал, что сама по себе его жизнь, «столь скучная на события», вряд ли интересна публике, но в век, «когда образование... становится предметом самого тщательного изучения, могут быть полезны заметки о [методе] образования, необычном и замечательном»¹. Иные ставили вселенские цели: Жан-Жак Руссо начал свою «Исповедь» словами: «Я затеваю беспримерное дело... я хочу показать себе подобным человека во всей правде природы и таким человеком буду я сам»².

Задуманное Оуэном не похоже на классические мемуары, а тем паче на исповедь. Признавшись, что ему претят рассказы о собственной персоне, ибо они отдают самовлюбленностью³, он пространно излагает мотивы, побудившие отступить от его обыкновения. В этом ему помогают «Старый друг» и «Инквизитор», вымышленные персонажи, избавляющие автора от необходимости говорить о себе от первого лица, и духи «горнего мира», передающие свои послания через доверенного медиума. В их кругах отметили, сколь усердно Оуэн приводит в порядок бумаги, «готовясь к переходу в высшее, одухотворенное состояние»⁴. Как и многие его современники, Оуэн искренне верил в материальность мира духов, обладающих более совершенным, очищенным от предрассудков знанием. Но все же он не спешит присоединиться к ним: «Сейчас я занят наиболее важной частью продвижения этих дел [переустройства общества], я едва могу отвлечься от настоящего и будущего... ради прошлого, которое закончилось, от меня требуется еще многое», — разъясняет он, явно не намереваясь произносить прощальную речь⁵.

Инквизитор, как ему и подобает, настырно, но вяло допытывается у своего создателя о подоплеке его деяний, в том числе публикации «Жизни». «Ваша книга развлечет публику, — подначивает он, — и она охотно заплатит за нее большую цену»⁶. Оуэн отмахивается подозрение в корысти: «Богатство, превосходящее достаточное для обеспечения... здоровых жизненных удобств, никогда не привлекало меня, разве что как средство, помогавшее мне в переустройстве системы»⁷. Он не лукавил. Повредив в детстве желудок, довольствовался простой пищей в малых количе-

¹ *Mill J.S. Autobiography*. N. Y., 1909. P. 7.

² *Руссо Ж.-Ж. Исповедь*. М., 2004. С. 5.

³ *Owen R. Life of Robert Owen*. P. IX.

⁴ *Ibid.* P. XXXIII.

⁵ *Ibid.* P. I.

⁶ *Ibid.* P. XI.

⁷ *Ibid.* P. X.

ствах, чурался табака и спиртного, видел в моде проявление неразумности, а в излишнем богатстве пагубу для его владельцев.

Вступив в диалог с самим собою в роли Старого друга, Оуэн приводит основные доводы в пользу своего замысла. Сколь поучительна, говорит он устами собеседника, «жизнь человека, на протяжении многих лет направленная на достижение всеобщего счастья»¹, не ограничившегося благими пожеланиями, но создавшего «новый мир практических идей»², важнейшая из которых — знание принципов формирования человеческого характера.

Исходя из собственной теории, утверждавшей, что человек — продукт обстоятельств, Оуэн оценивает и свою историю. «Зная, что зачатки моих физических, интеллектуальных, духовных и практических качеств сформировались до моего рождения, а после рождения направлялись хорошо ли, плохо ли, умно или немудро обществом, я считаю, что мой характер был сформирован не мною и не заслуживает упреков или похвалы, а потому я буду рассматривать Роберта Оуэна как стороннее лицо, чью жизнь я описываю и разбираю»³. Впрочем, остаться беспристрастным летописцем Оуэну не удалось.

Почти все эпизоды книги являются иллюстрацией к его излюбленной «науке о характере», да и линия судьбы Оуэна являет собой «череду необычайных событий, вынуждавших меня выполнить миссию, посредником в которой я призван был стать... — указать человечеству путь к устранению источников порока и бедствий»⁴. Желание приписать обстоятельствам свои поступки, созвучное протестантскому «предопределению», показное умаление личных заслуг, которое можно было бы принять за проявление скромности, неизбежно возносит Оуэна в ранг «избранного», несущего свой крест «в одиночку и независимо от всех партий»⁵.

Будучи «человеком одного фундаментального принципа и его следствий»⁶, он просеивает события своей жизни сквозь это сито, отбрасывая шлак, а по сути превращая повествование в подобие отчета о «продвижении миссии, подготавливающей население мира к великой и славной перемене»⁷.

¹ *Owen R. Life of Robert Owen. P. IX.*

² *Ibid. P. 165.*

³ *Ibid. P. XIII.*

⁴ *Ibid. P. XLIII.*

⁵ *Ibid. P. X.*

⁶ *Ibid. P. 76.*

⁷ *Ibid. P. VIII.*

Читатель, пожелавший проникнуться духом XIX столетия при посредничестве «Жизни Роберта Оуэна», будет разочарован. Уроженец бурных, мятежных времен революций и войн, он ни словом не обмолвился о них, разве что в связи с экономическим спадом 1816 г., вызванным окончанием Наполеоновских войн. «Война, — констатирует Оуэн, — великий и самый экстравагантный потребитель для фермеров, фабрикантов и других производителей богатств»¹.

Выходец из дремучей валлийской провинции, десятилетним отроком перебравшийся в Лондон, а потом в Манчестер (стремительно разраставшиеся мегаполисы), Оуэн не оставил даже намека на свои первые впечатления от столиц промышленного мира. Для него они всего лишь географические названия, не более значимые, чем названия деревень, соседствующих с его родным Ньютауном.

Оуэн все меряет своим аршином, мало заботясь о соотношении с принятыми мнениями. Расхожие представления о величии и судьбоносных событиях иллюзорны, подлинная всемирная история, должная увенчаться счастливым концом, началась в тот день, когда юный Роберт, шести-семи лет от роду, обжег пищевод, хватанув в спешке кипящей каши². К счастью, он оправился, но долгое время вынужденно следил за состоянием своего здоровья, отмечая продукты, идущие ему во вред или на пользу, что способствовало зарождению привычки к наблюдению и размышлению, приведшей с годами к осознанию силы влияния обстоятельств на человека.

Это эмпирическое знание, со временем ставшее постулатом «науки о формировании характера», подспудно сопровождало Оуэна на жизненном пути, пополняясь новыми свидетельствами. Однако до поры Оуэн не сознавал его практического значения. Новый этап пришелся на 1793 год, когда Оуэна, тогда уже управляющего крупной фабрикой в Манчестере, удачно сочетавшего попечение о работниках с ростом доходов, пригласили вступить в местное Литературно-философское общество, объединявшее сливки интеллектуальной элиты.

Оуэн чувствовал некую неловкость: его образование ограничивалось парой классов приходской школы. Правда, он много читал, заимствуя книги из библиотек соседей, а позже работодателей, управляясь с книгой за день и свято «веря, что каждое сло-

¹ *Owen R. Life of Robert Owen. P. 124.*

² *Ibid. P. 10.*

во в них правда»¹. Он припоминает, что читал Чосера, Гумбольдта, Мильтона, Дефо. Об остальных умалчивает, возможно, потому, что, повзрослев, утратил веру в книжную мудрость и больше полагался на практику.

Смушало и то, что занимая видное место в «коммерческом сообществе», он «мало знал о привычках, обычаях и манерах, принятых в семействах, притязающих на некое положение в обществе»². Но почтенные предводители философов настаивали, и, подчинившись «сложившимся обстоятельствам», Оуэн уступил и сделал несколько докладов о формировании человеческого характера, вызвавших, по его уверению, живейший интерес. Не все соглашались с новым собратом. Некий д-р Фэррир прочел «весьма ученый доклад», убеждая аудиторию, что каждый может достичь высот собственными силами и усердием. Оуэн, возлагавший всю ответственность за дурное и доброе в человеке на обстоятельства, в том числе на общество, дерзнул выступить с критикой и, по его словам, простым, некнижным языком показал всю нелепость утверждений ученого мужа столь ярко, что, покраснев, тот сел в угол и молчал до конца собрания³. Мудрость мира сего оказалась безумием...

Пожалуй, с участия в Литературно-философском обществе, подробно описанном Оуэном, и начинается его миссия. Он стал публичным человеком. Обстоятельства вынудили его взяться за перо и связно изложить разрозненные мысли о предмете, давно его занимавшем. Ему пришлось преодолеть боязнь аудитории, вступить в открытый спор с оппонентами. У него появился свой стиль, бесхитростный и четкий, как финансовый документ, а потому весьма доходчивый и убедительный. В этом Оуэну тайком признался поэт, тоже состоявший в Обществе, умевший «в высшей степени ловко обращаться со словами, складывать их в звучные фразы»⁴.

Перед Оуэном расстиралось сытое, почтенное будущее: владелец фабрики, мистер Дринкуотер, письменно обязался сделать его совладельцем, а место в «хорошем обществе» он уже себе обеспечил. Однако стечение обстоятельств, на первый взгляд неблагоприятное, изменило ход оуэновской истории.

Дринкуотеру, потерявшему надежду выдать замуж свою перзрелую дочь, некий джентльмен сделал, как говорили тогда,

¹ *Owen R. Life of Robert Owen. P. 3.*

² *Ibid. P. 36.*

³ *Ibid. P. 38.*

⁴ *Ibid. P. 36.*

«либеральное» предложение: свою руку в обмен на долю в деле. Отец не устоял. Рассыпаясь в извинениях, он уведомил Оуэна об отмене договоренности, выразив намерение компенсировать конфуз щедрым жалованьем. В этой деликатной ситуации Оуэн проявил твердость. Бросив некогда заветный контракт в камин, он решительно произнес: «Я никогда не стану связывать себя с кем-либо, не желающим объединяться со мной... в сложившихся обстоятельствах я не могу оставаться вашим управляющим, какое бы жалованье вы ни предложили»¹. Оуэн вырос, он уже не подросток-приказчик, вынужденный подчиняться «рабским порядкам», установленным хозяином, а знающий себе цену человек, способный диктовать условия партнерам, а может, и всему миру.

Желающих основать совместное с Оуэном дело оказалось немало и в итоге долгих переговоров, заключения и расторжения сделок, улаживания мировоззренческих расхождений, подробно описанных Оуэном в его хронике, начался эксперимент, которого он давно желал². В 1800 г. Оуэн вступил в правление фабрикой в Нью-Лэнарке, близ Глазго, приобретенной у Дэвида Дэля, ставшего заодно его тестем. «Я говорю правление, — подчеркивает Оуэн, — поскольку в мои намерения не входило быть просто управляющим хлопкопрядильни... но внести в поведение людей принципы, которые я успешно начал внедрять среди работников фабрики мистера Дринкуотера с целью изменить их положение»³.

Нью-Лэнаркский эксперимент, судя по записям Оуэна, давался нелегко. Население поселка состояло из худшей породы людей — вороватых, сквернословящих, вечно пьяных дебоширов. Их Оуэн и намеревался исправить, создав для них новые условия обитания. Попечение о работниках должно было ужиться с «денежным успехом»⁴, который его компаньонов интересовал живее нравственности тружеников. Перевоспитать компаньонов Оуэну, похоже, не удалось. «Я устал от партнеров, — сетовал он, — обученных только покупать дешево, а продавать втридорога... Это занятие часто разрушает возвышенные и лучшие свойства [человеческой] природы»⁵.

За десять лет, несмотря на козни партнеров и сопротивление «воспитуемых», Нью-Лэнарк преобразился. Он избавился от вы-

¹ Owen R. Life of Robert Owen. P. 41.

² Ibid. P. 57.

³ Ibid. P. 56.

⁴ Ibid. P. 57.

⁵ Ibid. P. 56.

брасываемых из окон помоев, пьяных драк, воровства и прочих признаков рабочего поселка эпохи промышленной революции. Вложившись в обустройство жилищ и снабжение недорогими, но свежими продуктами, а также немного сократив рабочий день и построив школу для детей, Оуэн тем не менее вывел фабрику в число самых доходных.

Понятия «социальный менеджмент» тогда не существовало, однако новизну и эффективность оуэновского метода управления производством нельзя было не признать. Толпы посетителей со всех концов Британии и Европы устремились в чудесный Нью-Лэнарк. В книге Оуэн подробно перечисляет своих именитых гостей, особо выделяя цесаревича Николая, будущего императора всея Руси, которому на память он преподнес набор серебряных стопок.

Нью-Лэнарк, бесспорно, не только любимое детище Оуэна, но и козырная карта, неоспоримое доказательство истины, гласящей, что «характер человека формируется не им, но для него». И все же, если следовать «Жизни Оуэна», это еще не апогей его миссии. Он наступил в 1816–1817 гг., когда воцарившийся мир подорвал экономическое благополучие военных лет¹. Кризис смешал многие представления, превратив в насущнейшие темы, недавно казавшиеся маргинальными. Спад производства, неудержимо следующая за ним безработица и сотни тысяч пораженных ею, озлобленные толпы и в перспективе санкюлоты у Вестминстера... Рабочий вопрос становился вопросом революции. Появившиеся в изобилии парламентские комиссии, общественные комитеты и прочие собрания голов рассудительных, а иной раз горячих, спешно искали противоядие. В сложившихся обстоятельствах подсказка Оуэна, человека сведущего и поднаторевшего в воспитании рабочих, была не лишней. Да и сам Оуэн не сомневался в способности найти выход из тупика: если ему удалось счастливо преобразить часть страны, то что помешает сотворить всю страну заново? А может, и весь мир?

Оуэну, отменно разбиравшемуся в науке о человеческом характере, были совершенно очевидны истоки нараставших бедствий и средства к их устранению. Его очерки, этот «новый взгляд на общество»², раскупали в мгновение ока, издатели сражались за право опубликовать их, лорд Сидмут охотно вызывался распространить

¹ *Owen R. Life of Robert Owen.* P. 124.

² В 1817 г. отдельными изданиями вышло несколько очерков «*New View of Society*».

их среди сотоварищей по кабинету министров¹. Секретарь влиятельнейшего архиепископа поведал по секрету, что, прочтя очерки, его патрон воскликнул: «Оуэн побывал в моем мозгу и украл все мои идеи!»² Лорд Касльри, министр иностранных дел, раздавал оуэновское сочинение участникам конгресса Священного союза, и те сочли его самым важным документом встречи³. Английский офицер, состоявший при плененном Наполеоне, засвидетельствовал Оуэну, будто низверженный деспот, прочтя книгу, сожалел о том, что она не попала к нему раньше, иначе он употребил бы свои силы на благо мира, а не на войну⁴.

Оуэна не слишком смущало, что большинство признаний в сочувствии идее замены строя конкуренции, опутанного классовыми, национальными и религиозными предрассудками, новым порядком сотрудничества и равных возможностей делали украдкой, через третьих лиц, а комиссия парламента по фабричным законам два дня держала его в прихожей, решая, заслушивать или нет нью-лэнаркского чудотворца.

Он чувствовал неладное, но «не подозревал тогда о существовании разветвленного заговора высших классов против естественных и на тот момент законных прав бедных и рабочих классов»⁵. В заговор были вовлечены «Times» и другие газеты, получавшие сотни тысяч фунтов в год за поддержку так называемой «естественной системы» конкуренции⁶. В нем вольно или невольно участвовали мальтузианцы и «несведущие политэкономы», связанные с либералами⁷. Конечно, среди них встречались деятельные и крепкие умом, наподобие Мальтуса, Милля, Рикардо и компаньона Оуэна по Нью-Лэнарку Бентама. Но даже милейшие люди способны под влиянием обстоятельств творить дурные дела.

Нити заговора тянулись к нуворишам. «Стремительное накопление богатств, — утверждает Оуэн, — проистекающее из стремительного роста механических и химических сил, породило капиталистов, самую невежественную и злобную часть населения»⁸. Не питая на словах ненависти к алчным вырождающимся предпринимательской среды, столь непохожим на приверженцев старой, кон-

¹ *Owen R. Op. cit.* P. 110.

² *Ibid.*

³ *Ibid.* P. 186.

⁴ *Ibid.* P. 202.

⁵ *Ibid.* P. 130.

⁶ *Ibid.* P. II.

⁷ *Ibid.* P. 129–130.

⁸ *Ibid.* P. 128.

сервативной системы коммерции, более невежественной, но «более гуманной по отношению к бедным»¹, Оуэн рассчитывал одолеть их силой слова, завоевав общественное мнение. Сочувствие власть имущих не перерождалось в содействие; и обстоятельства побуждали его обратиться к народу. Страшившийся толпы, испытывавший ужас перед прямым общением с ней, Оуэн вынужден был пойти на это.

Собрания, проходившие с полудня до шести вечера в таверне «Лондонское Сити» в августе 1817 г., привлекали невиданное число слушателей, сотни, а может, тысячи, как уверяли очевидцы². Все лондонские газеты перепечатывали речи Оуэна, издатели выпускали их отдельными брошюрами. Эти выступления, «навсегда запечатлевшиеся в анналах истории»³, являли собой подлинную «революцию революций»⁴. Оуэн, по его «беспристрастному» мнению, «стал, вне всяких сомнений, самым известным человеком цивилизованного мира, имевшим сильнейшее влияние на членов парламента и кабинет министров»⁵. Сам премьер-министр, лорд Ливерпуль, пригласив его к себе, с явной тревогой в голосе спросил: «Мистер Оуэн, каковы ваши пожелания? Они будут исполнены»⁶. Стоило Оуэну пожелать любую должность, он бы ее получил: «было очевидно, что они зависят от моей милости»⁷.

Оуэн хотел не так уж много: «печалась о поколении живых»⁸, он желал привести его в новый нравственный мир, врата в который загромождали предрассудки, самым могущественным из которых была религия. Идя на собрание, где он намеревался возвестить о ложности всех религий, Оуэн не был уверен, что вернется живым, но все же перешел Рубикон. «За несколько минут я разрушил беспримерную популярность, складывавшуюся годами»⁹.

Оуэн не сожалел о сказанном — он нанес увесистый удар по суеверию, затуманивающему сознание людей; битва отнюдь не проиграна, более того, все предвещало скорую победу. По крайней мере, мир духов, не ведающий титулов, деления на классы, нации, секты, «обещал деятельную помощь до тех пор, пока успех не бу-

¹ *Owen R.* Op. cit. P. 130.

² *Ibid.* P. 165.

³ *Ibid.* P. 160.

⁴ *Ibid.* P. 165.

⁵ *Ibid.* P. 161.

⁶ *Ibid.* P. 159.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.* P. 207.

⁹ *Ibid.* P. 190.

дет обеспечен»¹. Три духа особо близки Оуэну: духи «друга и истового последователя», президента Джефферсона, его «выдающегося друга» Бенджамена Франклина и герцога Кентского, духа в высшей степени расположенного к Оуэну, весьма пунктуального, являющегося к назначенному часу минута в минуту, как и положено духу королевских кровей. «Эти три духа, — сообщал Оуэн, — часто приходят вместе, чтобы сообщить мне крайне ценные знания»².

Событиями 1817 г. и деталями «материального явления» [material manifestation] духов заканчивается «Жизнь Роберта Оуэна». Внешне сохраняя оптимизм, автор вынужден признать: «Какими бы благодатными ни были эти истины для рода человеческого, они безразличны или ненавистны предвзятым умам и самодовольной публике»³.

Самодовольными и предвзятыми оказались не все британцы: в 1820—1840-е годы число приверженцев учения Оуэна, преимущественно рабочих, объединенных в деятельные союзы, насчитывало десятки, а в иные годы сотни тысяч человек. Идеи Оуэна пропагандировали многочисленные газеты, издававшиеся людьми, считавшими себя его последователями. Правда, ученики порой вольно толковали слова Учителя, значительно отступая от канонов. Может быть, в этом сокрыто объяснение внезапного обрыва повествования: 1817 г. был венцом истории одинокого миссионера, ее эпилогом, и прологом истории новой, в которой волею обстоятельств Оуэн становился духовным отцом массового движения, не во всем ему подвластного. На эту историю Оуэну не хватило желаний, а может, просто сил и времени.

Хотя Оуэн замыслил «официальную» хронику своей миссии, сосредотачиваясь скорее на «обстоятельствах», а не на своей персоне, он не мог скрыть свои черты. Следует признать, образ исполнина-правдоборца, на первый взгляд, плохо уживается с обликом Роберта Оуэна, уроженца провинциального Ньютауна, покорившего высоты коммерции.

Невзирая на более чем почтенный возраст, в коем Оуэн взялся за свою «Жизнь», память его крепка, но избирательна. Он почти дословно воспроизводит свои беседы с разными лицами (вероятно, слегка домысливая их), помнит наизусть цены на различные сорта хлопка полувековой давности⁴, но помяная, к примеру, своих родичей, выражает неуверенность. Отец, Роберт Оуэн-

¹ *Owen R.* Op. cit. P. XXXII.

² *Ibid.* P. 199, 229.

³ *Ibid.* P. VI.

⁴ *Ibid.* P. 33.

старший, шорник и, «возможно, торговец скобяным товаром»; «мать, я полагаю, была старшей дочерью в семье»; брату, жившему в Лондоне, было не то двадцать, не то тридцать лет¹. Оуэн не называет имен ни матери, ни семи сестер и братьев, а все, что запомнилось ему о родителях, сводится к финансовым способностям отца, да красоте, которой, «по рассказам», была наделена его мать до замужества. Но сохранилась уверенность, что с ним «родители советовались по всем важным вопросам»².

Смерть отца и матери не отмечена в хронике Оуэна, зато кончина тестя, Дэвида Дэля, его глубоко опечалила: «Я чувствовал, будто утратил большую часть самого себя»³. Заметки о Дэле и первых нанимателях Оуэна, МакГаффоге и Дринкуотере, более обстоятельны и прочувствованны, нежели сухие строки, посвященные семье. Благожелательный ко всему человечеству, Оуэн все же разделяет его на группы, руководствуясь собственными критериями, в первую очередь функциональным значением человека для Великой миссии. Работа у МакГаффога познакомила его с азами коммерции и «приличным обществом», стиль поведения которого стал для него эталоном. На фабрике Дринкуотера он смог, следуя своему методу менеджмента, утвердиться в представлениях о «формировании характера». Дэвид Дэль уступил ему Нью-Лэнарк и дочь, которая, впрочем, едва обозначена в книге (ее функция второстепенна). Во время первой своей поездки в Глазго, как вспоминает Оуэн, он был представлен некоей мисс Дэль, и «обнаружил начало зарождения чувств, отличных от сугубо деловых, ... и ощутил склонность подыскать себе жену»⁴. Мисс Дэль наотрез отказывалась даже говорить о женитьбе без благословения отца, уважаемого негоцианта и человека строгих пуританских нравов. Загвоздка состояла в том, что Оуэн не был лично знаком с мистером Дэлем, а в окружении Оуэна не было никого, кто бы мог его представить. Человек радикальных воззрений, он и помыслить не смел нарушить британскую традицию. Но «любовь чудесно подсказывает средства к преодолению трудностей», да и умения работы с клиентами ему было не занимать⁵. Оуэн явился к Дэлю с предложением купить Нью-Лэнаркскую фабрику, а деловые визиты в ритуале представления не нуждаются, особенно в Англии.

¹ Owen R. Op. cit. P. 1–3.

² Ibid. P. 4.

³ Ibid. P. 83.

⁴ Ibid. P. 47.

⁵ Ibid. P. 49.

Мисс Дэль, ставшая впоследствии миссис Оуэн и исполнившая тем самым свое функциональное предназначение, появляется в хронике еще однажды, когда попрекает мужа в том, что тот проявляет к детям нью-лэнаркских рабочих «больше любви, чем к своим собственным»¹.

Оуэн, как многие провинциалы, испытывал особый пиетет к «хорошим манерам», и оценка «джентльмен, учтивый, с отменными манерами», у него звучит как высшая похвала и перевешивает прочие человеческие качества. Собственно, неприятие «привычек и манер маленького сельского городка» побудило его в юном возрасте покинуть отчий кров². Конечно, и в провинции попадались пристойные люди: кузен, человек отменных нравов, способный достичь высот, принадлежи он к другому слою; родная мать Оуэна, «для своего класса обладавшая превосходным умом и манерами»³. Но разве могло это сравниться с магазином МакГаффа, его первого хозяина, в котором, словно в салоне, собиралась просвещенная и даже титулованная публика, очаровавшая его эlegantностью манер. Невольно улавливая обрывки сплетен, Оуэн явно ощущал некую причастность к великосветской жизни, которая и поныне завораживает многих английских обывателей. Более того, он не без гордости ссылается на слова ньютаунского викария, знакомого ему по детским годам, который обнаружил, что род Оуэна ведет свое начало от принцессы Северного Уэльса. К сожалению, это выяснилось в 1817 г., в разгар «революции революций», когда ему было недосуг заниматься своими корнями. Но все же приятное ощущение возникло⁴.

Мир высшего общества, к которому Оуэн не принадлежал, но куда был вхож, не воспринимался заманчивой «землей обетованной», а скорее школой хороших манер. Все герцоги, графы и лорды, с которыми он был коротко знаком, являлись подлинными джентльменами, на коих стоило равняться, в отличие от наглых, бесцеремонных капиталистов. Мало сведущий в обычаях и манерах, принятых в хорошем обществе⁵, но желавший перенять то, что в родовитых семьях взращивалось веками, Оуэн временами уподобляется подражателю, неуклюже примеривающему чужое облачение. Это проявляется в его стиле: под «хорошим» языком он понимает ученически правильный, излишне благообразный слог,

¹ Owen R. Op. cit. P. 149.

² Ibid. P. 9.

³ Ibid. P. 2.

⁴ Ibid. P. 5.

⁵ Ibid. P. 36.

лишенный намека на некую раскованность и крупицу юмора. Подстраиваясь под язык высокородных, Оуэн перемежает его патетическими восклицаниями о «знании, которое ниспошлет Миллениум», о «челне без руля и ветрил, коему суждено обрести тихую гавань», и подобными сентенциями из лексикона скорее проповеднического, нежели аристократического.

Язык амвона Оуэн усвоил еще в детстве. Видимо, обитатели Ньютауна были людьми набожными, а сама атмосфера городка сподвигла семилетнего Оуэна на сочинение трех проповедей, за что он был прозван «маленьким пастором»¹. Несмотря на появившиеся уже в этом возрасте сомнения в правдивости религий, к двенадцати годам переросшие в уверенность, Оуэн, по его признанию, «все еще оставался христианином»² и, судя по всему, ревностным поборником приличий. Юный приказчик магазина Мак-Гаффога, располагавшегося в респектабельном Стэмфорде, был крайне встревожен легкомысленным отношением местных обитателей к соблюдению «христианской субботы», т.е. воскресного дня. Свою озабоченность он изложил в письме к премьер-министру Питту. По знаменательному стечению обстоятельств вскоре была выпущена правительственная декларация, призывавшая к неукоснительному соблюдению дня воскресного³. Трудно сказать, повлияло ли это событие на зарождение мессианских устремлений Оуэна и его веры в способность влиять на ход истории, но, совершенно определенно, он увидел в нем некое знамение.

До конца своих дней Оуэн сохранил представление о благопристойности, которое можно назвать мещанским, как, впрочем, и викторианским, ибо оно совпадало с духом эпохи. В одном из немногих «лирических» отступлений он рассказывает, как приехав впервые в Глазго и прогуливаясь утром вдоль реки, он увидел прачек, стоявших по колено в воде. Их юбки были задраны, причем, по оценке Оуэна, выше, чем того требовала необходимость. Больше всего его задело то, что при приближении Оуэна и его спутника они ничуть не смутились и остались в тех же самых позах. Оуэн приписал увиденное дикости шотландцев, которая, к счастью, уступала под натиском цивилизации — подобные картины можно встретить только в самых глухих уголках⁴.

Помимо людей, прямо повлиявших на судьбу Оуэна и джентльменов, наделенных образцовыми манерами, в хронике его жизни

¹ *Owen R.* Op. cit. P. 3.

² *Ibid.* P. 16.

³ *Ibid.* P. 19.

⁴ *Ibid.* P. 44–45.

присутствуют недруги. Их немного, поскольку с молодых ногтей он гораздо чаще встречал самое благожелательное к себе отношение. Он был любимцем всего Ньютауна, и соседи не серчали даже тогда, когда, осваивая кларнет, Оуэн безумно фальшиво, но оглушительно час за часом разучивал «Боже, храни короля»¹. По прошествии лет у него возникло обыкновение в «любом новом обществе представлять и развивать суть предмета» — принципы формирования характера, — независимо от того, просили его об этом присутствующие или нет, но все внимали ему терпеливо и дружелюбно². Даже самые стойкие его оппоненты — Мальтус, Милль, Бентам и прочие «политэкономы» — находились с ним на дружеской ноге.

Немногих, проявлявших личную неприязнь к Оуэну, настигло возмездие. Одноклассник, творивший ему гадости, случайно опрокинул на себя два ведра патоки и выглядел очень нелепо³. Сотоварищ по магазину МакГаффога, завидовавший успехам Оуэна и чинивший ему козни, случайно сжег свои новые брюки и очень забавно переживал потерю⁴. Управляющий, приглашенный Оуэном в Нью-Лэнарк, предательски бросивший свой пост ради обещанного конкурентами куша, прогорел и скатился на дно. Партнер, коварно пытавшийся выжить Оуэна из Нью-Лэнарка, потерпел неудачу и вскоре «умер от досады»⁵.

Роберт Оуэн Нью-Лэнаркский, вершитель всемирной миссии, прощает всем грехи, ибо они следствие неблагоприятного стечения обстоятельств. Роберт Оуэн, сын шорника из Ньютауна, не злобствует, но неприкрыто доволен посрамлением недругов. Оуэн Нью-Лэнаркский возглашает все классовые и сословные различия заблуждением, а Оуэн Ньютаунский откровенно преклоняется перед аристократией. Оуэн Нью-Лэнаркский обитает в иллюзорном Новом мире, а Оуэн Ньютаунский — в Британии, где детство кончается рано и где воскресный день свят, а прачки открыто попирают нравственность, недопустимо высоко задирая юбки.

Два Оуэна, самозабвенный мечтатель и прилежный обыватель, запечатлены на этом портрете, то обособленно, то совмещенно, не позволяя безоговорочно установить, кто из них в большей мере является автором «Жизни Роберта Оуэна».

¹ Owen R. Op. cit. P. 4, 14.

² Ibid. P. 76.

³ Ibid. P. 4.

⁴ Ibid. P. 14.

⁵ Ibid. P. 93.

ТРУДЫ В.М. ВОЛОДАРСКОГО

1962

В.В. Верещагин. Л., 1962 (переиздание на молдавском языке — Кишинёв, 1967).

Вступительная статья. Возрождение. Германия // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. М., 1962. Т. 1. С. 584—585.

Эразм Роттердамский, Ульрих фон Гуттен, Муциан Руф и Мартин Лютер. Тексты по эстетике / Вступит. статьи, пер. с лат. и нем. В.М. Володарского // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. М., 1962. Т. 1. 599-607.

Эрбштёссер М. Публикации по социально-религиозным движениям в Западной Европе и Германии в Средние века / Пер. с нем. В.М. Володарского // Средние века. М., 1962. Вып. 22. С. 200—207.

1963

Гуманистические воззрения Ульриха фон Гуттена // Средние века. М., 1963. Вып. 24. С. 160—184.

«Хронология XV — сер. XVII вв.» в статье «Германия» // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. С. 339—341.

Гуттен // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. С. 914.

1964

Вернер Э. Идеология немецко-австрийского вальденства XIV в. / Пер. с нем. В.М. Володарского // Средние века. М., 1964. Вып. 25. С. 113—127.

Социально-политические взгляды Ульриха фон Гуттена // Средние века. М., 1964. Вып. 26. С. 54—79.

Ульрих фон Гуттен — выдающийся немецкий гуманист, борец против католической церкви: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964.

1965

Научно-педагогическая деятельность М.М. Смирин // Средние века. М., 1965. Вып. 28. С. 3—11.

Штерн Л. Николай Кузанский — оригинальный немецкий мыслитель XV в. / Пер. с нем. В.М. Володарского // Средние века. М., 1965. Вып. 28. С. 119—128.

1966

Лютер М., Меланхтон Ф., Пету-Коклико А. Тексты для раздела «Реформация в Германии» / Пер. с лат. и нем. В.М. Володарского // Памятники музыкально-эстетической мысли западноевропейского Средневековья и Возрождения. М., 1966. С. 372–379, 383–384.

Муциан Руф // Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 9. С. 834.

1967

Пейтингер // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 946.

1968

Письма темных людей // Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 196.

Пфейффер // Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 732.

1969

Рыцарское восстание // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. С. 426.

Государственная Третьяковская галерея (Вступительная статья к изданию и 14 статей к картинам каталога). Токио, 1969 (на японском языке; переиздание на английском языке).

1971

Некоторые дискуссионные проблемы советской живописи 1960-х гг. в художественной критике 1967–1970 гг. // Государственная Третьяковская галерея. Вопросы русского и советского искусства. М., 1971. Вып. 1. С. 160–176.

1972

Гуттен // Большая советская энциклопедия (3-е изд.). М., 1972. Т. 7. С. 469.

[Рец.] (в соавт. с М.М. Смириным) *Штейнмец М.* Образ Мюнцера от Лютера до Энгельса. Берлин, 1971 (на нем. яз.) // Средние века. М., 1972. Вып. 35. С. 312–315.

1973

Эразм Роттердамский, Меланхтон Ф., Тротцендорф В., Буцбах И. Тексты / Вступит. статьи, пер. с нем. и лат. В.М. Володарского // Идеи эстетического воспитания: Антология. М., 1973. Т. 1. С. 353–375.

1974

Вступительная статья и 20 аннотаций к картинам // Государственная Третьяковская галерея (серия «Музеи мира»). М., 1974.

Николай Рерих. М., 1974.

Письма Н.К. Рериха И.Э. Грабарю (1938–1947) / Составл., публ. архивных материалов, комм. В.М. Володарского // *Рерих Н.К. Из литературного наследия*. М., 1974. С. 405–439, 470–476.

Вступительная статья // Русская и советская живопись с XIV в. до наших дней: Каталог выставки. Рим, 1974. С. 9–15 (на итальянском языке).

Выставка советского изобразительного искусства в Германской Демократической Республике // Очерки по русскому и советскому искусству. Государственная Третьяковская галерея. Статьи. Публикации. Хроника. Л., 1974. С. 397–400.

1975

По залам Третьяковской галереи. М., 1975.

Рыцарское восстание // Большая советская энциклопедия (3-е изд.). М., 1975. Т. 22. С. 455.

1976

[Рец.] (совместно с В.Е. Майером и А.Л. Ястребицкой) Проблемы раннебуржуазной революции в Германии в новом коллективном труде историков ГДР // Средние века. М., 1976. Вып. 40. С. 294–300.

1977

А.В. Куприн. М., 1977.

Живопись конца XIX — начала XX в. // Каталог исследовательской выставки «Автопортрет в русском и советском искусстве». М., 1977.

Третьяковская галерея. М., 1977 (на английском языке; переиздание на немецком, французском, итальянском, испанском, польском и венгерском языках).

1978

[Рец.] *Штекли А.Э.* «Город солнца». Утопия и наука. М., 1978 // Новая и новейшая история. 1978. № 5. С. 201–203.

Предисловие (совместно с Т.С. Осиповой и В.М. Смириным) // *Смирин М.М.* Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М., 1978. С. 3–6.

1979

Вступительная статья и 20 аннотаций к картинам: Третьяковская галерея в Москве. Русская живопись. Нью-Йорк, Л., 1979 (на английском, немецком, французском, испанском, датском языках; переиздание на английском, немецком, французском, испанском, датском языках. — Нью-Йорк, Л., 1981).

1981

Русские художники (кон. XIX — нач. XX в.) // Москва — Париж: Каталог выставки. М., 1981 (переиздание на французском языке).

Третьяковская галерея. Живопись. Л., 1981 (на английском, французском, немецком и испанском языках).

Galeria Tretiakov // La pintura en los Grandes Museos. Barselona, 1981. T. 8. P. 238—300, 303—316.

Третьяковская галерея в 1913—1917 гг. // Государственная Третьяковская галерея. Очерки истории. 1856—1917. Л., 1981. С. 240—298.

Эрфуртские гуманисты и Реформация // Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981. С. 151—162.

[Рец.] *Майер В. Е.* Деревня и город в Германии в XIV—XV вв. Л., 1979 // Средние века. М., 1981. Вып. 44. С. 294—297.

1982

[Рец.] *Немилов А. Н.* Немецкие гуманисты XV в. Л., 1979 // Средние века. М., 1982. Вып. 45. С. 330—334.

1983

Русская живопись эпохи модерна // Русская живопись конца XIX — начала XX в.: Каталог выставки. Осло, 1983 (на норвежском языке).

Н. А. Тархов. Творческий путь художника // Николай Тархов. Живопись, графика: Каталог выставки. М., 1983.

Дар искренней души. Выставка русского искусства начала XX в. — дар балерины Э. Курнанд // Советский балет. 1983. № 5. С. 38—39.

1984

Остановленные мгновения. К 159-летию со дня рождения Э. Дега // Советский балет. 1984. № 5. С. 54—58.

Третьяковская галерея. Живопись. Л., 1984 (испр. и доп. переизд. кн. 1981 г.: также на английском, немецком, французском, испанском языках).

Русский натюрморт XVIII — начала XX в., а также 15 аннотаций к картинам // Натюрморт в европейской живописи XVI — начала XX в.: Каталог выставки. М., 1984.

Живопись конца XIX — начала XX в. // Русское и советское искусство: Традиции и современность: Каталог выставки. Дюссельдорф, 1984 (на немецком языке).

Живопись конца XIX — начала XX в. // Государственная Третьяковская галерея: Каталог живописи XVIII — начала XX в. (до 1917 г.). М., 1984.

1985

Социальная утопия Теофраста Парацельса // История социалистических учений, 1985. М., 1985. С. 211–233.

1986

Утопия Ганса Гергота // История социалистических учений. М., 1986. С. 134–153.

Живопись конца XIX — начала XX в. // Государственная Третьяковская галерея. История и коллекции. М., 1986. С. 188–227.

Выставка Николая Тархова // Советская живопись. М., 1986. Вып. 8. С. 263–265.

А.Н. Бенуа — художник и сценограф. К 85-летию мастера // Советский балет. 1986. № 5. С. 52–54.

1987

Ганс Гергот и утопия «О новом преобразовании христианской жизни» // История социалистических учений. М., 1987. С. 252–273.

1988

Иоганн Бугдах и его «Книжечка о знаменитых наставниках живописи» (1505) // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 195–206.

В мире его фантазий. А.Я. Головин — реформатор театральной живописи // Советский балет. 1988. № 6. С. 62–64.

1989

Спор Эразма и Гуттена // Эразм Роттердамский и его время. М., 1989. С. 137–148.

Письмо Эразма Роттердамского Эобану Гессу // Эразм Роттердамский и его время. М., 1989. С. 275–277.

Томас Мюнцер. Пражское воззвание. Письма (пер. с нем. «Пражского воззвания» — М.М. Смирин, пер. писем 1525 г. — В.М. Володарский) // Средние века. М., 1989. Вып. 52. С 332—346.

Государственная Третьяковская галерея (Москва). Живопись. Л., 1989 (также на английском, польском, французском и немецком языках).

1990

Германия XIV—XV вв. // История Средних веков: Учебник для вузов / Под ред. З.В. Удальцовой и С.П. Карпова. М., 1990. Т. 1. С. 306—316.

1991

Тридцатилетняя война // История Средних веков: Учебник для вузов / Под ред. З.В. Удальцовой и С.П. Карпова. М., 1991. Т. 2. С. 316—329.

Шагал в Третьяковской галерее // Марк Шагал. Русские годы (1906—1922): Каталог выставки (на немецком языке). Франкфурт-на-Майне, 1991. С. 129—133.

Балетные мотивы русского модерна // Советский балет. 1991. № 6. С. 52—53.

1992

Немецкое рыцарство и имперские князья в первой четверти XVI в. // Общности и человек в средневековом мире. Москва; Саратов, 1992. С. 141—144.

Образы природы в творчестве Парацельса // Природа в культуре Возрождения. М., 1992. С. 126—136.

В.В. Верещагин и анархизм // Анархия и власть. М., 1992. С. 64—73.

1993

Введение. Реформация и Контрреформация; Реформация в Германии, Швейцарии и Скандинавских странах; Культура Германии, Швейцарии и Нидерландов; Культура Скандинавских стран // История Европы. М., 1993. Т. 3. С. 271—285, 488—508.

Реформация; Крестьянская война в Германии 1524—1525 гг; Тридцатилетняя война // Энциклопедический словарь юного историка. М., 1993 (переиздание — М., 1994). С. 231—237, 356—359, 393—394.

Эразм Роттердамский и «Дом Альда» // Культура и общество Италии накануне Нового времени. М., 1993. С. 209—215.

Конрад Пейтингер и споры о монополиях // Культура Возрождения и Средние века. М., 1993. С. 103—119.

- Проблемы трудовой этики у Парацельса // Организация труда и трудовая этика. М., 1993. С. 145–156.
- [Рец.] Новый опыт биографии Т. Мюнцера // Средние века. М., 1993. Вып. 55. С. 267–269.
- Марк Шагал о картинах Третьяковской галереи // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940-е гг. М., 1993. С. 99–100.
- Русские художники в Италии (1880-е годы) // Россия и Италия. М., 1993. С. 204–221.

1994

- Начало Реформации в Европе; Городская Германия начала XVI века в изображении гуманистов // Средневековая Европа глазами современников и историков. От Средневековья к Новому времени. М., 1994. Ч. IV. С. 118–136, 148–176.

1995

- Представления о Парацельсе в России // Россия и Швейцария. Развитие научных и культурных связей. М., 1995. С. 140–154.
- О методах изучения гуманизма в современной немецкой историографии // Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма. М., 1995. С. 283–292.
- Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX в. / Составл., вступит. статья и комм. В.М. Володарского. М., 1995 (переиздание – М., 1999).

1996

- Портреты Морозовых в творчестве В.А. Серова // Труды первых Морозовских чтений. Ногинск, 1996. С. 200–204.
- Якоб Буркхардт. Жизнь и творчество // Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М., 1996. С. 521–540.
- Введение (совместно с Л.М. Брагиной); Культура Германии в конце XV–XVI в.; Культура Швейцарии в конце XV–XVI в.; Культура Нидерландов в конце XV–XVI в. // Культура Западной Европы в эпоху Возрождения. Учебник для вузов / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 1996. С. 7–17, 94–171.
- «Игра в кегли» – анонимный памфлет эпохи Реформации // Феномены истории. М., 1996. С. 106–115.
- Диалоги горожан в публицистике эпохи Реформации // Культурный диалог города во времени и пространстве исторического развития. М., 1996. С. 68–73.
- Искусство при тоталитарных режимах // Тоталитаризм в Европе XX века. М., 1996. С. 209–259.

1997

- Германия в XIV–XV вв. // История Средних веков: Учебник для вузов. М., 1997. Т. 1. С. 387–401.
- Friedrich II. von Preußen und die aufklärerischen Vorstellungen in Rußland // Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert. Wiesbaden, 1997. S. 67–81.
- Ульрих фон Гуттен в зарубежной историографии XX в. // Культура Возрождения XVI в. М., 1997. С. 5–27.
- Немецкая публицистика и гравюра первых лет Реформации. Образ Карстганса // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997. С. 119–136.
- Комментарии; Указатель имен // Ортега-и-Гассет Х. Веласкес. Гойя. М., 1997. С. 329–345.

1998

- Художественные коллекции Морозовых в Третьяковской галерее // Морозовы и Москва. М., 1998. С. 162–168.

1999

- Эразм Роттердамский; М. Лютер; Т. Мюнцер; Ж. Кальвин; Ю. Липсий; И. Алтузий; У. Цазий; Нидерланды; Формирование нового международного права; Вестфальский мир // Антология мировой правовой мысли. Европа в V–XVII вв. М., 1999. Т. 2. С. 657–679, 695–703, 717–720, 773–776, 803–804, 809–813.
- Диалог в немецком городе (два «летучих листка» 1522 г.) // Социокультурное пространство диалога. М., 1999. С. 109–116.
- Политическая этика немецких гуманистов // Культура Возрождения и власть. М., 1999. С. 152–161.
- Введение (совместно с Л.М. Брагиной); Культура Германии в конце XV–XVI в.; Культура Швейцарии в конце XV–XVI в.; Культура Нидерландов в конце XV–XVI в. // История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения: Учебник для вузов / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 1999. С. 5–16, 114–201.

2000

- Василий Верещагин. М., 2000.
- Агриппа Неттесгеймский; Адиафористские споры; Гуттен // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 271–272, 302, 573–574.
- Германия в XVI – первой половине XVII в.; Швейцария в XVI – первой половине XVII в.; Нидерланды в XVI – первой половине XVII в.; Тридцатилетняя война // История Средних веков: Учебник для вузов / Под ред. С.П. Карпова. М., 2000. Т. 2. С. 73–144, 180–212, 391–405.

2001

- Гутенберг; Кальвин // Исторический лексикон XIV–XVI в. М., 2001. Кн. 1. С. 344–347, 631–637.
- Алтузий; Альбрехт Бранденбургский; Амсдорф; Андреэ И.В. // Православная энциклопедия. М. 2001. Т. 2. С. 55–56, 77, 190, 398–399.
- Фома Кемпийский // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 4. С. 261–262.
- [Рец.] Ростиславлева Н.В. Зарождение либерализма в Германии. Карл фон Роттек. М., 1999 // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 162–163.
- Введение (совместно с Л.М. Брагиной); Культура Германии в конце XV–XVI в.; Культура Швейцарии в конце XV–XVI в.; Культура Нидерландов в конце XV–XVI в.; Библиография (совместно с Л.М. Брагиной и Г.П. Мельниковым) // История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения: Учебник для вузов / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2001 (Испр. переиздание). С. 5–16, 114–201, 447–460.
- Игорь Грабарь. Моя жизнь. Этюды о художниках / Составл. тома, вступит статья и комм. В.М. Володарского. М., 2001.

2002

- Николай Рерих. М., 2002.
- Вступительная статья к сборнику; Вступ. статья к разделу «Интерьер конца XIX – начала XX в.»; 38 аннотаций к картинам // Интерьер в русском искусстве. М., 2002. С. 6–7, 150–197, 204–206.
- Беза Т. // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 441–442.
- Биль // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 5. С. 215.
- Бларер А. // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 5. С. 357.

2003

- «Я еще приеду...». Марк Шагал в Третьяковской галерее в 1973 г. // Шагаловский международный ежегодник 2002. Витебск, 2003. С. 74–80.
- Тиран в подземном царстве: Миф в диалоге Ульриха фон Гуттена // Миф в культуре Возрождения. М., 2003. С. 190–197.
- Программа спецкурса «Гуманизм в Германии накануне и в первые годы Реформации». М., 2003.
- Бугенхаген // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 294, 295.
- Буддей И. // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 299.
- Буллингер // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 365, 366.
- Буцер // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 407, 408.

2004

Леонардо и Парацельс о магии и алхимии // Леонардо да Винчи и культура Возрождения. М., 2004. С. 176–183.

Борис Кустодиев. М., 2004.

Публикация стенограммы «О выставке Шагала и встрече с ним» // Шагаловский сборник. Витебск, 2004. Вып. 2. С. 126–132.

Максимилиан I Габсбург; Реформация // Исторический лексикон XIV–XVI вв. М., 2004. Кн. 2. С. 73–77, 293–298.

Вимпина // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 510.

2005

Башмак; Бедный Конрад // Большая российская энциклопедия. М., 2005. Т. 3. С. 147–148, 160.

Ренессансный театр в Германии и театрализация в гуманистическом диалоге // Театр и театральность в культуре Возрождения. М., 2005. С. 134–143.

Иероним Эмсер и его антилютеровский памфлет 1520 г. // Феномены истории – 2005. М., 2005. С. 42–45.

2006

Германия (1. Древнейший период. 2. Ренессанс в Германии. XVI – первая половина XVII в.) // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 271–272, 292–304.

Гуттен // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12. С. 526–527.

Вельзеры // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 67–68.

Германия с древнейших времен до середины XVII в. // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 6. С. 692–696.

2007

Пауль Флеминг – первый немецкий автор сонетов о Московии // Россия и Германия. М., 2007. Вып. 4. С. 9–21.

Восприятие Петрарки в немецкой культуре конца XV – первой трети XVI в. // Франческо Петрарка и европейская культура. М., 2007. С. 168–177.

Возрождение (совместно с Л.М. Брагиной) // Культурология: Энциклопедия. М., 2007. Т. 1. С. 380–384.

Буцбах; Гуманизм в Германии; Гуттен // Культура Возрождения: Энциклопедия. М., 2007. Т. 1. С. 264, 484–487, 489.

2008

«Суд Париса» в немецкой культуре эпохи Возрождения. Истоки и трактовка // Образы любви и красоты в культуре эпохи Возрождения. М., 2008. С. 124–148.

- От Серова до Кустодиева // Русская живопись и графика конца XIX – начала XX века. М., 2008. С. 8–75.
- Золотая булла // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 10. С. 528–529.
- Имперские города // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 11. С. 154.
- Имперские князья // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 11. С. 154.
- Имперские рыцари // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 11. С. 155.
- Имперские чины // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 11. С. 155.
- Инвеститура // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 11. С. 179, 180.

2009

- Образы Философии в немецкой гравюре начала XVI в. // Лазаревские чтения. 2009. М., 2009. С. 368–387.
- Раннее Новое время, теория модернизации и «бритва Оккама» // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (1–2). С. 98–104.

2011

- Пауль Флеминг – первый немецкий автор сонетов о Московии // Долгое Средневековье: Сб. в честь проф. А.А. Сванидзе. М., 2011. С. 284–294.
- Парацельс; Письма темных людей // Культура Возрождения: Энциклопедия. М., 2011. Т. 2. Кн. 1. С. 476–478, 565–566.

2012

- Образ Арминия в сочинениях немецких гуманистов XVI в. // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М., 2012. С. 141–153.

2013

- Человек и общество перед судом истории / Отв. ред. В.М. Володарский. М., 2013.

2014

- Придворная культура эпохи Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина и В.М. Володарский. М., 2014.
- Критика придворных нравов в творчестве немецких гуманистов // Придворная культура эпохи Возрождения. М., 2014. С. 92–106.

Содержание

К юбилею Всеволода Матвеевича Володарского	5
Tabula gratulatoria	7
Человек в культуре Возрождения	9
<i>Ревакина Н. В.</i>	
Природа человека в итальянском гуманизме XV в. и современная наука	9
<i>Софронова Л. В.</i>	
К проблеме интерпретации посланий Эразма Серватию Рогеру (1487)	17
Приложение. <i>Эразм Роттердамский</i> . Послание Серватию. Пер. слат. и комм. Л. В. Софроновой	23
<i>Schmid A. (München)</i>	
Ein unbekanntes Autograph des Johannes Aventinus	26
<i>Шмид А. (Мюнхен)</i>	
Об одном неизвестном автографе Иоганна Авентина (резюме А. В. Дорониной)	39
<i>Дмитриева О. В.</i>	
Добродетели шелкопряда: поэтическая энтомология Томаса Моффета и интеллектуальный патронат семьи Сидни ...	41
Изобразительное искусство: жанры и темы	57
<i>Юсим М. А.</i>	
Рыцарь Карпаччо	57
<i>Сонина Т. В.</i>	
Ювелирное искусство Франческо Франчи. Опыт реконструкции	85
<i>Махо О. Г.</i>	
Музыка в студиоло Федерико да Монтефельтро в Урбино и Губбио	98
<i>Попова М. К.</i>	
Pictura в книге эмблем Дж. Уизера	111

Религия и политика	123
---------------------------------	------------

Девятайкина Н.И., Бочкарев А.А.

Тема веры и церкви в диалогах Петрарки, эпитафиях и ксилографиях к ним эпохи Реформации	123
--	-----

Приложение. *Франческо Петрарка*. Диалог «О религии» (I, 13)
из трактата «О средствах против превратностей судьбы».

Пер. с лат. и комм. Л.М. Лукьяновой	135
---	-----

Новикова О.Э.

Страсти по отечеству против твердости духа: Юст Липсий и утешение и утешение стоицизмом в эпоху религиозных войн ...	137
---	-----

Приложение. *Юст Липсий*.

О Постоянстве в дни общественных бедствий.

Пер. с лат. и комм. О.Э. Новиковой	149
--	-----

Schindling A. (Tübingen)

Primus Truber / Primož Trubar, ein slawischer Reformator in Württemberg	178
--	-----

Шиндлинг А. (Тюбинген)

Примус Трубер / Примож Трубар: об одном славянском реформаторе в Вюртемберге (резюме А.В. Доронина)	188
--	-----

Дятлов В.А. (Чернигов)

Курфюрст Фридрих Саксонский Мудрый (1463–1525).

Политика и вера	189
-----------------------	-----

Гусарова Т.П.

Непридуманная жизнь комитатского нотариуса XVII в. в интерьере эпохи	205
---	-----

Репрезентация власти и дипломатия

Бойцов М.А.

Нюрнбергская гордость, «корона с дугой» и покойные императоры	222
--	-----

Караваева Е.Э.

Поминование иностранных государей и репрезентация королевской власти в Англии в первой четверти XVI в.	242
--	-----

Домнина Е.Г.

Шифры в дипломатии ранних Тюдоров: на материале личной переписки Томмазо Спинелли 254

Приложение. Письмо Томмазо Спинелли Леонардо Спинелли, Антверпен, 2 июля 1520 г. 266

История и космография: пути созидания нации 269

Доронин А.В.

Братья Туискон и Гомер, друиды и пес аббата Тритемия: как немецкие гуманисты роднились с древними греками 269

Эльфонд И.Я.

Origo francorum и истоки французской нации: французская историография раннего Нового времени 290

Кудрявцев О.Ф.

Свод знаний о русских землях середины XVI в.: «Всеобщая космография» Себастьяна Мюнстера 304

Юридическая культура и практика 330

Варьяш И.И.

Вассальные права и обязанности арагонских сарацин 330

Приложение. Королевские грамоты 345

Кириллова Е.Н.

Один для всех: унификация ремесленных регламентов во Франции XVI–XVIII вв. 347

Культура и социум 358

Цатурова С.К.

«Дворянство знаний»: культура как стратегия консолидации французского чиновничества XIII–XV вв. 358

Русаковский О. В.

Круг чтения вюртембергского бюргерства первой половины XVII в. по имущественным описям 369

Андерсон К.М.

«Жизнь Роберта Оуэна»: автопортрет прагматичного мечтателя 382

Труды В.М. Володарского 397

**ART AND CULTURE IN THE RENAISSANCE
AND EARLY MODERN PERIOD:**
Essays in honor of Vsevolod Matveyevich Volodarsky

TABLE OF CONTENTS

In honor of Vsevolod Matveyevich Volodarsky	5
Tabula gratulatoria	7
Man in Renaissance culture	9
<i>Revyakina N.V.</i>	
Human nature in Italian humanist thought of the 15 th century, and contemporary scholarship	9
<i>Sofronova L.V.</i>	
Concerning the interpretation of the epistles of Erasmus to Servatius Rogerus (1487)	17
Supplement. <i>Erasmus of Rotterdam</i> . Epistle to Servatius / Translation from Latin and commentary by L. V. Sofronova	23
<i>Schmid A. (München)</i>	
Ein unbekanntes Autograph des Johannes Aventinus	26
<i>Schmid A. (München)</i>	
An unknown autograph of Johannes Aventinus (summary in Russian by A. V. Doronin)	39
<i>Dmitriyeva O.V.</i>	
The virtues of the silkworm: the poetical entomology of Thomas Moffet and the intellectual patronage of the Sidney family	41
The fine arts: genres and themes	57
<i>Yussim M.A.</i>	
Carpaccio's knight	57
<i>Sonina T.V.</i>	
The jeweler's art of Francesco Francia. An attempt of reconstruction	85
<i>Makho O.G.</i>	
Music in the Studiolo of Federico da Montefeltro in Urbino and Gubbio	98

Popova M.K.

Pictura in the Book of Emblems by G. Wither111

Religion and politics123

Devyataikina N.I., Bochkarev A.A.

Themes of faith and church in the Dialogues of Petrarch,
in epigraphs and woodcuts of the Reformation period123

Supplement. *Francesco Petrarca*. Dialogue «On religion» (I,13)
from the treatise «On remedies against the vicissitudes of fate» /
Translation from Latin and commentary by L. M. Lukyanova135

Novikova O.E.

Passion for homeland versus firmness of spirit: Justus Lipsius
and the consolation by stoicism in the period of religious wars137

Supplement. *Justus Lipsius*. On constancy in times of social upheaval /
Translation from Latin and commentary O.E. Novikova149

Schindling A. (Tübingen)

Primus Truber / Primož Trubar, ein slawischer Reformator
in Württemberg178

Schindling A. (Tübingen)

Primus Truber / Primož Trubar, a Slavic reformer in Württemberg
(summary in Russian by A.V. Doronin)188

Dyatlov V.A. (Chernigov).

Elector Frederick the Wise of Saxony (1463–1525).
Politics and faith189

Gusarova T.P.

The true life of a county notary in the mid-17th century205

Representations of power and diplomacy222

Boitsov M.A.

Nurembergian pride, the «arched crown» and deceased emperors ...222

Karavayeva E.E.

Commemoration of foreign rulers and representations of royal power
in England during the first quarter of the 16th century242

Domnina E.G.

Ciphers in early Tudor diplomacy:

the personal correspondence of Tommaso Spinelli254

Supplement. The Letter of Tommaso Spinelli to Leonardo Spinelli ..266

History and cosmography: pathways to the formation of nations269

Doronin A.V.

The brothers Tuiscon and Homer, Druids and the hound of Abbot Trithemius:
how German humanists became related to ancient Greeks269

Elfond I.Y.

Origo francorum and the origins of the French nation:

French historiography in the Early Modern period290

Kudryavtsev O.F.

A summary of knowledge about Russia in the mid-16th century:

«The universal cosmography» of Sebastian Munster304

Legal culture and practice330

Varyash I.I.

The vassal rights and obligations of the Aragon Saracens330

Supplement. The Royal Charters345

Kirillova E.N.

One for all: the unification of craft regulations in France

during the 16th–18th centuries347

Culture and society358

Tsaturova S.K.

«The nobility of knowledge»: Culture as a strategy for consolidating
French bureaucracy during the 13th–15th centuries358

Rusakovskiy O.V.

What the Württemberg burghers were reading in the first half of the 17th
century (according to inventories of personal property)369

Anderson E.M.

«The Life of Robert Owen»: the self-portrait of a pragmatic dreamer ...382

Works of V.M. Volodarsky397

Table of contents408

Книги, вышедшие в серии «Humanitas»

Главный редактор и автор проекта С.Я. Левит

Серия «Humanitas» основана в 1999 г. Эта серия ориентирована преимущественно на учебный процесс в высших учебных заведениях, обеспечение преподавателей и студентов монографиями и учебниками по культурологии, философской антропологии, эстетике, социологии, истории культуры, социальной психологии – науках о человеке, обществе, культуре.

Автономова Н.С.

Познание и перевод. Опыты философии языка / Н.С. Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 704 с.

Бычкова Л.С.

Творчество и чудотворство: Живая классика искусства / Л.С. Бычкова. – М.: Модерн-А; Центр гуманитарных инициатив, 2010. – 320 с.

Великовский С.И.

В поисках утраченного смысла. Очерки литературы трагического гуманизма во Франции / С.И. Великовский. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 271 с.

Визгин В.П.

Философия науки Гастона Башляра / В.П. Визгин. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 288 с.

Гаджикурбанов А.С.

Этика Спинозы как метафизика морали. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. – 320 с.

Гайденок П.П.

История греческой философии в ее связи с наукой: Учебное пособие для вузов. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 319 с.

Гайденок П.П.

История греческой философии. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 319 с.

Гайденок П.П.

История новоевропейской философии в ее связи с наукой: Учебное пособие для вузов. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 456 с.

Гайденок П.П.

История новоевропейской философии. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 456 с.

Галинская И.Л.

Документальная проза Н. Мейлера и магический мир романов Дж. Роулинг. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. — 208 с.

Германия. XX век. Модернизм, авангард, постмодернизм / Ред.-сост. В.Ф. Колязин. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 607 с.

Глебкин В.В.

Лексическая семантика: культурно-исторический подход. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. — 272 с.

Глебкин В.В.

Смена парадигм в лингвистической семантике: От изоляционизма к социокультурным моделям. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. — 368 с.

Гордон А.

Историческая традиция Франции. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. — 384 с.

Губин В., Некрасова Е.

Философская антропология: Учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. — 240 с.

Губман Б.Л.

Современная философия культуры. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. — 536 с.

Гуманитарное знание и вызовы времени

М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. — 480 с.

Гуревич А.Я.

История историка. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. — 288 с.

Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э.

История Средних веков. Книга для чтения. 2-е изд. М.: Изд-во МБА, 2008. — 320 с.

Гуревич П.С.

Философская интерпретация человека. (К 80-летию П.С. Гуревича). — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. — 384 с.

Гуревич П.С.

Философское толкование человека. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. — 464 с.

Густав Шпет и его философское наследие:

У истоков семиотики и структурализма: коллективная монография. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 527 с.

Дмитриева Н.А.

Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 512 с.

Научное издание

Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени.

Сборник трудов в честь Всеволода Матвеевича Володарского

Макет и дизайн обложки Я.В. Быстрова
Корректор М.П. Крыжановская

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра Соснов

П.В.

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям, библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру гуманитарных наук – философии, филологии, лингвистики, истории, социологии и политологии. Продукцию ведущих гуманитарных научных издательств Санкт-Петербурга и России вы можете приобрести у нас по издательским ценам.

Контакты:

в Санкт-Петербурге

Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net

в Москве ООО «Университетская книга-СПб»

Тел. (495) 915-32-84, e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Рассылка по России:

Интернет-магазин Лабиринт.ру – <http://www.labyrinth.ru/>

Подписано к печати 17.02.2016. Формат 60х90 1/16. Заказ № 358.

Усл. печ. л. 27,3.

Тираж 1000 (Первый завод 500) экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе «Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.

Тел.: 8 (495) 221-89-80

17

Чел Читай-город
20.08.2016 ООО "ТРАМОТ"

РЧ

Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени (Читай-город)

9785987126134

ВК

номер
3985303
Код
2539844
ИСК
41.85

Цена 726 руб.